зала 18
шкафъ 290.
полка 2.
№ 8. (2.

Изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

(2-ый выпускъ).

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности будутъ помѣщены при шестомъ томѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Б Подъяч., № 39.
1894.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

(Audiatur et altera pars).

Нѣкоторые изъ старыхъ противниковъ Писарева, не забывшіе еще до сихъ поръ его популярности среди молодежи 60-хъ годовъ и смѣлыхъ парадоксовъ, высказанныхъ имъ въ двухъ-трехъ критическихъ статьяхъ противъ чистаго искусства, — съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, постоянно старались представить современному поколѣнію своего нелюбимца чѣмъ-то вродѣ лохматаго нигилиста, революціонера и всеотрицателя, толкавшаго молодежь на гибельный путь разрушенія... Для лучшаго достиженія своей цѣли, они не гнушались даже эксплуатировать, въ качествѣ вспомогательнаго аргумента, одно совершенно случайное обстоятельство изъ жизни Писарева, а именно, четырехлѣтнее заключеніе его въ крѣпости.

Но если такая завѣдомо-ложная характеристика Писарева могла приниматься на вѣру людьми, незнакомыми съ его жизнью и міросозерцаніемъ, то развѣ только до появленія труда Е. А. Соловьева, автора въ высшей степени правдивой и довольно обстоятельной біографіи Писарева *), въ которой разбирается также и его литературная дѣятельность. Біографія эта фактически доказываетъ, что, какъ по своему типу и обстоятельствамъ жизни, такъ и по духу своихъ произведеній, Писаревъ представлялъ собою элементъ вполнѣ антиреволюціонный, почему на него и нападали постоянно, какъ на самаго заклятаго своего врага, всѣ представители соціальнаго броженія.

По внѣшности это былъ джентльменъ съ головы до ногъ, съ изящными манерами, всегда безукоризненно и щеголевато одѣтый, владѣвшій въ совершенствѣ иностранными языками; въ любой свѣтской гостинной его приняли-бы за своего, и онъ показался-бы человѣкомъ вполнѣ comme-il-faut самому строгому блюстителю свѣтской порядочности. Утонченно-вѣжливый по воспитанію, онъ и по натурѣ обладалъ мягкимъ, кроткимъ характеромъ, нѣжнымъ, любвеобильнымъ сердцемъ и такой прозрачной искренностью, что родные съ дѣтства прозвали его хрустальной коробочкой, въ которой трудно утаить что́-бы то ни было.

Родился и получилъ воспитаніе Писаревъ въ зажиточной и образованной помѣщичьей семьѣ, а затѣмъ былъ привезенъ въ Петербургъ, помѣщенъ въ домѣ дяди, человѣка съ большими средствами и связями, и опредѣленъ въ 3-ю гимназію.

Въ гимназіи Писаревъ былъ постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ, кончилъ курсъ съ медалью, и въ то-же время поражалъ товарищей своей изящной внѣшностью: всегда безукоризненно-чисто одѣтый, розовенькій, гладко-причесанный, онъ производилъ впечатлѣніе переодѣтой дѣвочки, и таковъ-же былъ во всѣхъ своихъ привычкахъ.

Въ университетъ Писаревъ поступилъ на филологическій факультетъ, всегда отличавшійся научно-гелертерскимъ и консервативнымъ характеромъ своихъ слушателей, чуждавшихся всякихъ такъ называемыхъ «студенческихъ вопросовъ» и безпорядковъ. Онъ попалъ въ кружокъ товарищей, которые высшимъ призваніемъ человѣка считали углубленіе въ какую-нибудь узкую научную спеціальность и съ презрѣніемъ смотрѣли на каждаго смертнаго, который позволялъ себѣ интересоваться злобами дня, читать журналы или посѣщать студенческія сходки. Подъ вліяніемъ этого кружка и Писаревъ постоянно старался избрать себѣ какую-нибудь спеціальность.

Только природное призваніе могло отвлечь его отъ науки и устремить на путь критической дѣятельности, причемъ работы рецензента такъ пришлись ему по душѣ, что, по окончаніи курса въ университетѣ со степенью кандидата, Писаревъ весь ушелъ въ нее, просиживая дни и ночи надъ критическими статьями и отзывами.

Въ университетѣ и послѣ него Писаревъ оставался все такой-же «хрустальной коробочкой», какъ и въ дѣтствѣ, весь наружу; однимъ словомъ, по самому существу своему, былъ человѣкомъ ни мало не способнымъ къ конспиративной дѣятельности. Попалъ-же онъ въ крѣпость совершенно неожиданно и случайно... Передъ этимъ онъ испыталъ нѣсколько невзгодъ. Ему отказала въ рукѣ и сердцѣ дѣвушка, которую онъ страстно любилъ съ самаго дѣтства. Одновременно было закрыто «Русское Слово», гдѣ помѣщались его статьи и онъ остался безъ всякихъ средствъ. Все это вмѣстѣ повергло его въ такое отчаянное настроеніе, въ которомъ человѣкъ мало дорожитъ своею жизнью и судьбою. Въ апрѣлѣ 1862 года вышла брошюра Шедофероти, содержавшая въ себѣ разборъ письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ. Брошюра, какъ крайне благонамѣренная, была допущена цензурою къ продажѣ. Писаревъ написалъ рецензію на нее для «Русскаго Слова» передъ его закрытіемъ еще, но статейка не была пропущена цензурою и валялась у автора на письменномъ столѣ.

Однажды къ нему пришелъ товарищъ по университету Баллодъ, человѣкъ мало ему знакомый, и, увидавъ рецензію, заинтересовался ею, — узнавъ-же, что она не была пропущена цензурою, объявилъ Писареву, что у него имѣется тайная типогра-

*) Д. И. Писаревъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1893 г., 160 стр.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ МОЛЕШОТА.

(«Physiologisches Skizzenbuch von Jac. Moleschott». Giessen, 1861.)

I.

«Въ наше время было-бы странно думать, что духъ не зависитъ отъ матеріи»—этими словами начинаетъ Молешотъ свою книгу. Мы постепенно перестаемъ бояться природы и благоговѣть передъ нею; мы перестаемъ навязывать ей сознательныя стремленія и опредѣленныя цѣли; мы смотримъ на то, что у насъ передъ глазами, и стараемся быть внимательными; усилія наши направлены къ тому, чтобы усовершенствовать орудія познаванія, и, чтобы разсмотрѣть предметъ нашего наблюденія въ разныхъ положеніяхъ и съ разныхъ сторонъ, мы обуздываемъ дѣятельность теоретическаго мышленія, которое постоянно торопится къ общимъ выводамъ; мы хотимъ какъ можно больше видѣть и какъ можно меньше догадываться. До сихъ поръ не придумано такого микроскопа, который могъ-бы слѣдить за работой мысли въ мозгу живого человѣка; на этомъ основаніи изслѣдователи очень благоразумно обходятъ до времени эти интересныя отправленія человѣческаго организма и сосредоточиваютъ свои силы на разъясненіи другихъ процессовъ, болѣе грубыхъ и слѣдовательно болѣе осязательныхъ. Что можно разсмотрѣть микроскопомъ и разложить химическимъ анализомъ, то разсматривается и разлагается; что недоступно непосредственному изслѣдованію, то наблюдается черезъ сближеніе отдѣльныхъ фактовъ, подобно тому, какъ въ алгебраическихъ уравненіяхъ неизвѣстная величина опредѣляется по извѣстнымъ. Камень за камнемъ сносится на то мѣсто, гдѣ надо выстроить домъ; наблюденія и опыты не противорѣчатъ другъ другу, но часто лежатъ особнякомъ, не обнаруживая между собою видимой связи и необходимаго соотношенія. Неизвѣстнаго еще такъ много, что даже не обозначены общія линіи того зданія, которое выстроится современемъ и въ которое войдутъ, какъ строительные матеріалы, всѣ песчинки, добытыя правильнымъ трудомъ человѣческой мысли. Ничто не построено, но многое собрано, и, главное, многое разрушено.

Съ тѣхъ поръ, какъ живетъ человѣчество, оно невольно старалось себѣ объяснить, что такое человѣкъ, міръ, природа и ея законы; любознательности было много, а знаній мало; поневолѣ приходилось добавлять фантазіей; возникло великое множество міросозерцаній, болѣе или менѣе поэтическихъ, великое множество образовъ болѣе или менѣе величавыхъ; отъ разныхъ остатковъ этихъ міросозерцаній приходится теперь избавляться; разные изношенные образы приходится разбивать, выметая ихъ осколки съ того мѣста, на которомъ предполагается строить новое зданіе въ современномъ вкусѣ, на прочномъ фундаментѣ. Отношеніе между человѣкомъ и окружающей природой, и даже въ самомъ человѣкѣ отношенія между различными частями и отправленіями его организма составляютъ рѣшительное яблоко раздора между мыслителями и фантазерами. Послѣдніе, сильные числомъ, хотятъ допустить, во что-бы то ни стало, присутствіе такихъ элементовъ, какихъ въ дѣйствительномъ мірѣ никогда не было и не можетъ быть, такихъ вещей, о которыхъ, по выраженію нашего народно-эпическаго языка, «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Фантазеры вооружаются самымъ разнообразнымъ дрекольемъ, чтобы отстоять свое дѣло; они вносятъ свои невѣсомыя тонкости во всѣ сферы человѣческихъ знаній и искусства; натуралисты, историки и поэты часто оказываются зараженными самымъ узколобымъ мистицизмомъ. Мыслителямъ приходится иногда тратить много времени на то, чтобы разбивать теоріи и фантазіи и чтобы открывать глаза слишкомъ довѣрчивымъ и совершенно беззащитнымъ неспеціалистамъ; лучшіе изъ мыслителей идутъ другимъ путемъ, болѣе труднымъ, но зато болѣе плодотворнымъ; они совершеннно отворачиваются отъ области произвольныхъ гаданій, предоставляютъ ее идеалистамъ, а сами наблюдаютъ и изучаютъ химическій составъ крови, процессъ пищеваренія, конструкцію волосъ, ногтей и прочія ничтожныя мелочи; и эти ничтожныя мелочи уже теперь повернули вверхъ-дномъ колоссальныя теоріи міровыхъ мыслителей и цѣлыхъ народовъ; эти ничтожныя мелочи уже теперь разбили оковы человѣческой мысли. Дѣло разрушенія сдѣлано; дѣло созиданія будетъ впереди и займетъ собою не одно поколѣніе.

II.

«Физіологическіе эскизы» Молешота посвящены строгому изслѣдованію нѣкоторыхъ отправленій и отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла. Первый этюдъ разсматриваетъ вліяніе пищи на человѣческій организмъ, второй разбираетъ подробно тѣ видоизмѣненія, которыя произво-

дитъ въ человѣкѣ движеніе на чистомъ воздухѣ, четвертый въ популярной формѣ сообщаетъ публикѣ микроскопическія наблюденія ученыхъ надъ роговой оболочкой человѣческаго тѣла. Третій очеркъ, о которомъ стоитъ поговорить подробно въ концѣ статьи, существенно отличается отъ остальныхъ по своему характеру и предмету; онъ заключаетъ въ себѣ характеристику Георга Форстера, написанную съ замѣчательной глубиной критическаго взгляда и проникнутую самымъ честнымъ сочувствіемъ къ личности благороднаго дѣятеля. Главной задачей моей настоящей статьи будетъ сгруппировать мысли Молешота, выраженныя въ его чисто физіологическихъ эскизахъ, и представить ихъ читателямъ въ ясномъ и по возможности сжатомъ изложеніи.

«Жить,—говоритъ Молешотъ,—значитъ сохранять форму своего тѣла вопреки безпрерывному измѣненію мельчайшихъ матеріальныхъ частицъ, составляющихъ собою тѣло». Безпрерывное измѣненіе матеріальныхъ частицъ совершается посредствомъ тѣхъ выдѣленій, которыя сопровождаютъ собою процессы дыханія и пищеваренія; кромѣ того оно происходитъ путемъ испарины, отпаденія засохшихъ частичекъ кожи, выростанія и обрѣзыванія волосъ и ногтей. Убывающія частицы нашего тѣла должны замѣщаться новыми; новыя надо вырабатывать изъ какого-нибудь матеріала, а матеріалъ этотъ мы получаемъ изъ пищи, которую принимаемъ въ желудокъ, и изъ воздуха, который вдыхаемъ въ легкія. Мы, по словамъ Либиха, похожи на ходячія печи, нуждающіяся въ постоянной или по крайней мѣрѣ часто повторяющейся топкѣ. Положенное въ насъ топливо перегораетъ и, претерпѣвая разныя измѣненія, перерабатывается въ кровь. А что такое кровь? Бордѣ говоритъ, что кровь есть мясо въ жидкомъ состояніи, но Молешотъ съ этимъ не соглашается. Въ крови, по его словамъ, заключаются задатки и зародыши всего тѣла: мозгъ, нервы, кости, мясо, кожа и хрящи — все вырабатывается изъ крови, слѣдовательно въ крови есть такія химическія составныя части, которыхъ нѣтъ въ мясѣ и которыя идутъ на построеніе другихъ тканей нашего тѣла.

Значеніе крови становится такимъ образомъ чрезвычайно важнымъ.

Химическій составъ крови даетъ намъ мѣрку для оцѣнки сравнительнаго достоинства всякой пищи; если употребляемая нами пища содержитъ въ себѣ всѣ составныя части крови и притомъ въ одинаковой пропорціи съ кровью, то эта пища можетъ поддерживать наше существованіе и сохранять наше здоровье. Тщательное изслѣдованіе химическаго состава здоровой крови должно такимъ образомъ служить основаніемъ для всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о количествѣ и качествѣ пищи, необходимыхъ для надлежащаго восполненія убывающихъ частицъ организма.

Молешотъ посвящаетъ разсмотрѣнію крови цѣлую главу своего эскиза. Изъ этого разсмотрѣнія оказывается, какъ извѣстно людямъ, знакомымъ съ физіологіей, что кровь состоитъ изъ соединенія азота, углерода, водорода, кислорода, калія, натрія, кальція, магнія, желѣза, сѣры, фосфора, хлора и фтора. Если выразиться проще, можно сказать, что на 100 частей крови приходится 79 частей воды; остальныя 21 часть состоятъ изъ бѣлковины (т. е. изъ такого вещества, которое по своему составу и по свойствамъ очень похоже на яичный бѣлокъ), изъ различныхъ солей и изъ очень незначительнаго количества жира и сахара; на 1000 частей крови приходится около 4 частей жира, а количество сахара, заключающееся въ крови, еще гораздо меньше и до сихъ поръ еще не было опредѣлено. Красный цвѣтъ крови происходитъ отъ примѣси желѣза; нарушеніе этого цвѣта сопровождаетъ собою разстройство и большую или меньшую слабость всего организма; поэтому присутствіе желѣза въ крови совершенно необходимо, хотя количество такъ незначительно, что не можетъ быть въ точности опредѣлено. Каждая изъ составныхъ частей крови потребляется организмомъ на построеніе тѣхъ или другихъ разрушающихся или устарѣвшихъ частицъ. Такъ напр., фосфорнокислая известь (соединеніе фосфора, кислорода и кальція) идетъ на ремонтъ костей, фтористый кальцій образуетъ зубы, поваренная соль—хрящи.

Для работы нашего мозга необходимъ фосфоръ и особеннаго рода фосфористый жиръ. «Какъ кровь не можетъ обращаться съ должной силой безъ притока желѣза, какъ кости не могутъ служить опорой для нашего тѣла безъ притока извести, такъ точно мозгъ не можетъ думать безъ притока фосфора и фосфористаго жира». Безъ фосфора нѣтъ дѣятельности мысли; но предполагать, чтобы у умнаго человѣка было въ мозгу много фосфора, по словамъ Молешота, неосновательно, потому что органъ одинаково страдаетъ отъ избытка какого-нибудь ингредіента, какъ и отъ недостатка. Каждый органъ вытягиваетъ изъ крови именно то количество матеріала, которое необходимо для его отправленій; онъ не возьметъ себѣ лишняго, но если-же случится недостатокъ, если въ крови не найдется необходимыхъ матеріаловъ, тогда конечно дѣятельность органа должна ослабѣть и постепенно прекратиться (Moleschott. «Lehre der Nahrungsmittel» S. 100). Очень можетъ быть, что утомленіе, которое мы чувствуемъ послѣ продолжительной умственной работы, происходитъ отъ того, что фосфористый жиръ истрачивается и что мозгъ не успѣваетъ вытягивать изъ крови необходимаго количества матеріала; очень мо-

жетъ быть, что напряженіе мысли, усиліе ума связано съ усиленной дѣятельностью тѣхъ сосудовъ, которые тянутъ фосфоръ изъ крови въ мозгъ. Что это утомленіе, эти усилія и напряженія основываются на чисто *матеріальномъ* процессѣ—въ этомъ смѣшно и сомнѣваться, но сущность этого процесса совершенно не разъяснена, и потому мы хорошо сдѣлаемъ, если изъ заманчивой сферы гипотезъ снова спустимся на твердую почву положительныхъ фактовъ.

III.

Такъ какъ принимаемая нами пища должна переработаться въ кровь, то она, какъ уже было выше замѣчено, должна заключать въ себѣ всѣ тѣ составныя части, которыя были указаны въ крови; вода, бѣлковина, соли, жиръ и сахаръ непремѣнно должны входить въ нашу пищу, потому что всѣ эти спеціи необходимы для образованія крови; воды должно быть всего больше, потому что изъ нея состоятъ почти $^4/_5$ всей нашей крови; дѣйствительно, опытъ показываетъ, что самыя сухія пищи содержатъ въ себѣ значительный процентъ воды; мы пьемъ чай или кофе утромъ и вечеромъ; за обѣдомъ мы ѣдимъ супъ, слѣдовательно во всѣхъ этихъ видахъ поглощаемъ воду; сверхъ того мы понѣскольку разъ въ день чувствуемъ жажду, и утоляемъ ее напитками, которыхъ большая часть разбавлена водою; наконецъ мы вдыхаемъ въ себя водяные пары, носящіеся въ воздухѣ, и такимъ образомъ еще увеличиваемъ количество поглощаемой воды. Словомъ, вода есть самая важная и необходимая составная часть нашей пищи; жажда чувствуется скорѣе голода и въ меньшее время ведетъ за собою смерть; впрочемъ всѣ составныя части крови непремѣнно должны входить въ нашу пищу; если будетъ совершенно опущенъ хоть одинъ изъ ея ингредіентовъ, то произойдетъ разстройство организма, которое рано или поздно приведетъ къ его разрушенію.

Я обратилъ вниманіе на особенную важность воды только потому, что недостатокъ ея замѣчается всего скорѣе, измучиваетъ и убиваетъ человѣка въ самое короткое время, и слѣдовательно бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Въ строго научномъ смыслѣ нельзя сказать, чтобы вода была важнѣе другихъ составныхъ частей крови: всѣ онѣ необходимы для поддержанія жизни и здоровья, слѣдовательно всѣ одинаково важны; замѣчу только, что жиръ можетъ быть замѣненъ сахаромъ потому, что сахаръ, принимая въ кишечномъ каналѣ разныя химическія измѣненія, превращается въ жиръ. Пчелы приготовляютъ воскъ изъ цвѣточнаго сахара, а воскъ представляетъ существенное сходство съ жиромъ, съ той только разницей, что еще менѣе жира содержитъ въ себѣ кислорода. Наблюденія Либиха надъ домашними животными доказали рѣшительно, что сахаръ превращается въ жиръ; знаменитый химикъ взвѣшивалъ жиръ убитыхъ быковъ и масло, доставляемое коровами, и вычислилъ, что эти животныя не могли получить этихъ веществъ изъ своей пищи въ видѣ чистаго жира. Анализъ коровьяго помета показалъ, что въ немъ корова выбрасываетъ столько-же жира, сколько его находится въ ея пищѣ. Но въ этой пищѣ (въ сѣнѣ и картофелѣ) есть много такихъ веществъ, которыя въ желудкѣ превращаются въ сахаръ; изъ сахара развивается молочная кислота, изъ молочной кислоты—масляная кислота и наконецъ жиръ. Изъ этого превращенія сахара въ жиръ видно, что вещества, составляющія нашу пищу, болѣе или менѣе подвергаются измѣненіямъ, смотря потому, насколько эти вещества сродны составнымъ частямъ нашей крови. Молочная кислота ближе сахара подходитъ къ жиру; сахаръ подходитъ къ жиру ближе крахмала. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что крахмалъ не такъ скоро можетъ быть превращенъ въ жиръ, какъ сахаръ, и что сахаръ въ свою очередь перейдетъ въ жиръ медленнѣе молочной кислоты.

Но главная и важнѣйшая часть пищеваренія заключается именно въ приготовленіи крови изъ принятой пищи, слѣдовательно чѣмъ скорѣе и легче принятая пища перерабатывается въ кровь, тѣмъ успѣшнѣе совершается пищевареніе; успѣшность пищеваренія зависитъ преимущественно отъ свойства пищи или, точнѣе, отъ степени сродства ея съ составными частями крови; удобоваримою можно назвать ту пищу, изъ которой легче и скорѣе добываются ингредіенты крови; на этомъ основаніи молочная кислота окажется удобоваримѣе сахара, сахаръ—удобоваримѣе крахмала. Тѣ составныя части нашей пищи, которыя не могутъ переработаться въ кровь, оказываются ненужными и должны быть удалены, какъ посторонія тѣла. Эти-то ненужныя составныя части нашей пищи составляютъ главное основаніе испражненій, къ которымъ сверхъ того присоединяются желудочныя и кишечныя слизи и жидкости, обветшалыя частицы кожи, выдѣленія желчи, словомъ, такіе матеріалы, которые входили въ составъ нашей крови и нашего тѣла и потомъ устарѣли и пришли въ негодность. Чѣмъ меньше ненужныхъ частицъ содержитъ въ себѣ наша пища, тѣмъ большее количество питательныхъ веществъ она отдаетъ въ кровь; такимъ образомъ болѣе питательной называется та пища, которая содержитъ въ себѣ наибольшій процентъ веществъ, необходимыхъ для образованія крови. Не всѣ питательныя вещества, заключающіяся въ нашей пищѣ, могутъ быть изъ нея добыты во время ея пребыванія въ же-

лудкѣ и въ кишечномъ каналѣ. Пребываніе это ограничено извѣстнымъ временемъ, и если втеченіи этого времени желудочные и кишечные соки не успѣли химически переработать пищу, если они не успѣли обратить ее въ кровь, то пища выйдетъ изъ нашего тѣла, несмотря на то, что она въ неразложенномъ состояніи заключаетъ въ себѣ много матеріаловъ, способныхъ превратиться въ кровь.

Мясо и молоко по своему химическому составу подходятъ къ крови ближе печенаго хлѣба; печеный хлѣбъ подходитъ къ ней ближе сѣна; мясо и молоко питательнѣе хлѣба и сверхъ того удобоваримѣе хлѣба; это значитъ, что фунтъ мяса заключаетъ въ себѣ больше ингредіентовъ крови, чѣмъ фунтъ хлѣба; кромѣ того ингредіенты крови, заключающіеся въ фунтѣ хлѣба, должны претерпѣть нѣсколько химическихъ измѣненій, прежде чѣмъ они превратятся въ дѣйствительную кровь, и число этихъ химическихъ измѣненій больше, чѣмъ число измѣненій, которыя должны претерпѣть питательныя вещества, заключающіяся въ фунтѣ мяса. Стало быть, не говоря уже о томъ, что количество питательныхъ частицъ въ хлѣбѣ меньше, чѣмъ въ мясѣ, нужно еще обратить вниманіе на то, что это меньшее количество труднѣе добыть изъ хлѣба, чѣмъ изъ мяса, и что слѣдовательно большее количество питательнаго вещества пропадаетъ даромъ, т. е. пройдетъ черезъ пищеварительный каналъ, не разложившись. При всемъ томъ человѣкъ можетъ жить, питаясь хлѣбомъ и водою и совершенно обходясь безъ мяса и молока; онъ будетъ слабѣе человѣка, питающагося мясомъ, но не умретъ и даже будетъ способенъ работать. Если-же вы будете кормить человѣка однимъ картофелемъ, то онъ черезъ 2 недѣли ослабѣетъ и сдѣлается неспособнымъ зарабатывать себѣ пропитаніе. Это происходитъ отъ того, что картофель непитателенъ и неудобоваримъ. Въ крови нашей заключается въ 50 разъ больше бѣлковины, чѣмъ жира, а въ картофелѣ бѣлковины почти въ 20 разъ меньше, чѣмъ веществъ, образующихъ жиръ. Стало быть, чтобы вытянуть изъ картофеля то количество бѣлковины, которое необходимо для поддержанія нормальнаго состава крови, человѣкъ долженъ принять въ желудокъ огромное количество разныхъ постороннихъ и ненужныхъ веществъ. По вычисленіямъ Молешота оказывается, что здоровый работникъ долженъ съѣдать въ день 20 фунтовъ картофеля, чтобы добывать изъ него необходимое количество бѣлковины. Но органы пищеваренія не могутъ справиться съ такимъ огромнымъ количествомъ матеріала; они будутъ завалены ненужнымъ мусоромъ и можетъ быть совершенно остановятъ свою дѣятельность; если-бы этого не случилось, тогда произошло-бы другое неудобство: крахмалъ картофеля переработался-бы въ жиръ и этотъ жиръ потопилъ бы собою остальныя, болѣе благородныя части нашей крови.

«Можетъ ли,—восклицаетъ Молешотъ,—лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы и сообщать мозгу животворный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницей въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость! Ты не можешь побѣдить! Твоя пища можетъ породить безсильное отчаяніе, но не возбудитъ она воодушевленія, а только воодушевленіе способно отразить исполина, въ жилахъ котораго течетъ живая сила дѣятельности вмѣстѣ съ богатой кровью. Не благодари Америку за тотъ подарокъ, который увѣковѣчиваетъ твое несчастіе! Мы можемъ хвалить доброе намѣреніе Гокинса, принесшаго тебѣ картофель, но ты не должна считать его своимъ благодѣяніемъ.» («Ученіе о пищѣ».)

Но почему-же картофель, неспособный поддерживать силы человѣка, служитъ отличной пищей для рогатаго скота и для свиней? Почему сѣно, изъ котораго человѣческій желудокъ не вытянетъ ни одной питательной частицы, можетъ, въ случаѣ необходимости, втеченіи многихъ мѣсяцевъ поддерживать существованіе лошади? Почему человѣкъ, оставленный въ луговой степи, рискуетъ умереть съ голоду, между тѣмъ какъ эти-же самыя степи кормятъ многочисленныя стада буйволовъ? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы отыскивается въ различномъ устройствѣ органовъ пищеваренія. Эти органы у травоядныхъ животныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ у плотоядныхъ, потому что растительная пища сравнительно съ животной нуждается въ большемъ количествѣ измѣненій, чтобы превратиться въ кровь, и слѣдовательно должна дольше животной пищи пробыть въ желудкѣ и въ кишкахъ и дольше ея подвергаться дѣйствію пищеварительныхъ соковъ и кислотъ. «Пища, — говоритъ Молешотъ, — превратила дикую кошку въ ручную. Изъ плотояднаго животнаго съ короткимъ пищеварительнымъ каналомъ путемъ постепенной привычки изъ нея образовалось совершенно другое существо, которому длинный каналъ даетъ возможность переваривать растительную пищу, незнакомую ему въ естественномъ состояніи». («Ученіе о пищѣ»). «Человѣкъ занимаетъ средину между плотоядными и травоядными животными: зубы и челюсти, желудокъ и кишки, слюнныя железки и жевательные мускулы его устроены такъ, что дѣлаютъ его способнымъ принимать и переваривать смѣшанную пищу (ibid.). Вслѣдствіе этой смѣшанной пищи кровь его также стоитъ по своему химическому составу по срединѣ между кровью чисто плотояднаго и кровью чисто травояднаго. Изъ крови вырабатываются ткани

организма; свойствами крови обусловливаются свойства мускуловъ, зубовъ, железокъ, костей, мозга, особенности ума и характера. Измѣните пищу человѣка, и весь человѣкъ мало-по-малу измѣнится. Переходъ отъ мяса къ сѣну такъ рѣзокъ, что человѣкъ его не вынесетъ, но путемъ постепенныхъ измѣненій можно довести человѣка до того, что онъ сдѣлается травоядным животнымъ, точно также, какъ кошка изъ животнаго плотоядная сдѣлалась животнымъ, способнымъ варить растительную пищу. Такой переходъ потребовалъ-бы многихъ поколѣній, но въ немъ нѣтъ ничего невозможнаго; сомнительно только, чтобы травоядный человѣкъ могъ быть вѣнцомъ созданія и человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сомнительно, чтобы усовершенствованіе или, вѣрнѣе, усложненіе пищеварительныхъ органовъ не совершилось въ ущербъ развитію мозга.

Можно выразить смѣлое предположеніе, что разнообразіе пищи, ведущее за собою разнообразіе составныхъ частей крови, служитъ основаніемъ разносторонности ума и гармоническаго равновѣсія между разнородными силами и стремленіями характера. Европеецъ доводитъ разнообразіе пищи до послѣднихъ предѣловъ; какъ гражданинъ міра, онъ не ограничивается произведеніями своей родины и питается всѣмъ, что приходится ему по вкусу; какъ человѣкъ занимаетъ средину между животными, такъ европеецъ занимаетъ средину между людьми; растительная и мясная пища достигаютъ возможно полнаго равновѣсія въ репертуарѣ европейской кухни образованныхъ и зажиточныхъ классовъ. Поэтому въ европейцѣ нѣтъ той дикости, которая характеризуетъ собою племена звѣролововъ; нѣтъ и той сонливости, которою отличаются индусы, питающіеся корнями и овощами; процессъ пищеваренія совершается легко и скоро; отягощеніе и лѣнь, порождаемыя сытнымъ обѣдомъ, продолжаются не болѣе часа, потому что смѣшанная пища разлагается легко и отсылаетъ въ кровь необходимый транспортъ матеріаловъ. Мозгъ тянетъ изъ крови столько фосфора, сколько понадобится; работа мысли идетъ широкимъ махомъ; возникаютъ философскія системы и художественныя произведенія, слагаются соціальныя теоріи и практическія усовершенствованія, является вѣра въ силы человѣчества и уваженіе къ человѣческому достоинству — и что-же? Если даже побудительный толчокъ къ этимъ прекраснымъ движеніямъ лежитъ внѣ свойствъ нашей пищи, то конечно этимъ свойствамъ мы обязаны тѣми силами, которыя выполняютъ задуманное дѣло и не даютъ замереть благороднымъ и высокимъ стремленіямъ. («Уч. о пищѣ».)

IV.

Существеннѣйшая часть принимаемой нами пищи подвергается нѣсколькимъ болѣе или менѣе важнымъ измѣненіямъ, прежде нежели мы рѣшаемся взять ее въ ротъ. Никто не ѣстъ сырого мяса или картофеля, никто не глотаетъ цѣликомъ зерна ржи или пшеницы. Поваренное искусство, развивавшееся помимо всякой научной теоріи, заботится только о томъ, чтобы угодить болѣе или менѣе утонченнымъ требованіямъ вкуса, а между тѣмъ большая часть его распоряженій заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны возникающей науки о предметахъ пищи. Цѣлый рядъ примѣровъ можетъ подтвердить собою ту мысль, что человѣчество руководилось безошибочнымъ инстинктомъ въ выборѣ и приготовленіи своихъ яствъ.

По извѣстному непріятному ощущенію жаждущій чувствуетъ, что его организмъ нуждается въ притокѣ воды; грудной ребенокъ кричитъ, когда чувствуетъ голодъ, и успокоивается, когда начинаетъ сосать грудь; въ этихъ случаяхъ очевидно дѣйствуетъ природный инстинктъ, а не опытъ. Тотъ-же природный инстинктъ выражается въ чувствѣ вкуса; когда мы находимся въ здоровомъ состояніи, то намъ нравится то, чего дѣйствительно требуетъ нашъ организмъ; намъ пріѣдается одна и та-же пища, потому что она вноситъ въ нашу кровь слишкомъ много однихъ ингредіентовъ и слишкомъ мало другихъ; намъ никогда не надоѣдаетъ хорошая говядина именно потому, что она доставляетъ намъ въ изобиліи всѣ составныя части нашей крови; намъ никогда не надоѣдаетъ чистая ключевая вода, именно потому, что этого матеріала всегда требуетъ наша кровь. Словомъ, организмъ нашъ заявляетъ свои требованія по мѣрѣ того, какъ они возникаютъ, и мы по необходимости стремимся ихъ выполнить; мы чувствуемъ, что намъ чего-то хочется, и чувствуемъ, въ чемъ именно мы нуждаемся; для этого намъ нѣтъ надобности напрягать вниманіе; такъ называемыя животныя потребности и влеченія сказываются сами-собою и говорятъ громче и громче, до тѣхъ поръ, пока вы не заткнете имъ ротъ полнымъ удовлетвореніемъ. Духовную потребность вы можете отсрочить или даже задушить въ себѣ, но бѣда вамъ будетъ, если вы вздумаете упрямиться и идти наперекоръ заявившей себя физической потребности. Разстройство организма, помраченіе умственныхъ способностей, общій упадокъ силъ,—вотъ тѣ послѣдствія, которыя неминуемо ведетъ за собою умышленная борьба съ собственнымъ тѣломъ. Тому, кто выбралъ однажды мрачную дорогу аскета, трудно повернуть назадъ и выбраться на вѣрный путь.

Неправильный образъ жизни развиваетъ органическія ткани, отклоняющіяся отъ нормы; неправильно слагающійся мозгъ порождаетъ дикія идеи и ведетъ къ нелѣпымъ заключеніямъ; эти заключенія образуютъ міросозерцаніе, въ которомъ каждый предметъ представляется въ своеобраз-

ныхъ размѣрахъ и окрашивается произвольными красками; жизнь смѣняется вѣчной галлюцинаціей; образъ жизни становится строже, потому что этого требуютъ дикія умозаключенія, и все это фантастическое зданіе завершается явленіемъ идіотизма или помѣшательства.—Къ счастью всего человѣчества, поваренное искусство никогда не шло въ разрѣзъ съ потребностями нашей физической природы; оно дѣйствовало ощупью и попадало въ цѣль безъ промаха, потому что старалось угодить требованіямъ нашего вкуса, а во вкусѣ всегда заявлялись дѣйствительныя нужды нашего организма.— Приведу нѣсколько примѣровъ.

Мы варимъ картофель и поступаемъ въ этомъ случаѣ очень раціонально. Превращеніе крахмала въ сахаръ, долженствующее совершиться въ желудкѣ, значительно облегчается этой операціей. Въ сыромъ картофелѣ крахмалъ заключенъ въ видѣ маленькихъ зернышекъ въ клѣточки или пузырьки; оболочка этихъ клѣточекъ состоитъ изъ такой матеріи, которую желудочный сокъ разлагаетъ съ большимъ трудомъ. Дѣйствіе горячей воды разрушаетъ сцѣпленіе клѣточекъ между собой, и крахмальныя зернышки освобождаются изъ своихъ футляровъ; они приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разлагающими слизями пищеварительныхъ органовъ и превращеніе ихъ въ сахаръ и въ жиръ значительно облегчается.

Крахмалъ хлѣбныхъ зеренъ освобождается изъ клѣточекъ уже тогда, когда дѣйствіе мельничныхъ жернововъ превращаетъ ихъ въ муку. Просѣиваніе муки отдѣляетъ отъ нея отруби, т. е. мелкіе остатки клѣтчатки (Zellstoff). Печеніе хлѣба превращаетъ значительную часть крахмала въ сахаръ, и потому печеный хлѣбъ не только вкуснѣе сырой муки, но и удобоваримѣе ея.

Изъ гороха и чечевицы приготовляется супъ; этотъ супъ или похлебка протирается сквозь сито и шелуха гороховыхъ и чечевичныхъ зеренъ выбрасывается. Это значительно облегчаетъ работу желудка. Шелуха этихъ зеренъ состоитъ изъ очень плотной клѣтчатки, которая почти вовсе не поддается разлагающему дѣйствію желудочнаго сока. Еслибы мы стали цѣликомъ глотать горошины, какъ пилюли, то большая часть ихъ прошла-бы черезъ пищеварительный каналъ совершенно неразложенной. Еслибы мы стали жевать горохъ, то зерна конечно разложились-бы въ желудкѣ и въ кишкахъ, но шелуха составила-бы совершенно лишнее бремя и понапрасну засорила и распучила-бы наши внутренности. Стало быть, приготовленіе гороховой похлебки предлагаетъ нашему желудку питательныя вещества гороха въ очищенномъ и упрощенномъ видѣ.

Если изъ куска мяса хотятъ приготовить бульонъ, то это мясо кладутъ въ холодную воду, и эту воду кипятятъ вмѣстѣ съ мясомъ; если-же хотятъ получить хорошій кусокъ вареннаго мяса, то мясо кладутъ прямо въ кипятокъ; Это правило, извѣстное каждой кухаркѣ, также имѣетъ свое разумное основаніе.

Въ сыромъ мясѣ мясныя волокна окружены особеннаго рода сокомъ, заключающимъ въ себѣ растворъ бѣлковины, различныхъ солей и азотистаго креатина (Fleischstoff). Этотъ растворъ отъ прикосновенія горячей воды свертывается и твердѣетъ; вокругъ мяса образуется корка, затрудняющая дѣйствіе воды на мясо; питательныя вещества остаются въ самомъ кускѣ и не выходятъ въ воду, и такимъ образомъ получается вареное мясо, сохраняющее весь свой вкусъ и всю питательность. Въ холодной водѣ, постепенно подогрѣваемой, распускается сокъ, окружающій мясныя волокна; онъ весь выходитъ изъ мяса и переходитъ въ воду, такъ что когда вода вскипитъ, то получатся крѣпкій мясной наваръ и вываренный кусокъ мяса, котораго волокна легко отдѣляются другъ отъ друга и, сравнительно съ прежнимъ составомъ мяса, представляютъ мало питательности.

Жареное мясо удобоваримѣе, чѣмъ сырое. По изслѣдованіямъ Мульдера оказалось, что жареніе образуетъ уксусную кислоту, которая облегчаетъ собою пищевареніе; маринованное мясо, т. е. мясо, вымоченное въ уксусѣ, переваривается также легче сырого мяса. Очень жирное мясо, напр. свинину, обыкновенно солятъ, потому что соленое сало переваривается легче сырого жира. Употребленіе разныхъ приправъ: перца, гвоздики, лавроваго листа, мускатнаго орѣха, употребленіе сахара, стараго сыра, вина и ликера основано также на требованіяхъ нашего желудка; если пользоваться всѣми этими приправами съ благоразумной умѣренностью, то всѣ онѣ могутъ содѣйствовать пищеваренію, ускорять въ нашемъ тѣлѣ обмѣнъ соковъ и передвиженіе частицъ, и слѣдовательно усиливать дѣйствіе нервовъ, воспринимающихъ впечатлѣніе и вырабатывающихъ мысль.

На умѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ Молешотъ смотритъ очень снисходительно; попытки разныхъ филантроповъ и обществъ трезвости онъ считаетъ не только практически безполезными, но даже теоретически неразумными. Алкоголь, говоритъ онъ, замедляетъ сгараніе органическихъ тканей, такъ что работникъ, выпивающій чарку водки послѣ своего скуднаго обѣда, не такъ скоро проголодается, какъ его товарищъ, не употребляющій крѣпкихъ напитковъ. «Изъ этого слѣдуетъ заключеніе,— продолжаетъ онъ,—что было-бы жестоко отнимать у поденщика, который въ потѣ лица зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба, средство подольше удерживать въ своемъ тѣлѣ скудную пищу. Пусть дадутъ ему обильное пропитаніе, тогда онъ будетъ въ состояніи обходиться безъ

водки. Пока не позаботятся о томъ, чтобы работа должнымъ образомъ прокармливала человѣка, до тѣхъ поръ будетъ казаться насмѣшкой наше желаніе устранить менѣе хорошее, не давая и не умѣя давать лучшаго. Или можетъ-быть слѣдуетъ отмѣнить употребленіе водки, потому что оно дѣлаетъ возможнымъ злоупотребленіе? Тогда попробуйте сначала опровергнуть тотъ упрекъ, что вы унижаете нравственное достоинство человѣка, если заставляете его отказываться отъ наслажденія во избѣжаніе скотскаго разврата. Аскетъ, требующій строгаго цѣломудрія, насилуетъ человѣческую природу; точно также насилуетъ ее врачъ, требующій уничтоженія водки на томъ основаніи, что на свѣтѣ есть пьяницы. Гёте далъ новому міросозерцанію прекрасный лозунгъ: memento vivere! (помни, что нужно жить!). Кто проповѣдуетъ уничтоженіе водки, тотъ переноситъ насъ въ средневѣковое католичество, которое душило лучшій цвѣтъ человѣчности безобразнымъ девизомъ: memento mori! (помни, что нужно умереть).» («Уч. о пищѣ»).

V.

Мы видѣли такимъ образомъ, что приготовленіе пищи въ нашихъ кухняхъ основано на инстинктивно понятыхъ потребностяхъ нашего организма.

На томъ-же инстинктивномъ пониманіи этихъ потребностей основано смѣшеніе нашихъ кушаній между собою, порядокъ, въ которомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ обѣдѣ, и старанія разнообразить репертуаръ обѣда, такъ чтобы сегодня не повторялось то, что́ подавалось вчера.—Мясо напр. подается обыкновенно съ какимъ-нибудь соусомъ, и соусъ этотъ состоитъ изъ какихъ нибудь овощей.

Причина объясняется очень просто. Мясо даетъ нашей крови необходимое количество бѣлковины, а овощи сообщаютъ ей тѣ вещества, изъ которыхъ образуется жиръ; сверхъ того онѣ содержатъ въ себѣ значительное количество солей, облегчающихъ собою перевариваніе мяса. Если же приправою къ мясу постоянно служитъ одинъ сортъ овощей, то очень понятно, что въ кровь вносится постоянно та соль, которая преобладаетъ въ данномъ овощѣ; въ другихъ соляхъ и минеральныхъ частицахъ чувствуется недостатокъ, и этотъ недостатокъ обнаруживается въ томъ, что намъ надоѣдаетъ и пріѣдается одна и та-же приправа, и мы съ удовольствіемъ принимаемся за что-нибудь новое. Напр. въ рѣпѣ мало желѣза, а въ шпинатѣ его очень много; если на вашемъ столѣ впродолженіи трехъ дней будетъ появляться рѣпа, то на четвертый день вы съ удовольствіемъ увидите шпинатъ, именно потому, что онъ способенъ пополнить возникшій въ крови недостатокъ желѣза.

Мы видимъ такимъ образомъ, что главное назначеніе принимаемой пищи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать въ нашемъ организмѣ необходимое количество и нормальный химическій составъ крови. Очевидно, что не только качество, но и количество пищи должно быть въ этомъ случаѣ принято въ соображеніе. Какъ бы ни была пища питательна и удобоварима, но если ея такъ мало, что она не покрываетъ расходовъ нашего тѣла, то мы постоянно будемъ терять больше, чѣмъ будемъ получать; сводить концы съ концами будетъ невозможно, и всѣ наши жизненныя отправленія будутъ страдать отъ недостаточнаго питанія. Бѣлковина, заключающаяся въ крови, постепенно перегораетъ и, превращаясь въ мочевину, въ мочевую кислоту, въ углекислоту и въ воду, выбрасывается изъ нашего тѣла разными каналами и путями. Жиръ и вещества, служащія къ его образованію, также выдѣляются въ формѣ воды и углекислоты. Съ каждымъ выдыханіемъ выходитъ изъ нашего тѣла извѣстная часть пережженой бѣлковины и пережженаго жира. Каждый разъ, когда мы испражняемся, съ нашими испражненіями выходитъ желчная кислота, образовавшаяся изъ жира. Каждый разъ, когда мы выпускаемъ мочу, изъ нашего тѣла выдѣляются разныя соли и минеральныя частицы. Втеченіи 24 часовъ различныя выдѣленія и испражненія уменьшаютъ вѣсъ нашего тѣла на $^1/_{14}$ часть. Этотъ ущербъ долженъ быть пополненъ, если мы на завтрашній день желаемъ сохранить ту сумму силъ, которою владѣли сегодня. Около четвертой части понесеннаго ущерба покрывается тѣмъ количествомъ кислорода, который мы вдыхаемъ въ атмосферномъ воздухѣ; остальныя три четверти должны быть пополнены пищей и питьемъ.

Такимъ образомъ, чтобы не почувствовать ослабленія, мы должны втеченіи сутокъ принимать такое количество питательныхъ веществъ, котораго вѣсъ былъ немного больше $^1/_{10}$ части вѣса всего нашего тѣла. Если предположить, что въ вашемъ тѣлѣ 4 пуда вѣса, то вы втеченіе сутокъ должны принимать пищи отъ $8^1/_2$ до 9 фунтовъ; если вы цѣлыя сутки пробудете на одномъ мѣстѣ въ совершенномъ спокойствіи, то количество выдѣленій будетъ меньше, и меньшее количество пищи будетъ въ состояніи поддержать вашу жизнь и вѣсъ вашего тѣла. Но мы ѣдимъ не для того, чтобы жить, говоритъ Молешотъ. «Наука конечно интересуется тѣмъ, при какой діэтѣ человѣкъ можетъ не умереть, но человѣчеству важно знать то, при какой пищѣ мужчина способенъ работать, а женщина—кормить своихъ дѣтей». Чѣмъ сильнѣе работа, тѣмъ обильнѣе и питательнѣе должна быть пища. «Когда идетъ дѣло о лошадяхъ и о конской работѣ,—говоритъ Мульдеръ,—тогда никто не сомнѣвается въ томъ,

что пища должна соотвѣтствовать работѣ. Не сѣно, а овесъ способенъ удовлетворять потребностямъ лошадинаго организма, когда лошадь должна работать какъ слѣдуетъ. А при напряженной работѣ и овесъ оказывается недостаточнымъ: тогда лошадей надо кормить бобами. Лошадямъ даютъ то, что́ имъ необходимо! А людямъ?» (!)

Такимъ образомъ наибольшую практическую важность имѣетъ въ нашихъ глазахъ количество пищи, необходимое человѣку для того, чтобы жить полной человѣческой жизнью, чтобы работать и мыслить, чувствовать и любить, чтобы производить дѣтей и выкармливать ихъ, а не для того только, чтобы прозябать и предохранять свои органическія ткани отъ окончательнаго разрушенія. Изслѣдованія Молешота доводятъ его до слѣдующихъ результатовъ. Сумма всей пищи должна равняться 7-ми фунтамъ; на это количество приходится почти $5^{3}/_{4}$ фунтовъ воды. Твердыхъ веществъ требуется немного больше $1^{1}/_{4}$ фунта (125 золотниковъ); въ томъ числѣ должно быть около 25 золотниковъ бѣлковины, около 14 золотниковъ чистаго жира, около 80 золотниковъ веществъ, способныхъ превратиться въ жиръ, и около 6 золотниковъ солей и минеральныхъ частицъ.

Молешотъ допускаетъ, что отдѣльныя личности уклоняются отъ этихъ цифръ въ ту или другую сторону, но онъ утверждаетъ, что эти цифры могутъ быть смѣло приняты въ основаніе разсчета, когда дѣло идетъ о запасеніи провіанта для крѣпости или для экипажа корабля. Жиръ, сахаръ и крахмалъ могутъ замѣнять другъ друга въ этомъ разсчетѣ; но бѣлковина, которой требуется только 25 золотниковъ въ сутки, не можетъ быть замѣнена никакимъ другимъ веществомъ. Дешевая растительная пища, богатая крахмаломъ, обыкновенно бѣдна бѣлковиной, и потому количество бѣлковины въ большей части случаевъ опредѣляетъ собой степень питательности. Бѣлковина всего дороже. потому что ея мало и потому, что она въ достаточномъ количествѣ встрѣчается большей частью въ такой пищѣ, которая по дорогой цѣнѣ своей мало доступна рабочему классу. Изъ предметовъ растительной пищи только чечевица, бобы и горохъ содержатъ въ себѣ столько бѣлковины, что одного фунта этой пищи почти достаточно, чтобы удовлетворить въ этомъ отношеніи требованіямъ организма на цѣлыя сутки. Печенаго хлѣба надо съѣсть для достиженія той-же цѣли около 3 фунт., рису болѣе 5 фунт., картофеля 20 фунт., цвѣтной капусты 52 фунта, а грушъ 110 фунт. Питаться фруктами работнику нѣтъ никакой возможности; питаться картофелемъ тоже мудрено. Мясо, горохъ или печеный хлѣбъ одни въ состояніи поддерживать силы человѣка, доставляя ему необходимый процентъ бѣлковины, и потому конечно позволительно выразить желаніе, чтобы бобы, горохъ и чечевица вытѣснили собой картофель, занимающій самое почетное мѣсто въ пропитаніи неимущихъ классовъ Ирландіи и Германіи. Такого рода измѣненіе могло-бы повести за собой улучшеніе породы, укрѣпленіе народнаго здоровья и возвышеніе національнаго самосознанія. Значеніе употребляемой пищи въ развитіи историческихъ событій до сихъ поръ еще не было достаточно принято въ соображеніе, и даже Бокль выразилъ на счетъ этого предмета однѣ догадки, которыя ожидаютъ еще въ будущемъ опроверженія или подтвержденія.

Мы видѣли выше, что здоровый человѣкъ втеченіи 24 ч. долженъ принять около семи фунтовъ пищи; эта средняя величина измѣняется, смотря по времени года, смотря по полу и возрасту субъекта и смотря по той степени напряженія, которой требуетъ отъ него его работа. Зимой мы ѣдимъ больше, чѣмъ лѣтомъ, если только предположить, что дѣятельность наша остается одинаковой; зимой мы больше, чѣмъ лѣтомъ, выдыхаемъ углекислоты и выдѣляемъ мочи. Расходъ черезъ это увеличивается, и сообразно съ этимъ долженъ увеличиваться и приходъ. Каждый замѣчалъ, что аппетитъ уменьшается во время сильныхъ лѣтнихъ жаровъ; въ это время организмъ нашъ собственными средствами развиваетъ меньшую степень животной теплоты, пережигаетъ меньшее количество бѣлковины и жира, и потому нуждается въ меньшемъ количествѣ топлива. Праздность значительно уменьшаетъ скорость обмѣна матеріи. Люди богатые, непривычные ни къ физической, ни къ умственной работѣ, обыкновенно не въ мѣру толстѣютъ, страдаютъ приливами крови, жалуются на недостатокъ аппетита и стараются расшевелить его искусственными средствами и замысловатыми приправами. Женщины выдыхаютъ только двѣ трети того количества углекислоты, которое выдыхаютъ мужчины; вслѣдствіе этого онѣ ѣдятъ обыкновенно меньше мужчинъ. Старики выдѣляютъ также меньше взрослыхъ мужчинъ, и этимъ обстоятельствомъ объясняется то уменьшеніе аппетита, которое обыкновенно замѣчается подъ старость. Грудной ребенокъ и юноша, не достигшій еще полнаго развитія силъ, выдѣляютъ относительно величины своего тѣла больше углекислоты и мочевины, чѣмъ взрослый мужчина. Кромѣ того и ребенокъ, и юноша растутъ, слѣдовательно приходъ долженъ превышать расходъ, потому что только избытокъ принимаемой пищи даетъ матеріалы для увеличенія объема тѣла и для укрѣпленія всѣхъ органическихъ тканей. Стало быть, еслибы мы стали опредѣлять количество пищи, необходимое для ребенка, сравнивая размѣры его тѣла съ размѣрами нашего, то мы рисковали-бы за-

морить его голодомъ и во всякомъ случаѣ значительно остановили-бы его ростъ. Во-первыхъ, ребенокъ выдѣляетъ сравнительно больше взрослаго, во-вторыхъ, онъ растетъ, слѣдовательно по этимъ двумъ причинамъ нуждается въ большемъ количествѣ пищи, чѣмъ нуждался-бы карликъ зрѣлаго возраста и одинаковой величины съ нашимъ субъектомъ. «Съ того дитя растетъ», говорятъ русскія няньки, видя, что окружающіе удивляются аппетиту ихъ питомцевъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, данныя науки оправдываютъ народное изреченіе, основанное на непосредственномъ опытѣ. Если ребенокъ не пріученъ къ лакомствамъ, и если онъ требуетъ себѣ простой пищи, то можно давать ему столько, сколько онъ пожелаетъ. Неиспорченная природа не потребуетъ лишняго и не создастъ себѣ искусственныхъ нуждъ. Животныя объѣдаются очень рѣдко, и нѣтъ причины думать, чтобы ребенокъ, неизбалованный воспитаніемъ, составилъ въ дурную сторону исключеніе изъ общаго правила.

VI.

Вопросъ о сравнительной цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится существеннѣе и важнѣе. Въ Западной Европѣ, въ Англіи, во Франціи и въ Германіи, при густомъ и постоянно возрастающемъ населеніи, пролетаріи обращаютъ на себя вниманіе государственныхъ людей и ученыхъ, соціалистовъ и филантроповъ. Вѣдь нельзя-же цѣлымъ тысячамъ работниковъ и работницъ оставаться безъ куска хлѣба, нельзя-же имъ умирать голодной смертью, а между тѣмъ нельзя-же требовать, чтобы хлѣбъ, овощи и мясо составляли общую собственность, подобно тому, какъ составляютъ общую собственность атмосферный воздухъ, солнечный свѣтъ и рѣчная вода. Надо, стало-быть, подумать о томъ, чтобы неимущіе могли собственными руками зарабатывать себѣ здоровую пищу, которая могла-бы сообщать ихъ мышцамъ силу для новой работы, а ихъ мозговымъ нервамъ—живую бодрость и постоянно обновляющійся притокъ надежды. Въ 1679 году Папинъ предложилъ приготовлять пищу изъ костей; кости эти подвергались сильному давленію, вываривались въ кипяткѣ и превращались такимъ образомъ въ клей или студень. Обстоятельства замяли проэктъ Папина, но когда французская революція выдвинула впередъ вопросъ о пролетаріяхъ, коммиссія знаменитыхъ тогдашнихъ врачей получила приказаніе разсмотрѣть это предложеніе, остававшееся подъ спудомъ впродолженіи цѣлаго столѣтія. Каде де-Во, Жемберна, Пелльтье, д'Арсе и другіе объявили, что кости даютъ превосходную пищу, что одинъ фунтъ костей даетъ столько навару, сколько давали шесть фунтовъ говядины, и что супъ изъ костей во всѣхъ отношеніяхъ лучше говяжьяго бульона. Такъ называемый румфордовскій супъ, приготовленный изъ костей, былъ даже введенъ въ госпитали и въ инвалидные дома. Но больнымъ и инвалидамъ отъ этого супа не поздоровилось, и новой коммиссіи поручено было снова разсмотрѣть дѣло; членами этой коммиссіи были между прочими Дю-Пюитренъ и Мажанди; результаты новаго изслѣдованія были вовсе неутѣшительны. Оказалось, что румфордовскій супъ легко подвергается гніенію, что онъ не вкусенъ, обременителенъ для желудка и вовсе не такъ питателенъ, какъ мясной наваръ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили мнѣніе второй коммиссіи, и теперь можно сказать рѣшительно, что супъ изъ костей настолько-же дороже мясного супа, насколько дурное сукно дороже хорошаго. Конечно порцію костянаго супа и аршинъ плохого сукна можно получить за меньшее количество денегъ, чѣмъ порцію мясного навара и аршинъ хорошаго сукна, но если вы примете въ соображеніе сравнительную питательность обоихъ суповъ и сравнительную прочность обѣихъ матерій, то вы увидите, что, покупая болѣе дорогую вещь, вы сберегаете деньги, потому что обезпечиваете себя отъ новыхъ тратъ на болѣе долгое время, и доставляете себѣ существенную, а не воображаемую пользу.

Въ новѣйшее время, въ 1849 году, французскій ученый Мильонъ предложилъ печь хлѣбы изъ непросѣянной муки, говоря, что отдѣляющіяся отруби уносятъ съ собою множество самыхъ питательныхъ частицъ. Коммиссія, разсматривавшая вопросъ о костяхъ, бралась подарить Франціи огромное количество пропадавшей до того времени говядины. Мильонъ сулилъ Франціи такую-же огромную прибыль въ сбереженіи отрубей. «Еслибы, — говоритъ онъ, — кто-нибудь вдругъ объявилъ, что ему удалось обогатить Францію на нѣсколько милліоновъ гектолитровъ очень питательной пищи, не увеличивая трудовъ земледѣльца и не отнимая ни вершка земли у какого нибудь другого растенія; еслибы этотъ человѣкъ сталъ утверждать, что эта пища въ сравненіи съ пшеничной мукой содержитъ въ себѣ больше клейковины и вдвое больше жира, и что остальныя ея части, за исключеніемъ 10 процентовъ клѣтчатки, легко превращаются въ кровь, то можно было-бы подумать, что онъ бредитъ или видитъ сонъ. А между тѣмъ эта пища дѣйствительно существуетъ, она находится въ пшеницѣ и ее удаляютъ изъ пшеницы съ большимъ трудомъ. У пшеницы отнимаютъ значительную часть ея азота, ея жира, ея крахмала, солей, вкусныхъ и пряныхъ матеріаловъ для того только, чтобы освободиться отъ нѣсколькихъ тысячныхъ долей клѣтчатки». Это краснорѣчивое воззва-

ніе Мильона, напечатанное въ «Annales de chimie et de physique» за 1849 годъ, встрѣтило себѣ правдивое опроверженіе. «Хлѣбопашецъ и садовникъ,—пишетъ Бушарда,—люди, постоянно работающіе и находящіеся въ постоянномъ движеніи, могутъ переваривать рѣшетный хлѣбъ; отруби, заключающіяся въ этомъ хлѣбѣ, находятъ себѣ полезное назначеніе. Но если вы дадите этотъ хлѣбъ слабому старику, то отруби, не разложившись, пройдутъ черезъ его кишечный каналъ, потому что пищеваренію помѣшаетъ плотность питательныхъ частицъ и тотъ слой клѣтчатки, въ которомъ онѣ заключены. Не экономнѣе-ли будетъ въ этомъ случаѣ отдать отруби и мякину рогатому скоту и получить отъ него взамѣнъ мясо и молоко, въ высшей степени полезныя для людей съ слабыми пищеварительными органами».

Солдаты, получающіе въ крѣпостяхъ рѣшетный хлѣбъ, по словамъ Молешота, часто продаютъ свой паекъ и покупаютъ себѣ хлѣбъ изъ просѣянной муки. Дѣло въ томъ, что только сильный желудокъ способенъ переносить рѣшетный хлѣбъ, и каждый согласится съ тѣмъ, что пріятнѣе избѣгать разстройства, нежели лечиться отъ него. «Всякій,—говоритъ Молешотъ,—съ бо́льшимъ удовольствіемъ понесетъ деньги къ булочнику, чѣмъ къ аптекарю».

Эти два примѣра показываютъ ясно, что когда дѣло идетъ о пищѣ, то сравнительная дешевизна съѣстныхъ припасовъ опредѣляется не только той суммой денегъ, которая за нихъ заплачена. Возъ соломы дешевле четверти овса, но ежели вы станете кормить вашихъ лошадей соломой, то навѣрное въ концѣ концовъ останетесь въ убыткѣ. Картофель дешевле мяса, но если вы станете питаться картофелемъ, то навѣрное придете къ непріятнымъ и разорительнымъ результатамъ. Дешевымъ можно назвать то средство, которое съ наименьшими издержками ведетъ насъ къ желанной цѣли; если-же, платя ничтожную сумму, мы не достигаемъ предположенной цѣли, то мы бросаемъ деньги на вѣтеръ и утѣшаемся только тѣмъ, что бросаемъ ихъ мелкими клочками. Развѣ картофель можетъ быть названъ дешевой пищей? Развѣ онъ исполняетъ названіе пищи? Если онъ обманываетъ голодъ, то на это есть средства еще болѣе дешевыя: стоитъ только покрѣпче затянуть себѣ животъ, какъ дѣлаютъ то австралійскіе дикари, и вы этимъ средствомъ на нѣсколько часовъ укротите мучительное чувство голода; вы не дадите новой силы вашему организму, но этого не сдѣлаетъ и картофель; вся разница въ томъ, что картофельная діэта ослабитъ и разстроитъ васъ мало-по-малу и на медленномъ огнѣ сожжетъ ваши силы, между тѣмъ какъ голодъ разрушитъ ихъ быстро и заставитъ васъ испытать острыя мученія вмѣсто хронической болѣзни. Есть-ли между тѣмъ и другимъ чувствительная разница? —это такой вопросъ, рѣшеніе котораго совершенно зависитъ отъ вашего вкуса, если дѣло идетъ о васъ самихъ; но если вы—администраторъ или филантропъ, если вы обязаны или желаете обсуживать и рѣшать вопросы народнаго продовольствія, тогда будьте осторожны и не рекомендуйте той или другой дешевой пищи, не справившись съ тѣмъ, насколько она питательна и здорова. Гокинсъ, познакомившій Ирландію съ картофелемъ, оказалъ ей плохую услугу; его можно оправдать только его невѣдѣніемъ; привитіе-же невѣжество въ оправданіе какого-нибудь современнаго вамъ дѣятеля было-бы безсмысленно, потому что теперь физіологія, діэтетика, гигіена возвысились до степени науки; кто не знакомъ съ успѣхами науки, тотъ рѣшительно неспособенъ быть судьею въ какомъ-бы то ни было важномъ вопросѣ практической жизни, тотъ рѣшительно неспособенъ быть благодѣтелемъ человѣчества въ какомъ-бы то ни было отношеніи.

Время случайныхъ открытій миновало; усовершенствованія вырабатываются, а не родятся сами-собою. Микроскопъ и химическій анализъ, вотъ орудія современнаго прогресса, и при помощи этихъ орудій Молешотъ дошелъ до одного простого, частичнаго, но существенно важнаго результата. Онъ доказалъ, что обработка стручковыхъ растеній (чечевицы, гороха, бобовъ и фасоли) должна вытѣснить обработку картофеля. За первыми больше хлопотъ и издержекъ, но зато эти растенія даютъ такую пищу, которая во всѣхъ отношеніяхъ можетъ замѣнить собою мясо, недоступное по своей цѣнѣ бѣднымъ работникамъ Западной Европы. Недостаточность картофеля, какъ главной пищи, сознается всѣми свѣдущими людьми. Съ разныхъ сторонъ слышатся предложенія замѣнить его какимъ-нибудь заморскимъ еще не акклиматизованнымъ растеніемъ. Верро хвалитъ корни трюфелевиднаго растенія, произрастающаго въ средней Африкѣ и извѣстнаго подъ англійскимъ именемъ «native bread» (туземный хлѣбъ). Боскъ рекомендуетъ корни Glycine Apios, растущей въ Каролинѣ; Трекюль указываетъ на Apios tuberosa, находящуюся въ Миссури; Мульдеръ говоритъ объ обиліи бѣлковины, заключающейся въ корняхъ Ullico tuberosus. Всѣ эти растенія съ мудреными названіями надо еще пріучать къ европейской почвѣ, а между тѣмъ горохъ, бобы и чечевица цвѣтутъ на нашихъ глазахъ и нуждаются только въ томъ, чтобы мы расширили масштабъ ихъ обработки. Простой, чисто-житейскій совѣтъ Молешота, основанный въ то-же время на тщательномъ анализѣ составныхъ частей рекомендуемыхъ имъ растеній, во всякомъ случаѣ долженъ былъ бы обратить на себя вниманіе европейскихъ агрономовъ.

Если мысль Молешота можетъ быть осуществлена на дѣлѣ, то послѣдствія этого осуществленія навѣрное будутъ имѣть самое благотворное вліяніе на улучшеніе народной нравственности, на развитіе народнаго богатства, на усиленіе народной дѣятельности и предпріимчивости

VII.

Послѣ всего, что было говорено выше, трудно сомнѣваться въ томъ вліяніи, которое оказываетъ пища на темпераментъ, направленіе и дѣятельность мысли, словомъ, на весь нравственный и интеллектуальный характеръ человѣка. Есть осязательные факты, способные убѣдить самаго необузданнаго идеалиста. Въ кузницахъ департамента Тарнъ рабочихъ постоянно кормили растительной пищей; по ежегоднымъ отчетамъ оказывалось, что каждый работникъ круглымъ числомъ проводилъ въ году 15 дней въ лазаретѣ. Въ 1833 году Талабо, назначенный главнымъ начальникомъ этихъ заведеній, ввелъ мясную пищу, и здоровье рабочихъ поправилось такъ сильно, что уже только три дня въ году приходилось на болѣзни. При этомъ нужно принять въ соображеніе то, что рабочій уходилъ въ лазаретъ тогда, когда уже чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ къ работѣ, что онъ нѣсколько времени перемогался, работалъ черезъ силу, старался выходиться и переломить болѣзнь; окажется, что 15 дней лежанія въ больницѣ равняются нѣсколькимъ мѣсяцамъ ненормальнаго состоянія, мрачнаго и раздражительнаго расположенія духа. Здоровая пища въ пять разъ уменьшила число больничныхъ дней; ясно, что она вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣнила характеръ рабочихъ; кто впятеро рѣже бываетъ боленъ, тотъ по крайней мѣрѣ вдвое веселѣе и бодрѣе, у того по крайней мѣрѣ вдвое успѣшнѣе идетъ работа и вслѣдствіе этого вдвое больше родится надеждъ и предпріятій. Ирландцы, переселяющіеся въ Америку, часто представляютъ замѣчательные примѣры физическаго и нравственнаго превращенія. Изнуренный и органически испорченный картофельной діэтой, ирландецъ лѣнивъ по слабости, вслѣдствіе химическаго состава крови, и не годится у себя дома ни на какую работу. Тотъ-же ирландецъ переѣзжаетъ въ Америку, подкрѣпляетъ свои силы сочнымъ мясомъ—и становится другимъ человѣкомъ; мускулы становятся тверже, работа идетъ успѣшнѣе; смѣлость, предпріимчивость, веселая бодрость и самоуваженіе, естественныя слѣдствія здоровья и успѣшной дѣятельности, вытѣсняютъ мало-по-малу прежнія неутѣшительныя черты ирландскаго характера. Ирландецъ перерождается на новой почвѣ и становится другимъ человѣкомъ вслѣдствіе обильной и здоровой пищи. Различіе типовъ въ различныхъ сословіяхъ навѣрное находится въ связи съ свойствами принимаемой ими пищи. Насколько свойства пищи имѣютъ вліяніе на особенности народнаго характера, это опредѣлятъ вѣроятно болѣе тщательныя изслѣдованія; здѣсь достаточно будетъ привести нѣсколько общихъ замѣчаній. Племена, питающіяся звѣриной ловлей, отличаются большей частью физической силой и отвагой; тѣми же свойствами, хотя не въ такой степени, одарены кочевые народы, питающіеся молокомъ и мясомъ; многіе расположены искать причины этихъ свойствъ въ образѣ жизни этихъ племенъ; но при этомъ не должно забывать, что образъ жизни развивается изъ особенностей темперамента, что темпераментъ обусловливается преимущественно химическимъ составомъ крови и что кровь вырабатывается изъ принимаемой пищи.

Невозможно отрицать вліяніе мѣстности и климата; но невозможно также не видѣть, что эти условія дѣйствуютъ уже на нѣчто данное, на существующее тѣло, и что слѣдовательно всего важнѣе вопросъ: изъ чего составилось это тѣло? Вопросъ о принимаемой пищѣ равносиленъ этому вопросу и слѣдовательно всего ближе подходитъ къ вопросу о личномъ характерѣ человѣка. «Пока яванцы будутъ питаться преимущественно рисомъ, а суринамскіе негры банановой мукой, до тѣхъ поръ они будутъ подчинены голландцамъ», говоритъ Молешотъ. «Безъ сомнѣнія, преобладаніе англичанъ и голландцевъ надъ туземцами своихъ колоній зависитъ преимущественно отъ бо́льшаго развитія мозга; мозгъ зависитъ отъ химическаго состава крови, а кровь—отъ пищи. Сравните напримѣръ кротость отаитянъ, питающихся плодами, съ дикостью новозеландцевъ, уничтожающихся кровью своихъ враговъ». («Физ. эск.»

Въ дѣйствіи вина на организмъ и мыслительныя способности человѣка всего ярче обнаруживается наша зависимость отъ матеріи; нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка измѣняютъ человѣка совершенно; если онъ былъ грустенъ, онъ становится веселъ; если онъ былъ сосредоточенъ, онъ становится сообщителенъ; шутки, остроты, откровенныя изліянія, внезапные порывы гнѣва, неожиданные припадки чувствительности—рядъ словъ и поступковъ, на которые тотъ-же самый человѣкъ никогда-бы не рѣшился при другихъ условіяхъ, становится естественнымъ въ его собственныхъ глазахъ и понятнымъ для всѣхъ окружающихъ; всѣ говорятъ: «онъ пьянъ» и извиняютъ многое, чего не извинили-бы трезвому. Состояніе пьянаго человѣка рѣзко отдѣляютъ отъ нормальнаго положенія; это дѣлаютъ потому, что напряженіе силъ и нервовъ, произведенное дѣйствіемъ вина, продолжается очень недолго и вскорѣ смѣняется разслабленіемъ организма и усыпленіемъ субъекта; сверхъ того, это напряженіе рѣзко бросается въ глаза, и потому невольно

кажется намъ подозрительнымъ и какъ будто болѣзненнымъ. Но сравните между собою двухъ трезвыхъ людей: одинъ изъ нихъ хладнокровенъ и разсудителенъ, споритъ спокойно, возражаетъ мягко, дѣлаетъ жесты умѣренные и скромные; другой горячъ и впечатлителенъ, споритъ съ ожесточеніемъ, кричитъ на васъ, машетъ руками и во всякую минуту готовъ вамъ наговорить дерзостей, въ которыхъ черезъ четверть часа будетъ просить извиненія. Еслибы эти два господина А и В помѣнялись между собою ролями, вы навѣрное подумали-бы, что А пьянъ, а В боленъ, и потому не въ мѣру тихъ и кротокъ. Между тѣмъ А не дѣлалъ-бы ничего неприличнаго; онъ только обнаруживалъ-бы ту степень страстности, съ которой вы уже совершенно освоились въ В; разница между прежнимъ А и теперешнимъ показалась-бы вамъ поразительной только потому, что та возникла вдругъ, безо всякихъ переходовъ и промежуточныхъ инстанцій. Если вы сегодня видѣли 10-ти-лѣтняго ребенка, который приходится вамъ по-поясъ, и черезъ четверть часа увидите, что тотъ-же самый ребенокъ приходится вамъ по плечо, то вы скажете конечно, что его поставили на ходули; но если вы увидите того-же ребенка лѣтъ черезъ пять, то васъ даже нисколько не удивитъ происшедшая въ немъ перемѣна, единственно потому, что вы видѣли или можете предположить промежуточныя инстанціи. Еслибы, видаясь постоянно съ А, вы видѣли и замѣчали, что его спокойная природа становится постепенно живѣе и страстнѣе, и еслибы лѣтъ черезъ пять онъ сдѣлался очень похожъ на В, то вы вѣроятно не стали-бы объяснять дѣйствіемъ вина эту страстность и впечатлительность. Вы только сказали-бы, припомнивая прошлое, что въ характерѣ вашего знакомаго произошла значительная перемѣна; эта перемѣна, совершившаяся внезапно, могла бы васъ озадачить и испугать; совершаясь постепенно, она васъ будетъ радовать; вы увидите въ ней признакъ здоровья и возрастающей силы. Слабая степень опьяненія оказывается такимъ образомъ усиленіемъ и ускореніемъ кровообращенія, произведеннымъ внезапно и вслѣдствіе этого продолжающимся недолго. Укрѣпляющая пища, принимаемая въ изобилін, произведетъ при продолжительномъ дѣйствіи на организмъ тѣ-же явленія, которыя производитъ лишняя рюмка крѣпкаго вина, съ той только существенной разницей, что эти явленія будутъ нормальнымъ достояніемъ организма, а не результатомъ временнаго возбужденія.

Наша зависимость отъ вѣчныхъ свойствъ матеріи, выражающаяся рѣзко въ дѣйствіи вина на организмъ, выражается не такъ рѣзко, но зато болѣе прочнымъ образомъ въ дѣйствіи мясной и растительной пищи. Эту зависимость хорошо понимали поборники аскетизма; воздержаніе отъ мясной пищи было необходимо для достиженія ихъ цѣлей; надо было ослабить мускулы и разводянить кровь, чтобы пріучить человѣка къ изнуренію плоти. Всѣ мы знаемъ по опыту, что воздержаніе отъ мясной пищи уменьшаетъ половое влеченіе; противъ этого никто не споритъ, какъ противъ существующаго факта; а допуская это обстоятельство, можно-ли долѣе сомнѣваться въ зависимости всего нравственнаго характера отъ химическаго состава пищи. Развѣ могутъ смотрѣть одними глазами на разнообразныя явленія жизни сильный и слабый, здоровый и больной, человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и аскетъ, изуродованный образомъ жизни и питанія? Краски и звуки окружающей природы, дѣйствія и личности близкихъ людей, движенія собственной мысли и собственнаго чувства—словомъ, всѣ матеріалы, надъ которыми работаетъ зиждущая дѣятельность нашего мозга, представятся въ различномъ свѣтѣ этимъ двумъ діаметрально-противоположнымъ типамъ. Тамъ, гдѣ здоровый и сильный человѣкъ увидитъ только пестроту и разнообразіе явленій, привлекательную игру жизни, тамъ слабый и больной увидитъ тщету міра сего, суетность земной красоты, неразумное и незаконное уклоненіе отъ вѣчной нормы; тамъ, гдѣ первый снисходительно улыбнется, тамъ второй нахмуритъ брови; тамъ, гдѣ первый увлечется живымъ порывомъ, тамъ второй призоветъ на помощь суровыя требованія идеала; то, что первый пойметъ и оправдаетъ инстинктомъ сердца, силой чувства, то осудитъ второй педагогическимъ приговоромъ сухого разсудка, вращающагося въ ограниченной сферѣ односторонннхъ отвлеченностей.

«Сытый голоднаго не разумѣетъ», говоритъ русская пословица, и эту пословицу въ самомъ буквальномъ смыслѣ можно приложить ко всѣмъ сферамъ духовной дѣятельности человѣчества. Разладъ между сытыми и голодными, между людьми наслаждающимися и людьми страждущими продолжится до тѣхъ поръ, пока на бѣломъ свѣтѣ будутъ люди, нуждающіеся въ необходимомъ, и люди, упорно отворачивающіеся отъ наслажденія; обезпечить матеріальное существованіе первыхъ и побѣдить разумными доводами упорство вторыхъ—эти двѣ великія задачи, сознанныя уже нашей эпохой, предстоятъ окончательно рѣшить отдаленному будущему. Уничтоженіе матеріальныхъ лишеній и связанныхъ съ ними физическихъ страданій уничтожило-бы большую часть общественныхъ золъ и преступленій. Каждая дикая мысль, каждое отчаянное движеніе души могутъ быть приведены въ нѣкоторую зависимость отъ неправильнаго или недостаточнаго питанія; тѣ-же обстоятельства жизни, тѣ же столкновенія съ печальной дѣйствительностью производятъ совершенно различное впечатлѣніе на сытаго и на

голоднаго, на здороваго и на больного. «Мы рождены изъ матеріи,—говоритъ Молешотъ,—растенія, вытягивающія свойственныя имъ соли изъ земли, связываютъ насъ съ извѣстною почвой. Черты нашего лица и мысли нашего мозга имѣютъ такую-же географію, какъ и растенія. Мы не можемъ жить безъ пищи, и потому не можемъ избѣжать вліянія матеріи, распространяющагося изъ кишечнаго канала черезъ кровь во всѣ части нашего тѣла при каждомъ кускѣ пищи, который мы проглатываемъ». («Phys. Skizz».)

Связанный такимъ образомъ съ почвою, на которой онъ живетъ, человѣкъ господствуетъ надъ этой почвой, умѣя выбирать себѣ именно то, что ему нравится и что онъ признаетъ для себя необходимымъ. Не ограничиваясь простымъ утоленіемъ голода и жажды, человѣкъ создаетъ себѣ потребности, которыя можно было-бы назвать искусственными, еслибы онѣ не проявлялись одновременно у всѣхъ народовъ земного шара, и еслибы какой-то непосредственный инстинктъ не указывалъ этимъ народамъ на разнообразныя средства, удовлетворяющія этимъ потребностямъ. Стремленіе къ наркотическимъ веществамъ существуетъ у аравитянъ и у гренландцевъ, у негровъ и у европейцевъ, у индусовъ и у американскихъ индійцевъ. Сибирскіе дикари пьютъ настой мухомора, турки курятъ табакъ и опіумъ, мы пьемъ чай, кофе, пиво, вино и куримъ табакъ, индусы жуютъ бетель, перуанцы—коку, негры готовятъ вино изъ пальмоваго сока, киргизы—изъ кобыльяго молока: всѣ безъ исключенія находятъ возможность какимъ-нибудь снадобьемъ привести себя въ возбужденное состояніе. Колоритъ этого возбужденія измѣняется, смотря по свойствамъ принятаго вещества, смотря по силѣ пріема и по комплекціи принимающаго субъекта.

Между тѣми галлюцинаціями, которыя возбуждаютъ опіумъ и гашишъ, и тѣмъ слабымъ возбужденіемъ, которое доставляетъ чашка крѣпкаго чаю,—лежитъ множество промежуточныхъ оттѣнковъ. Сильное напряженіе нервовъ, порождаемое опіумомъ и гашишемъ, ведетъ за собою всеобщее разслабленіе и страданіе; крѣпкій чай производитъ только біеніе сердца и очень медленно разстраиваетъ нервную систему; поэтому опіумъ и гашишъ употребляютъ на Востокѣ люди, готовые за нѣсколько минутъ жгучаго наслажденія заплатить годами страданій; чай и кофе, напротивъ того, пьютъ европейцы, съ величайшей осторожностью и бережливостью тратящіе силы. Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай—протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной —кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе; правители, боявшіеся этого движенія, запирали кофейные дома, служившіе сборнымъ мѣстомъ для людей, интересовавшихся политическими вопросами; такъ распорядился Карлъ II, но эта полицейская мѣра не принесла особенной пользы династіи Стюартовъ и не остановила даже распространенія чая и кофе.

Видѣть въ употребленіи чая или кофе причину того или другого политическаго переворота было-бы конечно смѣшно, но вотъ съ какой стороны можно посмотрѣть на дѣло: еслибы народонаселеніе какого-нибудь государства вмѣсто стакана чаю выпивало утромъ и вечеромъ по стакану пива, то у большей части жителей нервы сложились-бы какъ-нибудь иначе; не было бы той впечатлительности, той подвижности, той раздражительности, которую возбуждаетъ чай; мозговые нервы воспріимчивѣе остальныхъ нервовъ и прежде другихъ испытываютъ на себѣ вліяніе наркотическихъ веществъ; очень понятно, что въ мозговыхъ первахъ и выразилось-бы всего сильнѣе дѣйствіе пива или чая. Скорость и послѣдовательность въ развитіи идей, вліяніе воспринятой идеи на поступки, словомъ, логика и практическая философія народа всего замѣтнѣе могутъ измѣниться отъ того, что одинъ наркотическій напитокъ будетъ замѣненъ другимъ. Представьте-же себѣ, что въ государство это проникаетъ какая-нибудь новая, общечеловѣческая идея; скоро-ли она распространится, встрѣтитъ-ли себѣ горячее сочувствіе, найдетъ-ли критическое опроверженіе, явятся-ли въ отношеніи къ этой идеѣ фантастическіе адепты или благоразумные цѣнители, все это такіе вопросы, на которые можно отвѣчать приблизительно вѣрно только въ томъ случаѣ, если мы будемъ знать главныя особенности народной логики или, проще, если мы будемъ знать свойства мозговыхъ нервовъ отдѣльныхъ гражданъ. На положеніе этихъ нервовъ имѣютъ несомнѣнное вліяніе употребительные наркотическіе напитки. Стало быть, эти-же напитки имѣютъ нѣкоторую долю вліянія на судьбу той или другой великой идеи.

«Посредствомъ кофе,—говоритъ Молешотъ,—точно такъ-же, какъ посредствомъ пароходовъ и электрическихъ телеграфовъ, пускается въ обращеніе рядъ мыслей, возникаетъ теченіе идей, проэктовъ и предпріятій, которые всѣхъ увлекаютъ за собою». Не одинъ историкъ-мистикъ придетъ въ негодованіе при мысли о міровомъ значеніи чая или кофе; употребляя слова «духъ времени, требованія эпохи, настроеніе умовъ», онъ не думаетъ и не гадаетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ высокихъ представленій лежатъ часто матеріальныя причины, которыя еще ждутъ себѣ правильной оцѣнки. Развитіе

промышленности, путей сообщенія, торговли и военнаго дѣла принимаются въ соображеніе и считаются существенными чертами въ прогрессѣ народностей и въ совершенствованіи всего человѣчества. Когда рѣчь заходитъ о выборѣ и приготовленіи пищи, т. е. о построеніи нашего собственнаго тѣла, тогда мы улыбаемся или дѣлаемъ гримасу, относимся къ изслѣдованію какъ къ безвредной шуткѣ или осуждаемъ его, какъ неумѣстный парадоксъ. Наши историки говорятъ о тѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, которыя клонятся къ тому, чтобы доставить нашему тѣлу извѣстнаго рода комфортъ, избытокъ и частости жизненнаго наслажденія, и ничего не говорятъ о томъ, изъ чего слагалось это тѣло, и какъ съ теченіемъ времени совершенствовались и очищались эти строительные матеріалы. Эта странная непослѣдовательность извиняется съ одной стороны молодостью естественныхъ наукъ, неуспѣвшихъ еще занять свое мѣсто въ ряду руководящихъ знаній исторіи, съ другой стороны—бѣдностью историческихъ свидѣтельствъ о пищѣ различныхъ народовъ и различныхъ сословій. Теперь интересъ къ естественнымъ наукамъ пробуждается, мелочи перестаютъ считаться безполезными и незанимательными, анализъ подробностей разрушаетъ туманныя теоріи и звонкія фразы, и зданіе антропологіи, надъ фундаментомъ котораго работаютъ люди, подобные Фохту и Молешоту, основывается на твердыхъ фактахъ, на неопровержимыхъ данныхъ непосредственнаго опыта и точнаго наблюденія.

Надѣюсь, что, прочитавъ эти страницы, наша публика согласится съ тѣмъ, что изслѣдованія Молешота о съѣстныхъ припасахъ, представленныя въ популярной формѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка и могутъ имѣть самое благотворное вліяніе на дѣятельность молодой, формирующейся мысли, сбрасывающей оковы рутиннаго фразерства и подавляющаго мистицизма. Веселѣе жить, легче дышать, когда вмѣсто призраковъ и отвлеченностей видишь осязательныя явленія и сознаешь какъ свою зависимость отъ нихъ, такъ и свое господство надъ ними. Я беру въ руки топоръ и знаю, что могу этимъ топоромъ срубить себѣ домъ или отрубить себѣ руку; я держу въ рукѣ бутылку и знаю, что налитое вино можетъ доставить мнѣ умѣренное наслажденіе или довести меня до уродливыхъ нелѣпостей; въ каждой частицѣ матеріи лежитъ и наслажденіе, и страданіе; все дѣло въ томъ, чтобы знать ея свойства и умѣть ими пользоваться, какъ мы умѣемъ пользоваться топоромъ и виномъ; чѣмъ шире и глубже становятся наши знанія, тѣмъ полнѣе и безслѣднѣе расплываются въ ничто неуклюжіе призраки Ормузда и Аримана, пугавшіе довѣрчивое дѣтство отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ. Газы, соли, кислоты, щелочи соединяются и видоизмѣняются, дробятся и разлагаются, кружатся и движатся безъ цѣли и безъ остановки, проходятъ черезъ наше тѣло, порождаютъ новыя тѣла—и вотъ вся жизнь, и вотъ исторія. Но формы для насъ дороже матеріала; мы любимъ и ненавидимъ только формы, сражаемся за формы и противъ формъ, и потому въ исторіи конечно слѣдимъ за развитіемъ и увяданіемъ формъ, а не матеріала, потому что матеріалъ вѣченъ, неизмѣненъ. Это естественно, но, изучая формы, надо-же знать и матеріалы, хотя бы для того, чтобы опредѣлить, насколько дорогія намъ формы зависятъ отъ свойствъ матеріала, хотя бы для того, чтобы овладѣть матеріаломъ и располагать имъ по своему благоусмотрѣнію. Изученіе матеріала и изученіе формъ, естественныя науки и гуманныя, химія и исторія должны идти рука объ руку и сознать въ себѣ потребность соединенія, хотя самое соединеніе относится также къ области будущаго.

ПРОЦЕССЪ ЖИЗНИ.

Физіологическія письма *Карла Фохта*.

(„Physiologische Briefe“ von Carl Vogt.)

I.

Представьте себѣ, что вамъ приходится описывать очень сложную машину съ замысловатымъ внутреннимъ устройствомъ, которое непремѣнно должно находиться во время дѣйствія снаряда въ плотно закупоренномъ ящикѣ, чтобы не подвергнуться разлагающему вліянію атмосфернаго воздуха, чтобы не отсырѣть, не засориться и не придти въ негодность. Представьте себѣ, что эта машина приводится въ движеніе не одними механическими средствами (т. е. не только колесами, гирями, шестернями и цѣпочками), а кромѣ того химическими соединеніями и разложеніями, совершающимися внутри снаряда. Чтобы дать читателямъ какое

нибудь понятіе объ этой сложной машинѣ, вамъ поневолѣ придется описывать ее по частямъ, представлять ее въ разрѣзѣ, вынимать изъ нея отдѣльныя колеса и гири, разсматривать химическіе агенты, словомъ, разрушать ту общую связь, которая необходима для успѣшнаго дѣйствія снаряда. Вамъ придется утомлять вниманіе читателя мелкими подробностями, которыхъ необходимость нѣсколько времени будетъ оставаться для него непонятной; въ то время, когда читатель будетъ требовать отъ васъ общаго, идеи снаряда, вы будете принуждены говорить ему о дѣйствіи того или другого блока, о свойствахъ той или другой щелочи. Въ такомъ-то непріятномъ положеніи находится физіологъ, пытающійся сообщить публикѣ въ популярной формѣ главные результаты новѣйшихъ изслѣдованій, касающихся человѣческаго организма. Конечно никакая машина не можетъ интересовать насъ такъ сильно, какъ интересуетъ насъ наше собственное тѣло. Но зато какая-же машина сложностью своего внутренняго устройства можетъ сравниться съ животнымъ организмомъ? Какая машина представляетъ наблюдателю такія, на первый взглядъ, непреодолимыя препятствія? Мы хотимъ видѣть машину въ полномъ ходу,— это оказывается невозможнымъ. Какъ только мы попытаемся какимъ-нибудь способомъ раскрыть дверцу, чтобы бросить любопытный взглядъ на внутреннее устройство, такъ это внутреннее устройство оказывается насильственно измѣненнымъ; гармонія нарушена, и намъ остается только догадываться, какъ было прежде, до той минуты, когда мы разорвали живую связь органическихъ тканей.

О тѣхъ временахъ, когда предразсудокъ мѣшалъ врачамъ анатомировать трупы, нечего и говорить; въ тѣ времена физіологія не существовала, какъ наука; тогда приходилось любознательному врачу рѣзать кошекъ, собакъ, кроликовъ, и по аналогіи возсоздавать внутреннее устройство человѣческаго тѣла; зато тогда медицина опиралась на магію; поле этихъ двухъ наукъ не можетъ быть разграничено, и многіе знаменитые врачи за излишнюю догадливость попадали въ тюрьмы священной никвизиціи и умирали на кострахъ. Теперь измѣнились препятствія, измѣнились опасности, угрожающія физіологу; наука далеко подвинулась впередъ, но и теперь еще она нуждается почти въ оправданіи, въ извиненіи въ глазахъ той массы, которая именно всего болѣе нуждается въ знаніяхъ, и которая уже потому, что знаетъ грамотѣ, была-бы дѣйствительно способна усвоить себѣ результаты изслѣдованія. Теперь добросовѣстный и талантливый изслѣдователь рискуетъ остаться непрочитаннымъ только потому, что онъ не забѣгаетъ впередъ фактовъ, не строитъ скороспѣлыхъ теорій, не возвышается преждевременно до синтетическихъ взглядовъ. Мы всѣ еще сильно заражены наклонностью къ натурфилософіи, къ познанію общихъ свойствъ естества, основныхъ началъ бытія, конечной цѣли природы и человѣка и прочей дребедени, которая смущаетъ даже многихъ спеціалистовъ и мѣшаетъ имъ обращаться какъ слѣдуетъ съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ. Теоріи физіологіи растутъ какъ грибы подъ руками плодовитыхъ писателей; медицина кидается на эти теоріи, прилагаетъ ихъ къ дѣлу, едва провѣривъ степень ихъ основательности; является путаница, практическія ошибки, отзывающіяся сотнями смертныхъ случаевъ, сотнями и тысячами неудачныхъ леченій. Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе объяснить появленіе на нашихъ глазахъ разныхъ противурѣчивыхъ системъ леченія, гомеопатіи, гидропатіи, магнитическаго, электрическаго, гальваническаго леченія? Если все это не одно чистое шарлатанство, что предположить какъ-то совѣстно, то это продукты скороспѣлыхъ теорій, а скороспѣлыя теоріи—остатокъ средневѣковой методы восходить къ началу всѣхъ началъ, когда знаешь факты изъ пятаго въ десятое и когда почва еще колышется подъ ногами.

Естественныя науки не то, что исторія, совсѣмъ не то, хоть Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самого писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ; еслибы Маколей ошибся сто разъ въ фактическомъ разсказѣ событій, и тогда-бы его произведенія имѣли для насъ несравненно болѣе прелести, болѣе жизненной полноты и человѣческаго достоинства, чѣмъ творенія какого-нибудь Капфига или Миркура, хотя-бы эти господа не ошиблись ни въ одномъ годѣ, ни въ одной генеалогической подробности. Разсматривая прошедшую жизнь человѣчества, я непремѣнно становлюсь къ ея проявленіямъ въ тѣ или другія отношенія; если-же у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ прошедшимъ событіямъ, тогда становится непонятнымъ, для чего-же я ихъ разсказываю. Лѣтописецъ записываетъ для того, чтобы событія не пропали для потомства. А историку такой причины въ наше время привести нельзя. Лѣтописи не пропадутъ; онѣ хранятся въ библіотекахъ и архивахъ, за замками и запорами. Стало-быть, если я беру эти лѣтописи, то для того, чтобы сказать что-нибудь по поводу событій, а не для того, чтобы пересказать событія, иначе и Семевскаго придется зачислить въ русскіе историки. Исторія есть осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія автора; каждая политическая партія можетъ имѣть свою всемірную исторію, и дѣйствительно имѣетъ ее, хотя конечно не всѣ эти исторіи записаны, точно также, какъ всякая философская школа имѣетъ свой фило-

софскій лексиконъ. Исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ. Объ естественныхъ наукахъ этого конечно нельзя сказать; природѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ вы объ ней думаете; если вы ошиблись, она васъ помнетъ или совсѣмъ раздавитъ, какъ помнетъ или раздавитъ васъ колесо огромной машины, къ которой вы подошли слишкомъ близко во время ея полнаго хода. Изучая природу, вы имѣете дѣло съ слѣпыми силами, но съ силами громадными, постоянно дѣйствующими, которыя не поддадутся для васъ ни вправо, ни влѣво. Управлять вы ими можете, но для этого вы должны *знать* ихъ, а не составлять себѣ объ нихъ произвольныя теоретическія понятія. Каждая естественная наука имѣетъ свои практическія приложенія; отъ степени развитія этихъ практическихъ приложеній зависитъ вся наша жизнь; самосохраненіе, удобства жизни, наслажденія — все это возможно только при знаніи окружающей природы; тутъ ужъ на теоріи далеко не уѣдешь.

Цѣль естественныхъ наукъ — никакъ не формированіе міросозерцанія, а просто увеличеніе удобствъ жизни, расширеніе и расчищеніе того русла, въ которомъ текутъ наши интересы, занятія, наслажденія, словомъ, все то, что̀ мы называемъ жизнью. Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и другіе подобные имъ имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подъ-часъ и пугали себя окружающія ихъ взрослыя дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. Они рѣшились каждую вещь брать въ руки, осматривать, класть ее подъ микроскопъ, опускать въ кислоту и потомъ сообщать публикѣ описанія своихъ опытовъ съ рисунками и чертежами; какъ люди, способные работать мозгомъ, они конечно видѣли нѣкоторую связь между наблюдаемыми явленіями и даже старались находить эту связь, располагая свои наблюденія въ извѣстной послѣдовательности; общихъ результатовъ они не нашли еще, потому-ли, что ихъ вовсе нѣтъ, или-же потому, что фактическая часть науки еще малоизвѣстна; какъ бы то ни было, но своей теоріи міра они не построили, и въ этомъ, вообразите себѣ, и состоитъ величайшая ихъ заслуга. Когда люди, расположенные строить теоріи міра, берутся за изученіе природы, то они дѣлаются Сведенборгами, или Экартсгаузенами, или-же по крайней мѣрѣ, подобно Мильну-Эдвардсу, превращаютъ природу въ спеціалиста политической экономіи. Мнѣ всегда приходило въ голову, что подобные господа положительно не поняли своихъ наклонностей и способностей. Въ нихъ творчество положительно преобладаетъ надъ любознательностью. Имъ-бы слѣдовало усвоить себѣ изящную форму изложенія и писать романы, повѣсти, поэмы, лирическія мелочи, все, что̀ угодно, только никакъ не ученыя изслѣдованія. Оно конечно пріятно смотрѣть на природу какъ на кучку пестрыхъ камешковъ, изъ которыхъ можно сложить красивую, пеструю мозаику, но вѣдь надо-же себя поставить на мѣсто тѣхъ людей, которые желали-бы видѣть, какъ эти пестрые камешки лежатъ не въ книгѣ неудавшагося поэта, а на самомъ дѣлѣ, въ живой дѣйствительности. Зачѣмъ-же этихъ людей вводить въ заблужденіе заглавіемъ книги? Если-бы на оберткѣ было написано: *Фантазія такого-то о природѣ, въ стихахъ и прозѣ*, то можетъ-быть эти люди и въ руки не взяли-бы этого произведенія

Да, строители теорій или, что̀ то-же, неудавшіеся поэты надѣлали много вреда, они напримѣръ до такой степени извратили понятія и вкусъ публики, что публика требуетъ отъ изслѣдованій натуралистовъ — направленія. Ради Бога, господа, вникните въ безобразіе этого требованія: направленія отъ натуралистовъ. Я поясню это требованіе короткимъ разсказомъ дѣйствительнаго происшествія. Мнѣ случилось разговаривать о Молешотѣ съ однимъ знакомымъ мнѣ современно развитымъ гуманистомъ. Мой собесѣдникъ упрекнулъ Молешота въ аристократизмѣ. Я пришелъ въ недоумѣніе и ждалъ, что то будетъ. Помилуйте, продолжалъ гуманистъ, онъ придаетъ такое значеніе пищи, что по его теоріи выйдетъ такъ: кто хорошо обѣдаетъ, тотъ и силенъ, и уменъ, а тотъ, у котораго рѣдко бываетъ во щахъ кусокъ мяса, стало-быть, дрянь. Мой знакомый долго продолжалъ говорить на эту тему, но направленіе его рѣчи уже намѣчено, и потому я его оставлю въ сторонѣ. Что-же касается до Молешота, его конечно защищать мудрено. Онъ виноватъ безъ оправданія! Какъ онъ смѣлъ, вопреки гуманнымъ тенденціямъ вѣка, доказывать, что мясная пища даетъ силы мускуламъ и мозгу, а растительная заставляетъ организмъ почти исключительно заниматься пищевареніемъ! Можно было-бы возразить пожалуй, что для бѣдныхъ ирландцевъ было-бы полезнѣе, еслибы филантропы поменьше восторгались ихъ патріархальными добродѣтелями и побольше заботились о замѣненіи картофеля чечевицей и горохомъ. Но филантропы такого возраженія не примутъ: если вы скажете, что народъ грубъ, они обвинятъ васъ въ негуманности; если вы скажете, что порода измельчала и испортилась отъ дурной пищи и дурного образа жизни, они обвинятъ васъ въ кощунствѣ. Преклоняйтесь предъ народной правдой, уважайте даже народныя

щи да кашу и не вѣрьте Молешоту, котораго, по выраженію Полонскаго, изучаетъ самъ чортъ,—вотъ что скажутъ вамъ филантропы, гуманисты, которые всѣ болѣе или менѣе подходятъ подъ типъ неудавшихся поэтовъ.

II.

Фохтъ не поэтъ; его физіологическія письма написаны безъ міросозерцанія; съ міромъ онъ и не имѣетъ дѣла, онъ старается описать понятнымъ языкомъ главныя органическія отправленія, образующія собою тотъ страшно сложный процессъ, который мы называемъ простымъ, общензвѣстнымъ словомъ жизнь. Вся книга Фохта состоитъ изъ отдѣльныхъ подробностей и исчерпываетъ, насколько это теперь возможно, только одну сторону жизни, растительную жизнь (das vegetative Leben). Въ книгѣ Фохта говорится только о томъ, какъ поддерживается органическая жизнь, т. е. какъ обращается кровь, какъ совершается процессъ дыханія, какъ принимается и переваривается пища. Цѣлая, огромная сторона жизни остается еще нетронутой; о жизни животной, т. е. о воспринятіи и переработкѣ впечатлѣній, о дѣятельности нервной системы, въ этомъ томѣ еще не сказано ни слова. Говоря о различныхъ отправленіяхъ растительной жизни (т. е. той жизни, которая составляетъ общее достояніе растеній и животныхъ), Фохтъ принужденъ бороться съ рутиной и скрытымъ мистицизмомъ прежнихъ физіологовъ. Говоритъ-ли онъ о кровообращеніи, о дыханіи или о пищеваренія, ему вездѣ приходится еще *доказывать*, что всѣ эти процессы совершаются по простому сцѣпленію физическихъ и химическихъ законовъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней, таинственной силы. Эту таинственную силу прежніе физіологи называли жизненной силой. Гдѣ кончались предѣлы ихъ наблюденій, тамъ они вмѣсто того, чтобы откровенно сказать: не знаю, говорили: здѣсь начинается дѣйствіе жизненной силы.

«Жизненная сила,—говоритъ Фохтъ,—принадлежитъ къ числу тѣхъ заднихъ дверей, которыхъ такъ много въ наукѣ и которыя всегда будутъ убѣжищемъ праздныхъ умовъ; вмѣсто того, чтобы потрудиться да изслѣдовать то, что на первый взглядъ кажется непостижимымъ, эти умы довольствуются тѣмъ, что дивятся кажущемуся чуду. Медицина въ этомъ отношеніи особенно изобрѣтательна. Боже милостивый! Что-бы случилось съ медицинской практикой, еслибы не было подъ руками терминовъ: ревматизмъ, ипохондрія и истерія, этихъ трехъ кладовыхъ, въ которыя мы сваливаемъ все то, о чемъ не имѣемъ точныхъ свѣдѣній? Когда не знали электричества, тогда считали громъ явленіемъ сверхъестественнымъ; но чѣмъ дальше шли впередъ въ познаніи природы, тѣмъ болѣе исчезало таинственное и чудесное. То-же явленіе совершалось и въ физіологіи; жизненная сила есть тотъ неизвѣстный, тотъ x, который стоитъ вездѣ въ глубинѣ сцены и постоянно увертывается, когда его хотятъ схватить; царство этого неизвѣстнаго отодвигается назадъ и въ глубь, по мѣрѣ того какъ наука проникаетъ впередъ съ своимъ факеломъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія не было ни одного отправленія нашего тѣла, въ которомъ этотъ неизвѣстный элементъ жизненной силы не игралъ-бы значительной роли:—теперь ссылка на жизненную силу для объясненія наблюдаемаго факта не имѣетъ уже никакого научнаго значенія; она будетъ просто описательнымъ выраженіемъ невѣдѣнія». Итакъ, жизненной силы, какъ чего-то самостоятельнаго, неразлагаемаго, не существуетъ; послѣдній оплотъ невѣжества разрушенъ; маска сорвана съ мистицизма, и изслѣдователи смотрятъ на природу внимательно, но просто, безъ суевѣрнаго благоговѣнія, безъ институтской мечтательности.

Иные скажутъ пожалуй, что это и есть направленіе изслѣдованія. Господа, помилосердуйте! Неужели человѣкъ, говорящій самому себѣ: смотри въ оба, не зѣвай по сторонамъ, не ври глупостей, — вслѣдствіе этого представляется вамъ адептомъ извѣстной школы? Тогда вы должны будете сознаться, что и здравый смыслъ, и нормальный глазъ тоже принадлежатъ не здоровымъ людямъ вообще, а приверженцамъ того или другого ученія. Впрочемъ и это бываетъ. Когда я въ одной критической статьѣ выразилъ сомнѣніе въ необходимости идеаловъ, то мнѣ замѣтили въ «Сѣверной Пчелѣ», что я только подставляю вмѣсто существующихъ идеаловъ свой идеальчикъ; вотъ видите-ли, отсутствіе идеаловъ и безграничная свобода личности, формулирующаяся русской пословицей: «кто во что горазъ» или «всякій молодецъ на свой образецъ», какъ желаемое состояніе человѣчества, показались моему рецензенту новымъ идеаломъ. Если такъ смотрѣть на вещи, тогда конечно и Молешота, и Фохта придется считать идеалистами и адептами школы: они отрицаютъ всякія предвзятыя теоріи, освобождаются отъ всякихъ предубѣжденій. Ну, чтожъ? это отрицаніе и есть, стало-быть, ихъ теорія. Спорить съ подобнымъ мнѣніемъ не стоитъ уже потому, что оно нисколько не измѣняетъ сущности дѣла, а спорить изъ-за словъ

Есть тьма охотниковъ,—
Я не изъ ихъ числа.

III.

Приступимъ къ дѣлу. Въ процессѣ жизни можно замѣтить три главныя отправленія, тѣсно, неразрывно связанныя между собою, но между

тѣмъ совершающіяся отдѣльными органами и слѣдовательно допускающія отдѣльное изученіе. Эти три отправленія называются кровообращеніемъ, дыханіемъ и пищевареніемъ. При остановкѣ одного изъ этихъ трехъ отправленій останавливаются и остальныя; организмъ разлагается и составныя его части возвращаются въ вѣчный круговоротъ вещества. Если, положимъ, отъ холода остановилось обращеніе крови, мы говоримъ, что животное замерзло; если какое-нибудь постороннее препятствіе остановило притокъ кислорода въ легкія, мы говоримъ, что животное задохнулось; если отъ недостатка питательныхъ матеріаловъ остановилось на извѣстный промежутокъ времени пищевареніе, мы говоримъ, что живое умерло съ голоду. Во всѣхъ трехъ случаяхъ прекращеніе одной изъ функцій жизненнаго процесса повело за собою прекращеніе двухъ остальныхъ и слѣдовательно уничтоженіе органической жизни вообще. Жизнь же есть не что иное, какъ постоянное измѣненіе матеріала при сохраненіи извѣстной формы. Я сегодня тотъ-же человѣкъ, какой былъ вчера, а между тѣмъ процессы испаренія, испаренія и выдыханія выдѣлили изъ моего тѣла матеріалы, входившіе вчера въ его составъ; въ тоже время процессы принятія пищи и вдыханія воздуха внесли въ мое тѣло частицы, которыхъ въ немъ не было вчера. Если я теряю способность выдѣлять или воспринимать, я вмѣстѣ съ тѣмъ теряю способность жить; запоръ, задержаніе мочи, отсутствіе аппетита и проч. составляютъ болѣзни; если эти болѣзни не будутъ устранены медицинскими средствами или дѣйствіемъ самой природы, если потерянная способность выдѣлять или воспринимать не возвратится въ свое время, организмъ непремѣнно разрушится, и мое *я* превратится въ черноземъ, войдетъ въ тѣло земляныхъ и другихъ червей, въ составъ травы, и вообще поступитъ въ полное распоряженіе общей кормилицы, матушки сырой земли, а духъ конечно воспаритъ, и т. д. Оно хоть и обидно для человѣческаго самолюбія, а дѣлать нечего! Какъ ни толкуй гг. гуманисты о нравственномъ и юридическомъ смыслѣ, а противъ рожна прать мудрено, и съ фактами примириться необходимо. Для тѣхъ-же изъ гуманистовъ, которые любятъ прислоняться къ авторитету и утѣшаться тѣмъ, что они имѣютъ за себя великіе голоса человѣчества, будетъ безконечно полезно въ этомъ случаѣ припомнить слова Гамлета надъ черепомъ Іорика. Противъ осязательнаго факта они еще поспорятъ, но когда увидятъ, что за этотъ же фактъ говоритъ и Шекспиръ, тогда они сложатъ оружіе.

Но къ дѣлу! къ дѣлу! Постараюсь по Фохту, въ самыхъ общихъ чертахъ, охарактеризовать процессы кровообращенія, дыханія и пищеваренія. Подробности не возможны при отсутствіи чертежей; сверхъ того онѣ утомительны для человѣка, рѣшительно незнакомаго съ анатоміей: что-же касается до легкаго очерка, то я надѣюсь, что его прочтутъ безъ скуки и неудовольствія.

Въ обращеніи крови главную роль играетъ сердце. «Все движеніе крови — говоритъ Фохтъ — зависитъ исключительно отъ дѣятельности сердца». Сердце есть полый мускулъ, сжимающійся и расширяющійся; этотъ мускулъ соединяется съ двумя системами кровеносныхъ сосудовъ, расходящихся отъ сердца ко всѣмъ частямъ тѣла. Одна изъ этихъ системъ — *артеріи* несутъ кровь отъ сердца къ оконечностямъ; другая — *вены* несутъ кровь отъ оконечностей къ сердцу. Артеріи отличаются отъ *венъ* большей толщиной стѣнокъ и большей эластичностью. Если разрѣзать артерію и выдавить изъ нея кровь, она все-таки сохранитъ свою цилиндрическую форму, такъ что ее можно будетъ сравнить съ гуттаперчевой трубочкой; если же сдѣлать то-же самое съ веною, она сморщится и потеряетъ прежнюю форму, какъ потеряетъ ее напримѣръ узкій и длинный мѣшокъ, изъ котораго будетъ высыпанъ содержавшійся въ немъ порошокъ.

Сердце разгорожено продольной стѣнкой на двѣ половины, неимѣющія между собою сообщенія. Каждая изъ двухъ половинъ разгорожена поперечной стѣнкой на двѣ части, сообщающіяся между собою черезъ широкія отверстія. Верхнія части каждой половины называются *предсердіями*; нижнія — *желудочками*. Оба предсердія сжимаются въ одно время и выпускаютъ содержащуюся въ нихъ кровь въ желудочки; затѣмъ предсердія расширяются и тогда въ одно время сжимаются оба желудочка. Кровь течетъ изъ обѣихъ полостей въ разныя стороны, и потому мы сначала прослѣдимъ за тою кровью, которая идетъ изъ лѣваго желудочка. Прямо изъ сердца кровь вступаетъ въ широкую артерію, въ *аорту*, которая на нѣкоторомъ разстояніи отъ сердца развѣтвляется на нѣсколько второстепенныхъ артерій и несетъ кровь одними сосудами въ верхнюю часть тѣла: въ шею, въ голову и въ руки, другими — въ нижнюю часть тѣла: къ пищеварительному каналу, къ печени, къ половымъ органамъ и къ ногамъ. Но мѣрѣ приближенія артерій къ поверхности тѣла, онѣ развѣтвляются болѣе и болѣе; развѣтвленія эти подъ конецъ дѣлаются такъ тонки, что ихъ нельзя разсмотрѣть простымъ глазомъ; эти тончайшія развѣтвленія, находящіяся подъ кожей на всей поверхности тѣла и кромѣ того въ кишечномъ каналѣ, въ печени, въ легкихъ, соединяются съ другими тончайшими развѣтвленіями, которыя уже отъ поверхности тѣла поворачиваютъ назадъ къ сердцу; дошедши до поверхности тѣла, кровь артеріальныхъ сосудовъ переходитъ въ венозные сосуды, которые по-

степенно сходятся въ толстыя вены. Кровь изъ верхнихъ и нижнихъ частей тѣла этими толстыми венами идетъ къ правому предсердію, а изъ праваго предсердія вливается въ правый желудочекъ. Правая полость сжимается и кровь черезъ артерію течетъ въ легкія, разливается тамъ по волоснымъ сосудамъ, входитъ въ венозные сосуды, потомъ идетъ назадъ въ лѣвое предсердіе и въ лѣвый желудочекъ, и тогда снова начинается та-же исторія.

Стало-быть, вотъ маршрутъ крови въ тѣлѣ человѣка: изъ лѣваго сердца въ оконечности тѣла, изъ оконечностей въ правое сердце, изъ праваго сердца въ легкія, изъ легкихъ назадъ въ лѣвое сердце. Кровь идетъ по этому пути, а не по другому, на томъ основаніи, что другого пути нѣтъ; сжатіе сердца дѣйствуетъ на движеніе крови, какъ поршень на движеніе воды въ насосѣ; кровь, выдавленная изъ сердца, поневолѣ бросается въ открытыя трубочки; сердце сжимается еще разъ и новая волна крови течетъ въ трубочки и продвигаетъ дальше прежнюю, а прежняя въ свою очередь толкаетъ впередъ ту часть крови, которая прошла черезъ сердце раньше. Покуда сердце будетъ сжиматься, до тѣхъ поръ кровь будетъ двигаться.

Всмотрѣвшись въ этотъ элементарный обзоръ кровообращенія, читатель будетъ въ состояніи понять приблизительно то разстройство, которое можетъ причинить организму недостатокъ крови или ея избытокъ. При недостаткѣ крови неизбѣжно медленное ея движеніе въ оконечностяхъ и у поверхности тѣла; при полнокровіи, напротивъ того, напоръ крови къ различнымъ частямъ тѣла слишкомъ силенъ и движеніе крови вообще слишкомъ быстро. Люди малокровные отличаются вялой кожей, слабостью половой дѣятельности, спокойнымъ, ровнымъ, часто нерѣшительнымъ характеромъ. Люди полнокровные страдаютъ приливами, легко раздражаются, часто горячатся, сильно увлекаются, любятъ движеніе и дѣятельность, отличаются физической силой и предпріимчивостью. Горячительные напитки, гимнастическія упражненія, волненіе, возбужденное разговоромъ или событіемъ, ускоряютъ біеніе сердца, т. е. его сжатіе и расширеніе, увеличиваютъ быстроту кровообращенія и этимъ самымъ возвышаютъ температуру тѣла. У кого кровь движется быстрѣе, у того всѣ отправленія дѣлаются не такъ, какъ у человѣка съ медленнымъ движеніемъ крови. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и процессъ мысли, и весь такъ называемый нравственный характеръ въ значительной степени зависятъ отъ скорости кровообращенія.

Біеніе пульса, по которому медики опредѣляютъ состояніе своихъ паціентовъ, находится въ непосредственной связи съ сжатіемъ и расширеніемъ сердца: сердце сжимается, волна крови ударяетъ въ пульсовую артерію; артерія, какъ упругая трубочка, расширяется и вслѣдъ затѣмъ, пропустивши волну, опять сжимается. При каждой новой волнѣ повторяется расширеніе и сжатіе; это и есть біеніе пульса. Свойства этого біенія зависятъ отъ трехъ обстоятельствъ: отъ силы сжатія сердца, отъ величины кровяной волны и отъ эластичности артеріи; эти три обстоятельства измѣняются, смотря по состоянію субъекта, и слѣдовательно даютъ медику возможность ознакомиться съ положеніемъ больного. Въ оконечностяхъ тѣла, въ волосныхъ сосудахъ приливы крови отъ сердца, отзывающіеся въ артеріяхъ сжатіемъ и расширеніемъ ихъ, становятся едва чувствительными; тамъ кровь течетъ ровно; точно такъ же течетъ она въ венахъ, и потому вены не бьются подобно артеріямъ. Волосные сосуды отличаются значительной способностью сжиматься; отъ холода они могутъ совершенно закрыться; если морозъ сильно подѣйствовалъ на вашъ палецъ, волосные сосуды его сжимаются, кровь перестаетъ проникать въ него и весь палецъ или по крайней мѣрѣ поверхность его начинаетъ коченѣть. Возьмемъ другой примѣръ: положимъ, вы входите по поясъ въ холодную воду; волосные сосуды нижней части вашего тѣла, отъ дѣйствія холода, до извѣстной степени сжимаются; потокъ крови, хлынувшій къ этой нижней части, не можетъ проникнуть въ нее весь; ясно, что въ верхней части вашего тѣла окажется больше крови, чѣмъ сколько нужно; произойдетъ приливъ крови къ головѣ; во избѣжаніе этого прилива, который можетъ повести за собою непріятныя послѣдствія, обыкновенно, входя въ воду, прежде всего мочатъ голову, чтобы волосные сосуды головы также сжались и не пустили-бы къ себѣ излишняго количества крови.

Во сколько времени совершается полный оборотъ крови, т. е. во сколько времени частица крови, вышедшая изъ лѣваго сердца, обойдетъ все тѣло и возвратится назадъ въ лѣвое сердце? Тщательныя наблюденія показали, что средняя величина времени, необходимаго для полнаго оборота, равняется одной минутѣ. Въ сутки полный оборотъ крови совершается слѣдовательно 1440 разъ. Этой быстротой оборота объясняется то обстоятельство, что всякій ядъ, разлагающій или заражающій кровь, въѣдается въ организмъ чрезвычайно быстро. Зачумленныя частицы втеченіи сутокъ 1440 разъ обѣгутъ ваше тѣло, столкнутся со множествомъ еще здоровыхъ частицъ, передадутъ имъ долю своей ядовитости и, смотря по силѣ яда, въ нѣсколько часовъ или въ нѣсколько дней перепортятъ всю кровь. Змѣя укусила васъ въ ногу, а между тѣмъ у васъ пухнетъ все тѣло; бѣшеная собака оцарапала руку, а между тѣмъ, если тотчасъ-же не прижечь рану, явятся признаки

бѣшенства, т. е. общаго пораженія организма. На кровообращеніи основываются также страшныя послѣдствія сифилитической болѣзни, которая, начинаясь едва замѣтной ранкой, кончается или по крайней мѣрѣ можетъ кончиться гніеніемъ всего тѣла. Возможность оспопрививанія заключается также въ обращеніи крови. Ничтожная частичка коровьей оспы, положенная въ ранку, всасывается кровью, производитъ въ ней химическія измѣненія, порождаетъ всеобщее воспаленіе и сыпь и наконецъ отнимаетъ у организма способность воспринимать эту заразу втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Умѣйте только узнавать свойства природы и дѣйствительную физіономію вещей, и вы всегда будете въ состояніи воспользоваться этими свойствами по вашему благоусмотрѣнію; не передѣлывая природу по своему, вы будете ея повелителемъ. Магики, искавшіе такихъ заклинаній, которыми можно было-бы держать стихіи въ своемъ распоряженіи, инстинктивно понимали силу человѣка. Они видѣли эту силу въ знаніи и въ этомъ случаѣ не ошибались. Ошибались-же они только тѣмъ, что однимъ прыжкомъ хотѣли вскочить на ту лѣстницу, по которой приходится идти медленно, отдыхая на каждой ступенькѣ и тщательно ощупывая слѣдующія ступени, чтобы не оступиться и не полетѣть внизъ. Они хотѣли магическимъ словомъ или обрядомъ достигнуть того, чего современная цивилизація достигла путемъ долговременныхъ и безчисленныхъ опытовъ. Они хотѣли отгадать, и не отгадали. Молешотъ и Фохтъ ищутъ и кое-что отыскали, точно такъ-же, какъ много отыскали Ньютонъ, Коперникъ, Леверрье, Гайу, Кювье, Линней, Берцеліусъ, Либихъ, Фаредэ и пр., и пр.

«Неужели же,—спрашиваетъ Фохтъ въ концѣ главы о кровообращеніи,—физіологіи удалось такимъ образомъ смирить сердце, безпокойно волнующееся въ груди человѣка, положить на него оковы и навязать ему законы? Неужелиже то участіе, которое мы ему приписываемъ въ нашихъ чувствахъ, оказывается вымысломъ? Когда мы, по старой привычкѣ, говоримъ, что наше сердце усиленно бьется, замираетъ отъ радости или сжимается отъ тоски, неужели мы употребляемъ только картинныя выраженія, отдаемъ дань привлекательной мечтѣ подвижнаго воображенія? Неужели съ нами случилось то-же, что случилось съ Петромъ въ сказкѣ Гауффа о Тангейзерѣ? Неужели у насъ, какъ у Петра, вырвали изъ груди живое сердце и вставили каменное, которое, правда, бьется и приводитъ въ движеніе кровь, но не принимаетъ участія въ нашихъ радостяхъ и страданіяхъ, равномѣрно бьется отъ любви и ненависти, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Нѣтъ! право, нѣтъ! До этихъ результатовъ не дохо-дитъ наша механика. Она открываетъ намъ законы; она показываетъ намъ физическія силы, дѣйствующія въ сердцѣ и въ сосудахъ; но наблюденія и размышленія показываютъ также, какъ сильно приложеніе этихъ силъ зависитъ отъ высшаго руководителя, отъ нервной системы; каждое впечатлѣніе, воспринятое ею, отзывается и отражается въ скорости и въ силѣ движеній сердца и въ распредѣленіи крови. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, какъ въ минуту воодушевленія сердце бьется полнѣе, какъ въ минуту тоски или ожиданія оно судорожно вздрагиваетъ. Мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если непосредственно самому сердцу приписываемъ это участіе. Сердце отражаетъ только впечатлѣнія и ощущенія, воспринятыя мозгомъ, центральнымъ органомъ нервной системы; раздраженія, исходящія изъ этого центральнаго органа, дѣйствуютъ на сердце сильнѣе непосредственнаго раздраженія. Мы не ошибаемся, когда чувствуемъ, что щеки наши краснѣютъ отъ стыда и блѣднѣютъ отъ страха; мы ошибаемся только въ томъ случаѣ, если приписываемъ эти измѣненія дѣйствію крови, между тѣмъ какъ они производятся сосудными нервами, управляющими распредѣленіемъ крови. Раздраженныя дѣйствіемъ мозга, эти нервы сжимаютъ сосуды; когда-же эти нервы находятся въ бездѣйствіи и въ ослабленіи, сосуды расширяются и наливаются кровью. Но что большей частью вліяніе мозга на растительные процессы жизни основано на этой тѣсной связи его съ сердцемъ и его движеніями, съ расширеніемъ и сжатіемъ сосудовъ, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ тоска и забота изнуряютъ тѣло. Веселое расположеніе духа, бодрый взглядъ на жизнь, умѣренность въ волненіяхъ и страстяхъ сохраняютъ здоровье и свѣжесть. Эти замѣчанія каждый можетъ провѣрить въ жизни. Причину связи этихъ явленій между собою объяснить не такъ легко. Но отъ постояннаго обновленія крови зависитъ питаніе, дыханіе, вся растительная жизнь; а обновленіе и движеніе крови находится въ непосредственной зависимости отъ движенія сердца. Гдѣ недостатокъ одного фактора, тамъ и вся сумма будетъ невѣрна; если избытокъ страстей, необузданная смѣна сильныхъ ощущеній или постоянное вліяніе грустнаго настроенія духа нарушаютъ или ослабляютъ правильную дѣятельность сердца и сосудовъ, конечно ни обращеніе крови, ни зависящее отъ него питаніе тѣла не могутъ совершаться должнымъ порядкомъ».

Это великолѣпное мѣсто Фохта можно принять за попытку, не отходя ни на шагъ отъ осязательныхъ фактовъ, сблизить между собою области психологіи и физіологіи. О вліяніи сердца и кровеносныхъ сосудовъ на нервы онъ здѣсь не упоминаетъ, потому что считаетъ это

обстоятельство совершенно несомнѣннымъ и очевиднымъ для всѣхъ. О вліяніи мозговыхъ нервовъ на сердце онъ говоритъ особенно подробно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что физіологія не вырываетъ у живого человѣка сердца и не отнимаетъ у этого полаго мускула способности повиноваться (чисто пассивно) распоряженіямъ мозга. Изъ словъ Фохта можно вывести чисто физіологическое опредѣленіе понятій: мысль и чувство. Вы видите, что на движеніе сердца, на положеніе кровеносныхъ сосудовъ дѣйствуютъ исключительно чувства, напр. грусть, радость, боязнь, стыдъ, и т. д. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что чувство есть такое раздраженіе въ мозговыхъ нервахъ, которое мгновенно, по крайней мѣрѣ быстро и притомъ непроизвольно, проходитъ черезъ всѣ нервы нашего тѣла и черезъ эти нервы такъ или иначе дѣйствуетъ на обращеніе крови. Мысль, напротивъ того, есть такое раздраженіе мозговыхъ нервовъ, которое распространяется въ нихъ медленно и не дѣйствуетъ на нервы тѣла; оно совершается въ извѣстномъ порядкѣ, за которымъ мы сами можемъ прослѣдить и для котораго у насъ даже есть готовое названіе — логическая послѣдовательность. Надо полагать и надѣяться, что понятія *психическая жизнь*, *психологическое явленіе* будутъ современемъ разложены на свои составныя части. Ихъ участь рѣшена; они пойдутъ туда-же, куда пошелъ философскій камень, жизненный эликсиръ, квадратура круга, чистое мышленіе и жизненная сила. Слова и иллюзіи гибнутъ — факты остаются.

IV.

Дыханіе, какъ несомнѣнный и очень важный фактъ, должно обратить на себя теперь наше вниманіе. Дыханіе совершается посредствомъ легкихъ, это мы уже знаемъ изъ общежитія; это одна изъ тѣхъ медицинскихъ истинъ, которыя находятся во всеобщемъ обращеніи, но въ которыхъ мы все-таки не отдаемъ себѣ яснаго отчета. Такъ напримѣръ, не всѣмъ извѣстно то, что сжатіе и расширеніе легкихъ совершается чисто пассивно. Грудная клѣтка человѣческаго скелета состоитъ изъ двѣнадцати паръ плоскихъ, въ различной степени согнутыхъ, эластичныхъ костей; кости эти называются ребрами и прикрѣпляются спереди къ грудной кости, а сзади — къ спинному хребту. Внутренняя сторона этого костяной клѣтки обтянута крѣпкой кожей, не пропускающей внѣшняго воздуха; нижняя часть клѣтки, смежная съ брюшной полостью, отдѣляется отъ этой полости мускулистой поперечной перегородкой, извѣстной въ анатоміи подъ названіемъ грудобрюшной преграды; верхняя часть грудной клѣтки гораздо уже нижней и черезъ дыхательное горло сообщается съ полостями рта и носа. Въ грудной клѣткѣ висятъ на разныхъ сосудахъ и мышцахъ легкія и сердце. Легкія можно сравнить съ двумя мѣшками, сдѣланными изъ эластической матеріи. Кожа, обтягивающая стѣнки грудной клѣтки, плотно прилегаетъ къ легкимъ и даже срастается съ ихъ верхней частью. Теперь положимъ, что грудная клѣтка увеличивается въ своемъ объемѣ: мускулы грудобрюшной преграды вытягиваютъ ее, и средина этой кожаной перегородки немного опускается къ брюшной полости; очень понятно, что объемъ грудной клѣтки становится больше и стѣнки этой клѣтки отходятъ отъ внѣшней поверхности легкихъ. Но грудная клѣтка плотно обтянута кожей; въ ней нѣтъ атмосфернаго воздуха, потому что съ дыхательнымъ горломъ сообщается не самая клѣтка, а висящія въ немъ легкія. Стало быть, между стѣнками легкихъ и стѣнками грудной клѣтки, въ случаѣ расширенія послѣдней, происходитъ пустота; не встрѣчая себѣ сопротивленія извнѣ и испытывая на себѣ изнутри давленіе содержащагося въ нихъ атмосфернаго воздуха, легкія расширяются до тѣхъ поръ, пока не наполнятъ собою всей грудной клѣтки; такимъ образомъ происходитъ вдыханіе. Но вотъ грудная клѣтка, расширившаяся на мгновеніе, снова сжимается и сжимаетъ легкія; очень естественно, что часть принятаго воздуха выбрасывается черезъ тѣ-же отверстія, черезъ которыя онъ вошелъ; происходитъ выдыханіе. Расширять или сжимать легкія мы собственно не можемъ; мы сжимаемъ и расширяемъ грудную клѣтку, а легкія измѣняются въ объемѣ уже помимо нашей воли, по физическому закону равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, — по тому самому закону, по которому пузырь, положенный подъ колоколъ воздушнаго насоса, при вытягиваніи воздуха изъ-подъ колокола, раздувается и наконецъ лопается отъ напора содержащагося внутри его воздуха, не встрѣчающаго себѣ уравновѣшивающаго давленія извнѣ.

Кромѣ физическаго процесса въ дыханіи есть еще процессъ химическій; воздухъ не только входитъ въ легкія и выходитъ обратно; онъ самъ испытываетъ измѣненія и производитъ измѣненія въ тѣхъ частяхъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе. Каждому извѣстно, что въ комнатѣ, гдѣ слишкомъ много людей, становится душно, тяжело дышать; всякому извѣстно, что въ комнатахъ необходимо освѣжать воздухъ, лѣтомъ открывая окна, а зимою протапливая печи.

Все это происходитъ оттого, что мы выдыхаемъ не тѣ газы, которые вдыхаемъ, и слѣдовательно въ извѣстный промежутокъ времени можемъ химически переработать весь воздухъ, содержащійся въ комнатѣ, и сдѣлать его негоднымъ для дальнѣйшаго вдыханія. Тогда надо перемѣнить воздухъ, или задохнуться. «Давно

уже,—говоритъ Фохтъ,— былъ извѣстенъ фактъ, что люди или животныя, запертые въ тѣсномъ и плотно закупоренномъ пространствѣ, по прошествіи нѣкотораго времени начинали дышать съ трудомъ; кожа людей становилась синекраснаго цвѣта, и самыя значительныя усилія вздохнуть не находили себѣ удовлетворенія. Если ихъ оставляли запертыми еще дольше, то у нихъ являлись конвульсивныя движенія, исчезало сознаніе и наконецъ жизнь постепенно угасала при сильнѣйшихъ судорогахъ; словомъ, при этомъ родѣ смерти повторялись тѣ-же явленія, какія случаются при удавленіи.» Причина этого явленія объяснилась вполнѣ удовлетворительно только тогда, когда химія сдѣлала значительные успѣхи, позволившіе ей разлагать и анализировать газы. Теперь мы знаемъ положительно, что атмосферный воздухъ состоитъ изъ 21 процента кислорода и 79 процентовъ азота; мы знаемъ, что количество азота не измѣняется отъ процесса дыханія, а что кислородъ, напротивъ того, поглощается нашими легкими, которыя, взамѣнъ воспринятаго количества кислорода, выдѣляютъ равное по объему количество углекислоты. Кислородомъ дышатъ всѣ животныя; въ другихъ газахъ они задыхаются, и углекислота въ этомъ отношеніи стоитъ на-ряду съ другими, т. е. рѣшительно не можетъ поддерживать животной жизни. Кислородъ имѣетъ особенное химическое сродство съ красными шариками, плавающими въ нашей крови и сообщающими ей ея яркій цвѣтъ. Эти красные шарики жадно соединяются съ кислородомъ и подъ его вліяніемъ измѣняютъ даже свой цвѣтъ; до соединенія съ кислородомъ они отличаются синекраснымъ, багровымъ цвѣтомъ, послѣ соединенія они принимаютъ яркокрасный, болѣе свѣтлый колоритъ.

При теперешнемъ состояніи науки мы еще не въ состояніи прослѣдить всѣ химическія измѣненія, совершающіяся въ крови. Причины и назначеніе каждаго измѣненія еще не могутъ быть указаны. Мы знаемъ только, что кровь, притекающая къ легкимъ, бываетъ синекраснаго цвѣта и насыщена углекислотой; въ легкихъ она выдѣляетъ углекислоту, принимаетъ соотвѣтствующую дозу кислорода и выходитъ изъ легкихъ, превратившись въ ярко-красную кровь. Мы знаемъ также, что это насыщеніе кислородомъ необходимо для процесса жизни; есть ядовитые газы, которые при вдыханіи отнимаютъ у кровяныхъ шариковъ способность соединяться съ кислородомъ. Къ числу такихъ газовъ принадлежитъ окись углерода, которую не должно смѣшивать съ углекислотой. Углекислота можетъ задушить чисто пассивно; здѣсь дѣйствуетъ не углекислота, а просто отсутствіе кислорода; человѣкъ, задохнувшійся въ углекислотѣ, все равно что утопленникъ; если его вытащить во-время, то его можно оживить, вдувая ему въ легкія воздухъ или чистый кислородъ. Окись углерода, напротивъ того, прекращая процессъ дыханія, кромѣ того химически измѣняетъ кровь и отнимаетъ у нея способность сродства съ кислородомъ. Людей, задохнувшихся въ этомъ газѣ, невозможно спасти. Съ этимъ газомъ намъ приходится встрѣчаться во вседневномъ быту. Онъ производитъ угаръ; отъ него болитъ голова, когда онъ въ небольшомъ количествѣ проникаетъ черезъ легкія въ кровь, и отъ него умираютъ люди, если онъ дѣйствуетъ на нихъ долгое время, т. е. впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. На дѣйствіи этого газа основанъ извѣстный, очень употребительный въ Парижѣ способъ самоубійства посредствомъ жаровни; этотъ способъ по своей дешевизнѣ доступенъ бѣднякамъ, на которыхъ всего тяжеле напираетъ суровая сторона жизни, сторона лишеній, трудовъ и страданій; сверхъ того онъ нечувствительно приводитъ къ смерти, если только можно найти средство заснуть, подвергаясь дѣйствію убивающаго газа. Кто испыталъ ощущеніе угара или видѣлъ его дѣйствіе на другихъ, тотъ пойметъ, какъ сильно отзывается во всемъ организмѣ, во всей нервной системѣ малѣйшее химическое измѣненіе въ составѣ крови. Какъ ни быстро развивается въ наше время химія, а она не въ состояніи еще, по несовершенству своихъ орудій, прослѣдить за этими, едва замѣтными измѣненіями, которыя ведутъ за собою очень ощутительныя послѣдствія. Многіе вопросы вслѣдствіе этого должны еще остаться нерѣшенными. Почему напримѣръ кровяные шарики должны соединяться именно съ кислородомъ? На что́ нуженъ этотъ кислородъ въ общей экономіи животной жизни? Рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ еще будущему.

V.

Третій процессъ, необходимый для поддержанія животной жизни, основанъ на томъ, что мы перерабатываемъ въ свое тѣло вещества, воспринимаемыя нами извнѣ, изъ окружающаго міра. Этотъ процессъ называется пищевареніемъ и отличается особенной сложностью. Говоря о пищеваренін, надо принимать въ разсчетъ свойства тѣхъ предметовъ, которые мы принимаемъ въ себя, и свойства тѣхъ органовъ, которые ихъ перерабатываютъ. Дышать мы можемъ только атмосферпымъ воздухомъ; питаемся мы, напротивъ того, самыми разнообразными веществами; это конечно имѣетъ на насъ значительное вліяніе; мы обыкновенно приписываемъ разнымъ невѣдомымъ причинамъ то, что́ надо отнести насчетъ дѣйствія пищи, мы даже приходимъ въ негодованіе, когда намъ объясняютъ чисто физическими причинами то, что́ мы называемъ душевнымъ страданіемъ; мы улыбаемся съ ви-

домъ недовѣрія, когда опытный медикъ совѣтуетъ намъ, для устраненія дурного расположенія духа, кушать то или другое, заниматься гимнастикой или принимать слабительное. Во вседневной частной жизни мы стараемся такимъ образомъ проломить лбомъ стѣну или, что то-же самое, подчинить себѣ наши физіологическія отправленія, вмѣсто того чтобы подчиниться имъ и, поддерживая ихъ въ самомъ нормальномъ положеніи, во всякую данную минуту располагать всѣми силами организма. Мы даже во вседневной жизни, которая однако у большей части людей вовсе не отличается преобладаніемъ высокихъ стремленій, стараемся забыть великолѣпное правило классической древности: «въ здоровомъ тѣлѣ здоровая мысль» (mens sana in corpore sano). Мудрено-ли послѣ того, что, когда намъ приходится имѣть дѣло съ общими вопросами, хоть бы напримѣръ въ области исторіи, мы уже окончательно завираемся и соглашаемся скорѣе говорить фразы, которыхъ сами не понимаемъ, чѣмъ приводить различныя великія событія въ связь съ матеріальными причинами, подобными выбору пищи и процессу пищеваренія.

Мои выписки изъ Молешота *) многимъ показались парадоксальными. Фохтъ тѣмъ не менѣе во всѣхъ отношеніяхъ сходится съ выводами Молешота, и потому я, чтобы не повторяться, обойду то письмо его, въ которомъ онъ говоритъ о предметахъ, употребляющихся въ пищу. Приведу только двѣ-три выписки, въ которыхъ выражается взглядъ Фохта на значеніе пищи для общественной и исторической жизни. «При разведеніи картофеля,—говоритъ онъ,—всѣ выгоды лежатъ на сторонѣ производящаго, всѣ невыгоды падаютъ на потребителя, который получаетъ пищу въ неудобной формѣ и въ неудобномъ смѣшеніи составныхъ частей; потребитель этотъ долженъ пустить въ ходъ величайшую сумму пищеварительной дѣятельности для того, чтобы добиться малѣйшаго полезнаго результата. На этомъ основаніи одинъ замѣчательный изслѣдователь говоритъ совершенно справедливо, что преобладаніе картофельной пищи доводитъ бѣдный классъ до послѣдней крайности, что ему уже некуда отступить и не на что опереться; бѣдный поденщикъ или бѣдный мужикъ поставленъ въ необходимость разрѣшить ужасную задачу: доставить наибольшее количество работы при наименьшемъ количествѣ пищи плохого достоинства.»

Пріятно встрѣтить въ серьезномъ изслѣдователѣ истинно гуманнаго человѣка; пріятно видѣть, что сухой анализъ отдѣльныхъ составныхъ частей человѣческаго тѣла не вытѣснилъ въ умѣ ученаго натуралиста образа полной человѣческой личности, не сдѣлалъ его невнимательнымъ къ ея затрудненіямъ и страданіямъ. Ни Молешоту, ни Фохту нельзя отказать въ здоровой, дѣльной гуманности; гуманность эта не фразиста и не слезлива; она выражается не возгласами, не умиленіемъ надъ непорочностью простого народа, а всѣмъ ходомъ мысли, математически вѣрными выкладками, внимательностью къ насущнымъ потребностямъ бѣдняка и снисхожденіемъ къ тѣмъ слабостямъ, которыя порождаются его лишеніями и страданіями.

«Съ каждымъ днемъ,—говоритъ Фохтъ,—возрастаетъ потребленіе чая и кофе; чѣмъ больше распространяется, при увеличеніи бѣдности, картофельная пища, тѣмъ упорнѣе народъ держится за кофе, который дѣлается необходимымъ подкрѣпляющимъ средствомъ... Сильное возбудительное дѣйствіе алкалоида, заключающагося въ настоѣ, заставляетъ прибѣгать къ употребленію чая и кофе, потому что эти напитки доставляютъ возможность управляться съ пищей, принятой при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.» Считать чай или кофе пустой прихотью и осуждать бѣдныхъ людей за то, что они, отказывая себѣ въ необходимомъ, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ этимъ напиткамъ нѣкоторую роскошь, было-бы, какъ вы видите, неосновательно и негуманно. Извѣстная доля наслажденія до такой степени необходима для того, чтобы поддержать въ человѣкѣ бодрость, что онъ скорѣе согласится недоѣсть и недоспать, чѣмъ обойтись безъ этой микроскопической радости. Чѣмъ больше въ его обыденной жизни труда и черной заботы, тѣмъ необходимѣе для него минуты развлеченія и разгула. У кого есть всякій день сытный обѣдъ и умѣренная работа, тотъ можетъ пожалуй круглый годъ не отходить отъ конторки или письменнаго стола. Но для пролетарія, для поденщика, таскающаго по буднямъ кули и съѣдающаго кусокъ черстваго хлѣба, совершенно необходимо въ воскресенье или въ праздникъ пропѣть пѣсню, отхватить трепака или даже хлебнуть чарку водки. «Собственно предметы пищи,—говоритъ Фохтъ,—необходимы для поддержанія жизни, а наркотическія и спиртуозныя вещества увеличиваютъ наслажденіе и доставляютъ нѣсколько счастливыхъ часовъ даже тому, кого гнетъ забота.» «Отдѣльная личность,—говоритъ Бибра,—принявшая слишкомъ много гашиша, бѣгающая по улицамъ и нападающая на встрѣчнаго и поперечнаго, исчезаетъ при сравненіи съ тѣмъ множествомъ людей, которые, принявъ умѣренную дозу послѣ обѣда, проводятъ нѣсколько веселыхъ и счастливыхъ часовъ. Число тѣхъ людей, которымъ *кофе* доставляетъ возможность преодолѣвать самыя страшныя трудности и даже

*) См. «Физіологическіе эскизы Молешота» стр. 281.

спасаться отъ голодной смерти, значительно превышаетъ количество тѣхъ немногихъ *конверо*, которые неумѣреннымъ употребленіемъ этого наркотическаго вещества погубили свое здоровье. Точно также одно неумѣстное лицемѣріе можетъ проклинать употребленіе кубка, прогоняющаго заботы, основываясь на томъ, что есть пьяницы, не останавливающіеся вò-время и не знающіе мѣры.»

Но этимъ выпискамъ можно видѣть, что Фохтъ соглашается съ Молешотомъ какъ въ общей идеѣ, такъ и въ отдѣльныхъ фактахъ. Онъ вмѣстѣ съ Молешотомъ придаетъ пищѣ очень важное значеніе и находитъ, что въ выборѣ пищи всего лучше руководствоваться инстинктомъ, т. е. естественными требованіями своего вкуса; но такъ какъ подобный образъ дѣйствія доступенъ только людямъ обезпеченнымъ, такъ какъ бѣдняки ѣдятъ не то, чего имъ хочется, а то, что̀ подешевле, то вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ одинаково дешевой пищи имѣетъ важное практическое значеніе. Въ рѣшеніи этого вопроса Фохтъ опять-таки сходится съ Молешотомъ: картофель безусловно отвергается и вмѣсто него рекомендуются стручковыя растенія, горохъ, чечевица и бобы. Къ наркотическимъ и спиртуознымъ веществамъ и Фохтъ, и Молешотъ относятся очень снисходительно; обоимъ изслѣдователямъ одинаково противенъ тотъ квакерскій ригоризмъ, который превращаетъ человѣка въ рабочую машину и запрещаетъ всякое наслажденіе для того, чтобы не могло быть излишества. Оба изслѣдователя стоятъ на твердой почвѣ живыхъ фактовъ и смотрятъ на человѣческую личность трезвымъ взглядомъ, не исключающимъ ни снисхожденія, ни любви.

VI.

Теперь мнѣ остается только прослѣдить за тѣми видоизмѣненіями, которыя испытываетъ пища, проходя черезъ желудокъ и кишечный каналъ. Мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлой химической лабораторіей, которая, работая безостановочно, превращаетъ въ кровь то, что̀ можетъ подвергнуться этому измѣненію, и выбрасываетъ то, что̀ не разлагается, изъ чего уже добыты всѣ нужные ингредіенты.

Прежде всего мы беремъ пищу въ ротъ, разжевываемъ ее зубами и при этомъ невольно смачиваемъ ее слюной; пища отправляется въ желудокъ въ размельченномъ видѣ и притомъ пропитанная водянистой жидкостью; черезъ это она дѣлается доступной химическому вліянію желудочнаго сока; еслибы мы глотали куски, не прожевавши ихъ, то это химическое вліяніе вовсе не могло-бы имѣть мѣста или по крайней мѣрѣ совершалось-бы гораздо медленнѣе, и процессъ пищеваренія во всякомъ случаѣ потерпѣлъ-бы нѣкоторое разстройство.

Мнѣ случилось читать въ одной статьѣ о Карлѣ V, что этотъ государь постоянно страдалъ несвареніемъ желудка и что это обстоятельство объясняется до нѣкоторой степени устройствомъ его черепа; дѣло въ томъ, что нижняя челюсть была сильно выдвинута впередъ, такъ что не могла плотно сходиться съ верхней. Императоръ не могъ хорошо пережевать пищи и притомъ любилъ плотно покушать; жирные куски говядины и рыбы, едва помятые во рту, скользили въ горло и конечно комомъ залегали въ желудкѣ. Кто знаетъ, насколько это обстоятельство имѣло вліянія на эксцентрическіе поступки повелителя образованнаго міра и даже на его удаленіе въ монастырь св. Юста? Сколько мнѣ помнится, статья, о которой я говорю, была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1856 годъ и авторомъ ея былъ П. Н. Кудрявцевъ. Жаль, что не вездѣ и не всегда физическія причины какого-нибудь явленія такъ очевидны и осязательны, какъ въ дѣлѣ Карла V!

Размельченная пища проникаетъ въ желудокъ—простой мѣшокъ, сдѣланный изъ тонкой кожи и снабженный мускулами; внутреннія стѣнки желудка шероховаты и покрыты железками, отдѣляющими кисловатую жидкость; эта жидкость называется желудочнымъ сокомъ и играетъ главную роль въ химической переработкѣ пищи. Одинъ любопытный опытъ показалъ физіологамъ, что желудокъ не растираетъ пищу, а только разлагаетъ ее выдѣляемымъ сокомъ. Собакамъ, уткамъ и курамъ давали проглотить маленькія жестяныя или деревянныя коробочки, въ которыхъ была положена пища; стѣнки этихъ коробочекъ были продырявлены такъ, чтобы жидкость могла проникать въ коробочки, но чтобы самая пища не приходила въ соприкосновеніе съ стѣнками желудка: коробочки эти были привязаны на ниткѣ, за которую ихъ можно было вытащить назадъ. Когда ихъ вытащили по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, то въ нихъ уже не осталось пищи; все было слѣдовательно разложено желудочнымъ сокомъ и унесено въ кишечный каналъ.

Какъ кровообращеніе нисколько не зависитъ отъ присутствія какой-нибудь воображаемой жизненной силы, такъ точно и пищевареніе совершается безъ вмѣшательства этого таинственнаго агента. Химическій процессъ пищеваренія можно произвести внѣ животнаго организма, если только взять тѣ кислоты, которыя дѣйствуютъ въ желудочномъ сокѣ, смѣшать ихъ въ должной пропорціи и привести ихъ въ температуру, равняющуюся теплотѣ нашихъ внутренностей. Мясо и растительная пища, подверженныя дѣйствію такого состава въ какомъ-нибудь стекляномъ сосудѣ, измѣнятся точно такъ-же, какъ и измѣнились-бы они въ человѣческомъ желудкѣ.

Работа желудка кончается тѣмъ, что пища превращается въ такъ называемую пищевую кашицу, т. е. въ болѣе или менѣе густое тѣсто, смотря по свойству принятой пищи. Эта кашица, въ которой одни частицы оказываются совершенно разложенными, другія—только размягченными, третьи—совершенно нетронутыми, изъ желудка выходитъ въ тонкую кишку и подвергается дѣйствію поджелудочной железы и печени. Поджелудочная железа выдѣляетъ изъ себя прозрачную, клейкую жидкость, имѣющую свойство превращать крахмалъ въ сахаръ, сахаръ—въ молочную, потомъ въ маслянную кислоту и наконецъ въ жиръ. Примѣшиваясь къ готовому жиру, эта жидкость производитъ въ немъ такое химическое измѣненіе, которое позволяетъ ему распускаться въ водѣ и вообще соединяться съ водянистыми жидкостями. Это измѣненіе необходимо для того, чтобы жиръ просачивался сквозь стѣнки кишечнаго канала и по мелкимъ волоснымъ сосудамъ проходилъ въ кровь. Печень, дѣйствующая на пищу посредствомъ выдѣляемой ею желчи, играетъ очень важную роль какъ въ медицинскихъ сочиненіяхъ, такъ и въ обиходныхъ понятіяхъ, распространенныхъ въ массѣ; печенью объясняются многія болѣзненныя явленія; страданіе печени и разлитіе желчи составляютъ, по мнѣнію публики и нѣкоторыхъ медиковъ, главныя причины дурного расположенія духа, ипохондріи, меланхоліи и т. п. Фохтъ говоритъ, что по большей части эти объясненія ошибочны, но во многихъ случаяхъ приходится оставить дѣло нерѣшеннымъ; нельзя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, потому что химическая работа печени и вліяніе желчи на пищевареніе еще недостаточно разработаны. До сихъ поръ найдено, что желчь оказываетъ двоякое вліяніе на пищевую кашицу. Во первыхъ, она предохраняетъ ее отъ гніенія въ самомъ кишечномъ каналѣ. Во-вторыхъ, она, подобно соку поджелудочной железы, превращаетъ жиръ въ эмульсію, легко соединяющуюся съ водянистыми жидкостями. Надъ животными производили слѣдующій опытъ: у нихъ перевязывали каналъ, ведущій изъ желчнаго пузыря въ кишки, такъ чтобы ни одна капля желчи не могла попасть въ переваривающуюся пищу; потомъ желчный пузырь прорѣзывался съ другой стороны такъ, чтобы желчь выливалась наружу и чтобы дѣятельность печени шла такимъ образомъ своимъ порядкомъ. Многія животныя не выдерживали операціи и умирали подъ ножомъ изслѣдователя; другія жили болѣе или менѣе долго, но всѣ безъ исключенія не могли выздоровѣть; они ѣли чрезвычайно много и при этомъ постоянно худѣли, жиръ совершенно пропадалъ; а такъ какъ жиръ въ извѣстномъ количествѣ совершенно необходимъ нашему организму, то отсутствіе жира приводило за собою смерть. Эта пропажа жира объясняется тѣмъ, что жиръ, содержавшійся въ пищѣ, не превращался въ эмульсію и слѣдовательно, не имѣя возможности черезъ волосные сосуды просачиваться въ кровь, проходилъ по кишечному каналу и выходилъ вонъ, не принеся организму никакой пользы. Жиръ животный, или сало, и жиръ растительный, или масло (напр. конопляное, маковое), какъ извѣстно каждому по вседневному опыту, не соединяются съ водою, между тѣмъ изъ сала дѣлается мыло, распускающееся въ водѣ; а изъ тѣхъ же самыхъ зеренъ, изъ которыхъ выжимается масло, дѣлается молоко (конопляное, маковое), очень легко соединяющееся съ водою. Желчный сокъ поджелудочной железы превращаетъ жиръ и сало въ мыло (т. е. въ жирныя вещества, растворяющіяся въ водѣ), а растительное масло—въ растительное молоко или эмульсію. У животныхъ, у которыхъ была вырѣзана печень, эта переработка жира не могла производиться въ достаточныхъ размѣрахъ, и потому они чахли, несмотря на огромное количество поглощаемой пищи. Кромѣ того экскременты этихъ животныхъ отличались отвратительнымъ гнилымъ запахомъ; запахъ этотъ сообщался даже ихъ дыханію; ясно, что пища загнивала въ ихъ кишечномъ каналѣ оттого, что къ ней не было притока желчи.

Испытавъ на себѣ вліяніе сока поджелудочной железы и желчи, пищевая кашица смачивается еще кишечнымъ сокомъ и наконецъ выходитъ изъ нашего тѣла. Составныя части экскрементовъ значительно отличаются отъ составныхъ частей пищи; многія вещества, входившія въ пищу, не находятся въ экскрементахъ; зато въ нихъ находится много такого, чего не было въ пищѣ и что входило въ составъ нашего тѣла, какъ-то: желудочный сокъ, желчь, кишечный сокъ и т. п. Въ экскрементахъ организмъ выбрасываетъ то, что оказывается въ принятой пищѣ лишнимъ или нерастворимымъ, и съ этими остатками пищи соединяетъ тѣ вещества, которыя ему нужно выдѣлить изъ себя и которыя, оставаясь долѣе въ организмѣ, могли-бы произвести въ немъ то или другое разстройство. А что-же сдѣлалось съ тѣми частями пищи, которыя пошли въ прокъ? Говоря о химической переработкѣ пищи, мы до сихъ поръ показали только, какимъ образомъ изъ пищи выдѣляются эти полезныя части. Посмотрите теперь, какъ эти части входятъ въ общую экономію организма.

Если мы положимъ въ воду сухое органическое вещество, напр. кусокъ дерева, кожи, пузыря, то это вещество разбухнетъ, т. е. приметъ въ себя нѣкоторое количество воды. На этой способности органическихъ тканей всасывать водянистыя жидкости основанъ весь процессъ питанія и обновленіе нашего тѣла. Сверхъ того, органическія ткани имѣютъ также способность

служить проводниками между двумя жидкостями, прикасающимися къ нимъ съ обѣихъ сторонъ. Если вы пальете винаго спирта въ пузырь и, крѣпко завязавши его, положите все это въ чашу, наполненную водой, то черезъ нѣсколько часовъ окажется, что въ пузырѣ — разбавленный спиртъ, а въ чашѣ — вода съ слабой примѣсью спирта. Водянистыя жидкости такимъ образомъ не только всасываются въ органическія ткани, но и просачиваются насквозь. Органическая ткань даже притягиваетъ къ себѣ жидкость; въ этомъ вы можете убѣдиться слѣдующимъ опытомъ: возьмите длинную стеклянную трубку, налейте въ нее спирту, завяжите ея конецъ пузыремъ и опустите этотъ завязанный конецъ въ воду: вы увидите, что жидкость въ трубкѣ начнетъ подниматься и поднимется даже гораздо выше общаго уровня воды. Послѣднее обстоятельство не могло-бы случиться, еслибы конецъ трубки не былъ завязанъ пузыремъ. Ясно, стало быть, что притягиваетъ органическая ткань.

Если мы посмотримъ вообще на устройство кишечнаго канала, то увидимъ, что его можно сравнить съ длинной трубкой, на внутренней поверхности которой находится безчисленное множество чрезвычайно тонкихъ лимфатическихъ и кровеносныхъ сосудовъ; сосуды закрыты со всѣхъ сторонъ, но стѣнки сосудовъ состоятъ изъ органическихъ тканей, которыя не только пропускаютъ, но даже притягиваютъ жидкости; очень естественно, что между содержаніемъ кишечнаго канала, т. е. пищевой кашицей, и жидкостями сосудовъ совершается постоянный обмѣнъ; чѣмъ жиже пища, тѣмъ скорѣе она всасывается кровяными и лимфатическими сосудами, вносится въ общее кровообращеніе, испытываетъ множество химическихъ измѣненій, и наконецъ совершенно уподобляется крови или лимфѣ, а потомъ идетъ на обновленіе твердыхъ органическихъ тканей. Это очень неясно, я это знаю, но, чтобы представить это ясно, надо подождать дальнѣйшихъ успѣховъ физіологіи, и притомъ написать статью въ 100 разъ больше той, которую я теперь представляю на благосклонное вниманіе читателя.

VII.

Вотъ мы въ бѣгломъ очеркѣ посмотрѣли на три важнѣйшіе процесса растительной жизни человѣка. Что-же мы изъ этого выведемъ? Любоваться-ли сложнымъ устройствомъ нашего тѣла? Или, напротивъ того, находить въ этой сложности существенный недостатокъ? Вѣдь извѣстное дѣло, чѣмъ сложнѣе машина, тѣмъ чаще она портится, тѣмъ чаще ее приходится чинить, тѣмъ бережнѣе съ нею приходится обращаться. Если принять въ соображеніе многочисленность нашихъ болѣзней, несовершенство нашей медицины, необходимость множества предосторожностей и необходимость умереть, несмотря на всѣ предосторожности, то можно пожалуй подумать: Богъ съ нею, съ этой красивой сложностью; съ нею такъ много хлопотъ, непріятностей и страданій! Но эти мысли будутъ совершенно не основательны, собственно потому, что онѣ глубоко безплодны. Физическое statu quo, то, что́ мы называемъ природою, то, чѣмъ мы любуемся, то, къ чему поэты пишутъ или по крайней мѣрѣ писали́ воззванія и идилліи, безстрастно, безчувственно, безсознательно, неумолимо, глухо къ нашимъ благодарственнымъ возгласамъ и къ нашимъ безсильнымъ проклятіямъ. Къ чему-же становиться намъ къ этой слѣпой силѣ въ какія-бы то ни было нравственныя отношенія? Она не посторонится для насъ ни вправо, ни влѣво. Она сама по себѣ, мы сами по себѣ, но мы отъ нея зависимъ, и зависимъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше знаемъ ее. Вотъ что намъ нужно: узнавать ее, вглядываться въ нее и постепенно овладѣвать ея тайнами, которыхъ она впрочемъ и не думаетъ скрывать, а которыя мы считаемъ за тайны только потому, что онѣ до поры до времени не попадались намъ на глаза. Старайтесь разъяснить себѣ факты и законы, а потомъ, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ эти факты и законы, какое міросозерцаніе вы себѣ состряпаете и какимъ чувствомъ вы его окрасите,—любовью, ненавистью, благоговѣніемъ или презрѣніемъ,— это уже предоставляется вашему личному вкусу и до этого, кромѣ васъ, никому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла.

Схоластика XIX вѣка.

I.

Развитіе русской журналистики съ каждымъ годомъ становится шире; возникаютъ новые журналы и въ короткое время пріобрѣтаютъ себѣ значительный кругъ читателей; между тѣмъ старые журналы продолжаютъ свое существованіе и число ихъ подписчиковъ нисколько не уменьшается. Періодическія изданія расходятся по всѣмъ концамъ Россіи, и идеи, выработанныя въ тиши кабинета, за письменнымъ столомъ, становятся достояніемъ цѣлой обширной страны, становятся почти единственной умственной пищей для нѣсколькихъ де-

сятковъ тысячъ людей. Большинство публики читаетъ одни журналы, это—фактъ, въ которомъ могъ наглядно убѣдиться всякій, кто жилъ въ провинціи и бывалъ въ обществѣ какого-нибудь уѣзднаго города. Одинъ экземпляръ «Современника» или «Русскаго Вѣстника» читается цѣлымъ городомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки и возвращается обыкновенно къ владѣльцу въ самомъ жалкомъ, истрепанномъ видѣ, такъ что ему приходится только сказать: расчитали въ дребезги». При этомъ нѣкоторые отдѣлы остаются совершенно нетронутыми и даже неразрѣзанными; отмѣтить подобные отдѣлы было-бы конечно любопытно для физіологіи общества, но я не съ этой цѣлью повелъ рѣчь о распространеніи журналовъ въ массѣ читающей публики. Кромѣ журналовъ, этой публикѣ дѣйствительно читать нечего; отдѣльныя книги издаются теперь чаще прежняго, но ихъ всетаки мало; кромѣ того, онѣ имѣютъ или ученый, или учебный характеръ; это—или изслѣдованія, или популярныя руководства, а учиться большинство нашей публики не желаетъ, вѣроятно потому, что воспитаніе, данное ей въ школѣ, было дурно и оставило послѣ себя на всю жизнь полнѣйшее отвращеніе къ тому, что̀ отзывается школой или книжной ученостью. Сочиненія Пушкина, Лермонтова и Гоголя знаютъ почти наизусть люди, одаренные эстетическимъ чувствомъ и сколько нибудь развитые въ литературномъ отношеніи; что-же касается до большинства, то оно или вовсе не читаетъ ихъ, или прочитываетъ ихъ одинъ разъ, для соблюденія обряда, и потомъ откладываетъ въ сторону и почти забываетъ. Перечитать во второй разъ художественное произведеніе потому только, что оно художественно или проникнуто глубокой мыслью, это такой подвигъ, котораго возможность понимаютъ далеко не всѣ и на который рѣшаются очень немногіе. Между тѣмъ журналы неотразимой силой привлекаютъ къ себѣ этихъ господъ; во-первыхъ, они даютъ свѣжія новости, во-вторыхъ, разнообразіе, часто даже пестрота оглавленія даетъ каждому всѣ средства выбрать себѣ чтеніе по вкусу и по плечу; въ-третьихъ, одна книжка не успѣваетъ еще приглядѣться, какъ она смѣняется новой, и провинціальный читатель слѣдитъ за идеями и интересами вѣка, не успѣвая соскучиться и не утомляя свой мозгъ усиленной работой. Все это было-бы очень хорошо; литераторы и публика удовлетворяли-бы другъ друга, но дѣло въ томъ, что на практикѣ выходитъ совсѣмъ не то, что выходило въ теоріи.

Пишущіе люди забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для общества, литераторы составляютъ замкнутый кружокъ; этотъ кружокъ внутри себя вырабатываетъ идеи и убѣжденія и передаетъ публикѣ результаты, которые часто оказываются понятными только тогда, когда мы знаемъ, какъ они вырабатывались и формировались; одинъ кружокъ сталкивается въ мнѣніяхъ съ другимъ, начинается споръ, котораго предметъ остается теменъ для публики; между тѣмъ публика читаетъ полемику, видитъ, какъ горячатся оба противника, и съ любопытствомъ слѣдитъ за скандальной стороной дѣла. Не вините въ этомъ публику; поставьте себя на ея мѣсто; представьте себѣ, что при васъ происходитъ споръ на непонятномъ для васъ языкѣ. Если вы не выйдете изъ комнаты, то вы вѣроятно почти невольно будете слѣдить за выраженіемъ лица и за мимикой спорящихъ личностей. То-же самое дѣлаетъ публика. О предметѣ ученаго или литературнаго спора она судить не можетъ, потому что спорящіе литераторы большей частью забываютъ о ея существованіи и не дѣлаютъ ни шагу для того, чтобы пояснить ей, въ чемъ дѣло. Они ссылаются на иностранные авторитеты, на собственныя сочиненія или статьи, разбросанныя по разнымъ журналамъ или напечатанныя лѣтъ десять тому назадъ, наконецъ на голосъ внутренняго чувства, какъ сдѣлалъ Погодинъ на диспутѣ съ Костомаровымъ или покойный Хомяковъ, возставая въ «Русской Бесѣдѣ» противъ матеріализма. Справляться по всѣмъ этимъ ссылкамъ мудрено; у публики не достало-бы на это ни досуга, ни терпѣнія. Слѣдовательно, останется ей двѣ дороги: или вовсе не читать спора, или, читая его, втихомолку посмѣиваться надъ тѣмъ, какъ горячатся спорящія стороны. Публика такъ и дѣлаетъ.

II.

Вопросъ о народности, сближеніе съ народомъ, изученіе народности—эти слова слышатся на каждомъ шагу и встрѣчаются на каждой страницѣ нашихъ большихъ журналовъ. Идеѣ этихъ словъ мудрено не сочувствовать, трудно въ этихъ святыхъ словахъ не видѣть великой задачи времени, самаго животрепещущаго интереса нашей будущей исторіи. Но съ другой стороны нужно быть въ высшей степени довѣрчивымъ и добродушнымъ оптимистомъ, чтобы отъ нашихъ журналовъ ожидать дѣйствительнаго сближенія съ народомъ. «Русская Бесѣда» втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ печатала дѣльныя и основательныя изслѣдованія Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Бѣляева; «Отечественныя Записки» въ прошломъ году приложили къ своему журналу цѣлый сборникъ пѣсенъ Якушкина; въ «Свѣточѣ» во всѣхъ подробностяхъ описана русская свадьба; «Современникъ» принужденъ выслушивать замѣчанія со стороны «Отечественныхъ Записокъ» за то, что мало занимается народнымъ элементомъ; новый журналъ «Время» на интересахъ народности строитъ всю свою программу, и что-же

изъ этого выходитъ, какія практическія слѣдствія ведутъ за собою всѣ эти благородныя стремленія? Ровно никакихъ. Они дадутъ только будущему біографу матеріалы, по которымъ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать ошибочный выводъ такого рода: «въ половинѣ XIX столѣтія вопросъ о народности возбуждалъ къ себѣ сильное сочувствіе въ читающей части русскаго общества». Этотъ выводъ будущаго библіографа я смѣло рѣшаюсь назвать ошибочнымъ, на томъ основаніи, что «Современникъ» и «Русскій Вѣстникъ» пользуются наибольшей популярностью, несмотря на то, что первый отличается космополитическимъ направленіемъ, а второй занимается гражданской жизнью Западной Европы гораздо пристальнѣе, нежели интересами нашей народности. Если сверхъ того принять въ соображеніе тотъ фактъ, что «Русская Бесѣда» существуетъ почти безъ подписчиковъ, то не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что наша журналистика не успѣла пріохотить къ ознакомленію съ народностью даже ту часть публики, на которую она можетъ имѣть непосредственное вліяніе. О вліяніи на простой народъ, о фактическомъ сближеніи съ нимъ путемъ журнальной литературы — смѣшно и говорить. Нашъ народъ конечно не знаетъ того, что о немъ пишутъ и разсуждаютъ, и вѣроятно еще лѣтъ тридцать не узнаетъ объ этомъ. Житейскихъ, осязательныхъ результатовъ онъ вѣроятно долго не увидитъ, потому что стремленія не переходятъ въ дѣло и остаются на страницахъ журналовъ, къ обоюдной выгодѣ редакціи и сотрудниковъ. Что вопросъ объ эмансипаціи разрѣшился независимо отъ журнальныхъ толковъ, въ этомъ конечно нельзя винить журналистику; эмансипація была дѣломъ правительства и совершается административнымъ путемъ. Но воскресныя и безплатныя школы?— Это было дѣломъ общества, а между тѣмъ этотъ вопросъ прошелъ мимо журналистики, и журналы ограничились тѣмъ, что отмѣтили совершившійся фактъ на страницахъ своей современной лѣтописи или хроники. Не журналы возбудили этотъ вопросъ, и литература не указала обществу на его насущную потребность, а только оговорила эту потребность уже тогда, когда ея существованіе было сознано всѣми, когда уже были приняты мѣры для удовлетворенія этой потребности. Любопытно было-бы знать, можно-ли указать хоть на одно полезное дѣло, хоть на одинъ живой вопросъ народной жизни, который былъ-бы возбужденъ и рѣшенъ нашими журналами и который не остался-бы на бумагѣ, а хоть на одну іоту увеличилъ-бы матеріальное и нравственное благосостояніе нашего народа. Я почти увѣренъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ получится отрицательный. Причины этого явленія я постараюсь разобрать въ самыхъ общихъ чертахъ.

III.

Внѣшняя физіономія нашего общества слагается конечно помимо литературы. Наша журналистика не можетъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе административныхъ вопросовъ, слѣдовательно эту сторону дѣла я могу совершенно выпустить изъ моего разсужденія. Само собою понятно, что статьи «Русскаго Вѣстника» объ англійскомъ *jury* или объ англійскомъ парламентѣ имѣютъ для насъ интересъ чисто научный и не могутъ содѣйствовать нашему гражданскому воспитанію, потому что гражданъ воспитываетъ жизнь, а не книга. Точно также понятно, что сблизиться съ народомъ мы путемъ журналистики не можемъ; сближается съ народомъ тотъ, кто живетъ среди него, кто видитъ его каждый день въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, у кого есть съ нимъ общіе интересы и общія стремленія. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики лучше петербургскихъ и московскихъ литераторовъ знаютъ бытъ и характеръ простого народа; они знаютъ народъ въ самомъ будничномъ и непривлекательномъ видѣ; у нихъ происходятъ съ нимъ ежедневныя столкновенія, которыми ожесточаются обѣ стороны; подъ вліяніемъ этихъ столкновеній у впечатлительнаго человѣка портится характеръ и формируется мрачный и гуманный взглядъ на личность русскаго простолюдина; все это справедливо, но зато въ основу этого взгляда ложится не теорія, а непосредственный опытъ, и вслѣдствіе этого понятіе, которое сложилось въ головѣ практическаго хозяина о типическихъ особенностяхъ русскаго крестьянина, будетъ всегда ярче и опредѣленнѣе въ частностяхъ, чѣмъ понятіе теоретика-литератора, воодушевленнаго самыми безкорыстными и гуманными стремленіями. Практическое сближеніе съ народомъ—дѣло до такой степени важное, что его нельзя предпринять между прочимъ, толкуя о Боклѣ и Стюартѣ Миллѣ; какая-нибудь поѣздка по Россіи можетъ оставить въ воображеніи нѣсколько типическихъ фигуръ, которыя годятся для альбомнаго рисунка или для легкаго литературнаго очерка; но внутренній смыслъ этихъ фигуръ дается не сразу и постепенно измѣняется по мѣрѣ того, какъ вы подходите къ нимъ ближе и вглядываетесь внимательнѣе въ ихъ выраженіе и обстановку. Словомъ, журналистика, проводящая общечеловѣческія идеи въ русское общество, нуждается въ посредникахъ, которые проводили-бы эти идеи къ народу. Въ настоящее время народъ еще не въ состояніи сознавать эти идеи, обращать ихъ въ свое умственное достояніе, органически перерабатывать ихъ силой собственнаго мышленія; пусть онъ по крайней мѣрѣ чувствуетъ на себѣ ихъ благотворное, согрѣвающее вліяніе. Русскій крестьянинъ быть-мо-

жетъ еще не въ состояніи возвыситься до понятія собственной личности, возвыситься до разумнаго эгоизма и до уваженія къ своему *я*; пускай-же онъ почувствуетъ по крайней мѣрѣ какую-то перемѣну въ окружающей атмосферѣ, пускай почувствуетъ, что съ нимъ обращаются *господа* какъ-то не попрежнему, а какъ-то серьезнѣе и мягче, любовнѣе и ровнѣе. Такого рода перемѣна въ обращеніи не укрылась-бы отъ его вниманія и измѣнила-бы его нечувствительно для него самого. «Чѣмъ болѣе вы будете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ джентльмэномъ, тѣмъ скорѣе онъ дѣйствительно превратится въ джентльмэна» — это основное положеніе американской педагогики, и это положеніе можетъ быть примѣнено къ дѣлу вездѣ, гдѣ эмансипація идетъ не снизу вверхъ, а сверху внизъ. Чтобы русскій мужикъ почувствовалъ эту благодѣтельную перемѣну, нужно, чтобы наше провинціальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тѣмъ, что̀ оно теперь. Гуманизировать это сословіе - дѣло литературы и преимущественно журналистики. Это дѣло конечно исполнимѣе сближенія съ народностью или гражданской реформы путемъ журнальныхъ статей. Это дѣло требуетъ дружныхъ усилій и долговременнаго труда, но какое-же дѣйствительное усовершенствованіе въ сферѣ гражданской жизни не требуетъ времени, труда, траты силъ и единодушія? По крайней мѣрѣ можно сказать одно: это — цѣль достижимая, и это можетъ-быть единственная задача, которую можетъ выполнить литература, и которую притомъ только одна литература и въ состояніи выполнить. Это среднее сословіе, гуманизированное общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками, въ избу которыхъ конечно никогда не заходятъ книжки журналовъ, стоющихъ 15 руб. сер. въ годъ. Ни грошовыя изданія, о которыхъ было говорено, ни «Народное Чтеніе», о которомъ нужно будетъ поговорить со временемъ, не принесутъ народу никакой чувствительной пользы. Эти книги написаны людьми, имѣющими какое-то отвлеченное, книжное понятіе о народѣ, старающимися приноровиться къ его потребностямъ и обнаруживающими въ своихъ попыткахъ полнѣйшую непрактичность, полнѣйшее незнаніе той почвы, которую они хотятъ воздѣлывать. Но не забывайте, что въ нашемъ обществѣ есть тысячи людей, понимающихъ нашъ книжный языкъ, носящихъ нашъ костюмъ, словомъ — *господъ*, которые въ состояніи прочесть и понять ученую статью въ журналѣ и которые въ то-же время живутъ среди народа, въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ нашего обширнаго отечества. Эти люди поневолѣ выучиваются говорить съ народомъ и присматриваются къ его потребностямъ; эти люди по самому своему положенію стоятъ на рубежѣ двухъ элементовъ, общества и народа, и какъ будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ. Отчего-же мы ими не пользуемся? Оттого, мнѣ кажется, что до сихъ поръ мало обращали на нихъ вниманія. Наша журнальная критика и журнальная наука могли особенно благодѣтельно дѣйствовать на это сословіе, но къ сожалѣнію ни критика, ни наука не имѣли въ виду этого класса читателей и не заботились даже о томъ, чтобы сдѣлаться доступными имъ по формѣ. Въ настоящее время вы не найдете почти ни одной критической статьи, которая была-бы вполнѣ понятна человѣку, не имѣющему спеціальныхъ свѣдѣній по тому кругу предметовъ, къ которому относится статья. Обыкновенному читателю такая статья представится непрерывнымъ рядомъ намековъ, въ которыхъ онъ будетъ смутно чувствовать какую-то общую связь, но въ чемъ состоитъ эта связь и что̀ говорятъ эти намеки, это останется ему совершенно непонятнымъ. Опять-таки доказательство того, что если цѣлые отдѣлы нашихъ журналовъ остаются неразрѣзанными, то виновата въ этомъ не публика. Наши журналисты мечтаютъ о гражданской жизни и о сближеніи съ народомъ, и эти безплодныя мечты отвлекаютъ ихъ отъ настоящаго дѣла, отъ дѣйствительной обязанности, отъ живого общенія съ той сферой читателей, которая ждетъ отъ нихъ притока знаній и идей. Кромѣ того, кромѣ этого міра благородныхъ, но неосуществимыхъ мечтаній, у нашихъ журналистовъ есть цѣлый міръ закулисныхъ тайнъ, и намеками на интересы этого міра пересыпаны ихъ критическія обозрѣнія и полемическія статьи. Этотъ міръ мелкихъ личныхъ непріятностей, міръ литературнаго кумовства и нелитературныхъ перебранокъ даетъ себя чувствовать по временамъ въ какомъ-нибудь журнальномъ скандалѣ, котораго причина и истинная физіономія остаются непонятными для массы читающей публики. А между тѣмъ публику потчуютъ этими скандалами, и она *volens nolens* узнаетъ факты, непонятные для нея и вовсе не интересные.

IV.

Но что́ же можетъ и что́ должна сдѣлать журналистика для той публики, которая исключительно занимается чтеніемъ журналовъ? Она должна разбить ея предразсудки и помочь ей выработать себѣ разумное міросозерцаніе. При этомъ она должна имѣть въ виду ту часть публики, которая способна подвинуться впередъ, людей молодыхъ и свѣжихъ, людей, способныхъ принять истину и отрѣшиться отъ отцовскихъ заблужденій. Для такихъ людей талантливый критикъ съ живымъ чувствомъ и съ энерги-

ческимъ умомъ, критикъ, подобный Бѣлинскому, могъ-бы быть въ полномъ смыслѣ слова учителемъ нравственности, да не той условной нравственности, которая осуждаетъ г-жу Толмачеву, а той широкой нравственности, которая желаетъ только, чтобы человѣкъ былъ самимъ собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, безъ посторонняго контроля и придуманныхъ стѣсненій. Литература во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ должна бить въ одну точку; она должна всѣми своими силами эмансипировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, стремленіе къ общему идеалу и весь тотъ отживший хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны. А то-ли дѣлаетъ наша литература? Къ большей части вопросовъ жизни, науки или искусства она относится какъ-то нерѣшительно, какъ-то въ-половину, оглядываясь по сторонамъ, боясь колыхнуть авторитетъ, боясь оскорбить исторію; эти оглядки, эти опасенія часто имѣютъ мѣсто въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ можно смѣло положиться на голосъ здраваго смысла, въ которомъ можно даже отдаться внушенію непосредственнаго чувства. Возьмемъ примѣръ: пермская дама прочла на публичномъ чтеніи стихотвореніе Пушкина; корреспондентъ одной газеты описалъ это чтеніе, стараясь для удовольствія публики блеснуть яркостью красокъ и не жалѣя риторическихъ украшеній; сотрудникъ другой газеты, также для удовольствія публики, начинаетъ глумиться надъ описаніемъ перваго и, давши волю своему неопрятному юмору, съ размаху задѣваетъ имя и личность читавшей дамы. Дѣло, кажется, ясное! Оно ясно до такой степени, что о немъ можетъ - быть и вовсе не стоило говорить, но правильное чутье нѣкоторыхъ нашихъ журналовъ показало имъ, что это—вопросъ, для насъ еще нерѣшенный и требующій оговорки. Юмористъ газеты «Вѣкъ» получилъ отъ лица нашей журналистики серьезный выговоръ за свои цинические выходки противъ личности женщины и за ретроградное направленіе своей статьи. Этотъ выговоръ можно было-бы назвать донкихотствомъ, еслибы общественное мнѣніе въ Россіи опредѣлилось настолько, чтобы всѣ образованные люди рѣшали въ одинъ голосъ важнѣйшіе вопросы жизни. Но у насъ рѣшительно нѣтъ общественныхъ убѣжденій; въ каждомъ семействѣ происходитъ борьба между старыми понятіями и молодыми стремленіями; эта борьба и эти колебанія порождаютъ въ жизни общества много противорѣчащихъ другъ другу явленій; напр. молодая дѣвушка приходитъ въ университетъ учиться, а профессоръ старается выжить ее изъ аудиторіи циническимъ тономъ своей лекціи. Очевидно эта дѣвушка и этотъ профессоръ расходятся между собою во взглядѣ на такой простой и понятный предметъ, какъ образованіе женщины; они представляютъ борьбу двухъ діаметрально-противоположныхъ началъ, Домостроя и XIX вѣка. Обѣ стороны открыто несутъ свое знамя и понимаютъ свою несовмѣстимость. Но не всѣ члены общества становятся рѣшительно на ту или на другую сторону; бо́льшая часть такъ называемыхъ серьезныхъ людей держатъ нейтралитетъ и становятся въ самыя разнообразныя положенія въ отношеніи къ предмету спора; они обсуживаютъ его, вводя въ свои сужденія такое множество оговорокъ и ограниченій, что сущность дѣла становится мало-по-малу неясной для самыхъ жаркихъ защитниковъ того или другого мнѣнія; качая мудрыми головами, эти разсудительные люди обвиняютъ обыкновенно обѣ спорящія стороны въ крайности и въ увлеченіи, и сами стараются выбрать золотую середину. А возможна-ли эта середина? Попробуйте стать посерединѣ между негромъ и плантаторомъ, между самодуромъ-отцомъ и дочерью, которую насильно выдаютъ замужъ, между мистицизмомъ и раціонализмомъ. Примиренія нѣтъ, и держать нейтралитетъ значитъ стоять совершенно въ сторонѣ и не принимать никакого участія въ обсуждаемомъ вопросѣ. Нейтралитетъ, который стараются держать люди разсудительные, есть въ сущности оптическій обманъ, и, какъ оптическій обманъ, онъ можетъ быть опасенъ для неопытныхъ глазъ

Въ нашемъ обществѣ есть много людей молодыхъ, которые душою рады были-бы пойти за свѣтлыми и привлекательными идеями вѣка, но которыхъ останавливаетъ, во-первыхъ, то, что результаты этихъ идей совершенно расходятся съ существующими формами жизни, и, во-вторыхъ, голосъ разсудительныхъ людей, выбравшихъ мнимую золотую середину. Робость ихъ неокрѣпшей мысли останавливается на существующемъ порядкѣ и на авторитетѣ. Чтобы помочь этимъ людямъ, надо пользоваться случаемъ, брать примѣры прямо изъ жизни и на этихъ примѣрахъ показывать приложеніе общихъ правилъ и руководящихъ идей.

Протестъ нашихъ журналовъ противъ Камня-Виногорова былъ положительно полезенъ; онъ показалъ обществу, какъ наше литературное большинство понимаетъ права женщины, и показалъ не въ теоретическомъ разсужденіи, а на живомъ примѣрѣ. Но нерѣшительность отношеній къ простому и ясному дѣлу нашла себѣ представителей въ двухъ значительныхъ органахъ нашей журналистики. «Отечественныя Записки» приняли шутливый тонъ, говоря объ этомъ событіи въ отдѣлѣ русской литературы (1861, апрѣль, стр. 143); осмѣяли какъ школьническую продѣлку всю исторію протеста и посѣтовали о томъ, что толки о женщинѣ не

уяснили значенія семейнаго начала въ Россіи. «Русскій Вѣстникъ» отнесся къ дѣлу гораздо строже; у него всѣ оказались виноваты: и г-жа Толмачева, и фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», и юмористъ «Вѣка», и въ особенности Михайловъ и *спущенная имъ стая*. На 17 страницахъ разбирается это дѣло, и разборъ приводитъ къ самымъ неожиданнымъ результатамъ; съ-плеча высказываются смѣлыя повидимому мнѣнія, которыя на слѣдующей-же страницѣ встрѣчаютъ себѣ такое-же смѣлое опроверженіе. На стр. 24 говорится о томъ, что женщина въ нашемъ обществѣ пользуется всѣми разумными правами, а на страницѣ 36 прорывается признаніе, что «у насъ дѣвушка не легко отважится пройти одна по улицѣ». Концы съ концами сведены такъ, что вы при чтеніи не замѣтите противорѣчій, но если вы захотите отдать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, то общее впечатлѣніе выйдетъ самое смутное. Дѣло въ томъ, что въ подобномъ вопросѣ надобно отвѣчать ясно и категорически: да или нѣтъ. Меттерниховскія полумѣры, отвѣты *и да, и нѣтъ* или *ни да, ни нѣтъ* неприложимы и безсмысленны. Молодыя женщины и дѣвушки нашего общества чувствуютъ потребность учиться; у нихъ пробуждается дѣятельность мысли; вопросъ въ томъ, дать-ли имъ книги въ руки или нѣтъ, пустить-ли ихъ въ университетъ или нѣтъ. Давая имъ книги и пуская ихъ въ университетъ, мы, мужчины, собственно говоря, ничего не дѣлаемъ, а только устраняемъ свое вліяніе и рѣшительно не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности. Не давая книгъ и запирая двери университета, мы самымъ грубымъ образомъ посягаемъ на чужую свободу. Скажите-же, въ какомъ образованномъ обществѣ возможенъ такой вопросъ? Вѣдь это все равно, что спросить печатно: нужно-ли бить женщину кулакомъ, или нѣтъ. Неужели для разрѣшенія такого вопроса нужно обращаться къ исторіи, уяснять значеніе семейнаго начала, или ссылаться на права женщины передъ сводомъ законовъ, какъ то дѣлаетъ «Русскій Вѣстникъ»? Научный вопросъ, историческое значеніе женщины въ древней и новой Россіи можно обсуживать сколько угодно, и чѣмъ больше фактовъ вы наберете въ лѣтописяхъ, тѣмъ полнѣе и серьезнѣе будетъ ваше изслѣдованіе; но если вы въ житейскій вопросъ вмѣшаете результаты вашихъ кабинетныхъ трудовъ, то это будетъ напрасная трата времени.

А время вещь какая?

Дѣйствительно, діалектическія топкости, въ которыя пускаются наши журналы по поводу самыхъ простыхъ и понятныхъ вещей, какъ нельзя больше напоминаютъ читающей публикѣ знаменитаго метафизика, свалившагося въ яму и не рѣшающагося безъ предварительнаго размышленія схватить веревку, которую спускаетъ къ нему здравомыслящій человѣкъ. «Фразы заѣли насъ», говоритъ «Русскій Вѣстникъ» въ своей статьѣ о г-жѣ Толмачевой (1861 г., мартъ, стр. 37). Это совершенно справедливо. Когда нужно приложить къ дѣлу здравый смыслъ, когда можно дать волю непосредственному чувству, мы пускаемся въ фразы и выдвигаемъ впередъ вычитанную теорію; живой фактъ превращается въ отвлеченное, безжизненное и безцвѣтное понятіе; это понятіе поворачиваемъ во всѣ стороны; на цѣлыхъ страницахъ мы переливаемъ изъ пустого въ порожнее и въ заключеніи подводимъ такіе результаты, которые на завтрашній-же день, какъ мыльные пузыри, лопнутъ отъ движенія жизни. Жизнь идетъ мимо литературы, и журнальная теорія одна за другой сдаются въ архивъ и умираютъ.

V.

Жизнь наша бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, а между тѣмъ и эта бѣдная жизнь съ ея потребностями и стремленіями отражается довольно ясно только въ изящной словесности. Наша изящная словесность во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше нашей критики, такъ что во многихъ случаяхъ критика не была въ состояніи дать отчета о художественномъ произведеніи, возбудившемъ всеобщее сочувствіе въ читающей публикѣ. О «Воспитанницѣ» Островскаго не было сказано ни слова, а между тѣмъ какъ много говоритъ эта небольшая драма, какія живыя личности и положенія выступаютъ передъ воображеніемъ читателя! Если молчаніе критики о «Воспитанницѣ» произошло отъ невниманія, то это непростительная оплошность; впрочемъ трудно сдѣлать подобное предположеніе; вѣрнѣе то, что у нашей критики не достало силъ разобрать аналитически тѣ явленія, которыя въ стройныхъ образахъ явились передъ творческимъ сознаніемъ художника; сознаніе этого безсилія и нежеланіе отдѣлаться фразами отъ замѣчательнаго произведенія дѣлаетъ честь добросовѣстности нашихъ критиковъ; но самый фактъ безсилія—явленіе, дѣйствительно существующее и въ то-же время очень печальное. На изящную словесность намъ рѣшительно невозможно пожаловаться; она дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно и своими хорошими и дурными свойствами отражаетъ съ дагерротипической вѣрностью положеніе нашего общества. Во-первыхъ, все вниманіе ея сосредоточено на среднемъ сословіи, т. е. на томъ классѣ, который дѣйствительно живетъ и движется, для котораго смѣняются идеалы, взгляды на жизнь и вѣянія эпохи. Романы изъ жизни высшей аристократіи и изъ простонароднаго быта сравнительно довольно рѣдки, а явленіе писателя, подобнаго Марку Вовчку,—писателя, сливающаго свою личность съ наро-

домъ, составляетъ совершенное исключеніе. Это предпочтеніе нашихъ художниковъ къ среднему сословію объясняется тѣмъ, что къ этому сословію принадлежитъ почти все то, что́ пишетъ, читаетъ, мыслитъ и развивается. Высшая аристократія и простой народъ въ сущности мало измѣнились со временъ напр. Александра I; народъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, и не перемѣнилъ даже покроя платья; аристократія перемѣнила костюмъ, приняла какія-нибудь новыя привычки, но образъ мыслей, взглядъ на жизнь остались тѣ-же и попрежнему напоминаютъ вѣкъ Людовика XIV. Что-же касается до средняго сословія, то каждое десятилѣтіе производитъ въ немъ замѣтную перемѣну; поколѣніе рѣзко отличается отъ поколѣнія; идеи европейскаго запада дѣйствуютъ почти исключительно на высшіе слои этого средняго класса; этотъ классъ наполняетъ собою университеты, держитъ въ рукахъ литературу и журналистику, ѣздитъ за границу съ ученой цѣлью, словомъ, онъ выражаетъ собою національное самосознаніе. Художникъ, который ищетъ человѣческихъ чертъ, а не бытовыхъ подробностей, психологическаго, а не этнографическаго интереса, естественно обращается къ этому классу и изъ него черпаетъ матеріалы. Борьба идей, а не личностей, столкновеніе понятій и воззрѣній возможны только въ этомъ классѣ. Предметъ борьбы и столкновенія характеризуетъ собою эпоху, и притомъ такъ вѣрно, что хорошій критикъ по одному внутреннему содержанію художественнаго произведенія, котораго герои взяты изъ средняго сословія, можетъ опредѣлить безошибочно то десятилѣтіе, въ которомъ оно возникло. Сравните «Герой нашего времени», «Кто виноватъ?» и «Дворянское Гнѣздо», и вы увидите, до какой степени измѣняются характерныя физіономіи и понятія изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе.

Занимаясь преимущественно среднимъ сословіемъ, наша изящная словесность обращаетъ свое вниманіе не столько на общество, сколько на человѣческую личность. Психологическій интересъ въ большей части нашихъ романовъ и повѣстей преобладаетъ надъ бытовымъ и соціальнымъ. Дѣйствіе происходитъ обыкновенно внутри семейства и почти никогда не приводится въ связь съ какимъ-нибудь общественнымъ вопросомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ также отражается явленіе русской жизни; дѣло въ томъ, что у насъ, собственно говоря, нѣтъ общества, и до сихъ поръ не бывало такихъ движеній, которыя-бы заинтересовали всѣхъ и дали почувствовать каждому, что онъ не только Петровъ или Ивановъ, но въ то-же время гражданинъ Россіи; у насъ есть множество отдѣльныхъ кружковъ, которые другъ друга не знаютъ и знать не хотятъ; внутренняя связь этихъ кружковъ иногда имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, а иногда вовсе не имѣетъ смысла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ кружокъ составляется изъ людей, связанныхъ между собою симпатіей, единствомъ убѣжденій, сходствомъ характеровъ; большей частью кружки основаны на связи чисто случайной, на родствѣ или свойствѣ, на сосѣдствѣ по деревнѣ, на товариществѣ по службѣ, на встрѣчѣ за бутылкой вина. Физіономію кружка часто очень удачно схватываетъ художникъ; въ этой физіономіи есть обыкновенно нѣсколько типическихъ чертъ, которыя каждому русскому понятны и знакомы; другія черты, составляющія индивидуальную особенность того или другого кружка, тоже могутъ войти въ романъ, потому что идея художника должна выразиться въ самомъ опредѣленномъ обособленіи, такъ чтобы выведенныя личности были живыми людьми и въ то-же время представителями извѣстнаго типа. Но для критики отсутствіе связи между отдѣльными кружками составляетъ рѣшительно камень преткновенія; какъ судить объ обществѣ, какъ наблюдать за проявленіями его жизни, когда общества нѣтъ и когда жизнь общества ни въ чемъ не проявляется! Задача дѣйствительно мудреная, и за рѣшеніе этой задачи критика наша берется, сколько мнѣ кажется, не такъ, какъ слѣдовало-бы. За неимѣніемъ общества она старается его выдумать; она мытается привить къ намъ общественные интересы, и истощается въ благородныхъ, но безполезныхъ усиліяхъ; она хочетъ сдѣлать слишкомъ много, и потому ровно ничего не дѣлаетъ; она забываетъ, что критика можетъ только обсуждать существующія явленія, выражать потребности, посящіяся въ обществѣ, а не порождать новыя явленія и не будить въ обществѣ такія потребности, для которыхъ еще нѣтъ почвы въ дѣйствительности. Забѣгать впередъ не дѣло критики; это значитъ разрушать живую связь между собою и читающимъ обществомъ; если критика 1861 года осталась непрочитанной или по прочтеніи не произвела на читателя никакого впечатлѣнія, то она навсегда пропала; вѣдь будущее поколѣніе не станетъ-же разрывать старые журналы, чтобы искать въ нихъ идеи, приходящіяся по душѣ. Журналистика—дѣло нынѣшняго дня; что́ не прочитано сегодня, то уже устарѣло назавтра. Бѣлинскаго издаютъ и читаютъ теперь преимущественно потому, что его съ жадностью читали его современники, потому что онъ былъ учителемъ цѣлаго поколѣнія, а не потому, что въ его критикѣ заключаются вѣчныя истины. Бѣлинскій дорогъ намъ не какъ мыслитель, а какъ выраженіе извѣстной эпохи. Самые недостатки Бѣлинскаго, его увлеченія, порывы страстности, вредящіе порою ясности критическаго взгляда, могли только содѣйствовать успѣху его критики. Эти недостатки принадлежали времени; ихъ раздѣляли съ Бѣлинскимъ

лучшіе люди той эпохи, и потому эти самые недостатки скрѣпляли связь между критикомъ и читателемъ.

Ничего подобнаго не встрѣтишь въ теперешней критикѣ, потому что усвоить себѣ всѣ сочувствія извѣстной эпохи, всѣ ея сильныя и слабыя стороны, словомъ, воплотить въ себѣ эпоху можетъ только сильный талантъ, а нашимъ критикамъ именно не достаетъ силы и таланта. У нихъ есть кой-какія знанія, есть честныя убѣжденія, благородныя стремленія, но нѣтъ той жизни, той энергіи и огня, которые неотразимымъ обаяніемъ дѣйствуютъ на общество и увлекаютъ за собою умы читателей. Этимъ недостаткомъ таланта объясняются ошибки нашей критики, ея безтактность, и главное —ея поразительная мертвенность. Человѣкъ талантливый творитъ по внутренней потребности; онъ увлекается процессомъ творчества за предѣлы всякой теоріи и увлекаетъ за собою слушателей или читателей; онъ иногда ошибается, противорѣчитъ себѣ, потому что впечатлительность и подвижность мысли часто мѣшаютъ ему размѣрять каждый шагъ и взвѣшивать каждое слово. Трудолюбивая посредственность часто найдетъ случай уличить его въ поверхностности, въ поспѣшности выводовъ, въ недостаточномъ знакомствѣ съ фактами, но во всѣхъ этихъ ошибкахъ, въ самыхъ противорѣчіяхъ видна самородная сила мысли, отъ нихъ вѣетъ жизнью, и во имя этого обаятельнаго дыханія жизни вы охотно извините талантливому человѣку отдѣльные пробѣлы и недосмотры; задаться какой-нибудь теоріей и не отступать отъ нея втеченіи всей своей дѣятельности—это невозможно для талантливаго человѣка; оторваться отъ интересовъ дѣйствительной жизни онъ рѣшительно не въ состояніи; его природа слишкомъ воспріимчива и впечатлительна, чтобы не отозваться на то, «что́ проситъ у сердца отвѣта». Онъ можетъ расходиться съ своими современниками въ пониманіи житейскихъ вопросовъ и важнѣйшихъ интересовъ эпохи, онъ можетъ вступить съ ними въ открытую борьбу на жизнь и на смерть, но предметомъ этой борьбы будетъ дѣйствительная почва, а не отвлеченная, схоластическая теорія, созданная односторонней работой мозга.

Современная критика грѣшитъ именно тѣмъ, что она задается теоріями и изобрѣтаетъ жизнь вмѣсто того, чтобы приглядываться и прислушиваться къ звукамъ окружающей дѣйствительности. Бѣдны, однообразны эти звуки, не слагаются они въ стройную гармонію,—все это правда, но вѣдь все-таки это дѣйствительность, и самая ея бѣдность и однообразіе представляютъ намъ фактъ, способный вызвать слово сочувствія у дѣйствительнаго поэта, или навести истиннаго критика на плодотворныя размышленія. Эту бѣдность не замаскируешь самыми пестрыми декораціями фантазіи, да и кого обманутъ эти декораціи? Дѣтей, невыучившихся отличать мишуру отъ золота, да тѣхъ жалкихъ людей, у которыхъ воображеніе преобладаетъ надъ чувствомъ и которые способны жить одной головой и удовлетворяться тѣмъ, что въ ихъ мозгу господствуетъ строгая систематичность и существуетъ гармоническое согласіе между поселенными въ немъ идеями. Витать мыслью въ радужныхъ сферахъ фантазіи или уноситься куда-нибудь за море къ лучшему порядку вещей въ то время, когда окружающіе насъ люди терпятъ горькую судьбу или несутъ тяжелый трудъ, это такая способность сибаритства, которой обладаютъ многіе, но которая къ сожалѣнію недоступна человѣку, одаренному живымъ чувствомъ. Возлѣ меня человѣкъ работаетъ и страдаетъ, терпитъ голодъ, холодъ и оскорбленія, а я, сидя на мягкомъ диванѣ, послѣ сытнаго обѣда, боюсь даже пошевелить своей мыслью и подумать о его положеніи; вздохнувъ ex officio о несовершенствахъ жизни, я отворачиваюсь отъ некрасиваго зрѣлища, отгоняю прочь сѣренькія впечатлѣнія и начинаю строить воздушные замки или разсуждать о парламентской реформѣ въ Англіи. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя спокойныя и свѣтлыя размышленія полезны для головы и для желудка; пульсъ бьется ровно и пищевареніе идетъ нормальнымъ порядкомъ, но что эти размышленія—сонъ на яву, это, мнѣ кажется, тоже не требуетъ доказательствъ.

VI.

Наша изящная словесность представляетъ интересъ преимущественно психологическій: она разсматриваетъ человѣка, а не гражданина, не представителя извѣстной эпохи, не члена извѣстнаго общества. Черты народности эпохи и общества встрѣчаются въ изобиліи въ создаваемыхъ ею образахъ, потому что эти образы дѣйствительно художественны и слѣдовательно вполнѣ опредѣленны; но эти черты составляютъ только необходимые аксессуары; что-же касается до главныхъ пружинъ романическаго интереса, то онѣ обыкновенно скрываются во внутреннемъ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, въ колоритѣ личныхъ и семейныхъ отношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ. У насъ не было историческаго романа, за исключеніемъ «Капитанской Дочки» Пушкина; у насъ нѣтъ до сихъ поръ соціальнаго или нравоописательнаго романа. Въ этомъ отношеніи литература служитъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни; у насъ каждый занятъ собою и своимъ семейнымъ бытомъ; гражданскія доблести и патріотическое чувство пробуждаются только тогда, когда всѣмъ угрожаетъ опасность, какъ то было напр. въ 1812 году; вызванное общей опасностью, это патріотическое чувство равносиль-

по чувству самосохраненія, возбужденному одновременно въ нѣсколькихъ милліонахъ людей. Эти милліоны поднимаются не для того, мнѣ кажется, чтобы отстоять какую-нибудь общую идею, а для того, чтобы защитить свои личные интересы. Поднимаются всѣ вмѣстѣ потому, что каждому отдѣльно грозитъ опасность. Эта разрозненность не подлежитъ сомнѣнію. Хороша-ли она, или нѣтъ, это вопросъ, и, мнѣ кажется, вопросъ далеко нерѣшеный. Она мѣшаетъ единству гражданскаго дѣйствія, но зато развиваетъ личную оригинальность и самостоятельность. Трудно также рѣшить a priori, составляетъ-ли эта разрозненность черту русскаго характера, или простое, временное слѣдствіе внѣшней организаціи нашего общества; какъ-бы то ни было, фактъ существуетъ, и, если можно, изъ него нужно извлечь пользу.

Вмѣсто того, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни, о которыхъ молчитъ изящная словесность, обладающая большимъ тактомъ, наша критика сдѣлала-бы очень хорошо, еслибы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній. Въ уясненіи этихъ вопросовъ нуждается всякій; эти вопросы затемнены и запутаны разнымъ старымъ хламомъ, которые не мѣшало-бы отодвинуть въ сторону, чтобы всѣмъ и каждому можно было непредубѣжденными глазами взглянуть на свѣтъ божій и на добрыхъ людей. Съ важнымъ видомъ взойти на каоедру и ни съ того, ни съ сего начать проповѣдь о человѣческихъ обязанностяхъ и добродѣтеляхъ было-бы конечно смѣшно; я этого и не требую отъ нашей критики; но вы не забудьте того, что въ каждой книжкѣ каждаго толстаго журнала появляются повѣсти и романы: хорошія произведенія представляютъ намъ характеры и образы, посредственныя—выражаютъ стремленія и воззрѣнія авторовъ; и тѣ, и другія могутъ дать поводъ къ обсужденію разныхъ сторонъ нашей вседневной жизни, а эти стороны нуждаются въ пересмотрѣ и въ расчищеніи; это выразилъ еще въ «Петербургскомъ Сборникѣ» талантливый и рыцарски-честный человѣкъ, авторъ статьи: «Капризы и раздумье», и эта мысль нашла себѣ полное сочувствіе въ теплой душѣ Бѣлинскаго. Отношенія между мужемъ и женою, между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ,—все это должно быть обсуживаемо и разсматриваемо съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Это обсужденіе не должно привести къ составленію законовъ семейной нравственности. Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго, въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству. Выражать свои мысли и убѣжденія объ условіяхъ домашней жизни должно не для того, чтобы навязать эти мысли современному обществу, а для того, чтобы натолкнуть его на мысль о необходимости подвергнуть тщательному и смѣлому пересмотру существующія формы, освященныя вѣками и потому подернувшіяся вѣковой плѣсенью. Говорить мелькомъ объ условной или мѣщанской нравственности принято въ современной литературѣ. Слово «условная нравственность» сдѣлалась даже общимъ мѣстомъ; повторяясь ежеминутно, это слово потеряло свой живой смыслъ и обратилось въ побрякушку, не пробуждающую въ насъ никакого опредѣленнаго представленія, почему это такъ случилось? Насъ заѣли фразы, мы пустились въ діалектику, воскресили схоластику и вращаемся въ заколдованномъ кругу словъ и отвлеченностей, которыя мѣшаютъ намъ видѣть настоящее дѣло. Вотъ напр. Григорьевъ пишетъ цѣлую статью объ отношеніи искусства къ нравственности: статья по своему направленію соотвѣтствуетъ духу времени, а между тѣмъ авторъ не выходитъ изъ сферы отвлеченностей и ни одного литературнаго типа не разбираетъ по отношенію къ затронутому вопросу; именъ встрѣчается довольно много, но по поводу этихъ именъ высказываются замѣчанія, относящіяся къ исторіи литературы, но не бросающія никакого свѣта на понятіе условной и истинной нравственности. Прочитавъ статью въ 23 страницы, читатель убѣждается въ томъ, что Григорьевъ протестуетъ противъ «условной нравственности», но самое понятіе «условная нравственность» остается для него такъ-же мало опредѣленнымъ, какъ напр. выраженія того-же критика: «литыя формы» Карамзина («Время» 1861, мартъ) или «казовые концы» нашего общества («Свѣточъ» 1861, апрѣль). Заявить въ себѣ присутствіе того или другого убѣжденія не трудно; тотъ фактъ, что вы—прогрессистъ или обскурантъ, касается только васъ самихъ и вашихъ ближайшихъ знакомыхъ; публика не нуждается въ вашемъ голословномъ исповѣданіи вѣры; оно ни для кого не поучительно и можетъ-быть даже не интересно; но если вы дадите себѣ трудъ развить отдѣльныя мысли вашего міросозерцанія, если вы покажете ихъ приложеніе къ дѣлу въ различныхъ столкновеніяхъ съ жизнью, тогда публика увидитъ степень самостоятельности и искренности вашихъ убѣжденій, степень ихъ жизненности и практической примѣнимости; она увидитъ, что можно задуматься надъ выраженными вами идеями, и можетъ-быть скажетъ вамъ спасибо за то, что вы дали ей поводъ къ тѣмъ или другимъ размышленіямъ. Есть множество истинъ простыхъ и понятныхъ, которыя однако не совсѣмъ легко примѣнить, даже въ теоретическомъ разсужденіи, къ отдѣльнымъ случаямъ жизни. «Ува-

жайте въ себѣ и въ другихъ человѣческую личность»,—что́ можетъ быть проще этого правила; вѣроятно не найдется ни одного человѣка въ мірѣ, который рѣшился-бы спорить противъ этой мысли, выраженной въ догматической формѣ; вѣроятно никто не найдетъ этого изреченія безнравственнымъ; а между тѣмъ, посмотрите вокругъ себя—вы встрѣтите на каждомъ шагу противорѣчія этому простому правилу практической нравственности; загляните въ исторію человѣчества, и вы убѣдитесь въ томъ, что оно даже теоретически не уяснило себѣ этой идеи; религіозныя войны, утопическія теоріи, реформы съ высоты административнаго величія или отвлеченной мысли доказываютъ ясно, что необходимость уважать человѣческую личность не была сознана во всемъ своемъ объемѣ ни мыслителями, отъ Платона до Гегеля, ни практическими дѣятелями, отъ Кира Персидскаго до Наполеона III. Можно сказать рѣшительно, что приложеніе принципа къ дѣлу гораздо важнѣе самаго принципа; подъ однимъ знаменемъ могутъ стоять люди самыхъ несходныхъ характеровъ и даже до нѣкоторой степени разнорѣчивыхъ убѣжденій. Вѣроятно «Русскій Вѣстникъ» не рѣшится выставить на своемъ знамени цитату изъ Домостроя, вѣроятно онъ скажетъ смѣло, что ратуетъ за прогрессъ и за свободу человѣческой мысли и личности, а между тѣмъ онъ съ ожесточеніемъ возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые выразили свое неудовольствіе по поводу статьи Камня-Виногорова, называетъ ихъ стаей, спущенной Михайловымъ, а всю исторію протеста клеймитъ именемъ возмутительнаго гама на площадяхъ русской литературы. Споры возникаютъ въ наше время не столько за принципъ, сколько за отдѣльныя частности въ его приложеніи къ дѣлу; въ основномъ принципѣ всѣ порядочные люди болѣе или менѣе согласны между собою; кто не сходится съ нами въ основаніи, съ тѣмъ мы считаемъ всякій споръ совершенно безполезнымъ: вѣроятно ни одинъ порядочный журналъ не вступитъ въ полемику съ «Домашней Бесѣдой» и не откликнется ни однимъ словомъ на кривлянія Аскоченскаго. Изъ всего слѣдуетъ, что критика будетъ тѣмъ живѣе и плодотворнѣе для общества, чѣмъ меньше будетъ въ ней отвлеченностей и общихъ взглядовъ, чѣмъ неуклоннѣе она будетъ слѣдить за движеніемъ жизни и чѣмъ внимательнѣе будетъ обсуживать отдѣльныя явленія науки и искусства, даже отдѣльные случаи вседневной жизни.

Помилуйте, вы низводите критику на степень городской сплетницы, скажутъ съ ужасомъ тѣ литераторы, которые прежде всего гонятся за серьезностью направленія и за величіемъ и строгостью идеи. Господа, отвѣчу я, не будемъ обманывать самихъ себя: вѣдь мы должны писать для общества, слѣдовательно должны заниматься тѣмъ, что́ всѣмъ доступно и всѣмъ можетъ принести пользу. Какой-нибудь общественный скандалъ въ данную минуту интересуетъ публику гораздо больше, нежели рѣшеніе вопроса о томъ, существуютъ-ли у насъ западники и славянофилы; по поводу этого общественнаго скандала вы можете развить нѣсколько свѣтлыхъ идей и заронить въ вашихъ читателей кое-какіе задатки развитія и движенія впередъ. Спрашивается, по какому-же побужденію вы не воспользуетесь этимъ случаемъ? Потому, скажете вы, что не желаете уронить достоинства идеи, не желаете вмѣшаться въ толпу крикуновъ и свистуновъ, etc., etc... Что за щепетильность, что за брезгливость, что за фешенебельное и въ то-же время педантическое презрѣніе къ тѣмъ интересамъ, которые волнуютъ окружающихъ васъ людей! Какъ критикъ, вы должны помогать общественному самосознанію и не оставаться, сложа руки, когда общество рискуетъ ошибиться или когда является возможность высказать ему нѣсколько истинъ. Олимпійское спокойствіе можетъ быть очень умѣстно въ ученомъ собраніи, но оно никуда не годится на страницахъ журнала, служащаго молодому, еще не перебродившему обществу. Если вашъ утонченный слухъ не терпитъ рѣзкихъ звуковъ, откажитесь отъ критической дѣятельности, приводящей васъ въ соприкосновеніе съ живымъ и безалабернымъ міромъ людей; плохой тотъ медикъ, который блѣднѣетъ при видѣ крови и падаетъ въ обморокъ, когда нужно перевязывать рану больного; плохой тотъ критикъ, который не въ состояніи вынести шума житейскихъ толковъ и потому можетъ познакомиться съ жизнью только по книгамъ, написаннымъ высокимъ слогомъ и проникнутымъ олимпійскимъ спокойствіемъ. Но, извините, между медикомъ и критикомъ большая разница. Медикъ не виноватъ въ томъ, что у него слабы нервы; онъ борется съ собою и не можетъ побѣдить себя; что-же касается до щепетильнаго критика, то онъ очевидно напускаетъ на себя дурь и даже любуется тѣмъ величавымъ презрѣніемъ, съ которымъ онъ относится къ суетящейся мелюзгѣ. «Время» говорило о литературныхъ генералахъ; помилуйте, да у насъ есть не только литературные генералы, а просто литературные богдыханы, которые сердятся за всякое громкое слово и пушатъ насъ, какъ мальчишекъ, за отсутствіе серьезности и за то, что мы смѣемъ безпокоить ихъ барскія уши и нарушать ихъ величавую полудремоту. Попробуйте написать рѣзкую критическую статью: «Отечественныя Записки» сейчасъ обвинятъ васъ въ гарцованіи, въ срамословіи и сквернословіи (Sic!), а «Русскій Вѣстникъ» крикнетъ изъ Москвы: «молчать, мальчишки, не смѣйте разсуждать, когда я говорю!»

Все это было-бы почти грустно, если-бы не было въ высшей степени смѣшно.

VII.

Стремленіе къ серьезности, господство теорій, переходящихъ порою въ рутину, отвлеченность и вслѣдствіе этого безжизненность содержанія и неясность внѣшней формы составляютъ неотъемлемое достояніе нашей современной критики. Она гордится этими свойствами и держитъ въ запасѣ нѣсколько казенныхъ фразъ, которыми эти слабости и недостатки возводятся въ высшія достоинства; отворачиваться отъ явленій дѣйствительности значитъ служить вѣчнымъ интересамъ мысли; туманныя отвлеченности называются философіей; даже самый осязательный недостатокъ—неясность формы—не встрѣтилъ себѣ до сихъ поръ опредѣленно выраженнаго протеста въ печати. Словомъ, средневѣковая схоластика и египетская символистика живутъ въ нашей періодической литературѣ, не смотря на изобрѣтеніе Гутенберга, которое, какъ мы знаемъ по самымъ элементарнымъ учебникамъ, должно было разбить замкнутость ученаго сословія и сдѣлать науку достояніемъ массы. Схоластика оправдывается условіями своего времени; египетская символистика вытекла изъ религіи и поддерживалась народнымъ характеромъ, любившимъ таинственность и мистическій мракъ; но въ наше время схоластическое отчужденіе отъ жизни и символическая загадочность выраженія составляютъ печальный анахронизмъ. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ построить эстетическую теорію и уяснить вѣчные законы изящнаго рѣшительно не удались, и не удались именно потому, что нашъ вѣкъ уже не ловится на теоріи и не повинуется слѣпо вымышленнымъ законамъ. Прошли тѣ времена, когда Буало и Батте, законодатели ложнаго классицизма, могли произвольно обрѣзывать область творчества и выбрасывать изъ нея все низкое (т. е. невысокое) и пошлое (т. е. обыденное). У насъ въ журнальной критикѣ былъ моментъ, когда теорія сразилась съ интересами жизни и употребила всѣ усилія, чтобы поворотить движеніе мысли туда, куда требовалось, согласно съ буквою эстетическаго закона; схватка, происшедшая между теоретиками и практиками, была жаркая, и, какъ того слѣдовало ожидать, теоретики не остановили теченія жизни и отошли въ сторону, пожимая плечами. Дѣло шло объ обличительной литературѣ. Надо было рѣшить, законное-ли оно явленіе, или нѣтъ. Собственно говоря, въ рѣшеніи этого вопроса никто не нуждался; публика съ наслажденіемъ читала «Губернскіе Очерки» Щедрина, нисколько не заботясь о томъ, осудитъ или оправдаетъ его наша критика; но рьяные систематики, любящіе систему для системы, не могли быть спокойны, пока не нашли той категоріи, въ которую можно было включить произведенія новаго беллетриста. Эти систематики возстали противъ обличительной литературы и съ фанатическимъ жаромъ вступились за отвлеченное понятіе искусства. Ахшарумовъ помѣстилъ даже въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1858 года статью подъ громкимъ заглавіемъ: «Порабощеніе искусства». Словомъ, господа теоретики такъ горячо вступились за отвлеченное понятіе, какъ вступаются только за живого человѣка, когда ему наносятъ тяжелое оскорбленіе. Слушая ихъ, можно было подумать, что не повѣсти и романы пишутся для того, чтобы удовлетворить творческому стремленію авторовъ и доставить публикѣ эстетическое наслажденіе, а наоборотъ—писатели и публика существуютъ: первые для того, чтобы писать, а послѣдняя для того, чтобы читать художественныя произведенія. Теорія здѣсь, какъ и вездѣ, посягала на свободу писателей и читателей; здѣсь, какъ и вездѣ, она обнаружила крайнюю близорукость и крайнее незнаніе жизни. Она хотѣла передѣлать жизнь по своему и подчинить своимъ приговорамъ творчество художника и вкусъ цѣнителя. Она не поняла того, что протестъ былъ насущной потребностью русскаго общества въ лицѣ наиболѣе развитыхъ его представителей; она не захотѣла вникнуть въ то, что протестъ могъ выразиться только въ изящной словесности, и что на этомъ основаніи наши протестанты съ жадностью ухватились за эту форму. Критика отстала отъ общества и отъ изящной словесности и, толкуя объ исторіи, сама забыла приложить историческую оцѣнку къ невиданному явленію. Она заговорила объ абсолютныхъ законахъ творчества и не сообразила того, что абсолютной красоты нѣтъ, и что вообще понятіе красоты лежитъ въ личности цѣнителя, а не въ самомъ предметѣ. Что̀ на мои глаза прекрасно, то вамъ можетъ не нравиться; что̀ приходилось по вкусу нашимъ отцамъ, то можетъ наводить на насъ сонъ и дремоту. Негритянка, которая своему соотечественнику покажется воплощеніемъ красоты, навѣрное не понравится европейцу. Красота чувствуется, а не мѣряется аршиномъ; требовать, чтобы художественное произведеніе приводило зрителей или слушателей въ одинаковое настроеніе, значитъ желать, чтобы у всѣхъ этихъ господъ равномѣрно бился пульсъ, а сдѣлать это очень трудно; намъ извѣстно изъ исторіи, что Карлъ V, во время пребыванія своего въ монастырѣ св. Юста, при всѣхъ успѣхахъ не успѣлъ привести къ равномѣрному ходу двухъ стѣнныхъ часовъ. Человѣческій организмъ будетъ посложнѣе стѣнныхъ часовъ; къ тому же онъ образуется и развивается помимо нашей воли; изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что законодатели-эстетики напрасно стараются добраться до такихъ законовъ, которые на практикѣ признало-бы все человѣчество. Вы можете рядомъ силлогизмовъ доказать

мнѣ, что такое-то произведеніе художественно, но если это произведеніе не подѣйствовало на мою нервную систему, то, прочитавши вашу рецензію, я останусь къ нему такъ-же холоденъ, какъ и прежде. Если, стоя передъ картиною, вы предварительно отдаете себѣ отчетъ въ правильности рисунка, въ вѣрности выраженія и въ живости колорита, а уже потомъ начинаете наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ, то это доказываетъ, что картина писана не художникомъ, а трудолюбивымъ и ученымъ техникомъ, или что вы, цѣнитель, до такой степени пропитаны теоретическими знаніями, что научный элементъ задушилъ въ васъ живое чувство и непосредственную воспріимчивость къ явленію красоты. Это значитъ, что вы заучились, и что ваши мыслительныя силы развились въ ущербъ остальнымъ отправленіямъ вашего организма. Мы, обыкновенные люди, идемъ обратнымъ путемъ, отъ синтеза къ анализу, т.-е. сначала чувствуемъ впечатлѣніе, а потомъ отдаемъ себѣ отчетъ въ причинахъ этого впечатлѣнія. Если я не почувствовалъ красоты, то не стану справляться съ мнѣніемъ знатоковъ, а подожду, пока большее количество жизненнаго опыта не дастъ мнѣ средствъ самостоятельно насладиться даннымъ произведеніемъ, или пока тотъ-же жизненный опытъ не покажетъ мнѣ, что я былъ правъ передъ собственной личностью, пройдя совершенно равнодушно мимо этого произведенія.

Личное впечатлѣніе, и только личное впечатлѣніе можетъ быть мѣриломъ красоты. Пусть всякій критикъ передаетъ намъ только то, какъ на него подѣйствовало то или другое поэтическое произведеніе; пусть онъ даетъ публикѣ отчетъ въ своемъ личномъ впечатлѣніи, и тогда каждая критическая статья будетъ такъ-же искренна и жива, какъ лирическое стихотвореніе истиннаго поэта; тогда рецензія будетъ создаваться, вытекать изъ души критика, а не строиться механически, какъ строится она теперь. Тогда критика будетъ дѣломъ таланта и бездарность не будетъ въ состояніи укрыться за чужую теорію, превратно понятую и превратно передаваемую Это конечно pia desideria. Бездарность никогда не откажется отъ критической дѣятельности уже потому, что не сознаетъ себя бездарностью. Бездарность никогда не откажется отъ теоріи, потому что ей необходимъ критеріумъ, на которомъ можно было-бы строить свои приговоры, необходима надежная стѣна, къ которой можно было-бы прислониться. Вѣдь высказывается-же въ нашей журналистикѣ мнѣніе о томъ, что литература наша *страдаетъ* отсутствіемъ авторитетовъ («Отеч. Зап.», 1861, февраль, «Рус. Лит.», стр. 76), точно будто вѣра въ авторитетъ или въ теорію составляетъ необходимое условіе жизни. Если такое мнѣніе до сихъ поръ высказывается даже въ догматической формѣ, то очевидно, оно будетъ жить очень долго, можетъ-быть даже никогда не умретъ, потому что вѣроятно не переведутся въ обществѣ такіе люди, которые по вялости и робости мысли не рѣшаются стать на свои ноги и постоянно напрашиваются къ кому-нибудь подъ умственную опеку. Тѣмъ не менѣе было-бы очень хорошо, еслибы вѣра въ необходимость теоріи была подорвана въ массѣ читающаго общества. Строго проведенная теорія непремѣнно ведетъ къ стѣсненію личности, а вѣрить въ необходимость стѣсненія значитъ смотрѣть на весь міръ глазами аскета и истязать самого себя изъ любви къ искусству.

Въ вопросѣ объ обличительной литературѣ теорія эстетики выказала всю свою несостоятельность. Дѣло было такъ просто, что возвести его въ теоретическій вопросъ и толковать о немъ больше трехъ лѣтъ могли только Метафизикъ Хемницера, да наша заучившаяся критика. Дѣло состояло въ томъ, что въ журналахъ рядомъ съ нѣкоторыми замѣчательными очерками Щедрина стали появляться посредственные разсказы и сцены съ обличительными стремленьицами и съ худо скрытой нравоучительной цѣлью. Посредственныя беллетристическія произведенія ни въ какой литературѣ не составляютъ рѣдкости, а у насъ ими хоть прудъ пруди; каждый журналъ ежемѣсячно вноситъ на алтарь отечества свою посильную лепту, втеченіи года возникаетъ отъ 60 до 80 повѣстей, и конечно въ этомъ числѣ по крайней мѣрѣ $^9/_{10}$ никуда не годятся. Литературныя посредственности обладаютъ обыкновенно значительной гибкостью, потому что онѣ дѣлаютъ, а не творятъ свои произведенія. Увидя успѣхъ щедринскихъ разсказовъ, эти господа пустились въ подражаніе, и можно сказать положительно, что они хорошо сдѣлали. Ихъ повѣсти не могли имѣть художественнаго значенія ни въ какомъ случаѣ; когда они взялись за обличеніе, ихъ очерки получили житейскій интересъ. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи «Поэтъ и чернь» спрашиваетъ:

Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

и, какъ извѣстно, выражаетъ ту мысль, что поэты созданы для пѣснопѣній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Пушкина, но позволю себѣ одинъ нескромный вопросъ: неужели можно назвать жрецами искусства Колбасина, Карновича, С. Оедорова, Основскаго, Вахновскую, Царскую, Кугушева etc. etc? Мнѣ кажется, эти господа могутъ смѣло взять метлу въ руки, нисколько не роняя своего достоинства. Красота формы имъ недоступна; пускай-же они разсказываютъ интересные житейскіе случаи, это будетъ гораздо занимательнѣе для читателя, чѣмъ тѣ сентиментально блѣдные романы, которые про-

изводятъ г-жи Парская и Вахновская. Но наша критика увидала въ наплывѣ обличительныхъ очерковъ новое направленіе, опасное для искусства, точно будто сфера искусства доступна для людей безъ дарованія и точно будто истинное дарованіе можетъ сбиться съ пути какимъ-нибудь господствующимъ направленіемъ. Явились также защитники обличительной литературы, доказывавшіе, что гражданскій протестъ есть прямая обязанность искусства. Спорящія стороны были достойны другъ друга и одинаково смѣшны для безпристрастнаго наблюдателя. Я-бы имъ посовѣтовалъ проѣхать мимо академіи художествъ, прочитать на фронтонѣ надпись «свободнымъ художествамъ» и подумать о смыслѣ этихъ словъ. Спорящія стороны вспомнили-бы можетъ-быть, что свобода въ выборѣ и обработкѣ сюжета такъ-же необходима для художника, какъ для насъ съ вами воздухъ и пища; что ни наталкивать художника на какую-нибудь задачу, ни насильно оттаскивать его отъ нея нельзя; они поняли-бы тогда можетъ-быть, что искренній крикъ негодованія, вырвавшійся у художника при видѣ общественныхъ гадостей, составляетъ такой-же драгоцѣнный моментъ его творческой дѣятельности, какъ спокойное созерцаніе прекраснаго образа; другая сторона поняла-бы, что этотъ крикъ негодованія только тогда дѣйствительно силенъ, когда онъ не поддѣланъ, а вырывается невольно изъ груди дѣйствительно раздраженнаго человѣка; она поняла-бы слѣдовательно, что сердиться на художника за отсутствіе подобныхъ криковъ — значитъ посягать на его личную свободу и заставлять человѣка плакать или смѣяться, когда ему не грустно или не смѣшно. Что-же касается до обличительнаго мусора, завалившаго наши журналы 1857 и 1858 годовъ, то обѣ стороны хорошо-бы сдѣлали, если бы совершенно не спорили о немъ. Мусоръ — явленіе неизбѣжное, и никакое направленіе литературы его не уничтожитъ; если-же выбирать изъ двухъ золъ лучшее, то конечно можно выбрать обличительный родъ, который хоть не изображаетъ жизни, но по крайней мѣрѣ разсказываетъ о ней. Замѣчательно, что до сихъ поръ состязаніе двухъ направленій нашей критики не прекратилось или не забыто. Г—бовъ до нашихъ временъ въ началѣ каждой статьи прохаживается насчетъ эстетической критики, а Григорьевъ оплакиваетъ паденіе истинной поэзіи, видитъ въ Тургеневѣ послѣдняго Могикана чистаго искусства и даже въ послѣдней, очень туманной статьѣ своей «Объ идеализмѣ и реализмѣ» («Свѣточъ», 1861, апрѣль) является робкимъ ходатаемъ идеализма, который, по его мнѣнію, воплотился въ Тургеневѣ. Обѣ стороны, т. е. критики, старающіеся запречь поэзію въ возъ, и критики, стремящіеся къ безпредѣльности и къ вѣчной красотѣ, спорятъ между собою, дѣлаютъ другъ на друга колкіе намеки, обижаются ими, отвѣчаютъ на нихъ упреками,—и хоть-бы одинъ разъ на досугѣ они подумали: «изъ чего мы хлопочемъ? Кого интересуютъ наши кровавые споры? Зачѣмъ и на что мы тратимъ энергію? На кого наши слова будутъ имѣть вліяніе?» Да, господа, Крыловъ не умретъ и его басня: «Муха и дорожные» не разъ найдетъ себѣ приложеніе.

VIII.

Наше время рѣшительно не благопріятствуетъ развитію теорій. Народъ хитрѣе сталъ, какъ выражаются наши мужики, и ни на какую штуку не ловится. Умъ нашъ требуетъ фактовъ, доказательствъ; фраза насъ не отуманитъ, и въ самомъ блестящемъ и стройномъ созданіи фантазіи мы подмѣтимъ слабость основанія и произвольность выводовъ. Фанатическое увлеченіе идеей и принципомъ вообще, сколько мнѣ кажется, не въ характерѣ русскаго народа. Здравый смыслъ и значительная доля юмора и скептицизма составляютъ, мнѣ кажется, самое замѣтное свойство чисто русскаго ума; мы болѣе склоняемся къ Гамлету, чѣмъ къ Донъ-Кихоту, намъ мало понятны энтузіазмъ и мистицизмъ страстнаго адепта. На этомъ основаніи мнѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привьется къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный здоровый и свѣжій матеріализмъ. Діалектика, фразерство, споры на словахъ и изъ-за словъ совершенно чужды этому простому ученію. До фразъ мы конечно большіе охотники, но насъ въ этомъ случаѣ занимаетъ процессъ фразерства, а не сущность той мысли, которая составляетъ предметъ разсужденія или спора. Русскіе люди способны спорить о какой-нибудь высокой матеріи битыхъ шесть часовъ и потомъ, когда пересохнетъ горло и охрипнетъ голосъ, отнестись къ предмету спора съ самой добродушной улыбкой, которая покажетъ ясно, что въ сущности горячившемуся господину было очень мало дѣла до того, о чемъ онъ кричалъ. Эта черта нашего характера привела-бы въ отчаяніе добросовѣстнаго нѣмца, а въ сущности это presympatichная черта. Фанатизмъ подъ-часъ бываетъ хорошъ, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доза скептицизма всегда вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ, не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненныя передѣлки достанутся легко; разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потому что вы не будете взбираться на

недосягаемую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ, занимательной книгой, въ которой каждая страница отличается отъ предыдущей и представляетъ свой оригинальный интересъ. Не стѣсняя другихъ непрошенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ; вы будете давать имъ то, къ чему влечетъ живое чувство, и съ благодарностью или, вѣрнѣе, съ добрымъ чувствомъ будете принимать то, что они добровольно будутъ вамъ приносить. Еслибы всѣ въ строгомъ смыслѣ были эгоистами по убѣжденіямъ, т. е. заботились только о себѣ, и повиновались-бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій идеала и долга и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, то право тогда привольнѣе было-бы жить на бѣломъ свѣтѣ, нежели теперь, когда о васъ заботятся чуть не съ колыбели сотни людей, которыхъ вы почти не знаете и которые васъ знаютъ не какъ личность, а какъ единицу, какъ члена извѣстнаго общества, какъ недѣлимое, носящее то или другое фамильное прозвище.

Возможность такого порядка вещей представляетъ конечно неосуществимую мечту, но почему-же не отнестись добродушно къ мечтѣ, которая не ведетъ за собою вредныхъ послѣдствій и не переходитъ въ мономанію. Міръ мечты можетъ тоже сдѣлаться обильнымъ источникомъ наслажденія, но этимъ источникомъ надо воспользоваться съ крайней осторожностью. Самый крайній матеріалистъ не отвергнетъ возможности наслаждаться игрою своей фантазіи или слѣдить за игрою фантазіи другого человѣка. Въ первомъ случаѣ на первомъ процессѣ основанъ процессъ поэтическаго творчества; на второмъ—процессъ чтенія поэтическихъ произведеній. Но съ другой стороны самый необузданный идеализмъ происходилъ именно отъ того, что элементъ фантазіи получалъ слишкомъ много простора и разыгрывался въ чужой области, въ области мысли, въ сферѣ научнаго изслѣдованія. Пока я сознаю, что вызванные мною образы принадлежатъ только моему воображенію, до тѣхъ поръ я тѣшусь ими, я властвую надъ ними и воленъ избавиться отъ нихъ, когда захочу. Но какъ только яркость вызванныхъ образовъ ослѣпила меня, какъ только я забылъ свою власть надъ ними, такъ эта власть и пропала; образы переходятъ въ призраки и живутъ помимо моей воли, живутъ своей жизнью, какъ кошемаръ, оказываютъ на меня вліяніе, господствуютъ надо мною, внушаютъ мнѣ страхъ, приводятъ меня въ напряженное состояніе. Такъ напр., нелазгъ создавалъ свою первобытную религію и падалъ во прахъ передъ созданіемъ собственной мысли. Галлюцинація его была ослѣпительно ярка; критика была слишкомъ слаба, чтобы разрушить мечту; борьба между призракомъ и человѣкомъ была не ровная, и человѣкъ склонялъ голову и чувствовалъ себя подавленнымъ, пригнутымъ къ землѣ...

Шутить съ мечтой опасно; разбитая мечта можетъ составить несчастье жизни; гоняясь за мечтою, можно прозѣвать жизнь или въ порывѣ безумнаго воодушевленія принести ее въ жертву. У такъ называемыхъ положительныхъ людей мечта принимаетъ формы болѣе солидныя и превращается въ условный идеалъ, наслѣдованный отъ предковъ и носящійся передъ цѣлымъ сословіемъ или классомъ людей. Идеалъ человѣка comme il faut, человѣка дѣльнаго, хорошаго семьянина, хорошаго чиновника—все это мечты, которымъ многое приносится въ жертву. Эти мечты болѣе или менѣе отравляютъ жизнь и мѣшаютъ беззавѣтному наслажденію. Да какъ-же жить, спросите вы, неужели безъ цѣли? Цѣль жизни! Какое громкое слово, и какъ часто оно оглушаетъ и вводитъ въ заблужденіе, отуманивая слишкомъ довѣрчиваго слушателя. Посмотримъ на него поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы-бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размышленіе; непосредственный инстинктъ натолкнулъ-бы васъ на прямую дорогу, и натолкнулъ-бы можетъ-быть скорѣе и вѣрнѣе, нежели навелъ тщательный анализъ; если-же, Боже упаси, вы поставите себѣ цѣль, несовмѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь; вы потратите всю энергію на борьбу съ собой; если не побѣдите себя, то останетесь недовольны; если побѣдите себя, то вы сдѣлаетесь автоматомъ, чисто-разсудочнымъ, сухимъ и вялымъ человѣкомъ. Старайтесь жить полной жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя, не давите оригинальности и самобытности въ угоду заведенному порядку и вкусу толпы—и, живя такимъ образомъ, не спрашивайте о цѣли; цѣль сама найдется, и жизнь рѣшитъ вопросы прежде, нежели вы ихъ предложите.

Васъ затрудняетъ можетъ-быть одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы—существо очень доброе, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга, т.-е. по доброй волѣ, а не по нравственному принужденію. Вы подумаете можетъ-быть, что я указываю вамъ на état de la nature, и обратите мое вниманіе на то, что дикари, живущіе въ

первобытной простотѣ нравовъ, далеко не отличаются добродушіемъ и доводятъ эгоизмъ до полнѣйшей животности. На это я отвѣчу, что дикари живутъ при такихъ условіяхъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію характера; во-первыхъ, они подчинены вліянію внѣшней природы, между тѣмъ какъ мы успѣли уже отъ него избавиться; во-вторыхъ, они вѣрятъ въ тѣ призраки, о которыхъ я говорилъ выше; въ-третьихъ, они болѣе или менѣе стремятся къ условному идеалу, и идеалъ у нихъ одинъ, потому что вся дѣятельность ограничивается охотой и войной; присутствіе этого идеала оказываетъ самое стѣснительное вліяніе на живыя силы личности. Изъ всего этого слѣдуетъ заключеніе, что развитіе недѣлимаго можно сдѣлать независимымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій только на высокой степени общественнаго развитія; эмансипація личности и уваженіе къ ея самостоятельности является послѣднимъ продуктомъ позднѣйшей цивилизаціи. Дальше этой цѣли мы еще ничего не видимъ въ процессѣ историческаго развитія, и эта цѣль еще такъ далека, что говорить о ней значитъ почти мечтать. Набросанныя мною мысли, вылившіяся изъ глубины души, составляютъ основу цѣлаго міросозерцанія; вывести всѣ послѣдствія этихъ идей не трудно, и я надѣюсь, что читатель, если захочетъ, будетъ въ состояніи по начертанному плану возсоздать въ воображеніи все зданіе. Къ сожалѣнію наша критика не высказала до сихъ поръ этихъ идей и относилась къ эгоизму, какъ къ пороку, а въ фокусахъ и подвигахъ самопожертвованія видѣла высокую добродѣтель. До сихъ поръ, касаясь философіи жизни, она считаетъ идеалъ совершенной необходимостью и въ стремленіи къ идеалу, въ сознаніи долга видитъ самыя живыя стороны человѣческой личности и дѣятельности. Стремленіе къ наслажденію она называетъ свойствомъ чисто животнымъ, но допускаетъ однако, что изъ этого-же источника можетъ развиться благородное и высокое стремленіе къ самосовершенствованію. Система глубоко вкоренилась въ нашу нравственную философію и хозяйничаетъ въ области человѣческихъ мыслей и чувствъ, не обращая никакого вниманія на самого хозяина. Теоретикамъ нѣтъ дѣла до того, что есть въ наличности; они говорятъ: такъ должно быть, поворачиваютъ все вверхъ дномъ и утѣшаются тѣмъ, что внесли симметрію и систему въ живой міръ явленій. Кто хоть по наслышкѣ знакомъ съ философіей исторіи Гегеля, тотъ знаетъ, до какихъ поразительныхъ крайностей можетъ довести даже очень умнаго человѣка манія всюду соваться съ законами и всюду вносить симметрію. Если вы читали въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года прекрасную статью Вагнера: «Природа и Мильнъ-Эдвардсъ», то вы могли убѣдиться въ томъ, что въ сферѣ естественныхъ наукъ рьяное систематизированіе ведетъ къ поразительнымъ и осязательнымъ нелѣпостямъ. Внесенная въ область человѣческой нравственности, система не ведетъ къ такимъ явнымъ нелѣпостямъ только потому, что мы привыкли смотрѣть на вещи ея глазами; мы живемъ и развиваемся подъ вліяніемъ искусственной системы нравственности; эта система давитъ насъ съ колыбели, и потому мы совершенно привыкаемъ къ этому давленію; мы раздѣляемъ этотъ гнетъ системы со всѣмъ образованнымъ міромъ, и потому, не видя предѣловъ своей клѣтки, считаемъ себя нравственно свободными.

Но, оставаясь для насъ незамѣтнымъ, это умственное и нравственное рабство медленнымъ ядомъ отравляетъ нашу жизнь; мы умышленно раздваиваемъ свое существо, наблюдаемъ за собою, какъ за опаснымъ врагомъ, хитримъ передъ собою и ловимъ себя въ хитрости, боремся съ собою, побѣждаемъ себя, находимъ въ себѣ животные инстинкты и ополчаемся на нихъ силою мысли; вся эта глупая комедія кончается тѣмъ, что передъ смертью мы, подобно римскому императору Августу, можемъ спросить у окружающихъ людей: «хорошо ли я сыгралъ свою роль?» Нечего сказать! Пріятное и достойное препровожденіе времени! Поневолѣ вспомнишь слова Нестора: «никто-же ихъ не биша, сами ся мучиху».

IX.

Матеріализмъ сражается только противъ теорій; въ практической жизни мы всѣ матеріалисты и всѣ идемъ въ разладъ съ нашими теоріями; вся разница между идеалистомъ и матеріалистомъ въ практической жизни заключается въ томъ, что первому идеалъ служитъ вѣчнымъ упрекомъ и постояннымъ кошмаромъ, а послѣдній чувствуетъ себя свободнымъ и правымъ, когда никому не дѣлаетъ фактическаго зла. Предположимъ, что вы въ теоріи крайній идеалистъ, вы садитесь за письменный столъ и ищете начатую вами работу; вы осматриваетесь кругомъ, шарите по разнымъ угламъ, и если ваша тетрадь или книга не попадется вамъ на глаза или подъ руки, то вы заключаете, что ея нѣтъ, и отправляетесь искать въ другое мѣсто, хотя-бы ваше сознаніе говорило вамъ, что вы положили ее именно на письменный столъ. Если вы берете въ ротъ глотокъ чаю и онъ оказывается безъ сахару, то вы сейчасъ-же исправите вашу оплошность, хотя-бы вы были твердо увѣрены въ томъ, что сдѣлали дѣло какъ слѣдуетъ и положили столько сахару, сколько кладете обыкновенно. Вы видите такимъ образомъ, что самое твердое убѣжденіе разрушается при столкновеніи съ очевидностью, и что свидѣтельству вашихъ чувствъ вы невольно придаете гораздо больше значенія, нежели со-

ображеніямъ вашего разсудка. Проведите это начало во всѣ сферы мышленія, начиная отъ низшихъ до высшихъ, и вы получите полнѣйшій матеріализмъ: я знаю только то, что вижу или вообще въ чемъ могу убѣдиться свидѣтельствомъ моихъ чувствъ. Я самъ могу поѣхать въ Африку и увидать ея природу и потому принимаю на вѣру разсказы путешественниковъ о тропической растительности; я самъ могу провѣрить трудъ историка, сличивши его съ подлинными документами, и потому допускаю результаты его изслѣдованій; поэтъ не даетъ мнѣ никакихъ средствъ убѣдиться въ вещественности выведенныхъ имъ фигуръ и положеній, и потому я говорю смѣло, что они не существуютъ, хотя и могли-бы существовать. Когда я вижу предметъ, то не нуждаюсь въ діалектическихъ доказательствахъ его существованія: *очевидность есть лучшее ручательство дѣйствительности.* Когда мнѣ говорятъ о предметѣ, котораго я не вижу и не могу никогда увидать или ощупать чувствами, то я говорю и думаю, что онъ для меня не существуетъ. *Невозможность очевиднаго проявленія исключаетъ дѣйствительность существованія.*

Вотъ каноника матеріализма, и философы всѣхъ временъ и народовъ сберегли-бы много труда и времени и во многихъ случаяхъ избавили-бы своихъ усердныхъ почитателей отъ безплодныхъ усилій понять несуществующее, еслибы не выходили въ своихъ изслѣдованіяхъ изъ круга предметовъ, доступныхъ непосредственному наблюденію.

Въ исторіи человѣчества было нѣсколько свѣтлыхъ головъ, указывавшихъ на границы познаванія, но мечтательныя стремленія въ несуществующую безпредѣльность обыкновенно одерживали верхъ надъ холодной критикой скептическаго ума и вели къ новымъ надеждамъ и къ новымъ разочарованіямъ и заблужденіямъ. За греческими атомистами слѣдовали Сократъ и Платонъ; рядомъ съ эпикурепзмомъ жилъ новоплатонизмъ; за Бекономъ и Локкомъ, за энциклопедистами XVIII вѣка послѣдовали Фихте и Гегель; легко можетъ быть, что послѣ Фейербаха, Фохта и Молешота возникнетъ опять какая нибудь система идеализма, которая на мгновеніе удовлетворитъ массу больше, нежели можетъ удовлетворить ее трезвое міросозерцаніе матеріалистовъ. Но что касается до настоящей минуты, то нѣтъ сомнѣнія, что одолѣваетъ матеріализмъ; всѣ научныя изслѣдованія основаны на наблюденіи, и логическое развитіе основной идеи, развитіе, не опирающееся на факты, встрѣчаетъ себѣ упорное недовѣріе въ ученомъ мірѣ. Не послѣдовательности выводовъ требуемъ мы теперь, а дѣйствительной вѣрности, строгой точности, отсутствія личнаго произвола въ группировкѣ и выборѣ фактовъ. Естественныя науки и исторія, опирающаяся на тщательную критику источниковъ, рѣшительно вытѣсняютъ умозрительную философію; мы хотимъ знать, что́ есть, а не догадываться о томъ, что́ можетъ быть. Германія—отечество умозрительной философіи, классическая страна новѣйшаго идеализма,—породила поколѣніе современныхъ эмпириковъ и выдвинула впередъ цѣлую школу мыслителей, подобныхъ Фейербаху и Молешоту. Филологія стала сближаться въ своихъ выводахъ съ естественными науками и избавляется мало по малу отъ мистическаго взгляда на человѣка вообще и на языкъ въ особенности. Извѣстный молодой ученый Штейнталь, комментировавшій Вильгельма Гумбольдта въ замѣчательной брошюрѣ «Языкознаніе В. Гумбольдта и философія Гегеля», откровенно сознается въ томъ, что умозрительная философія сама по себѣ существовать не можетъ, что она должна слиться съ опытомъ и изъ него черпать всѣ свои силы; онъ понимаетъ философію только какъ осмысленіе всякаго знанія и внѣ области видимыхъ, единичныхъ явленій не видитъ возможности знанія и мышленія.

Не забудьте, что это голосъ изъ противоположнаго лагеря, голосъ со стороны гуманистовъ, —людей, не привыкшихъ обращаться съ микроскопомъ и съ анатомическимъ ножомъ и по самому роду своихъ занятій расположенныхъ искать высшихъ причинъ и двигательныхъ силъ; если эти люди сходятся въ своихъ идеяхъ съ натуралистами, то это доказываетъ, что доводы послѣднихъ дѣйствительно имѣютъ за себя неотразимую силу истины. Признаніе Штейнталя далеко не представляется намъ единичнымъ фактомъ, исключеніемъ изъ общаго правила. Вотъ напр. что́ говоритъ Гаймъ въ своемъ предисловіи къ лекціямъ о философіи Гегеля («Гегель и его время»): «Есть души, которыя никакъ не въ состояніи обойтись безъ такъ называемыхъ Бекономъ *idola theatri* и потому постоянно будутъ страшиться скачка черезъ широкій ровъ, отдѣляющій метафизическое отъ чисто исторически человѣческаго. Къ числу такихъ людей принадлежатъ тѣ, которые точку опоры ищутъ не въ самихъ себѣ, но надъ собой и внѣ себя». Далѣе: «Господствующее въ наше время удаленіе отъ занятій философіей и все болѣе и болѣе возрастающая самостоятельность исторической науки и естествовѣдѣнія должны пользоваться, какъ всякій согласится, по крайней мѣрѣ тѣми-же правами, какъ и всякій другой фактъ».

Изъ этихъ словъ Штейнталя и Гайма можно, кажется, вывести заключеніе, что умозрительная философія упала въ общественномъ мнѣніи ученаго міра, и что паденіе это признано даже тѣми людьми, которые ex officio, какъ ученики Гегеля и люди, занимающіеся философіей, должны были отстаивать ея права на существованіе. Посмотримъ теперь въ бѣгломъ очер-

кѣ, какъ отнеслась къ этимъ современнымъ явленіямъ и вопросамъ наша критика и ученая литература.

X.

Прилично писать о философіи для насъ дѣло новое; семинарская философія существуетъ уже давно, но она къ счастію не находитъ себѣ читателей и цѣнителей внѣ предѣловъ извѣстной касты. Мертвая доктрина Новицкаго и составителя «Философскаго лексикона» ни для кого не можетъ быть опасна. Она не отъ міра сего, и міръ ея не поймете. Эти дряхлыя явленія могутъ быть смѣло пропущены критикой и оставлены безъ всякаго вниманія публикой. Можно сказать, что Антоновичъ въсвоей рецензіи «Философскаго лексикона» («Современникъ» 1861 г., февраль) сражается съ вѣтряными мельницами; было-бы гораздо проще предложить читателямъ двѣ-три выписки изъ этого произведенія; читатели сразу поняли-бы въ чемъ дѣло, и вѣроятно потеряли-бы всякое желаніе платить деньги за «Философскій лексиконъ» такого сорта; бороться съ идеями «Философскаго лексикона» недостойно развитого человѣка, да и просто не стоитъ, потому что эти идеи ни для кого не опасны уже по той допотопной формѣ, въ которую онѣ облечены; нужно было просто предохранить публику отъ безполезныхъ расходовъ, а эта цѣль могла быть достигнута съ гораздо меньшей тратой труда и времени. Вполнѣ сочувствуя свѣжему и здоровому направленію мысли, высказавшемуся въ статьѣ Антоновича, я позволю себѣ выразить сожалѣніе о томъ, что эти свѣжія силы потратились на опроверженіе чепухи, которая никого даже не введетъ въ соблазнъ, которую навѣрное не возьметъ въ руки ни одинъ читатель «Современника».

Въ послѣдніе четыре года у насъ стали появляться статьи философскаго содержанія, до нѣкоторой степени доступныя читающей публикѣ; въ нихъ толкуютъ правда объ общемъ идеалѣ, въ нихъ есть много туманныхъ мѣстъ и безполезной діалектики, но по крайней мѣрѣ онѣ не призываютъ небесныхъ громовъ на головы не соглашающихся съ ними мыслителей, и спорятъ съ ними умѣреннымъ тономъ, не употребляя старославянскихъ выраженій, не приходя въ священный ужасъ и не обнаруживая благочестиваго негодованія. Статьи Лаврова о гегелизмѣ, о механической теоріи міра, о современныхъ германскихъ теистахъ и др. обнаружили въ авторѣ обширную начитанность и основательное знакомство съ внѣшней исторіей философскихъ системъ. Эти два качества, довольно рѣдкія въ пишущихъ людяхъ нашего времени, доставили Лаврову журнальную извѣстность. Добраться до слабыхъ сторонъ Лаврова наша критика не могла, потому что ей самой крѣпко приходится по душѣ неопредѣленность выводовъ и діалектическія тонкости. Между тѣмъ слабая сторона этого писателя заключалась именно въ отсутствіи субъективности, въ отсутствіи опредѣленныхъ и цѣльныхъ философскихъ убѣжденій. Эта слабая сторона могла укрыться отъ глазъ общества тогда, когда Лавровъ писалъ историческіе очерки по философіи и занимался изложеніемъ чужихъ системъ; въ подобномъ трудѣ неопредѣленность личныхъ убѣжденій автора можетъ прослыть за историческое безпристрастіе, за объективность и обратиться въ положительное достоинство въ глазахъ читателя. Но въ нынѣшнемъ году въ январьской книжкѣ «Отеч. Зап.» напечатаны три публичныя лекціи Лаврова подъ общимъ заглавіемъ: «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи». Уже это заглавіе должно было подать надежду на то, что Лавровъ выскажетъ *свои* понятія о философіи и открыто примкнетъ къ одной изъ двухъ партій, составляющихъ великій расколъ въ современномъ философскомъ мірѣ, т. е. или заявитъ невозможность умозрительной философіи, или станетъ отстаивать ея права на существованіе. Заглавія каждой отдѣльной бесѣды подавали еще болѣе заманчивыя надежды; въ нихъ Лавровъ обѣщалъ объяснить, что́ такое философія въ знаніи, что́ такое философія въ искусствѣ и что́ такое философія въ жизни. Читающее общество было вправѣ ожидать отъ этихъ бесѣдъ, что онѣ уяснятъ ей современное движеніе философскихъ наукъ и что онѣ выдвинутъ впередъ цѣлое міросозерцаніе, выработанное или по крайней мѣрѣ переработанное самодѣятельнымъ умомъ современно развитого русскаго человѣка. Судя по предыдущимъ работамъ Лаврова, общество могло заключить, что у него въ распоряженіи находится много матеріаловъ, и что въ его бесѣдахъ оно получитъ въ популярной формѣ существеннѣйшіе результаты его долговременныхъ и добросовѣстныхъ занятій.

Вышло совсѣмъ не то. Бесѣды не коснулись современнаго значенія философіи, совершенно обошли вопросы, поднятые въ этой области новѣйшей школой мыслителей, и не представили никакого опредѣленнаго міросозерцанія. Лавровъ съ особеннымъ стараніемъ скрылъ свою личность такъ, что вы до нея рѣшительно не доберетесь. Не рѣшаясь высказать ни одного яснаго и опредѣленнаго сужденія, Лавровъ не выходитъ изъ общихъ мѣстъ элементарной логики, психологіи и эстетики, которую преподаютъ въ гимназіяхъ подъ названіемъ теоріи словесности. Мысли вытекаютъ одна изъ другой; между ними есть связь, есть логическая послѣдовательность, но для чего онѣ текутъ, что́ вызвало ихъ теченіе и къ чему оно наконецъ приводитъ—это остается совершенно непонятнымъ.

Да что́ же такое наконецъ философія? Неужели это медицинская гимнастика мысли, шевеленіе «мозгами», какъ говоритъ купецъ у Островскаго, которое начинается по нашей прихоти и прекращается по нашему благоусмотрѣнію, не приведя ни къ чему, не рѣшивъ ни одного вопроса, не разбивъ ни одного заблужденія, не заронивъ въ голову живой идеи, не отозвавшись въ груди усиленнымъ біеніемъ сердца. Да полно, философія-ли это?... Такъ развѣ-жъ не философія двигала массы, развѣ не она разбивала дряхлые кумиры и расшатывала устарѣлыя формы гражданской и общественной жизни? А XVIII вѣкъ? А энциклопедисты?... Нѣтъ, воля ваша, то, что́ Лавровъ называетъ философіей, то отрѣшено отъ почвы, тщено и плоти и крови, доведено до игры словъ—это схоластика, праздная игра ума, въ которую можно играть съ одинаковымъ успѣхомъ въ Англіи и въ Алжирѣ, въ Небесной Имперіи и въ современной Италіи. Гдѣ-же современное значеніе подобной философіи? Гдѣ ея оправданіе въ дѣйствительности? Гдѣ ея права на существованіе?—Лавровъ предлагаетъ вопросъ, что́ такое *я*? бьется надъ этимъ вопросомъ впродолженіи цѣлой страницы и кончаетъ тѣмъ, что находитъ вопросъ о нашемъ *я* научно неразрѣшимымъ. Зачѣмъ-же было его поднимать? Какая естественная, жизненная потребность влечетъ къ разрѣшенію вопроса: что́ такое *я*? Къ какимъ результатамъ въ области мысли, частной или гражданской жизни можетъ привести рѣшеніе этого вопроса? Искать разрѣшенія подобнаго вопроса все равно, что искать квадратуры круга. Философскій камень, жизненный элексиръ и perpetuum mobile—чрезвычайно полезныя вещи въ сравненіи съ этими гимнастическими фокусами мысли. Этихъ вещей никто не добудетъ, но по крайней мѣрѣ кто стремится къ нимъ, тотъ стремится къ осязательнымъ благамъ и идетъ къ нимъ путемъ опыта, такъ что можетъ на этомъ пути сдѣлать случайно какое-нибудь неожиданное и полезное открытіе. Самый вопросъ о томъ, что́ такое *я*? и попытки Лаврова освѣтить этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ останутся непонятными для человѣка, одареннаго простымъ здравымъ смысломъ и непосвященнаго въ мистеріи философскихъ школъ; это обстоятельство, какъ мнѣ кажется, служитъ самымъ разительнымъ доказательствомъ незаконности или, вѣрнѣе, полнѣйшей безполезности подобныхъ умственныхъ упражненій. Отгонять непросвѣщенную чернь (profanum vulgus) отъ храма науки—не въ духѣ нашей эпохи; это негуманно да и опасно: Лавровъ этого конечно не желаетъ, потому что самъ открываетъ *публичныя* лекціи; если-же всѣ вообще, а не одни избранные должны и желаютъ учиться и размышлять, то не мѣшало-бы выкинуть вонъ изъ науки то, что́ понимается немногими и не можетъ никогда сдѣлаться общедоступнымъ. Вѣдь странно было-бы называть геніальнѣйшимъ произведеніемъ Гёте вторую часть «Фауста», которую никто не понимаетъ; точно также странно назвать міровою истиною или міровымъ вопросомъ такую идею или такой вопросъ, которые смутно понимаетъ незначительное меньшинство односторонне развитыхъ людей. А какъ-же не назвать одностороннимъ и уродливымъ развитіе такихъ умовъ, которые на всю жизнь погружаются въ отвлеченность, ворочаютъ формы, лишенныя содержанія, и умышленно отворачиваются отъ привлекательной пестроты живыхъ явленій, отъ практической дѣятельности другихъ людей, отъ интересовъ своей страны, отъ радостей и страданій окружающаго міра? Дѣятельность этихъ людей указываетъ просто на какую-то несоразмѣрность въ развитіи отдѣльныхъ частей организма; въ головѣ сосредоточивается вся жизненная сила, и движеніе въ мозгу, удовлетворяющее самому себѣ и въ себѣ самомъ находящее свою цѣль, замѣняетъ этимъ недѣлимымъ тотъ разнообразный и сложный процессъ, который называется жизнью. Давать такому явленію силу закона такъ-же странно, какъ видѣть въ аскетѣ или въ сконцѣ высшую фазу развитія человѣка.

Отвлеченности могутъ быть интересны и понятны только для ненормально развитого, очень незначительнаго меньшинства. Поэтому оноличаться всѣми силами противъ отвлеченности въ наукѣ мы имѣемъ полное право по двумъ причинамъ: во-первыхъ—во имя цѣлостности человѣческой личности, во-вторыхъ—во имя того здороваго принципа, который, постепенно проникая въ общественное сознаніе, нечувствительно сглаживаетъ грани сословій и разбиваетъ кастическую замкнутость и исключительность. Умственный аристократизмъ — явленіе опасное именно потому, что онъ дѣйствуетъ незамѣтно и не высказывается въ рѣзкихъ формахъ. Монополія знаній и гуманнаго развитія представляетъ конечно одну изъ самыхъ вредныхъ монополій. Что́ за наука, которая по самой сущности своей недоступна массѣ? Что́ за искусство, котораго произведеніями могутъ наслаждаться только немногіе спеціалисты? Вѣдь надо-же помнить, что не люди существуютъ для науки и искусства, а что наука и искусство вытекли изъ естественной потребности человѣка наслаждаться жизнью и украшать ее всевозможными средствами. Если наука и искусство мѣшаютъ жить, если они разъединяютъ людей, если они кладутъ основаніе кастамъ, такъ и Богъ съ ними, мы ихъ знать не хотимъ; но это неправда, истинная наука ведетъ къ осязательному знанію, а то, что́ осязательно, что можно разсмотрѣть глазами и ощупать руками, то поймете и 10-ти-

лѣтній ребенокъ, и простой мужикъ, и свѣтскій человѣкъ, и ученый спеціалистъ.

Итакъ, съ какой стороны ни посмотришь на діалектику и отвлеченную философію, она всячески покажется безполезной тратой силъ и переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Если разбирать публичныя лекціи Лаврова, то нужно, мнѣ кажется, говоря о первыхъ двухъ бесѣдахъ, не слѣдить шагъ за шагомъ за авторомъ, не опровергать его отдѣльныя положенія, не ловить его на частныхъ противорѣчіяхъ, а просто въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ показать полнѣйшую безполезность всего предпринятаго имъ труда. Антоновичъ («Соврем.», 1861, апрѣль) написалъ обширную рецензію первыхъ двухъ лекцій Лаврова, провелъ въ этой рецензіи свѣжій и современный взглядъ на философію, но, сколько мнѣ кажется, пустился въ совершенно ненужныя частности и тонкости. Возставая противъ діалектики, онъ сражается съ нею діалектическимъ оружіемъ; онъ доказываетъ логическую непослѣдовательность тогда, когда слѣдовало-бы доказать практическую безполезность. Дѣло не въ томъ, вѣрно-ли рѣшаются вопросы о сущности вещей и о томъ, что̀ такое *я*, а въ томъ — нужно-ли рѣшать эти вопросы. Антоновичъ споритъ съ Лавровымъ, какъ адептъ одной школы съ адептомъ другой; было-бы, мнѣ кажется, проще и полезнѣе для публики, еслибы онъ сталъ на точку зрѣнія совершеннаго профана и спросилъ-бы: а какими знаніями и идеями обогатитъ меня ваша хваленая философія? Одинъ этотъ вопросъ былъ-бы, мнѣ кажется, серьезнѣе и радикальнѣе всего длиннаго ряда доказательствъ, которыя Антоновичъ выводитъ противъ Лаврова.

Обративъ все вниманіе свое на одну личность русскаго мыслителя, Антоновичъ упускаетъ изъ виду умозрительную философію вообще, между тѣмъ какъ ее давно-бы слѣдовало отпѣть и похоронить. — Лавровъ сдѣлалъ попытку поговорить съ нашимъ обществомъ объ умозрительной философіи; этотъ фактъ можно обсудить съ двухъ сторонъ. Можно спросить во-первыхъ, умѣстна ли эта попытка? и во-вторыхъ, удачно-ли она выполнена? Первый вопросъ имѣетъ общій интересъ; обсуживая его, мы толкуемъ о нуждахъ нашего общества и разсматриваемъ характеръ нашей эпохи. Второй вопросъ относится чисто къ личности Лаврова и имѣетъ совершенно частный и, сравнительно съ первымъ, узкій интересъ.—Между тѣмъ Антоновичъ усиленно работаетъ надъ вторымъ вопросомъ и не рѣшаетъ перваго; мы узнаемъ отъ него, что Лавровъ—эклектикъ, и не узнаемъ того, годится-ли на что-нибудь для нашего времени и для нашего общества умозрительная философія вообще.—Словомъ, статья Антоновича наполнена прекрасными частностями, но этихъ частностей такъ много, что въ нихъ тонетъ общая идея, а именно эту общую идею и слѣдовало выставить какъ можно рѣзче. Замѣчу еще, что Антоновичъ напрасно ограничился разборомъ двухъ первыхъ бесѣдъ Лаврова; третья бесѣда о философіи въ жизни отличается отъ двухъ первыхъ бо́льшимъ количествомъ внутренняго содержанія. Философскія убѣжденія Лаврова высказываются наконецъ въ болѣе опредѣленной формѣ и ведутъ къ реальнымъ выводамъ въ сферѣ практической жизни. Объ этой бесѣдѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Лавровъ говоритъ, во-первыхъ, что цѣль жизни находится внѣ ея процесса, который «*въ каждое мгновеніе есть только переходное, случайное выраженіе для того, что не можетъ воплотиться вполнѣ, что составляетъ высшее, существенное, относительно неизмѣнное въ человѣкѣ — для его нравственнаго идеала*».

Во-вторыхъ, Лавровъ говоритъ, что самый грубый и элементарный взглядъ на жизнь есть тотъ, при которымъ мы стремимся только къ наслажденію; «*первое правило: ищи то, чѣмъ наслаждаемся, доступно животному наравнѣ съ человѣкомъ, дикому наравнѣ съ образованнымъ человѣкомъ, ребенку наравнѣ съ мужемъ. Послѣднее: пренебрегай всѣмъ, кромѣ высшаго блага, есть изреченіе, отъ котораго не откажется самый строгій аскетъ; а, какъ извѣстно, истинные аскеты — большая рѣдкость между людьми*».

Замѣчу мимоходомъ, что уроды тоже составляютъ большую рѣдкость между людьми; ихъ сохраняютъ даже въ спиртѣ!

Въ-третьихъ, Лавровъ говоритъ, что «*человѣчность есть совокупленіе всѣхъ главныхъ отраслей дѣятельности въ жизни одной личности. Но она есть совокупленіе, а не смѣшеніе. Каждая дѣятельность, ставя свой вопросъ, свою цѣль, свой идеалъ, рѣзко отличается отъ другой, и одно изъ главныхъ золъ человѣчества заключается въ недостаточномъ различеніи этихъ вопросовъ, въ переселеніи идеаловъ изъ одной области дѣятельности въ другую*».

А вѣдь еслибы вовсе не было идеаловъ, тогда и переносить нечего было-бы, и путаницы никакой не могло-бы быть. Такъ зачѣмъ-же ставить идеалъ необходимымъ условіемъ развитія?

Приведенныя выписки показываютъ ясно, что Лавровъ склоняется къ такому міросозерцанію, которое существенно отличается отъ мыслей, высказанныхъ мною на предыдущихъ страницахъ. Я все основываю на непосредственномъ чувствѣ; Лавровъ строитъ все на размышленіи и на системѣ; я требую отъ философіи осязательныхъ результатовъ; Лавровъ довольствуется безцѣльнымъ движеніемъ мысли въ

сферѣ формальной логики. Я считаю очевидность полнѣйшимъ и единственнымъ ручательствомъ дѣйствительности; Лавровъ придаетъ важное значеніе діалектическимъ доказательствамъ, спрашиваетъ о сущности вещей и говоритъ, что она не постижима, слѣдовательно предполагаетъ, что она существуетъ какъ-то независимо отъ явленія. Въ области нравственной философіи взгляды наши почти діаметрально противуположны. Лавровъ требуетъ идеала и цѣли жизни внѣ ея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; Лавровъ останавливается передъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумасшедшемъ. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой-то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ спецій и ингредіентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безъискусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собой.

Я говорилъ, что, по моему мнѣнію, критику лучше всего высказывать *своій* взглядъ на вещи, дѣлиться съ читателемъ *своимъ* личнымъ впечатлѣніемъ; я такъ и сдѣлалъ въ отношеніи къ Лаврову. Я поставилъ рядомъ съ его воззрѣніями мои воззрѣнія и предоставляю читателямъ полнѣйшую свободу выбрать тѣ или другія или отвергнуть и тѣ, и другія. Я не старался убѣждать въ вѣрности моихъ мыслей, не задавалъ себѣ задачи во что-бы то ни стало поставить читателя на мою точку зрѣнія. Умственная и нравственная пропаганда есть до нѣкоторой степени посягательство на чужую свободу. Мнѣ-бы хотѣлось не заставить читателя согласиться со мною, а вызвать самодѣятельность его мысли и подать ему поводъ къ самостоятельному обсужденію затронутыхъ мною вопросовъ. Въ моей статьѣ навѣрное встрѣтится много ошибокъ, много поверхностныхъ взглядовъ; но это въ сущности нисколько не мѣшаетъ дѣлу; если мои ошибки замѣтитъ самъ читатель, это будетъ уже самодѣятельное движеніе мысли; если онѣ будутъ указаны ему какимъ-нибудь рецензентомъ—это опять-таки будетъ полезно; du choc des opinions jaillit la vérité—говорятъ французы, и читатель, присутствуя при спорѣ, будетъ самъ разсуждать и вдумываться. Смѣю льстить себя одной надеждой: еслибы статья моя вызвала какое-нибудь опроверженіе, то споръ сталъ-бы вертѣться въ кругу дѣйствительныхъ и жизненныхъ явленій и не перешелъ бы въ схоластическое *словопреніе*. Я обсуживалъ явленія нашей критики, руководствуясь голосомъ простого здраваго смысла, и надѣюсь, что если мнѣ будутъ возражать, то возраженія эти будутъ вытекать изъ того-же источника и не будутъ сопровождаться непонятными для публики ссылками на авторитеты Канта, Гегеля и другихъ.

Говоря о нашей философской литературѣ, я упомянулъ только о статьяхъ Лаврова и считаю совершенно лишнимъ обсуживать Страхова и Эдельсона; эти явленія такъ блѣдны и чахлы, что объ нихъ не стоитъ упоминать, да и сказать-то нечего. Утомленіе и скука—вотъ все, что можно вынести изъ чтенія этихъ произведеній; и возражать нечему, и поспорить не съ чѣмъ, такъ все элементарно, утомительно ровно и невозмутимо спокойно. Страховъ считаетъ нужнымъ доказывать, что между человѣкомъ и камнемъ большая разница, а Эдельсонъ ни съ того, ни съ сего начинаетъ восторгаться идеей организма, а потомъ, также безъ видимой причины, начинаетъ предостерегать ученыхъ отъ излишняго увлеченія этой идеей.

Вскую шаташася языцы?

XI.

Не такъ давно*) я высказалъ нѣсколько мыслей о безжизненности нашей критики и изложилъ тѣ идеи, которыми я руководствуюсь при разборѣ этихъ чахлыхъ и безцвѣтныхъ явленій. Съ тѣхъ поръ, втеченіи трехъ мѣсяцевъ, въ которыхъ журнальная полемика разгорѣлась особенно ярко, критическій отдѣлъ большей части періодическихъ изданій украсился многими любопытными статьями; эти статьи подаютъ поводъ къ размышленію; онѣ подтверждаютъ высказанныя мною замѣчанія, которыя могли показаться голословными читателямъ моей первой статьи; поэтому я намѣренъ воспользоваться ими какъ матеріаломъ и, обсуживая ихъ, договорить то, что было недосказано, яснѣе и обстоятельнѣе изложить то, чего я прежде коснулся слегка. Я не возстаю противъ полемики, не зажимаю ушей отъ свиста, не проклинаю свистуновъ; и Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ былъ свистунъ, и Вольтеръ былъ свистунъ, и даже Гёте вмѣстѣ съ Шиллеромъ свистнули на всю Германію, издавши совокупными силами свой альманахъ «Die Xenien»; у насъ, на Руси, свисталъ часто и рѣзко, стихами и прозою, Пушкинъ; свисталъ Брамбеусъ, которому, вопреки громовой статьѣ Дудышкина: «Сеньковскій диллетантъ русской словесности», я не могу отказать ни въ умѣ, ни въ огромномъ талантѣ. А развѣ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго не прорываются рѣзкіе, свистящіе звуки? Припомните, господа, ближайшихъ литературныхъ друзей Бѣлинскаго,—людей, которымъ онъ въ дружескихъ письмахъ выражалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе: вы увидите, что многіе

*) Первыя 10 главъ этой статьи были написаны въ маѣ, а остальныя—въ сентябрѣ 1861 года. *Изд.*

изъ нихъ свистали, да и до сихъ поръ свищутъ тѣмъ богатырскимъ посвистомъ, отъ котораго у многихъ звонитъ въ ушахъ и который безъ промаха бьетъ въ цѣль, несмотря на разстояніе.

Оправдывать свистуновъ — напрасный трудъ; ихъ оправдало чутье общества; на ихъ сторонѣ большинство голосовъ, и каждое нападеніе изъ противуположнаго лагеря обрушивается на голову самихъ-же нападающихъ, такъ называемыхъ людей серьезныхъ, дѣятелей мысли, кабинетныхъ тружениковъ, русскихъ Гегелей и Шопенгауэровъ, профессоровъ, сунувшихся въ журналистику, или литературныхъ промышленниковъ, прикрывающихъ свою умственную нищету притворнымъ сочувствіемъ къ вѣчнымъ интересамъ науки. «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» убиваются надъ развратомъ русской мысли и заживо оплакиваютъ русскую литературу; ихъ книжки — бюллетени сердобольнаго врача, писанныя у постели больного, умирающаго отъ послѣдствій безпорядочной жизни. Главные *благонамѣренные* органы нашей журналистики составляютъ консиліумъ, ищутъ лекарства, щупаютъ пульсъ и съ ужасомъ сообщаютъ другъ другу о быстрыхъ успѣхахъ болѣзни; за ними выдвигается группа постныхъ журналовъ и газетъ, совѣтующихъ больному познать тщету и суетную гордыню дольняго міра сего, воспарить духомъ къ высотамъ Сіонскимъ и, отложивъ надежду и попеченіе о выздоровленіи, приготовиться къ мирной, христіанской кончинѣ живота. А въ это время больной мечется въ бреду, лепечетъ въ лихорадочномъ полуснѣ безсвязныя слова, «извергаетъ хулы», называетъ громкія имена всѣхъ вѣковъ и народовъ: Кавуръ, Россель, Платонъ, Страховъ, Пальмерстонъ, Аскоченскій... Что за сумбуръ! И все-то онъ ругаетъ, надъ всѣмъ-то онъ смѣется, все-то ему нипочемъ. «Бѣлая горячка», говорятъ врачи. «Delirium tremens!» важно повторяетъ Леонтьевъ. «Дьявольское навожденіе», шепчетъ, отплевываясь, Аскоченскій. «Какъ ему не умереть! Онъ отрицаетъ общіе авторитеты, все, чѣмъ красна и тепла наша жизнь», говоритъ печально г. Н. Ко.

Кто-же наконецъ играетъ роль больного? Кто-же, какъ не «Современникъ» вмѣстѣ съ «Русскимъ Словомъ»? Кто-же, кромѣ этихъ двухъ отверженныхъ, осмѣливался относиться скептически къ дѣятельности Росселя и Кавура? Кто находилъ сухими и безплодными ученые труды Буслаева и Срезневскаго? Кто совѣтовалъ сдать въ архивъ стройныя, красивыя, величественныя системы идеализма, внутри которыхъ темно, сыро и холодно, какъ въ старомъ готическомъ соборѣ? Кто дерзнулъ обвинить Гизо въ историческомъ мистицизмѣ, Лаврова — въ неясности формы и неопредѣленности направленія, Буслаева — въ наивности и старовѣрствѣ, Юркевича — въ отсталости и въ любомудріи, Н. И. Пирогова — въ патріархальности педагогическихъ пріемовъ, «Отечественныя Записки» — въ вялости тона и въ отсутствіи направленія. «Русскій Вѣстникъ» — въ мѣщанскомъ пристрастіи къ золотой серединѣ?... Можно было-бы исписать десять страницъ и все-таки не перечислить всѣхъ преступленій, въ которыхъ были уличены втеченіи 1861 года «Русское Слово» и «Современникъ». Каждая статья составляла crime des autorités, сшибая съ пьедестала какой-нибудь кумиръ, которому кричали другіе журналы «выдыбай, Боже!». Человѣкъ въ нормальномъ положеніи, въ здравомъ умѣ не могъ-бы найти въ себѣ столько продерзости. Статья Чернышевскаго о Гизо, «Полемическія красоты», политическія статьи Благосвѣтлова, схоластика Писарева и его статья о Молешотѣ, рецензія стихотвореній Сковороды и отвѣтъ Крестовскаго Костомарову, Дневникъ Темнаго человѣка и Свистокъ — все это бредъ больного, послѣднее напряженіе силъ, за которымъ будетъ и должна слѣдовать реакція, агонія. — Аминь! — речетъ «Домашняя Бесѣда», и къ своему крайнему удивленію благонамѣренные врачи русской журналистики въ первый разъ въ жизни вторятъ Аскоченскому. Но позвольте, господа врачи, doctores augustissimi, я не понимаю вашего огорченія. Отчего-же вы такъ взволнованы? Здоровый человѣкъ, владѣющій полнымъ разсудкомъ, не станетъ безпокоиться попусту, скликать пожарную команду, когда у сосѣда топится овинъ и когда не предвидится ни малѣйшей опасности. Надо предположить одно изъ двухъ: или дѣйствительно свистуны сильны въ области литературы, или благонамѣренные люди сами больны и, по разстройству нервовъ, вздрагиваютъ отъ малѣйшаго шума. Каждая выходка «Современника» или «Русскаго Слова» осуждается синедріономъ такъ называемыхъ солидныхъ журналовъ; осужденіе обыкновенно занимаетъ больше мѣста, чѣмъ самая выходка; стало быть, эти выходки дѣйствительно опасны или-же, извините, вамъ больше не о чемъ говорить, и вы ловите случай, раздуваете скандалъ для того, чтобы наполнить книжку, и слѣдовательно поступаете сами, какъ неудавшіеся фельетонисты.

Разберемъ оба предположенія. Кому и чему могутъ быть опасны выходки свистуновъ? Вѣроятно только идеямъ или-же такимъ личностямъ, которыя передъ лицомъ всего образованнаго міра служатъ представителями той или другой тенденціи. Вѣдь вы, господа врачи, вступаетесь не за Козлянинова, не за Вергейма, а за Кавура, за Росселя, за исторію, за философію, за серьезную науку. Всѣмъ этимъ лицамъ и идеямъ вы своимъ заступничествомъ оказываете очень плохую услугу. Прикосновенія критики боится только то, что̀ гнило, что̀, какъ еги-

петская мумія, распадается въ прахъ отъ движенія воздуха. Живая идея, какъ свѣжій цвѣтокъ отъ дождя, крѣпнетъ и разрастается, выдерживая пробу скептицизма. Предъ заклинаніемъ трезваго анализа исчезаютъ только призраки; а существующіе предметы, подвергнутые этому испытанію, доказываютъ имъ дѣйствительность своего существованія. Если у васъ есть такіе предметы, до которыхъ никогда не касалась критика, то вы-бы хорошо сдѣлали, еслибы порядкомъ встряхнули ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что вы храните дѣйствительное сокровище, а не истлѣвшій хламъ. Еслиже вы для себя уже сдѣлали этотъ опытъ, то позвольте-же и другимъ сдѣлать то-же для себя. Вы, положимъ, убѣждены въ томъ, что умозрительная философія есть мать всѣхъ добродѣтелей и источникъ всякаго благосостоянія. А вотъ для меня напр. это положеніе составляетъ еще недоказанную теорему. Что-же мнѣ вамъ на слово прикажете вѣрить? Или прикажете до тѣхъ поръ не писать ничего, пока не выработаю себѣ абсолютно вѣрнаго, незыблемаго убѣжденія, пока не превращу въ аксіомы всѣ теоремы? На второй мой вопросъ вы отвѣтите утвердительно, а я вамъ докажу сейчасъ, что этотъ утвердительный отвѣтъ—нелѣпость. Каждое поколѣніе разрушаетъ міросозерцаніе предыдущаго поколѣнія; что казалось неопровержимымъ вчера, то валится сегодня; абсолютныя, вѣчныя истины существуютъ только для народовъ неисторическихъ, для эскимосовъ, папуасовъ и китайцевъ. Вы мнѣ скажете, что $2\times2=4$—абсолютная истина для всѣхъ вѣковъ и народовъ, а я вамъ отвѣчу, что $2\times2=4$ не есть идея; тутъ подлежащее повторяется въ сказуемомъ; въ первой и второй части уравненія предметъ одинъ и тотъ-же и измѣняются только формы выраженія. «Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками»—это тоже не идея; вы тутъ связываете между собою не два предмета, а два названія, изъ которыхъ одно сжато, другое—пространно. Эти такъ называемыя математическія истины могутъ быть сведены на общую формулу *опредѣленія*: «островъ есть кусокъ земли, окруженный со всѣхъ сторонъ водою». Тутъ объясняется слово, а не предметъ. Кромѣ того математическія опредѣленія вообще имѣютъ дѣло съ рамками, съ самыми общими, совершенно безцвѣтными отвлеченностями, къ которымъ человѣкъ не можетъ имѣть никакихъ личныхъ отношеній. *Два, прямая линія*—все это не предметы, не явленія жизни, а рамки, въ которыя можно вставить что угодно. Математическія истины незыблемы, потому что онѣ безжизненны; внѣ математики посмотрите куда угодно, всѣ понятія наши о природѣ и человѣкѣ, о государствѣ и обществѣ, о мысли и дѣятельности, о нравственности и красотѣ мѣняются такъ быстро, что послѣдующее поколѣніе не оставляетъ камня на камнѣ въ міросозерцаніи предыдущаго. Кто усталъ идти, тотъ можетъ сѣсть въ сторонѣ отъ дороги и помириться съ тѣмъ, что его обгонятъ. Такъ сдѣлалъ «Русскій Вѣстникъ», такъ поступилъ Тургеневъ. Мнѣнія «Русскаго Вѣстника» соотвѣтствовали требованіямъ нашего общества года три тому назадъ; теперь они многимъ покажутся ретроградными. Образъ Елены въ «Накапунѣ» могъ казаться безукоризненно прекраснымъ года три тому назадъ; въ 1860 году въ немъ уже могли замѣтить несмѣлыя отношенія автора къ идеѣ равноправности мужчины и женщины.

Вы видите такимъ образомъ, что не писать до тѣхъ поръ, пока не установятся убѣжденія, значитъ безъ толку пожертвовать лучшими годами дѣятельности. Убѣжденія ваши *остановятся* на какомъ-нибудь результатѣ только тогда, когда вмѣстѣ съ костями и хрящами начнетъ твердѣть и сохнуть мозгъ; вы остановитесь не потому, что достигли истины, а потому, что утомились работой жизни и мысли, потеряли ту эластичность, гибкость и подвижность ума, которыми обладали въ молодости; остановившись, вы начинаете жить прошедшимъ и, если вы писатель, то этимъ-же прошедшимъ вы дѣлитесь съ публикой. А прошедшее движущемуся обществу можетъ дать матеріалы для размышленія, а не норму для дѣятельности. Стало-быть, ваши слова будутъ живѣе и плодотворнѣе, если вы выскажете ихъ тогда, когда ваша личность и дѣятельность еще принадлежитъ будущему. Страстный бредъ или пылкая діалектика юноши всегда западаютъ въ душу слушателя глубже и шевелятъ ее живѣе, чѣмъ мудрый совѣтъ старика, высказанный осторожно, безстрастно и торжественно. Юноша способенъ ошибаться—согласенъ, но зато онъ не учитъ общества, не читаетъ лекцій; онъ самъ ищетъ, самъ стремится, а стремленіе къ истинѣ, поступательное движеніе всегда лучше обладанія ею, уже потому, что послѣднее есть самообольщеніе, а первое—дѣйствительный фактъ. Итакъ, позвольте людямъ, недостигшимъ крайнихъ предѣловъ своего развитія, т.-е. еще неостановившимся,—говорить, писать и печатать; позвольте имъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которыя вы называете общими авторитетами и которыя, по вашему признанію, грѣютъ и красятъ вашу жизнь. Согласитесь съ тѣмъ, что «спросъ не бѣда», и что общему авторитету не больно отъ того, что его подвергнутъ сомнѣнію. Если авторитетъ ложный, тогда сомнѣніе разобьетъ его, и прекрасно сдѣлаетъ; если-же онъ необходимъ или полезенъ, тогда сомнѣніе повертитъ его въ ру-

кахъ, осмотритъ со всѣхъ сторонъ и поставитъ на мѣсто. Словомъ, вотъ ultimatum нашего лагеря: что̀ можно разбить, то и нужно разбивать; что̀ выдержитъ ударъ, то годится; что̀ разлетится въ дребезги, то хламъ: во всякомъ случаѣ, бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть. Клеветать конечно не слѣдуетъ; лгать въ фактахъ—не хорошо, но въ подобной лжи еще никто не уличилъ свистуновъ; ихъ уличали въ ложныхъ воззрѣніяхъ, а воззрѣнія не могутъ быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше воззрѣніе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами П. Ко., которыя онъ хотѣлъ сказать мнѣ *въ тику*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно, и—чуръ!—одинъ другому не мѣшать». Нашелъ въ чемъ упрекнуть! въ самостоятельности мысли. Давай Богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.

Я замѣтилъ выше, что серьезные журналы дѣлаютъ изъ мухи слона, потому что имъ больше нечего дѣлать; это положеніе я поддерживаю; только полнѣйшая умственная праздность можетъ возводить въ событіе каждую статью Свистка, каждую выходку Темнаго человѣка. Люди толкуютъ о серьезныхъ интересахъ науки и общества и въ то-же время сотни страницъ посвящаютъ Чернышевскому, котораго сами называютъ свистуномъ и верхоглядомъ. И что это за страницы! сколько глубокомыслія, сколько проницательной критики, сколько высоко-нравственнаго негодованія тратится на опроверженіе «Полемическихъ красотъ»! Судя по тому назначенію, которое придаютъ Чернышевскому современные серьезные люди, надо думать, что если энциклопедическій словарь дойдетъ до буквы *Ч*, то ему будетъ посвящена обширная статья. Подлинно, Чернышевскій имѣетъ полное право произнести извѣстное стихотвореніе Пушкина: «Ex ungue leonem», кончающееся такъ:

Я по ушамъ узналъ его какъ-разъ.

XII.

«Полемическія красоты» Чернышевскаго взволновали журнальный міръ; никакое научное открытіе, никакое серьезное изслѣдованіе не обращало на себя такъ внезапно всеобщаго вниманія серьезныхъ литераторовъ. «Русскій Вѣстникъ» съ несвойственной ему поспѣшностью, въ іюньской книжкѣ своего изданія, отвѣчалъ на статью, помѣщенную въ іюньской же книжкѣ «Современника»; «Отеч. Зап.» впродолженіи двухъ мѣсяцевъ не спускаютъ глазъ съ «Современника», лишающаго ихъ сна и покоя; даже безвредный «Свѣточъ» не преминулъ заявить свой протестъ противъ нарушенія литературныхъ приличій Чернышевскимъ. Мысль невольно переносится къ той давно прошедшей эпохѣ, когда памфлетъ Ульриха фонъ-Гуттенъ «Письма темныхъ людей» («Epistolae obscurorum virorum») прошумѣлъ по Германіи и нарушилъ умственную апатію записныхъ ученыхъ. Доктора и монахи принялись ругаться на всѣ лады и доказали двѣ вещи, во-первыхъ—мѣткость ядовитаго памфлета, вовторыхъ—собственную духовную нищету, связанную съ нахальной заносчивостью и карикатурнымъ самообожаніемъ. Такого рода происшествія возможны во всякое время. Люди лѣнивые или отъ природы малосильные всегда сердятся на людей дѣятельныхъ и даровитыхъ, которые, идя скорѣе ихъ, увлекаютъ за собою большинство и пользуются его заслуженнымъ сочувствіемъ. Сердятся они не всегда изъ корыстныхъ видовъ: иному дѣйствительно обидно; онъ можетъ-быть лѣтъ пятнадцать рылся въ библіотекахъ и архивахъ, трудился въ потѣ лица, считалъ себя полезнымъ спеціалистомъ, предъявлялъ права на признательность соотечественниковъ, и вдругъ—о, разочарованіе!—является какой-нибудь неизвѣстный юнона, высказываетъ о предметѣ спеціальныхъ изслѣдованій мысли, ошеломляющія спеціалиста своей оригинальностью и новизною и прямо называетъ долголѣтніе труды вышеписаннаго ученаго сухимъ хламомъ, изъ котораго не выжмешь ни идеи, ни важнаго фактическаго результата. Какъ-же такому непонятому спеціалисту не озлиться? Какъ ему не пуститься съ азартомъ въ несвойственное ему поле журнальной полемики? Какъ ему въ проклятіяхъ противъ свистопляски не дойти до того пафоса задорности, какимъ отличается переписка Ивана IV съ Курбскимъ? Кто-же рѣшится сознаться даже передъ самимъ собою (не то что передъ публикою) въ томъ, что онъ впродолженіи десятковъ лѣтъ не зналъ, что̀ дѣлалъ и съ какой цѣлью трудился. Чтобы рѣшиться на такое признаніе, надо быть почти великимъ человѣкомъ, а великіе люди не тратятъ жизни на перепечатку лѣтописей и на копировку старинныхъ шрифтовъ. Раздраженіе Погодина, выразившееся въ его письмѣ къ Костомарову и въ изобрѣтеніи слова «свистопляска», негодованіе Буслаева, напечатавшаго въ «Отеч. Зап.» письмо къ Пыпину, и гнѣвъ Вяземскаго, посвятившаго свистунамъ сатирическую пѣснь лебедя, объясняются только-что выписанными мною побудительными причинами. Ярость «Русскаго Вѣстника» и «Отеч. Зап.» объясняется проще. Винить журналиста въ томъ, что онъ желаетъ увеличенія подписки, было-бы смѣшно. Кто-жъ себѣ врагъ? Фразамъ о безкорыстномъ служеніи идеѣ и обществу наше время плохо вѣритъ. Какъ ни кричите противъ меркантильности эпохи, вы ея крикомъ не прогоните. Эта меркантильность есть современная форма эгоизма, выражавшагося въ

прежнія времена властолюбіемъ, жаждой славы, донжуанствомъ и т. д. Возставать противъ корыстолюбія журналовъ я не буду; постараюсь только посмотрѣть, какія средства они пускаютъ въ ходъ, чтобы выдвинуть себя впередъ и отбросить совмѣстниковъ на задній планъ. Буду обращать вниманіе не столько на нравственное достоинство этихъ средствъ, сколько на ихъ практическую пригодность. Можно быть отличнымъ, честнѣйшимъ человѣкомъ и очень плохимъ литераторомъ, и тѣмъ болѣе негодящимся журналистомъ. «Хоть пей, да дѣло разумѣй», это мудрое правило надо особенно крѣпко помнить въ наше время, когда развелись легіоны печатающихъ людей, которые «немножечко дерутъ,

Зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ».

Впрочемъ опять-таки этого нельзя сказать ни объ «Отечественныхъ Запискахъ», ни о «Русскомъ Вѣстникѣ». Тѣ и дерутъ, и чистотой литературныхъ нравовъ не отличаются. Объ «Русскомъ Вѣстникѣ» довольно будетъ замѣтить, что онъ не уважаетъ умственной самостоятельности своихъ сотрудниковъ (исторія о Свѣчиной), попрекаетъ Чернышевскаго саратовской семинаріей и даже пишетъ о томъ, что у него крадутъ книги и четвертаки. Что-же касается до «Отечественныхъ Записокъ», этого притона современной схоластики, кладязя недоступной премудрости, то я намѣренъ посвятить имъ все продолженіе этой статьи. Надо разъ навсегда высказаться насчетъ этого ученаго журнала, противъ котораго почти невозможна серьезная критика. Почему? А потому что въ немъ нѣтъ живой мысли, стало быть, надо или смѣяться надъ тупымъ педантствомъ, или закрыть книгу и лечь спать съ отяжелѣвшей головой.

Легіонъ редакторовъ «Отечественныхъ Записокъ», чего добраго, назоветъ эти слова нарушеніемъ литературныхъ приличій; они скажутъ пожалуй, что мнѣ слѣдуетъ спорить съ ними, а не отдѣлываться брошенной фразой; они можетъ-быть сочтутъ мои слова уловкой; вѣдь требовали-же они отъ Чернышевскаго, чтобы онъ состязался съ Юркевичемъ; вѣдь считали-же они отказъ Чернышевскаго за доказательство его несостоятельности. Поймите, господа, что спорить съ вами и съ Юркевичемъ — значитъ ломать себѣ голову, слѣдя за извилинами вашихъ аргументацій, написанныхъ тяжелымъ, неяснымъ языкомъ 30-хъ годовъ, входить въ мрачный лабиринтъ вашей буддійской науки, отъ которой мы сторонимся съ нѣмымъ благоговѣніемъ. Скажите, ради чего намъ съ Чернышевскимъ брать на себя такой трудъ? Чтобы убѣдить васъ? Да мы этого не желаемъ. Чтобы убѣдить публику? Да она и безъ того на нашей сторонѣ. Ей смертельно надоѣдаютъ ваша наука и критика. Читаетъ она въ «Отечественныхъ Запискахъ» повѣсти, переводные романы (которыхъ всегда довольно), историческія статейки; что-же касается до критики, ее рѣдко разрѣзываютъ; вопросы, которые Дудышкинъ, какъ сфинксъ современной литературы, задаетъ на разрѣшеніе журналамъ (напр. о Пушкинѣ), прочитываются для смѣха журналистами и, какъ слѣдуетъ того ожидать, не разрѣшаются никѣмъ.

Убѣждать публику намъ, стало быть, не въ чемъ; кромѣ того смѣхъ и свистъ лучшія орудія убѣжденія. Еслибы мы стали васъ опровергать по пунктамъ, статьи наши вышли-бы такъ-же скучны и головоломны, какъ ваши критическія изслѣдованія, а этого-то мы не желаемъ. Итакъ, спорить съ вами мы не будемъ, а смѣяться, если придетъ расположеніе, не преминемъ. Спора вы требуете, а смѣха боитесь. Вотъ смѣхомъ-то мы васъ и доканаемъ. Вы непремѣнно разсердитесь, и въ сердцахъ выкажете свои больныя мѣста, которыхъ у васъ очень много. Вы уже разсердились на Чернышевскаго и высказывали много диковинныхъ вещей. Кромѣ того вы напрягли всѣ свои силы, ничего не успѣли сдѣлать, и слѣдовательно обличили свое безпомощное состояніе, свою убогость, которой вы насъ все-таки не разжалобите.

XIII.

Шестьдесятъ-пять страницъ въ разныхъ отдѣлахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1861 года за августъ выдвинуто противъ второй коллекціи «Полемическихъ красотъ». Упрекъ въ отсутствіи направленія подѣйствовалъ слишкомъ хорошо; всѣ редакторы ополчились, какъ одинъ человѣкъ, и пошли четверо противъ одного; впрочемъ на флотѣ лиллипутовъ, который увелъ въ плѣнъ капитанъ Лемюлъ Гулливеръ, было гораздо больше четырехъ храбрыхъ бойцовъ; всѣ были воодушевлены патріотическимъ жаромъ, всѣ они тоже защищали народность, и между тѣмъ всѣ сдались на капитуляцію. Что дѣлать, гг. идеалисты, спиритуалисты и супранатуралисты! Духъ бодръ, плоть немощна. Крестовый походъ политической умѣренности, историческаго глубокомыслія, критической серьезности и откровенной запальчивости противъ наглаго, насмѣшливаго невѣжества кончился безславнымъ пораженіемъ. Ряды нападающихъ смѣшались; разнокалиберность союзниковъ и непривычка стоять подъ однимъ знаменемъ взяли свое; пошли ученые рыцари кто въ лѣсъ, кто по дрова; своя своихъ не познаша, и предполагавшійся стройный натискъ превратился въ безпорядочное гарцованіе, достойное Благосвѣтлова, но нисколько не приличное для пуристовъ русской мысли. Вѣдные пуристы! Они были не на своемъ мѣстѣ; они напоминали несчастнаго Франца Горна, комментатора Уильяма Шекспира, попавшагося въ дикую охоту

и скакавшаго за своимъ любимымъ поэтомъ на ослѣ, держась за гриву и творя молитву дрожащимъ голосомъ. (Heine. «Atta Troll»). И что̀ за охота? Вѣдь говорилъ вамъ Чернышевскій: куда вамъ полемизировать! а вы его не послушали; вы вѣроятно думали, что онъ говоритъ это отъ зависти; вотъ и додумались. А все — самолюбіе васъ губитъ. Ну, ему-ли вамъ завидывать! Вотъ видите-ли, въ чемъ дѣло: намъ (т. е. «Современнику» и «Русскому Слову») позволительно посвящать вамъ обширныя критическія статьи; мы — люди задорные; мы въ вашемъ лицѣ осмѣиваемъ рутину и слѣдовательно остаемся вѣрны своему характеру. Вамъ, напротивъ того, совсѣмъ не слѣдуетъ съ нами говорить: всякая попытка свистнуть съ вашей стороны доставляетъ намъ перевѣсъ; вы беретесь за наше оружіе, сталобыть, полагаете, что оно лучше вашего, и слѣдовательно этимъ самымъ осуждаете вашу всегдашнюю дѣятельность. Нельзя служить Богу и мамону, а то выйдетъ ни Богу свѣча, ни чорту кочерга. Вы должны показывать видъ, будто чувствуете къ намъ полнѣйшее, холодное, равнодушное презрѣніе, будто *игнорируете* насъ; вы иногда стараетесь поступать такимъ образомъ, но солидность ваша не выдерживаетъ разъѣдающаго прикосновенія мѣткой насмѣшки. Нашъ сарказмъ жжетъ васъ, какъ раскаленное желѣзо; вы теряете всякое хладнокровіе, забываете *роль* и, не умѣя язвить шуткой, начинаете браниться, почерпая ваши слова то изъ церковно-славянскаго (напр. срамословіе, скверномысліе), то изъ площаднаго народнаго. Вотъ въ эти-то минуты вы крайне занимательны; тутъ-то васъ и нужно изучать и списывать съ натуры.

Августовская книжка «Отечественныхъ Записокъ» доставила мнѣ самое живое наслажденіе своей полемической частью. Она дорисовала тѣ образы, которые складывались уже въ моемъ умѣ; она показала мнѣ, какъ говорятъ и дѣйствуютъ рутинеры, выведенные изъ терпѣнья и чувствующіе, что почва колышется подъ ихъ ногами. Мнѣ случалось читать въ исторіи объ отчаянной борьбѣ отживающаго съ начинающимъ жить, и теперь мнѣ очень пріятно прослѣдить въ маленькихъ размѣрахъ процессъ этой борьбы между представителями русской мысли. Тяжело смотрѣть на агонію человѣка или животнаго, но агонія идеи, принципа, направленія представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище. Весело смотрѣть на то, какъ защитники этого умирающаго принципа мечутся, суетятся, теряютъ голову, противорѣчатъ сами себѣ, сбиваютъ другъ друга съ погъ, говорятъ всѣ вдругъ, какъ Добчинскій и Бобчинскій, и все-таки лишаются постепенно своихъ прозелитовъ, а между тѣмъ новая идея какъ пожаръ разливается по сценѣ дѣйствія, не останавливается никакими преградами, просачивается сквозь щели стѣнъ и дочиста сжигаетъ старый хламъ, какъ-бы ни былъ онъ плотно закупоренъ и подъ какимъ-бы крѣпкимъ карауломъ его ни содержали. Чернышевскій говоритъ, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣтъ единства направленія, и Дудышкинъ торжественно соглашается съ нимъ отъ лица всѣхъ главныхъ членовъ редакціи. Я позволю себѣ не согласиться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Статьи «Отечественныхъ Записокъ» часто противорѣчатъ другъ другу — это правда; но у нихъ есть что-то общее, есть свой букетъ, который принадлежитъ имъ однѣмъ: этотъ букетъ онѣ называютъ *серьезностью*; въ переводѣ на общеупотребительный русскій языкъ это значитъ недоступность живымъ интересамъ, неумѣнье и нежеланье отнестись къ возникающимъ вопросамъ откровенно и ясно, *игнорированіе* живыхъ и больныхъ мѣстъ нашей частной и общественной жизни. Возникаетъ-ли какой-нибудь литературный споръ о предметѣ общензвѣстномъ, имѣющемъ практическое значеніе во вседневной жизни, — «Отечественныя Записки» тотчасъ превращаютъ споръ въ научную теорему; предметъ уносится учеными критиками на вершины Олимпа россійской мысли, и густой туманъ скрываетъ его отъ глазъ обыкновенныхъ зрителей; кто попроще, тотъ начинаетъ благоговѣть, ничего не понимая, а кто смѣлѣе, тотъ закрываетъ книгу и говоритъ, что начинается «ерунда». Въ обоихъ случаяхъ вопросъ, поставленный жизнью, остается нерѣшеннымъ и понемногу замираетъ. Достоинство журнала спасено, а между тѣмъ не высказано ничего рѣзкаго, что могло-бы раздразнить гусей; и волки сыты, и овцы цѣлы.

Вотъ видите-ли, въ нашемъ общественномъ мнѣніи есть множество оттѣнковъ, нечувствительно переливающихся одинъ въ другой. Крайними полюсами этого общественнаго мнѣнія можно назвать съ одной стороны Аскоченскаго, съ другой — ну, хоть-бы Чернышевскаго, благо мы часто о немъ упоминаемъ. У Аскоченскаго есть положительная сторона — ханжество, и отрицательная — ненависть къ человѣческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него груба, рьяна, нелѣпа; если отъ Аскоченскаго мы будемъ постепенно подвигаться къ Чернышевскому, эта ненависть будетъ находиться въ убывающей прогрессіи; мракобѣсіе перейдетъ въ мраколюбіе, наконецъ въ довольство мракомъ, въ терпѣніе мрака; доводы противъ разума будутъ видоизмѣняться, но полную эманципацію разума мы найдемъ только на противоположномъ полюсѣ. Духъ Аскоченскаго вѣетъ не въ одной «Домашней Бесѣдѣ»; съ его вѣяніемъ можно встрѣтиться даже за предѣлами любезнаго отечества; ослабленные и смягченные Аскоченскіе есть и въ

Европѣ, даже въ Англіи, даже въ партіи виговъ. Авторитеты ихъ пожалуй благообразнѣе нашихъ, но въ сущности все равно, неньковая или шелковая веревка вяжетъ васъ по рукамъ и по ногамъ! Шелковая даже хуже; отъ нея не такъ больно, и потому связанный легче мирится съ своимъ положеніемъ. Отношенія «Отечественныхъ Записокъ» къ разуму отличаются робостью; самодѣятельность мысли отошла отъ нихъ вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ; новая идея не найдетъ себѣ пріюта на страницахъ этого журнала: рискъ великъ! Кто ее знаетъ, эту идею? Вдругъ окажется вздоромъ, не примется въ обществѣ; начнутъ надъ нею смѣяться; нѣтъ, лучше не рисковать; лучше идти себѣ битой дорогой, печатать новости заднимъ числомъ, хвалить то, что́ уже всѣ признали хорошимъ, и бранить то, въ чемъ еще сомнѣвается большинство. Внѣшнимъ образомъ эта черта характера «Отечественныхъ Записокъ» выразилась въ томъ, что, сколько мнѣ помнится, ни одинъ литераторъ не начиналъ своей карьеры въ «Отечественныхъ Запискахъ». Когда имя дѣлалось извѣстнымъ, Краевскій допускалъ его на Олимпъ; талантливый юноша, не печатавшій до того времени нигдѣ, не могъ прямо попасть въ «Отечественныя Записки», хотя-бы онъ былъ семи пядей во лбу. Это было очень благоразумно со стороны Краевскаго. Когда нѣтъ творчества, не надо творить; когда нѣтъ собственной критической способности, надо поневолѣ полагаться на мнѣніе другихъ; «незачѣмъ нѣть, когда голоса нѣтъ», говоритъ русская пословица. Откровенное сознаніе собственной несостоятельности—дѣло очень похвальное, хотя конечно было-бы еще похвальнѣе совсѣмъ не браться за такое дѣло, въ которомъ не смыслишь ни аза.

Итакъ, робость и неясность отношеній составляютъ букетъ «Отечественныхъ Записокъ». Причина этихъ свойствъ заключается отчасти въ дипломатической осторожности, отчасти въ слабости мысли. Ширина и смѣлость взгляда, неумолимая послѣдовательность логики, ясность и простота въ рѣшеніи вопросовъ свойственны только живому уму, а его нѣтъ въ редакціи Отечественныхъ Записокъ». Посредственность не любитъ быстраго поступательнаго движенія; оно ее утомляетъ; довольствоваться наличнымъ умственнымъ капиталомъ, старой философской системой, шлифовать и полировать уголки, любоваться деталями,—вотъ ея дѣло, вотъ сфера ея муравьиной дѣятельности. А тутъ вдругъ придетъ какой-нибудь нахалъ, все переворочаетъ, все переломаетъ, нашумитъ, напылитъ, такъ что послѣ его вторженія хозяинъ не можетъ узнать своего уютнаго кабинета, въ которомъ все было такъ аккуратно, такъ невозмутимо-спокойно, такъ тихо и безмятежно. Собирается онъ съ силами, чтобы послѣ нашествія новаго Аттилы привести въ прежній порядокъ свою крошечную систему, въ которой ему было тепло, въ которой онъ чувствовалъ себя безопаснымъ, какъ улитка въ раковинѣ, и къ которой онъ даже можетъ-быть успѣлъ пріохотить кружокъ почтительныхъ и кроткихъ прозелитовъ. Хлопочетъ онъ о томъ, чтобы истребить слѣды разрушительнаго набѣга, да что-то не ладится; прозелиты ошеломлены; однихъ прельстила смѣлость вражескаго натиска, другихъ она удивила, третьихъ привела въ негодованіе, но во всякомъ случаѣ всѣ они уже не тѣ невинные, непосредственные, нетронутые слушатели, какіе были прежде. Да и система не дозволяетъ добродушному хозяину прежняго умственнаго комфорта. Молча перенести дерзкое нападеніе невозможно, самолюбіе мѣшаетъ, да и опасно; мальчишки—народъ заносчивый, зазнаются, примутъ молчаніе за признакъ слабости; надо спорить, да и притомъ какъ спорить! Состязаться съ человѣкомъ одной школы съ вами пріятно; говоря съ нимъ, вы можете сослаться на положеніе учителя, и, лишь-бы статья вашего общаго кодекса была подведена вѣрно, вашъ противникъ согласится съ вами и даже будетъ смотрѣть на васъ съ сугубымъ уваженіемъ, какъ на человѣка, которому полнѣе доступна непзреченная мудрость. Но спорить съ человѣкомъ другой школы совсѣмъ не то; вы сошлетесь на авторитетъ, а онъ вамъ скажетъ, что знать его не хочетъ; вы скажете: «это говоритъ Гегель!» а онъ отвѣтитъ: «а мнѣ что за дѣло!»—Вамъ придется доказывать основныя положенія, шевелить такія стропила ученія, которыя вы считали незыблемыми и неприкосновенными, придется передѣлывать съизнова дѣло учителя, и притомъ при такихъ условіяхъ, которыя значительно усложняютъ задачу. Когда жилъ и дѣйствовалъ учитель, тогда люди его времени еще не могли приготовить противъ его ученія разрушительныхъ доводовъ, по той простой причинѣ, что ученіе было ново, свѣжо, способно развиваться и не похоже на жреческую символистику; когда жилъ этотъ предполагаемый учитель, онъ уловилъ послѣднее слово своего времени и развилъ его въ систему; теперь настали другія времена; выработалось другое послѣднее слово, и можно сказать навѣрное, что еслибы учитель жилъ въ наше время, то и ученіе его вышло-бы не такое, какимъ онъ его сдѣлалъ. Въ наше время Гегель навѣрное не былъ-бы гегельянцемъ, потому что только узкіе и вялые умы живутъ въ области преданій тогда, когда можно выдти въ область дѣйствительно живыхъ идей и интересовъ.

Итакъ, умственная посредственность всегда отличается пассивнымъ консерватизмомъ и противупоставляетъ натиску новыхъ идей тупое сопротивленіе инерціи. Бываетъ и прозелитическая посредственность; иные нищіе духомъ стремятся, очертя голову, вслѣдъ за увлекающимъ ихъ талантомъ; слѣпой фанатизмъ и

дешевый скептицизмъ одинаково часто встрѣчаются въ людяхъ ограниченныхъ; но въ нашемъ обществѣ дешевый скептицизмъ, кажется, преобладаетъ, потому что мы вообще страстностью не отличаемся. Вотъ эту-то тупую оппозицію инерціи и безпричиннаго скептицизма вы встрѣтите на каждой страницѣ «Отечественныхъ Записокъ».

Слова оппозиція и скептицизмъ требуютъ нѣкотораго поясненія. Оппозиція есть гарантія личности противъ посягательствъ большинства или силы: осмысленная оппозиція возбуждаетъ къ себѣ искреннее сочувствіе и заслуживаетъ полное уваженіе со стороны всякаго благороднаго человѣка; но что́ вы скажете напр. объ оппозиціи помѣщицы Коробочки, нежелающей продать мертвыя души на томъ основаніи, что она не знаетъ городскихъ цѣнъ? Вѣдь источникъ этой оппозиціи заключается въ неспособности понять предметъ, въ неумѣніи или нежеланіи сдѣлать малѣйшее усиліе мысли. Оппозиція многихъ старовѣровъ очень напоминаетъ оппозицію Коробочки. Ему толкуютъ объ удобствѣ какой-нибудь земледѣльческой машины,— онъ слушаетъ изъ пятаго въ десятое, и потомъ наотрѣзъ отказывается сдѣлать нововведеніе. Вы добиваетесь причины его упорства, считаете вашего собесѣдника фанатикомъ наслѣдованнаго отъ отцовъ экономическаго порядка вещей, строите въ головѣ цѣлую теорію объ исторической памяти русской народности, а между тѣмъ вашъ дубиноголовый противникъ способенъ отвѣтить вамъ только словами Лазаря Елизарыча: «Для того, что не для чего!...» Онъ упирается, потому что неясно понимаетъ, а не понимаетъ и не хочетъ понимать оттого, что не привыкъ работать мыслью,—а на старости лѣтъ привыкать мудрено!

Скептицизмъ великъ и законенъ, какъ слѣдствіе разлагающей дѣятельности мысли, какъ результатъ тщательнаго анализа, но скептическое отношеніе къ предмету мало извѣстному обличаетъ только нежеланіе вглядѣться въ него и ближе съ нимъ ознакомиться,— такой скептицизмъ вытекаетъ часто изъ очень мелкаго и мутнаго источника. Возьмемъ примѣръ. Положимъ, что моя статья возбудитъ къ себѣ недовѣріе въ двухъ читателяхъ: одинъ прочтетъ ее внимательно и, положимъ, замѣтитъ въ ней противорѣчія, тонъ страстнаго раздраженія, натяжки въ выводахъ, это наведетъ его на мысль, что статья написана пристрастно, онъ отнесется къ ней скептически. Такого рода скептицизмъ вполнѣ уваженъ; онъ основанъ на знакомствѣ съ предметомъ; ошибка тутъ возможна. Другой читатель перелистуетъ статью, увидитъ, что дѣло идетъ объ «Отечественныхъ Запискахъ», и скажетъ: «это брань журналистовъ, старающихся переманить подписчиковъ. Вздоръ! Не стоитъ читать!»—Это уже дешевый скептицизмъ, хватающій вершки, судящій по внѣшности, нежелающій или неумѣющій приложить анализа къ самому предмету. У человѣка, способнаго къ такому скептицизму, есть въ головѣ нѣсколько десятковъ готовыхъ сужденій, и онъ подводитъ подъ нихъ разные случаи жизни, нимало не заботясь о ихъ дѣйствительной физіономіи. Развиваться такой человѣкъ не способенъ; вращаясь въ безвыходномъ кругу готовыхъ сужденій и вывѣтрившихся фразъ, онъ не видитъ дѣйствительнаго міра и не даетъ себѣ труда взглянуть на него просто и серьезно. Эти оппозиціи и этотъ скептицизмъ выражаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. «Отечественныя Записки» выражаютъ ихъ тѣмъ, что не высказываютъ никогда опредѣленнаго мнѣнія; въ нихъ вы не найдете такого слова, изъ котораго можно было-бы вывести осязательное, практическое заключеніе. У нихъ есть два молчалинскіе таланта: умѣренность и аккуратность, которую они называютъ серьезностью. До «степеней извѣстныхъ» они уже дошли. Развѣ двадцать-три года существованія журнала, и притомъ отъ 1838—1861 года, не «степени извѣстныя»?

XIV.

Букетъ «Отечественныхъ Записокъ» я нашелъ; ихъ цвѣтъ—безцвѣтность; ихъ тактика состоитъ въ томъ, чтобы говорить, ничего не высказывая, числиться въ рядахъ прогрессистовъ, не раздѣляя съ ними трудовъ и опасностей, отуманивать своихъ читателей книжной ученостью и отводить имъ глаза отъ живыхъ идей, вопросовъ и интересовъ. Почему онѣ молчалинствуютъ, по разсчету или по умственной убогости—рѣшать не берусь; можетъ-быть по тому и по другому вмѣстѣ. Посмотримъ лучше, какъ общая тактика журнала выдерживается въ различныхъ отдѣлахъ. Первая полемическая статья, встрѣчающаяся въ августовской книжкѣ, принадлежитъ перу Альбертини; съ нея я и начну.

Альбертини вступается за Кавура, стыдитъ Чернышевскаго его незнаніемъ и совѣтуетъ ему побольше читать и учиться. О Кавурѣ Альбертини споритъ, нимало не обобщая вопросъ; онъ полагаетъ, что нападки «Современника» направлены противъ личности, а не противъ типа, противъ отдѣльныхъ поступковъ Кавура, а не противъ цѣлаго направленія его политики. Альбертини не понимаетъ или не хочетъ понимать, что Чернышевскій возстаетъ противъ Кавура за то, что, находясь по своему положенію во главѣ современной Италіи, сардинскій министръ сдерживалъ воодушевленіе народа (боясь, чтобы оно не хватило черезъ-край) вмѣсто того, чтобы поддерживать его и давать ему направленіе. Кавура осуждаютъ за то, что онъ былъ болѣе піемонтскимъ

подданнымъ, чѣмъ гражданиномъ свободной Италіи. Если вы, Альбертини, способны возвыситься до синтетическаго взгляда на личность Кавура, тогда доказывайте противное; мы васъ послушаемъ. Но если вы любите изучать факты, не обладая способностью обобщенія, тогда вамъ нельзя спорить съ Чернышевскимъ; да онъ и не станетъ съ вами спорить. Замашка останавливаться на голомъ фактѣ, на заглавіи—обнаруживается также въ томъ мѣстѣ, гдѣ Альбертини говоритъ о Пальмерстонѣ и Брайтѣ. Чернышевскій въ «Полемическихъ красотахъ» говоритъ, что для удобства и для краткости называетъ одинъ типъ прогрессистовъ — Пальмерстономъ, другой — Брайтомъ. Предупредивъ такимъ образомъ читателя, онъ говоритъ: «Пальмерстонъ только тогда непоколебимъ, когда опирается на Брайта, и теряетъ власть, когда отталкиваетъ отъ себя Брайта». Ясно, что это надо понимать такъ: «Англійское правительство, выставляющее на своемъ знамени девизъ прогресса, только тогда непоколебимо, когда опирается на ту часть народа, которая дѣйствительно воодушевлена прогрессивными стремленіями». Противъ этой мысли долженъ былъ возражать Альбертини, если онъ съ нею несогласенъ. Но онъ сдѣлалъ не то. Онъ совершенно утаилъ отъ своихъ читателей тотъ смыслъ, который Чернышевскій придалъ именамъ Пальмерстона и Брайта; онъ беретъ слова Чернышевскаго au pied de la lettre и начинаетъ объяснять различіе между Пальмерстономъ и Брайтомъ, невозможность ихъ соединенія и грубость ошибки, сдѣланной критикомъ «Современника». Вся тирада эта, пущенная не противъ Чернышевскаго, а противъ какого-то воображаемаго противника, завершается такъ: «о такихъ вещахъ, объ азбукѣ современнной политики, совѣстно толковать порядочнымъ людямъ, а вы меня хотите увѣрить, будто Пальмерстонъ тогда и силенъ, когда слушается Брайта. Какъ вамъ не совѣстно?» Кто не понимаетъ мысли своего противника, когда она выражена ясно, тотъ обнаруживаетъ слабоуміе. Кто не хочетъ понимать и умышленно искажаетъ мысль противника, тотъ поступаетъ безчестно и унижается до степени литературнаго фокусника («Отечественныя Записки» сказали-бы даже: «мазурика»). Которое изъ этихъ двухъ объясненій благоволитъ принять Альбертини, не знаю, но думаю, что третьяго не съумѣютъ пріискать ни самъ онъ, ни литературные его сподвижники. Совѣстно-то будетъ, должно быть, не Чернышевскому.

Далѣе слѣдуетъ статья того-же Альбертини объ Токвилѣ, какъ значится въ заглавіи, но героемъ статьи является все тотъ-же Чернышевскій. Изъ этой статьи я выпишу нѣсколько умилительныхъ мѣстъ и ничего не скажу объ общей идеѣ, потому что общей идеи нѣтъ. Авторъ силится доказать, что Токвиль—прекрасный человѣкъ, а Чернышевскій—нахалъ и невѣжда; но, прочтя его статью, читатель не выноситъ никакого понятія о французскомъ публицистѣ, и даже обвиненіе въ сумбурности, неосновательно взведенное на него Чернышевскимъ, не оказывается снятымъ. Избави Богъ отъ защитниковъ, подобныхъ Альбертини! они способны затемнить самое чистое дѣло и запутать самый простой вопросъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, казня своего лютаго врага, Альбертини возвышается до паѳоса ироніи. «Неужели,—восклицаетъ онъ,—послѣ этого (т. е. обругавши Кавура и Токвиля) вы (Чернышевскій) осмѣлитесь еще требовать отъ нашей молодежи, чтобъ она серьезно училась? Полноте! Вы гордитесь, кажется, что васъ читаютъ съ удовольствіемъ. Знаете-ли, кто читаетъ васъ съ истиннымъ удовольствіемъ? Все господа Якубовичи да Кондыревы (безграмотные переводчики Токвиля). Оттого-то они и перевели такъ безобразно Токвиля, что васъ они читаютъ съ удовольствіемъ и позаимствовались отъ васъ тѣмъ пренебреженіемъ къ наукѣ, къ серьезной мысли и къ серьезному труду, котораго проповѣдникъ всегда найдетъ себѣ приверженныхъ адептовъ. Отчего же вы такъ несправедливы къ своему адепту, г. Якубовичу? Отчего-же вы его обвиняете въ безсмыслицѣ? Еслибъ вы были послѣдовательны, вы его должны были-бы погладить по головкѣ за то, что онъ такъ дико перевелъ писателя, по вашему, сумбурнаго».

Когда Альбертини говоритъ хладнокровно, тогда ему почти не нужна логика; разсказывать событія можно въ хронологическомъ порядкѣ; разсужденія можно заимствовать изъ плохихъ нѣмецкихъ газетъ; отсутствіе собственныхъ приговоровъ можно выдавать читателямъ за осторожность и серьезность. Недостатокъ логической связи и послѣдовательности можетъ пройти незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что русская публика читаетъ невнимательно и съ обзоромъ политическихъ событій знакомится не столько по ежемѣсячнымъ журналамъ, сколько по ежедневнымъ газетамъ. Но въ полемикѣ съ Чернышевскимъ вопросъ становится иначе. О Чернышевскомъ за-границей не пишутъ, стало-быть, о немъ надо говорить свое. Кромѣ того сонливое спокойствіе или, что то-же, историческое безпристрастіе, хранившееся въ груди Альбертини, когда онъ разсуждалъ о Кавурѣ, Росселѣ и Пальмерстонѣ, исчезло; Чернышевскій задѣлъ самолюбіе нашего публициста, и Альбертини началъ свое знаменитое: «quo usque tandem». Тутъ понадобилась хоть-бы внѣшняя связь—и логика Альбертини (именно его собственная, исключительная логика) обозначилась. Проскользнула вмѣстѣ съ индивидуальной логикой и нравственная

исповѣдь. Спохватитесь во время, г. Альбертини, вы расточаете передъ нами сокровища вашей рыцарской литературной честности!

Вы находите: 1) что Чернышевскій долженъ былъ похвалить работу Якубовича, потому что Якубовичъ—его адептъ, и 2) что Чернышевскій долженъ былъ обрадоваться безобразному переводу Токвиля, потому что онъ не соглашается съ его идеями. Вы упрекаете Чернышевскаго въ непослѣдовательности за то, что онъ не поступаетъ такимъ образомъ; значитъ, вы на его мѣстѣ поступили-бы такъ, какъ совѣтуете ему поступить; такимъ образомъ вы даете намъ право воспроизвести двѣ слѣдующія статьи вашего нравственнаго кодекса: 1) должно хвалить своихъ адептовъ, хотя-бы они говорили вздоръ и дѣлали гадости; 2) должно ругать наповалъ своихъ противниковъ, чернить ихъ всѣми правдами и неправдами и радоваться, если чернитъ ихъ кто-либо другой. Эти статьи вашего кодекса даютъ намъ ключъ къ пониманію вашей выходки противъ Чернышевскаго по поводу Брайта и Пальмерстона; ясно, что она сдѣлана не по наивности.

Понятнымъ дѣлается также слѣдующее мѣсто: «Мы могли-бы трактовать его (Чернышевскаго), какъ трактовали нѣкогда г. Благосвѣтлова, какъ обыкновенно трактуютъ балаганныхъ паяцовъ, которыхъ все дѣло—выкинуть штуку половчѣе, показистѣе». И Чернышевскій, и Благосвѣтловъ извѣстны, какъ ваши литературные противники, *ergo*: надо ругать. Дайте срокъ, г. Альбертини. Напишите еще двѣ-три статьи, подобныя разбираемой нами, провритесь еще раза три такъ, какъ проврались теперь, и ваша брань сдѣлается такъ-же почетной и похвала такъ-же позорной, какъ брань и похвала юродствующаго редактора «Домашней Бесѣды». Вотъ еще одна выписка, въ которой приведено то-же нравственное воззрѣніе: «Люди «Современника» находятъ слѣдовательно, что авторитетъ Токвиля можетъ помѣшать воспринятію и усвоенію въ нашемъ обществѣ ихъ собственныхъ идей о тѣхъ самыхъ предметахъ, о которыхъ разсуждаетъ Токвиль; вотъ отчего и понадобилось имъ сокрушить его авторитетъ. Иначе зачѣмъ-бы имъ было собирать грозу противъ Токвиля, доказывать его сумбурность, убѣждать своихъ читателей не читать Токвиля?» — Альбертини хотѣлъ бросить въ Чернышевскаго большимъ комомъ грязи и самъ по-локоть выпачкалъ себѣ руки; всего смѣшнѣе то, что онъ самъ этого не замѣчаетъ и что другіе со стороны должны говорить ему: «посмотрите на себя! что вы съ собою сдѣлали! на что вы похожи!» Вѣдь по вашему выходитъ, что назвать бѣлое бѣлымъ, а черное чернымъ можно только въ томъ случаѣ, если это доставляетъ вамъ прямую выгоду, если у васъ въ этомъ дѣлѣ свои разсчеты. Представитель серьезной науки, служитель идеи, поборникъ истины, что̀ вы говорите! Вѣдь послѣ этого честному человѣку нельзя спорить съ вами, потому что вы въ отвлеченномъ спорѣ преслѣдуете только ваши выгоды и въ собесѣдникѣ вашемъ предполагаете такія-же тенденціи. Вы говорите возмутительныя вещи, и на васъ нельзя сердиться только потому, что вы сами не понимаете вѣса своихъ словъ. Вы несвѣдущи какъ ребенокъ, но какъ развращенный ребенокъ; вы говорите громко то, что̀ многіе думаютъ про себя, но то, что̀ вы говорите,—все-таки дурно. Вашей непосредственностью уничтожается вмѣняемость преступленія, но публикѣ остается только недоумѣвать, какъ это безсознательно лепещущій младенецъ можетъ писать и печатать серьезныя статьи? Впрочемъ въ нашъ вѣкъ удивительныхъ изобрѣтеній все возможно. Есть молотильная машина, швейная машина, скоропечатная машина. Кто знаетъ, можетъ-быть Краевскій прославится изобрѣтеніемъ машины, доставляющей за умѣренную плату журнальныя статьи произвольнаго объема и направленія! Объ Альбертини довольно. Его вѣроятно достаточно поняли мои читатели. Перехожу къ Бестужеву-Рюмину.

XV.

Статья Бестужева-Рюмина направлена противъ статьи Чернышевскаго: «О причинахъ паденія Рима». Безтактность редакціи «Отечественныхъ Записокъ» обнаруживается вполнѣ въ помѣщеніи этой статьи въ августовской книжкѣ. Статья Чернышевскаго напечатана въ маѣ. Спрашивается, отчего Бестужевъ-Рюминъ ждалъ два мѣсяца и пустилъ свою статью именно послѣ іюльскихъ «Полемическихъ красотъ»? Вотъ единственный возможный отвѣтъ: «Отечественныя Записки» вѣрны тому принципу, который съ дѣтской откровенностью высказалъ Альбертини. Чернышевскій вдвойнѣ врагъ ихъ: какъ членъ редакціи «Современника» и какъ авторъ «Полемическихъ красотъ»; его надо ругать, придираясь ко всякому удобному и неудобному случаю. Бестужеву-Рюмину попадается въ руки подлая книга Дюбуа-Гюшана о римской имперіи. Чернышевскій тоже писалъ о римской имперіи. Прекрасный случай! Какъ отказать себѣ въ удовольствіи поставить рядомъ имена Дюбуа и Чернышевскаго; какъ не провести между ними параллели. Общаго нѣтъ ничего—ни по внѣшности, ни въ содержаніи, ни въ направленіи ихъ трудовъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но зато впечатлѣніе на читателя будетъ произведено; иной довѣрчивый добрякъ (а на такую публику, кажется, сильно разсчитываютъ «Отечественныя Записки») въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что Чернышевскій и

Дюбуа-Гюшанъ—одного поля ягоды; вотъ и цѣль сопоставленія будетъ достигнута.

Позднее появленіе статьи Бестужева-Рюмина и ея заголовокъ предрасполагаютъ противъ нея; трудно себѣ представить, чтобы человѣкъ могъ написать что-нибудь хорошее, когда онъ берется за перо съ твердымъ намѣреніемъ очернить своего противника. Искреннее воодушевленіе, кипучая діалектика, разительность доводовъ возможны при полемикѣ только въ томъ случаѣ, если вы спорите, какъ представитель извѣстной идеи. Если-же существуютъ личныя отношенія между полемизирующими сторонами, и если эти личныя отношенія всплываютъ въ спорѣ, тогда полемика превращается въ перебранки, надоѣдаетъ публикѣ и возбуждаетъ въ ней законное презрѣніе. Чтеніе статьи Бестужева-Рюмина оправдало мое непріязненное предрасположеніе. Говоря о Дюбуа-Гюшанѣ, онъ ни съ того, ни съ сего вставляетъ язвительные (по его мнѣнію) намеки насчетъ поверхностности убогихъ фельетонистовъ, которые, черпая «свои идеи изъ юмористическихъ стишковъ, а познанія изъ какой-какихъ полубеллетрическихъ книгъ», ненавидятъ «самое имя науки», потому что «нѣкогда профессоръ срѣзалъ его на экзаменѣ на какихъ-нибудь грамматическихъ формахъ», и такъ далѣе въ томъ-же ядовитомъ родѣ. Не правда-ли, намеки такъ тонки, что читатель, не приготовленный спеціально, т. е. незнающій скрытыхъ страданій серьезнаго журнала, не пойметъ, въ чей огородъ Бестужевъ-Рюминъ мещетъ камни. Онъ говоритъ, что, встрѣчаясь съ произведеніемъ такого убогаго фельетониста, «можно только улыбнуться и пойти прочь; избіеніе невинныхъ—дѣло очень легкое и потому мало привлекательное». Какой шутникъ—Бестужевъ-Рюминъ! онъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ собирался *улыбнуться*, а *пойдти прочь* рѣшается, только написавши 15 страницъ; и все это ради убогаго фельетониста, ради невиннаго малютки Чернышевскаго, котораго нашъ ученый критикъ можетъ такъ легко убить статьей, взмахомъ могучаго пера. Только серьезные люди способны шутить такъ естественно, мило и, главное, правдоподобно, какъ шутитъ Бестужевъ-Рюминъ. Серьезная часть статьи представляетъ въ патологическомъ отношеніи такое-же замѣчательное явленіе, какъ и запоздавшая улыбка. Книга Дюбуа-Гюшана, нравственное состояніе современной французской литературы, римскій міръ, цезаризмъ и наполеонизмъ—все это только декораціи; живетъ и дѣйствуетъ среди этой грандіозной обстановки все то-же лицо—убогій фельетонистъ, котораго не стоитъ даже оспаривать. Образъ Чернышевскаго, какъ неотвязчивый призракъ, какъ мысль о любимой женщинѣ, преслѣдуетъ Бестужева-Рюмина, и наконецъ, наскоро развязавшись съ Дюбуа, пустивъ стороной нѣсколько тяжеловѣсныхъ сарказмовъ въ школьниковъ, вооружающихся «дѣтской пращей противъ голіаѳовъ умственнаго міра», нашъ ученый критикъ всецѣло посвящаетъ себя статьѣ Чернышевскаго. Статьи этой онъ однако не понимаетъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, онъ, какъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ», останавливается на буквѣ и не возвышается до идеи. «Г. Чернышевскому,—говоритъ онъ,—захотѣлось доказать, что новымъ обществамъ не грозитъ той катастрофы, которая разрушила древній міръ». Помилуйте, г. Бестужевъ-Рюминъ. Чтобы доказать такую штуку, надо быть Кифою Мокіевичемъ, а не Чернышевскимъ. Кто-же боится подобной катастрофы? Даже заклятые руссофилы перестали называть Западъ гнилымъ и предрекать ему неминуемое разложеніе. Какъ же это вошла въ голову Чернышевскаго мысль доказывать то, противъ чего никто не споритъ, о чемъ даже никто (кромѣ Дюбуа-Гюшана, развѣ) не говоритъ? Статья Чернышевскаго вызвана книгой Гизо, появившейся въ русскомъ переводѣ; въ этой статьѣ Чернышевскій возстаетъ противъ историческаго мистицизма и историческаго фразерства, которыя можно замѣтить даже у такого строгаго мыслителя, какъ Гизо. Большинство историковъ, въ томъ числѣ и доктринеръ Гизо, говоритъ, что древній міръ *долженъ* былъ пасть; что его опрокинула не стихійная сила, не германцы, а внутренняя необходимость. Германцы являются какими-то chargés d'affaires историческаго промысла, являются потому, что понадобились соки въ историческомъ организмѣ. Словомъ, эти историки видятъ въ цѣпи событій общую разумную идею. Чернышевскій смотритъ на вещи проще и хладнокровнѣе. Онъ говоритъ, что за классической цивилизаціей наступило варварство не потому, что такъ было необходимо, а потому, что такъ случилось. Классическій міръ погибъ оттого, что его буквально задавили варвары. Не будь варваровъ, онъ-бы жилъ до сихъ поръ, и навѣрно выработалъ-бы себѣ и новыя идеи, и новыя стремленія, и новыя бытовыя формы. Противъ этого возражать мудрено. Какъ-же бы въ самомъ дѣлѣ погибла классическая цивилизація, еслибы никто не разорялъ городовъ, не жегъ книгъ и не билъ людей? Положимъ, пролетаріатъ-бы съ каждымъ годомъ увеличивался,—что-жъ изъ этого? Если вы слишкомъ натянете струну—она лопнетъ. Если голодный народъ дойдетъ до крайней степени страданія—онъ взбунтуется. Такъ или иначе произойдетъ переворотъ; оппозиція сдѣлается правительствомъ, и пойдутъ новые порядки. Какъ-бы ни было тяжело жить, а не могли-же всѣ жители Рима разбѣжаться въ лѣса, уничтожить свои жилища и превратиться въ полудикихъ. Всѣ эти событія, обозначающія собой паденіе цивилизаціи, возможны только при напорѣ грубой

матеріальной силы, т. е. опять-таки при нашествіи варваровъ, или, что почти то-же самое, при геологическомъ переворотѣ. Стало-быть, основная мысль Чернышевскаго остается вѣрной: не будь варваровъ, не было-бы и паденія древней цивилизаціи. Внутренней необходимости паденія не было. Но, доказывая вѣрную мысль, Чернышевскій, какъ съ нимъ часто бываетъ, заходитъ слишкомъ далеко и впадаетъ въ парадоксъ. Онъ начинаетъ утверждать, что общество не бываетъ ни молодымъ, ни зрѣлымъ, ни старымъ, что измѣняются и старятся только отдѣльные люди, и что на мѣсто 20-ти-лѣтняго Петра выдвигается 20-ти-лѣтній Иванъ, потомъ 20-ти-лѣтній Андрей, обладающій той-же свѣжестью силъ и тѣми-же юношескими стремленіями, какими въ свое время обладали состарившіеся Иванъ и Петръ. Парадоксальное положеніе это опровергается двумя-тремя простыми вопросами: г. Чернышевскій, неужели вы думаете воспитать вашего сына въ тѣхъ идеяхъ, въ какихъ васъ самихъ воспитали ваши родители? Г. Чернышевскій, неужели вы теперь пишете то-же самое, что̀ въ 1841 году писалъ баронъ Брамбеусъ? Г. Чернышевскій, неужели вы раздѣляете вѣрованія и предразсудки вашего дѣдушки? или неужели вашъ дѣдушка съ удовольствіемъ прочелъ-бы вашу статью объ антропологическомъ принципѣ? Отвѣтивъ себѣ на эти вопросы, Чернышевскій немедленно убѣдится въ томъ, что онъ теперь не то, чѣмъ былъ лѣтъ 20 тому назадъ его отецъ, и что сынъ его (Чернышевскаго) будетъ лѣтъ черезъ 20 не то, что̀ теперь Чернышевскій. Убѣдившись въ этомъ, онъ допуститъ для общества возможность крѣпнуть и дряхлѣть, но все-таки никогда не согласится съ тѣмъ, чтобы общество могло одичать, а цивилизація погибнуть безъ внѣшняго напора матеріальной силы.

Философскую часть статьи Чернышевскаго Бестужевъ-Рюминъ совершенно оставляетъ безъ вниманія. Онъ приступаетъ къ разбору журнальной критической статьи, какъ къ оцѣнкѣ спеціальнаго, историческаго изслѣдованія. Онъ сражается не съ идеей, а съ отдѣльными фактами, и, сказать правду, сражается крайне неудачно. «Точно-ли,—спрашиваетъ онъ,—Риму нужно было ждать варваровъ, чтобы погибнуть? Что-же, Марій съ своими когортами, Сулла съ проскрипціями, тріумвиры съ своими знаменитыми пожертвованіями были лучше варваровъ?... Не измѣнилось-ли подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій римское общество, не перемѣнился-ли самый составъ его, не перемѣшались-ли его элементы?» Ну, что же изъ этого слѣдуетъ?—Общество измѣняется, элементы перемѣшиваются, а классическая цивилизація все-таки живетъ, и люди все-таки не превращаются въ дикарей, несмотря ни на когорты Марія, ни на проскрипціи Суллы, ни на пожертвованія тріумвировъ. Но приходятъ варвары, рѣжутъ цѣлыя населенія, сжигаютъ города,—и цивилизація тонетъ въ крови, задыхается подъ пепломъ и мусоромъ. Вы сами, г. Бестужевъ-Рюминъ, возражая Чернышевскому, говорите то, что̀ сказалъ онъ въ своей статьѣ. Послѣ Марія, Суллы и тріумвировъ классическій міръ дышалъ цѣлыя пять столѣтій, сопротивляясь даже внѣшнему напору германцевъ. А еслибы не было этого внѣшняго напора, мы не знаемъ, какъ-бы повернулись дѣла. Протестъ противъ военнаго деспотизма, противъ угнетенія рабовъ, противъ господствовавшаго разврата слышался съ разныхъ сторонъ; протестовали философы, поэты, историки; протестовали жизнью и смертью христіанскіе мученики, египетскіе терапевты и чисто эллинскіе новоплатоники. Въ законодательствѣ и въ судебной практикѣ замѣчаются около времени Антониновъ нѣкоторыя смягченія, участь рабовъ облегчается, увольненіе раба становится легче и прочнѣе. Очень правдоподобно, что древній міръ извернулся-бы своими средствами, еслибы его не скрутили внѣшнія обстоятельства. Мало того, иначе даже и не могло-бы случиться. Мыслимо-ли, чтобы какой-нибудь народъ умеръ естественной смертью, если его не тѣснятъ снаружи? А вѣдь древній міръ представлялъ собою, какъ выражается Бестужевъ-Рюминъ, «конгломератъ народовъ». Каково бы ни было истощеніе его духовныхъ силъ, а умереть онъ не могъ. Переворотъ былъ неизбѣженъ, но самый этотъ переворотъ и предупредилъ-бы гибель; какъ только зло или, проще, неудобство общественнаго устройства становится невыносимымъ для большинства гражданъ, такъ это устройство и сваливается, какъ засохшій струпъ, какъ безполезная чешуя. Такъ безъ сомнѣнія случилось-бы и съ Римомъ. Но Бестужевъ-Рюминъ, какъ идеалистъ, не можетъ помириться съ трезвымъ воззрѣніемъ Чернышевскаго. «Жаль, —говоритъ онъ,—что вы не взглянули на римскую имперію еще съ другой, весьма поучительной точки зрѣнія. Въ Римѣ матеріальная цивилизація была доведена до послѣднихъ предѣловъ; житейскій комфортъ, роскошь, все это развивалось до размѣровъ громадныхъ. Кажется, чего-бы лучше; человѣчество должно-бы благоденствовать. Мало того: равенство было совершенное; правда, существовали рабы, но и съ ними, какъ неопровержимо доказываетъ Дюбуа, обходились человѣколюбиво... Чего-же недоставало Риму? Тѣхъ учрежденій, которыми онъ нѣкогда былъ силенъ, и тѣхъ дѣятелей, тѣхъ воззрѣній, которые немыслимы въ душной атмосферѣ цезарскаго Рима. Вотъ чего ему недоставало; недоставало сознанія, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», недоставало

даже возможности и силы всецѣло принять въ себя это сознаніе».

Это мѣсто характеристично, какъ по своей фразистости, такъ и по полному незнанію предмета, которое обнаруживаетъ въ немъ Бестужевъ-Рюминъ. Развратъ, чувственность, преобладаніе матеріи надъ духомъ—вотъ тѣ свойства, которыя съ-плеча приписываютъ древнему міру люди, знающіе его кое-какъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. «Древній Римъ утопалъ въ роскоши и въ развратѣ; древнія доблести его померкли»—скажетъ вамъ любой гимназистъ по Кайданову или Смарагдову; тоже самое говоритъ намъ и серьезный критикъ. «Риму недоставало сознанія, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», т. е. недоставало аскетизма. Странно! Справьтесь съ любой исторіей древней философіи (возьмите наприм. 4-й томъ Генриха Риттера), и вы увидите, что во времена императоровъ философы всѣхъ школъ (кромѣ эпикурейцевъ) сошлись между собою въ аскетическихъ и мистическихъ стремленіяхъ. Но что-же могъ сдѣлать аскетизмъ? Высосать тѣ живыя силы, которыя могли составить энергическую оппозицію. Такъ онъ и сдѣлалъ. Чистые аскеты, новоплатоники и новопиоагорейцы удалились въ міръ призраковъ и галлюцинацій, изморили себя постной пищей и пустыми обрядами и, стремясь стать выше земного, сдѣлались неспособны ни къ чему земному. У нихъ были живыя идеи, но эти идеи были завалены хламомъ самонстязанія и фантазерства,—тѣмъ сознаніемъ, надъ которымъ умиляется Бестужевъ-Рюминъ. Чего другого, а аскетизма и суевѣрія было въ Римѣ довольно. Изумительно также-то проворство, съ которымъ Бестужевъ-Рюминъ отдѣлывается отъ рабства, составляющаго самую больную сторону древней цивилизаціи. Шутка-ли это надъ Чернышевскимъ, или дѣйствительное мнѣніе Бестужева-Рюмина – все равно. Въ нашемъ молодомъ обществѣ шутить вещами, подобными рабству,—неумѣстно; обходить такіе вопросы въ серьезной статьѣ серьезнаго журнала или относиться къ нимъ слегка—просто непозволительно. Это значитъ играть словами, маскируя отъ читателя ихъ истинный смыслъ. «Нѣтъ, г. Чернышевскій, мало одной матеріальной цивилизаціи, малонакормить,—продолжаетъ нашъ критикъ: – надо еще способствовать его развитію; а этого Римъ не могъ сдѣлать». Я узнаю въ этихъ словахъ духъ того журнала, въ которомъ былъ помѣщенъ проэктъ Щербины о «читальникѣ». Учить народъ, пускать въ продажу правительственнымъ путемъ книги для чтенія—все это дѣло извѣстное. А не лучше-ли было-бы «накормить народъ», не заваливая его непосильной работой. Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію; упрочьте экономическій бытъ, обезпечьте матеріальную сторону, и народъ, скорѣе чѣмъ вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе. «Отечественныя Записки» говорятъ: «помогайте народу развиваться», а мы говоримъ: «не мѣшайте народу, удалите препятствія, онъ самъ разовьется». Кто изъ насъ правъ?

Далѣе Бестужевъ-Рюминъ винитъ статью Чернышевскаго въ томъ, что ея послѣднее слово—«преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ всѣми другими условіями существованія общества, т. е. именно то, что такъ долго старались втолковать намъ, и, кажется, не безъ успѣха, по отъ чего пора намъ излечиваться: общества чисто матеріальныя создаютъ «движимый кредитъ», книгу Дюбуа и цезаризмъ». Что значатъ слова *«что такъ долго старались втолковать намъ»?* Кто-же это втолковалъ намъ доктрину матеріализма? Да и возможна-ли пропаганда матеріализма въ такомъ обществѣ, гдѣ до нашихъ временъ, до нынѣшняго года, существовало крѣпостное право? Вѣдь только идеалистическое воззрѣніе, говорящее, что высокая степень духовнаго развитія даетъ *право* одному человѣку брать опеку надъ другимъ, только такое воззрѣніе, говорю я, можетъ оправдывать порабощеніе личности. Да и кромѣ того пора взять въ толкъ, что неудовлетвореніе какой-бы то ни было матеріальной потребности кладетъ непреодолимое препятствіе дальнѣйшему развитію, физическому, духовному, нравственному, интеллектуальному—какому угодно, назовите, какъ хотите. Когда человѣкъ голоденъ—прежде всего накормите его; когда у человѣка спина болитъ отъ побоевъ—позаботьтесь прежде всего о томъ, чтобы вылечить его и обезпечить его отъ подобныхъ пассажей на будущее время; когда человѣкъ изнуренъ непосильной работой—дайте ему отдохнуть. Прежде всего надо устранить физическое страданіе личности, а потомъ учить ее и развивать или, даже лучше всего, предоставить это дѣло на благоусмотрѣніе каждаго отдѣльнаго лица, давая средства желающимъ и снимая путы со связанныхъ. Аргументъ, приводимый критикомъ: «общества чисто матеріальныя создаютъ движимый кредитъ» и т. д.—звонкая фраза. Вообразите себѣ, что даровитый молодой человѣкъ втеченіи 20-ти лѣтъ жизни испытываетъ разныя неудачи, утраты и разочарованія; въ 40 лѣтъ онъ—старикъ по взгляду на жизнь; онъ—полнѣйшій матеріалистъ, скептикъ въ отношеніи къ людямъ, эгоистъ въ общепринятомъ, узкомъ смыслѣ этого слова, человѣкъ сухой, холодный, брюзгливый и тяжелый. Правильно-ли вы поступите, если свалите насчетъ его матеріалистическихъ убѣжденій причину всѣхъ его недостатковъ? Эти недостатки пришли къ нему

вмѣстѣ съ матеріалистическими убѣжденіями, но не вслѣдствіе этихъ убѣжденій; этого человѣка окислила жизнь; эта-же жизнь дала ему трезвость взгляда, въ которой надо видѣть искупляющую сторону, возмездіе за понесенныя страданія и испытанныя нравственныя поврежденія. Путей, ведущихъ къ матеріалистическимъ убѣжденіямъ, очень много; одни легче, другіе тяжеле, одинъ дойдетъ до нихъ простымъ, теоретическимъ размышленіемъ, не состарѣвшись душой или, точнѣе, чувствами, другой доберется до нихъ жизнью и купитъ ихъ дорогой цѣной молодости и свѣжести; винить въ этомъ онъ все-таки долженъ не воспринятыя убѣжденія, а обстоятельства своей собственной жизни.

Что̀ примѣняется къ отдѣльному человѣку, то можно примѣнить и къ обществу. Современное французское общество испорчено политическими событіями послѣдняго пятидесятилѣтія; лучшіе французскіе писатели сознаются въ томъ, что рядъ неудачныхъ революцій породилъ поколѣніе людей, смотрящихъ на государственные перевороты какъ на азартную игру и ставящихъ на карту послѣднюю копѣйку, въ надеждѣ пробить себѣ дорогу къ почестямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ мелкаго самолюбія. Играя такимъ образомъ великими словами и интересами, эти господа дошли до политическаго скептицизма, до меркантильности, и вмѣстѣ съ тѣмъ добрались, путемъ чистаго опыта, до матеріалистическихъ убѣжденій. Матеріалистъ можетъ быть брюнетомъ и блондиномъ, честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, страстнымъ и холоднымъ,—неужели-же всѣ эти свойства выработались изъ его умственныхъ убѣжденій? Повторяю, аргументъ Бестужева-Рюмина — просто звонкая фраза. Вся критическая статья его несовременна ни по своему направленію, ни по своей фактической сторонѣ. Изложеніе ея неясно, доказательства неубѣдительны и разбросаны. Полемическая тенденція бросается въ глаза читателю и не гармонируетъ съ тономъ серьезнаго безпристрастія, который авторъ напрасно усиливается принять и выдержать до конца.

XVI.

Если вы, гг. читатели, желаете посмотрѣть, какъ Дудышкинъ умѣетъ быть игривымъ и остроумнымъ, то приглашаю васъ пробѣжать «Обзоръ русской литературы» въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» отъ стр. 140—146. Тутъ Чернышевскій сравненъ съ траппистомъ, съ аскетомъ; причемъ Дудышкинъ сознается, что самъ не знаетъ, почему это ему такъ кажется; тутъ приведены два куплета изъ лермонтовскаго «Пророка»; тутъ Дудышкинъ удивляется Чернышевскому, «какъ рѣдкости, какъ антику»; всего не перечтешь. Чтобы передать весь комизмъ этой чисто полемической части, нужно было-бы переписать цѣлыя шесть страницъ, но я полагаю, что игра не стоитъ свѣчъ, и спѣшу перейти къ тѣмъ отдѣламъ статьи, въ которыхъ Дудышкинъ излагаетъ мысли, а не играетъ словами. Натѣшившись ѣдкими выходками противъ Чернышевскаго, Дудышкинъ начинаетъ съ того, что отстаиваетъ свой журналъ противъ упрека въ отсутствіи направленія и единства; этотъ упрекъ Дудышкинъ обращаетъ въ похвалу. «А вы нашли дурнымъ,—говоритъ онъ,—что въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣсколько частныхъ редакторовъ, завѣдывающихъ отдѣлами! Бѣда не въ томъ, что нѣсколько редакторовъ, а въ томъ, что ихъ не больше. Чѣмъ больше въ журналѣ спеціалистовъ, тѣмъ онъ меньше живетъ общими мѣстами, непригодными для жизни; тогда только возможны не теоретическія, вычитанныя изъ иностранныхъ книжекъ, сужденія о предметахъ русскаго міра, а болѣе практическія, примѣнимыя къ дѣлу».

Дудышкинъ прикидывается, будто вовсе не понимаетъ того, о чемъ говоритъ Чернышевскій. Я говорю: «прикидывается», потому что рѣшительно не могу себѣ представить, чтобы журналистъ, занимающійся своимъ дѣломъ больше десяти лѣтъ, не зналъ азбучныхъ правилъ этого дѣла. Ему говорятъ о томъ, что редакторы и сотрудники его ходятъ какъ въ потьмахъ, сталкиваются мнѣніями, противорѣчатъ другъ другу и этимъ затемняютъ всѣ представляющіеся вопросы, а онъ отвѣчаетъ на это: «Нѣтъ, вы не говорите, что насъ слишкомъ много. Кабы больше было, было-бы лучше». Да Богъ съ вами, господа! Будь васъ хоть сто человѣкъ — публикѣ это все равно, лишь-бы вы говорили толкомъ, такъ, чтобы можно было понять, чего вы хотите, съ чѣмъ спорите, съ чѣмъ соглашаетесь. Спеціалисты по разнымъ отдѣламъ могутъ, сколько мнѣ кажется, сходиться въ области общечеловѣческихъ убѣжденій точно такъ-же, какъ въ этой-же области могутъ сходиться между собою люди различныхъ темпераментовъ. Если-же принимать слова Дудышкина за чистую монету, то надо предположить, что онъ не подозрѣваетъ существованія этой области общечеловѣческихъ убѣжденій и что онъ кромѣ того не имѣетъ никакого понятія о томъ, что идея, которую проводитъ журналъ, составляетъ его единственное право на существованіе, его разумное оправданіе и объясненіе передъ лицомъ читающей публики. Изъ продолженія статьи оказывается впрочемъ, что этотъ отвѣтъ Чернышевскому былъ сдѣланъ только для того, чтобы представить его нападеніе смѣшнымъ. Эти тенденціи я замѣтилъ уже у Альбертини и Бестужева-Рюмина. Онѣ существуютъ и у Дудышкина и выражаются чаще и страстнѣе. Продолженіе его

статьи говоритъ намъ, какъ онъ понимаетъ направленіе «Отечественныхъ Записокъ». Эта исповѣдь «Отечественныхъ Записокъ» въ лицѣ ихъ второго редактора въ высшей степени замѣчательна. Дудышкинъ доказываетъ, что «Отечественныя Записки» постоянно поддерживали слѣдующія воззрѣнія:

1) Въ области экономическихъ наукъ—онѣ, пользуясь сотрудничествомъ Бунге, Бабста и другихъ людей, раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, хваля Кери, Милля, Бастіа, были постоянно на сторонѣ практичности и постоянно боролись съ утопистами и съ экономическими статьями Чернышевскаго.

2) Въ области политической—онѣ *во всѣхъ отдѣлахъ* хвалили Кавура, Маколея, Токвиля, Гизо, какъ людей теоріи, близкой къ дѣлу, какъ людей, высоко цѣнившихъ и высоко поставившихъ законъ исторической постепенности.

3) Литературу и поэзію онѣ считали тѣсно связанной съ народной жизнью и ея лучшими духовными проявленіями, высшимъ проявленіемъ всего великаго и прекраснаго въ человѣкѣ.

Итакъ, практичность въ дѣлахъ житейскихъ и уваженіе къ чистому искусству—вотъ девизъ «Отечественныхъ Записокъ». Такое благообразное слово, какъ *практичность*, способно подкупить въ свою пользу многихъ читателей, но, какъ это часто бываетъ, названіе и предметъ оказываются двумя различными вещами. Всегда-ли практичность есть хорошее качество? Практичностью называется способность примѣняться къ существующему порядку вещей, мириться съ нимъ, извлекать изъ него пользу. Если существующій порядокъ хорошъ, т. е. удобенъ для всѣхъ, тогда практичность—великое достоинство. Если-же онъ дуренъ, тогда практичность достается на долю людей дюжинныхъ, робкихъ, ограниченныхъ, дряблыхъ или плутоватыхъ; эти люди или молча покоряются «обстоятельствамъ», «судьбѣ», или ловятъ рыбу въ мутной водѣ. Люди замѣчательные въ такія эпохи бываютъ или восторженными мечтателями, или суровыми отрицателями, или презрительными скептиками. Утопія, ювеналовская сатира и демоническій смѣхъ слышатся съ высотъ умственнаго міра; между тѣмъ золотая посредственность, люди, мелко плавающіе, съ удивленіемъ и съ непріязненнымъ чувствомъ прислушиваются къ этимъ рѣзкимъ звукамъ. «Что за странный народъ эти мыслители и поэты!—говорятъ они.—Чего имъ хочется! Намъ хорошо, покойно. Жили-бы они себѣ, какъ мы живемъ». Воля ваша, эти люди практичнѣе тѣхъ чудаковъ, которые попусту надсаживаются, толкуя о возможности лучшаго, ругая безобразіе существующихъ понятій и отношеній, или смѣясь надъ тѣми системками и идейками, которыми тѣшатся современники. Быть практичнымъ—значитъ соглашаться съ мнѣніемъ большинства или силы. Чиновникъ, берущій взятки тамъ, гдѣ всѣ берутъ, практиченъ; практиченъ тотъ, кто не умнѣе и не глупѣе большинства; все, что̀ стоитъ выше уровня массы, непрактично; оттого-то всѣхъ великихъ людей цѣнятъ обыкновенно послѣ ихъ смерти; оттого-то геніальная личность при жизни встрѣчаетъ столько страданій, столько насмѣшекъ, столько грубаго непониманія. «Вы находите,—говоритъ Дудышкинъ Чернышевскому,—политическія убѣжденія такихъ людей, какъ Кавуръ, мизерными—мы ихъ находимъ практичными». Этими словами, г. Дудышкинъ, вы охарактеризовали превосходно себя, свой журналъ, своихъ сотрудниковъ, все свое направленіе. Вы хвалите то, что вамъ по плечу,—а по плечу вамъ то, что кажется мизернымъ утопистамъ, т. е. людямъ, смотрящимъ дальше, чувствующимъ глубже и говорящимъ смѣлѣе. Еслибы вы жили во времена Галилея, вы были-бы въ числѣ его судей; въ наше время вы ограничитесь тѣмъ, что назовете Сенъ-Симона сумасшедшимъ, а Оуэна—старымъ идіотомъ. Такъ, что-ли? — А вѣдь я вамъ укажу на противорѣчіе, г. Дудышкинъ. Если ваше уваженіе къ чистому искусству—не фраза, если вы дѣйствительно способны чувствовать прекрасное, то вы, какъ художникъ, должны восхищаться утопіями, величественными построеніями человѣческаго ума, сбросившаго всякія оковы и идущаго впередъ съ неудержимой силой, съ неотразимой послѣдовательностью. Какъ художникъ, вы, при оцѣнкѣ ихъ, должны быть способны стать выше мизернаго взгляда сухой практичности; если-же вы хоть на минуту посмотрите на нихъ, какъ на созданія сильнаго ума, а не какъ на бредъ сумасшедшаго, если вы только дадите себѣ трудъ взглянуть на нихъ серьезно, то вы, какъ критикъ, должны будете сознаться, что во всѣхъ его утопіяхъ есть одна хорошая сторона: отрицаніе существующихъ нелѣпостей и желаніе стать выше ихъ. Вы цитируете, какъ практическихъ мыслителей, Бокля и Милля. Да вѣдь Бокль и Милль—англичане. Поймите это, г. Дудышкинъ.

Говоря объ отношеніяхъ «Отечественныхъ Записокъ» къ эстетическимъ интересамъ, Дудышкинъ самодовольно противупоставляетъ свободное искусство искусству, порабощенному интересомъ общественнаго и экономическаго быта. Я раздѣляю съ Дудышкинымъ его отвращеніе къ дидактизму, къ поучительнымъ повѣстямъ и къ комедіямъ съ добродѣтельной цѣлью. Но позволю себѣ замѣтить, что бываютъ такія дѣловыя эпохи, когда всѣ мыслящіе и чувствующіе люди, а слѣдовательно и художники, поневолѣ заняты насущными нуждами общества, нетерпящими отлагательства и грозь-

но, настоятельно требующими удовлетворенія. Въ такія эпохи вся сумма умственныхъ силъ страны бросается въ омутъ дѣйствительной жизни. Тогда историкъ поневолѣ дѣлается страстнымъ адвокатомъ или безпощаднымъ судьей прошедшаго; поневолѣ поэтъ дѣлается въ своихъ произведеніяхъ поборникомъ той идеи, за которую онъ стоитъ въ своей практической дѣятельности. Безпристрастіе, эпическое спокойствіе въ подобныя эпохи доступны только людямъ холоднымъ или мало развитымъ,—людямъ, которые или не понимаютъ, или не хотятъ понять, въ чемъ дѣло, о чемъ хлопочутъ, отчего страдаютъ, къ чему стремятся ихъ современники. Читая Фета или Полонскаго, я буду отдавать справедливость благоухающей граціи ихъ картинъ и мотивовъ, но рѣшительно откажу и тому, и другому въ обширности горизонта, въ глубинѣ кипучаго чувства, въ смѣлости и зоркости взгляда. Замѣчательный поэтъ откликнется на интересы вѣка не по долгу гражданина, а по невольному влеченію, по естественной отзывчивости. Стоитъ стать на эту точку зрѣнія, чтобы увидать, что всѣ споры о назначеніи искусства — просто переливаніе изъ пустого въ порожнее. На повѣрку-то и выйдетъ, что девизъ «Отечественныхъ Записокъ»: «практичность и служеніе чистому искусству» — сводится на возгласъ: «Vivat aurea mediocritas!» (да здравствуетъ, золотая посредственность!), потому что только золотая посредственность способна наслаждаться идеями, невыходящими изъ уровня мѣщанской практичности, только она способна въ дѣлѣ искусства руководствоваться предвзятой теоріей, а не живымъ непосредственнымъ чувствомъ; исповѣдь «Отечественныхъ Записокъ» подтверждаетъ то, что́ я сказалъ въ ихъ общей характеристикѣ. Ненависть къ свистунамъ, отстаиваніе серьезной науки, т. е. неумѣніе возвыситься отъ факта до идеи, безцвѣтность литературной критики, отсутствіе ясныхъ житейскихъ убѣжденій при вывѣскѣ практичности, все объясняется однимъ словомъ: «золотая посредственность» или, что́ то-же, безплодное трудолюбіе и безцѣльная кропотливость.

XVII.

Не довольно-ли, читатель? Не пора-ли кончить?—Скажу еще нѣсколько словъ. Въ дѣлѣ Юркевича «Отечественныя Записки» конечно стоятъ на его сторонѣ, во-первыхъ потому, что онъ противъ Чернышевскаго; во вторыхъ потому, что онъ за рутину, въ-третьихъ потому, что его доводы чрезвычайно туманны, какъ вообще доводы идеалистовъ, старающихся поддержать свои построенія путемъ діалектики. Спорить съ Юркевичемъ уже потому было-бы смѣшно, что за этимъ споромъ не стала-бы слѣдить публика. Если ужъ кому-нибудь придетъ желаніе поспорить съ нимъ, то гораздо лучше сдѣлать это путемъ частнаго письма, вмѣсто того, чтобы заваливать журналъ неудобоваримыми статьями. «Отечественныя Записки» гостепріимно предлагаютъ Чернышевскому свой журналъ для веденія полемики съ Юркевичемъ. Въ этомъ предложеніи онѣ остаются строго вѣрны себѣ. Онѣ любятъ тѣ статьи, которыя ошеломляютъ публику сухостью предмета, туманностью изложенія и баснословнымъ количествомъ мудреныхъ терминовъ. Признавая себя круглымъ невѣждой въ дѣлѣ философіи, Дудышкинъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ общую черту людей темныхъ — охоту послушать то, чего не понимаешь. Но что касается до Чернышевскаго, то мы надѣемся, что для увеселенія Дудышкина онъ не приметъ радушнаго приглашенія «Отечественныхъ Записокъ» и не возобновитъ съ ними тѣхъ сношеній, которыя, какъ язвительно замѣчаетъ Дудышкинъ, были прерваны по поводу его знаменитой диссертаціи.

Въ заключеніе моей статьи мнѣ остается только довести до свѣдѣнія публики неблагообразный поступокъ Дудышкина, касающійся уже лично меня. Въ іюльской книжкѣ «Русскаго Слова» я помѣстилъ статью объ одной книгѣ Молешота; статья эта, какъ и слѣдовало ожидать, не понравилась Дудышкину, какъ почитателю Юркевича. Желая побить Чернышевскаго его-же оружіемъ, Дудышкинъ воспользовался моей статьей, чтобы показать, до какихъ нелѣпыхъ заключеній доводитъ гибельное лжемудріе. «Школа, къ которой принадлежитъ Чернышевскій, — пишетъ ученый критикъ,—говоритъ намъ: ни нравственныхъ, ни общественныхъ причинъ въ развитіи общества не существуетъ, существуютъ однѣ матеріальныя причины». Затѣмъ слѣдуетъ выписка изъ моей статьи, выписка изумительно нелѣпая по своему содержанію: вотъ она: «Бѣдная Ирландія никогда не выйдетъ изъ того несчастнаго положенія, въ которомъ находится, пока будетъ ѣсть картофель и не замѣнитъ его чечевицей или бобами; реформація, сильно развившаяся на сѣверѣ Германіи, обязана своими успѣхами введенію въ употребленіе чаю; англійская революція обязана своимъ страстнымъ характеромъ кофею; повсемѣстное развитіе идей въ началѣ XVII столѣтія происходитъ отъ введенія въ общее употребленіе чаю и кофе». Прочитавъ эту выписку, я ужаснулся. Неужели я могъ написать такую чепуху? Неужели я нашелъ въ англійской революціи страстный характеръ и вывелъ его изъ кофе? Неужели я объяснилъ реформацію чаемъ? Во мнѣ шевельнулось сомнѣніе, я внимательно просмотрѣлъ всю мою статью, и совершенно успокоился. Того мѣста, которое выписалъ Дудышкинъ, въ ней *положительно нѣтъ*. Говорится въ ней и объ Ирландіи, и объ сѣверѣ.

Германіи, объ чаѣ и кофе, но только въ разныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не такъ, какъ выписываетъ Дудышкинъ. Вотъ напримѣръ объ Ирландіи:

«Можетъ-ли,—восклицаетъ Молешотъ,—лѣнивая картофельная кровь придавать мускуламъ силу для работы и сообщить мозгу животворный толчокъ надежды? Бѣдная Ирландія! Твоя бѣдность родитъ бѣдность! Ты не можешь остаться побѣдительницей въ борьбѣ съ гордымъ сосѣдомъ, которому обильныя стада сообщаютъ могущество и бодрость».

А вотъ что сказано о реформаціи и о чаѣ: «Генрихъ Кенигъ говоритъ, что кофе принадлежитъ католикамъ, а чай — протестантамъ. Дѣйствительно, тщательныя наблюденія показали, что кофе развиваетъ силу воображенія, а чай изощряетъ критическую способность ума; въ сѣверной Германіи преобладаетъ чай, въ южной—кофе. Движеніе идей, начавшееся въ XVIII столѣтіи, совпадаетъ съ введеніемъ въ Европу чая и кофе во всеобщее употребленіе». Эти слова составляютъ почти буквальный переводъ изъ Молешота. О страстномъ характерѣ англійской революціи, о распространеніи реформаціи посредствомъ чая—ни слова. Нелѣпости, сочиненныя Дудышкинымъ, по всѣмъ правамъ принадлежатъ ему самому. Не знаю, какъ оправдаетъ или объяснитъ свой поступокъ Дудышкинъ; я считаю этотъ поступокъ безчестнымъ и печатно называю его *литературнымъ подлогомъ*.

СТОЯЧАЯ ВОДА.

(Сочиненія *А. Ѳ. Писемскаго.* Томъ I. 1861.)

I.

Говоря о сочиненіяхъ Писемскаго, я не буду рѣшать вопроса о степени таланта автора и о художественномъ достоинствѣ его произведеній; эти вопросы давно разсмотрѣны и рѣшены. Стоитъ раскрыть любую повѣсть или драму, любой романъ Писемскаго, чтобы силою непосредственнаго чувства убѣдиться въ томъ, что выведенныя въ нихъ личности—живые люди, выражающіе собою въ полной силѣ особенности той почвы, на которой они родились и выросли. Толковать на нѣсколькихъ страницахъ читателю то, что̀ совершенно очевидно, значитъ понапрасну тратить время и трудъ; на этомъ основаніи я постараюсь въ моей статьѣ заняться дѣломъ болѣе интереснымъ и, какъ мнѣ кажется, болѣе полезнымъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о Писемскомъ, я буду говорить о тѣхъ сторонахъ жизни, которыя представляютъ намъ нѣкоторыя изъ его произведеній.—Чтобы не растеряться во множествѣ разнообразныхъ явленій, я ограничусь одной повѣстью Писемскаго. Эта повѣсть—«Тюфякъ»—очень проста по завязкѣ и при этой простотѣ такъ глубоко и сильно схватываетъ матеріалы изъ живой дѣйствительности, что всѣ сѣрыя и грязныя стороны нашей жизни и нашего общества представляются разомъ воображенію читателя. Эти стороны жизни стоитъ разсматривать и изучать. Надъ ними задумываются и будутъ постоянно задумываться люди съ пытливымъ умомъ и съ теплымъ сердцемъ; ихъ не выкинешь изъ жизни и не заставишь самого себя забыть о ихъ существованіи. Гнетъ, несправедливость, незаконныя посягательства однихъ, безполезныя страданія другихъ, апатическое равнодушіе третьихъ, гоненія, воздвигаемыя обществомъ противъ самобытности отдѣльныхъ личностей,—все это факты, которыхъ вы не опровергнете фразой и къ которымъ вы не останетесь равнодушны, несмотря ни на какое олимпійское спокойствіе. Эти факты заставили страдать нашихъ отцовъ и дѣдовъ; эти-же факты тяготѣютъ надъ нами и вѣроятно будутъ еще отравлять жизнь нашего потомства; всѣ мы терпимъ одну участь, но между тѣмъ наши отношенія къ тому, что̀ заставляетъ насъ страдать, существенно измѣняются; каждое новое поколѣніе относится къ своимъ бѣдствіямъ и страданіямъ проще, смѣлѣе и практичнѣе, чѣмъ относилось предыдущее поколѣніе. Вѣроятно ни одинъ образованный человѣкъ не будетъ теперь жаловаться на свою судьбу и не увидитъ наказанія свыше въ постигшей его неудачѣ; вѣроятно ни одна порядочная дѣвушка не считаетъ своей обязанностью въ выборѣ мужа руководствоваться вкусомъ дражайшихъ родителей: наша личная свобода конечно стѣсняется общественнымъ мнѣніемъ или, вѣрнѣе, свѣтскимъ qu'en dira-t-on, но по крайней мѣрѣ мы уже потеряли вѣру въ непреложность этихъ свѣтскихъ законовъ и руководствуемся ими большей частью по силѣ привычки, потому что

не достаетъ силъ и энергіи возстать въ жизни противъ того, что̀ наша мысль признала стѣснительнымъ и нелѣпымъ. Всѣ мы—большіе прогрессисты въ области мысли; на словахъ мы доводимъ до геркулесовыхъ столбовъ уваженіе наше къ личности человѣка; въ жизни намъ представляется конечно другая картина; наши Ульберфорсы и Говарды часто являются поборниками произвольныхъ законовъ этикета, книжниками и фарисеями, или просто мандаринами и столоначальниками. Но этимъ иногда забавнымъ, а часто и очень печальнымъ противорѣчіемъ между прогрессивнымъ сужденіемъ и рутиннымъ поступкомъ смущаться не слѣдуетъ, и то хорошо, что думать начинаютъ по человѣчески; вы не забудьте, что эти человѣческія мысли подхватываетъ на лету молодежь; эта молодежь не умѣетъ двоить свое существо, не умѣетъ хитрить сама съ собою и принимаетъ за чистую монету тѣ слова, которыя вы произносите въ минуту увлеченія и отъ которыхъ можетъ-быть завтра отречетесь вашими поступками. За поколѣніемъ людей, много говорящихъ, выдвигается незамѣтно поколѣніе людей, дѣлающихъ дѣло. Pia desideria мало по малу перестаютъ быть неуловимыми мечтами. Всякому поступку предшествуетъ размышленіе; отдѣльный человѣкъ размышляетъ впродолженіи нѣсколькихъ минутъ или часовъ; общество находится въ раздумьи цѣлыми десятилѣтіями, и это время наружнаго бездѣйствія было-бы несправедливо считать потеряннымъ. Умственная зрѣлость нашихъ отцовъ идетъ намъ на пользу, и хотя мы перерѣшаемъ по-своему большую часть рѣшенныхъ ими вопросовъ, но перерѣшаемъ-то мы ихъ именно потому, что ихъ рѣшенія оказались неудовлетворительными, избавляя насъ такимъ образомъ отъ дорого стоющихъ заблужденій.

II.

Много-ли мы подвинулись впередъ съ того времени, какъ написанъ «Тюфякъ»? Съ тѣхъ поръ прошло одиннадцать лѣтъ и много воды утекло. Открылись поѣзды по Московской желѣзной дорогѣ, открылось пароходство по Волгѣ, возникло множество акціонерныхъ компаній, появилось въ свѣтъ и упало множество журналовъ и газетъ, взятъ Севастополь, заключенъ парижскій миръ, поднятъ крестьянскій вопросъ, родились воскресныя школы, появились въ университетѣ женщины, а между тѣмъ, читая повѣсть Писемскаго, поневолѣ скажешь: знакомыя все лица, да и до такой степени знакомыя, что всѣхъ ихъ можно встрѣтить въ любой губернской залѣ дворянскаго собранія, гдѣ такъ безцвѣтно, безжизненно и вяло. Въ этихъ углахъ уходитъ много свѣжихъ силъ на безсмысленныя попытки подладиться подъ тонъ окружающей среды; многіе люди, слабые отъ природы, дѣлаются совершенной дрянью оттого, что не умѣютъ быть самими собою и ни въ чемъ не могутъ отдѣлиться отъ общаго хора, поющаго съ чужого голоса. Этотъ хоръ слѣдуетъ модѣ въ образѣ мыслей, въ политическихъ убѣжденіяхъ, въ семейной жизни, начиная отъ устройства столовой и кончая воспитаніемъ дѣтей. Такимъ образомъ плывутъ по теченію два разряда людей. Одни пронюхиваютъ, откуда дуетъ вѣтеръ, и, соображаясь съ своими личными выгодами, разставляютъ свои паруса и мѣняютъ убѣжденія. Другіе совершенно безкорыстно, какъ зеркало, отражаютъ въ себѣ то, что̀ проходитъ мимо нихъ, только потому, что въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего своего. Ихъ дѣло сочувствовать, восторгаться или негодовать, апплодировать или шикать, либеральничать или подличать, смотря по тому, что̀ дѣлается кругомъ. Кто-нибудь крикнетъ въ толпѣ, десять голосовъ подхватятъ, еще не зная хорошенько, къ чему клонится дѣло; возгласъ, поддержанный десятью безкорыстными клакерами, превращается уже въ крикъ и получаетъ уже авторитетъ и обязательную силу. Chaque sot trouve un plus sot qui l'admire; комокъ снѣга, сорвавшійся съ верхушки горы, катится внизъ и растетъ отъ прилипающихъ къ нему снѣжинокъ; онъ превращается въ безобразную лавину и давитъ своимъ нелѣпымъ паденіемъ все, что̀ попадается на пути: дома, деревья, скотъ, люди, все поглощается и гибнетъ. Спросите у лавины: къ чему она это сдѣлала? Вы не получите отъ нея отвѣта, и точно также не узнаете отъ толпы побудительной причины ея словъ и поступковъ, отъ которыхъ можетъ-быть страдаетъ ваше доброе имя и душевное спокойствіе. Да, можно сказать рѣшительно, что лучше ошибаться по собственному убѣжденію, нежели повторять истину только потому, что ее твердитъ большинство. Кто ошибается, тотъ можетъ сознать свою ошибку, того можно убѣдить, въ томъ можно встрѣтить сопротивленіе или дѣйствительное сочувствіе. Но что-же вы сдѣлаете съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ личности, на котораго нельзя ни надѣяться, ни разсердиться, потому что причина его дѣйствій, словъ и движеній лежитъ въ окружающемъ мірѣ, а не въ немъ самомъ? Что вы сдѣлаете съ этими вѣчными дѣтьми, для которыхъ послѣднее произнесенное слово служитъ закономъ и для которыхъ противъ безсознательнаго крика большинства нѣтъ аппеляціи?—Безличность, безгласность, умственная лѣнь и вслѣдствіе этого умственное безсиліе, вотъ болѣзни, которыми страдаетъ наше общество, наша критика; вотъ что часто мѣшаетъ развитію молодого ума, вотъ что заставляетъ людей сильныхъ, ставшихъ выше этого мѣщанскаго уров-

ня, страдать и задыхаться въ тяжелой атмосферѣ рутинныхъ понятій, готовыхъ фразъ и безсознательныхъ поступковъ.

III.

Семейная драма, составляющая сущность повѣсти Писемскаго «Тюфякъ», разыгрывается именно въ той душной атмосферѣ, въ которой старые и молодые, мужчины и женщины съ утра до вечера играютъ въ гости, сплетничаютъ другъ на друга и занимаются картами, какъ существеннымъ важнымъ дѣломъ. Три молодыя личности, не обиженныя природой, измучиваются, вянутъ и погибаютъ въ этой атмосферѣ. Въ этихъ личностяхъ нѣтъ ничего особеннаго ни въ дурную, ни въ хорошую сторону; онѣ—не геніи и не уроды; одаренныя достаточной долей ума и практическаго смысла, онѣ могли-бы прожить себѣ въ свое удовольствіе, вырастить съ полдюжины дѣтей и умереть спокойно, оставивъ по себѣ пріятное воспоминаніе въ сердцахъ признательнаго потомства, т. е. своихъ дѣтей и внучатъ. Выходитъ совсѣмъ не то, чего слѣдовало ожидать. Одинъ изъ трехъ—Павелъ Бешметевъ—спивается съ кругу и умираетъ въ молодыхъ лѣтахъ. Другая—жена Бешметева—проводитъ молодость въ грубыхъ семейныхъ сценахъ и остается вдовою тогда, когда уже не знаетъ, что́ дѣлать съ своей свободой; третья—сестра Бешметева—посвящаетъ жизнь свою служенію обязанности, живетъ для своихъ дѣтей, терпитъ дурака-мужа, полу-Ноздрева, полу-Манилова, и медленно хилѣетъ, потому что съ одной обязанностью не проживешь жизни.

И это жизнь!... Стоитъ-ли заботиться о своемъ пропитаніи, поддерживать свое здоровье, беречься простуды только для того, чтобы видѣть, какъ день смѣняется ночью, какъ чередуются времена года, какъ подростаютъ одни люди и старѣются другіе? Если жизнь не даетъ ни живого наслажденія, ни занимательнаго труда, то зачѣмъ-же жить? зачѣмъ пользоваться самосознаніемъ, когда самъ не находишь для него цѣли и наслажденія? Странно! Этотъ вопросъ представляется самъ собою, какъ только взглянешь на себя, какъ только отдашь себѣ отчетъ въ своемъ прошедшемъ, въ настоящемъ и предполагаемомъ будущемъ; между тѣмъ изъ десяти знакомыхъ вамъ личностей врядъ-ли одна будетъ въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ удовлетворительно, врядъ-ли одна съумѣетъ представить причины и оправданія своего бытія; сказать проще, рѣдкій человѣкъ окажется довольнымъ своей судьбой, и между тѣмъ изъ этихъ недовольныхъ рѣдкій старается выйдти изъ своего положенія и устроить свою жизнь такъ, какъ-бы ему самому хотѣлось. Мы опутаны разными связями и отношеніями, мы стѣснены разными соображеніями, неимѣющими ничего общаго съ нашей свободной волей, но стѣснены не фактически, а нравственно; надъ нами въ большей части случаевъ тяготѣетъ не матеріальная сила, a scrupule de conscience, и мы такъ робки и слабы, что не можемъ сбросить съ себя даже этого ничтожнаго ограниченія. Безличность, безгласность, инерція,—куда ни поглядишь,—такъ и лѣзутъ въ глаза; эти свойства въ большей части случаевъ составляютъ основу нормальнаго положенія, начиная отъ чисто комическаго и кончая страшно трагическимъ. Возьмите съ одной стороны «Женитьбу» Гоголя, гдѣ безличность воплощена въ надворномъ совѣтникѣ Подколесинѣ, съ другой стороны «Тюфякъ» Писемскаго, гдѣ вы видите вынужденную безгласность со стороны Юліи Кураевой, которую отецъ насильно выдаетъ замужъ за Бешметева. Въ первомъ случаѣ вы отъ души смѣетесь, и если дадите себѣ трудъ вглядѣться въ личность Подколесина, то просто назовете его колпакомъ, какъ не разъ величаетъ его услужливый пріятель Кочкаревъ. Во второмъ случаѣ вамъ будетъ не до смѣху; искреннее негодованіе и глубокое сочувствіе къ оскорбляемой личности заговоритъ въ вашей душѣ тогда, когда вы прочтете, напр. такого рода сцену:

«Юлія, проплакавъ цѣлый день послѣ помолвки, къ вечеру слегла въ постель, съ сильной головной болью. Отецъ ея, проѣздивъ цѣлый день съ Бешметевымъ за разными покупками, приводитъ его въ спальню своей дочери, показывая видъ, что доставляетъ ей этимъ величайшее удовольствіе. Но этимъ еще не кончилось дѣло.

— А что, голова болитъ? спрашиваетъ онъ у дочери.

— Болитъ, папа.

— Хочешь, я тебѣ лекарство скажу?

— Скажите.

— Поцѣлуй жениха. Сейчасъ пройдетъ. Не такъ-ли, Павелъ Васильевичъ?

— Что это, папа? сказала Юлія.

Павелъ покраснѣлъ.

— Непремѣнно пройдетъ. Ну-те-ка, Павелъ Васильевичъ, лечите невѣсту смѣлѣй.

Онъ взялъ Павла за руку и поднялъ со стула.

— Поцѣлуй, Юлія: съ женихомъ-то и надобно цѣловаться.

Павелъ дрожалъ всѣмъ тѣмъ, да, кажется, и Юліи не слишкомъ было легко исполнить приказаніе папеньки. Она нехотя приподняла голову, поцѣловала жениха, а потомъ сейчасъ же опустилась на подушку и, кажется, потихоньку отерла губы платкомъ, но Павелъ ничего этого не видалъ».

Хороши всѣ актеры этой грязной сцены! Хорошъ отецъ, торгующій поцѣлуями своей дочери и распоряжающійся ея тѣломъ, какъ своей собственностью; хорошъ тюфякъ-женихъ, цѣлующій свою невѣсту по мановенію папеньки; да, коли говорить правду, хороша и та дѣвушка, которая не смѣетъ выйти изъ подъ родительской власти, несмотря на то, что эта

власть наталкиваетъ ее на такія гадости, отъ которыхъ возмущается ея физическая и нравственная природа. Невольное презрѣніе къ рабской безгласности продаваемой дѣвушки смѣнится въ вашей душѣ состраданіемъ и сочувствіемъ къ оскорбляемой личности только потому, что вы видите весь механизмъ домашняго гнета, тяготѣющаго надъ несчастной жертвой, вы слышите строгое приказаніе въ словахъ Владиміра Андреича: «поцѣлуй, Юлія», вы понимаете, что послѣ ухода жениха можетъ начаться такая семейная сцена, которой грязныя подробности не будутъ даже прикрыты флеромъ внѣшняго приличія; Владиміръ Андреичъ начнетъ дѣлать внушенія, потомъ браниться и кричать, потомъ никто не поручится намъ за то, что онъ не прибьетъ или не высѣчетъ непочтительную дочь. Все это будетъ происходить въ тѣсномъ семейномъ кругу, безъ постороннихъ свидѣтелей; все это будетъ тщательно скрыто отъ ближайшихъ сосѣдей, насколько можно скрыть семейную тайну въ губернскомъ городѣ, гдѣ всѣ слуги знакомы между собою, и гдѣ всѣ господа имѣютъ обыкновеніе выспрашивать у своихъ лакеевъ подробности скандальной хроники; все это, повторяю, совершится безъ оффиціальной огласки, но побои останутся побоями и не сдѣлаются пріятнѣе и сноснѣе отъ того, что ихъ не станутъ считать посторонніе зрители. Юлія систематически развращена холопскимъ воспитаніемъ: она забита пріемами военной дисциплины, примѣненными къ патріархальному быту русскаго семейства; она боится папеньки даже послѣ своего замужества; она въ отношеніи къ нему на всю жизнь остается дѣвчонкой, и потому отъ нея нельзя многаго требовать. Чтобы бороться съ семейнымъ деспотизмомъ, не разборчивымъ въ средствахъ, надо обладать значительной силой характера. Сила характера развивается на свободѣ и глохнетъ подъ внѣшнимъ гнетомъ. Юлія не виновата въ томъ, что она сдѣлалась дрянью подъ ферулою своего нѣжнаго родителя, но въ ту минуту, когда мы ее видимъ, она является уже вполнѣ дрянью,— женщиной, отъ которой невозможно ожидать ни благороднаго порыва чувства, ни живого проблеска мысли. Это—губернская барышня въ полномъ смыслѣ этого слова. Умъ ея не занятъ никакими серьезными интересами и скользитъ на поверхности окружающихъ явленій, не вглядываясь въ нихъ и не отдавая себѣ отчета въ собственныхъ своихъ впечатлѣніяхъ. Она наряжается, выѣзжаетъ, выслушиваетъ любезности, поддерживаетъ салонные разговоры, шепчется съ своими подругами, читаетъ попадающіеся подъ руку романы, ѣздитъ съ визитами и возвращается домой, ложится спать и встаетъ, словомъ, живетъ со дня на день, ни разу не спросивъ себя о томъ, есть-ли въ ея жизни какой-нибудь смыслъ, хорошо-ли ей живется на свѣтѣ и нельзя-ли жить какъ-нибудь полнѣе и разумнѣе. Она умѣетъ мечтать о будущемъ, о томъ, что «выйдетъ за какого-нибудь гвардейскаго офицера, который увезетъ ее въ Петербургъ, и она будетъ гулять съ нимъ по Невскому проспекту, блистать въ высшемъ свѣтѣ, будетъ представлена ко двору, сдѣлается статсъ-дамой».

Чего, чего нѣтъ въ этихъ мечтахъ! Гвардейскіе эполеты мужа, Невскій проспектъ, высшій свѣтъ и наконецъ дворъ, какъ конечная цѣль всѣхъ стремленій! Характеръ этихъ мечтаній находится въ строгой гармоніи съ характеромъ того образа жизни, который ведетъ Юлія въ родительскомъ домѣ. Всѣ наслажденія, о которыхъ она мечтаетъ, оказываются наслажденіями чисто внѣшними и кромѣ того совершенно условными и искусственными. Мечтая объ этихъ наслажденіяхъ, дѣвушка мечтаетъ не отъ своего лица, а отъ лица того кружка, въ которомъ она выросла. Почему пріятнѣе выйти замужъ за гвардейскаго офицера, чѣмъ за губернскаго чиновника? Почему пріятнѣе блистать въ высшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ среднемъ кругу? Неужели эстетическое чувство удовлетворяется созерцаніемъ красныхъ отворотовъ гвардейскаго мундира или брилліантовыхъ фермуаровъ, надѣтыхъ на дамахъ высшаго свѣта? Неужели званіе гвардейскаго офицера или великосвѣтской дамы достается только людямъ, отличающимся замѣчательнымъ умомъ, нѣжностью чувства и высокимъ образованіемъ? Неужели всякій гвардейскій офицеръ способенъ быть хорошимъ мужемъ, а всякая великосвѣтская дама—пріятной собесѣдницей? Какъ ни была Юлія мало развита, а, мнѣ кажется, и у ней хватило-бы здраваго смысла на то, чтобы найдти подобные вопросы совершенно безсмысленными. Стало быть, что-же ее привлекало? Что вызывало въ головѣ ея эти завѣтныя мечты? Ясно, что она мечтаетъ именно такъ только потому, что точно такъ-же мечтаютъ ея подруги. Всѣ говорятъ, что блистать въ высшемъ свѣтѣ весело; какъ-же не повѣрить всѣмъ? Какъ не положиться на общій говоръ, когда нѣтъ ни собственнаго сужденія, ни ясныхъ собственныхъ желаній? Мечтая съ чужого голоса, Юлія точно такъ-же съ чужого голоса ведетъ свою дѣйствительную жизнь, вышедши замужъ за Бешметева. Она выѣзжаетъ и наряжается и кромѣ этого ничего не дѣлаетъ. Да что-же ей дѣлать? Когда она жила въ родительскомъ домѣ, ей иногда приходилось отказаться отъ какого-нибудь предполагаемаго выѣзда собственно потому, что этотъ выѣздъ могъ нарушить финансовыя или дипломатическія соображенія главы семейства. Очень понятно, что въ подобныхъ случаяхъ Юлія мечтала о замужествѣ, какъ о вожделѣнной минутѣ освобожде-

нія. Было-бы странно, еслибы она не воспользовалась этой минутой. Дѣйствительность разбила большую часть ея воздушныхъ замковъ. Петербургъ, гвардейскіе эполеты и высшій свѣтъ оказались миражемъ. Надо-же было хоть чѣмъ-нибудь вознаградить себя; надо было пожить въ свое удовольствіе хоть въ тѣхъ узенькихъ и бѣденькихъ предѣлахъ, которые очертила вокругъ нея судьба. А какъ жить въ свое удовольствіе? Вѣдь это, воля ваша, вопросъ очень важный. Немногіе въ состояніи рѣшить его совершенно ясно и удовлетворительно для самихъ себя, а кто на это способенъ, тотъ почти навѣрное устроитъ себѣ жизнь по своему и не будетъ ни въ какомъ случаѣ несчастнымъ. Юлія не могла рѣшить этого вопроса удовлетворительно; ей недоставало для этого двухъ вещей: знанія жизни вообще и знанія своей собственной личности; она не знала, чего можно требовать отъ жизни, и не знала, чего требуетъ именно она. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи надо было поневолѣ пойти торной дорогой, по которой раньше ея шли сотни губернскихъ барышень, сдѣлавшихся дамами по волѣ заботливыхъ родителей. Двинувшись впередъ по этому пути, Юлія не могла остановиться; пустая жизнь отнимаетъ силы даже подумать о серьезномъ дѣлѣ; еслибы Юлія даже подозрѣвала существованіе и возможность какой-нибудь другой жизни, она не пожелала-бы ее выбрать; еслибы даже она пожелала этого, у ней не хватило-бы энергіи на то, чтобы осуществить это желаніе; ни въ себѣ самой, ни вокругъ себя она не нашла-бы поддержки, и только безсильное отрицаніе и инстинктивное недовольство своимъ настоящимъ положеніемъ было-бы результатомъ этихъ желаній. Впрочемъ безсознательное недовольство, скука и пресыщеніе неминуемо выпали-бы на долю Юліи, если-бы ей никто не мѣшалъ идти по той дорогѣ, на которую навело ее вліяніе общества. Юлія навѣрно-бы соскучилась отъ выѣздовъ и нарядовъ, еслибы никто не мѣшалъ ей выѣзжать и рядиться. Но жизнь ея измѣнилась подъ вліяніемъ двухъ обстоятельствъ: разладъ съ мужемъ и зародившаяся въ ея душѣ любовь къ постороннему мужчинѣ поневолѣ отвлекли ея вниманіе отъ выѣздовъ и нарядовъ; пришлось отстаивать свою свободу отъ пассивной оппозиціи тюфяка-Бешметева; пришлось ежеминутно жить съ образомъ любимаго человѣка, и внѣшнія удовольствія губернской свѣтской жизни потеряли половину своей практической важности и большую часть своей прелести; дрязги жизни воплотились въ личности докучливаго мужа, поэзія жизни, которой почти не подозрѣвала Юлія, сказалась сама собой въ восторженномъ поклоненіи красивому, идеализованному образу Бахтіарова. Юлія въ первый разъ перестала быть куклой и почувствовала себя женщиной, существомъ любящимъ и требующимъ сочувствія. Дурно-ли, хорошо-ли она пристроила свое чувство — это уже совсѣмъ другой вопросъ. Главное дѣло въ томъ, что она любила: однимъ этимъ фактомъ она становилась неизмѣримо выше той Юліи, которая мечтала о гвардейскомъ офицерѣ и о Невскомъ проспектѣ. Любя красивую фигуру, она выражала свою личность, жила своей жизнью, своими глазами принимала и своимъ умомъ обсуживала впечатлѣнія. Она ошибалась, но ошибалась, какъ свойственно человѣку ошибаться; она по крайней мѣрѣ переставала быть обезьяной или глупымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ зажженной папироски единственно потому, что вокругъ него курятъ взрослые. Въ любви Юліи къ Бахтіарову есть недостатокъ разборчивости, есть неумѣнье вглядываться въ людей и отличать сусальное золото отъ настоящаго, но этому чувству нельзя отказать въ нѣкоторой высотѣ нравственныхъ требованій. Юлія не умѣетъ распознать настоящаго Бахтіарова, но тотъ Бахтіаровъ, котораго она любитъ, т. е. то воображаемое лицо, которое она ставитъ на мѣсто дѣйствительно существующаго, вовсе не дурной и даже недюжинный человѣкъ. Какъ только Бахтіаровъ оказывается подлецомъ, такъ онъ погибаетъ въ глазахъ Юліи; женщина поумнѣе и поопытнѣе Юліи разобрала-бы своего героя раньше — объ этомъ спору нѣтъ; но дѣло въ томъ, что умственная неразвитость Юліи, а не нравственная испорченность ея была причиной ея увлеченія. Она любила хорошую и красивую личность и только не видѣла того, что эта личность не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ Бахтіаровымъ. Кто еще не жилъ, тотъ и не умѣетъ жить; кто никогда не мыслилъ и не наблюдалъ, тотъ не можетъ распознавать характеры окружающихъ людей. Юлія не виновата въ своей ошибкѣ. Какъ жертва своего воспитанія и своего общества, она можетъ возбудить къ себѣ состраданіе; горести и радости ея внутренняго міра такъ мелки и ничтожны, что имъ мудрено сочувствовать; разсматривая ихъ, придется только пожалѣть о человѣческой личности, тратящей нравственныя силы на пустыя и безсвязныя тревоги. Словомъ, Юлія — личность очень обыкновенная по врожденнымъ способностямъ, испорченная безобразной домашней дисциплиной и постепенно мельчающая подъ вліяніемъ нелѣпыхъ условій семейной и общественной жизни. Личность ея очень не изящна именно потому, что въ большей части случаевъ она сливается съ окружающимъ обществомъ, боится отъ него отшатнуться, по рукамъ и по ногамъ связана его предразсудками и раздѣляетъ почти всѣ его вкусы и наклонности. Она почти нигдѣ не составляетъ исключенія ни въ худшую, ни въ лучшую сторону. Любя Бахтіарова, она порой

увлекается и дѣлаетъ неосторожный поступокъ; эти минуты увлеченія выражаютъ собою лучшія, живыя стороны ея характера, но къ сожалѣнію она увлекается дряннымъ человѣкомъ, и недостойная личность ея героя бросаетъ грязную тѣнь на чистоту ея порывовъ. Къ тому-же эти порывы слишкомъ слабы; она дѣлаетъ неосторожный шагъ и оглядывается по сторонамъ, прячется, боится и папеньки, и мужа. На ея мѣстѣ женщина, способная сильно любить, увлеклась-бы за предѣлы всякаго приличія и надѣлала-бы множество яркихъ глупостей. На ея мѣстѣ женщина съ твердымъ и честнымъ характеромъ не стала-бы прятаться и гордо пошла-бы навстрѣчу домашнимъ сценамъ и общественному стыду. Но Юлія не изъ тѣхъ; ей хочется служить и богу, и мамону, и вслѣдствіе этого изъ нея выходитъ ни то, ни се, ни Богу свѣча, ни чорту кочерга, какъ выражается наше простонародье.

IV.

А что́-за человѣкъ — мужъ Юліи?—Учился онъ въ университетѣ и мечтаетъ о магистерскомъ экзаменѣ. Въ немъ есть сходство съ Обломовымъ, и самое существенное различіе между этими двумя личностями заключается въ различіи манеры Гончарова и Писемскаго. Гончаровъ щадитъ и любитъ своего героя, а Писемскій безжалостно продергиваетъ свое созданіе, гдѣ только можно, и продергиваетъ его безъ злобной раздражительности, спокойно, холодно и почти весело. При всей своей объективности Гончаровъ можетъ быть названъ лирикомъ въ сравненіи съ Писемскимъ. Гончаровъ сочувствуетъ отдѣльнымъ личностямъ своихъ произведеній и отдѣльнымъ поступкамъ своихъ героевъ; иное онъ осуждаетъ, иное объясняетъ и оправдываетъ; критикъ часто уравновѣшиваетъ въ немъ художника. Ничего подобнаго не встрѣтите вы у Писемскаго; его воззрѣній и отношеній къ идеалу вы нигдѣ не встрѣтите, они даже и не просвѣчиваютъ нигдѣ. Онъ никому не сочувствуетъ, никѣмъ и ничѣмъ не увлекается, ни отъ чего не приходитъ въ негодованіе, никого не осуждаетъ и не оправдываетъ. Грязь жизни остается грязью; сырой фактъ такъ и бьетъ въ глаза; берите его какъ онъ есть, осмысливайте, осуждайте, оправдывайте — это ваше дѣло; голосъ автора не поддержитъ васъ въ вашемъ критическомъ процессѣ и не заспоритъ съ вами. — Бешметевъ и Обломовъ похожи другъ на друга тѣмъ, что оба зависятъ отъ окружающей обстановки, несмотря на то, что стоятъ выше ея по умственному развитію. Отсутствіе активной инициативы, отсутствіе твердой оппозиціи, шаткость и слабость—вотъ основныя черты ихъ характера. Бешметевъ такъ-же слабъ, какъ Обломовъ, и притомъ нисколько не лѣнивъ; онъ былъ-бы способенъ двигаться впередъ, если-бы кто-нибудь велъ его за собою или толкалъ его сзади; общество, въ которое онъ попадаетъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы задержать и отодвинуть его назадъ; онъ страдаетъ отъ этого, но подается и опускается съ ужасающей быстротой. Неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, онъ позволяетъ женить себя черезъ сваху и не понимаетъ того, что невѣста его терпѣть не можетъ, а что родители смотрятъ на него, какъ на владѣльца пятидесяти незаложенныхъ душъ. Не умѣя ни отразить нападковъ крикливой родни своей, ни отмалчиваться отъ нихъ, онъ, по ихъ настоянію, отказывается отъ предположенной ученой карьеры, отлагаетъ попеченіе о магистерскомъ экзаменѣ и превращается въ столоначальника губернскаго присутственнаго мѣста. Мечты о взаимной любви смѣшались нелѣпой женитьбой; мечты о разумной дѣятельности уснули подъ вицъ-мундиромъ чиновника, не отказывающагося отъ безгрѣшныхъ доходовъ. Писемскій не говоритъ ничего о доходахъ, но надо думать, что было не безъ того, потому что у Бешметева уже не было денегъ тогда, когда онъ поступилъ на службу; надо было чѣмъ-нибудь жить, и мѣсто столоначальника досталось Бешметеву по рекомендаціи Владиміра Андреевича Кураева, котораго практическія воззрѣнія мы уже видѣли, говоря о воспитаніи и замужествѣ Юліи. Далѣе паденіе Бешметева идетъ еще скорѣе; когда человѣкъ сбился съ настоящей дороги, тогда всякое случайное обстоятельство путаетъ и портитъ его. Нѣтъ настоящей дѣятельности, нѣтъ желаннаго наслажденія— такъ что-же дѣлать? Надо проживать жизнь, убивать время, забивать въ самомъ себѣ лучшія потребности своей природы, лучшіе результаты своего развитія; чтобы не страдать, надо опошливаться, тупѣть и черствѣть. Все это случилось-бы съ Бешметевымъ; онъ отростилъ-бы брюшко, сталъ-бы мечтать о счастьи получить крестикъ и объ удовольствіи составить вечеркомъ преферансикъ, началъ-бы нюхать табакъ, получилъ-бы лысину и репутацію исполнительнаго чиновника и наконецъ умеръ-бы, оставивъ своимъ дѣтямъ состояніе, исправленное и дополненное. Все это произошло-бы тогда, когда-бы жизнь потекла спокойно, когда-бы мечты не разбивались насильственно, а просто, медленно разсѣялись-бы, какъ утренній туманъ. Еслибы Юлія Владиміровна Бешметева постепенно выказалась въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, тогда ея ослѣпленный мужъ помирился-бы съ своимъ разочарованіемъ такъ-же тихо, какъ онъ помирился съ бюрократической дѣятельностью. Но толчокъ, полученный Бешметевымъ со стороны его семейной жизни, былъ такъ рѣзокъ и силенъ, что ему только и оставалось или вдругъ выпрыгнуть на прежнюю дорогу и утѣшить себя разумной дѣятельностью, или го-

ловой впередъ броситься въ омутъ грязи и гадости, запить и съ горя ухнуть остатокъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Вообразите себѣ, что человѣкъ любитъ свою жену и надѣется, что она его оцѣнитъ и полюбитъ въ свою очередь. Онъ работаетъ надъ ея нравственнымъ возвышеніемъ и не отчаявается отъ видимой неудачи своихъ первыхъ попытокъ; вдругъ онъ замѣчаетъ, что она не только любитъ другого, но даже вѣшается этому другому на шею и за-одно съ этимъ другимъ дурачитъ его, любящаго мужа и усерднаго наставника. Чистая, непорочная, неопытная дѣвочка вдругъ превращается въ его глазахъ въ очень опытную, очень хитрую и совершенно испорченную женщину, которая проведетъ и выведетъ полдюжины наставниковъ и надзирателей, подобныхъ ему, Бешметеву. Сдѣлавъ подобное открытіе, человѣкъ твердый и рѣшительный вѣроятно плюнулъ-бы на все это, разорвалъ-бы всякую связь съ своимъ прошедшимъ, понялъ-бы то, что умный мужчина можетъ быть счастливъ собственными силами, и поступилъ-бы сообразно съ этими размышленіями. Будь онъ въ положеніи Бешметева, такой человѣкъ вышелъ-бы въ отставку, поѣхалъ-бы въ Москву, занялся-бы серьезно магистерскимъ экзаменомъ и въ освѣжающемъ трудѣ мысли нашелъ-бы себѣ полное утѣшеніе, достойное развитого человѣка. Впрочемъ, надо сказать правду, несчастье, поразившее Бешметева, до такой степени важно, что и покрѣпче его люди могутъ надъ нимъ позадуматься. Лаврецкій—не чета Бешметеву, а и Лаврецкій, узнавши объ измѣнѣ Варвары Павловны, считаетъ себя очень несчастнымъ человѣкомъ. Большая часть людей умѣютъ еще кое-какъ перенести холодность любимой женщины, но не переносятъ того, что́ они называютъ ея невѣрностью. Актъ невѣрности сваливаетъ любимое существо съ высокаго и роскошнаго пьедестала въ грязную лужу; какъ ни широки эмансипаціонныя стремленія нашей эпохи, а до сихъ поръ большая часть развитыхъ мужчинъ нечувствительно для самихъ себя смотритъ на женщину какъ на движимую собственность или какъ на часть своего тѣла. Когда женщина, уступая силѣ чувства, начинаетъ располагать собою, какъ свободной и полноправной личностью, тогда вдругъ забываются всѣ широкія теоріи; тотъ мужчина, который по своему общественному положенію стоитъ къ этой женщинѣ въ отношеніяхъ друга и защитника, вдругъ выступаетъ на сцену судьей и палачемъ; онъ призываетъ на нее громы общественнаго мнѣнія, онъ отступается отъ нея съ добродѣтельнымъ отвращеніемъ, и общество конечно съ величайшей готовностью начинаетъ кидать грязью въ оставленную и обиженную личность. При болѣе грубыхъ нравахъ, мужчина преслѣдуетъ женщину болѣе чувствительнымъ оружіемъ, начиная отъ грязныхъ намековъ и кончая побоями. Бешметевъ, при своемъ полномъ незнаніи жизни и при полномъ отсутствіи настоящаго, гуманнаго развитія, никогда не думалъ о правахъ женщины и объ отношеніяхъ ея къ мужчинѣ; онъ только мечталъ, лежа на диванѣ, о наслажденіяхъ взаимной любви; мечтамъ этимъ не пришлось осуществиться—и Бешметевъ просто озлился на жизнь и на женщину, не спрашивая у себя, правъ-ли онъ въ своемъ озлобленіи, и имѣютъ-ли какое нибудь разумное оправданіе его мечты о любовномъ счастіи? Если посмотрѣть глазами самого Бешметева на непріятности его семейнаго быта, тогда можно оправдать всѣ глупости, къ которымъ его приводятъ житейскія испытанія; но если посмотрѣть на дѣло со стороны, то увидимъ, что всѣ несчастья эти составляютъ естественное и неизбѣжное слѣдствіе поведенія самого героя. Молодой человѣкъ женится на дѣвушкѣ почти насильно и почти зажмуривъ глаза; онъ видитъ, что она хороша собою, и правильныя линіи ея лица мѣшаютъ ему видѣть всю уродливость ихъ взаимныхъ отношеній; любитъ-ли его будущая его жена, уважаетъ-ли его, сходятся-ли они между собою въ понятіяхъ и склонностяхъ, объ этомъ онъ забываетъ справиться; онъ женится и послѣ свадьбы начинаетъ требовать семейнаго счастья. Нелѣпыя требованія! Человѣкъ самъ положилъ руку на раскаленное желѣзо и удивляется тому, что ему больно, и сердится на несчастную плиту, которая жжетъ его безъ всякаго злого умысла, вслѣдствіе вѣчныхъ законовъ природы. А между тѣмъ, будь вы на мѣстѣ этого человѣка, и вы положили-бы руку на раскаленную плиту; вѣдь хватаются-же дѣти за горячія жаровни, потому что имъ нравится ихъ странный блескъ и яркій цвѣтъ. Дѣло вотъ въ чемъ: характеръ отдѣльнаго человѣка развивается подъ вліяніемъ окружающей среды и обстоятельствъ жизни; въ человѣкѣ можетъ воспитаться преступникъ или эксцентрикъ гораздо прежде того времени, когда онъ будетъ въ состояніи дѣлать дѣйствительныя глупости и фактическія преступленія. Скажите-же, кто въ подобномъ случаѣ болѣе виноватъ: тотъ-ли матеріалъ, изъ котораго выкраивается та или другая фигура, или та рука, которая ее выкраиваетъ? Рука эта большей частью дѣйствуетъ безсознательно; ее называютъ случаемъ, судьбою, силою обстоятельствъ, вліяніемъ обстановки; послѣдніе два термина представляютъ нѣкоторый смыслъ, между тѣмъ какъ первые два отличаются крайней мистической неопредѣленностью. Сваливая вину на силу обстоятельствъ, на вліяніе обстановки, мы снимаемъ отвѣтственность съ извѣстнаго лица, но тѣмъ прямѣе и строже относимся къ той идеѣ, которая лежитъ въ основѣ извѣстнаго общества, къ

тѣмъ условіямъ быта, къ тѣмъ житейскимъ отношеніямъ, отъ которыхъ недѣлимому трудно отрѣшиться и которыя съ самой колыбели тяготѣютъ въ извѣстномъ направленіи надъ его мыслью и дѣятельностью. Вглядитесь въ личности, дѣйствующія въ повѣсти Писемскаго,— вы увидите, что, осуждая ихъ, вы собственно осуждаете ихъ общество; всѣ онѣ виноваты только въ томъ, что не настолько сильны, чтобы проложить свою оригинальную дорогу; онѣ идутъ туда, куда идутъ всѣ; имъ это тяжело, а между тѣмъ онѣ не могутъ и не умѣютъ протестовать противъ того, что́ заставляетъ ихъ страдать. Вамъ ихъ жалко, потому что онѣ страдаютъ, но страданія эти составляютъ естественныя слѣдствія ихъ собственныхъ глупостей; къ этимъ глупостямъ ихъ влечетъ то направленіе, которое сообщаетъ имъ общество. Сочувствовать тому, что́ намъ кажется глупостью, мы не можемъ. Намъ остается только жалѣть о жертвахъ уродливаго порядка вещей и проклинать существующія уродливости. Тѣмъ и замѣчательна повѣсть Писемскаго, что она рисуетъ намъ не исключительныя личности, стоящія выше уровня массы, а дюжинныхъ людей, копошащихся въ грязи, замаранныхъ съ ногъ до головы, задыхающихся въ смрадной атмосферѣ и неумѣющихъ найдти выхода на свѣтъ. Чтобы дѣйствительно оцѣнить всю грязь нашей вседневной жизни, надо посмотрѣть на то, какъ она дѣйствуетъ на слабыхъ людей; только тогда мы въ полной мѣрѣ поймемъ ея отравляющее вліяніе; сильный человѣкъ легко выкарабкается изъ нея; но людей слабыхъ или неокрѣпшихъ она душитъ и мертвитъ. Читая «Дворянское Гнѣздо» Тургенева, мы забываемъ почву, выражающуюся въ личностяхъ Паншина, Марьи Дмитріевны и т. д., слѣдимъ за самостоятельнымъ развитіемъ честныхъ личностей Лизы и Лаврецкаго; читая повѣсти Писемскаго, вы никогда, ни на минуту, не позабудете, гдѣ происходитъ дѣйствіе; почва постоянно будетъ напоминать о себѣ крѣпкимъ запахомъ, русскимъ духомъ, отъ котораго не знаютъ куда дѣваться дѣйствующія лица, отъ котораго порой и читателю становится тяжело на душѣ.

V.

Трудно себѣ представить болѣе яркую и сжатую картину грязной жизни губернскаго города, чѣмъ та, которую нарисовалъ Писемскій въ повѣсти «Тюфякъ». И это не карикатура, даже не сатира. Каждая отдѣльная фигура такъ твердо убѣждена въ полной правотѣ своихъ притязаній, въ полной законности своихъ дѣйствій, что она живетъ мимо воли автора, и что вамъ кажется, будто иначе она и не можетъ жить. Это правда; иначе не можетъ она жить, машина заведена въ извѣстномъ направленіи и пойдетъ себѣ своимъ порядкомъ, пока не размотается пружина или не изотрутся колеса, или-же пока незамѣченное, но постепенно увеличивающееся внутреннее разстройство не остановитъ разомъ всего развихлявшагося механизма. Семейный деспотизмъ развращаетъ младшихъ членовъ семействъ и готовитъ изъ нихъ будущихъ деспотовъ, которыхъ рука будетъ тяготѣть надъ будущими подчиненными личностями такъ-же тяжело, какъ тяготѣли надъ ними самими руки отцовъ и матерей. Та молодая дѣвушка, которая сегодня возбуждала ваше участіе, какъ несчастная жертва, задыхавшаяся отъ сдержанныхъ рыданій при помолвкѣ съ немилымъ человѣкомъ, черезъ нѣсколько недѣль явится передъ вами молодой барыней, держащей въ ежевыхъ рукавицахъ свою прислугу, терзающей мужа капризами и истериками и тратящей съ возмутительнымъ цинизмомъ его трудовыя копѣйки на украшеніе своей особы. Несчастный мужъ, котораго вы пожалѣете теперь, какъ мученика, явится скоро домашнимъ тираномъ и будетъ съ систематической жестокостью отравлять существованіе той самой женщины, на которую онъ въ былое время чуть-чуть не молился. Любящая мать, старающаяся устроить счастье своихъ дѣтей, часто связываетъ ихъ по рукамъ и ногамъ узкостью своихъ взглядовъ, близорукостью своихъ разсчетовъ и непрошенной нѣжностью своихъ заботъ. Чувство ея сильно и искренно, но убѣжденія односторонни и ложны, и потому сумма ея вліянія вредна и губительна. Голосомъ этой любящей матери говоритъ почва, на которой она росла и прозябала, и молодой человѣкъ, слышавшій вдали отъ родительскаго дома что-то новое, рвапувшійся душой къ этому новому, еще неизвѣстному, но уже привлекательному образу жизни и дѣятельности, рискуетъ остановиться въ нерѣшительности, растрогаться и расплакаться, раскаяться въ завиральныхъ идеяхъ, увидать свой долгъ въ сыновнемъ повиновеніи и нечувствительно заглохнуть въ томъ омутѣ, изъ котораго онъ было старался выкарабкаться. Когда два направленія мысли вступили между собою въ борьбу на жизнь и на смерть, когда нейтралитетъ оказывается невозможенъ, тогда людямъ съ мягкими чувствами и съ нерѣшительнымъ умомъ приходится очень тяжело. Кто не способенъ сжечь за собою корабли и идти смѣло впередъ, шагая черезъ развалины своихъ прежнихъ симпатій, вѣрованій, воздушныхъ замковъ и идеаловъ и слыша за собою ругательства, упреки, слезы и возгласы негодующаго изумленія со стороны близкихъ людей, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если заглушитъ въ головѣ работу критическаго ума и даже простого здраваго смысла, если заблаговременно начнетъ отплевываться отъ лукаваго демона, сидящаго въ мозгу каждаго здо-

роваго человѣка, смотрящаго на вещи собственными глазами. Кому жаль разставаться съ прошедшимъ, тому нечего и пытаться заглядывать въ лучшее, свѣтлое будущее. Идти, такъ идти, смѣло, безъ оглядки, безъ сожалѣнія, не унося за собою никакихъ пенатовъ и реликвій и не раздвапвая своего нравственнаго существа между воспоминаніями и стремленіями. Этого никакъ не могутъ взять въ толкъ люди мягкіе и нѣжные; имъ все хочется или согласить между собою двѣ противуположности, или переубѣдить людей неисправимыхъ, состарѣвшихся въ своихъ понятіяхъ и косящихся на все незнакомое; соглашая противуположности и добиваясь отъ самихъ себя историческаго безпристрастія, эти господа дѣлаются сами совершенно нерѣшительными и безцвѣтными; переубѣждая застарѣлыхъ противниковъ, они нечувствительно мирятся съ ними и переходятъ на ихъ сторону, устраиваютъ свою жизнь по заведенному порядку и увеличиваютъ собой слой грязной почвы, подобно тому, какъ прошлогодніе растенія увеличиваютъ слой чернозема. Тѣ условія, при которыхъ живетъ масса нашего общества, такъ неестественны и нелѣпы, что человѣкъ, желающій прожить свою жизнь дѣльно и пріятно, долженъ совершенно оторваться отъ нихъ, ни давать имъ надъ собою никакого вліянія, не дѣлать имъ ни малѣйшей уступки. Какъ вы попробуете на чемъ-нибудь помириться, такъ вы уже теряете вашу свободу; общество не удовлетворится уступками; оно вмѣшается въ ваши дѣла, въ вашу семейную жизнь, будетъ предписывать вамъ законы, будетъ налагать на васъ стѣсненія, пересуживать ваши поступки, отгадывать ваши мысли и побужденія. Каждый шагъ вашъ будетъ опредѣляться не вашей доброй волей, а разными общественными условіями и отношеніями; нарушеніе этихъ условій будетъ постоянно возбуждать толки, которые, доходя до васъ, будутъ досаждать вамъ, какъ жужжаніе сотни мошекъ и комаровъ. Если-же вы однажды навсегда рѣшитесь махнуть рукою на пресловутое общественное мнѣніе, которое слагается у насъ изъ очень неблаговидныхъ матеріаловъ, то васъ, право, скоро оставятъ въ покоѣ; сначала потолкуютъ, подивятся или даже ужаснутся, но потомъ, видя, что вы на это не обращаете вниманія, и что эксцентричности ваши идутъ себѣ своимъ чередомъ, публика перестанетъ вами заниматься, сочтетъ васъ за погибшаго человѣка и, такъ или иначе, оставитъ васъ въ покоѣ, перенеся на кого-нибудь другого свое милостивое вниманіе .. «Тюфякъ» дастъ намъ необходимые матеріалы для того, чтобы опредѣлить характеръ нашего общественнаго мнѣнія. Въ губернскомъ городѣ суетятся и хлопочутъ столькоже, сколько и въ столицѣ, съ той только разницей, что въ столицѣ большее количество людей собрано въ одномъ мѣстѣ, и потому когда всѣ разомъ суетятся, то происходитъ гораздо больше шума, движенія, толкотни. Побудительныя причины, заставляющія столичныхъ жителей суетится, гораздо разнообразнѣе именно потому, что жителей очень много и что они стоятъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и умственнаго развитія. Въ провинціи аристократическое сословіе состоитъ изъ чиновниковъ и помѣщиковъ; литераторы, художники, ученые составляютъ большую рѣдкость; имъ нечего тамъ дѣлать, и они бываютъ въ провинціи не иначе, какъ на правахъ гостей; да и гдѣ эти господа негости въ нашемъ отечествѣ? гдѣ ихъ вліяніе на жизнь и понятія общества? гдѣ та сфера жизни, въ которой они распоряжаются, какъ хозяева, и заявляютъ свои права? Если и чувствуется въ послѣднее десятилѣтіе какое-то взаимподѣйствіе между мыслями передовыхъ людей и жизнью общества, то какъ еще оно слабо, и какъ немногіе признаютъ дѣйствительность его существованія! Итакъ—чиновники и помѣщики, съ женами и дѣтьми, составляютъ собою губернскую аристократію. Помѣщики, живущіе въ губернскомъ городѣ, поручаютъ свои имѣнія прикащикамъ и бурмистрамъ, изъ ихъ рукъ принимаютъ свои доходы, проживаютъ ихъ, навѣщаютъ иногда свои помѣстья и, произведя ревизію, получивъ должныя суммы, снова возвращаются въ городъ, чтобы наслаждаться жизнью. Эти господа пользуются обыкновенно обезпеченнымъ состояніемъ, такъ что съ матеріальной стороны они не встрѣчаютъ себѣ препятствій и стѣсненій. Что-же они дѣлаютъ? Они ѣздятъ въ гости и принимаютъ гостей, приглашаются на званые обѣды и даютъ такіе-же обѣды у себя, танцуютъ и играютъ въ карты на вечерахъ и балахъ, и устраиваютъ у себя такіе-же балы и вечера. Это называется пользоваться общественными увеселеніями. Интервалы между увеселеніями вродѣ званыхъ обѣдовъ и вечеровъ наполняются визитами и разговорами, для которыхъ самой интересной темой служатъ городскія событія. Вставая утромъ съ постели, губернскій аристократъ, если ему не предстоитъ какого-нибудь приглашенія, обыкновенно не знаетъ, что́ предпринять, куда дѣвать день, и отправляется къ кому-нибудь отъ нечего дѣлать, говоритъ что-нибудь отъ нечего дѣлать, беретъ въ руки книжку журнала, садится играть въ карты, выпиваетъ рюмку водки,—все отъ нечего дѣлать. Да и въ самомъ дѣлѣ, что́-же ему дѣлать?—Доходы получаются исправно, нужды ни въ чемъ не предвидится, ѣхать никуда не надо. Что-же дѣлать?—Сѣсть за книгу, что-ли? Легко сказать; посмотрите-ка на дѣло поближе и вы увидите, что ничто не можетъ быть скучнѣе, какъ читать для процесса чтенія, безъ послѣдовательности и системы.

Вѣдь не станете-же вы безъ особенной надобности читать листокъ полицейскихъ вѣдомостей. Что за охота утруждать зрѣніе и напрягать умъ только для того, чтобы убить нѣсколько часовъ? Предпочитать, какъ препровожденіе времени, книгу живымъ явленіямъ жизни несвойственно человѣческой природѣ. Желая разсѣяться, человѣкъ ищетъ смѣны впечатлѣній. Чѣмъ живѣе впечатлѣнія и ощущенія, тѣмъ болѣе они его удовлетворяютъ; на этомъ основаніи онъ отправляется въ общество, болтаетъ съ знакомыми, садится за зеленое сукно, танцуетъ и кружится въ освѣщенной залѣ. Вся бѣда въ томъ, что ему нечего дѣлать, что онъ разсѣевается впродолженіи всей своей жизни. Вѣдь не задавать-же себѣ самому задачъ, не трудиться-же для препровожденія времени, когда сама жизнь не шевелитъ своимъ потокомъ, не задаетъ никакихъ задачъ и не требуетъ никакого труда. Жизнь эта—странная штука! Губернскіе чиновники, кормчіе провинціальнаго общества, работаютъ нерѣдко машинально, почти не сталкиваясь въ своей работѣ съ явленіями жизни и не выходя изъ сферы тѣхъ неизмѣнныхъ канцелярскихъ формъ, для которыхъ нѣтъ прогресса даже въ языкѣ. Утро занято у этихъ господъ, но ихъ машинальная дѣятельность оставляетъ по себѣ такую-же пустоту, какую производитъ бездѣйствіе въ людяхъ праздныхъ. Умъ все-таки остается незанятымъ и набивается, чѣмъ попало, а попадаютъ въ него обыкновенно бюрократическія интриги, городскія сплетни, преферансовыя соображенія и воспоминанія вродѣ похожденій Чичикова. И вотъ изъ этихъ-то элементовъ составляется общественное мнѣніе и отдѣлиться отъ него не совсѣмъ легко.

Исключеніе изъ общаго правила составляютъ тѣ немногіе, которыхъ жизнь исходитъ въ борьбѣ или въ совершенномъ отчужденіи отъ окружающей среды. Это люди сильные, которыхъ не легко надломить даже губернскому обществу. Но сильныхъ людей къ сожалѣнію у насъ немного; наша литература до сихъ поръ не представила образа сильнаго человѣка, проникнутаго идеями общечеловѣческой цивилизаціи; большей частью изъ нашихъ университетовъ выходили люди, пламенно-любящіе идею, страстно привязанные къ теоріи, но потерявшіе способность руководствоваться простымъ здравымъ смысломъ, чувствовать просто и сильно, дѣйствовать рѣшительно и въ то-же время умѣренно. Они готовились воевать съ крокодилами и драконами, которыхъ не бываетъ въ нашихъ провинціальныхъ болотахъ, и въ то-же время забывали отмахиваться отъ мошекъ и комаровъ, которые носятся надъ ними цѣлыми міріадами. Они выходили противъ мелкихъ гадинъ съ такимъ оружіемъ, которымъ поражаютъ чудовищъ; они со всего размаха убивали дубиною цѣлаго комара и къ ужасу своему замѣчали, что колоссальная трата энергіи и воодушевленія оплачивалась совершенно незамѣтнымъ результатомъ. Герои обезсиливали, постоянно махая тяжелыми дубинами; мошки лѣзли имъ въ глаза, уши, въ носъ и въ ротъ, облѣпляли ихъ со всѣхъ сторонъ, оглушали ихъ своимъ жужжаньемъ, очень больно кусали и кололи ихъ едва замѣтными жалами и, высасывая изъ нихъ кровь, постепенно охлаждали ихъ боевой жаръ, ихъ добродѣтельную отвагу и великодушный пафосъ. Жизнь подступала къ нашимъ героямъ такъ незамѣтно, она обхватывала ихъ со всѣхъ сторонъ такъ искусно и такими тонкими сѣтями, что не оставалось теоретикамъ никакой возможности не только сопротивляться, но даже замѣтить надвигавшуюся опасность. Уступка за уступкой, шагъ за шагомъ, и къ концу концовъ восторженные энтузіасты становились достойными дѣтьми своихъ отцовъ. Одни, бывшіе идеалисты или энтузіасты, просто превращались въ *толстыхъ*, о которыхъ говоритъ Гоголь; другіе, болѣе прочнаго закала, съ грустью сознавали свою безполезность и, никуда не пристроившись, слонялись по бѣлому свѣту, пося въ разстроенной груди невылившуюся любовь къ человѣчеству и разбитыя надежды; немногіе, очень немногіе собирали и пересчитывали свои силы послѣ перваго пораженія и, приведя ихъ въ извѣстность, принимались за мелкія дѣла дѣйствительности, внося въ свои практическія занятія ту любовь къ истинѣ и къ добру, которую они, бывши юношами, громко исповѣдывали въ теоріи.

Да, масса нашего общества не безъ основанія относилась съ недовѣріемъ къ людямъ мысли, принимавшимся за житейскія дѣла. Лаврецкихъ и Штольцовъ немного! О томъ и другомъ мы знаемъ только, что они что-то работали, но процесса ихъ работы мы не видимъ; Штольцъ отзывается искусственностью постройки; словомъ, все говоритъ намъ, что въ дѣйствительности очень мало положительныхъ дѣятелей, и что попытка представить такихъ дѣятелей въ литературѣ не удалась именно отъ недостатка наличныхъ матеріаловъ.

VI.

До сихъ поръ еще жизнь нашего общества не поддавалась такому вліянію, которое могло-бы шевельнуть стоячую воду и спустить внизъ по теченію тину, накопившуюся впродолженіи цѣлыхъ столѣтій. Почти никто не занятъ полезнымъ и разумнымъ дѣломъ, почти никто не знаетъ, гдѣ отыскать себѣ такое дѣло, почти никто не сознаетъ въ себѣ потребности чѣмъ-нибудь заняться, и между тѣмъ почти всѣ чѣмъ-то недовольны и отчего-то скучаютъ. Праздность и скука ведутъ за собою много послѣдствій. Безпрерывная умственная праздность

нѣсколькихъ поколѣній сохраняетъ для позднѣйшихъ внуковъ тѣ формы быта, тѣ воззрѣнія на отношенія между людьми, отъ которыхъ даже дѣдамъ и прадѣдамъ солоно было жить на свѣтѣ. Патріархальность понятій еще живетъ въ нашемъ обществѣ, несмотря на заграничныя моды, которыя съ замѣчательной быстротой приносятся изъ Парижа въ разныя захолустья православной Руси. Господа въ англійскихъ визиткахъ и барыни въ кринолинахъ подъ-часъ разыгрываютъ такія семейныя и вообще домашнія сцены, на которыя съ удовольствіемъ могли-бы смотрѣть бородатые бояре до-петровской эпохи. Отражается-ли въ этихъ сценахъ народность—это я предоставляю рѣшить знатокамъ и любителямъ; знаю только, что отъ этихъ сценъ больно достается пассивнымъ и подчиненнымъ личностямъ; можетъ-быть эти сцены дѣлаютъ честь исторической памяти русскаго народа, но въ нихъ страдаетъ человѣкъ, въ нихъ топчутъ въ грязь человѣческое достоинство, и потому—Богъ съ нимъ! съ этимъ призракомъ прошедшаго, откуда-бы мы его ни почерпули. Далѣе, праздность нашего общества ведетъ за собою существованіе искусственныхъ интересовъ; надо-жъ чѣмъ-нибудь заняться,—и вотъ придумываются какія-нибудь цѣли; настоящей жизни нѣтъ, является подставная жизнь, которая никому не приноситъ ни пользы, ни наслажденія, но отъ которой не отрѣшается почти никто. Трехмѣсячные доходы ухлопываются напримѣръ на званый обѣдъ или балъ, на которомъ можетъ-быть не будетъ ни одного человѣка, дѣйствительно дорогого и близкаго для хозяевъ. Балъ дается съ особеннымъ великолѣпіемъ изъ тщеславія, чтобы заставить говорить въ городѣ; многіе изъ гостей, бывшихъ на балѣ, говорятъ, пріѣхавши домой, что надо и имъ устроить что-нибудь подобное, и говорятъ это иногда съ сокрушеннымъ сердцемъ, потому что денегъ мало, а между тѣмъ изъ кожи лѣзутъ—и устраиваютъ. Вотъ вамъ и наполнена жизнь, вотъ и борьба интересовъ, вотъ и драма, переходящая то въ комическій, то въ трагическій тонъ. Иной почтенный отецъ семейства чуть не за пистолеты хватается, увѣряя своихъ домашнихъ, что жить нечѣмъ; глядя на него, подумаешь, что всему семейству придется завтрашній день безъ обѣда сидѣть, а на повѣрку окажется, что все отчаяніе происходитъ оттого, что ему нельзя дать больше одного бала въ нынѣшнемъ сезонѣ. Это комедія! Но между тѣмъ вмѣсто одного бала дается два или три; дѣла запутываются, имѣнія закладываются и просрочиваются; долги ростутъ, кредитъ падаетъ; являются серьезныя финансовыя разстройства; начинается мѣщанская трагедія. Придуманныя прихоти считаются въ искусственномъ мірѣ нашей общественной жизни необходимыми потребностями; имъ жертвуютъ часто дѣйствительными удобствами жизни. Сколько семействъ средняго круга отказываются отъ сытнаго обѣда для того, чтобы обить комнаты новыми обоями, чтобы купить старшей дочери шелковое платье, или чтобы въ нанятой каретѣ поѣхать куда-нибудь на вечеръ! Еслибы еще подобныя распоряженія дѣлались съ общаго согласія, ихъ можно было-бы извинить; но вѣдь дѣлами семейства завѣдуютъ только папенька съ маменькой, остальные члены,—лица безъ рѣчей, не имѣющія даже совѣщательнаго голоса,—терпятъ лишенія для того, чтобы покрыть расходы такихъ удовольствій, въ которыхъ они не принимаютъ участія.

Согласитесь, что это возмутительно! А развѣ не возмутительны тѣ мелкія интриги, которыя всѣ клонятся къ тому, чтобы можно было занять и удержать за собою извѣстное мѣсто, извѣстную роль въ обществѣ? Не уважая почти никого въ отдѣльности, члены общества уважаютъ всѣхъ вмѣстѣ; для нихъ ничего не значитъ огорчить или оскорбить сосѣда и пріобрѣсти въ немъ личнаго врага; но возбудить о себѣ толки, навлечь на себя вниманіе всего общества какой-нибудь эксцентричностью или потерять ту долю общественнаго вниманія, которою они пользовались за роскошный образъ жизни,—это для нихъ невыносимо тяжело. Чтобы удерживать балансъ въ общественномъ мнѣніи, надо прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ средствамъ, надо тратиться и разоряться, надо занимать деньги, не теряя кредита, надо принимать у себя важныхъ лицъ, надо внушать своимъ дѣтямъ такія идеи, которыя не могли-бы произвести диссонанса, надо направлять сыновей по такой дорогѣ, которую общество считало-бы блестящей, надо располагать по своему произволу и благоусмотрѣнію судьбою дочерей и выдавать ихъ замужъ за людей родовитыхъ, чиновныхъ и богатыхъ. Если вы—отецъ семейства, то вы отвѣчаете передъ обществомъ не за одного себя; проступокъ вашей жены, вашей дочери, вашего сына, брата или племянника падаетъ на васъ болѣе или менѣе тяжело, смотря по тому, насколько близокъ къ вамъ провинившійся. Взыскивая такимъ образомъ со всѣхъ членовъ семейства за вину одного, общественное мнѣніе конечно оправдываетъ или даже поощряетъ вмѣшательство родственниковъ и родственницъ въ такія дѣла, которыя, собственно говоря, нисколько до нихъ не касаются. Простой здравый смыслъ говоритъ ясно, что каждый отдѣльный человѣкъ можетъ отвѣчать только за себя, да развѣ еще за малолѣтняго своего ребенка, который долженъ быть подъ хорошимъ присмотромъ, чтобы не имѣть возможности повредить какъ-нибудь своему здоровью и не нанести сосѣду убытка или непріятности. Наше русское общественное мнѣніе, не имѣющее ничего общаго съ здравымъ

смысломъ, судитъ совсѣмъ не такъ: оно предполагаетъ между членами семейства и даже рода такую крѣпкую связь, такую солидарность отношеній, которыя возможны только въ патріархальномъ быту и о которыхъ наше время къ счастью не имѣетъ понятія. Требованія общественнаго мнѣнія въ полномъ объемѣ неисполнимы, но эти требованія даютъ извѣстное направленіе индивидуальнымъ силамъ; при всѣхъ вашихъ стараніяхъ, вы не усмотрите за всей своей родней и не будете въ состояніи привести всѣ ихъ дѣйствія къ должной мѣркѣ; но важно уже то, что вы будете стараться, будете вмѣшиваться и слѣдовательно, сталкиваясь съ сильными характерами, будете надоѣдать имъ, а имѣя дѣло съ людьми слабыми, будете сбивать ихъ съ толку. Сильные характеры я могу оставить въ сторонѣ; они не поддаются общественному мнѣнію, не слушаютъ чужихъ совѣтовъ и слѣдовательно не страдаютъ отъ уродливыхъ особенностей почвы. Что же касается до людей неглупыхъ, сколько нибудь развитыхъ, но не настолько сильныхъ, чтобы отстоять результаты своего развитія, то легко можно себѣ представить, какъ тяжело ихъ положеніе. Доходящіе до нихъ слухи о городскихъ толкахъ волнуютъ и смущаютъ ихъ; совѣты какого-нибудь нелѣпаго родственника или доброжелателя приводятъ ихъ въ недоумѣніе: голосъ собственнаго просвѣщеннаго убѣжденія говоритъ имъ одно, почва требуетъ совершенно другого, и они повинуются требованіямъ почвы, не успѣвая заглушить въ себѣ невольнаго протеста. Они унижаются и сами сознаютъ свое униженіе; это внутреннее раздвоеніе мучитъ, озлобляетъ ихъ и возбуждаетъ въ нихъ желаніе срывать зло на окружающемъ, они дѣлаются несправедливыми и, чувствуя это, еще болѣе окисляются и становятся еще несноснѣе. Эти люди конечно неспособны внушить къ себѣ уваженіе или сочувствіе, но они-то всего болѣе и нуждаются въ исцѣленіи; они дѣйствительно очень больны; къ тому-же ихъ очень много, и объ нихъ стоитъ подумать. Перемѣнить окружающую ихъ атмосферу невозможно: для этого нужно было-бы перевоспитать все общество; стало быть, надо сдѣлать ихъ по возможности нечувствительными къ міазмамъ этой атмосферы; надо настолько возвысить ихъ надъ уровнемъ окружающаго общества, чтобы они могли смотрѣть à vol d'oiseau на его гнѣвъ, негодованіе и волненіе; чтобы жить въ провинціальномъ обществѣ, не окисляясь и не опошливаясь, надо умѣть презирать людей безъ злобы, презирать ихъ холодно, сознательно, отказываясь отъ всякой попытки возвысить ихъ до себя и понимая совершенную невозможность сойдтись съ ними на какомъ-нибудь воззрѣніи. Когда дѣти играютъ въ куклы, было-бы смѣшно подойдти къ нимъ и начать имъ доказывать, что они тратятъ попусту драгоцѣнное время,—отнестись къ обществу взрослыхъ, какъ къ группѣ играющихъ дѣтей,—и кроткая улыбка смѣнитъ собою тяжелое негодованіе, накопившееся въ вашей груди. «Пустые люди!» —подумаете вы. Да что-же изъ этого? Вѣдь не насильно-же наполнять ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Есть только одна сторона жизни, съ которой никакъ нельзя помириться; къ счастью, эта сторона скрыта внутри домовъ и не напрашивается на глаза постороннимъ зрителямъ. Бывая въ обществѣ, вы увидите только пустоту его жизни, мелочность и ложность его интересовъ; это еще не большая бѣда, каждый живетъ для себя, и потому воленъ лично для себя забавляться чѣмъ вздумается и работать надъ чѣмъ угодно, но только *лично для себя*. Приневоливать къ чему-бы то ни было членовъ своего семейства, располагать ихъ судьбою по своему близорукому благоусмотрѣнію, опредѣлять карьеру сыновей и выдавать замужъ дочерей—о! это такія права, противъ которыхъ глубоко возмущается человѣческая природа; замѣтьте притомъ, что человѣкъ тѣмъ болѣе расположенъ пользоваться этими возмутительными правами, чѣмъ менѣе онъ способенъ употребить ихъ на благо подчиненныхъ личностей. Необразованный, безнравственный, пьющій губернскій чиновникъ обыкновенно является деспотомъ въ семействѣ, крутитъ и ломитъ всякую оппозицію, не слушаетъ ни резоновъ, ни просьбъ,—съ пьяныхъ глазъ опредѣляетъ сыновей на службу, отправляетъ дочерей подъ вѣнецъ, — и при всемъ этомъ опирается на свои природныя и законныя права, ссылается на свою родительскую любовь и заботливость. Съ этой стороной жизни невозможно помириться; къ ней нельзя даже отнестись съ равнодушнымъ презрѣніемъ; здѣсь страдаютъ и гибнутъ люди, и притомъ люди молодые, неуспѣвшіе испортиться. Но сцены притѣсненія, драмы семейнаго деспотизма разыгрываются внутри семейства; ихъ можно предполагать и отгадывать, но видѣть ихъ можно только самимъ актерамъ, потому что эти сцены происходятъ безъ постороннихъ зрителей, тогда, когда ничто не требуетъ приличныхъ декорацій и благообразной костюмировки. Прекратить эти халатныя сцены, развертывающія свое полное безобразіе въ спальняхъ, дѣтскихъ, кухняхъ и другихъ жилыхъ комнатахъ, недоступныхъ для гостей,—не можетъ ни законодательство, ни общественное мнѣніе. Пока жена будетъ зависѣть отъ мужа въ отношеніи къ своему пропитанію, пока мужъ будетъ такъ грубъ, что будетъ находить удовольствіе въ притѣсненіи слабаго и зависимаго существа, пока родители и дѣти не будутъ имѣть яснаго понятія о своихъ человѣчески-разумныхъ пра-

вахъ,—до тѣхъ поръ можно будетъ обходить букву самаго мягкаго и справедливаго закона, до тѣхъ поръ можно будетъ обманывать контроль самаго чуткаго и просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. Но на наше общественное мнѣніе полагаться нельзя; оно составлено изъ голосовъ тѣхъ самыхъ семьянъ, которые тяготѣютъ надъ своими домочадцами; оно проникнуто духомъ Домостроя и только облагообразило до нѣкоторой степени внѣшніе пріемы, рекомендуемые попомъ Сильвестромъ. Оно признаетъ за родителями право распоряжаться судьбой дѣтей и, обязывая послѣднихъ къ пассивному повиновенію, вознаграждаетъ ихъ за потерю свободы правомъ угнетать современемъ другихъ. Наше общественное мнѣніе можетъ быть возмущено только скандаломъ; оно прощаетъ несправедливость и систематическую жестокость, лишь-бы не было крика, лясга пощечинъ, кровавыхъ синяковъ и истерическихъ припадковъ; впрочемъ это общественное мнѣніе умѣетъ быть глухо и слѣпо, умѣетъ смотрѣть сквозь пальцы и часто оказывается до того пропитаннымъ духомъ патріархальности, что принимаетъ сторону притѣснителя; часто оно обвиняетъ жертву деспотизма въ томъ, что она не умѣла избѣжать срама и покориться молча. Не даромъ говоритъ пословица: «изъ избы сору не выноси»; кажется, всѣ члены чисто русскаго семейства только и заботятся о томъ, чтобы хранить свой соръ чуть не подъ образами, и ни за что не рѣшаются съ нимъ разстаться и вышвырнуть его на улицу. Тайна, въ которую ложный стыдъ облекаетъ разныя семейныя непріятности, искусственный мракъ, который стараются поддержать въ семейномъ святилищѣ,—мракъ, непроницаемый ни для какой гласности, конечно содѣйствуютъ сохраненію въ семейныхъ правахъ и отношеніяхъ той дикости, которая уже выводится въ отношеніяхъ общественныхъ и междусословныхъ. Реформировать семейство можетъ только гуманизація отдѣльныхъ лицъ и возвышеніе личнаго самосознанія и самоуваженія. Человѣкъ, дѣйствительно уважающій человѣческую личность, долженъ уважать ее въ своемъ ребенкѣ, начиная съ той минуты, когда ребенокъ почувствовалъ свое *я* и отдѣлилъ себя отъ окружающаго міра. Все воспитаніе должно измѣниться подъ вліяніемъ этой идеи; когда она глубоко проникнетъ въ сознаніе каждаго взрослаго недѣлимаго, всякое принужденіе, всякое насилованіе воли ребенка, всякая ломка его характера сдѣлаются невозможными. Мы поймемъ тогда, что формировать характеръ ребенка—нелѣпая претензія; мы поймемъ, что дѣло воспитателя—заботиться о матеріальной безопасности ребенка и доставлять его мысли матеріалы для переработки; кто старается сдѣлать больше, тотъ посягаетъ на чужую свободу и воздвигаетъ на чужой землѣ зданіе, которое хозяинъ непремѣнно разрушитъ, какъ только вступитъ во владѣніе. Когда мы поймемъ все это?—не знаю: все это можетъ-быть утопіи, надъ которыми засмѣются практики въ дѣлѣ педагогики и семейной жизни. Смѣйтесь, гг. практики, смѣйтесь! Но не удивляйтесь тому, что возникаютъ утопіи; когда рутина довела до того, что приходится барахтаться и захлебываться въ грязи, тогда поневолѣ отвернешься отъ дѣйствительныхъ фактовъ, проклянешь прошедшее и обратишься за рѣшеніемъ жизненныхъ вопросовъ не къ опыту, не къ исторіи, а къ творчеству здраваго смысла и къ непосредственному чувству.

VII.

Грозная филиппика моя противъ нашего общества вообще и провинціальнаго въ особенности выставила такимъ образомъ на видъ два главныя свойства: 1) пустоту жизни, порождающую искусственность и ложность интересовъ, и 2) патріархальную рутинность понятій и отношеній, ведущую за собой семейный деспотизмъ. Эти два свойства имѣютъ конечно значительное вліяніе на формированіе тѣхъ нравственныхъ воззрѣній и правилъ, которыя признаетъ и отстаиваетъ общественное мнѣніе. Эти нравственныя воззрѣнія не разъ назывались въ нашей критикѣ условной или мѣщанской нравственностью. Оба названія довольно мѣтки. Дѣйствительно, принято, условлено не позволять себѣ того или другого поступка, хотябы въ этомъ поступкѣ самая тщательная критика не открыла ничего предосудительнаго или неизящнаго; принято, условлено — и всѣ такъ и дѣлаютъ; кто не повинуется обычаю—навлекаетъ на себя пересканія; осуждая человѣка за нарушеніе обычая, мы не разбираемъ его поступка собственнымъ здравымъ смысломъ, а просто подводимъ его подъ букву того кодекса, который успѣли заучить въ различныхъ столкновеніяхъ съ людьми и съ обстоятельствами. Мы какъ будто условились признать авторитетъ этого незримаго кодекса, и слѣдовательно наша общественная нравственность вполнѣ заслуживаетъ названія условной. *Мѣщанская*—эпитетъ довольно выразительный. Нравственныя понятія, установленныя общественнымъ кодексомъ, узки, мелки, робки, непослѣдовательны, какъ мѣщанскій либерализмъ, эмансипирующій личность *до извѣстныхъ предѣловъ*, какъ мѣщанскій скептицизмъ, допускающій критику ума *въ извѣстныхъ границахъ*. Въ основѣ общественной нравственности лежатъ существенныя черты того ложнаго идеала, которому поклоняется общество,—того идеала, который изобразилъ Пушкинъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» [illegible] стихахъ:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страшнымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N.—прекрасный человѣкъ!

Общество не любитъ рѣзкостей и оригинальностей: его возмущаютъ яркіе пороки, проявленія сильной страсти, живыя движенія мысли; новыя идеи кажутся ему такъ-же предосудительными, какъ нарушенія чужого права; эмансипація человѣческой личности смѣшивается въ его глазахъ съ отсутствіемъ всякаго человѣческаго чувства, съ явнымъ посягательствомъ на интересы, на личность и собственность ближняго; протестъ противъ патріархальнаго начала, противъ обязательности родственныхъ отношеній вызываетъ такую-же бурю негодованія, какую могло-бы вызвать какое-нибудь грубое насиліе. Горячее слово за свободу и полноправность женщины можетъ упрочить за вами въ обществѣ репутацію развратнаго и опаснаго человѣка, умышленно подрывающаго лучшія чувства человѣческой жизни. Общій уровень умственнаго развитія стоитъ въ нашемъ обществѣ такъ низко, что ни одна идея недоступна ему въ полномъ своемъ объемѣ, въ полномъ величіи и достоинствѣ своего значенія. Общество наше знаетъ какое-нибудь одно узенькое, жалкое приложеніе этой идеи; опошлившись въ этомъ приложеніи и не будучи доступна обществу въ чистомъ своемъ понятіи, идея великая, широкая и прекрасная встрѣчаетъ себѣ въ обществѣ тупое недовѣріе и наглую насмѣшку. Представьте себѣ, что васъ обманулъ купецъ, торгующій рожью. Что, еслибы вы на этомъ основаніи стали считать мошенниками всѣхъ купцовъ, занимающихся этой отраслью торговли? Вѣдь всякій здравомыслящій человѣкъ имѣлъ-бы право обвинить васъ въ безсмысленномъ и несправедливомъ недовѣріи; между тѣмъ всѣ приговоры, которыми наше общество поражаетъ незнакомыя ему идеи, основаны на подобномъ процессѣ мысли. Судить о цѣлой идеѣ по тому мизерному ея извращенію, которое находится передъ вашими глазами, такъ-же нелѣпо и несправедливо, какъ судить о цѣломъ сословіи по худшему его представителю.—Личная свобода напримѣръ даетъ лѣнивцу возможность пролежать нѣсколько дней на печи, а пьяницѣ — возможность спустить въ кабакѣ послѣдніе сапоги. Еслибы лѣнивецъ былъ негромъ-невольникомъ, то его принудилибы встать и выдти на работу; еслибы пьяница сидѣлъ гдѣ-нибудь подъ присмотромъ, то на немъ уцѣлѣло-бы необходимое платье. Ну, что-жъ! Не угодно-ли изъ этого вывести заключеніе, что рабство гораздо лучше личной свободы? Такого рода попытка не имѣла-бы даже прелести новизны и оригинальности. Такъ разсуждали многіе помѣщики и помѣщицы. Любовь часто ведетъ за собою многія глупости, или, вѣрнѣе, многія глупости прикрываются фирмой любви; во имя любви заключаются экспромтомъ браки, въ которыхъ не соблюдаются ни соразмѣрность лѣтъ, ни соотвѣтствіе характеровъ и наклонностей, ни экономическія требованія простого практическаго здраваго смысла: старикъ женится на молоденькой институткѣ, неимѣющей понятія о жизни; человѣкъ умный и серьезный — на пустой и вѣтряной дѣвочкѣ; человѣкъ бѣдный и неспособный трудиться—на дѣвушкѣ бѣдной и также неспособной трудиться: начинаются семейныя огорченія, начинается нужда, во всемъ оказывается виноватой любовь,—и нѣжныя матери предостерегаютъ сыновей и дочерей, указывая на роковые примѣры и приговаривая со вздохомъ: «А ужъ какъ влюблены-то были!» Поневолѣ умному и развитому, молодому существу, слушая такія рѣчи, приходится отвѣчать: «я не влюбленъ, я люблю». Это не діалектическая тонкость, это—необходимое разграниченіе. Общество наше понимаетъ только влюбленность, какую-то febris erotica, въ которой человѣкъ бѣснуется и дѣлаетъ такія-же пошлости, какія предпринималъ добрый рыцарь Донъ-Кихотъ въ горахъ Сіерры-Морены. Надо-же заявить этому обществу, что я дескать въ своемъ умѣ и потому въ опекѣ не нуждаюсь, что я способенъ руководствоваться здравымъ смысломъ и между тѣмъ все-таки похожу величайшее наслажденіе въ сближеніи съ такой-то женщиной, а не въ томъ, чтобы пріобрѣтать много денегъ, и не въ томъ, чтобы быть самымъ блестящимъ кавалеромъ на балѣ или самымъ исполнительнымъ столоначальникомъ въ департаментѣ. Видя дурачества своихъ влюбленныхъ, общество отожествляетъ любовь съ дурачествомъ и сердится на то, чего оно не знаетъ. Многія женщины нашего общества удерживаются отъ того, что̀ называется паденіемъ, — страхомъ отцовъ или мужей, страхомъ стыда и осужденія; онѣ сами сознаютъ это, и это-же самое понимаютъ и мужчины, заботящіеся о поддержаніи ихъ нравственной чистоты; узкость и мелкость ихъ воззрѣній мѣшаетъ этимъ господамъ и барынямъ видѣть въ женщинѣ что-нибудь, кромѣ матеріальныхъ половыхъ влеченій и нравственныхъ обязанностей жены и матери.

Между тѣмъ до этихъ господъ, которые при всей своей неразвитости суются толковать о назначеніи женщины, подкладывая подъ это

слово, какъ и подъ многія другія, свой доморощенный смыслъ,—доходятъ изумительные для нихъ слухи. Они узнаютъ, что въ Европѣ и въ Америкѣ передовые люди толкуютъ о томъ, что женщина такой-же человѣкъ, какъ и мужчина, что она вовсе не обязана только о томъ и думать, чтобы готовить мужу обѣдъ, рожать ему дѣтей и кормить ихъ сначала грудью, а потомъ—манной кашкой, что она можетъ мыслить, чувствовать и дѣйствовать, не спрашивая позволенія ни у отца, ни у мужа. Задумываются наши господа; имъ говорятъ о правахъ женщины, и они сейчасъ-же понятіе женщины воплощаютъ въ тѣхъ образахъ, которые суетятся и пищатъ передъ ихъ глазами; они себѣ представляютъ, что́ случилось-бы, еслибы ихъ жены и дочери были отпущены на волю, т. е. эмансипированы,—и съ ужасомъ зажмуриваютъ глаза, и начинаютъ отмахиваться отъ эмансипаціонныхъ идей, потому что ихъ воображенію представляются неблаголѣпныя картины. Они думаютъ, что женская нравственность и цѣломудріе, супружеская вѣрность и материнская заботливость поддерживаются только стараніями отцовъ и мужей, да гнетомъ общественнаго мнѣнія, и вдругъ имъ предлагаютъ отказаться отъ своего господства надъ женщинами и устранить гнетъ общественнаго мнѣнія. Да какъ-же такъ? спрашиваютъ они; да гдѣ-жъ тогда граница, гдѣ будетъ плотина, которая до сихъ поръ сдерживала безнравственныя наклонности? гдѣ возможность, гдѣ обезпеченіе семейнаго счастія?—Словомъ, они видятъ, что можно употребить во зло идею, и уже кромѣ злоупотребленія въ этой идеѣ ничего не видятъ. Дѣйствительно, въ такой странѣ, гдѣ женщина признается полноправной личностью, ей легче завести себѣ любовника, чѣмъ у насъ, точно такъ-же, какъ у насъ это легче сдѣлать, чѣмъ въ Турціи или въ Персіи; въ этомъ не ошибаются противники эмансипаціи. Но захочетъ-ли эмансипированная женщина удариться въ развратъ изъ любви къ разврату—объ этомъ они не спрашиваютъ. Дурно-ли дѣлаетъ женщина, если дѣйствительно, любя мужчину, она отдается ему,—до этого вопроса они не умѣютъ возвыситься.

Еслибы къ киргизамъ проникла какая-нибудь европейская идея, то конечно она произвела-бы такой диссонансъ, такой сумбуръ, котораго-бы не было, еслибы она оставалась неизвѣстной. Безпорядокъ продолжался-бы до тѣхъ поръ, пока эта идея не была-бы задушена или пока-бы она рѣшительно не восторжествовала и не переработала весь строй народныхъ понятій. Къ числу такихъ рѣзкихъ диссонансовъ безспорно принадлежитъ разладъ между нашими средневѣковыми понятіями о семействѣ и совершенно новыми по своей ширинѣ идеями о полноправности женщины. Многіе-ли изъ нашихъ образованныхъ умниковъ достаточно приготовлены, чтобы только понять обширность и величіе этой идеи? Чтобы всецѣло провести ее въ собственной жизни, надо располагать такими силами, которыя достаются на долю немногимъ единицамъ. А между тѣмъ посмотрите и послушайте. Полу-кретины, не умѣющіе ни мыслить, ни уважать мысли другого, судятъ и рядятъ, оплевываютъ и закидываютъ грязью то, что́ для нихъ—пустой звукъ, а для людей съ умомъ и съ душой—сознательное и дорогое убѣжденіе. Личная свобода, любовь, полноправность женщины понимаются нашимъ обществомъ только въ опошленномъ, одностороннемъ и извращенномъ видѣ. Точно такъ-же понимается ими идея эгоизма, неразрывно связанная съ идеей свободы личности и составляющая необходимое основаніе всякой истинной любви. Эгоистъ, по понятію нашего общества,—тотъ человѣкъ, который никогда не любитъ, живетъ только для того, чтобы набивать себѣ карманъ или желудокъ, и наслаждается только чувственными удовольствіями или удовлетвореніемъ своей алчности или честолюбія. Тутъ прямо пододвинули подъ слово такое понятіе, которое не имѣетъ ничего общаго съ его подлиннымъ значеніемъ. Почему-же эгоистъ долженъ быть недоступенъ эстетическому наслажденію? Почему онъ не можетъ любить? Почему онъ не можетъ находить наслажденія въ томъ, чтобы дѣлать добро другимъ? Эгоизмъ, т. е. любовь къ собственной личности, ставитъ цѣлью жизни наслажденіе, но не ограничиваетъ выбора наслажденія тѣмъ или другимъ кругомъ предметовъ. Я наслаждаюсь тѣмъ, что́ мнѣ пріятно, а что́ пріятно—это уже подсказываютъ каждому его наклонности, его личный вкусъ. Стало быть, внутри понятія *эгоистъ* открывается необъятный просторъ личнымъ особенностямъ и стремленіямъ. Эгоистами могутъ быть и хорошіе, и дурные люди; эгоистъ—человѣкъ свободный въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; онъ дѣлаетъ только то, что́ ему пріятно; ему пріятно то, чего ему хочется, слѣдовательно онъ дѣлаетъ только то, чего ему хочется, или, другими словами, остается самимъ собою во всякую данную минуту и не насилуетъ себя ни изъ угожденія къ окружающему обществу, ни изъ благоговѣнія передъ призракомъ нравственнаго долга. Что ему пріятно, въ этомъ весь вопросъ, и тутъ начинается нескончаемое разнообразіе, и ни одинъ человѣкъ не имѣетъ права подводить это естественное и живое разнообразіе подъ какую-нибудь придуманную имъ или наслѣдованную откуда-нибудь норму. Отсутствіе нравственнаго принужденія — вотъ единственный существенный признакъ эгоизма, но этого конечно не понимаетъ наше общество; именемъ эгоиста оно называетъ непремѣнно человѣка сухого и черствaго, не понимая того, что та-

кой человѣкъ даже и самого себя любитъ слабо и вяло, что онъ даже самому себѣ не умѣетъ доставлять тѣ наслажденія, которыя можно вынести изъ сношеній съ другими людьми. Называть эгоизмомъ бѣдность крови и худосочіе, мѣшающія энергическому воспріиманію впечатлѣній, совершенно нелѣпо; и надо согласиться съ тѣмъ, что только бѣдность крови и худосочіе могутъ сдѣлать человѣка нечувствительнымъ къ наслажденіямъ любви, семейной жизни и дружбы, —недоступнымъ тому волненію, которое возбуждаютъ въ насъ истинно художественныя произведенія,—неспособнымъ къ творчеству мысли и къ искреннему воодушевленію. Эгоизмъ—система умственныхъ убѣжденій, ведущая къ полной эмансипаціи личности и усиливающая въ человѣкѣ самоуваженіе; а между тѣмъ этимъ словомъ обозначаютъ совокупность нравственныхъ, а можетъ-быть и чисто физическихъ свойствъ, мѣшающихъ развитію полной человѣчности и слѣдовательно непозволяющихъ человѣку сильно любить, сильно желать и сильно наслаждаться жизнью. Отчего происходитъ эта ошибка въ опредѣленіи понятія? Вѣроятно оттого, что мы обыкновенно очень поверхностно смотримъ на вещи. Мы видимъ напримѣръ, что человѣкъ никого не любитъ, держитъ жену и дѣтей въ черномъ тѣлѣ, копитъ деньги безъ всякой цѣли или тратитъ ихъ на грязныя удовольствія, въ которыхъ онъ одинъ принимаетъ участіе; изъ этого мы заключаемъ, что этотъ человѣкъ любитъ только самого себя и что слѣдовательно онъ—эгоистъ; онъ никого, кромѣ самого себя, не любитъ—это вѣрно; но слѣдуетъ-ли изъ этого заключенія, что онъ самого себя любитъ сильнѣе, чѣмъ тотъ человѣкъ, который находитъ наслажденіе въ томъ, чтобы доставлять другимъ удовольствія и счастье? Эти два человѣка расходятся между собою только во вкусахъ; оба идутъ къ одной цѣли — къ наслажденію; первый пускаетъ въ ходъ тѣ жалкія средства, которыя отыскиваетъ его узенькій умъ и до которыхъ дощупывается его бѣдная, хилая природа; второй живетъ всѣми фибрами своего организма, дышетъ полной грудью, смотритъ на міръ весело, любовно, радуется свѣжей жизни окружающей природы и довольству, разлитому на лицахъ близкихъ и дорогихъ ему людей; одинъ вѣчно безстрастенъ, вялъ, почти боленъ; другой здоровъ, свѣжъ, бодръ и вслѣдствіе этого воспріимчивъ къ радостямъ окружающаго міра; различіе, какъ видите, лежитъ скорѣе въ темпераментѣ, чѣмъ въ системѣ умственныхъ убѣжденій. Повторяю: эгоизмъ, если понимать его какъ слѣдуетъ, есть только полная свобода личности, уничтоженіе обязательныхъ трудовъ и добродѣтелей, а не искорененіе добрыхъ влеченій и благородныхъ порывовъ. Пусть только никто не требуетъ подвиговъ, пусть никто не навязываетъ влеченій и порывовъ, пусть общество уважаетъ личность настолько, чтобы не осуждать ее за отсутствіе влеченій и порывовъ, и пусть самъ человѣкъ не старается искусственно прививать къ себѣ и воспитывать въ себѣ эти влеченія и порывы,—вотъ все, чего можно желать отъ послѣдовательнаго проведенія и сознательнаго воспринятія идеи эгоизма. Гнетъ общества надъ личностью такъ-же вреденъ, какъ гнетъ личности надъ обществомъ; еслибы всякій умѣлъ быть свободенъ, не стѣсняя свободы своихъ сосѣдей и членовъ своего семейства, тогда конечно были-бы устранены причины многихъ несчастій и страданій. Другими словами, еслибы всякій былъ эгоистомъ по-своему, не мѣшая другимъ быть эгоистами по-своему, тогда не было-бы въ среднемъ кругу ни ссоръ, ни сплетень, ни скандаловъ. Въ *среднемъ кругу*, говорю я, потому что для низшихъ слоевъ общества есть такое зло, которое до сихъ поръ не могли устранить, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, лучшіе мыслители Европы. Это зло—пролетаріатъ со всѣми своими ужасными послѣдствіями. Отысканіе средства, долженствующаго устранить это зло, принадлежитъ еще будущему времени.

Бо́льшая часть идей, находящихся въ обращеніи между передовыми людьми нашего вѣка, превратно понимается массой нашего общества и вслѣдствіе этого не находитъ себѣ довѣрія. Ничтожный и дешевый скептицизмъ, съ которымъ встрѣчаются у насъ самыя честныя воззрѣнія, самыя теплыя выраженія человѣческаго чувства, самыя благородныя и широкія стремленія мысли, доказываютъ, что наше общество вообще равнодушно къ истинѣ и красотѣ, или что оно не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Послѣднее, мнѣ кажется, вѣрнѣе; схвативъ вершки образованія, слыша слова, знакомыя по французскимъ учебникамъ и романамъ, наша публика всякую идею понимаетъ по-своему, т. е. вкривь и вкось, а наши критики, не давая себѣ труда разъяснить ей самыя элементарныя понятія, проповѣдуютъ въ пустынѣ и не производятъ на своихъ читателей никакого вліянія, потому что эти читатели принимаютъ ихъ за педантовъ, фразеровъ или шарлатановъ. Видя то, какъ общество относится къ идеямъ, составляющимъ славу нашего вѣка, можно уже до нѣкоторой степени составить себѣ понятіе о достоинствѣ его нравственныхъ воззрѣній. Покорность существующему порядку вещей и отношеній составляетъ одно изъ главныхъ нравственныхъ требованій. Протестъ, какъ-бы ни былъ онъ законенъ и нензбѣженъ, въ какой-бы формѣ онъ ни выразился, всегда осуждается, какъ преступленіе. Семейная іерархія во всей своей строгости поддерживается общественнымъ мнѣніемъ; это общественное мнѣніе караетъ какъ тѣхъ, кто снизу возмущается противъ этой

іерархіи, такъ и тѣхъ, кто сверху ослабляетъ оковы семейнаго деспотизма. Первыхъ оно называетъ непочтительными дѣтьми, вторыхъ — слабыми родителями. Отношенія между молодыми людьми разныхъ половъ находятся подъ самымъ дѣятельнымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія. Въ правильности этихъ отношеній и заключается весь мистическій смыслъ условной нравственности. Всякое проявленіе чувства между молодыми людьми, несвязанными узами брака и даже непомолвленными, считается наглымъ оскорбленіемъ общественной нравственности. Честная дѣвушка должна больше всѣхъ любить папеньку съ маменькой, а потомъ, когда ее выдадутъ замужъ, она должна всю сумму своей любви перенести на мужа, а потомъ, когда у нея родятся дѣти, — на дѣтей. Жить такимъ образомъ — значитъ исполнять свой долгъ. Если дѣвушка замѣчаетъ въ своихъ родителяхъ недостатки, она должна убѣждать себя въ томъ, что это ей только такъ показалось, или-же что эти свойства не недостатки, а хорошія качества; если она страдаетъ отъ этихъ недостатковъ, она должна принять эти страданія съ покорностью и считать ихъ крестомъ, возложеннымъ на нее Богомъ; стараться объ устраненіи этихъ страданій — грѣшно. Если родители — люди дурные, то дочь должна считать ихъ хорошими людьми и любить ихъ, какъ таковыхъ; впрочемъ брать съ нихъ примѣръ общественное мнѣніе не велитъ. Если дѣвушкѣ случится полюбить молодого человѣка, она немедленно должна во всемъ признаться своимъ родителямъ или по крайней мѣрѣ маменькѣ, хотя-бы она со стороны послѣдней не могла ожидать себѣ сочувствія, хотя-бы даже ей пришлось за это выслушать упреки и испытать препятствія; если маменька посовѣтуетъ ей прервать сношенія съ любимымъ человѣкомъ или, говоря языкомъ патріархальнаго быта, велитъ выкинуть дурь изъ головы, она должна немедленно повиноваться; если родители пріищутъ ей жениха, способнаго составить ея счастье, человѣка солиднаго, т. е. приличнопожилого, одареннаго состояніемъ, чинами и знаками отличія, она должна съ благодарностью принять отъ нихъ это доказательство ихъ заботливости; въ подобномъ случаѣ общественное мнѣніе поощряетъ только со стороны невѣсты обильныя слезы, долженствующія служить доказательствомъ неизмѣнной привязанности къ родительскому дому; впрочемъ эта привязанность, очень похвальная, если она проявляется до свадьбы, можетъ показаться странной и даже предосудительной, если она слишкомъ сильно будетъ выражаться послѣ замужества. Молодые должны быть, или казаться, счастливыми; молодая женщина должна быть довольна своей участью, хотя-бы ея супругу было подъ семьдесятъ лѣтъ и хотя-бы ей приходилось быть сидѣлкой, а не женой; если она покажется недовольной и если — Боже упаси! — въ числѣ знакомыхъ ея мужа отыщется какой-нибудь юноша, котораго нельзя будетъ назвать уродомъ, — общественное мнѣніе отмѣтитъ ее и возьметъ ее подъ присмотръ; при малѣйшемъ предлогѣ молодая женщина будетъ обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, и репутація ея будетъ замарана; объ ней никто не пожалѣетъ, никто не вмѣнитъ ей въ заслугу многолѣтняго повиновенія родителямъ; все прежнее образцовое поведеніе будетъ вмѣнено ей въ вину. «Какова! — скажутъ всѣ — а еще какой смиренницей прикидывалась! Ужъ подлинно, въ тихомъ омутѣ...» Я нарочно выбралъ женщину для того, чтобы по ея личности прослѣдить требованія общественной нравственности.

По физическимъ силамъ, по силѣ умственныхъ силъ, вырабатывающихся въ ней воспитаніемъ, по положенію и правамъ своимъ въ обществѣ, женщина является намъ существомъ слабымъ, подчиненнымъ, подавленнымъ. И общественное мнѣніе только къ тому и стремится, чтобы представить эту слабость нормальнымъ положеніемъ, чтобы упрочить гнетъ, чтобы еще больше подавить и безъ того подавленную личность. Vae victis! — вотъ варварскій девизъ этого общественнаго мнѣнія. Нѣтъ въ немъ ни человѣколюбія, ни справедливости. Поклоненіе силѣ, къ чему-бы она ни примѣнялась, узаконеніе существующаго порядка вещей, какъ-бы ни былъ онъ безобразенъ, осужденіе слабаго, какъ бы ни были справедливы его притязанія, перевѣсъ авторитета надъ здравымъ смысломъ, — словомъ, необузданный консерватизмъ патріархальнаго быта, — вотъ чѣмъ отличается наше общественное мнѣніе. Оно знаетъ и поощряетъ только два рода добродѣтелей: со стороны старшихъ и начальниковъ — строгость, твердость, настойчивость, недопускающія разсужденія, несмягчаемыя уваженіемъ къ подчиненному, непризнающія въ немъ самобытной личности; со стороны младшихъ и подчиненныхъ — пассивное, безсмысленное, чисто внѣшнее повиновеніе, несовмѣстное съ умственной самостоятельностью и обидное для человѣческаго достоинства. Это общественное мнѣніе формируетъ только рабовъ и деспотовъ; свободныхъ людей нѣтъ; кто не чувствуетъ надъ собою гнета, тотъ гнететъ самъ и вымещаетъ на своихъ подчиненныхъ то, что̀ ему приходилось терпѣть въ молодые годы. Что̀ нарушитъ эти преемственныя преданія школы, семейства и общественнаго быта? когда превзойдетъ это нарушеніе? — на все это отвѣтитъ будущее. Но такъ жить, какъ жило и до сихъ поръ живетъ большинство нашего общества, можно только тогда, когда не знаешь о возможности лучшаго порядка вещей и когда не понимаешь своего страданія.

VIII.

Все, что я говорилъ о нашемъ провинціальномъ обществѣ,—искусственность занимающихъ его интересовъ, грубость семейныхъ отношеній, неестественность нравственныхъ воззрѣній, подавленіе личной самостоятельности гнетомъ общественнаго мнѣнія,—все это выразилось въ повѣсти «Тюфякъ». Мое дѣло будетъ обратить вниманіе читателя на тѣ факты, которые всего болѣе даютъ матеріаловъ для размышленія. Въ «Тюфякѣ» есть двѣ женщины; одну изъ нихъ мы знаемъ—это жена Бешметева; ее всѣ осуждаютъ, съ нею никто не знакомится; знакомыя съ нею дамы прерываютъ съ нею сношенія; все это дѣлается за то, что ее подозрѣваютъ въ интригѣ съ Бахтіаровымъ. Вотъ вамъ образчикъ общественной логики: выдти замужъ за человѣка, котораго не любишь,—не бѣда; отдаться любимому человѣку—стыдно и грѣшно. Другая женщина—сестра Бешметева; ея мужъ—лгунъ, мотъ, игрокъ, человѣкъ пустой и ограниченный; въ немъ нѣтъ сильныхъ страстей и пороковъ, но зато нѣтъ ни одной свѣтлой, человѣческой черты, за которую можно было-бы простить ему его гаденькія свойства; съ такимъ джентльмэномъ живетъ умная, честная, хоть и неразвитая женщина; въ отношеніи къ нему она хранитъ супружескую вѣрность; она страдаетъ отъ его пошлости; ей просто нечѣмъ жить, нечѣмъ дышать,—и она дѣйствительно медленно истлѣваетъ, сохнетъ отъ пустоты жизни, отъ недостатка внутренняго содержанія. Общественное мнѣніе не жалѣетъ объ ней и не возмущается ея безполезнымъ самоотверженіемъ; оно говоритъ, что Лизавета Васильевна Масурова—добродѣтельная женщина, исполняющая свои обязанности! Еслибы Лизавета Васильевна любила и уважала своего мужа, тогда въ исполненіи ея обязанностей не было-бы ничего оскорбительнаго для ея человѣческаго достоинства, тогда она сама была-бы счастлива, и въ ея образѣ дѣйствій не видно было-бы подвиговъ самоотверженія. Именно по этой причинѣ наше общество, воспитанное въ правилахъ приниженія личности, не поставило-бы ей въ заслугу ея хорошаго поведенія; въ нашемъ обществѣ глубоко коренится взглядъ на добродѣтель, какъ на насилованіе природы. Вы услышите на каждомъ шагу: «Что-жъ за важность, что такой-то не пьетъ?—Онъ не расположенъ къ вину. Что за важность, что такая-то хорошо живетъ съ мужемъ?—Она его любитъ.» Если судить такимъ образомъ, то надо всегда ставить раскаявшагося преступника выше человѣка, неспособнаго сдѣлать преступленіе. Естественное расположеніе къ добру считается въ такомъ случаѣ счастливой принадлежностью человѣческой природы, счастливымъ преимуществомъ, а не результатомъ акта свободной воли. По нравственнымъ понятіямъ нашего общества, свободная воля человѣка должна быть направлена на то, чтобы ломать врожденныя наклонности, искоренять тѣ слабости, которыя всего болѣе свойственны нравственному организму и прививать тѣ добродѣтели, которыя ему всего болѣе антипатичны. Идеализмъ, т. е. выкрапваніе людей на одинъ образецъ и вражда къ матеріи, какъ къ источнику всякаго зла, лежитъ въ основаніи этихъ нравственныхъ воззрѣній, которыя раздѣляютъ съ массой даже лучшіе люди общества. Они восхваляютъ женщину за то, что она исполняетъ свои обязанности въ отношеніи къ нелюбимому мужу;—они не понимаютъ того, что выдти замужъ за нелюбимаго человѣка—возмутительно. Они не понимаютъ того, что женщина, соглашающаяся принадлежать человѣку, котораго она разлюбила, подавляетъ въ себѣ естественный голосъ женской гордости и стыдливости и профанируетъ актъ любви, сводя его на степень хладнокровно-исполняемаго, условнаго обряда. Здѣсь, какъ и вездѣ, приговоры общественнаго мнѣнія клонятся къ тому, чтобы извратить и изуродовать чувство человѣческаго достоинства, чтобы въ угоду неосязательному принципу раздавить и уничтожить живую личность. Самъ Бешметевъ можетъ служить намъ яркимъ примѣромъ того нравственнаго развращенія, которое въ грязной средѣ выпадаетъ на долю молодой и слабой личности, стоявшей на хорошей дорогѣ, но не съумѣвшей на ней удержаться. Поддержало-ли, остановило-ли его хоть на минуту общественное мнѣніе? Напротивъ, оно постоянно толкало его къ паденію, и потомъ, когда онъ повалился въ пропасть, оно отреклось отъ своего поступка и рѣзко осудило его за нравственное униженіе. Переходъ отъ ученой карьеры къ бюрократической дѣятельности, нелѣпыя отношенія къ женѣ, посягательства на ея свободу, грубая ревность, притѣсненія и попреки—все это оправдывало общественное мнѣніе, ко всему этому оно подзадоривало довѣрчиваго Тюфяка, и все это привело къ чему-же?—Къ внутренней пустотѣ, къ озлобленію противъ жены, къ недовольству собою и людьми, къ желанію забыться, къ пьянству запоемъ, къ грязному паденію нравственныхъ силъ, къ разрушенію здоровья, къ преждевременной смерти. И что-же сдѣлали тѣ старшіе родственники, которые, какъ проводники общественнаго мнѣнія, управляли дѣйствіями Бешметева? Увидали-ли они по крайней мѣрѣ, что слишкомъ хорошо повиноваться ихъ совѣтамъ—нелѣпо? Поняли-ли они свою оплошность? Сознали-ли они свою неспособность руководить дѣйствіями молодыхъ и свѣжихъ личностей?—Ни мало! Они отступились отъ своего дѣла и не хотѣли по-

нять того, что несчастія, свалившіяся на Бешметева, составляютъ естественныя слѣдствія ихъ совѣтовъ; они обвинили самого-же Бешметева, презрительно сожалѣли о немъ и потомъ вѣроятно забыли о несчастной жертвѣ своей нелѣпости.

И это судьи! Это законодатели общественнаго мнѣнія!

ПИСЕМСКІЙ, ТУРГЕНЕВЪ И ГОНЧАРОВЪ.

(Сочиненія А. Ѳ. Писемскаго. Т. I и II. Сочиненія И. С. Тургенева.)

I.

Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ принадлежатъ къ одному поколѣнію. Это поколѣніе уже давно созрѣло и теперь клонится къ старости; дѣти этого поколѣнія уже способны рѣшать по-своему вопросы жизни, и потому отцы постепенно становятся дѣятелями прошедшаго времени и для нихъ настаетъ судъ ближайшаго потомства. Пора провѣрить результаты ихъ работъ, не для того, чтобы выразить имъ свою признательность или неудовольствіе, а просто для того, чтобы пересчитать умственный капиталъ, достающійся намъ отъ прошедшаго, узнать сильныя и слабыя стороны нашего наслѣдства и сообразить, что́ въ немъ можно оставить на старомъ основаніи и что́ надо фундаментально передѣлать. Всего этого наслѣдства разомъ не оглядишь; оно, какъ и все русское, велико и обильно. Посмотримъ на первый разъ, что̀ оставили намъ наши первоклассные романисты, лучшіе представители русской поэзіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Вопросъ, поставленный мною, шире, чѣмъ можетъ подумать читатель. Романы Писемскаго, Гончарова и Тургенева имѣютъ для насъ не только эстетическій, но и общественный интересъ; у англичанъ рядомъ съ Диккенсомъ, Теккереемъ, Бульверомъ и Элліотомъ есть Джонъ Стюартъ Милль; у французовъ рядомъ съ романистами есть публицисты и соціалисты; а у насъ въ изящной словесности, да въ критикѣ на художественныя произведенія сосредоточилась вся сумма идей нашихъ объ обществѣ, о человѣческой личности, о междучеловѣческихъ, семейныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; у насъ нѣтъ отдѣльно существующей нравственной философіи, нѣтъ соціальной науки; стало-быть, всего этого надо искать въ художественныхъ произведеніяхъ. Я говорю: *надо искать*, потому что не можетъ-же быть, чтобы люди, имѣющіе знакомыхъ, жену, дѣтей, состоящіе на государственной или частной службѣ, и притомъ сколько-нибудь способные размышлять, не составляли себѣ извѣстныхъ понятій о своихъ отношеніяхъ, о жизни и ея требованіяхъ; не можетъ быть, чтобы, составивъ себѣ эти понятія, они не дѣлились ими съ тѣми, кто можетъ ихъ понимать. Вмѣсто того, чтобы сообщать результаты своихъ наблюденій въ отвлеченной формѣ, они стали облекать идею въ образы. Многіе изъ нашихъ беллетристовъ сдѣлались художниками потому, что не могли сдѣлаться общественными дѣятелями или политическими писателями; что-же касается до истинныхъ художниковъ по призванію, то они также должны были какой-нибудь стороной своей дѣятельности сдѣлаться публицистами.

Кто, живя и дѣйствуя въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не проводилъ въ общественное сознаніе живыхъ, общечеловѣческихъ идей, того мы уважать не можемъ, того потомство не помѣститъ въ число благородныхъ дѣятелей русскаго слова. Гг. Фетъ, Полонскій, Щербина, Грековъ и многіе другіе микроскопическіе поэтики забудутся такъ-же скоро, какъ тѣ журнальныя книжки, въ которыхъ они печатаются. «Что вы для насъ сдѣлали?» спроситъ этихъ господъ молодое поколѣніе. «Чѣмъ вы обогатили наше сознаніе? Чѣмъ вы насъ шевельнули, чѣмъ заронили въ насъ искру негодованія противъ грязныхъ и дикихъ сторонъ нашей жизни? Сказали-ли вы теплое слово за идею? Разбили-ли вы хоть одно господствующее заблужденіе? Стояли-ли вы сами, хоть въ какомъ-нибудь отношеніи, выше воззрѣній вашего времени?» На всѣ эти вопросы, возникающіе сами собою при оцѣнкѣ дѣятельности художника, наши версификаторы ничего не съумѣютъ отвѣтить. Мало того. Они не поймутъ этихъ вопросовъ, и остановятся въ недоумѣніи, они въ наивности души увѣрены въ величіи своихъ заслугъ и въ правахъ своихъ на всеобщую признательность, они думаютъ, что, шлифуя русскій стихъ, баюкая насъ своими тихими мелодіями, воспѣвая на тысячу ладовъ мелкіе оттѣнки мелкихъ чувствъ, они приносятъ пользу русской словесности и русскому просвѣщенію. Они считаютъ себя художниками, имѣя на это званіе такія-же права, какъ модистка, выдумавшая новую куафюру.

Чтобы эти слова не казались безсмысленной выходкой, лаяніемъ на лупу, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ я понимаю подъ словомъ «художникъ». Вотъ видите-ли, всѣ мы смотримъ на какой-нибудь уличный скандалъ, но не во всѣхъ насъ это зрѣлище западетъ одинаково глубоко, не всѣхъ насъ оно потрясетъ одинаково сильно. Чего, чего не передумалъ-бы человѣкъ впечатлительный, присутствуя, положимъ, при подвигѣ расправы надъ извозчикомъ; одна эта сцена показалась-бы ему только эпизодомъ длинной, никому невѣдомой драмы, разыгрывающейся каждый день безъ свидѣтелей въ разныхъ бѣдныхъ квартирахъ, на улицахъ, «подъ овиномъ, подъ стогомъ»,— вездѣ, гдѣ бѣдный и слабый терпитъ горькую долю отъ богатаго и сильнаго. Воображеніе дорисовало-бы недостающія подробности; естественное, гуманное чувство, воспитанное разностороннимъ образованіемъ, согрѣло-бы всю картину, и вотъ изъ грубой уличной сцены возникло-бы художественное произведеніе, которое навѣрное подѣйствовало-бы на читателя, шевельнуло-бы его или заставило-бы его задуматься. Кто по природѣ и по воспитанію впечатлителенъ, да кто усвоилъ себѣ умѣнье передавать свои впечатлѣнія другимъ такъ, чтобы они могли перечувствовать то, что̀ онъ самъ чувствуетъ, тотъ и художникъ. Умѣнье передавать составляетъ техническую сторону искусства и пріобрѣтается навыкомъ и упражненіемъ. Способность воспринимать, или впечатлительность составляетъ принадлежность человѣческаго характера художника; эта способность кроется въ строеніи нервовъ, рождается вмѣстѣ съ нами и конечно развивается или притупляется обстоятельствами жизни. Умѣнье передавать, или виртуозность формы сама по себѣ не можетъ сильно и обаятельно подѣйствовать на читателя; не угодно-ли вамъ напримѣръ описать самымъ яркимъ и подробнымъ образомъ лицо вашего героя такъ, чтобы читатель видѣлъ каждую морщинку на его лбу, каждый волосокъ на его бровяхъ, каждую бородавку на лбу или щекѣ? На каждой академической выставкѣ есть нѣсколько подобныхъ картинъ; тутъ, положимъ, художникъ нарисовалъ палитру, карандашъ и куски красокъ; въ другомъ мѣстѣ—корзину съ цвѣтами или разрѣзанный арбузъ, въ третьемъ— портретъ какого-нибудь господина, у котораго бобровый воротникъ и пуговицы на шинели выдѣланы такъ тщательно, что не знаешь, портретъ-ли это, или вывѣска мѣховщика. Ахъ, какъ натурально, скажете вы, но представить себѣ, чтобы художникъ, рисуя всѣ эти прелести, что-нибудь думалъ или чувствовалъ, вы рѣшительно не будете въ состояніи. Вы увидите, что такой-то господинъ хорошо составляетъ краски и ловко владѣетъ кистью, но человѣческаго характера этого господина вы не увидите; ни мысли его, ни чувства вы не уловите; отходя отъ картины, вы будете вправѣ сказать, что такой-то NN тратитъ свое замѣчательное умѣнье на совершеннѣйшіе пустяки; почему это происходитъ— на это могутъ быть многія причины: или г. NN не на столько уменъ, чтобы составить въ головѣ свой планъ картины, или не настолько развитъ, чтобы умѣть обставить свою идею, или не настолько впечатлителенъ, чтобы нечаянно наткнуться на сюжетъ и, почти помимо собственной воли, выносить и взлелѣять его въ груди. Во всякомъ случаѣ этотъ NN — художникъ только на-половину, настолько-же, насколько можетъ быть названъ художникомъ поваръ, отлично изготовившій кулебяку. NN совершенно воленъ рисовать палитры, арбузы и мѣховые воротники всѣхъ цвѣтовъ и достоинствъ, но мы, зрители, также совершенно вольны восхищаться или не восхищаться его малеваніями.

Перенесемъ теперь то, что̀ было сказано о живописи, на поэзію. Къ сожалѣнію, область поэзіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко не такъ обширна, какъ область живописи. Вы можете напримѣръ нарисовать картину, не выразивъ ровно никакой идеи и никакого чувства; эта завидная привилегія совершенно отнимается у васъ, когда вы берете орудіемъ своимъ— слово; тогда надо непремѣнно что-нибудь сказать; читая самое наглядное описаніе какого-нибудь плетня или огорода, читатель никакъ имъ не удовлетворится, а все будетъ спрашивать, что̀-же дальше? Если-же вы ему ничего дальше не дадите, то онъ подумаетъ, что вы надъ нимъ подшутили, и, чего добраго! найдетъ вашу шутку довольно плоской. На этомъ основаніи каждый поэтъ, какъ-бы онъ ни дорожилъ своей художнической свободой и какъ-бы ни былъ ему враждебенъ элементъ мысли, старается чисто для приличія прикинуться въ своихъ произведеніяхъ мыслящимъ и чувствующимъ. Никто конечно не упрекнетъ Фета, Мея и Полонскаго въ томъ, чтобы они были глубокіе мыслители, а между тѣмъ и въ ихъ лирическихъ стихотвореніяхъ есть подобія мыслей и чувствъ; случается, правда, что вы прочтете маленькое стихотвореніе въ три-четыре куплета и тотчасъ-же забудете его, какъ забываете докуренную сигару; но зато это стихотвореніе подѣйствовало на вашу нервную систему почти такъ-же, какъ сигара; первые два стиха подкупили васъ своей благозвучностью, первыя четыре рюмы убаюкали васъ своимъ мѣрнымъ паденіемъ, и вы дочитываетесь до конца, находясь въ состояніи пріятной полудремоты и потерявъ всякую способность да и всякое желаніе отнестись критически къ прочитанному произведенію. Такого рода чтеніе дѣйствительно хорошо въ гигіеническомъ отношеніи послѣ обѣда, и кромѣ того такого рода стихотворенія очень полезны въ типографскомъ отноше-

нія для пополненія бѣлыхъ полосъ, т. е. страницъ, между серьезными статьями и художественными произведеніями, помѣщающимися въ журналахъ. Но знаете-ли, что̀ часто случается? Джентльмэнъ, наполнившій гладкими пустячками штукъ полтораста такихъ бѣлыхъ полосъ, производится въ русскіе поэты, становится авторитетомъ, издаетъ собраніе своихъ стихотвореній и начинаетъ помышлять о признательности потомства, о монументѣ aere perennius. Я совершенно согласенъ признать за ними права на монументъ, но позволю себѣ только дать читателю такихъ поэтовъ одинъ совѣтъ: попробуйте, милостивый государь, переложить два-три хорошенькія стихотворенія Фета, Полонскаго, Щербина или Бенедиктова въ прозу и прочтите ихъ такимъ образомъ. Тогда всплывутъ наверхъ, подобно деревянному маслу, два драгоцѣнныя свойства этихъ стихотвореній: во-первыхъ—неподражаемая мелкость основной идеи, и во-вторыхъ — колоссальная напыщенность формы; вамъ покажется, будто вы по ошибкѣ раскрыли томъ сочиненій Марлинскаго, вы припомните семейство Манилова или даже надписи на конфектныхъ билетикахъ, вы закроете книгу и вѣроятно согласитесь съ моимъ мнѣніемъ. Мнѣ кажется, что въ стихахъ, какъ и въ прозѣ, прежде всего нужна мысль; отсутствіе мысли можетъ быть замаскировано фантастическими арабесками и затушевано гладкостью и музыкальностью стиховъ; но то, что̀ лишено мысли, никогда не произведетъ сильнаго впечатлѣнія.

У нашихъ лириковъ, за исключеніемъ Майкова и Некрасова, нѣтъ никакого внутренняго содержанія; они не настолько развиты, чтобы стоять въ уровень съ идеями вѣка; они не настолько умны, чтобы собственными силами здраваго смысла выхватить эти идеи изъ воздуха эпохи; они не настолько впечатлительны, чтобы, смотря на окружающія ихъ явленія обыденной жизни, отражать въ своихъ произведеніяхъ физіономію этой жизни съ ея бѣдностью и печалью. Имъ доступны только маленькія треволненія ихъ собственнаго, узенькаго, психическаго міра: какъ дрогнуло сердце при взглядѣ на такую-то женщину, какъ сдѣлалось грустно при такой-то разлукѣ, что̀ шевельнулось въ груди при воспоминаніи о такой-то минутѣ,—все это описано можетъ-быть и вѣрно, все это выходитъ иногда очень мило, только ужъ больно мелко; кому до этого дѣло, и кому охота вооружаться терпѣньемъ и микроскопомъ, чтобы черезъ нѣсколько десятковъ стихотвореній слѣдить за тѣмъ, какимъ манеромъ любитъ свою возлюбленную Фетъ, или Мей, или Полонскій? Поучитесь-ка, гг. лирики, почитайте да подумайте! Вѣдь нельзя, называя себя русскимъ поэтомъ, не знать того, что наша эпоха занята интересами, идеями, вопросами гораздо пошире, поглубже и поважнѣе вашихъ любовныхъ похожденій и нѣжныхъ чувствованій. Впрочемъ, опять-таки говорю, вы вольны дѣлать, какъ угодно, но и я, какъ читатель и критикъ, воленъ обсуживать вашу дѣятельность, какъ *мнѣ* угодно. И дѣятельность ваша вѣроятно не на одни мои глаза покажется больно пустой и безцвѣтной.

Не трудно конечно понять, почему я изъ числа нашихъ лириковъ выгородилъ Майкова и Некрасова Некрасова, какъ поэта, я уважаю за его горячее сочувствіе къ страданіямъ простого человѣка, за честное слово, которое онъ всегда готовъ замолвить за бѣдняка и угнетеннаго. Кто способенъ написать стихотворенія: «Филантропъ», «Эпилогъ къ ненаписанной поэмѣ», «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной», «Саша», «Живя согласно съ строгою моралью», — тотъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его знаетъ и любитъ живая Россія. Майкова я уважаю, какъ умнаго и современно развитого человѣка, какъ проповѣдника гармоническаго наслажденія жизнью, какъ поэта, имѣющаго опредѣленное, трезвое міросозерцаніе, какъ творца «Трехъ Смертей», «Савонароллы», «Приговора», и т. д. Всякій согласится, что эти два лирика, Майковъ и Некрасовъ, по уму, по таланту, по развитію и по отношенію своему къ современной жизни стоятъ неизмѣримо выше тѣхъ версификаторовъ, о которыхъ я говорилъ на предыдущей страницѣ. Но все-таки, если мы желаемъ изучить тотъ запасъ общечеловѣческихъ идей, который находился въ обращеніи въ мыслящей части нашего общества, если мы хотимъ прослѣдить, какъ эта мыслящая часть относилась къ жизни массы, то мы преимущественно должны обратить наше вниманіе на тѣхъ трехъ романистовъ, которыхъ имена выписаны въ заглавіи статьи. Ихъ личности, ихъ манера писать, условія ихъ развитія, складъ ихъ таланта, взглядъ на жизнь—все это представляетъ самое пестрое разнообразіе; между тѣмъ всѣ трое пользуются постоянной любовью нашей публики, слѣдовательно или каждый изъ нихъ-какой нибудь стороной своего таланта удовлетворяетъ требованіямъ этой публики, или, извините за откровенность, эта публика не предъявляетъ никакихъ опредѣленныхъ требованій и кушаетъ безъ разбору все, что̀ ей ни поднесутъ. Оба эти предположенія имѣютъ нѣкоторую долю основательности. Дѣйствительно, публика наша не взыскательна и мало развита, какъ въ эстетическомъ, такъ и во всякомъ другомъ отношеніи; съ другой стороны, каждый изъ трехъ названныхъ романистовъ имѣетъ свою характерную особенность; въ Гончаровѣ напр. развита та сторона, которая слаба въ Тургеневѣ и Писемскомъ; въ Писемскомъ есть такія достоинства, которыхъ вы не найдете ни въ Тургеневѣ, ни въ Гонча-

ровѣ; Тургеневъ задѣнетъ въ васъ такія струны, которыхъ не шевельнетъ ни Гончаровъ, ни Писемскій; стало быть, публика наша, читая ихъ вмѣстѣ и находя всѣхъ троихъ по своему вкусу, поступаетъ очень основательно; она для своего умственнаго продовольствія распоряжается точно также благоразумно, какъ опытная хозяйка, заказывающая хорошій обѣдъ и инстинктивно устроивающая такъ, чтобы одно кушанье дополнялось другимъ, чтобы питательныя вещества, не находящіяся въ мясѣ, приносились въ соусѣ и приправѣ, и чтобы такимъ образомъ организмъ вынесъ изъ-за стола возможно большее количество обновляющаго матеріала.

Чтобы открыть характерныя особенности каждаго изъ нашихъ трехъ романистовъ, надо поговорить довольно подробно о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Я начну съ Гончарова; онъ писалъ меньше Писемскаго и Тургенева; его романы менѣе замѣчательны для характеристики русской жизни, и потому съ нимъ легче справиться; покончивши съ нимъ, я остановлю все вниманіе читателей на параллели между Писемскимъ и Тургеневымъ.

II.

Гончаровъ написалъ только два капитальные романа: «Обыкновенную Исторію» и «Обломова». Первый изъ этихъ романовъ сразу поставилъ его въ ряды первоклассныхъ русскихъ литераторовъ, и его «Очерки кругосвѣтнаго плаванія», и «Обломовъ» были встрѣчены журналами и публикой съ такой радостью, съ какой рѣдко встрѣчаются на Руси литературныя произведенія. Мнѣ кажется, причины этого замѣчательнаго явленія заключаются преимущественно въ томъ, что Гончаровъ по плечу всякому читателю, т. е. для всякаго ясенъ и понятенъ. Онъ вездѣ стоитъ на почвѣ чистой современной практичности, и притомъ практичности, не западной, не европейской, а той практичности, которой отличаются образованные петербургскіе чиновники, читающіе помѣщики, разсуждающія о современныхъ предметахъ барыни, и т. п. Прочтите Гончарова отъ начала до конца и вы по всей вѣроятности ничѣмъ не увлечетесь, ни надъ чѣмъ не замечтаетесь, ни о чемъ горячо не заспорите съ авторомъ, не назовете его ни обскурантомъ, ни рьянымъ прогрессистомъ, и, закрывая послѣднюю страницу, скажете очень хладнокровно, что Гончаровъ—очень умный и основательно разсуждающій господинъ. У Гончарова нѣтъ никакого конька, никакой любимой идеи; утопія всякаго рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлеченію онъ относится съ легкимъ и вѣжливымъ оттѣнкомъ иронія; онъ—скептикъ, не доводящій своего скептицизма до крайности; онъ—практикъ и матеріалистъ, способный ужиться съ фантазеромъ и идеалистомъ; онъ—эгоистъ, не рѣшающійся взять на себя крайнихъ выводовъ своего міросозерцанія и выражающій свой эгоизмъ въ тепловатомъ отношеніи къ общимъ идеямъ, или даже, гдѣ возможно, въ *игнорированіи* человѣческихъ и гражданскихъ интересовъ. Этотъ эгоизмъ проглядываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; кто читалъ «Фрегатъ Палладу» и «Обломова», тотъ не найдетъ удивительнымъ мое мнѣніе. Постоянно спокойный, ни чѣмъ не увлекающійся, романистъ нашъ развязно подходитъ къ запутаннымъ вопросамъ общественной и частной жизни своихъ героевъ и героинь; безстрастно и безпристрастно осматриваетъ онъ положеніе, отдавая себѣ и читателю самый ясный и подробный отчетъ въ мелкихъ его особенностяхъ, становясь поочередно на точку зрѣнія каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по своему всѣхъ. Онъ обсуживаетъ положеніе и свойства своихъ дѣйствующихъ лицъ, но всегда воздерживается отъ окончательнаго приговора. Прочитавши «Обыкновенную Исторію», читатель не можетъ сказать, чтобы авторъ сочувствовалъ старшему Адуеву, и не можетъ также сказать, чтобы онъ находилъ его неправымъ; сочувствія къ младшему Адуеву также не видно ни въ ту минуту, когда онъ составляетъ совершенную противоположность съ своимъ дядей, ни въ тотъ моментъ, когда онъ становится на него похожимъ. Вслѣдствіе этого, оканчивая послѣднюю страницу романа, читатель чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. «Обыкновенная Исторія» производитъ такое впечатлѣніе, какое могла-бы произвести отлично нарисованная, но неясно освѣщенная картина; мы чувствуемъ, что авторъ романа—человѣкъ умный, наблюдательный и способный осмысливать свои наблюденія; этотъ человѣкъ говоритъ съ нами о явленіяхъ нашей жизни, описываетъ ихъ подробно и наглядно, изображаетъ вліяніе этихъ явленій на молодое существо, знакомящееся съ жизнью, но изображаетъ чисто внѣшнимъ образомъ, перечисляя только симптомы перемѣнъ, происходящихъ въ его героѣ.

Очень естественно, что читатель, заинтересованный настолько-же личностью разсказчика, насколько нитью самаго разсказа, ждетъ на каждой страницѣ, чтобы авторъ въ постановкѣ образовъ или въ лирическомъ отступленіи выразилъ-бы свои воззрѣнія, сказалъ-бы: я считаю это хорошимъ, а то дурнымъ, по такимъ-то причинамъ. Мнѣ могутъ возразить на это, что объективность—высшее достоинство эпическаго поэта; я отвѣчу, что это одна изъ тѣхъ наслѣдованныхъ отъ прошедшаго фразъ, которыми пробавляются, за неимѣніемъ лучшаго, эстетика и критика,—одна изъ тѣхъ фразъ, въ которыхъ многіе свѣдущіе, но робкіе люди видятъ предѣлъ, «его-же не прейдеши». Во-пер-

выхъ, эпическая поэзія въ чистомъ видѣ своемъ теперь невозможна; попробуйте разсказывать событія безъ основной мысли, негруппируя ихъ такъ, чтобы читатель могъ видѣть просвѣчивающую идею,— вы собьетесь на Дюма-отца, Феваля и компанію, и ни одинъ развитой человѣкъ не раскроетъ вашей книги и не скажетъ вамъ спасибо за ваше эпическое спокойствіе. Разсказывать что-нибудь безъ особенной цѣли даже своимъ знакомымъ — свойственно только праздному болтуну или дряхлѣющему старцу, а разсказывать для процесса разсказыванія всей читающей публикѣ—просто недобросовѣстно и невѣжливо; надо помнить, что публика за разсказы платитъ деньги и на чтеніе ихъ тратитъ время. Зачѣмъ-же такъ безцеремонно обращаться съ достояніемъ ближняго? Я этимъ не хочу сказать, чтобы необходимо было читать публикѣ правоученія и наставленія. Боже упаси! Это еще скучнѣе! Но дѣло въ томъ, что, собираясь разсказывать что-нибудь, писатель долженъ-же самъ имѣть въ головѣ понятіе о томъ, что онъ будетъ сообщать другимъ. Если ему приходится описывать явленіе, зависящее отъ другого явленія, то долженъ-же онъ объяснить одно другимъ, вывести одно изъ другого, показать, что такая-то причина должна привести и приводитъ къ такому-то слѣдствію. Слѣдовательно, разсказчикъ долженъ раскрыть передъ читателемъ свой процессъ мысли. Кромѣ того читателю невольно придетъ въ голову вопросъ: да съ какой стати NN разсказываетъ мнѣ эти событія? что, кромѣ желанія получить авторскій гонораръ, побудило его написать нѣсколько страницъ, вывести на сцену десятка полтора лицъ и слѣдить за ними впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ ихъ жизни?—Отвѣта на эти естественные вопросы надо искать въ самомъ произведеніи; если произведеніе вылилось изъ души, то писатель конечно въ этомъ произведеніи говоритъ о томъ, что, такъ или иначе, интересуетъ его лично, что затрогиваетъ его за живое, что онъ горячо любитъ или горячо ненавидитъ. Если предметъ его разсказа для него равнодушенъ, то какъ объяснить себѣ то, что онъ обратилъ на него вниманіе, сталъ надъ нимъ задумываться, сталъ уяснять его самому себѣ и наконецъ довелъ его до такой степени наглядности, что онъ и для другихъ людей сталъ замѣтенъ, понятенъ и осязателенъ? А если ничего этого не было, если писатель не вдумывался, не уяснялъ себѣ и т. д., то разсказъ выйдетъ блѣдный и скучный; его дѣйствующія лица будутъ тѣни или маріонетки, но никакъ не живые люди; таковы дѣйствительно бываютъ разсказы, писанные на заказъ, безъ внутренняго желанія, безъ живого участія къ предмету.

Для того, чтобы печатныя строки казались рѣчами и поступками живыхъ людей, необходимо, чтобы въ этихъ печатныхъ строкахъ сказалась живая душа того, кто ихъ писалъ; только въ этомъ соприкосновеніи между мыслью автора и мыслью писателя и заключается обаятельное дѣйствіе поэзіи; живопись говоритъ глазу, музыка—уху, а поэзія (творчество)—чисто одному мозгу; вы видите глазомъ черные значки на бѣломъ полѣ и при помощи этихъ значковъ узнаете то, что́ думалъ человѣкъ, котораго вы можетъ-быть никогда въ глаза не видали; на васъ дѣйствуетъ чисто сила мысли, а мысль и чувство всегда бываютъ *личныя*; слѣдовательно, что́-же останется отъ поэтическаго произведенія, если вы изъ него вытравите личность автора? вполнѣ объективная картина—фотографія; вполнѣ объективный разсказъ—показаніе свидѣтеля, записанное стенографомъ; вполнѣ объективная музыка—шарманка; добиться этой объективности значитъ уничтожить въ поэзіи всякій патетическій элементъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убить поэзію, убить искусство, даже науку, даже всякое движеніе мысли.

Личность автора для меня интересна, какъ всякая человѣческая личность и кромѣ того какъ личность, чувствующая потребность высказаться, слѣдовательно воспринявшая въ себѣ рядъ извѣстныхъ впечатлѣній и переработавшая ихъ силой собственной мысли. Личности-же вымышленныхъ дѣйствующихъ лицъ я только терплю и допускаю, какъ выраженіе личности автора, какъ форму, въ которую ему заблагоразсудилось вложить свою идею. Если я съ идеей согласенъ, если я ей сочувствую, а выведенныя личности оказываются блѣдными и неестественными, то я скажу, что авторъ—неопытный музыкантъ, что чувство въ немъ есть, а техническаго умѣнья мало; замѣтивши этотъ недостатокъ, я все-таки буду можетъ-быть нѣкоторые отрывки читать съ удовольствіемъ, вѣроятно тѣ отрывки, въ которыхъ сила внутренняго убѣжденія и воодушевленія укрѣпляетъ неопытныя руки виртуоза и заставляетъ его на нѣсколько мгновеній побѣдить трудности техники. «Ничего, современемъ будетъ прокъ, явится навыкъ»,—можно будетъ сказать, закрывая книгу, написанную такимъ образомъ, т. е. съ неподдѣльной теплотой, но безъ достаточнаго знанія жизни; читатель съ добрымъ чувствомъ разстанется съ такимъ писателемъ и съ радостью встрѣтится съ нимъ въ другой разъ. Но если въ разсказѣ, великолѣпно обставленномъ живыми подробностями, не видно идеи и чувства, не видно личности творца, то общее впечатлѣніе будетъ совершенно неудовлетворительно. Вамъ покажется, что передъ вами играетъ на фортепіано какой-нибудь заѣзжій искусникъ, выдѣлывающій удивительныя штуки пальцами, исполняю-

щій съ быстротой молніи невообразимыя трели и рулады, возбуждающій ваше искреннее изумленіе бѣглостью рукъ, но ничѣмъ не дающій вамъ почувствовать, что онъ—человѣкъ. Тутъ ужъ нѣтъ никакой надежды; тутъ года не принесутъ пользы; пріобрѣсти фактическія знанія можно, усвоить технику какого угодно искусства тоже не большая трудность, но откуда-же взять свѣжести чувства, самодѣятельной энергіи мысли, той электрической, непонятной силы, которая берется въ насъ, Богъ вѣсть откуда, и уходитъ съ годами, Богъ вѣсть куда?

Словомъ, только личное воодушевленіе автора грѣетъ и раскаляетъ его произведеніе; гдѣ этого личнаго воодушевленія не замѣтно, тамъ, какъ-бы ни было вѣрно подмѣчены и искусно сгруппированы подробности, тамъ, повторяю, нѣтъ истинной силы, нѣтъ истинно обаятельнаго вліянія поэзіи, нѣтъ сочувствія между поэтомъ и читателемъ.

III.

Между публикой и любимымъ писателемъ почти всегда устанавливаются извѣстныя отношенія, основанныя на сочувствіи и довѣріи. Любя произведенія какого-нибудь NN, невольно составляешь себѣ понятіе о его личности, допускаешь въ ней тѣ или другія свойства и рѣшительно отвергаешь разныя темныя пятна. Иногда случается разочароваться и часто подобное разочарованіе бываетъ такъ-же тяжело, какъ разочарованіе въ близкомъ и дорогомъ человѣкѣ. Гончаровъ —писатель, любимый публикой; въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, а между тѣмъ, странное дѣло. между нимъ и публикой положительно нѣтъ подобныхъ отношеній; его человѣческой личности никто не знаетъ по его произведеніямъ; даже въ дружескихъ письмахъ, составившихъ собою «Фрегатъ Палладу», не сказались его убѣжденія и стремленія; выразилось только то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго написаны письма; настроеніе это переходитъ отъ спокойно лѣниваго къ спокойно веселому, и больше намъ не представляется никакихъ данныхъ для обсужденія личнаго характера нашего художника. Во всякомъ случаѣ, если два большіе романа, которыхъ сюжеты взяты изъ современной жизни, не выражаютъ ясно даже отношеній автора къ идеямъ и явленіямъ этой жизни,—это значитъ, что въ этихъ романахъ есть умышленная или нечаянная недоговоренность, и что эти романы продуманы и состроены, а не прочувствованы и созданы. Бѣглый взглядъ на остовъ «Обыкновенной Исторіи» и «Обломова» подтвердитъ эту мысль. «Обыкновенная Исторія» говоритъ намъ: вотъ что дѣлается изъ молодого человѣка подъ вліяніемъ нашей петербургской жизни. Ну, что-же такое? спрашиваетъ читатель. Что она его формируетъ или портитъ? Что она сама хороша или дурна?—На второй вопросъ Гончаровъ отвѣчаетъ такъ: петербургская жизнь вотъ какая, и описываетъ наружность этой жизни, тщательно избѣгая какихъ-бы то ни было отношеній къ этой наружности. Положимъ, у васъ спрашиваютъ, хороша-ли такая-то женщина? вы отвѣчаете:—носъ у нея такой-то длины и такой-то ширины, ротъ такой-то величины, зубовъ столько-то, такого-то цвѣта глаза, столько-то линій въ длину и столько-то въ разрѣзѣ, цвѣтъ ихъ такой-то, и т. д. Согласитесь, что изъ подобнаго безпристрастнаго описанія не выпесешь сколько-нибудь цѣлостнаго понятія о характерѣ физіономіи, какимъ бы увлекательнымъ языкомъ ни были записаны эти статистическія данныя. Точно также описаніе петербургскаго житья-бытья у Гончарова выходитъ неяркимъ потому, что авторъ рѣшительно не хочетъ выразить своего мнѣнія, своего взгляда на вещи.

На вопросъ о томъ, формируетъ или портитъ эта жизнь молодого Александра Адуева, Гончаровъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ самъ разсказываетъ въ концѣ романа, что Александръ пріобрѣлъ лысину, почтенную полноту и житейскую опытность, охладившую его мечтательность; тѣмъ дѣло и кончается. Читатель вправѣ сказать: г. Гончаровъ, я самъ очень хорошо знаю, что у человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ вылѣзаютъ волосы, что сидячая жизнь увеличиваетъ въ насъ количество жира, и что съ годами мы становимся опытнѣе. Вы описали это чрезвычайно подробно, вѣрно и наглядно, но вы не сказали намъ ничего новаго и скрыли отъ насъ внутренній смыслъ вашихъ сценъ и картинъ. Дѣйствительно, крупныя, типическія черты нашей жизни почти умышленно сглажены писателемъ и слѣдовательно ускользаютъ отъ читателя; зато отдѣлка подробностей тонка, красива, какъ брюссельскія кружева, и, по правдѣ сказать, почти такъ-же безполезна. Александръ приходитъ въ соприкосновеніе съ міромъ чиновниковъ—объ этомъ сказано вскользь, и потомъ сообщенъ результатъ, что онъ привыкъ къ канцелярской работѣ и сталъ получать порядочное жалованье. Александръ вступаетъ въ сношенія съ журналами,—объ этомъ тоже упоминается мимоходомъ, и только для того, чтобы отмѣтить приращеніе его годового дохода. Двѣ такія важныя стороны нашей жизни, какъ бюрократія и періодическая литература, не удостоиваются внимательнаго разсмотрѣнія, а между тѣмъ приводятся отъ слова до слова длиннѣйшіе разговоры между Петромъ Ивановичемъ и Александромъ, между Александромъ и Наденькой, Александромъ и Тафаевой и т. п. Это—ошибка, какъ передъ изображеніемъ самой жизни, такъ даже и передъ личностью самого героя. Положимъ, старшіе родственники и любимыя женщины имѣютъ значи-

тельное вліяніе на формированіе характера и убѣжденій; но вѣдь все-таки формируетъ-то самая жизнь, столкновеніе съ ея дрязгами, съ ея сѣрыми трудовыми сторонами; намъ любопытно видѣть, какъ живутъ герои Гончарова, а онъ намъ показываетъ, какъ они резонерствуютъ о жизни или мечтаютъ о ней, сидя рядомъ съ героинями гдѣ-нибудь подъ кустомъ сирени, въ тѣнистой бесѣдкѣ. Это очень хорошо и трогательно, но это не жизнь, а развѣ крошечный уголокъ жизни. Конечно таланту Гончарова должно отдать полную дань удивленія: онъ умѣетъ удерживать насъ на этомъ крошечномъ уголкѣ впродолженіи цѣлыхъ сотенъ страницъ, не давая намъ ни на минуту почувствовать скуку или утомленіе; онъ чаруетъ насъ простотой своего языка и свѣжей полнотой своихъ картинъ, но, если вы по прочтеніи романа захотите отдать себѣ отчетъ въ томъ, что вы вмѣстѣ съ авторомъ пережили, передумали и перечувствовали, то у васъ въ итогѣ получится очень немного. Гончаровъ открываетъ вамъ цѣлый міръ, но міръ микроскопическій; какъ вы приняли отъ глаза микроскопъ, такъ этотъ міръ исчезъ, и капля воды, на которую вы смотрѣли, представляется вамъ снова простой каплей. Еслибы эта сила анализа, невольно подумаете вы, была направлена не на мелочи, а на жизнь во всей ея широтѣ, во всемъ ея пестромъ разнообразіи,—какія-бы чудеса она могла произвести!—Эта мысль ошибочна; кто останавливается на анализѣ мелочей, тотъ, стало быть, и неспособенъ идти дальше и подниматься выше. Гончаровъ останется на анализѣ мелочей потому, что у него нѣтъ побудительной причины перейдти къ чему-либо другому; онъ холоденъ, его не волнуютъ и не возмущаютъ крупныя пелѣпости жизни; микроскопическій анализъ удовлетворяетъ его потребности мыслить и творить; на этомъ поприщѣ онъ пожинаетъ обильные лавры — стало быть, о чемъ-же еще хлопотать, къ чему еще стремиться? Словомъ, Гончаровъ, какъ художникъ, то-же самое, что Срезневскій, какъ ученый; первый творитъ для процесса творчества, не заботясь о степени важности тѣхъ предметовъ, которые онъ воспѣваетъ, не спрашивая себя о томъ, высѣкаетъ-ли онъ своимъ рѣзцомъ великолѣпную статую или вытачиваетъ красивую бездѣлушку для письменнаго стола богатаго барина; второй точно также изслѣдуетъ для процесса изслѣдованія, не спрашивая себя о томъ, стоитъ-ли игра свѣчей и выйдетъ-ли изъ его трудовъ какой-нибудь осязательный результатъ. Обѣ эти личности, представители одного типа, выработались подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, сжились съ ними и, почисливъ вопросы жизни рѣшенными вполнѣ удовлетворительно, обратили дѣятельность свою на шлифованіе подробностей, не имѣющихъ даже относительной важности. Какъ,—спроситъ съ негодованіемъ мой читатель,—и «Обломовъ»—шлифованіе подробностей? Да, — отвѣчу я съ подобающею скромностью.—«Обломовъ», какъ правописательный романъ, не что иное, какъ шлифованіе подробностей. Типъ Обломова не созданъ Гончаровымъ; это повтореніе Бельтова, Рудина и Бешметева; но Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ приведены въ связь съ коренными свойствами и особенностями нашей зачинающейся цивилизаціи, а Обломовъ поставленъ въ зависимость отъ своего неправильно сложившагося темперамента. Бельтовъ и Рудинъ сломлены и помяты жизнью, а Обломовъ просто лѣнивъ, потому что лѣнивъ. Вліяніе общества на личность героя здѣсь, какъ и въ «Обыкновенной Исторіи», скрыто отъ глазъ читателя; авторъ понимаетъ, что оно должно существовать, но онъ держитъ его гдѣ-то за кулисами, и изъ-за этихъ кулисъ его герой выходитъ совершенно готовымъ и начинаетъ разсуждать и ходить по сценѣ. Если читатель возразитъ мнѣ, что «Сонъ Обломова» объясняетъ намъ процессъ его развитія, то я на это отвѣчу, что «сонъ» говоритъ только о младенческихъ годахъ нашего героя. Никакой характеръ не оказывается сложившимся въ десяти или двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ; тѣмъ болѣе не могъ сложиться въ такіе годы характеръ Обломова, котораго и въ тридцать-пять лѣтъ можно было ворочать куда угодно; стало-быть, зачѣмъ-же авторъ, заговоривши о воспитаніи и развитіи своего героя, не далъ намъ сценъ изъ его гимназической, студенческой, чиновнической жизни? Вѣдь это, воля ваша, былобы нетолько плодотворнѣе, но даже интереснѣе многихъ сценъ между Обломовымъ и Захаромъ. Вѣдь любопытно знать, что именно формируетъ у насъ Обломовыхъ, гораздо любопытнѣе, чѣмъ смотрѣть на то, какъ уже сформированные Обломовы, т. е. люди, на которыхъ надо махнуть рукой, валяются на диванѣ и плюютъ въ потолокъ. Но, какъ вездѣ, интересный, живой вопросъ обойденъ, а подробностей гибель.

Изображая личность Обломова, Гончаровъ могъ еще ограничиться тѣсной сферой, не выходить за предѣлы кабинета и спальни и занимать своего читателя пересказываніемъ того, что говорили между собою Илья Ильичъ и Захаръ. Но вотъ нашъ художникъ хочетъ противупоставить своему лѣнивому герою лицо дѣятельное, веселое и дѣльно смотрящее на жизнь и энергически расправляющееся съ ея дрязгами и невзгодами. Является Андрей Ивановичъ Штольцъ, о которомъ даже самъ авторъ возвѣщаетъ не безъ торжественности, говоря, что это человѣкъ будущаго, что много Штольцевъ кроется подъ русскими именами, что люди такого закала будутъ дѣлать дѣло, какъ слѣ-

дуетъ. О, думаете вы, вотъ тутъ-то Гончаровъ выскажетъ то, что́ у него на душѣ, тутъ-то онъ воспользуется всѣми собранными матеріалами, чтобы дать плоть и кровь этому человѣку будущаго, тутъ-то онъ приведетъ своего любимаго героя въ столкновеніе съ разными сторонами и типическими особенностями нашей жизни. Вы продолжаете читать съ возрастающимъ нетерпѣніемъ и убѣждаетесь въ томъ, что Штольцъ ведетъ себя точно такъ-же, какъ всѣ гончаровскіе герои, т. е. много говоритъ, хорошо округляетъ періоды, самодовольно развертываетъ передъ слушателемъ свои убѣжденія и ничего не дѣлаетъ; о его дѣятельности, которая составляетъ сущность его характера и замѣчательнѣйшее его достоинство, авторъ разсказываетъ намъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Штольцъ представленъ внѣ жизни; а Штольцъ безъ жизни все равно, что рыба безъ воды. Онъ выведенъ изъ своего естественнаго положенія, и потому самъ блѣденъ и неестественъ до крайности. Такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ не дѣйствуетъ, то ему, чтобы зарекомендовать себя читателю, поневолѣ приходится говорить самому о себѣ: «я, дескать, человѣкъ дѣятельный, вѣрьте мнѣ наслово»; автору точно также приходится обращаться къ вѣрѣ читателя и говорить ему: «Штольцъ у меня человѣкъ дѣятельный; дѣятельности вы его не увидите, но онъ, право, постоянно занятъ». Читатель, расположенный къ скептицизму, подумаетъ при этомъ такъ: «если романистъ приписываетъ одному изъ своихъ героевъ какое-нибудь качество, а между тѣмъ это качество не выражается въ его дѣйствіяхъ, то я, читатель, имѣю право заключить, что у автора не хватило силъ вложить въ образы то, что онъ выразилъ въ отвлеченной фразѣ. Дѣятельный Штольцъ принадлежитъ къ разряду лицъ, подобныхъ добродѣтельному становому Львова и знаменитому чиновнику его сіятельства графа Соллогуба». Читатель-скептикъ не ошибется въ своемъ предположеніи.

Впрочемъ то обстоятельство, что Гончаровъ взялся за сооруженіе своего Штольца, и то обстоятельство, что это сооруженіе вышло до крайности неудачнымъ, такъ характерны, что объ нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Дѣйствующія лица романовъ Гончарова постоянно вращаются въ безразличной атмосферѣ, живутъ въ тѣхъ комнатахъ, въ которыя не проникаетъ русскій духъ, и становятся другъ къ другу въ такія отношенія, которыя зависятъ отъ особенностей ихъ личнаго характера, а не отъ условій мѣста и времени. Декораціи у Гончарова русскія; для обстановки онъ выводитъ русскаго лакея, русскую кухарку, но это—аксессуары, которые могутъ быть устранены, не нарушая завязки романа; главныя дѣйствующія лица созданы головой автора, а не навѣяны впечатлѣніями живой дѣйствительности. Задавшись своей идеей, набросавъ ее въ общихъ чертахъ, Гончаровъ потомъ уже съ натуры подрисовываетъ подробности, и все вмѣстѣ выходитъ очень удовлетворительно и на первый взглядъ кажется романомъ, взятымъ изъ русской жизни и воспроизводящимъ русскіе типы. Но это только на первый взглядъ. Отдѣлайтесь только отъ обаянія великолѣпнаго языка, отбросьте аксессуары, не относящіеся къ дѣлу, обратите все ваше вниманіе на тѣ фигуры, въ которыхъ сосредоточивается смыслъ романа, и вы увидите, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго и кромѣ того — ничего типичнаго. Если мы поступимъ такимъ образомъ съ «Обыкновенной Исторіей», то увидимъ, что смыслъ романа лежитъ въ двухъ фигурахъ, въ дядѣ и въ племянникѣ, и что изъ этихъ двухъ фигуръ одна невѣрна и неестественна, а другая совершенно пассивна и безцвѣтна.

Петръ Ивановичъ Адуевъ, дядя,—не вѣренъ съ головы до ногъ. Это какой-то англійскій джентльмэнъ, пробившій себѣ дорогу въ люди силой своего ума, составившій себѣ карьеру и состояніе и при этомъ нисколько не загрязнившійся. Въ нашемъ отечествѣ дорога къ почестямъ и деньгамъ усѣяна всякаго рода терніями. Кто хочетъ преуспѣть на томъ поприщѣ, по которому путешествовалъ Петръ Ивановичъ, тотъ немного сохранитъ въ себѣ гонора и фанаберіи; подъ старость непремѣнно дойдетъ до положенія Фамусова, а вѣдь между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ—огромная разница. Петра Ивановича видимо уважаетъ Гончаровъ, а къ Фамусову онъ по всей вѣроятности отнесся-бы съ добродѣтельнымъ презрѣніемъ. Это видимое различіе между Фамусовымъ и Петромъ Ивановичемъ не можетъ быть объяснено различіемъ времени. Скажите по совѣсти, неужели мы такъ много ушли впередъ съ тѣхъ поръ, какъ была написана комедія Грибоѣдова? Неужели вы до сихъ поръ не встрѣчаете между вашими знакомыми Фамусова, Молчалина и Скалозуба? Формы стали дѣйствительно поприличнѣе, но что-же это за утѣшеніе? Неужели-же Гончаровъ, выводя своего героя, обманулся внѣшней благопристойностью формы и не умѣлъ заглянуть поглубже и распознать подъ гладкими фразами Петра Ивановича родовыхъ свойствъ фамусовскаго типа? Врядъ-ли такой острый аналитикъ могъ впасть въ грубую ошибку, въ которой можетъ уличить его всякій школьникъ. Мнѣ кажется, дѣло въ томъ, что въ самомъ Фамусовѣ авторъ «Обыкновенной Исторіи» осудилъ-бы не сущность, а внѣшнее неблагообразіе. Потихоньку вести свои дѣла, заводить связи и поддерживать ихъ изъ чистаго разсчета, заниматься такимъ дѣломъ, къ которому не лежитъ сердце и котораго не

оправдываетъ умъ, оставлять подъ спудомъ въ практикѣ тѣ идеи, которыя исповѣдуешь въ теоріи, смотрѣть съ скептической улыбкой на порывы молодежи, стремящейся обратить слово въ дѣло,—всѣ эти вещи можно назвать благоразуміемъ, лишь-бы онѣ не представлялись въ полной наготѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Своему герою Гончаровъ приписываетъ именно это благоразуміе, утаивая и сглаживая тѣ сѣренькія стороны, которыя неизбѣжно связаны съ этимъ благоразуміемъ. Но утаить и сгладить эту обратную сторону медали можно было только съ тѣмъ условіемъ, чтобы показывать читателямъ одну сторону дѣла. Еслибы Гончаровъ вздумалъ выдержать очерченный имъ характеръ, приведя его въ столкновеніе со всѣми фазами русской жизни, тогда ему пришлось-бы всѣ эти фазы выдумать самому и тогда вопіющая неестественность бросилась-бы въ глаза каждому читателю. На этомъ основаніи надо было пройти молчаніемъ всѣ отношенія Петра Ивановича къ тому міру, который лежитъ за предѣлами его кабинета и спальни. На этомъ основаніи нельзя было сказать ни слова о томъ, какъ Петръ Ивановичъ вышелъ въ люди; даже тѣ средства и пути, которыми его племянникъ пріобрѣлъ себѣ независимое положеніе, покрыты мракомъ неизвѣстности. Петръ Ивановичъ, какъ чиновникъ, какъ подчиненный, какъ начальникъ, какъ свѣтскій человѣкъ,—не существуетъ для читателя «Обыкновенной Исторіи», и не существуетъ именно потому, что автору предстояло рѣшить грозную дилемму: или выдумать отъ себя всю русскую жизнь и превратить Петербургъ въ Аркадію, или бросить грязную тѣнь на своего героя, какъ на человѣка, подкупленнаго этой жизнью и отстаивающаго ея нелѣпости ради своихъ личныхъ выгодъ. Чтобы не насиловать явленій жизни, чтобы не становиться къ нимъ въ ложныя отношенія и чтобы не закидать грязью своего героя, Гончаровъ заблагоразсудилъ въ «Обыкновенной Исторіи» совершенно отвернуться отъ явленій жизни. Отнестись къ нимъ съ тѣмъ суровымъ отрицаніемъ, съ которымъ относились къ нимъ всѣ честные дѣятели русской мысли, открыто заявить свое non-conformity Гончаровъ не рѣшился. Почему?—Отвѣчать на этотъ вопросъ не мое дѣло; пусть отвѣтитъ на него самъ романистъ. Во всякомъ случаѣ въ «Обыкновенной Исторіи» онъ исполнилъ удивительный tour de force, и исполнилъ его съ безпримѣрной ловкостью; онъ написалъ большой романъ, не говоря ни одного слова о крупныхъ явленіяхъ нашей жизни; онъ вывелъ двѣ невозможныя фигуры и увѣрилъ всѣхъ въ томъ, что это дѣйствительно существующіе люди; онъ сталъ въ первый рядъ русскихъ литераторовъ, не откликаясь ни однимъ звукомъ на вопросы, поставленные исторической жизнью народа, пропуская мимо ушей то, что́ носится въ воздухѣ и составляетъ живую связь между живыми дѣятелями. Исполнить такого рода tour de force, и потомъ исполнить его на глазахъ Бѣлинскаго, удалось Гончарову, только благодаря удивительному совершенству техники, невыразимой обаятельности языка, безпримѣрной тщательности въ отдѣлкѣ мелочей и подробностей. Герои Гончарова ведутъ между собой такіе живые разговоры, что, прислушиваясь къ нимъ, невольно забываешь невѣрность ихъ типа и невозможность ихъ существованія. А между тѣмъ эта невѣрность и невозможность, незаявленныя положительно въ нашей критикѣ, заявляются въ ней отрицательно. Рудина, Лаврецкаго, Калиновича, Бешметева наши критики берутъ,какъ представителей типовъ, какъ живыхъ людей, служащихъ образчиками русской натуры, а героевъ Гончарова никто не беретъ такимъ образомъ, потому что, повторяю, въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, и нѣтъ никакой натуры.

Оба Адуевы, дядя и племянникъ, не обратились и никогда не обратятся въ полу-нарицательныя имена, подобныя Онѣгину, Фамусову, Молчалину, Ноздреву, Манилову и т. п. Что́ сказать о личности Александра Ѳедоровича Адуева, племянника? Только и скажешь, что у него нѣтъ личности, а между тѣмъ даже и безличность или безхарактерность не можетъ быть поставлена въ число его свойствъ. Онъ молодъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ съ большими надеждами и съ сильной дозой мечтательности; петербургская жизнь понемногу разбиваетъ его надежды и заставляетъ его быть скромнѣе и смотрѣть подъ ноги, вмѣсто того, чтобы носиться въ пространствахъ эоира. Онъ влюбился—ему измѣняетъ любимая дѣвушка; онъ напускаетъ на себя хандру—и понемногу отъ нея вылечивается; потомъ онъ влюбляется въ другую, и на этотъ разъ уже самъ измѣняетъ своей Дульцинеѣ; съ годами онъ становится разсудительнѣе; при этомъ онъ постоянно споритъ съ своимъ дядей и мало-по-малу начинаетъ сходиться съ нимъ во взглядѣ на жизнь; романъ кончается тѣмъ, что оба Адуевы сходятся между собою совершенно въ понятіяхъ и наклонностяхъ.—«Это канва романа,—скажете вы,—это—общія черты, контуры, которые можно раскрасить, какъ угодно». Это правда; и эти контуры такъ и остались нераскрашенными; бѣдность и недодѣланность ихъ опять-таки замаскированы тщательностью внѣшней отдѣлки. Напримѣръ, Александръ ѣдетъ къ той дѣвушкѣ, которую онъ любитъ; онъ чувствуетъ сильное нетерпѣніе, и Гончаровъ чрезвычайно подробно разсказываетъ, въ какихъ именно внѣшнихъ признакахъ проявлялось это нетерпѣніе, какъ сидѣлъ его герой, какъ онъ перемѣнялъ положеніе, какое впечатлѣніе производили на

него окрестные виды; потомъ эта дѣвушка ему измѣнила, предпочла другого,—и Гончаровъ опять-таки съ дагерротипической вѣрностью воспроизводитъ внѣшнія выраженія отчаянія, а потомъ апатію своего героя. Онъ пишетъ вообще исторію болѣзни, а не характеристику больного: поэтому, еслибы романъ Гончарова попался въ руки какому-нибудь разумному жителю луны, то этотъ господинъ могъ-бы составить себѣ довольно вѣрное понятіе о томъ, какъ говорятъ, любятъ, живутъ, наслаждаются и страдаютъ на землѣ животныя, называемыя людьми. Но мы къ сожалѣнію все это знаемъ по горькому опыту, и потому тѣ общія черты, которыя нашъ романистъ разрабатываетъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, представляютъ для насъ мало существеннаго интереса. Мы знаемъ, что, отправляясь на свиданіе съ любимой женщиной, молодой человѣкъ чувствуетъ усиленное біеніе сердца; какъ подробно ни описывайте этотъ симптомъ, вы охарактеризуете только извѣстное физіологическое отправленіе, а не очертите личной физіономіи. Описывать подобные моменты все равно, что описывать, какъ человѣкъ жуетъ или хранитъ во снѣ, или сморкается. Дѣло другое, если герой, отправляясь на свиданіе, перебираетъ въ головѣ такія идеи, которыя составляютъ его типовое или личное свойство; тогда его мысли стоитъ отмѣтить и воспроизвести. Но Гончаровъ думаетъ иначе; онъ съ зеркальной вѣрностью отражаетъ все или, вѣрнѣе, все то, что находитъ удобоотражаемымъ, все безцвѣтное, т. е. именно все то, чего не слѣдовало и не стоило отражать.

Условія удобоотражаемости измѣняются съ годами; что̀ было неудобно лѣтъ десять тому назадъ, то сдѣлалось удобнымъ и общепринятымъ теперь. Вслѣдствіе этихъ измѣненій въ воздухѣ времени, измѣнилось и направленіе Гончарова. Его «Обыкновенная Исторія», за исключеніемъ послѣднихъ страницъ, которыя какъ-то не вяжутся съ цѣлымъ и какъ-будто приклеены чужой рукой, говоритъ довольно прямо, хоть и очень осторожно: «эхъ, молодые люди, протестанты жизни, бросьте вы ваши стремленія вдаль, къ усовершенствованіямъ, къ лучшему порядку вещей!—все это пустяки, фантазерство!—надѣньте вицмундиры, вооружитесь хорошо очиненными перьями, покорностью и терпѣніемъ, молчите, когда васъ не спрашиваютъ, говорите, когда прикажутъ и что̀ прикажутъ, скрипите перьями, не спрашивая, о чемъ и для чего вы пишете,—и тогда, повѣрьте мнѣ, всѣ будутъ вами довольны, и вы сами будете довольны всѣмъ и всѣми».

Эти мысли и воззрѣнія въ свое время были какъ нельзя болѣе кстати; ихъ надо было только выразить съ нѣкоторой осторожностью, чтобы не прослыть за послѣдователя почтеннѣйшаго Булгарина; а, какъ мы видѣли, дипломатической осторожности въ «Обыкновенной Исторіи» дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ мысли, и несравненно больше, чѣмъ чувства. Но времена перемѣнились, и пришлось настраивать лиру на новый ладъ; всѣ заговорили о прогрессѣ, о разумѣ, и Гончаровъ также заблагоразсудилъ дать нашему обществу урокъ, наставить его на путь истины и указать ему на свѣтлое будущее. «Россіяне!—говоритъ онъ въ своемъ «Обломовѣ»,—всѣ вы спите—всѣ вы равнодушны къ судьбѣ родины, всѣ вы до такой степени одурѣли отъ сна и заплыли жиромъ, что мнѣ, роману, приходится въ укоръ вамъ брать своего положительнаго героя изъ нѣмцевъ, подобно тому, какъ предки ваши, новгородскіе славяне, изъ нѣмцевъ призвали себѣ великаго князя, собирателя русской земли».—И россіяне, со свойственной имъ однимъ добродушной наивностью, умиляются надъ геніальнымъ произведеніемъ своего романиста, всматриваются въ утрированную до-нельзя фигуру Обломова и восклицаютъ съ добродѣтельнымъ раскаяніемъ: «да, да! вотъ наша язва, вотъ наше общее страданіе, вотъ корень нашихъ золъ—Обломовщина, Обломовщина!... Всѣ мы—Обломовы! всѣ мы ничего не дѣлаемъ! а дѣло ждетъ» и т. д.

Добрые люди! напрасно вы такъ на себя ропщете; да что̀-же вы будете дѣлать? Какая это вамъ пригрезилась работа? Это должно быть одно изъ слѣдствій вашего продолжительнаго сна; перевернитесь на другой бокъ и усните опять. Вы можете быть или Обломовыми, или Молчалиными, Фамусовыми и Петрами Ивановичами; первые—байбаки, тряпки; вторые—положительные дѣятели; но всякій порядочный человѣкъ скорѣе согласится быть Обломовымъ, чѣмъ Фамусовымъ. Гончаровъ, какъ авторъ «Обломова» *), думаетъ иначе; онъ думаетъ, что дѣло ждетъ, а работники спятъ, такъ что приходится нанимать ихъ заграницей; спятъ они не потому, что ихъ измучила работа, не потому, что ихъ истомила жажда и пропекли жгучіе лучи солнца, а потому, что—негодящій народъ, лѣнтяи, увальни, жиромъ заплыли! Вотъ ужъ это дешевая клевета, пустая фраза, разведенная на цѣлый огромный романъ. Гончаровъ, какъ Пашинъ въ романѣ Тургенева «Дворянское Гнѣздо», думаетъ, что стоитъ только захотѣть, такъ сейчасъ и посыпятся въ ротъ жареные рябчики, и l'idée du cadastre будетъ популяризирована; вотъ поэтому его «Обломовъ» и относится къ тогдашнему пробужденію дѣятельности, какъ замѣчаніе на-

*) Какъ авторъ «Обыкновенной Исторіи». Гончаровъ думаетъ совсѣмъ не то: тамъ онъ думаетъ, что все хорошо и всѣ хороши; стоитъ только приглядѣться да втянуться.

чальника, высказанное подчиненному: «что-жъ вы, дескать, любезный мой, спите? вѣдь такъ нельзя! вы видите, я самъ не жалѣю силъ». Гончаровъ очевидно думалъ этой мыслью попасть въ ноту, и дѣйствительно многимъ показалось, что онъ попалъ; а наповѣрку выходитъ, что нѣнье было фальшивое, да и подтягивалъ то онъ не теноромъ, и фистулой. Дѣло въ томъ, что Обломовъ похожъ на Бельтова, Рудина и Бешметева, только гораздо рѣзче обрисованъ; вотъ многимъ, если не всѣмъ, и покажись въ то время, что Гончаровъ говоритъ то-же самое, что̀ Тургеневъ и Писемскій; а Гончаровъ говорилъ другое, только съ свойственной ему осторожностью. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ доходятъ до своей дрянности вслѣдствіе обстоятельствъ, а Обломовъ—вслѣдствіе своей натуры. Бельтовъ, Рудинъ и Бешметевъ—люди измятые и исковерканные жизнью, а Обломовъ—человѣкъ ненормальнаго тѣлосложенія. Въ первомъ случаѣ виноваты условія жизни, во второмъ—организація самого человѣка. По мнѣнію Тургенева, Писемскаго и др., наше общество нуждается въ реформахъ; по мнѣнію Гончарова, мы всѣ—больные, нуждающіеся въ лекарствахъ и въ совѣтахъ врача. Согласитесь, что это не совсѣмъ то-же самое. Вотъ изъ этого-то взгляда и вытекла попытка Гончарова соорудить нелѣпую фигуру Штольца. Положительныхъ дѣятелей нѣтъ,—это фактъ, который рѣшается признать нашъ романистъ; но почему ихъ нѣтъ? спрашиваетъ онъ. Дать на этотъ вопросъ удовлетворительный отвѣтъ онъ боится, потому что такой отвѣтъ можетъ повести ужасно далеко, по русской пословицѣ: «языкъ до Кіева доведетъ». Вотъ онъ и отвѣчаетъ: «дѣятелей нѣтъ, потому что мы страдаемъ Обломовщиной». Это не отвѣтъ, это повтореніе вопроса въ другой формѣ, а между тѣмъ фраза облетѣла всю Россію, «Обломовщина» вошла въ языкъ, и даже талантливый критикъ «Современника» посвятилъ цѣлую критическую статью на разборъ вопроса: что̀ такое Обломовщина?

Далѣе Гончаровъ разсуждаетъ такъ: если мы страдаемъ припадками болѣзни, то, чтобы изобразить положительнаго дѣятеля, стоитъ только представить здороваго человѣка; въ насъ недостаетъ энергіи, стало-быть, если приписать энергію какому-нибудь джентльмэну, если заставить его ходить большими шагами, говорить рѣшительно и громко, рѣшать, не задумываясь, теоретическіе вопросы,—великая задача будетъ рѣшена; ключъ найденъ, рецептъ положительнаго дѣятеля составленъ: остается только послать въ аптеку, чтобы тамъ подписали: «ordinavit nobis doctor vitae russicae I. Gontcharow». А ну, какъ въ аптекѣ не найдется матеріаловъ? Что, если провизоръ усмѣхнется, прочитавъ рецептъ, и отвѣтитъ ученому доктору, что такихъ спецій въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, и что такія химическія соединенія невозможны ни подъ какой широтой? Что̀ тогда? Ничего. Докторъ умоетъ руки, скажетъ, что больной непремѣнно выздоровѣлъ-бы, еслибы можно было найдти птичье молоко, о которомъ толкуетъ его рецептъ. Въ дѣйствительности больной не поправится, но за-то докторъ будетъ правъ: онъ не задумался, онъ рѣшилъ вопросъ; его-ли вина, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ теоріи или, вѣрнѣе, въ фантазіи? Да и всего вѣрнѣе, что робкій провизоръ не отвѣтитъ доктору такъ рѣзко, какъ мы это предположили. Благоговѣя передъ репутаціей ученаго мужа, онъ начнетъ смѣшивать и размѣшивать, и если у него не выдетъ требуемаго соединенія, отнесетъ свою неудачу насчетъ собственной неловкости, вмѣсто того, чтобы обличить эскулапа въ невѣжествѣ и шарлатанствѣ.

Благоговѣніе передъ авторитетами, общими и частными, одинаково сильно: въ аптекахъ и въ журналахъ. Если откинуть это благоговѣніе, то надо будетъ сказать напрямикъ, что весь «Обломовъ»—клевета на русскую жизнь, а Штольцъ — просто faux-fuyant, подставное рѣшеніе вопроса, вмѣсто истиннаго, попытка разрубить фразами тотъ узелъ, надъ которымъ, не жалѣя глазъ и костей, трудятся впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій истинно добросовѣстные дѣятели. Да! Авторъ «Обыкновенной Исторіи» напрасно прикинулся прогрессистомъ. Обращаясь къ нашему потомству, Гончаровъ будетъ имѣть полное право сказать: не поминайте лихомъ, а добромъ нечѣмъ!

IV.

Теплѣе и искреннѣе могутъ быть наши отношенія къ Тургеневу и Писемскому. Оба они—честные дѣятели и прямые люди; оба смотрятъ на явленія нашей жизни, понимая и чувствуя свое сродство съ ними; оба говорятъ о нихъ то, что̀ думаютъ въ самомъ дѣлѣ, говорятъ искренно и задушевно, не задавая себѣ задачи поддѣлаться подъ господствующій тонъ. За эту правдивость, за эту честную стойкость имъ можно сказать большое спасибо; говорить, что̀ думаешь, не насилуя себя,—совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется; этого даже нельзя и требовать отъ всякаго, но этимъ свойствомъ надо дорожить въ тѣхъ людяхъ, въ которыхъ оно встрѣчается. Имена двухъ романистовъ нашихъ, Тургенева и Писемскаго, чисты; никто не обвинитъ ихъ, какъ людей и какъ писателей, въ потаканіи и нашимъ, и вашимъ. Это отрицательное достоинство, можетъ замѣтить читатель; я съ этимъ совершенно согласенъ, но именно это

отрицательное достоинство въ наше время такъ рѣдко, что его стоитъ отмѣтить тамъ, гдѣ мы его замѣчаемъ. Читая романы Писемскаго и Тургенева, пріятно сознавать, что каждая строчка ихъ произведеній—не фраза, брошенная для удовольствія тѣхъ или другихъ читателей, а дѣйствительное выраженіе дѣйствительно существующаго въ авторѣ чувства или воззрѣнія. Съ этими чувствами и воззрѣніями можно не соглашаться, но ихъ нельзя не уважать, потому что право на уваженіе имѣетъ всякое искреннее убѣжденіе.

Существенное различіе между Тургеневымъ и Писемскимъ бросается въ глаза при самомъ бѣгломъ обзорѣ ихъ произведеній; это различіе было не разъ отмѣчено въ нашей критикѣ; еще недавно А. Григорьевъ назвалъ Писемскаго представителемъ реализма, и Тургенева—представителемъ и чуть-ли не послѣднимъ могиканомъ идеализма. Такого рода разграниченіе обыкновенно ведетъ къ спору о сравнительномъ достоинствѣ этихъ двухъ направленій и слѣдовательно заводитъ въ такую глубь эстетики, которой, какъ мнѣ кажется, было-бы безполезно и невѣжливо утомлять читателя. Для меня Тургеневъ и Писемскій важны настолько, насколько они разъясняютъ явленія жизни; слѣдовательно, для меня всего интереснѣе отношенія ихъ къ изображаемымъ ими типамъ. Что-же касается до того, какъ каждый изъ нихъ рисуетъ явленія и картины, то этотъ вопросъ имѣетъ для меня совершенно второстепенный интересъ. Пусть одинъ рисуетъ крупными штрихами, а другой съ любовью отдѣлываетъ подробности—все равно; они могутъ сходиться между собою въ результатахъ. Разбирать манеру писателя и отдѣлять ее отъ манеры другого писателя—почти то-же самое, что писать стилистическое изслѣдованіе; это конечно важно для характеристики писателя, но это не можетъ служить отвѣтомъ на нашъ вопросъ: что сдѣлали Тургеневъ и Писемскій для нашего общественнаго сознанія? — Чтобы сколько-нибудь разрѣшить этотъ важный и интересный вопросъ, надо обратиться къ остову романовъ и повѣстей нашихъ литераторовъ, взглянуть на нихъ почти à vol d'oiseau, отмѣтить выдающіеся типы и, главное, отдать себѣ ясный отчетъ въ отношеніи авторовъ къ этимъ типамъ.

При теперешнемъ положеніи женщины въ обществѣ и въ семействѣ, мужчина является необходимымъ и единственнымъ проводникомъ идей, носящихся въ воздухѣ эпохи,—въ тѣ домашніе кружки, которые замѣняютъ намъ общество. Подъ вліяніемъ этихъ идей, понятыхъ такъ или иначе, складываются обстоятельства жизни, формируются характеры, опредѣляются направленія мысли и дѣятельности. Мужчины приходятъ въ непосредственныя столкновенія съ жизнью; они серьезно учатся, служатъ, обдѣлываютъ жизнь въ ту или въ другую форму, смотря по своимъ силамъ и по обстоятельствамъ времени и мѣста. Женщины въ настоящее время зависятъ отъ мужчинъ въ отношеніи къ своему матеріальному положенію, въ отношеніи къ своему развитію, къ взгляду на жизнь, къ тому складу и направленію, которое принимаетъ все ихъ существованіе. При анализѣ романа не мѣшаетъ взять отдѣльно эти два ряда типовъ и личностей; одни лица—дѣятельныя, распоряжающіяся обстоятельствами, испытывающія на себѣ ихъ непосредственное вліяніе; другія лица — пассивныя, зависящія отъ первыхъ, получающія отъ нихъ свѣтъ преломленный и видоизмѣненный. Мужчины зависятъ отъ общихъ условій; женщины—отъ частныхъ условій, отъ отдѣльныхъ личностей, отъ отца, отъ старшаго брата, отъ любовника или мужа. Общія условія почти для всѣхъ одни и тѣ-же; слѣдовательно, эти условія въ извѣстной сферѣ общества вырабатываютъ довольно опредѣленное количество типовъ; личнаго разнообразія искать и требовать мудрено; одинъ мирится съ общими условіями, другой заявляетъ свой протестъ, — вотъ вамъ двѣ главныя категоріи, подъ которыя можно подвести личности мыслящія и дѣйствующія; однѣ идутъ направо, другія налѣво; кромѣ того однѣ идутъ по избранному направленію скорѣе, другія медленнѣе; однѣ идутъ сознательно, другія изъ обезьянства; однѣ легко устаютъ, другіе оказываются неутомимыми; но всѣ эти второстепенные оттѣнки происходятъ уже отъ того, что у одного человѣка больше мозга въ головѣ, у другого больше крови въ жилахъ, у третьяго больше лимфы въ сосудахъ, у четвертаго больше желчи выдѣляется изъ печени. Физіологу можетъ-быть очень интересно разграничивать эти оттѣнки и сортировать сообразно съ ними людскіе характеры, но для физіологіи общества подобныя изслѣдованія будутъ довольно безплодны.

Изучая общество, талантливый и умный романистъ выводитъ слабаго, сильнаго, безцвѣтнаго человѣка, и т. д. не для того, чтобы сказать читателю: «вотъ посмотрите, господа, какіе бываютъ люди!», а для того, чтобы сказать ему: «вотъ посмотрите, какъ дѣйствуютъ на различныхъ людей тѣ условія жизни, тѣ идеи и стремленія, среди которыхъ живете вы сами. Посмотрите, какіе типы формируются подъ вліяніемъ этихъ условій». Только тогда, когда романистъ доходитъ до такихъ размышленій, онъ является истиннымъ художникомъ, потому что только тогда онъ вполнѣ овладѣваетъ своимъ предметомъ и перерабатываетъ его силой зиждущей мысли. Гдѣ нѣтъ этой переработки, тамъ есть только списываніе картинокъ съ природы,—списываніе,предпринимаемое для препро-

вожденія времени,—списываніе, при которомъ ни сила мысли, ни сила чувства не подсказываетъ рисовальщику истиннаго общаго смысла тѣхъ явленій, которыя онъ кладетъ на полотно или на бумагу. Какъ-бы ни былъ ярко нарисованъ поэтическій образъ, я имѣю полное право спросить: на что онъ мнѣ нуженъ? что у меня съ нимъ общаго? отвѣчаетъ-ли онъ хоть на одинъ жизненный вопросъ?—Если эти вопросы останутся безъ отвѣта, я смѣло отнесу яркій образъ къ разряду пестрыхъ игрушекъ, до которыхъ всегда найдется много охотниковъ между взрослыми дѣтьми обоего пола.

Романы Тургенева и Писемскаго никакимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ разряду этихъ игрушекъ; всѣ они слишкомъ глубоко прочувствованы или слишкомъ полно отражаютъ картины жизни, чтобы не показаться каждому читателю серьезнымъ и дѣльнымъ словомъ мыслящаго человѣка. Въ дѣятельности Писемскаго до сихъ поръ нельзя отмѣтить ни одной фальшивой ноты; въ дѣятельности Тургенева, до его несчастнаго романа «Накануѣ», не было также значительныхъ ошибокъ *); ни тотъ, ни другой не пробовали представить положительныхъ дѣятелей, т. е. такихъ героевъ, которымъ вполнѣ могли-бы сочувствовать авторъ и читатели; ни тотъ, ни другой не давали даже нелѣпыхъ обѣщаній, вродѣ того, которое далъ Гоголь въ первой части «Мертвыхъ Душъ», и которое онъ такъ уродливо выполнилъ во второй части своей поэмы. Оба—Тургеневъ и Писемскій—стояли въ чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ нашей дѣйствительности, оба скептически отнеслись къ лучшимъ проявленіямъ нашей мысли, къ самымъ красивымъ представителямъ выработавшихся у насъ типовъ. Эти отрицательныя отношенія, этотъ скептицизмъ—величайшая ихъ заслуга передъ обществомъ. Сбить съ пьедестала пустого фразера, показать ему, что онъ несетъ вздоръ, упиваясь звуками собственнаго голоса, что онъ только фразеромъ и можетъ быть,—это чрезвычайно важно; это такой урокъ, послѣ котораго отрезвляется цѣлое поколѣніе; отрезвившись, оно всматривается въ окружающія явленія... Поколѣніе Рудиныхъ—гегельянцы, заботившіеся только о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ господствовала систематичность, а въ ихъ фразахъ — замысловатая таинственность, мирили насъ съ нелѣпостями жизни, оправдывали ихъ разными высшими взглядами и, всю свою жизнь толкуя о стремленіяхъ, не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. Развѣнчать этотъ типъ было такъ-же необходимо, какъ необходимо было Сервантесу похоронить своимъ Донъ-Кихотомъ рыцарскіе романы, какъ одно изъ послѣднихъ наслѣдій средневѣковой жизни. Типъ краснаго фразера, совершенно чистосердечно увлекающагося потокомъ своего краснорѣчія, типъ человѣка, для котораго слово замѣняетъ дѣло и который, живя однимъ воображеніемъ, прозябаетъ въ дѣйствительной жизни, совершенно развѣнчанъ Тургеневымъ и представленъ во всей своей дрянности Писемскимъ.

Люди этого типа совершенно не виноваты въ томъ, что они не дѣйствуютъ въ жизни, не виноваты въ томъ, что они—люди безполезные; но они вредны тѣмъ, что увлекаютъ своими фразами тѣ неопытныя созданія, которыя прельщаются ихъ внѣшней эффектностью; увлекши ихъ, они не удовлетворяютъ ихъ требованіямъ; усиливъ ихъ чувствительность, способность страдать, они ничѣмъ не облегчаютъ ихъ страданія; словомъ, это—болотные огоньки, заводящіе ихъ въ трущобы и погасающіе тогда, когда несчастному путнику необходимъ свѣтъ, чтобы разглядѣть свое затруднительное положеніе.

Тургеневъ исчерпалъ этотъ типъ въ Рудинѣ, Писемскій представилъ его въ Эльчаниновѣ («Боярщина») и въ Шамиловѣ («Богатый Женихъ»). Всѣ трое съ самыхъ юныхъ лѣтъ все собираются летѣть, все расправляютъ крылья, иногда машутъ ими до изнеможенія, но ни на вершокъ не поднимаются отъ полу и для безпристрастнаго наблюдателя остаются смѣшными и пошлыми въ самыя пылкія минуты своего лиризма. Въ этихъ людяхъ равновѣсіе между головой и тѣломъ оказывается нарушеннымъ съ самаго дѣтства; уродливое воспитаніе не позволяетъ имъ развиться, какъ слѣдуетъ, въ физическомъ отношеніи; они не отличаются въ дѣтствѣ ни здоровьемъ, ни силой, но зато, благодаря наемнымъ гувернерамъ, очень рано начинаютъ украшать свою голову разнообразными свѣдѣніями; они опережаютъ своихъ сверстниковъ и сами замѣчаютъ это; воспитатели своимъ вліяніемъ поддерживаютъ въ нихъ это «благородное соревнованіе». У ребенка являются искусственные интересы, ему хочется не конфектъ, не игрушекъ, не бѣготни, не забавъ, а того, чтобы его похвалили, по головкѣ погладили, отличили передъ другими; онъ заботится не о томъ, что̀ доставляетъ непосредственное пріятное ощущеніе, а о томъ, что̀ считается хорошимъ въ глазахъ старшихъ. Вотъ онъ подростаетъ, становится къ своимъ педагогамъ въ критическія отношенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ привычка смотрѣть на себя со стороны не пропадаетъ; когда ему было десять лѣтъ, ему хотѣлось хорошо отвѣтить урокъ, чтобы учитель назвалъ его молодцомъ; а въ семнадцать лѣтъ ему хочется совершить

*) Я не говорю о его стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ, которыя извѣстны очень немногимъ читателямъ.

удивительнѣйшій подвигъ, чтобы его имя повторяли съ уваженіемъ соотечественники и соотечественницы. «Благородная гордость, благородныя стремленія»,—говорятъ окружающіе люди. Мнѣ кажется, вѣрнѣе было-бы сказать, что началось маханіе крыльями, которое рѣшительно ни къ чему не поведетъ. Удивительнѣйшій подвигъ конечно не совершается, но мысль о такомъ подвигѣ раздражаетъ нервы; молодой искатель великихъ дѣлъ говоритъ съ увлеченіемъ и увлекательно; его слушатели—добрая, довѣрчивая молодежь уважаетъ высоту его порывовъ и съ умиленіемъ слушаетъ его тирады; герой нашъ чувствуетъ свою силу надъ кружкомъ, воодушевляется своимъ торжествомъ, питается своимъ тщеславіемъ, ростетъ въ своихъ собственныхъ глазахъ и, одерживая постоянно въ спорѣ легкія побѣды, мечтая и говоря о широкой и великой дѣятельности, мало-по-малу теряетъ всякую способность трудиться. Вотъ еслибы тутъ, въ кругу молодыхъ слушателей и собесѣдниковъ будущаго великаго человѣка, нашелся умный, ѣдкій скептикъ, который, какъ дважды-два—четыре, доказалъ-бы оратору, что онъ поретъ ахинею,—тогда можетъ-быть нашъ герой одумался-бы и понялъ-бы, что мечтать смѣшно, а не трудиться, когда есть силы,—глупо или по крайней мѣрѣ неразсчетливо; но молодое пиво бродитъ, ничто не сдерживаетъ его броженія, и оно бьетъ черезъ край и утекаетъ въ мутной пѣнѣ; года идутъ; силы, не освѣжаемыя трудомъ, тупѣютъ; матеріальное положеніе остается сомнительнымъ; способность импровизировать восторженную гиль превращается въ привычку говорить высокимъ слогомъ о мудреныхъ вещахъ, какъ-то: *жизнь*, *Русь*, *назначеніе человѣка*, *долгъ гражданина;* удивительный подвигъ, который предполагалось совершить въ началѣ поприща, откладывается: фразеръ начинаетъ понимать, что онъ ничего не сдѣлалъ и ничего не сдѣлаетъ, но отказаться отъ эффектничанія передъ самимъ собой онъ рѣшительно не въ состояніи; онъ начинаетъ говорить: «у меня были силы, ихъ разнесла жизнь; жизнь меня измяла, но я не уступилъ ея напору; теперь я безсиленъ, теперь я жалокъ, ничтоженъ, смѣшонъ». Даже въ патетическомъ перечисленіи своихъ нравственныхъ нарывовъ и струповъ нашъ герой ищетъ картинной эффектности, подобно тому, какъ уѣздная барышня ищетъ интересной блѣдности, если не можетъ похвастаться свѣжимъ цвѣтомъ лица и округлостью бюста. Роль, позы, трагическая мантія оказываются самыми насущными потребностями неудавшагося титана. Искренности, жизни, натуры — ни на волосъ.

На словахъ эти люди способны на подвиги, на жертвы, на героизмъ; такъ по крайней мѣрѣ подумаетъ каждый обыкновенный смертный, слушая ихъ разглагольствованія о человѣкѣ, о гражданинѣ и другихъ тому подобныхъ отвлеченныхъ и высокихъ предметахъ. На дѣлѣ эти дряблыя существа, постоянно испаряющіяся въ фразы, неспособны ни на рѣшительный шагъ, ни на упорный трудъ. Вглядитесь въ Рудина: какъ онъ говоритъ о жизни, какъ его слова западаютъ въ душу двумъ молодымъ личностямъ—Натальѣ и Басистову, какъ онъ самъ воодушевляется и становится почти великъ, когда его увлекаетъ потокъ его мыслей! И вдругъ, что-же выходитъ на дѣлѣ? Рудинъ труситъ предъ Волынцевымъ, труситъ предъ Натальей, спотыкается объ ничтожнѣйшія препятствія, падаетъ духомъ, выѣзжая изъ гостепріимнаго дома Дарьи Михайловны, и наконецъ является передъ читателями измятымъ, забитымъ, безполезнымъ, какъ выжатый лимонъ; и тутъ онъ фразерствуетъ только нѣсколькими тонами ниже. Но въ Рудинѣ есть выкупающія стороны; Рудинъ—поэтъ, голова, сильно раскаляющаяся и быстро простывающая для того, чтобы снова раскалиться отъ прикосновенія другихъ предметовъ. Онъ впечатлителенъ до крайности, и въ этой впечатлительности заключаются и его обаятельность, и источникъ его страданій. Еслибы дѣло также скоро дѣлалось, какъ сказка сказывается, то Рудинъ могъ-бы быть великимъ дѣятелемъ; въ ту минуту, когда онъ говоритъ, его личность выростаетъ выше обыкновенныхъ размѣровъ; онъ гальванизируетъ самого себя, онъ силенъ и вѣритъ въ свою силу, онъ готовъ пойти на острый бой со всей неправдой земли; вотъ почему онъ умираетъ со знаменемъ въ рукѣ; но въ обыденной жизни нельзя устранвать свои дѣла однимъ взмахомъ руки; ничто не приходитъ къ намъ по щучьему велѣнью; надо выработать, надо срыть препятствія и разровнять себѣ дорогу; для этого необходима выдержка, устойчивость; взрывомъ кипучей отваги, вспышкой нечеловѣческой энергіи можно только ослѣпить зрителей; оно красиво, но безплодно. Рудинъ умираетъ великолѣпно, но вся жизнь его не что иное, какъ длинный рядъ самообольщеній, разочарованій, мыльныхъ пузырей и миражей.

Всего печальнѣе то, что эти миражи обманывали не его одного; съ нимъ вмѣстѣ, за него, и часто сильнѣе его самого страдали люди, принимавшіе его слова на вѣру, воспламенявшіеся вмѣстѣ съ нимъ и не умѣвшіе остыть тогда, когда остывалъ Рудинъ. Особенно вредно Рудины дѣйствуютъ на женщинъ; женщины въ нашемъ обществѣ нерѣдко до сѣдыхъ волосъ остаются дѣтьми; онѣ не знаютъ жизни, потому что сами не сталкиваются съ нею; онѣ не знаютъ того, какъ лгутъ въ жизни, поступками и словами, на каждомъ шагу и при каждомъ удобномъ случаѣ, иногда даже лучшіе люди и добросовѣстнѣйшіе дѣя-

тели; онѣ видятъ этихъ людей и дѣятелей въ домашнемъ костюмѣ, когда вицмундиры смѣняются простыми сюртуками; онѣ слышатъ, какъ эти люди разсуждаютъ о своей дѣятельности, и много фальшивой монеты принимаютъ за наличную. Упоминая такимъ образомъ о женщинахъ, я конечно не говорю о тѣхъ несчастныхъ личностяхъ, которыхъ горькая нужда слишкомъ хорошо познакомила съ грязью жизни, или которыхъ уродливое воспитаніе сдѣлало нечувствительными къ какимъ-бы то ни было впечатлѣніямъ, кромѣ чисто-физической боли и чисто-физическаго наслажденія.

Нѣкоторая независимость отъ внѣшнихъ обстоятельствъ совершенно необходима для того, чтобы человѣкъ могъ мыслить и чувствовать; если человѣкъ цѣлый день работаетъ для того, чтобы не умереть съ голода, и утоляетъ свой голодъ для того, чтобы завтра опять цѣлый день работать, то онъ прозябаетъ, а не живетъ; онъ черствѣетъ, тупѣетъ, покрывается какой-то ржавчиной; въ этомъ и заключается деморализующее, опошляющее вліяніе пауперизма, котораго не испытываютъ животныя и который страшнымъ бременемъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Слѣдовательно, говоря о психической жизни женщинъ, я по-неволѣ принужденъ ограничиться тѣми сферами, въ которыхъ эта психическая жизнь не подавлена и не забита ежечасной тревожной заботой о кускѣ хлѣба; такія женщины, знающія жизнь настолько, насколько пожелаютъ показать имъ жизнь ихъ папеньки, опекуны или супруги, любятъ смѣлыя рѣчи Рудиныхъ; онѣ въ этихъ людяхъ надѣются увидѣть тѣхъ героевъ, къ которымъ инстинктивно стремятся ихъ желанія; онѣ надѣются черезъ нихъ познакомиться съ той болѣе полной и широкой жизнью, онѣ привязываются къ этимъ людямъ той пылкой любовью, которой мы любимъ наши лучшія надежды, наши свѣтлыя мечты, наши благородныя стремленія; все то, что̀ даетъ намъ силы переносить тягости жизни, все это воплощается для женщины въ образѣ того человѣка, который горячимъ словомъ шевельнулъ ея мозговые нервы; тутъ обмануться, тутъ разочароваться значитъ упасть съ страшной высоты; вынести такое паденіе, окрѣпнуть послѣ такого грубаго удара удается очень немногимъ.

Вотъ въ какомъ отношеніи Рудины принимаютъ на себя страшную отвѣтственность; кто будитъ въ человѣкѣ его лучшіе инстинкты, тотъ долженъ и удовлетворить ихъ требованіямъ; кто ведетъ слабаго ребенка на крутую гору, тотъ можетъ сдѣлаться преступникомъ, если не поддержитъ до самаго конца горы это существо, вѣрующее въ его силу и смѣло пошедшее за нимъ по его призыву; оставить такое существо на половинѣ дороги, когда впереди страшная крутизна, а сзади страшный спускъ въ сырую трущобу,—это непростительно: тутъ извиненіемъ не можетъ служить ни ошибка, ни слабость; когда берешься устраивать чужую жизнь, надо взвѣсить свои силы; кто этого не умѣетъ или не хочетъ сдѣлать, тотъ опасенъ, какъ слабоумный или какъ эксплуататоръ.

V.

Выкупающія стороны, отмѣченныя мною въ характерѣ Рудина, не встрѣчаются въ личностяхъ Эльчанинова и Шамилова. Сущность типа состоитъ, какъ мы видѣли, въ несоразмѣрности между силами и претензіями; духъ бодръ, плоть немощна—вотъ формула рудинскаго типа. Несоразмѣрность эта можетъ происходить отъ избытка претензій или отъ недостатка силъ. Рудинъ воплощаетъ въ себѣ первый моментъ; Эльчаниновъ и Шамиловъ служатъ представителями второго. Рудинъ—человѣкъ очень недюжинный по своимъ способностямъ, но онъ постоянно собирается сдѣлать какой-то фокусъ, перескочить à pieds joints черезъ всѣ препятствія и дрязги жизни; этотъ фокусъ ему не удается. потому что онъ вообще удается только немногимъ счастливцамъ или геніямъ; вслѣдствіе этого Рудинъ истощается въ безплодныхъ попыткахъ, разливается въ разсужденіяхъ объ этихъ попыткахъ и дальше этого не идетъ; дѣятельность обыкновеннаго работника мысли ему сподручна, да вотъ, видите ли, онъ—бѣлоручка, онъ ее знать не хочетъ; ему подавайте такое дѣло, которое во всякую данную минуту поддерживало-бы его въ восторженномъ состояніи; онъ черновой работы не терпитъ, потому что считаетъ себя выше ея. Эльчаниновъ и Шамиловъ, напротивъ того, представляютъ собою полнѣйшую посредственность; они даже въ мечтахъ своихъ слишкомъ высоко не забираютъ; имъ съ трудомъ достаются даже такіе рядовые результаты, какъ кандидатскій экзаменъ; они—просто лѣнтяи. не рѣшающіеся сознаться самимъ себѣ въ причинѣ своихъ неудачъ.

Въ каждомъ обществѣ, дурно или хорошо устроенномъ, есть два рода недовольныхъ: одни дѣйствительно страдаютъ отъ господствующихъ предразсудковъ; другіе страдаютъ отъ побочныхъ причинъ и только сваливаютъ вину на эти предразсудки. Одни жалуются на то, что масса ихъ современниковъ отстаетъ отъ нихъ; другіе—на то, что эти-же современники идутъ мимо нихъ. не обращая вниманія на ихъ возгласы и трагическіе жесты: къ числу первыхъ относится Галилей, Іоаннъ Гуссъ, аболиціонистъ Броунъ; къ многочисленной фалангѣ вторыхъ принадлежатъ разныя непризнанныя дарованія и непонятыя души, —люди, нищіе духомъ и не рѣшающіеся убѣ-

диться въ своей нищетѣ. Одинъ, положимъ, оказался неспособнымъ кончить курсъ и вслѣдствіе этого кричитъ, что система преподаванія уродлива, а преподаватели — взяточники; другому возвратили нелѣпую статью изъ редакціи журнала,— онъ начинаетъ жаловаться на тлетворное направленіе періодической литературы; третьяго выгнали изъ службы за то, что онъ пьетъ запоемъ, — онъ становится въ мефистофелевскія отношенія къ современному порядку вещей. Критическія отношенія къ дѣйствительности неизбѣжны и необходимы, но критиковать надо честно и дѣльно; кто кидается въ отрицаніе съ горя, съ досады, чтобы сорвать зло за личную непріятность, тотъ вредитъ дѣлу общественнаго развитія, тотъ роняетъ идею оппозиціи и подрываетъ въ публикѣ довѣріе къ тѣмъ честнымъ дѣятелямъ, съ которыми онъ повидимому стоитъ подъ однимъ знаменемъ.

Когда вы горячо спорите о чемъ-нибудь, то нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ услышать отъ другого собесѣдника плохой аргументъ въ пользу нашего мнѣнія; нечестный или ограниченный союзникъ въ умственномъ дѣлѣ, въ борьбѣ принциповъ,—вреднѣе врага; поэтому псевдо-прогрессисты мѣшаютъ дѣлу прогресса гораздо сильнѣе, чѣмъ открытые обскуранты, если только послѣдніе въ борьбѣ съ новыми идеями останавливаются на одной аргументаціи. Мелкіе представители рудинскаго типа схватываютъ на лету свѣжія идеи, выкраиваютъ себѣ изъ нихъ эффектную, по ихъ мнѣнію, драпировку и, закутываясь въ нее, до такой степени опошливаютъ самую идею, что становится совѣстно за нихъ и до слезъ обидно за идею. Возьмемъ напримѣръ Шамилова. Онъ пробылъ три года въ университетѣ, болтался, слушалъ по разнымъ предметамъ лекціи такъ же безсвязно и безцѣльно, какъ ребенокъ слушаетъ сказки старой няни, вышелъ изъ университета, уѣхалъ во-свояси, въ провинцію, и разсказалъ тамъ, что «намѣренъ держать экзаменъ на ученую степень и пріѣхалъ въ провинцію, чтобы удобнѣе заняться науками». Вмѣсто того, чтобы читать серьезно и послѣдовательно, онъ пробавлялся журнальными статьями и тотчасъ по прочтеніи какой-нибудь статьи пускался въ самостоятельное творчество; то вздумаетъ писать статью о «Гамлетѣ», то составитъ планъ драмы изъ греческой жизни; напишетъ строкъ десять и броситъ; зато говоритъ о своихъ работахъ всякому, кто только соглашается его слушать. Разсказни его заинтересовываютъ молодую дѣвушку, которая по своему развитію стоитъ выше уѣзднаго общества; находя въ этой дѣвушкѣ усердную слушательницу, Шамиловъ сближается съ нею и, отъ нечего дѣлать, воображаетъ себя до безумія влюбленнымъ; что-же касается до дѣвушки, — та, какъ чистая душа, влюбляется въ него самымъ добросовѣстнымъ образомъ и, дѣйствуя смѣло изъ любви къ нему, преодолѣваетъ сопротивленіе своихъ родственниковъ; происходитъ помолвка съ тѣмъ условіемъ, чтобы Шамиловъ до свадьбы получилъ степень кандидата и опредѣлился на службу. Является, стало быть, необходимость поработать, но нашъ новый Митрофанушка не осиливаетъ ни одной книги и начинаетъ говорить: «не хочу учиться, хочу жениться». Къ сожалѣнію, онъ говоритъ эту фразу не такъ просто и откровенно, какъ произносилъ ее его прототипъ. Онъ начинаетъ обвинять свою любящую невѣсту въ холодности, называетъ ее сѣверной женщиной, жалуется на свою судьбу; прикидывается страстнымъ и пламеннымъ, приходитъ къ невѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ и, съ пьяныхъ глазъ, совершенно некстати и очень неграціозно обнимаетъ ее. Всѣ эти штуки продѣлываются отчасти отъ скуки, отчасти потому, что Шамилову ужасно не хочется готовиться къ экзамену; чтобы обойти это условіе, онъ готовъ поступить на хлѣба къ дядѣ своей невѣсты и даже выпросить черезъ невѣсту обезпеченный кусокъ хлѣба у одного стараго вельможи, бывшаго друга ея покойнаго отца. Всѣ эти гадости прикрываются мантіей страстной любви, которая будто бы омрачаетъ разсудокъ Шамилова; осуществленію этихъ гадостей мѣшаютъ обстоятельства и твердая воля честной дѣвушки. Шамиловъ дѣлаетъ ей сцены, требуетъ, чтобы она отдалась ему до брака, но невѣста его настолько умна, что видитъ его ребячество и держитъ его въ почтительномъ отдаленіи. Видя серьезный отпоръ, нашъ герой жалуется на свою невѣсту одной молодой вдовѣ и, вѣроятно чтобы утѣшиться, начинаетъ объясняться ей въ любви. Между тѣмъ отношенія съ невѣстой поддерживаются; Шамилова отправляютъ въ Москву держать экзаменъ на кандидата; Шамиловъ экзамена не держитъ, къ невѣстѣ не пишетъ, и наконецъ успѣваетъ увѣрить себя безъ большого труда въ томъ, что его невѣста его не понимаетъ, не любитъ и не стоитъ. Невѣста отъ разныхъ потрясеній умираетъ въ чахоткѣ, а Шамиловъ избираетъ благую часть, т. е. женится на утѣшавшей его молодой вдовѣ; это оказывается весьма удобнымъ, потому что у этой вдовы— обезпеченное состояніе. Молодые Шамиловы пріѣзжаютъ въ тотъ городъ, въ которомъ происходило все дѣйствіе разсказа; Шамилову отдаютъ письмо, написанное къ нему его покойной невѣстой за день до смерти, и по поводу этого письма происходитъ между нашимъ героемъ и его женой слѣдующая сцена, достойнымъ образомъ завершающая его бѣглую характеристику:

«— Покажите мнѣ письмо, которое отдалъ вамъ вашъ другъ, начала она.

— Какое письмо? спросилъ съ притворнымъ удивленіемъ Шамиловъ, садясь у окна.

— Не запирайтесь: я все слышала... Понимаете-ли вы, что̀ дѣлаете?

— Что̀ такое я дѣлаю?

— Ничего: вы только принимаете отъ того человѣка, который самъ прежде интересовался мною, письма отъ вашихъ прежнихъ пріятельницъ и потомъ еще говорите ему, что вы теперь наказаны— кѣмъ? позвольте васъ спросить. Мною вѣроятно? Какъ это благородно и какъ умно! Еще васъ считаютъ умнымъ человѣкомъ; но гдѣ-же вашъ умъ? въ чемъ онъ состоитъ, скажите мнѣ пожалуйста?.. Покажите письмо!

— Оно писано ко мнѣ, а не къ вамъ; я вашими перепиской не интересуюсь.

— У меня не было и нѣтъ ни съ кѣмъ переписки. . Я играть вамъ собою, Петръ Александрычъ, не позволю... Мы ошиблись, мы не поняли другъ друга.

Шамиловъ молчалъ.

— Отдайте мнѣ письмо или сейчасъ-же поѣзжайте, куда хотите, повторила Катерина Петровна.

— Возьмите. Неужели вы думаете, что я привязываю къ нему какой-нибудь особый интересъ? сказалъ съ насмѣшкой Шамиловъ.

И, бросивъ письмо на столъ, ушелъ.

Катерина Петровна начала читать его съ замѣчаніями.

«Я пишу это письмо къ вамъ послѣднее въ жизни ...

— Печальное начало!

«Я не сержусь на васъ; вы забыли ваши клятвы, забыли тѣ отношенія, которыя я, безумная, считала неразрывными .

— Скажите, какая неопытная невинность.

«Передо мною теперь. .»

Скучно! . Аннушка!..

Явилась горничная.

— Поди, отдай барину это письмо и скажи, что я совѣтую ему сдѣлать для него медальонъ и хранить его на груди своей.

Горничная ушла и, воротившись, доложила барынѣ:

— Петръ Александрычъ приказали сказать, что они безъ вашего совѣта будутъ беречь его.

Вечеромъ Шамиловъ поѣхалъ къ Карелину, просидѣлъ у него до полуночи и, возвратясь домой, прочиталъ нѣсколько разъ письмо Вѣры, вздохнулъ и разорвалъ его. На другой день онъ цѣлое утро просилъ у жены прощенія.»

Вотъ онъ каковъ, Шамиловъ. Надо отдать Писемскому полную справедливость: онъ раздавилъ, втоптalъ въ грязь дряннoй типъ драпирующагося фразера. Ни Тургеневъ въ своемъ Рудинѣ, ни Жоржъ-Зандъ въ Орасѣ не возвышались до такой удивительной, практической простоты отношеній къ личностямъ этихъ героевъ.

Въ выписанной мною заключительной сценѣ нѣтъ ни малѣйшей эффектности, ни тѣни искусственности; характеръ дорисовывается вполнѣ; впечатлѣніе производится на читателя самое сильное и притомъ самыми простыми, дешевыми, естественными средствами. Пустой фразеръ наказанъ какъ нельзя больнѣе, и притомъ наказанъ не стеченіемъ обстоятельствъ, какъ Рудинъ въ эпилогѣ, а неизбѣжными слѣдствіями собственнаго характера. Онъ тщеславенъ, неспособенъ трудиться и сухъ,—очень естественно, что онъ съ удовольствіемъ женится на богатой женщинѣ, хотя-бы она была и гораздо постарше его. Соблюдая передъ самимъ собой благообразіе отношеній, онъ не сознается въ томъ, что поставилъ себя въ зависимое положеніе—ему даютъ почувствовать эту зависимость; онъ видитъ, что дѣло некрасиво, и пробуетъ возмутиться—ему затягиваютъ мундштукъ потуже; онъ, чисто для приличія, произноситъ передъ горничной гордую фразу—его заставляютъ отказаться отъ этой фразы; онъ уходитъ и надувается—его принуждаютъ просить прощеніе, да еще цѣлое утро, ему грозятъ, что его сгонятъ со двора,—и онъ становится шелковый. «Собакѣ—собачья смерть», говоритъ пословица; но, мнѣ кажется, было-бы правильнѣе сказать: «собакѣ—собачья жизнь». Смерть—случайность, потому что камень можетъ свалиться и на героя, и на не-героя, но жизнь съ своимъ направленіемъ и съ своей обстановкой зависитъ отъ самого человѣка; жизнь Шамилова представляетъ полный оттискъ его личности; какимъ-бы героемъ этотъ джентльмэнъ ни умеръ—все равно; мы видѣли, какъ онъ расположилъ свое существованіе, какъ напакостилъ себѣ и другимъ, и этого совершенно достаточно, чтобы оцѣнить букетъ его характера.

Въ Шамиловѣ, по моему мнѣнію, больше жизненнаго значенія, чѣмъ въ Рудинѣ: Шамиловыхъ тысячи, Рудиныхъ—десятки. Тургеневъ беретъ довольно исключительное явленіе. Писемскій, напротивъ того, прямо запускаетъ руку въ дѣйствительную жизнь и вытаскиваетъ оттуда такихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ сплошь да рядомъ; между тѣмъ общій характеръ типа у Писемскаго проанализированъ такъ-же вѣрно, какъ и у Тургенева, а очерченъ даже гораздо ярче.

Виновато-ли общество въ формированіи недѣлимыхъ, относящихся къ этому типу? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ. Общество виновато во всемъ томъ, что̀ совершается въ его предѣлахъ; всякая дряннaя личность самымъ фактомъ своего существованія указываетъ на какой-нибудь недостатокъ въ общественной организаціи. Что-же дѣлать обществу? спроситъ читатель. Вѣшать что-ли преступниковъ, или усиливать полицейскія мѣры для предупрежденія преступленій? Нѣтъ, отвѣчу я. Воръ не могъ родиться воромъ, потому что новорожденный ребенокъ не имѣетъ никакого понятія о томъ, что̀ такое собственность. Его испортило воспитаніе, а воспитаніе зависитъ отъ отношеній, отъ условій экономическаго быта, отъ суммы гуманныхъ идей, находящихся во всеобщемъ обращеніи; если воспитаніе плохо въ какомъ-бы то ни было отношеніи, въ этомъ прямо виновато общество; ни вы, ни я, ни Петръ, ни Си-

доръ отдѣльно не заслуживаютъ порицанія, по тѣ отношенія, въ которыхъ Петръ стоитъ къ Сидору или я стою къ вамъ, могутъ быть названы ложными, неестественными и стѣснительными.

Отношенія эти образовались помимо насъ и до нашего рожденія; ихъ освятила исторія, ихъ не устранитъ никакая единичная воля; вѣрить и сомнѣваться мы не можемъ ad libitum; мысли наши текутъ въ извѣстномъ порядкѣ, помимо нашей воли; даже въ процессѣ мысли мы стѣснены условіями нашей физической организаціи и обстоятельствами нашего развитія; если вы выросли при извѣстной обстановкѣ, свыклись съ нею втеченіи вашей жизни и притомъ не обладаете значительной силой мысли, то вамъ можетъ-быть никогда не удастся обсудить эту обстановку совершенно свободно и смѣло; винить васъ въ этомъ было-бы смѣшно, но замѣтить, что ваша робость оказываетъ вредное вліяніе на зависящія отъ васъ личности, было-бы совершенно справедливо; устранить это вредное вліяніе, хотя бы вамъ это было не по сердцу, также очень законно; но валить на васъ отвѣтственность за то, что вы поступаете сообразно съ вашей природой, безжалостно и безполезно. Если пороховые газы у васъ въ рукахъ разорвутъ ружье, въ которомъ уже образовался разстрѣлъ, то вы вѣроятно не станете сердиться ни на ружье, ни на порохъ, хотя-бы отъ разрыва у васъ перекалѣчило руки. Вы просто выведете заключеніе, что разстрѣленное ружье можетъ быть разорвано, если положить въ него слишкомъ крѣпкій зарядъ, и вѣроятно на будущее время будете осмотрительнѣе. Еслибы только вы могли быть всегда послѣдовательны, то и на человѣческія слабости и погрѣшности вы смотрѣли-бы такъ-же безстрастно, какъ на разрывъ ружья; вы-бы остерегались отъ вредныхъ послѣдствій этихъ слабостей, но на самыя слабости не могли-бы сердиться; поэтому необходимо хоть въ критикѣ становиться выше искусственнаго понятія; необходимо, говоря о личности человѣка, разсмотрѣть причины его поступковъ, привести ихъ въ соотношеніе съ условіями его жизни, объяснить ихъ вліяніемъ обстоятельствъ и вслѣдствіе этого оправдать того грѣшника, въ котораго прежде летѣли камни. Въ заключеніе всего, можно только сказать о подсудимой личности: такой-то слабъ и не вынесъ гнета обстоятельствъ, а такой-то силенъ и побѣдилъ всѣ препятствія. Одного мы уважаемъ за его силу, другого презираемъ за его слабость по той-же самой причинѣ, по которой мы съ удовольствіемъ съѣдаемъ кусокъ свѣжаго мяса и съ отвращеніемъ выбрасываемъ въ помойную яму гнилое яйцо. Кто-же во всемъ этомъ виноватъ? Неужели самъ субъектъ, т. е. продуктъ извѣстныхъ условій, совершенно независѣвшихъ отъ его выбора? Никто не виноватъ, да и что это за скверное слово: *вина, виноватъ;* отъ него пахнетъ уголовнымъ наказаніемъ. Это слово, это понятіе исчезаетъ теперь, и пенитенціарная система Сѣверныхъ Штатовъ является намъ первой удачной попыткой замѣнить наказаніе перевоспитаніемъ.

Шамиловъ и подобныя имъ личности не имѣютъ права претендовать на общество за то, что общество обращается съ ними, какъ съ трутнями, но они имѣютъ право жаловаться на то, что общество допустило ихъ сдѣлаться людьми дряблыми и никуда негодными. Они должны сказать: мы—лишніе люди, насъ нельзя пристроить ни къ какому дѣлу, но еслибы насъ иначе воспитывали въ дѣтствѣ и иначе направляли въ молодости, мы можетъ-быть не обременяли-бы собою земли и не относились-бы къ коптителямъ неба и къ чужеядными растеніямъ.

VI.

Чтобы оттѣнить своихъ героевъ, принадлежащихъ къ рудинскому типу, чтобы рельефнѣе выставить безпощадность своихъ отношеній къ ихъ чахлымъ личностямъ и смѣшнымъ претензіямъ, Тургеневъ и Писемскій ставятъ ихъ рядомъ съ простыми, очень неразвитыми смертными, и эти простые смертные оказываются выше, крѣпче и честнѣе полированныхъ и фразерствующихъ умниковъ. Рудинъ пасуетъ передъ Волынцевымъ, передъ отставнымъ армейскимъ ротмистромъ, не получившимъ никакого образованія. Эльчаниновъ у Писемскаго въ подметки не годится Савелію, мелкопомѣстному дворянину, пашущему вмѣстѣ съ своимъ единственнымъ мужикомъ. Шамиловъ оказывается дрянью въ сравненіи съ лихимъ гусаромъ Карелинымъ и даже въ сравненіи съ тупоумнымъ Сальниковымъ.

Рудинъ, Эльчаниновъ и Шамиловъ гораздо образованнѣе и даже развитѣе тѣхъ личностей, которымъ они противупологаются, а между тѣмъ неотесанныя натуры послѣднихъ внушаютъ гораздо больше довѣрія, уваженія и сочувствія. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ фразерахъ мы ничего не видимъ, кромѣ извѣстной дрессировки, а въ дичкахъ видимъ человѣка, каковъ онъ есть, съ самородными достоинствами и съ прилипшими случайно странностями и шероховатостями. Но теперь возникаетъ другой вопросъ: съ какой цѣлью Тургеневъ и Писемскій рѣшаются дѣлать эти сопоставленія? Что они хотятъ этимъ доказать? Неужели то, что образованіе вредно дѣйствуетъ на человѣка? На послѣдній вопросъ можно смѣло отвѣтить: нѣтъ. Дѣло въ томъ, что польза образованія, на словахъ, если не на самомъ дѣлѣ, до такой степени признана всѣми, что этого положенія никто не станетъ доказывать, и что противъ этого положенія, выраженнаго

совершенно абстрактно, никто не станетъ спорить. Самъ Аскоченскій не скажетъ прямо: образованіе вредно, хотя и постарается подъ благовиднымъ предлогомъ очернить самые свѣтлые его результаты. Для порядочныхъ-же людей нашего времени вопросъ о пользѣ образованія давнымъ-давно, чуть не съ пеленокъ, пересталъ быть вопросомъ. Къ признанному-же факту, стоящему на незыблемыхъ основаніяхъ, мы можемъ относиться совершенно смѣло, съ самой безпощадной и послѣдовательной критикой. Намъ не зачѣмъ ни миндальничать передъ идеями цивилизаціи, ни благоговѣть передъ ея благодѣяніями Мы можемъ уже говорить другимъ тономъ. Мы видимъ, что свѣтъ цивилизаціи исподволь распространяется въ нашемъ обширномъ отечествѣ, и отъ всей души радуемся этому факту, но, признавая его чрезвычайно важнымъ, именно по этой причинѣ и стараемся всмотрѣться въ него, какъ можно пристальнѣе. Великолѣпное растеніе, принадлежащее всѣмъ людямъ, но воздѣланное съ особенной любовью западными европейцами и доставляющее имъ богатые плоды, перенесено на нашу почву и посажено на нашихъ равнинахъ, гдѣ его и вѣтромъ качаетъ, и снѣгомъ заноситъ, и засухой зажариваетъ. Вѣдь право не грѣшно будетъ спросить: «каково пришлось иноземное растеніе? есть-ли надежда акклиматизировать его подъ нашимъ негостепріимнымъ небомъ?» Не грѣшно будетъ отвѣтить на это: «надежда пожалуй есть, да и гдѣ-же ея нѣтъ?» А пришлось-то нѣжное растеніе Запада не совсѣмъ хорошо; характеръ его извращенъ климатическими и другими условіями; плоды мелкіе и горьковатые; зелень чахлая и тощая. Вотъ и стали кричать по этому случаю славянофилы: «не надо намъ этого растенія! Оно намъ не по климату; оно истощитъ всю нашу навозную почву, которую мы, отцы и дѣды наши удобряли съ такимъ постояннымъ усердіемъ, не щадя живота и животовъ. Проклятый тотъ народъ, который воздѣлываетъ это растеніе; чтобъ ему подавиться тѣми плодами, которые оно приноситъ!»

Было-бы грустно думать, что лучшіе изъ нашихъ современныхъ художниковъ вторятъ въ своихъ произведеніяхъ этимъ нестройнымъ крикамъ. Неужели Писемскій и Тургеневъ славянофильствуютъ, ставя полудикія натуры выше фразеровъ? Еслибы эта статья принадлежала перу славянофила, то навѣрное-бы авторъ ея подвелъ такого рода заключеніе и пришелъ-бы въ неописанный восторгъ оттого, что наши повѣствователи преклоняются будто-бы передъ народной правдой и святыней. Я-же, не имѣя счастья принадлежать къ сотрудникамъ покойной «Русской Бесѣды» и нынѣ процвѣтающаго «Дня», позволю себѣ взглянуть на дѣло болѣе широкимъ взглядомъ и постараюсь оправдать Тургенева и Писемскаго отъ упрека въ славянофильствѣ.

Противуполагая полудикую натуру—обезцвѣченной, наши художники говорятъ за человѣка, за самородныя и неотъемлемыя свойства и права его личности они не думаютъ выхвалять одинъ народъ насчетъ другого, одинъ слой общества насчетъ другого; національная или кастическая исключительность не можетъ найти себѣ мѣста въ томъ свѣтломъ и любовномъ взглядѣ, которымъ истинный художникъ охватываетъ природу и человѣка; обнимая своимъ могучимъ синтезомъ все разнообразіе явленій жизни, обобщая ихъ естественнымъ чутьемъ истины, видя въ каждомъ изъ нихъ его живую сторону, художникъ видитъ человѣка въ каждомъ изъ выводимыхъ типовъ, заступается за него, когда онъ страдаетъ, сочувствуетъ ему, когда онъ опечаленъ, осуждаетъ его, когда онъ гнететъ другихъ;—и во всѣхъ этихъ случаяхъ только интересы человѣческой личности волнуютъ и потрясаютъ впечатлительные нервы художника. Споръ о томъ, что́ годится намъ лучше, западная-ли наука, или восточная рутина, не можетъ имѣть никакого интереса для художника; эпитеты: *западная* и *восточная*, въ которыхъ, по мнѣнію борцовъ различныхъ партій, заключается вся сила, откидываются въ умѣ художника или даже вообще умнаго человѣка. Онъ разсматриваетъ просто науку и рутину, движеніе и застой, какъ два различныя состоянія человѣческаго мозга; онъ одинаково легко отрѣшается отъ узкой англоманіи московскихъ доктринеровъ и отъ тупого патріотизма славянофиловъ способность сочувствовать всему человѣческому, всему живому и естественному, – способность, составляющая необходимую принадлежность истиннаго художника, даетъ ему возможность видѣть хорошія стороны самыхъ противуположныхъ между собой явленій и ни подъ какимъ видомъ не позволяетъ ему дѣлаться рабомъ какой-бы то ни было головной теоріи.

Нашъ братъ-работникъ часто вдается въ крайность и вслѣдствіе этого противорѣчитъ самому себѣ; полемизируя противъ вредной идеи, мы противупоставляемъ ей тотъ принципъ, который считаемъ хорошимъ, и часто, увлекаясь благороднымъ жаромъ, проводимъ этотъ принципъ до послѣднихъ, въ дѣйствительности невозможныхъ предѣловъ; мы пересаливаемъ, какъ партизаны, какъ люди партіи, и въ эти минуты художникъ, понимающій какъ-то инстинктивно правду и ложь всякаго дѣла, можетъ нарисовать насъ и воспроизвести въ одно время и благородное побужденіе, заставляющее насъ кричать и бѣсноваться, и смѣшныя крайности, до которыхъ доводитъ насъ увлеченіе. Такъ поступили Писемскій и Тургеневъ въ отношеніи къ явленіямъ, произведеннымъ у насъ

на Руси вліяніемъ цивилизаціи; они отнеслись совершенно безпощадно къ той дикой почвѣ, на которой разбрасываются сѣмена нѣжнаго европейскаго растенія; ни Писемскаго, ни Тургенева нельзя упрекнуть въ тупомъ пристрастіи къ патріархальности; но съ другой стороны ихъ нисколько не подкупилъ блескъ той цивилизаціи, которая дѣлаетъ чудеса въ Америкѣ и въ Англіи; «блестѣть-то она блеститъ,—говорятъ наши романисты,—да каково-то у насъ она принимается. Вѣдь теперь періодъ порыва и страсти и много уродливыхъ, много жалкихъ явленій, много крикливыхъ диссонансовъ происходитъ отъ ошибки обще-человѣческаго элемента съ домостроемъ».

Что дѣлать художнику въ такія эпохи? Что дѣлать человѣку, горячо любящему человѣческіе интересы и сильно нуждающемуся въ нравственной опорѣ? На что ему надѣяться? На силу идеи, внесенной въ жизнь народа, или на энергію народа, который переработаетъ доставшуюся ему идею и обратитъ ее въ свою полную умственную собственность, въ капиталъ, съ котораго онъ современемъ будетъ брать богатые проценты? На что ему надѣяться, повторяю я: на силу идеи, или на энергію человѣка? Конечно на силу идеи, подхватятъ идеалисты и доктринеры,—на силу истины, которая всегда восторжествуетъ и останется вѣчно истиной. Хорошо; пускай себѣ идеалисты говорятъ, что имъ угодно, а я скажу, что надо надѣяться на силу человѣка, какъ живого органическаго тѣла, и со мной въ этомъ случаѣ согласны, по смыслу своихъ произведеній, Тургеневъ и Писемскій. Увлечься идеей не трудно, подчиниться идеѣ способенъ человѣкъ очень ограниченныхъ способностей, но такой человѣкъ не принесетъ идеѣ никакой пользы и самъ не выжметъ изъ этой идеи никакихъ плодотворныхъ результатовъ; чтобы переработать идею, напротивъ того необходимъ живой мозгъ; только тотъ, кто переработалъ идею, способенъ сдѣлаться дѣятелемъ или измѣнить условія своей собственной жизни подъ вліяніемъ воспринятой имъ идеи, т. е. только такой человѣкъ способенъ служить идеѣ и извлекать изъ нея для самого себѣ осязательную пользу. Подчиняются идеямъ многіе, овладѣваютъ ими—избранныя личности; оттого въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые называютъ себя образованными, господствуютъ идеи, но эти идеи не живутъ; идея только и живетъ, когда человѣкъ вырабатываетъ ее силами собственнаго мозга; какъ только она перешла въ категорическій законъ, которому всѣ подчиняются, такъ она застыла, умерла и начинаетъ разлагаться.

Столкнувшись съ цѣлымъ міромъ новыхъ, широкихъ идей, наши рудиствующіе молодые люди теряютъ всякую способность переработать ихъ въ плоть и кровь свою; они благоговѣютъ передъ тѣми идеями, которыхъ они наслушались, любуются на эти идеи, но жить ими не могутъ, потому что нельзя-же жить такими вещами, на которыя смотришь издали и которыхъ не осмѣливаешься взять въ руки. Они—сами по себѣ, а идеи ихъ—сами по себѣ. Очень можетъ быть, что новыми идеями вообще увлекаются прежде другихъ натуры впечатлительныя, подвижныя, неспособныя къ критикѣ и вслѣдствіе этого ничтожныя въ дѣлѣ жизни; тѣ кряжистыя натуры, которыя противуполагаются Рудинымъ, воспринимаютъ туго, недовѣрчиво, постепенно; но когда извѣстная идея, какъ извѣстный пріемъ лекарства, расшевелила ихъ мозговые центры, тогда они начинаютъ дѣйствовать; мысль не расходится съ дѣломъ; они живутъ вмѣсто того, чтобы разсуждать о жизни; такихъ людей у насъ не много, но такихъ людей начинаетъ признавать и уважать наше общество. Къ числу ихъ принадлежалъ Зыковъ, котораго представилъ Писемскій въ романѣ «Тысяча Душъ»; такимъ людямъ приходится только говорить, надсаживать легкія безплоднымъ крикомъ, надрывать грудь надъ неблагодарной работой, иногда вдаваться въ дикій кутежъ съ горя, сжигать жизнь до-тла и умирать съ горькимъ сознаніемъ своего безсилія, умирать, какъ умираетъ человѣкъ, задыхающійся подъ стогомъ сѣна, котораго онъ не въ силахъ своротить съ своей груди. Некрасивая и даже не громкая смерть. Эти мученики нашего тупоумія и нашей инертности до сихъ поръ были разрозненными единицами, и художники наши не могли обращаться съ ними, какъ съ представителями цѣлаго типа; въ томъ, что называется у насъ обществомъ, замѣчалось страшное раздвоеніе; одни повторяли на разные лады чужія мысли и воображали себѣ, что они *думаютъ*; другіе ничего не думали и ничего не воображали, росли въ брюхо, ѣли и наѣдались, жили и умирали, словомъ, задавая себѣ маленькія цѣли, шли къ нимъ бодрымъ, твердымъ шагомъ и всегда достигали ихъ, если не случалось поскользнуться или если не расшибалъ параличъ. Весь запасъ мыслей былъ на одной сторонѣ, весь запасъ воли и энергіи—на другой; между тѣми и другими лежала бездна...

Но отъ кого-же ждать спасительнаго толчка: отъ фразеровъ или отъ дикарей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ. Фразеры развились до послѣднихъ предѣловъ, настолько, насколько они способны развиться; развились—и остановились; они сдѣлали все, что могли, и больше отъ нихъ нечего ждать, это—вспаханное поле; а у дикарей—новь, дичь, глушь, рѣпьи да крапива, но есть растительная сила, которую ничто не замѣнитъ. Кто заучился до такой степени, что потерялъ здравый смыслъ, на того остается махнуть рукой; кто ничему не

учился, у того могутъ быть проблески самороднаго здраваго смысла, и изъ этихъ проблесковъ можетъ выработаться, смотря по обстоятельствамъ, живая мыслительная сила или горькій, забулдыжный русскій юморъ. Въ живой силѣ, въ здоровомъ тѣлѣ, въ мускулахъ, въ костяхъ и въ нервахъ, а не въ бумажныхъ страницахъ и не въ кожаныхъ переплетахъ заключаются для человѣка задатки свѣтлаго будущаго. Работать надо, работать мозгомъ, голосомъ, руками, а не упиваться сладкозвучнымъ теченіемъ чужихъ мыслей, какъ-бы ни были эти мысли стройны и вылощены.

VII.

Кромѣ типа неисправимыхъ фразеровъ, въ произведеніяхъ Писемскаго и Тургенева можно отмѣтить еще два главные разряда мужскихъ характеровъ. Во-первыхъ заслуживаютъ вниманія люди, подобные Лежневу и Лаврецкому; во-вторыхъ—люди, подобные Веретьеву (въ повѣсти Тургенева «Затишье») и Рымову (въ разсказѣ Писемскаго «Комикъ»). Первые проникаются гуманными идеями и, не вступая во имя этихъ идей въ борьбу съ дѣйствительностью, располагаютъ только свою собственную жизнь сообразно съ этими идеями. Если они—помѣщики, они берутъ съ своихъ крестьянъ легкій оброкъ, обращаются съ ними кротко и ласково и, не ломая круто ихъ предразсудковъ, стараются по возможности улучшать ихъ матеріальный бытъ и смягчать грубость ихъ нравовъ; если у нихъ есть семейство, они предоставляютъ свободу женѣ своей, воспитываютъ дѣтей своихъ внѣ предразсудковъ и не стѣсняютъ ихъ свободной воли съ той самой минуты, когда она начинаетъ у нихъ проявляться. Словомъ, это люди мягкіе, нетяжелые, терпѣливые ко всему, что̀ ихъ окружаетъ, и въ томъ числѣ къ глупостямъ и подлостямъ другихъ людей. Какъ дѣятели, они никуда не годятся, но мѣрить достоинства человѣка только той пользой, которую онъ приноситъ идеѣ или окружающему обществу, было-бы не совсѣмъ справедливо. Если человѣкъ не вредитъ другому, если онъ живетъ въ свое удовольствіе, не эксплоатируя другихъ и не стѣсняя чужой свободы, то самое строгое нравственное jury должно признать его невиновнымъ. Какъ дѣятель, онъ—нуль, но заставлять всѣхъ быть дѣятелями и клеймить презрѣніемъ того, кто въ этомъ отношеніи оказывается несостоятельнымъ или, вѣрнѣе, кто совершенно не выступаетъ на это поприще, значитъ врываться въ область личной свободы и смотрѣть на человѣка не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на винтъ или какъ на гайку въ общемъ механизмѣ общества. Предоставляю этотъ взглядъ Платону, Аристотелю и новѣйшимъ ихъ послѣдователямъ; я-же съ своей точки зрѣнія безусловно оправдываю Лежнева, Лаврецкаго и Бѣлавина; они дѣлаютъ, что̀ могутъ, и больше отъ нихъ нечего требовать, потому что требовать отъ человѣка самоотверженія совершенно неделикатно и негуманно, какъ-бы велика и прекрасна ни была та идея, во имя которой мы его требуемъ.

Темпераментъ людей, подобныхъ Лежневу и Бѣлавину, обыкновенно очень спокоенъ; развиваются они при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. обыкновенно пользуются обезпеченнымъ состояніемъ, усваиваютъ себѣ свои убѣжденія безъ особенной боли, смотрятъ на жизнь свѣтло и любовно, любятъ ровно и тихо, ненавидѣть не умѣютъ и спокойно презираютъ то, что возмущаетъ до глубины души людей болѣе страстныхъ и раздражительныхъ. Они—люди умѣренные по самой натурѣ своей; ихъ несправедливо было-бы смѣшать съ тѣми личностями, которыя угождаютъ нашимъ и вашимъ изъ чистаго расчета, изъ боязни навлечь на себя непріятности или изъ желанія подслужиться; первые—люди, отъ природы лишенные жала и желчи; вторые—скрываютъ жало и желчь и пускаютъ ихъ въ ходъ тогда, когда они могутъ сдѣлать это.

Совершенную противоположность съ этими спокойными натурами представляютъ люди, подобные Рымову и Веретьеву. Это люди съ кипучими силами, съ огненнымъ темпераментомъ, съ огромными страстями, съ рѣзкими недостатками, но съ яркими талантами и съ могучими стремленіями. Дарованія и силы этихъ людей разбрасываются, тратятся на пустяки, и сами они видятъ это, и самимъ имъ жаль себя, и досадно на себя, и хочется забыться, утопить тяжелое чувство, размыкать горе. Сколько могучихъ талантовъ гибнетъ въ нашемъ отечествѣ отъ безпорядочной жизни, отъ пьянства и кутежа. Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ?.. Человѣкъ съ умомъ и съ душой такого наглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали-бы пить. Пить съ горя не изящно, я съ этимъ согласенъ, но жалокъ тотъ человѣкъ, который постоянно смотритъ на себя со стороны и всю свою жизнь думаетъ о томъ, чтобы сохранить внѣшнее благообразіе; у людей, полныхъ души и чувства, бываютъ такія минуты, когда весь человѣкъ сосредоточенъ въ одномъ стремленіи, когда онъ имъ только и живетъ, въ немъ только и видитъ отраду и цѣль существованія; и если что-нибудь остановитъ такого человѣка въ то время, когда онъ идетъ къ своей любимой цѣли, если что-нибудь станетъ между этимъ человѣкомъ и его призваніемъ, тогда не пеняйте на него и не удивляйтесь его поступкамъ. Та самая сила, которая могла-бы сдѣлать чудеса, побѣдить всѣ

внѣшнія препятствія, осуществить безпокойное стремленіе, та самая сила, передъ проявленіями которой мы бы стали благоговѣть и преклоняться, обращается противъ самого человѣка и разбиваетъ въ дребезги ту грудь, въ которой она гнѣздится. Есть люди, которые могутъ помириться съ неполной или помятой жизнью, съ перекошенной и перекрашенной дѣятельностью; есть и другіе люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ; имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, при первой попыткѣ жизни прибрать ихъ къ рукамъ и скрутить ихъ по-своему, они бросаютъ все и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь. Являются вспышки отчаянной энергіи, попытки повернуть дѣло по-своему и головой пробить себѣ дорогу къ любимой дѣятельности; но такія попытки одному человѣку не по силамъ, и за энергическимъ движеніемъ впередъ слѣдуетъ обыкновенно страшная, часто отвратительная реакція. Кабы этимъ силамъ да другую сферу—было-бы совсѣмъ другое дѣло. Типъ широкой натуры, разбрасывающейся въ простомъ народѣ на сивуху, а въ среднемъ кругу—на шампанское, могъ-бы переродиться въ типъ талантливаго, живого, веселаго работника.

Отношенія Писемскаго къ этому типу теплѣе, симпатичнѣе и справедливѣе, чѣмъ отношенія Тургенева. Тургеневъ смотритъ на своего Веретьева какъ-то слишкомъ легко и слишкомъ презрительно: это невеликодушно; жертвы нашего собственнаго тупоумія, нашей собственной инертности имѣютъ право на наше сочувствіе или по крайней мѣрѣ на наше состраданіе; если жизнь однихъ вколачиваетъ въ могилу, другихъ вгоняетъ въ кабакъ, третьихъ превращаетъ въ негодяевъ, то согласитесь, что въ этомъ не виноваты тѣ личности, которыя не выносятъ атмосферы этой жизни. «Комикъ» Писемскаго неподражаемо хорошъ, какъ выраженіе этой идеи въ поразительно яркихъ образахъ. Вотъ, говоритъ авторъ, Рымовъ запилъ, превратился въ тряпку, попалъ подъ башмакъ глупой жены своей, какого-то ходячаго пуховика; а вотъ, полюбуйтесь, то общество, среди котораго онъ живетъ, всѣ, какъ на подборъ: одинъ глупѣе другого, и каждый подличаетъ по своему; Рымовъ пьяный умнѣе ихъ всѣхъ трезвыхъ. Какъ-же ему не пить? Когда вездѣ видишь, по выраженію Гоголя, одни свиныя рыла, тогда поневолѣ захочешь хоть на нѣсколько минутъ закрыть глаза, чтобы ничего не видѣть. Рымовъ ищетъ одурѣнія, самозабвенія, бреда—и все это очень понятно, все это—протестъ противъ того, съ чѣмъ борются всѣ честные дѣятели и что ненавидятъ всѣ порядочные люди.

VIII.

Въ томъ, что я написалъ до сихъ поръ, есть нѣсколько мыслей о тѣхъ явленіяхъ жизни, которыя представлены Писемскимъ и Тургеневымъ. Полной оцѣнки ихъ дѣятельности нѣтъ, а между тѣмъ статья вышла уже очень большая. Сознавая ея неполноту, я постараюсь въ особой статьѣ высказать свои мысли о женскихъ типахъ, выведенныхъ въ произведеніяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Кромѣ того о такомъ романѣ, какъ «Тысяча Душъ», нельзя говорить вскользь и между прочимъ. По обилію и разнообразію явленій, схваченныхъ въ этомъ романѣ, онъ стоитъ положительно выше всѣхъ произведеній нашей новѣйшей литературы. Характеръ Калиновича задуманъ такъ глубоко, развитіе этого характера находится въ такой тѣсной связи со всѣми важнѣйшими сторонами и особенностями нашей жизни, что о романѣ «Тысяча Душъ» можно написать десять критическихъ статей, не исчерпавши вполнѣ его содержанія и внутренняго смысла. Объ такихъ явленіяхъ говорить всегда кстати; говорить о нихъ—значитъ говорить о жизни, а когда же обсужденіе вопросовъ современной жизни можетъ быть лишено интереса? Поэтому я теперь постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ сгруппировать выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ теперешней моей статьи:

1) Я считаю трехъ названныхъ мною романистовъ важнѣйшими представителями современной поэзіи и отвергаю заслуги нашихъ лирическихъ поэтовъ, за исключеніемъ Майкова и Некрасова.

2) Въ романѣ Гончарова я вижу только тщательное копированіе мелкихъ подробностей и микроскопически тонкій анализъ. Ни глубокой мысли, ни искренняго чувства, ни прямодушныхъ отношеній къ дѣйствительности я не замѣчаю.

3) Въ Писемскомъ и въ Тургеневѣ я дорожу преимущественно ихъ отрицательнымъ и совершенно-трезвымъ воззрѣніемъ на явленія жизни.

4) Писемскій глубже Тургенева захватываетъ эти явленія, изображаетъ ихъ болѣе густыми красками и по жизненной полнотѣ своихъ твореній, какъ «черноземная сила», стоитъ выше Тургенева.

ЖЕНСКІЕ ТИПЫ

ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ ПИСЕМСКАГО, ТУРГЕНЕВА И ГОНЧАРОВА.

I.

Сколько лѣтъ уже живутъ люди на свѣтѣ, сколько времени толкуютъ они о томъ, какъ-бы устроить свою жизнь понизящѣе и поудобнѣе, а до сихъ поръ самыя простыя и положительно необходимыя отношенія не установились какъ слѣдуетъ. До сихъ поръ мужчина и женщина мѣшаютъ другъ другу жить, до сихъ поръ они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами, отравляютъ другъ другу жизнь. Разойтись они не могутъ, сойтись какъ слѣдуетъ не умѣютъ и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются въ такія сложныя, мучительныя, неестественныя отношенія, о которыхъ свѣжій человѣкъ съ здоровымъ мозгомъ не можетъ себѣ составить даже приблизительно вѣрнаго понятія. Мужчина гнететъ женщину и клевещетъ на нее. Взгляните на восточные гаремы, вспомните о тѣхъ законахъ, по которымъ вдова должна была сжигаться на кострѣ покойнаго мужа, вспомните тѣ странныя статьи первобытнаго уголовнаго кодекса, въ силу которыхъ нарушительница супружеской вѣрности подвергалась смертной казни или по меньшей мѣрѣ жестокому и унизительному тѣлесному наказанію, — вспомните все это, и вы увидите ясно, что на сторонѣ мужчины всегда находились сила, власть и неоцѣненное право мучить по своему благоусмотрѣнію подчиненную, безотвѣтную и сравнительно съ нимъ слабую спутницу. Загляните потомъ въ литературу всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, пересчитайте, если у васъ на то хватитъ силъ и свѣдѣній, всѣ ядовитыя или просто грязныя обвиненія, направленныя противъ женщины вообще, и вы увидите такъ-же ясно, что мужчина, постоянно развращавшій женщину гнетомъ своего крѣпкаго кулака, въ то-же время постоянно обвинялъ ее въ ея умственной неразвитости, въ отсутствіи тѣхъ или другихъ высокихъ добродѣтелей, въ наклонности къ тѣмъ или другимъ преступнымъ слабостямъ. Обвиненія эти дѣлались конечно чисто съ точки зрѣнія самого обвинителя, который въ своемъ собственномъ дѣлѣ является обыкновенно истцомъ, судьей, присяжнымъ и палачомъ. Если напримѣръ молодому образованному греку временъ Перикла было скучно сидѣть съ своей женой, которая не знала ничего, кромѣ своихъ рабынь и шерстяной пряжи, то онъ громко обвинялъ ее въ тупоуміи и уходилъ съ веселыми пріятелями къ модной гетерѣ, гдѣ конечно находилъ полное сочувствіе своему семейному горю, а вслѣдъ за сочувствіемъ отыскивалъ и утѣшеніе. Жена, существо молодое, свѣжее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смѣя даже роптать, съ тихимъ, затаеннымъ вздохомъ принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращенія господина-супруга, стыдливо принимала его полупьяныя ласки и, не получая ни откуда притока свѣжаго воздуха, постоянно тупѣла и съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе надоѣдала своему мужу. Возьмемъ другой примѣръ.

Если богатый мусульманинъ, владѣтель великолѣпнаго гарема, не имѣлъ возможности любить съ одинаковой силой всѣхъ своихъ женъ и любовницъ, и если одна изъ оставленныхъ одалискъ искала себѣ утѣшенія въ какой-нибудь посторонней привязанности, если она успѣвала склонить стражу и украдкой ввести въ гаремъ своего возлюбленнаго,—хозяинъ и властелинъ считалъ себя смертельно оскорбленнымъ и самымъ жестокимъ образомъ вымещалъ свою обиду на своей возмутившейся собственности. Эта собственность зашивалась въ мѣшокъ и отправлялась на дно ближайшей рѣки или немилосердно уродовалась палками, плетьми, розгами и другими исправительными орудіями, принадлежащими къ той-же категоріи.

Но все это, скажетъ читатель, примѣры, взятые изъ отдаленнаго прошлаго или изъ другой уродливо сложившейся цивилизаціи! Хорошо, возьмемъ примѣръ изъ нашихъ временъ и изъ нашего быта. Года четыре тому назадъ въ нашемъ отечествѣ былъ поднятъ вопросъ о воспитаніи; появилось нѣсколько педагогическихъ журналовъ и въ нихъ между прочимъ заговорили очень рѣчисто о женщинѣ. На нашихъ женщинъ напали съ двухъ сторонъ: во-первыхъ ихъ раскритиковали въ пухъ, какъ воспитательницъ; во-вторыхъ—какъ часть воспитывающагося и выростающаго молодого поколѣнія. Матерямъ и воспитательницамъ наша литература говорила безъ всякихъ обиняковъ: «вы воспитываете скверно, вы сами пусты, вы живете нарядами и выѣздами, вы не думаете о страшной отвѣтственности, которая лежитъ на васъ передъ обществомъ, передъ родиной, передъ собственной совѣстью. Покайтесь и обратитесь на путь истины». Обращаясь къ воспитанницамъ, литература наша даже ихъ умѣла обвинить въ томъ, что онѣ получили съ самыхъ раннихъ лѣтъ скверное направленіе, что онѣ не любятъ науки, равнодушны къ интересамъ своего развитія, обожаютъ своихъ учителей, начинаютъ кокетничать чуть не съ

пеленокъ и, достигши шестнадцати-лѣтняго возраста, наровятъ выйти замужъ за кого попало. Я возьму только одинъ фактъ этого обвиненія и докажу вамъ, что по своей идеѣ онъ нисколько не лучше тѣхъ двухъ примѣровъ, которые я привелъ выше.

Въ первомъ примѣрѣ грекъ дуется на свою жену за ея неразвитость, которую онъ-же самъ поддерживаетъ въ ней своимъ обращеніемъ съ нею.

Во второмъ примѣрѣ мусульманинъ колотитъ свою одалиску за невѣрность, которую онъ-же самъ вызываетъ своей невнимательностью.

Въ третьемъ примѣрѣ литераторы наши ругаютъ женщинъ за ихъ вѣтренность, за ихъ пустоту, которая поддерживается складомъ всего общества и въ которой виноваты одни мужчины, какъ единственные дѣятельные члены этого общества.

Наши русскія матери плохо воспитываютъ—согласенъ; да гдѣ-жъ имъ было научиться примѣрамъ здравой педагогики? Гдѣ имъ было проникнуться человѣческими идеями? Наши матери занимаются устройствомъ своихъ куафюръ или мариноваціемъ грибовъ – опять-таки согласенъ. Да что-же имъ дѣлать, когда онѣ ничего лучшаго не знаютъ? А не знаютъ онѣ потому, что съ ними никто по-человѣчески не говорилъ. Виноваты-же въ этомъ одни мужчины, потому что мужчины дирижируютъ оркестромъ общественныхъ убѣжденій и являются запѣвалами. Если выходитъ разладица, они-же сами за это отвѣчаютъ и на себя должны пенять.

Наши дѣвушки кокетничаютъ потому, что никто не умѣетъ шевельнуть какъ слѣдуетъ ихъ ума; молодыя силы ищутъ себѣ исхода и, не находя себѣ разумнаго приложенія, обращаются на пустяки и тратятся на нелѣпости; дѣвушка старается выйти замужъ—это очень похвально и благоразумно; желая этого, она повинуется единственному голосу физической природы и показываетъ въ себѣ присутствіе свѣжихъ силъ, потребность любви и наслажденія; кромѣ того она очень хорошо понимаетъ, что, выходя замужъ, она становится свободнѣе, чѣмъ была прежде, находясь въ родительскомъ домѣ; если она ищетъ для себя личной свободы, значитъ она инстинктивно или сознательно понимаетъ ея цѣну. Кто стремится къ независимости, тотъ во всякомъ случаѣ оказывается сильнѣе, умнѣе и энергичнѣе человѣка, мирящагося съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ.

Чтобы выйти замужъ, многія дѣвушки пускаютъ въ ходъ неблагообразныя средства; онѣ стараются понравиться, продаютъ товаръ лицомъ, кокетничаютъ; все это очень нехорошо, но опять-таки въ этомъ виноваты мужчины. Еслибы мужчинамъ не нравились кокетки, еслибы мужчины требовали отъ женщинъ серьезнаго ума, еслибы они не довольствовались легкой граціей, тогда кокетство сдѣлалось-бы невозможнымъ. А кричать въ литературѣ противъ того зла, которое поощряешь въ жизни, безцѣльно и безполезно. Валить нравственную отвѣтственность на такое существо, которое втеченіи всей своей жизни находится въ зависимости, несправедливо и неблагородно. Пора, мнѣ кажется, сказать рѣшительно и откровенно: женщина ни въ чемъ не виновата. Она постоянно является страдалицей, жертвой или по крайней мѣрѣ страдательнымъ лицомъ. Если случается иногда, что женщина отравляетъ существованіе добраго, честнаго и умнаго мужчины, то въ этомъ случаѣ совершается только круговая порука. Женщина вымещаетъ на своемъ мужѣ то зло, которое ей сдѣлали въ домѣ отца; ее испортили,—она и является испорченной; а все-таки въ существованіи портящихъ элементовъ виновата не женщина. Она въ полномъ смыслѣ слова—продуктъ извѣстныхъ бытовыхъ формъ и условій, и притомъ продуктъ, не имѣющій никакой возможности заявить свой протестъ. Даже мужчина, недовольный той жизнью, на которую обрекаютъ его понятія, укоренившіяся въ обществѣ, бываетъ принужденъ выдержать страшную борьбу,—такую борьбу, которая обыкновенно истощаетъ до послѣдней капли живыя силы его личности; большая часть мужчинъ не доводятъ этой борьбы до конца, смиряются и склоняютъ голову, признавая себя побѣжденными; кто остается побѣдителемъ, тотъ скоро умираетъ отъ послѣдствій непомѣрныхъ усилій.

Подумайте, что-же при такихъ условіяхъ можетъ сдѣлать женщина? Вспомните, что женщина у насъ знаетъ несравненно меньше, чѣмъ мужчина, изнѣжена несравненно больше и такъ-же несравненно больше мужчины сдавлена контролемъ общественнаго мнѣнія. Мужчина приходитъ въ столкновеніе съ множествомъ разнообразныхъ сферъ; родительскій домъ, гимназія, университетъ, департаментъ или полкъ, маскарадъ, трактиръ, редакція журнала, прилавокъ торговой конторы—вѣдь это все школы жизни; положимъ, что каждая изъ этихъ школъ сама по себѣ неудовлетворительна, но зато ихъ довольно много и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе даетъ матеріалы для критики остальныхъ. Если даже мы видимъ уродливыя явленія, то они оказываютъ на нашу мыслительную дѣятельность возбуждающее вліяніе, лишь-бы только эти уродливыя явленія не были утомительно-однообразны. Мужчинѣ есть на чемъ развиться; что это развитіе пойдетъ вкривь и вкось — въ этомъ нѣтъ почти ни малѣйшаго сомнѣнія; но тѣмъ не менѣе первобытный сонъ ребенка будетъ нарушенъ; придется не разъ задуматься, разсердиться, опечалиться, явятся столкновенія съ разными личностями, съ разными сферами;

явится борьба, и эта борьба такъ или иначе начнетъ обтесывать личность молодого индивидуума, вступающаго въ жизнь. Тѣ задатки способностей и страстей, которые лежали въ темпераментѣ мальчика, разовьются въ дурную или хорошую сторону, смотря по обстоятельствамъ; сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ, этотъ мальчикъ помирится съ жизнью или возстанетъ противъ нея, но во всякомъ случаѣ онъ обозначится, по-своему поймете самого себя и станетъ къ окружающей его жизни въ какія-нибудь отношенія. Личность сложится такъ или иначе, а у женщины, въ большей части случаевъ, и этого не бываетъ. Мужчину жизнь вертитъ и колышетъ круче, но женщину она давитъ сильнѣе. Для того, чтобы одна женщина выдѣлилась своимъ образомъ жизни изъ тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничѣмъ и не затронутыхъ индивидуумовъ, необходимо соблюденіе нѣсколькихъ условій, которыя въ нашемъ обществѣ, при теперешнемъ складѣ воспитанія и понятій, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Необходимо во-первыхъ, чтобы что-нибудь вызвало на размышленія и на критику. Необходимъ какой-нибудь толчокъ, который нарушилъ-бы ребяческую полудремоту дѣвушки или женщины. Мужчина встрѣчаетъ такіе толчки довольно часто; каждый изъ насъ помнитъ вѣроятно теплое слово какого-нибудь учителя или профессора, старшаго товарища или случайнаго знакомаго, котораго свѣтлая личность рельефно вырисовывается на темномъ фонѣ будничныхъ, житейскихъ воспоминаній; каждый испыталъ вѣроятно электрическое дѣйствіе такого слова, послѣ котораго приходилось оглянуться на свою прежнюю жизнь, перебрать въ умѣ свои неясныя, неперебродившія чаянія и стремленія и положить первый краеугольный камень будущимъ, мужскимъ убѣжденіямъ.— Къ такимъ словамъ женщины воспріимчивѣе, чѣмъ вы думаете: такія слова для нихъ не пропадаютъ даромъ, онѣ запоминаютъ ихъ чувствомъ, онѣ выростаютъ и развертываются мгновенно подъ живительнымъ вліяніемъ такого слова, онѣ привязываются всѣми силами молодой и пылкой души — и къ этому слову, и къ тому, кто его произноситъ; но посмотрите, гдѣ, когда, отъ кого приходится имъ слышать такое слово? Много-ли у насъ такихъ людей, которые способны заговорить съ женщиной по человѣчески? а изъ тѣхъ людей, которые на это способны, много-ли такихъ, которые достойны этого? Много-ли такихъ, повторяю я, которые, вызвавъ довѣріе и сочувствіе женщины смѣлой, вдохновенной тирадой, не обманутъ этого довѣрія и не окажутся мыльными пузырями и ничтожными фразерами? Оглянемся на самихъ себя; посмотримъ, каковы мы сами; посмотримъ, что мы, люди дѣла, люди мысли, дали и даемъ нашимъ женщинамъ? посмотримъ — и покраснѣемъ отъ стыда! Порисоваться передъ женщиной изяществомъ чувствъ, огорошить ее блестящей оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивой смѣлостью честнаго порыва—это наше дѣло, на это мы—мастера. А дальше, дальше, когда надо эту-же самую женщину поддержать, защитить, ободрить — мы на попятный дворъ, мы начинаемъ дѣлаться благоразумными, мы пугаемся того, что мы сдѣлали, мы стараемся залить тотъ пожаръ, который сами, сдуру, не спросясь броду, раздули; мы говоримъ и себѣ, и другимъ, и даже женщинѣ: вольно-жъ было такъ горячо принимать къ сердцу! Надо помириться, надо покориться! Да, вотъ мы каковы, и туда-же требуемъ отъ женщины, чтобы она была мыслящимъ существомъ. И смѣшно, и досадно!

Вотъ видите-ли: стало быть, если даже толчокъ данъ, если даже мышленіе и критика пробудились, этого еще недостаточно. Женщина во всякомъ возрастѣ до такой степени лишена самостоятельности, что первыя-же проявленія этой критики очень легко могутъ быть задавлены тѣми людьми, которые составляютъ обстановку. Молодое существо шевельнется, рванется къ какой-то новой, незнакомой жизни, — его круто осадятъ назадъ; оно заговоритъ — его осмѣютъ; оно начнетъ протестовать—ему велятъ молчать; чтобы побѣдить въ неравной борьбѣ, которая завяжется между молодой женщиной и обстановкой, необходимы или особенно благопріятныя обстоятельства, или огромная сила характера. Осуждать ту молодую дѣвушку или женщину, которая начнетъ борьбу и не выдержитъ ея до конца,—я не рѣшаюсь. Силъ у нея мало—да что-же дѣлать? Гдѣ было развиться этимъ силамъ? На что было опереться? Да и наконецъ, развѣ ей самой, этой побѣжденной личности, склонившей голову и смирившейся передъ тѣмъ, что вызываетъ въ ней глубокое отвращеніе, развѣ ей легко жить на свѣтѣ? Обличать страдалицу, осуждать женщину, сломленную и изнывающую подъ ея бременемъ — это можетъ-быть высоко-нравственно и глубоко-справедливо, но я предоставлю подобные подвиги другимъ, тѣмъ болѣе, что охотники всегда найдутся.

Итакъ, получивши расшевеливающій толчокъ, женщина должна еще получить извнѣ или развить въ самой себѣ силы для протеста и борьбы. Борьба будетъ самая разнообразная; сначала—внутренняя борьба, ломка прежнихъ убѣжденій и созиданіе новыхъ; потомъ—борьба съ семейными властями, съ маменьками, съ тетушками, съ ихъ матримоніальными планами, съ ихъ великосвѣтскими предразсудками, съ ихъ мѣщанской посредственностью и окоченѣвшей рутинностью; наконецъ—борьба съ обще-

ственнымъ мнѣніемъ, съ насмѣшками, намеками и сплетнями. Возьмемъ самую простую вещь — трудъ женщины. Мы знаемъ внѣшній фактъ: нѣкоторыя дѣвушки ходили на лекціи въ университетъ и ходятъ до сихъ поръ въ медико-хирургическую академію. Но знаемъ-ли мы внутреннюю, закулисную, семейную сторону этого факта? Сколько домашнихъ споровъ вызывало быть-можетъ желаніе дѣвушки учиться серьезно, сколько разъ это желаніе бывало подавляемо, сколько слезъ тутъ было пролито, и какія святыя слезы! Если вы, положимъ, видите сегодня десять дѣвушекъ на лекціи, то почему вы знаете, чего имъ стоило придти? И почему вы знаете, что на эту лекцію не пришло-бы еще двадцать дѣвушекъ, еслибы ихъ не задержали... доводами, насмѣшками, силой? Теперь идетъ рѣчь о томъ, что женщины желаютъ быть допущены къ медицинской практикѣ. Вопросъ, какъ вы видите, поднятъ свѣжій, но какіе иногда встрѣчаются отзывы, хоть святыхъ вонъ неси. Напримѣръ кіевская газета: «Современная Медицина» въ своемъ фельетонѣ вздумала позубоскалить на эту тему; она говоритъ, что женщины-медики будутъ поставлены въ щекотливое положеніе, если имъ придется лечить спеціально-мужскія болѣзни, и потомъ предлагаетъ этимъ женщинамъ-медикамъ называться докториссами. Это только плоско, и конечно не можетъ имѣть никакого вліянія на разрѣшеніе поставленнаго вопроса, но вы посмотрите на дѣло вотъ съ какой точки зрѣнія: если такія шутки откалываются въ печати людьми грамотными, чуть-ли даже не учеными, то что-же говорится на эту тему конфиденціально, въ своихъ кружкахъ, людьми темными и употребляющими прилагательное *ученый* не иначе, какъ съ прибавленіемъ существительнаго *гусь*... Каково тутъ будутъ острить и потѣшаться надъ той женщиной, которая у насъ въ Россіи первая рѣшится объявить себя практикующимъ медикомъ? И вѣдь эти остроты и потѣхи будутъ раздаваться въ тѣхъ самыхъ семейныхъ кружкахъ, въ которыхъ будутъ подростать молодыя существа, способныя проникнуться до глубины души идеей о пользѣ и необходимости женскаго труда. Какова будетъ борьба! Каково будетъ слабой женщинѣ съ нѣжной, тонкой кожей проходить сквозь строй грубыхъ насмѣшекъ, наглыхъ взглядовъ въ упоръ, благонамѣренныхъ совѣтовъ и крупнопоселенныхъ остротъ и намековъ. Подумайте-ка объ этомъ, поставьте на мѣсто этой пробивающейся личности образъ дорогой для васъ женщины, и тогда найдите въ себѣ силы бросить кампемъ въ ту, которая ослабѣетъ и спасуетъ на половинѣ дороги. Мнѣ кажется, вы тогда согласитесь со мной въ томъ, что женщина находится у насъ въ такомъ положеніи, при которомъ она не отвѣчаетъ ни за что; когда она изнемогаетъ и падаетъ, мы должны ей сочувствовать, какъ мученицѣ; когда она одолѣваетъ препятствія, мы должны прославлять ее, какъ героиню.

Если что-нибудь дурно въ женщинѣ, такъ дурна форма, въ которую отлиты ея понятія, чувства и дѣйствія; а форму эту изготовили мы; измѣнить ее собственными силами женщина не можетъ; а матеріалъ въ ней такъ хорошъ, такъ свѣжъ, несмотря на уродливую форму, въ которую онъ втиснутъ, что онъ заставляетъ все забывать; любовь матери, сестры, любовницы, жены разливаетъ на нашу сѣрую жизнь свѣтлыя полосы счастья и поэзіи. И за что насъ любятъ эти милыя существа? И чѣмъ мы это заслужили? На этотъ вопросъ мы затруднимся отвѣтить, если не захотимъ отвѣтить фразой; но въ этомъ избыткѣ любви, которая вырывается изъ мѣры и тратится безъ разбора, въ этой кипучей полнотѣ покуда неосмысленнаго чувства, въ этомъ отсутствіи нравственной экономіи и разсудочности—заключаются именно задатки будущаго богатаго развитія, будущей широкой, разносторонней, размашистой жизни, будущей плодотворной, любвеобильной дѣятельности. Что̀ сдѣлаетъ женщина, если она будетъ развиваться наравнѣ съ мужчиной?—это вопросъ великій и покуда неразрѣшимый.

II.

Изъ предыдущихъ общихъ разсужденій читатель можетъ замѣтить двѣ выдающіяся черты: во первыхъ то, что я во всѣхъ случаяхъ безусловно оправдываю женщину; во-вторыхъ то, что я считаю теперешнее положеніе женщины крайне тяжелымъ и неутѣшительнымъ. Съ этими двумя основными идеями я приступлю теперь къ анализу женскихъ типовъ, встрѣчающихся въ романахъ и повѣстяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Я буду выбирать только тѣ личности, которыя еще борятся съ жизнью и чего-нибудь отъ нея требуютъ. Женщины, уже помирившіяся съ извѣстной долей, не войдутъ въ мой обзоръ, потому что онѣ, собственно говоря, уже перестали жить.

Тѣ конечные результаты, къ которымъ приводитъ жизнь, не лишены интереса; ихъ можно изучать, какъ опредѣлившіеся факты, какъ памятники прошедшаго; но дѣло въ томъ, что мы теперь живемъ тревожной жизнью настоящей минуты; мы чувствуемъ неотразимую потребность отвернуться отъ прошедшаго, забыть, похоронить его и съ любовью устремить взоры въ далекое, манящее, неизвѣстное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваемъ все наше вниманіе на томъ, въ чемъ видна молодость, свѣжесть и протестующая энергія, — на томъ, въ чемъ вырабатываются и зрѣютъ задатки новой жизни, представляющей рѣзкую противуположность съ нашимъ теперешнимъ прозябаніемъ. Наши романисты также

поддаются этой потребности, изображая своихъ героинь именно въ тотъ моментъ, когда онѣ подъ вліяніемъ чувства къ мужчинѣ, развертываютъ всѣ силы своей природы и поворачиваютъ свою жизнь въ ту или другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ въ жизни женщины особенно важенъ; рѣдко удается женщинѣ пойдти по той дорогѣ, которая обѣщаетъ полное удовлетвореніе ея потребностямъ и стремленіямъ; большей частью ей приходится, споткнувшись объ какое-нибудь препятствіе, свернуть куда-нибудь въ сторону и потомъ, убѣдившись въ невозможности выйдти снова на прежній широкій, свѣтлый и ровный путь, жить день за днемъ, безъ цѣли, безъ опредѣленныхъ желаній, безъ живого наслажденія. Кто видитъ женщину въ этой фазѣ развитія, тотъ видитъ существо больное, слабое, увядающее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желаніе работать и бороться. Въ такой отживающей женщинѣ вы не найдете слѣдовъ той энергіи, которая кипѣла въ молодой дѣвушкѣ; въ энергіи этой заключаются залоги будущаго развитія, слѣдовательно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, на что́ способна женщина, какія силы таятся въ ея мозгу, въ ея нервахъ, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свѣжести, а не тогда, когда она измята, избита и обезцвѣчена вліяніемъ пошлыхъ людей и пошлой обстановки. Берите ее именно въ ту минуту, когда она любитъ и когда, подавая руку избранному человѣку, она готова съ нимъ рядомъ весело идти навстрѣчу труду, лишеніямъ, суду свѣта, упрекамъ родственниковъ, словомъ—всѣмъ тѣмъ передрягамъ, которыя закаляютъ человѣка и которыя на нашемъ безцвѣтномъ и неточномъ разговорномъ языкѣ называются горемъ и непріятностями.

Романъ большей части нашихъ женщинъ непродолжителенъ и нерадостенъ, благодаря тому обстоятельству, что наши мужчины изъ рукъ вонъ плохи; а почему плохи наши мужчины, это я, насколько возможно, старался объяснить въ предыдущей статьѣ. Большей частью, мужчина влюбляется въ женщину или тогда, когда онъ находится въ положеніи неоперившагося птенца, или тогда, когда жуированіе жизнью, мелкія дрязги и постоянный разладъ между міромъ мысли и міромъ дѣйствительности измучили и утомили его до крайности. Свѣжести и силы нѣтъ у нашихъ мужчинъ; они становятся стариками на другой день послѣ того, какъ перестаютъ быть ребятами; мало того, старческая дряблость живетъ въ нихъ рядомъ съ ребяческой наивностью и неразвитостью; не умѣя ни однимъ серьезнымъ дѣломъ заняться серьезно, они уже начинаютъ чувствовать себя лишними на бѣломъ свѣтѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ при нормальномъ образѣ жизни должно еще продолжаться физическое и умственное развитіе. Дѣлать нечего, заняться нечѣмъ, болтать вдохновенную чепуху надоѣдаетъ—и человѣкъ мечется изъ угла въ уголъ, привязывается къ разнымъ искусственнымъ интересамъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заинтересоваться, и наконецъ, встрѣтивъ на своей дорогѣ женщину, которая ему нравится и способна понимать то, что́ онъ ей будетъ говорить, воображаетъ себѣ, что онъ въ пристани, что цѣль жизни найдена, что его счастье въ рукахъ этой любимой имъ особы. Но дѣло въ томъ, что особа и ея обожатель совершенно различными глазами смотрятъ на жизнь.

Женщину заинтересовываетъ то, что мужчина говоритъ ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала въ родительскомъ домѣ; а между тѣмъ силъ пожить и желанія пожить въ ней набралось много, вотъ она и слушаетъ съ напряженнымъ и постоянно возрастающимъ любопытствомъ и участіемъ то, что́ ей говоритъ ея собесѣдникъ о новомъ для нея процессѣ, о самостоятельной жизни, въ которой человѣкъ самъ пожинаетъ посѣянные плоды и самъ несетъ отвѣтственность за свои хорошіе и дурные поступки. Она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ усталъ жить, хотя въ сущности очень мало жи.ъ; она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ постоянно оставался школьникомъ, хотя давно уже покинулъ университетскую скамью; она воображаетъ себѣ, что дѣятельность ея собесѣдника дѣйствительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была-бы завидовать ему, еслибы она его не любила и не надѣялась раздѣлить съ нимъ все наслажденіе и всю обаятельную тревогу этой, по ея мнѣнію, дѣятельной жизни. Она не знаетъ и не понимаетъ, что ея обожатель никогда въ жизни не являлся и не явится полноправной, самостоятельной, всесторонне развитой человѣческой личностью; она не видитъ того, что избранникъ ея сердца бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ, и будетъ продолжать это общеполезное занятіе до тѣхъ поръ, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая изъ спертой атмосферы своей дѣвической каморки въ рабочій кабинетъ того человѣка, котораго она желаетъ назвать своимъ мужемъ, дѣвушка не замѣчаетъ того, что она только изъ одной клѣтки хочетъ перейти въ другую; эта другая будетъ пожалуй попросторнѣе первой, да что-же въ этомъ толку?—клѣтка все-таки останется клѣткой.

Ошибаясь на счетъ размѣровъ и значенія дѣятельности, дѣвушка ошибается точно также на счетъ самой личности того человѣка, который, поразивши ея воображеніе, начинаетъ мало по малу возбуждать въ ней любовь. Она слушаетъ его разсужденія о жизни съ страстнымъ воодушевленіемъ и придаетъ его лично-

сти часть того огня, который горитъ въ ней самой; она воображаетъ себѣ, что разсказчикъ чувствуетъ то-же самое, что́ чувствуетъ она, слушательница; вѣдь случается-же иногда, что человѣкъ, съ которымъ произошло какое-нибудь счастливое событіе, выходитъ на улицу и воображаетъ себѣ, подъ вліяніемъ своего господствующаго настроенія, что всѣ окружающіе предметы, одушевленные и неодушевленные, смотрятъ на него какъ-то особенно весело, дружелюбно и довѣрчиво. Если такой человѣкъ одаренъ значительной долей впечатлительности и фантазіи, то съ нимъ можетъ случиться то, что онъ подойдетъ къ цѣпной собакѣ, чтобы приласкать ее, и конечно очень быстро печальнымъ опытомъ убѣдится въ ошибочности своихъ оптимистическихъ воззрѣній. Для молодой дѣвушки, воспитывающей въ груди своей первое чувство любви, такого рода ошибка почти неизбѣжна. Идеализировать личность правящагося человѣка гораздо легче, чѣмъ идеализировать цѣпную собаку, а послѣдствія отъ того и другого могутъ выдти одинаково скверныя, хотя и существенно различныя по внѣшнимъ проявленіямъ.

Молодой человѣкъ, разсказывающій дѣвушкѣ о томъ, какъ онъ развивался, какъ боролся съ обстоятельствами, что̀ перенесъ и выстрадалъ, гальванизируетъ самого себя процессомъ разсказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестятъ, давно поблекшія щеки загораются яркимъ румянцемъ; дикція его оживляется по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое его рѣчью на свою собесѣдницу; онъ самъ наслаждается своимъ торжествомъ; чувство удовлетворяемаго самолюбія доставляетъ ему болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ чувство раздѣленной любви; въ самой пылкой сценѣ любви онъ является въ одно время и актеромъ, и зрителемъ, и эта несчастная способность смотрѣть на самого себя со стороны въ то время, когда существо свѣжее безраздѣльно отдается обаятельному впечатлѣнію минуты, эта несчастная способность, повторяю я, есть вѣрный симптомъ вялости и дряблости; мозгъ постоянно бодрствуетъ и господствуетъ надъ всѣми отправленіями организма потому, что остальные нервы притупились и ослабѣли. А между тѣмъ дѣвушка вся находится подъ обаяніемъ: ни одно слово въ разсказѣ, ни одна нота въ голосѣ разсказчика, ни одно измѣненіе въ мускулахъ его лица или въ выраженіи его глазъ не пропадаютъ для нея и не ускользаютъ отъ ея напряженнаго, благоговѣющаго вниманія. Новыя, неиспытанныя и неожиданныя ощущенія проходятъ черезъ ея нервную систему съ такой непостижимой быстротой, что она втеченіи получасового разговора переживаетъ чуть-ли не два-три года и почти внезапно изъ взрослаго ребенка превращается въ любящую женщину. И какъ она хороша въ эту минуту перерожденія! И какъ она, при всей своей чуткости, при всей напряженной силѣ вниманія, не способна отнестись критически къ своему собесѣднику! Какъ она горячо вѣритъ и какъ жестоко ошибается! Въ ней вспыхиваетъ энергія, и въ немъ вспыхиваетъ энергія, но въ ней это первые проблески разгорающагося пламени, а въ немъ это послѣднія искры потухающаго огня. Она послѣ двухъ-трехъ теплыхъ разговоровъ способна рѣшиться на все, а онъ послѣ двухъ-трехъ такихъ разговоровъ ужъ ровно ни на что не способенъ; она подойдетъ къ нему и скажетъ: «ну, что-же! мы довольно говорили; пора дѣйствовать, пора жить; если между нами есть препятствія, опрокинемъ ихъ, перешагнемъ черезъ нихъ. Пойдемъ на встрѣчу трудамъ, опасностямъ и наслажденію». А онъ, потративши остатки энергіи на восторженную рѣчь, чистосердечно удивится тому, что отъ него еще чего-то требуютъ; она думаетъ, что разговоръ есть только начало дѣйствія, прелюдія жизни, а онъ послѣ разговора отдыхаетъ на лаврахъ въ полномъ убѣжденіи, что разговоръ есть полнѣйшее и единственное возможное проявленіе жизни. Увлеченная его рѣчами, она кидается къ нему на шею и въ эту минуту забываетъ и папеньку, и маменьку, и то, что въ комнату можетъ войти посторонній человѣкъ, и даже то, что она—благородная дѣвица, какъ неоднократно внушали ей воспитательницы. А онъ, при подобной вспышкѣ дѣйствительнаго чувства, при подобномъ проявленіи свѣжей жизни, теряется и опускаетъ руки подъ вліяніемъ чисто-комическаго, глубокаго испуга; онъ не знаетъ, что́ ему дѣлать съ этой женщиной, принявшей его слова въ такомъ серьезномъ смыслѣ; онъ до такой степени теряетъ присутствіе духа, что не понимаетъ даже того, что ему изъ деликатности, почти изъ приличія слѣдуетъ приласкать любящее существо и отвѣтить выраженіемъ теплаго сочувствія на страстныя объятія; онъ предобродушно проситъ взволнованную женщину успокоиться, придти въ себя, вспомнить, что ихъ могутъ застать...

Если эта сцена происходитъ съ дѣвушкой впечатлительной, слабой и нервной, то она разрѣшается слезами, кончается истерическимъ припадкомъ и не производитъ рѣшительнаго перелома; дѣвушка объясняетъ себѣ всю нескладность этой сцены тѣмъ обстоятельствомъ, что она сама была разстроена и взволнована; любимый мужчина не теряетъ въ ея глазахъ своего достоинства и разочарованіе происходитъ уже впослѣдствіи, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ сценъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ вялыхъ отношеній. Но если дѣйствующимъ ли-

цомъ въ этой нелѣпой сценѣ была дѣвушка или женщина сильная, страстная и энергичная, то она сразу понимаетъ, какъ пошло велъ себя въ этой сценѣ нравившійся ей мужчина, она быстро откидывается назадъ, однимъ холоднымъ взглядомъ уничтожаетъ впечатлѣніе всего разговора, въ одну минуту сосредоточивается въ самой себѣ, и только-что начатый романъ оказывается навсегда окончennымъ, безъ шуму, безъ слезъ, безъ эффектныхъ выходокъ, и повидимому къ обоюдному удовольствію героя и героини. А между тѣмъ чувство женщины глубоко и несправедливо оскорблено; она обманута въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ; первое проявленіе жизни прихвачено морозомъ и самая жизнь оказывается надломленной. Зло конечно поправимое, но кому-жъ его поправить? Гдѣ у насъ тѣ люди, которые умѣли и хотѣли-бы понять страданія женщины и радикально излечить эти страданія любовью, лаской, удовлетвореніемъ той потребности дѣятельности, которая постоянно волнуетъ мыслящую человѣческую личность. Еслибы у насъ было много такихъ людей, то во многихъ отношеніяхъ жизнь наша пошла-бы не такъ, какъ она идетъ теперь.

III.

Изъ женскихъ личностей, выведенныхъ въ романахъ Гончарова, только Ольга Сергѣевна Ильинская до нѣкоторой степени заслуживаетъ анализа. Въ доброе, старое время, когда литература считалась роскошью и забавой жизни, отъ автора романа требовали только блестящаго вымысла и разнообразія картинъ; самые строгіе цѣнители требовали отъ него нравственнаго поученія, и совершенно удовлетворялись его произведеніемъ, если оно изображало борьбу добра и зла и выводило на сцену воплощенія разныхъ добродѣтелей и пороковъ; одни критики требовали, чтобы непремѣнно торжествовало добро; другіе, болѣе догадливые, позволяли злу одерживать побѣду, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено въ очень отвратительномъ видѣ, «во всей наготѣ своего безобразія», какъ выражались съ добродѣтельнымъ негодованіемъ эти догадливые цѣнители. Для однихъ романъ былъ источникомъ благородной забавы, пособіемъ для успѣшнаго пищевареніе, чѣмъ-нибудь вродѣ хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка; для другихъ романъ былъ правоученіемъ въ лицахъ, и эти другіе смотрѣли на первыхъ, какъ на жалкихъ умственныхъ недорослей, какъ на людей пустыхъ и ничтожныхъ. Эти другіе, считавшіе себя солью земли и свѣтилами міра, очень много толковали объ идеалахъ и искали идеаловъ въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Подъ именемъ идеала они разумѣли что-то очень высокое и хорошее; идеаломъ человѣка они называли совокупленіе въ одномъ вымышленномъ лицѣ всевозможныхъ хорошихъ качествъ и добродѣтельныхъ стремленій; чѣмъ больше такихъ качествъ и стремленій романистъ нанизывалъ на своего героя, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ идеалу и тѣмъ больше похвалъ заслуживалъ онъ со стороны этихъ высоко развитыхъ цѣнителей. Цѣнители эти хотѣли, чтобы читатель, закрывая книгу, могъ сказать съ сердечнымъ умиленіемъ: «да! вотъ какіе должны быть люди! Увы! зачѣмъ это я не похожъ на этого героя, и зачѣмъ это въ моей супругѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ изящной личностью этой героини?»

Доброе, старое время, о которомъ я говорю, время Грандисоновъ и Клариссъ, для многихъ добродушныхъ людей еще не миновало и для многихъ никогда не минуетъ. До сихъ поръ есть такіе высоконравственные люди, которые смотрятъ на литературу, какъ на проповѣдь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такіе, которые видятъ въ ней весьма позволительную забаву; есть даже и такіе, которые видятъ въ ней источникъ всякаго зла. Люди послѣдней категоріи не читаютъ ничего, кромѣ календарей и дѣловыхъ бумагъ; но зато люди первыхъ двухъ категорій съ наслажденіемъ читаютъ «Обломова»; людей, наслаждающихся чтеніемъ романовъ послѣ сытнаго обѣда, нѣжатъ обаятельность языка и спокойствіе разсказа; сверхъ того ихъ радуетъ и умиляетъ тщательная отдѣлка мелочей; нужны-ли эти мелочи для пониманія дѣла, объ этомъ они не спрашиваютъ; ощущеніе, доставляемое имъ романомъ, — пріятно, и они совершенно довольны. Люди, ищущіе назиданія, восхищаются фигурой Ольги и видятъ въ ней идеалъ женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назадъ я принадлежалъ къ числу этихъ людей, и я восторгался Ольгою, какъ образцомъ русской женщины. Но нашъ желѣзный вѣкъ, вѣкъ демоническихъ сомнѣній и грубо реальныхъ требованій, образуетъ мало по малу такихъ людей, которые даже роману не позволяютъ быть фантазеромъ и даже ученому спеціалисту не позволяютъ быть буквоѣдомъ. Мы нуждаемся, говорятъ эти люди въ рѣшеніи самыхъ элементарныхъ вопросовъ жизни, и намъ некогда заниматься тѣмъ, что не имѣетъ прямого отношенія къ этимъ вопросамъ. Мы жить хотимъ, и слѣдовательно назовемъ дѣятелемъ жизни, науки или литературы только того человѣка, который помогаетъ намъ жить, пуская въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи.

Но созданія Гончарова не выясняютъ намъ ни одного явленія жизни, и слѣдовательно мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность, какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но

вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени безполезное. Мы не требуемъ отъ художника мелкаго обличенія, но полагаемъ, что пониманіе жизни и ясныя, сознательныя и притомъ искреннія отношенія къ поставленнымъ имъ вопросамъ представляютъ необходимую принадлежность художника. Гончаровъ попытался нарисовать образъ русской дѣвушки, одаренной отъ природы значительными умственными силами и поставленной при самыхъ выгодныхъ условіяхъ развитія. Картинка вышла на первый взглядъ очень красивая. Благодаря пластичности гончаровскаго изложенія, большинство читателей приняли Ольгу за живую личность, возможную при условіяхъ нашей жизни. Первое впечатлѣніе говоритъ въ пользу героини «Обломова», но стоитъ только, не останавливаясь на мелочахъ, взглянуть на крупныя черты этого характера, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ выдуманъ, какъ и все то, что когда-нибудь выходило изъ подъ пера Гончарова. При первомъ своемъ появленіи на сцену Ольга выходитъ изъ головы автора совершенно сформированной, въ полномъ вооруженіи, подобно тому, какъ въ доброе, старое время Паллада-Аоина вышла изъ черепа Зевеса.

Авторъ пытается объяснить происхожденіе выведеннаго имъ женскаго характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитіи Ольги, Гончаровъ указываетъ только на два обстоятельства, отличавшія собою ея жизнь отъ жизни другихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ тому-же слою общества. Первымъ обстоятельствомъ является отрицательное вліяніе тетки, вторымъ—положительное вліяніе Штольца. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать, что угодно, а Штольцъ въ досужія минуты училъ ее уму-разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно: сироты обыкновенно ростутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіяся въ родительскомъ домѣ; они терпятъ больше горя, но зато развиваются самобытнѣе и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ разслабляющая атмосфера слѣпой любви и неотразимаго деспотизма. Ольгѣ было удобнѣе развиваться подъ надзоромъ тетки, чѣмъ подъ руководствомъ матери; но вѣдь тетка могла дать только отрицательный элементъ; она могла до извѣстной степени не мѣшать развитію, а условія жизни, выборъ чтенія, кружокъ знакомыхъ должны были направлять силы молодого ума въ ту или другую сторону.

Что могъ сдѣлать Штольцъ? Еслибы даже онъ съ неуклоннымъ вниманіемъ слѣдилъ за проявленіями мысли и чувства въ молодой дѣвушкѣ, то и тогда ему одному было-бы довольно трудно составлять противовѣсъ всему вліянію домашней и общественной обстановки. Но кромѣ того Штольцъ—«человѣкъ дѣятельный»; онъ съ утра до вечера бѣгаетъ по городу, онъ постоянно находится въ разъѣздахъ; гдѣ-жъ ему быть руководителемъ и воспитателемъ молодой дѣвушки? Сверхъ того Штольцъ относится къ Ольгѣ, какъ къ ребенку даже во время той сцены, послѣ которой онъ предлагаетъ ей руку и сердце; когда Ольга говоритъ ему о своемъ романѣ съ Обломовымъ, онъ ей отвѣчаетъ на ея признанія: «васъ за это надо оставить безъ сладкаго блюда за обѣдомъ». Если этотъ дѣловой господинъ, сильно смахивающій вообще на commis voyageur, относится такъ шутливо къ серьезному разсказу дѣвушки о серьезныхъ чувствахъ и о дѣйствительныхъ, пережитыхъ ею страданіяхъ, то можно себѣ представить, съ какой покровительственной улыбкой онъ относился къ этой дѣвушкѣ, когда она ходила въ коротенькихъ платьяхъ, и когда она, какъ умный, развивающійся ребенокъ, всего болѣе нуждалась въ дружескомъ совѣтѣ и въ уваженіи со стороны взрослаго. Кромѣ того Штольцъ и самъ не отличается значительной высотой развитія; когда Ольга, сдѣлавшаяся уже его женою, жалуется ему на какія-то стремленія, на какую-то неудовлетворенную тоску, Штольцъ говоритъ на это: «мы не боги», и совѣтуетъ ей покориться, помириться съ этой тоской, какъ съ неизбѣжной принадлежностью жизни. Штольцъ очевидно не понимаетъ смысла и причины этой тоски, но, какъ человѣкъ самолюбивый и самонадѣянный, онъ не рѣшается признаться въ своемъ непониманіи и пускается въ фразерство. Человѣкъ, неспособный понять такую простую вещь, человѣкъ, неспособный въ рѣшительную минуту поддержать и разумнымъ образомъ успокоить женщину, опирающуюся на него съ полнымъ довѣріемъ, конечно не можетъ имѣть на развитіе молодого существа того рѣшительнаго и благотворнаго вліянія, которое приписано Штольцу въ романѣ Гончарова. Если Штольцъ не умѣетъ направить къ разумной дѣятельности силы женщины, уже сложившейся и окрѣпшей, то какимъ-же образомъ можетъ этотъ самый Штольцъ пробудить и вызвать къ жизни силы, еще дремлющія въ мозгу ребенка? Есть конечно такіе люди, которые могутъ расшевелить, но потомъ не въ силахъ поддержать довѣрившуюся имъ женщину; къ числу такихъ людей принадлежатъ Рудинъ, Шамиловъ, герой стихотворенія Некрасова «Саша»; такіе люди слабы и порывисты, а Штольцъ твердъ и спокоенъ; такіе люди очень хорошо знаютъ, что надо дѣлать, но у нихъ не хватаетъ силъ на то, чтобы исполнить сознанное дѣло. Штольцъ, напротивъ того, могъ-бы все сдѣлать, но онъ не знаетъ, что надо дѣлать. Изъ всего этого видно, что Штольцъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми рудинскаго типа; мало того, онъ

поставленъ въ противоположность къ этому типу; онъ, по мнѣнію Гончарова, является живымъ урокомъ этимъ людямъ. Спрашивается, какъ же этотъ высоко развитой, металлически твердый, трезво и спокойно размышляющій человѣкъ оказался неспособнымъ вывести жену свою изъ лабиринта осадившихъ ее сомнѣній и стремленій?

Тѣ эпитеты, которые я здѣсь придаю Штольцу, не выражаютъ моего личнаго мнѣнія объ этой фигурѣ; этими эпитетами я обозначаю только тѣ свойства, которыя Гончаровъ *хотѣлъ* придать своему созданію; я-же съ своей стороны не считаю Штольца ни высокоразвитымъ, ни металлически твердымъ, ни спокойно размышляющимъ; всѣ эти свойства могутъ быть приписаны человѣку, а я не считаю Штольца за человѣка. Я вижу въ немъ довольно искусно выточенную маріонетку, двигающуюся взадъ и впередъ по произволу выточившаго ее мастера. Еще гораздо искуснѣе маріонетки Штольца выточена другая, очень красивая маріонетка, Ольга Сергѣевна Ильинская; но жизни нѣтъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому, говоря о гончаровскихъ лицахъ, намъ приходится только слѣдить за процессомъ мыслительной дѣятельности въ головѣ автора; намъ приходится не обсуживать выведенныя имъ стороны жизни, а просто рѣшать вопросъ: послѣдовательны-ли и пригодны-ли его сужденія. Беру я на себя этотъ трудъ потому, что имя Гончарова пользуется значительной извѣстностью, и слѣдовательно мнѣнія его могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на мысли читателей.

Итакъ, мы видѣли, что̀ Гончаровъ думаетъ о развитіи женщины: онъ полагаетъ, что дѣвушкѣ достаточно пользоваться нѣкоторой независимостью и встрѣчаться порою съ умнымъ и твердымъ мужчиной, для того, чтобы вполнѣ развить свои природныя силы. Тѣ предѣлы, которыхъ должна достигать эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношенія Ольги къ теткѣ совершенно не обрисованы и отношенія ея къ обществу оставлены въ тѣни, съ тѣмъ замѣчательнымъ умѣніемъ, съ которымъ Гончаровъ всегда набрасывалъ покрывало на то, о чемъ, по его мнѣнію, неудобно распространяться. Тѣ размѣры, въ которыхъ должны проявляться умъ и твердость мужчины, также не опредѣлены съ достаточной ясностью; Гончаровъ не далъ себѣ труда подумать о томъ, чѣмъ могутъ быть искреннія и разумныя отношенія между развитымъ мужчиною и развитой женщиной, и вслѣдствіе этого отношенія эти вышли блѣдны и фальшивы, какъ казенная фраза на избитую тему. Въ самомъ характерѣ Ольги встрѣчаются внутреннія противорѣчія, которыя ясно показываютъ, до какой степени туманны и сбивчивы понятія автора о томъ идеалѣ женщины, который онъ самъ себѣ составилъ и который онъ хотѣлъ выяснить читателямъ своего романа.

Возьмемъ отношенія Ольги къ Обломову. Ольгу заинтересовываетъ граціозность этой честной, мѣшковатой личности, которой наивность и природный умъ рѣзко отдѣляются отъ вычурности и безцвѣтности тѣхъ свѣтскихъ джентльмэновъ, которыхъ до того времени приходилось видѣть Ольгѣ. Заинтересовавшись Обломовымъ, Ольга начинаетъ въ него вглядываться, убѣждается въ томъ, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, мягокъ, симпатиченъ, и начинаетъ чувствовать къ нему влеченіе. Когда эта зародившаяся любовь сдѣлалась замѣтна для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство оригинально; она посмотрѣла на него, какъ на подвигъ, который посылаетъ ей судьба; она вообразила себѣ, что ей предстоитъ обновить Обломова, одряхлѣвшаго отъ умственнаго сна, воодушевить его новой энергіей и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной, человѣческой жизни. Чтобы понимать такимъ образомъ свои отношенія къ любимому человѣку, надо стоять на высокой степени умственнаго развитія и обладать огромными природными силами. Кто стоитъ на такой степени и обладаетъ такими силами, тотъ неспособенъ затосковать безпредметной тоской и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимаетъ, что Обломову необходима дѣятельность, то какъ-же она можетъ не понять, что ей, какъ энергической личности, дѣятельность еще гораздо необходимѣе? Какъ-же она не понимаетъ, что вся ея тоска съ любимымъ человѣкомъ, на южномъ берегу Крыма, среди роскошной, цвѣтущей природы,—не что иное, какъ неудовлетворенная потребность разумной дѣятельности? Какъ наконецъ эта энергическая природа не рвется вонъ изъ душной атмосферы спокойнаго, соннаго счастья въ живую среду дѣятельности и тревоги? Какъ возможно, чтобы Ольга, рѣшившаяся такъ рѣзко разорвать свои отношенія съ Обломовымъ тогда, когда Обломовъ оказался тряпкой, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоскомъ отвѣтѣ Штольца: «мы не боги», и помирилась съ такой жизнью, въ которой, сколько намъ извѣстно по словамъ Гончарова, не было ничего, кромѣ воркованія любящаго супруга, нянчанія ребенка и заботъ по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробила-бы себѣ дорогу къ дѣятельности и взглянула-бы съ невольнымъ презрѣніемъ на того мужчину, который рѣшился-бы увѣрить ее, что надо быть богомъ, чтобы работать и наслаждаться. Но Гончаровъ, расходясь съ моимъ мнѣніемъ, доказываетъ, кажется, совершенно противное. Если сгруппировать въ общую картину всѣ черты, введенныя имъ въ фигуру Ольги, то смыслъ выйдетъ довольно оригинальный, гар-

монирующій съ основной идеей «Обыкновенной Исторіи». Ольга въ крайней молодости беретъ себѣ на плечи огромную задачу; она хочетъ быть нравственной опорой слабаго, но честнаго и умнаго мужчины; потомъ она убѣждается въ томъ, что эта работа ей не по силамъ, и находитъ гораздо болѣе удобнымъ самой опереться на крѣпкаго и здороваго мужчину. Положеніе ея очень прочно и комфортабельно, но, какъ вспышка молодости, у нея является припадокъ тоскливаго волненія. Этотъ припадокъ отъ времени до времени повторяется, постепенно ослабѣвая; наконецъ молодая женщина совершенно излечивается, дѣлается спокойной и веселой, и жизнь ея начинаетъ струиться тихимъ, прозрачнымъ и отчасти усыпительно журчащимъ ручейкомъ. Гончаровъ находитъ, что это сонное спокойствіе должно быть признано счастіемъ: я съ нимъ не буду спорить, потому что у каждаго свои понятія о счастьѣ: это—дѣло личнаго вкуса. Гончаровъ въ изображеніи личности Ольги точно такъ-же, какъ и въ «Обыкновенной Исторіи», производитъ варіаціи на извѣстныя русскія пословицы: «жгуча крапива, да уварится», или «кабы на горохъ, да не морозъ, онъ-бы и тынъ переросъ»; онъ видитъ въ проявленіяхъ молодости и свѣжести дикія вспышки, безплодныя попытки перекрутить все по своему и постепенно ослабѣвающіе припадки сумасбродства, онъ смотритъ на вещи трезвыми глазами благоразумнаго старца и считаетъ развитіе человѣка благополучно довершеннымъ въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ располагать свои слова и поступки, сообразуясь съ внушеніями личнаго разсчета.

Знаете-ли, господа читатели, что̀ вышло-бы изъ «Обломова», еслибы этотъ романъ былъ разсказанъ писателемъ, смотрящимъ на вещи не такъ благоразумно, какъ смотритъ Гончаровъ. Вышло-бы вотъ что: Обломовъ оказался-бы беззаботной головой, съ поэтическими стремленіями, не находящими себѣ удовлетворенія; онъ-бы вышелъ похожимъ на Бельтова; и авторъ показалъ-бы, что условія жизни, а не лимфатическій темпераментъ, мѣшаютъ ему развернуть свои способности и удовлетворить тѣмъ стремленіямъ, которыя отъ неудовлетворенія чахнутъ и мелѣютъ. Ольга оказалась-бы очень умной дѣвушкой, во всей личности которой совершается борьба между энергическимъ голосомъ чувственности—съ одной стороны и разсчетомъ—съ другой стороны. Ей нравится Обломовъ; она желала-бы отдаться ему; ее привлекаетъ граціозная беззаботность, спокойная размашистость этой честной личности; но съ другой стороны эти самыя свойства внушаютъ ей серьезныя неблагоразумныя опасенія. «Вѣдь этотъ Обломовъ,—разсуждаетъ она,—ужасный ротозѣй; его могутъ оплести и обмануть, такъ что онъ и ухомъ не поведетъ; растратитъ все состояніе, работать не съумѣетъ, служить не пойдетъ, потому что «прислуживаться тошно». Что-же я съ нимъ буду дѣлать? Онъ милый, хорошій; мнѣ его поцѣловать хочется, у меня къ нему сердце лежитъ, да вѣдь страшно; вѣдь онъ по міру пуститъ». Пока дѣвушка раскидываетъ такимъ образомъ своимъ рано созрѣвшимъ разсудочкомъ, чувство симпатіи къ Обломову въ ней усиливается, она увлекается пылкимъ темпераментомъ; случайно рука ея попадаетъ въ его руку; она наклоняется къ нему, слышится звукъ поцѣлуя; случай этотъ повторяется,—она счастлива, потому что находится подъ обаяніемъ минуты и потому, что въ ней громко говоритъ голосъ здоровой природы... Но въ это время обаяніе вдругъ разрушается; ей дѣлаетъ предложеніе молодой человѣкъ, Штольцъ, находящійся на отличной дорогѣ, подвигающійся къ видному положенію въ обществѣ, отлично устроившій свое имѣніе и пользующійся репутаціей краснваго, умнаго и дѣльнаго джентльмэна. «Изъ молодыхъ, да ранній», говорятъ объ этомъ юношѣ благоразумные старцы, и этотъ-то юноша съ подобающей солидностью выражаетъ Ольгѣ искренность и силу своего чувства и, серьезно глядя ей въ глаза, предлагаетъ ей руку и сердце. Юноша Штольцъ дѣйствуетъ не безъ разсчета, онъ знаетъ, что Ольга можетъ разсчитывать на наслѣдство отъ какой-нибудь тетушки или бабушки; «кромѣ того,—разсуждаетъ онъ,—все-же будетъ женщина въ домѣ; больше порядка, изящества, представительности; въ томъ положеніи, которое мнѣ въ скоромъ времени придется занимать, это даже необходимо». Ну, да что тянуть разсказъ! разсчетъ у Ольги беретъ верхъ надъ чувствомъ; она круто обрываетъ отношенія съ Обломовымъ, называетъ его пустымъ человѣкомъ, хотя самой больно разстаться съ милой личностью, и наконецъ, скрѣпя сердце, выходитъ замужъ за дѣльнаго Штольца, который представляетъ что-то среднее между Калиновичемъ Писемскаго и Паншинымъ Тургенева. Апоѳеоза разсчета, скептическое отношеніе къ чувству—вотъ альфа и омега обоихъ романовъ Гончарова. Эти черты составляютъ остовъ характера Ольги; не та дѣвушка хороша, по мнѣнію Гончарова, которая любитъ сильно и безкорыстно, а та, которая умѣетъ выбирать себѣ мужа; не тотъ человѣкъ хорошъ, по мнѣнію Гончарова, у котораго есть и теплое чувство, и свѣтлый умъ, и широкія стремленія, а тотъ, кто, живя съ волками, умѣетъ выть по-волчьи. Это совершенно справедливо, и эту глубокую истину, до которой мы, легкомысленные свистуны, никакъ не можемъ додуматься, уже давно сознала ученая редакція ученo-литературнаго журнала «Русскій Вѣстникъ». Одно опасно въ этомъ случаѣ: желая поправиться

волкамъ, подражая подъ нихъ, какъ говоритъ наше купечество, можно забыть такъ нескладно и нелѣпо, что даже волкамъ придется тошно. Да и наконецъ неужели большинство нашей публики—волки? Не наговоръ-ли это?

Итакъ, насчетъ Ольги Ильинской мы можемъ замѣтить, что это характеръ, невѣрно понятый и ложно представленный авторомъ. Кто не можетъ ужиться съ нами, думаетъ Гончаровъ, тотъ и дрянь; кто живетъ припѣваючи, тотъ молодецъ. Коротко и ясно. Но справедливо-ли будетъ, если я поступлю такъ: положимъ я иду мимо высыхающаго прудка и вижу, что карась издыхаетъ отъ недостатка воды; въ это самое время сотни лягушекъ прыгаютъ и квакаютъ, пляшутъ отъ радости и съ наслажденіемъ таскаютъ червяковъ изъ жидкой грязи; я останавливаюсь надъ карасемъ и, указывая ему на лягушекъ, начинаю ругать его, зачѣмъ онъ не веселится и не наслаждается благами жизни. Правъ-ли я буду? Кажется, нѣтъ. Не виноватъ карась въ томъ, что онъ родился карасемъ, и небольшая заслуга лягушкамъ отъ того, что онѣ родились или сдѣлались лягушками. Одинъ дышетъ жабрами, другой—легкими; одинъ любитъ свѣтлую воду,—другой жидкую грязь. Ну, и съ Богомъ!

IV.

Съ любовью и съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь я снова къ нашимъ менѣе благоразумнымъ художникамъ, Писемскому и Тургеневу. У Тургенева мы находимъ разнообразіе женскихъ характеровъ, у Писемскаго—разнообразіе положеній. Тургеневъ входитъ своимъ тонкимъ анализомъ во внутренній міръ выводимыхъ личностей; Писемскій останавливается на яркомъ изображеніи самаго дѣйствія. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы; романы Писемскаго плотнѣе и крѣпче построены. Тургеневъ больше Писемскаго рискуетъ ошибиться, потому что онъ старается отыскать и показать читателю смыслъ изображаемыхъ явленій; Писемскій не видитъ въ этихъ явленіяхъ никакого смысла, и въ этомъ случаѣ, заботясь только о томъ, чтобы воспроизвести явленіе во всей его яркости, онъ, кажется, избираетъ вѣрную дорогу. У Тургенева уловленъ смыслъ нашей жизни, но рядомъ съ тонкими и вѣрными замѣчаніями и соображеніями попадаются фальшивыя ноты, вродѣ построенія Писарова. У Писемскаго букетъ нашей жизни, какъ крѣпкій запахъ дегтя, конопляника и тулупа, поражаетъ первы читателя мимо воли самого автора. Тургеневъ мудритъ надъ жизнью, и иногда не вопадъ; Писемскій лѣпитъ прямо съ натуры, и созданія его выходятъ некрасивыя, грубыя, кряжистыя, какъ некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура. Общая атмосфера нашей жизни схвачена полнѣе у Писемскаго, но зато индивидуальные характеры у Тургенева обработаны гораздо тщательнѣе. Словомъ, романы Писемскаго представляютъ *этнографическій* интересъ, а романы Тургенева замѣчательны по интересу *психологическому*.

Въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева—много великолѣпно отдѣланныхъ женскихъ характеровъ. Я остановлюсь только на нѣкоторыхъ; возьму: Асю, Наталью (изъ «Рудина»), Зинаиду (изъ «Первой Любви»), Вѣру (изъ «Фауста»), Лизу (изъ «Дворянскаго Гнѣзда») и Елену (изъ «Наканунѣ»).

Ася—милое, свѣжее, свободное дитя природы; какъ незаконнорожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свободно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденнаго брата, добродушнаго молодого человѣка, весело, свѣтло и широко смотрящаго на жизнь. «Вы видите,—говоритъ объ ней ея братъ, Гагинъ,—что она много знала и знаетъ, чего не должно-бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разъигрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая-бы ее направила... Полная независимость во всемъ, да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ».

Эти слова Гагина характеризуютъ и того, кто ихъ произноситъ, и ту дѣвушку, о которой говорятъ. Мнѣ могутъ возразить, что изъ этихъ словъ не видно, чтобы Гагинъ смотрѣлъ на жизнь широко. На это возраженіе отвѣчу, что Гагинъ принадлежитъ къ числу людей мягкихъ, неспособныхъ вступить въ открытую борьбу съ существующимъ предразсудкомъ или завязать горячій споръ съ несоглашающимся собесѣдникомъ. Мягкость и добродушіе поглощаютъ въ немъ всѣ остальныя свойства; онъ изъ добродушія посовѣстится уличить васъ въ нелѣпости; онъ даже съ подлецомъ старается обойтись помягче, чтобы не обидѣть его, самъ онъ не стѣсняетъ Аси ни въ чемъ, и даже не находитъ въ ея своеобразности ничего дурного, но онъ говоритъ объ ней съ довольно развитымъ, но отчасти фешенебельнымъ господиномъ, и потому невольно, изъ мягкости становится въ уровень съ тѣми понятіями, которыя онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ. Онъ высказываетъ о воспитаніи Аси тѣ понятія, которыя живутъ въ обществѣ; самъ онъ не сочувствуетъ этимъ понятіямъ; находя на словахъ, что полную независимость вынести не легко, онъ самъ никогда не рѣшится стѣснить чью-нибудь независимость; зато и не рѣшится отстоять отъ

притязаній общества свою или чужую независимость. Уступая требованіямъ общественныхъ приличій, онъ отдалъ Асю въ пансіонъ; когда-же Ася по выходѣ изъ пансіона поступила подъ его покровительство, онъ не могъ стѣснять ея свободы ни въ чемъ, и она стала дѣлать, что́ ей было угодно. Что-же, спроситъ читатель, она вѣроятно надѣлала много непозволительныхъ вещей? О да, отвѣчу я, ужасно много. Какъ-же въ самомъ дѣлѣ! Она прочла нѣсколько страстныхъ романовъ, она одна ходила гулять по прирейнскимъ скаламъ и развалинамъ; она держала себя съ посторонними людьми то очень застѣнчиво, то весело и бойко, смотря потому, въ какомъ она была настроеніи, она... ну, да что-же! Неужели вамъ этого мало? *Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно-бы знать въ ея годы. Полная независимость во всемъ! Да развѣ легко ее вынести?* О, эти двѣ фразы имѣютъ великое значеніе. Золотая середина! Тебѣ я посвящаю ихъ! «Русскій Вѣстникъ»! «Отечественныя Записки»! Возьмите ихъ въ эпиграфъ!

Ася является въ повѣсти Тургенева восемнадцатилѣтней дѣвушкой; въ ней кипятъ молодыя силы; и кровь играетъ, и мысль бѣгаетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается; посмотритъ и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ, вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этой своеобразной и прелестной фигурой.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городѣ; кокетство Аси такъ-же своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася въ присутствіи посторонняго молодого человѣка становится еще живѣе и шаловливѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренной жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала-бы можетъ-быть безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла-бы можетъ-быть, еслибы его тутъ не было, но все это не разсчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе, потому что присутствіе молодого мужчины незамѣтно для нея самой волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, но это—половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки точно такъ-же, какъ оно является у здороваго юноши. Это половое влеченіе, признакъ здоровья и силы, систематически забивается въ нашихъ барышняхъ образомъ жизни, воспитаніемъ, обученіемъ, пищей, одеждой; когда оно оказывается забитымъ, тогда тѣ-же воспитательницы, которыя его забили, начинаютъ обучать своихъ воспитанницъ такимъ маневрамъ, которые до извѣстной степени воспроизводятъ его внѣшніе симптомы. Естественная грація убита; на ея мѣсто подставляютъ искусственную; дѣвушка запугана и забита домашней выправкой и дисциплиной, а ей велятъ при гостяхъ быть веселой и развязной; проявленіе истиннаго чувства навлекаетъ на дѣвушку потокъ нравоученій, а между тѣмъ любезность ставится ей въ обязанность; однимъ словомъ, мы вездѣ и всегда поступаемъ такъ: сначала разобьемъ естественную, цѣльную жизнь, а потомъ изъ жалкихъ черепковъ и верешковъ начинаемъ клеить что-нибудь свое, и ужасно радуемся, если это свое издали почти похоже на натуральное. Ася—вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за нее передъ той золотой серединой, которой лучшимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. Н. Н., разсказывающій всю повѣсть отъ своего лица. Мы такъ далеко отошли отъ природы, что даже ея явленія мѣряемъ не иначе, какъ сравнивая ихъ съ нашими искусственными копіями; вѣроятно многимъ изъ нашихъ читателей случалось, глядя на закатъ солнца и видя такіе рѣзкіе цвѣта, которыхъ не рѣшился-бы употребить ни одинъ живописецъ, подумать про себя (и потомъ конечно улыбнуться этой мысли): «что это, какъ рѣзко! Даже не натурально». Если намъ случается такимъ образомъ ломить на колѣнку явленія неодушевленной природы, которыя имѣютъ свое оправданіе въ самомъ фактѣ своего существованія, то можно себѣ представить, какъ мы, безсознательно, незамѣтно для самихъ себя, ломаемъ и насилуемъ природу человѣка, обсуживая и перетолковывая вкривь и вкось явленія, попадающіяся намъ на глаза. Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ объ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, будто это — личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умѣетъ смотрѣть на себя со стороны, умѣетъ по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить надъ собою приговоръ. Напримѣръ, ей показалось, что она черезчуръ расшалилась, на другой день она является тихой, спокойной, смиренной до такой степени, что Гагинъ говоритъ даже объ ней:—«А-га! Постъ и покаяніе на себя наложила».

Потомъ она замѣчаетъ, что въ ней что-то не ладно, что она, кажется, привязывается къ новому знакомству; это открытіе ее пугаетъ; она понимаетъ свое положеніе, двусмысленное, по мнѣнію нашего общества; она понимаетъ,

что между нею и любимымъ человѣкомъ можетъ появиться такая преграда, черезъ которую она изъ гордости не захочетъ перескочить и черезъ которую онъ изъ робости не посмѣетъ перешагнуть. Весь этотъ рядъ мыслей пробѣгаетъ въ ея головѣ чрезвычайно быстро и отдается во всемъ его организмѣ; кончается тѣмъ, что она, какъ испуганный ребенокъ, порывисто отвертывается отъ неизвѣстнаго будущаго, которое является ей въ образѣ новаго чувства, и съ дѣтскимъ довѣріемъ, съ громкимъ плачемъ и въ то-же время съ недѣтской страстностью кидается назадъ къ своему милому прошедшему, воплощающемуся для нея въ личности добраго, снисходительнаго брата.

«— Нѣтъ, говоритъ она сквозь слезы:—я никого не хочу любить, кромѣ тебя; нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полна, Ася, успокойся, говоритъ Гагинъ,—ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

— Тебя, одного тебя! повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно, твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.»

Наша европейская цивилизація какъ-то такъ устроена, что она пугаетъ дикарей и мало-по-малу истребляетъ ихъ; Ася въ отношеніи къ этой цивилизаціи находится почти въ такомъ положеніи, въ какомъ можетъ быть поставленъ какой-нибудь краснокожій стрѣлокъ; ей предстоитъ рѣшить грозную диллему: надо или отказаться отъ того человѣка, къ которому она начинаетъ чувствовать влеченіе, или стать во фронтъ, войти въ ранжиръ, отказаться отъ милой свободы; она инстинктивно боится чего-то, и инстинктъ ея не обманываетъ; она хочетъ воротиться къ прошедшему, а между тѣмъ будущее манитъ къ себѣ, и не отъ насъ зависитъ остановить теченіе жизни.

Настроеніе Аси, ея обращеніе къ прошедшему скоро исчезаютъ безъ слѣда; приходитъ Н. Н., начинается разговоръ, прихотливо перепрыгивающій отъ одного впечатлѣнія къ другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается такъ весело и беззаботно, что не можетъ даже скрыть ощущаемаго удовольствія; она болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обаятельный, какъ выраженіе ея свѣтлаго настроенія, и наконецъ прерывается и просто говоритъ, что ей хорошо. И это настроеніе совершенно неожиданно разрѣшается въ весьма естественномъ желаніи — повальсировать съ любимымъ человѣкомъ.

«Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами, небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо! также тихо отвѣтила она, не смотря на меня.—Еслибъ мы съ вами были птицы—какъ-бы взвились, какъ-бы полетѣли... Такъ-бы и утонули въ этой синевѣ... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживете - узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать?.. Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за ней и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное близкое дыханіе, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзко обвѣянномъ кудрями.»

Во всей этой сценѣ Ася очевидно находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ и въ то-же время боится ихъ, потому что не знаетъ, что̀ дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолѣваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ; Ася объявляетъ г. Н., что крылья у нея выросли, да летѣть некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина. «Увѣряю васъ,—говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н.,—мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее такъ-же неожиданно и такъ-же неотразимо, какъ гроза». Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами; оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предосторожность, отлагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человѣку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ высказывается въ полной яркости превосходство свѣжей, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свиданіе, Ася конечно не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человѣку наединѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау Луизъ, она такъ без-

раздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе, и способность сопротивляться чему-бы-то ни было; она безусловно довѣрилась, не слыхавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени—все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства.

Если можно благоговѣть передъ чѣмъ-бы-то ни было, то всего разумнѣе и изящнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этой силой чувства: это такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми одолѣетъ рано или поздно та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемаго счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнутъ въ трясинѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское недоброжелательство. Femme le veut, Dieu le veut—эта поговорка живетъ у французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего, чего не надѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Еслибы дѣйствительно (какъ утверждаютъ противники такъ называемой эманципаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда еще неизвѣстно, чья природа оказалась-бы крѣпче и богаче интеллектуальными дарами—природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти неразвитая, полудикая дѣвушка одной силой своего чувства становится выше молодого человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ той мыслью, что можетъ огорчить брата, единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла навстрѣчу осужденію и позору, страданію и домашнему горю, а онъ, онъ... на чемъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ неудобно будетъ написать: M-me N., née une telle. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затрудняется отвѣчать на вопросъ какого-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная?» Потомъ онъ послѣ двухдневной борьбы одолѣваетъ это препятствіе, но эта побѣда оказывается несвоевременной. Кромѣ того, читатель, подумайте сами, если мы будемъ бороться съ такими плюгавыми препятствіями, какъ съ какимъ-нибудь дѣйствительно существующимъ колоссальнымъ врагомъ, то не правда-ли, какъ мы далеко уйдемъ впередъ, какъ много сдѣлаемъ дѣльнаго, а главное, какъ много успѣемъ насладиться жизнью? А жизнь, ей-Богу, коротка, и счастливыя стеченія обстоятельствъ бываютъ такъ рѣдки, что ими необходимо пользоваться, если не хочешь глупѣйшимъ образомъ прозѣвать жизнь. На личность г. Н. можно взглянуть еще съ одной очень поучительной стороны. Онъ приходитъ на свиданіе съ твердымъ намѣреніемъ объявить Асѣ, что они должны разстаться. «Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ(прибавьте еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери),—говоритъ онъ самъ себѣ,—съ ея нравомъ (тутъ г. Н. очевидно боится, чтобы у него, вслѣдствіе этого права, не выросли рога), какъ это можно?» (Да и не бойтесь, г. Н.: вамъ конечно нельзя, да вы и не женитесь. Это вамъ сказалъ уже и Гагинъ.) Твердое намѣреніе г. Н. начинаетъ колебаться, когда онъ видитъ грустную, робкую и обаятельную въ этой грустной робости фигуру Аси, которая старается улыбнуться и не можетъ, хочетъ сказать что-то и не находитъ ни словъ, ни голоса. Ему становится жаль этой милой, любящей дѣвушки; онъ снисходитъ къ ней и называетъ ее ласкательнымъ полуименемъ.

«— Ася, сказалъ я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза .. О, взглядъ женщины, которая полюбила, кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами, я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожавшей, руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собой, губы слегка раскрылись, лобъ побѣлѣлъ, какъ мраморъ, и кудри отодвинулись назадъ, какъ-будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все и потянулъ ее къ себѣ—покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша... прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана..»

«Ахти, бѣда!—подумаетъ сердобольный читатель.—Погубитъ онъ, озорникъ, бѣдную дѣвушку! Да, дѣйствительно, всякій здоровый и крѣпкій человѣкъ увлекся-бы до послѣднихъ предѣловъ и конечно въ увлекающей Асѣ не встрѣтилъ-бы ни малѣйшаго сопротивленія. Честный человѣкъ увлекся-бы, и отъ послѣдствій его увлеченія не пострадалъ-бы никто; онъ женился-бы на Асѣ на другой день послѣ свиданія, и самое свиданіе осталось-бы въ жизни обоихъ супруговъ свѣтлымъ, блестящимъ воспоминаніемъ. Энергическій негодяй, вродѣ Василія Лучинова (въ повѣсти Тургенева «Три портрета»), также не отказался-бы отъ плодовъ свиданія, воспользовался-бы всѣми наслаж-

деніями, какія можно было-бы добыть отъ Аси, и потомъ бросилъ бы ее, какъ прочитанную записку. Первый поступилъ-бы—какъ порядочный человѣкъ, второй—какъ отъявленный негодяй. Что-же касается до тѣстообразнаго г. Н., то онъ поступилъ такъ замысловато и вслѣдствіе этого такъ глупо, какъ можетъ поступить только существо, лишенное плоти и крови, или одаренное весьма жалкой дозой крови плохого достоинства. Онъ сначала было-растаялъ, а потомъ спохватился. У него недостало мозгу, чтобы съ первой минуты окатить дѣвушку ушатомъ холодной воды, а потомъ недостало полнокровія, чтобы, не заботясь о послѣдствіяхъ, дать этой дѣвушкѣ и самому себѣ нѣсколько мгновеній жгучаго наслажденія. У него все перепутано; чувство врывается въ процессъ мысли, мысль парализируетъ чувство. Воспитаніе ослабило его тѣло и набило мозгъ его идеями, которыхъ тотъ не можетъ осилить и переварить. У него нѣтъ физическаго здоровья, физической силы, физической свѣжести; это—ходячая теорія, человѣческая голова на курьихъ ножкахъ, выжатый лимонъ безъ соку, безъ вкуса и безъ остроты. И таково большинство; и намъ этотъ типъ такъ привыченъ, что насъ даже не поражаютъ его вопіющіе недостатки; многіе читатели навѣрное сказали по прочтеніи «Аси», что Н.—очень честный человѣкъ, которому не посчастливилось въ жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимаетъ этой честности...

Ася—такая личность, въ которой есть всѣ задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условій нашей жизни, она не заразилась ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиной, она-бы показала намъ, что значитъ быть счастливой и дала-бы намъ самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ-же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стопутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно изъ этого не могло выдти ничего путнаго; поневолѣ ей пришлось зачахнуть отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата-ли въ этомъ женщина?

V.

Наталья въ «Рудинѣ» похожа на Асю или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья—сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутренняго огня тотчасъ отражается на ея физіономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натальѣ этотъ огонь разгорается медленно и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ настроеніи, она все-таки скрываетъ его отъ другихъ и одна, безъ посторонннихъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Различій, какъ видите, очень много, а между тѣмъ сходство самое существенное: обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя вправѣ распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Натальѣ это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталья вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея бо́льшій запасъ сознаннаго опыта. Наталья — старшая дочь богатой барыни, окруженная съ малолѣтства гувернантками, французскими грамматиками и душеспасительными наставленіями, произносимыми на разныхъ европейскихъ языкахъ. Какъ тутъ не опошлиться? Дѣйствительно мудрено, но тутъ выручаетъ одно обстоятельство, именно то, что матери некогда постоянно наблюдать за воспитаніемъ, а гувернантки большей частью довольно тупы.

Воспитанію дѣтей посвящаютъ себя обыкновенно тѣ лица, которыя по ограниченности ума ни на что другое не способны, да иначе и быть не можетъ. Во-первыхъ, матеріальное положеніе наставника всегда зависимо и всегда скудно обезпечено. Во-вторыхъ, обречь себя на то, чтобы постоянно передавать другому то, что́ знаешь, значитъ отказаться отъ возможности идти дальше. Когда начинаешь учить другого, тогда уже интересы собственнаго развитія отодвигаются на задній планъ. Кто хочетъ денегъ, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что мѣсто не хлѣбное. Кто хочетъ идей, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что занятія съ дѣтьми отнимаютъ у человѣка время, не обогащая его внутреннимъ содержаніемъ. Стало-быть, въ педагоги идетъ, даже по призванію, только трудолюбивая посредственность; въ гувернантки идутъ тѣ дѣвушки, которымъ не удалось выйти замужъ. То обстоятельство, что мѣсто педагога не пользуется почетомъ и что вслѣдствіе этого на эти мѣста идутъ люди, обиженные Богомъ, не разъ возбуждало въ нашей педагогической литературѣ жалобные вопли; я осмѣлюсь самымъ скромнымъ тономъ выразить сомнѣніе въ основательности этихъ воплей. Осмѣлюсь даже предложить вопросъ: велика-ли та услуга, которую мы оказываемъ дѣтямъ, занимаясь ихъ нравственнымъ воспитаніемъ? Воспитывать — значитъ приготовлять къ жизни; спрашивается, можетъ-ли готовить къ жизни кого-бы то ни было такой человѣкъ, который

самъ не умѣетъ жить? А что мы не умѣемъ жить—въ этомъ кажется не усомнится благосклонный читатель. Воспитывая нашихъ дѣтей, мы втискиваемъ молодую жизнь въ тѣ уродливыя формы, которыя тяготѣли надъ нами; мы поступаемъ такимъ образомъ съ такими личностями, которыя сами не могутъ еще ни подать голоса, ни заявить протеста, ни оказать сопротивленія; мы безъ спросу мнемъ чужія личности и чужія силы; когда владѣльцы этихъ силъ и этихъ личностей начинаютъ вступать въ свои человѣческія права, то они находятъ, что въ ихъ владѣніяхъ все перепутано; мысль загромождена разными кошмарами и кикиморами; чувство извращено и болѣзненно нацарапано или насильственно притуплено педагогическими внушеніями о долгѣ, о чести, о нравственности; молодое тѣло изнурено безплодной, односторонней мозговой работой, отсутствіемъ правильнаго моціона, чистаго воздуха, часто даже недостаткомъ здоровой пищи. Физическое здоровье подорвано, а что дано взамѣнъ? Насаженъ въ мозгу по разнымъ грядкамъ съ нѣмецкой тщательностью и возмутительной аккуратностью бурьянъ и чертополохъ, который надо вырывать съ корнемъ, чтобъ онъ не истощилъ всю умственную почву. И вотъ молодой хозяинъ поневолѣ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ услужливыхъ огородниковъ, вскопавшихъ и засѣявшихъ ему мозгъ; онъ исподволь или вдругъ, смотря по обстоятельствамъ, эмансипируетъ себя отъ ихъ непрошенной опеки и начинаетъ жить по-своему и думать по-своему. Но на борьбу съ сорными травами уходитъ много хорошихъ силъ, часто человѣкъ оказывается освобожденнымъ отъ бурьяна уже тогда, когда тѣлесное развитіе достигло полной зрѣлости и стоитъ уже на поворотномъ пунктѣ.

Чѣмъ раньше молодая личность становится въ скептическія отношенія къ своимъ наставникамъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ меньше послѣдніе успѣютъ напортить и тѣмъ больше времени останется на поправленіе или, вѣрнѣе, на радикальное уничтоженіе ихъ работы. Стать въ скептическія отношенія легче къ дураку, чѣмъ къ умному человѣку, и потому я рѣшаюсь признать положительно полезнымъ то обстоятельство, что нашимъ воспитаніемъ занимались и занимаются большей частью недалекіе люди. Развиваться подъ руководствомъ наставника, мнѣ кажется, положительно невозможно, а развиваться помимо наставника тѣмъ удобнѣе, чѣмъ ограниченнѣе наставникъ. Но отчегоже однако—спроситъ читатель—умный и широко-развитый человѣкъ не можетъ принести своему воспитаннику существенной пользы? Оттого, любезный читатель, что умный и широко развитый человѣкъ никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ, что врываться въ интеллектуальный міръ другого человѣка съ своей инициативой — безчестно и нелѣпо; онъ будетъ хорошо кормить ребенка, удалять отъ него вредные предметы, вродѣ бѣшеной собаки, каленаго желѣза, сырой комнаты, угарнаго воздуха. На томъ онъ и остановится; если ребенокъ предложитъ ему вопросъ, онъ ему отвѣтитъ; если ребенокъ принесетъ на его судъ какое-нибудь сомнѣніе, онъ ему выскажетъ свое убѣжденіе. Зрѣлый умъ старшаго будетъ имѣть вліяніе на формированіе сужденій ребенка, но это вліяніе будетъ независимо отъ воли обоихъ дѣйствующихъ лицъ; его не будутъ втискивать силой или всучивать педагогической хитростью. Кто попытается сдѣлать больше этого, тотъ, стало быть, не настолько уменъ или не настолько широко развитъ, чтобы быть безвреднымъ сознательно и добровольно. Если онъ не можетъ быть безвреденъ сознательно и добровольно, то пускай будетъ безвреденъ невольно, вслѣдствіе безсилія. Если нельзя найдти человѣка очень умнаго, возьмите человѣка очень глупаго. Результатъ получится почти въ такой-же мѣрѣ удовлетворительный, а людей глупыхъ много, особенно между педагогами. Стало быть, выйдетъ и дешево, и сердито.

Наталья, какъ умный ребенокъ, рано заявила свою умственную жизнь какимъ-нибудь озадачивающимъ вопросомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ, вспышкой своеволія; это заявленіе, благодаря тупости воспитательницы, встрѣтило себѣ холодный или даже недоброжелательный пріемъ. На вопросъ отвѣчали вскользь; на мѣткое замѣчаніе воспослѣдовало со стороны гувернантки не менѣе мѣткое замѣчаніе: «маленькія дѣвочки не должны такъ говорить». Маленькая дѣвочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своеволія назвали капризомъ и подавили силой. Словомъ, такъ или иначе, воспитывающая сторона уронила себя въ глазахъ воспитывающейся стороны, а это, какъ извѣстно всѣмъ, занимавшимся когда-нибудь воспитаніемъ, вовсе не трудно сдѣлать, когда имѣешь дѣло съ умнымъ ребенкомъ. Маленькая дѣвочка широко раскрыла свои умные глаза, съ удивленіемъ посмотрѣла на старшихъ недоумѣвающимъ взоромъ и подумала про себя: какіе они странные; а черезъ нѣсколько времени она подумала: а, такъ вотъ они какіе! Вотъ и вошелъ въ воспитаніе новый элементъ, котораго существованіе не подозрѣваютъ воспитатели и который между тѣмъ постоянно путаетъ алгебраическія выкладки педагогическихъ соображеній. Приказанія ихъ исполняются, но «формировать умъ и сердце» ребенка имъ не удается; приказанія ихъ не прохватываютъ въ глубь; маленькая дѣвочка, какъ улитка, ушла въ себя и начинаетъ строить себѣ свой мірокъ, въ который она ни за какія коврижки не пуститъ ни мамашу, ни гувернантку; откровенность от-

кладывается въ сторону, и чѣмъ умнѣе ребенокъ, тѣмъ безуспѣшнѣе оказываются попытки старшихъ разбить раковину улитки и подсмотрѣть нескромнымъ взоромъ тайну внутренняго развитія.

Дѣти, начинающія развиваться помимо руководства наставниковъ, выбираютъ обыкновенно одинъ изъ двухъ путей: или они вступаютъ въ ожесточенную, отчаянную борьбу съ посягательствами взрослыхъ, или они, отказываясь отъ всякой борьбы, повинуются чисто внѣшнимъ образомъ и уже постоянно держатся на-сторожѣ, постоянно относятся къ распоряженіямъ педагоговъ критически и скептически. Первыя — будущіе Донъ-Кихоты жизни, всегда готовые ломать копье за свои идеи, всегда дѣйствующіе открыто и смѣло и часто погибающіе за доброе дѣло. Другія — тѣ люди, о которыхъ говоритъ нашъ народъ: «въ тихомъ омутѣ черти водятся». Невозмутимо спокойные по наружности, глубоко-страстные въ душѣ, непоколебимые и неподкупные, эти люди дѣйствуютъ медленно, бьютъ на-вѣрняка и рѣдко промахиваются. Наталья принадлежала ко второй категоріи, а между тѣмъ промахнулась. Она полюбила Рудина и ошиблась въ немъ; но кто-же бы и не ошибся въ Рудинѣ? Кого-бы не подкупили его рѣчи, если даже онѣ подкупили Лежнева, мужчину, одареннаго значительной дозой скептицизма и здраваго смысла. Причины ошибки Натальи лежатъ не въ ней самой, а въ окружавшихъ ее обстоятельствахъ. Рудинъ былъ лучшимъ изъ окружавшихъ ее мужчинъ, она его и выбрала; что-же дѣлать, если и лучшій оказался никуда негоднымъ? И Лежневъ, и Волынцевъ крѣпче Рудина, въ этомъ спору нѣтъ; но ни Волынцевъ, ни Лежневъ не могли шевельнуть молодую дѣвушку, находящуюся въ той порѣ жизни, когда умъ требуетъ яркости идей и когда весь организмъ проситъ сильныхъ ощущеній. Романъ Натальи очень похожъ на романъ Аси; и та, и другая искали въ любимомъ человѣкѣ жизни и силы; и та, и другая наткнулись на вялое резонерство и на позорную робость. И опять приходится закончить главу вопросомъ: въ чемъ тутъ виновата женщина?

VI.

Но не всѣмъ-же дѣвушкамъ удается развиться помимо обстановки; многія, и очень многія, даже большинство, пропитываются насквозь атмосферой нашей жизни, въ дѣтствѣ принимаютъ въ себя зародыши разложенія, живыми тѣнями проходятъ свое земное странствіе и, какъ неизлечимые больные, рано начинаютъ увядать и клониться къ могилѣ.

Къ этому чрезвычайно многочисленному типу, допускающему внутри себя почти безконечное разнообразіе, принадлежатъ два замѣчательные женскіе характера: Вѣра (изъ «Фауста») и Лиза (изъ «Дворянскаго Гнѣзда»).

Первая искусственно заморожена воспитаніемъ; вторая заражена съ дѣтства міазмами нашей домашней атмосферы. Разберу отдѣльно ту и другую личность.

Вѣра воспитывается подъ руководствомъ своей матери, женщины очень умной, очень энергичной, испытавшей много несчастій и сосредоточившей всю силу своей любви на единственной дочери. Сказать по правдѣ, трудно найти болѣе невыгодныя условія развитія. Любящая мать, да еще къ тому-же энергичная, да еще къ тому-же умная, да еще къ тому-же испытавшая несчастья, навѣрное будетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ дочери, будетъ прокрадываться въ ея мысли, будетъ рѣшать за нее всѣ представляющіеся вопросы жизни, будетъ оберегать ее отъ впечатлѣній такъ-же заботливо, какъ отъ сквознаго вѣтра. Вмѣсто того, чтобы жить въ жизни, дочь будетъ обрѣтаться въ какой-то восковой ячейкѣ, состроенной вокругъ нея любящей рукой матери. Любить человѣка и не мѣшать ему въ жизни, не отравлять его существованія непрошенными заботами и навязчивымъ участіемъ, это такой фокусъ, который немногимъ по силамъ. Родителямъ онъ совершенно недоступенъ. Они хотятъ, во что-бы то ни стало, чтобы ихъ опытность шла на пользу дѣтямъ; того они не понимаютъ и не хотятъ понять, что самый процессъ пріобрѣтенія опытности чрезвычайно пріятенъ, и что этотъ процессъ никакъ не можетъ быть замѣненъ чужимъ разсказомъ или описаніемъ; когда вы голодны, вамъ надо ѣсть, а не читать описанія лакомыхъ блюдъ и даже не смотрѣть на эти блюда; когда вы любите женщину, чтеніе самыхъ разнообразныхъ романовъ и разсказы о самыхъ замысловатыхъ любовныхъ похожденіяхъ вашего папеньки не замѣнятъ вамъ двухъ минутъ разговора, созерцанія непосредственной близости; когда вы молоды, когда вы вступаете въ жизнь, вамъ надо жить, а никакъ не слушать разсказы о томъ, какъ жили ваши родители.

Мать Вѣры вообразила себѣ, что она пожила за себя и за свою дочь, и рѣшилась, во что-бы то ни стало, избавить Вѣру отъ ошибокъ и страданій, выпавшихъ на долю ея матери. Для этого нужно было обработать по своему мягкій матеріалъ, попавшійся въ руки, и г-жа Ельцова принялась за работу довольно ловко: она успѣла приготовить изъ дочери своей такую консерву, которая могла-бы десятки лѣтъ плавать по морю житейскому, постоянно сохраняя подъ свинцовой крышкой свою нетронутую, дѣтскую невинность; борьба между умной, опытной женщиной съ одной стороны и непробудившимися силами бѣднаго ребенка съ другой стороны была слишкомъ неравна; мать

побѣдила безъ труда, и живыя силы почти безъ сопротивленія отправились подъ свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила ихъ такъ рано, что онѣ замерли, не заявивъ протеста; дѣвочка даже не замѣтила существованія этой крышки и выросла, считая свое положеніе нормальнымъ или, вѣрнѣе, не думая подвергать его анализу.

Во-первыхъ, г-жа Ельцова пріобрѣла полное довѣріе своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговѣнія, любовь къ своей особѣ. Есть личности, которымъ очень пріятна подобная любовь, исключающая критику. Мнѣ кажется, существованіе такого чувства унижаетъ человѣческое достоинство того, кто его испытываетъ,—того, къ кому оно обращено. Обожающее лицо теряетъ всякую самостоятельность: обожаемое—ставится въ обидное положеніе китайскаго идола.

Вѣруя въ опытность матери, въ ея умъ и непогрѣшимость, Вѣра Ельцова поневолѣ должна была безусловно подчиниться ея воззрѣніямъ: но убѣжденія отжившей старухи не могутъ быть убѣжденіями молодой дѣвушки; они могутъ сдѣлаться для нея только догматами вѣры; она можетъ повторять ихъ про себя, какъ магическое заклинаніе, не понимая ихъ истиннаго смысла, потому что этотъ смыслъ дается только тому, кто пожилъ и кого помяла жизнь; принять на вѣру убѣжденія матери значило отказаться отъ знакомства съ жизнью; при всей любви своей къ матери, молодая дѣвушка могла-бы не рѣшиться на подобную жертву, еслибы кто-нибудь представилъ ей эту жертву въ настоящемъ свѣтѣ; но такого Мефистофеля не нашлось, а старый ангелъ-хранитель, г-жа Ельцова, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только тѣ уголки жизни, которые, по ея мнѣнію, не могли произвести вреднаго вліянія, т. е. не могли нарушить умственной и нервной дремоты дѣвушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подѣйствовать на воображеніе и сообщить сильный толчокъ критическому уму, было тщательно устранено; ни посторонній человѣкъ, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стѣну, которой г-жа Ельцова отдѣлила свою Вѣрочку отъ всего живого міра; еслибы Вѣрѣ случилось поговорить съ кѣмъ-нибудь, то этотъ разговоръ она-же сама отъ слова до слова передала-бы матери; еслибы Вѣрѣ попалась книга, она не стала-бы ее читать, не спрося позволенія матери; когда узникъ полюбилъ свою тюрьму, тогда нѣтъ средствъ освободить его; вѣдь не насильно-же тащить его на свѣтъ Божій! Вѣрѣ до ея замужества не давали въ руки ни одного романа; зато научное ея образованіе было такъ полно, что она удивляла кандидата своими обширными свѣдѣніями; свѣдѣнія эти были конечно чисто фактическія; Вѣра знала, въ которомъ году произошло, положимъ, Нердлингенское сраженіе, къ какому роду и виду принадлежитъ божья коровка, сколько пестиковъ и тычинокъ въ георгинѣ, но значенія реформаціи она не понимала и общаго взгляда на жизнь природы не имѣла.

Навѣрное г-жа Ельцова боялась Вольтера и Фейербаха такъ-же сильно и такъ-же основательно, какъ Жоржъ Занда или Бальзака. Вѣрочкѣ позволялось украшать свою память всякими антиками и диковинками, но работать мыслью или воспринимать какія-нибудь необыденныя ощущенія нервами было строго запрещено.

Строгій выборъ книгъ былъ только административнымъ средствомъ въ рукахъ г-жи Ельцовой; цѣль, къ достиженію которой она стремилась, опираясь на подобныя средства, лежала очень далеко; надо было устроить по извѣстной программѣ всю жизнь молодой дѣвушки, надо было искусно обѣжать опасный періодъ любви; надо было выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, укрѣпить ее въ понятіи долга и наконецъ поставить ее на якорь въ такой пристани, въ которую не заходятъ и не заглядываютъ житейскія бури, смѣлыя мысли, безпорядочныя, кометообразныя чувства. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и Ельцова лавировала не безъ успѣха.

Молодой человѣкъ, заинтересованный Вѣрой, съ похвальной скромностью проситъ у Ельцовой позволенія сдѣлать ей предложеніе; заботливая маменька, видя, что этотъ молодой человѣкъ, несмотря на всю свою скромность, не похожъ на желанную пристань, отказываетъ ему прямо, не спросивши мнѣнія дочери; она даже не считаетъ нужнымъ сказать ей потомъ, что за нее сватался такой-то. Одного этого факта достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, насколько Ельцова употребляла во зло довѣренность своей дочери, и какъ грубо она нарушала ея святыя человѣческія права. Наконецъ желанная пристань находится; добродушный, простоватый господинъ, бывшій въ университетѣ, не вынесшій оттуда завиральныхъ идей и превратившійся въ помѣщика, не смотря на свои молодыя лѣта, оказывается достойнымъ субъектомъ; эврика! говоритъ Ельцова—и выдаетъ за него свою дочь, которая конечно ставитъ себѣ за счастье исполнить волю Божію и родительскую. Ельцова умираетъ, вполнѣ спокойная: «пристроила,—думаетъ она,—теперь и безъ меня проживетъ; въ сторону-то сбиться некуда».

Мы видѣли такимъ образомъ, какъ формировалась Вѣра Ельцова; посмотримъ теперь, какъ она, несмотря на предосторожности маменьки, столкнулась съ жизнью мысли и чувства. Вотъ

она уже лѣтъ девять замужемъ, ей уже двадцать-восемь лѣтъ, а она смотритъ семнадцатилѣтней дѣвушкой. «То-же спокойствіе, та-же ясность, голосъ тотъ-же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу». И попрежнему незнакома съ волненіями мысли и чувства, попрежнему не тронута жизнью, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія. Страшно становится за эту женщину!—Если она проживетъ свой вѣкъ и умретъ, не любивши, не мысливши, не испытавши ни одного эстетическаго наслажденія, то, спрашивается, для чегоже было жить? А если она вдругъ проснется отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія,—что̀ съ нею будетъ? Выпесутъ-ли ея нервы ту массу ощущеній, которыя нахлынутъ со всѣхъ сторонъ и поразятъ ее сильнѣе, чѣмъ кого-либо другого? Дѣти впечатлительнѣе взрослыхъ; ребенокъ плачетъ о сломанной игрушкѣ,—о томъ, что мать ѣдетъ куда-нибудь дня на два, такъ же горько, какъ взрослый заплачетъ о смерти дорогого человѣка; ребенокъ утѣшается также гораздо скорѣе, и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что онъ впечатлительнѣе взрослаго. Міръ дѣтскихъ радостей и дѣтскихъ горестей гораздо мельче и у̀же, чѣмъ міръ горя и радости у взрослаго; еслибы у ребенка было столько-же серьезныхъ интересовъ, сколько ихъ у взрослаго, и еслибы ребенокъ на всѣ эти интересы откликался съ той же живостью, съ какой онъ радуется подарку или горюетъ о минутной разлукѣ, то навѣрное организмъ его не вынесъ-бы этого избытка сильныхъ ощущеній. Входя въ міръ мысли и чувства постепенно, незамѣтно, втягиваясь понемногу въ серьезныя занятія и въ интересы дѣйствительной жизни, ребенокъ мало по-малу теряетъ свою прежнюю раздражительность и воспріимчивость. Нервы притупляются отъ часто повторяющагося раздраженія; является привычка; человѣкъ черствѣетъ и вслѣдствіе этого крѣпнетъ. Крайняя раздражительность несовмѣстна съ мужественной твердостью и, чтобы вынести передряги жизни, необходимо утратить невинность, свѣжесть, дѣвственность чувства и тому подобныя свойства, которыми особенно дорожатъ въ своихъ воспитанникахъ добродѣтельные педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова съ своей дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вѣра смотритъ на вещи, какъ женщина; она понимаетъ умомъ многое, чего не переживала чувствомъ: силы въ ней дремлютъ, но онѣ созрѣли; стоитъ дать толчокъ, и вся эта личность преобразится; въ ней мгновенно разыграется такая драма, которая удивитъ всѣхъ знающихъ ее людей порывистостью и силой борьбы. Положеніе ея страшно усложнено заботливыми распоряженіями матери: она никогда не любила; а между тѣмъ она замужемъ; она рискуетъ полюбить той свѣжей и сильной любовью, какая доступна и понятна только очень молодымъ существамъ, а между тѣмъ у нея есть семейство, есть такъ называемыя обязанности, и въ ней сильно развито чувство долга. Что-то будетъ?

Чего можно было ожидать, то и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Мужчина открываетъ Вѣрѣ Николаевнѣ доступъ въ тотъ міръ сильныхъ ощущеній, который оставался ей неизвѣстнымъ впродолженіи цѣлаго десятка лѣтъ; мужчина пробуждаетъ ее изъ того летаргическаго сна, въ который погрузило ее воспитаніе; мужчина превращаетъ мраморную статую въ женщину, и эта женщина привязывается къ своему просвѣтителю всѣми силами богатой, любящей женской души. Проспать слишкомъ десять лѣтъ, лучшіе годы жизни, и потомъ проснуться, найдти въ себѣ такъ много свѣжести и энергіи, сразу вступить въ свои полныя человѣческія права—это, воля ваша, свидѣтельствуетъ о присутствіи такихъ силъ, которыя при сколько-нибудь естественномъ развитіи могли-бы доставить огромное количество наслажденія, какъ самой Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ и близкимъ ей людямъ. Вѣра Николаевна полюбила такъ сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образъ любимаго человѣка и наполняющее ее чувство сдѣлались для нея жизнью, и она рванулась къ этой жизни, не оглядываясь на прошедшее, не жалѣя того, что̀ остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упрековъ совѣсти; она рванулась впередъ и надорвалась въ этомъ судорожномъ движеніи; глаза, привыкшіе къ густой темнотѣ, не выдержали яркаго свѣта; прошедшее, отъ котораго она кинулась прочь, настигло и придавило ее къ землѣ. Она первая, прямо, безъ вызова со стороны мужчины, объявляетъ ему, что она его любитъ; она сама назначаетъ свиданіе и идетъ къ нему твердымъ шагомъ къ назначенному мѣсту.

«Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ дня ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...

— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? Что?

— Мою мать, медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе?

— Полноте, началъ я:—что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ! перебила она и схватила себя за голову.—Это сумасшествіе.. Я съума схожу.. Этимъ шутить нельзя—это смерть.. Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновенье! воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что говорилъ, и едва держался на ногахъ. Ради Бога, вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, поспѣшно проговорила она:—не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ее блеснули...— Кто-бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пустите меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.

А потомъ умерла. Организмъ не выдержалъ потрясенія, и обаятельная сцена любви разрѣшилась смертельной нервной горячкой. Образы, въ которыхъ Тургеневъ выразилъ свою идею, стоятъ на границѣ фантастическаго міра. Онъ взялъ исключительную личность, поставилъ ее въ зависимость отъ другой исключительной личности, создалъ для нея исключительное положеніе и вывелъ крайнія послѣдствія изъ этихъ исключительныхъ данныхъ. Старуха Ельцова и дочь ея—такіе чистые представители двухъ типовъ, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Какая мать съумѣетъ провести такъ послѣдовательно свои идеи въ воспитаніе дочери, и какая дочь захочетъ съ такой слѣпой покорностью подчиняться этимъ идеямъ? Размѣры, взятые авторомъ, превышаютъ обыкновенные размѣры, но идея, выраженная въ повѣсти, остается вѣрной, прекрасной идеей. Какъ яркая формула этой идеи, «Фаустъ» Тургенева неподражаемо хорошъ. Ни одно единичное явленіе не достигаетъ въ дѣйствительной жизни той опредѣленности контуровъ и той рѣзкости красокъ, которыя поражаютъ читателя въ фигурахъ Ельцовой и Вѣры Николаевны, но зато эти двѣ почти фантастическія фигуры бросаютъ яркую полосу свѣта на явленія жизни, расплывающіяся въ неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ, туманныхъ пятнахъ.

VII.

Слѣдуетъ-ли подвергать отдѣльному разбору личность Лизаветы Михайловны Калитиной, героини романа «Дворянское Гнѣздо»? Этотъ романъ написанъ такъ недавно, по поводу его выхода въ свѣтъ появилось въ нашей періодической литературѣ столько критическихъ статей, что читателямъ вѣроятно пріѣлись толки о Лизѣ и о Лаврецкомъ,—толки, въ которыхъ все-таки не договорилось послѣднее слово. Я знаю, что мнѣ тоже не придется договориться до послѣдняго слова, и потому предпочитаю вовсе не говорить. Если-же, паче чаянія, кто-нибудь изъ читателей пожелаетъ знать мое мнѣніе о Лизѣ, то я попрошу этого читателя внимательно просмотрѣть предыдущую главу моей критической статьи и потомъ перечитать «Дворянское Гнѣздо». Зная, какъ я смотрю на Вѣру, читатель узнаетъ также, какъ я смотрю на Лизу. Лиза ближе Вѣры стоитъ къ условіямъ нашей жизни; она вполнѣ правдоподобна, размѣры ея личности совершенно обыкновенные; идеи и формы, сдавливающія ея жизнь, знакомы какъ нельзя лучше каждому изъ нашихъ читателей по собственному горькому опыту. Словомъ, задача, рѣшенная Тургеневымъ въ абстрактѣ въ повѣсти «Фаустъ», рѣшается имъ въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» въ приложеніи къ нашей жизни. Результатъ выходитъ одинъ и тотъ-же; гиль одолѣваетъ, праведная смерть торжествуетъ надъ грѣховной жизнью.

О Зинандѣ Засѣкиной (изъ повѣсти «Первая любовь») не скажу ни слова. Я ея характера не понимаю.

VIII.

Совершенно уйдти отъ вліянія обстановки невозможно; такъ или иначе, обстановка даетъ себя знать; если вы живете съ дурными людьми, то эти люди могутъ подѣйствовать на васъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, на сколько стойки ваши убѣжденія и тверда ваша воля. Вы можете или заразиться отъ этихъ людей ихъ преобладающимъ порокомъ, или довести въ самомъ себѣ до уродливой крайности протестъ противъ этого порока. Большей частью случается такъ, что отдѣльная личность понемногу окрашивается подъ общій цвѣтъ массы; личности, одаренныя значительными силами, обыкновенно не многочисленны; и эти немногія избранныя личности окрашиваются обыкновенно въ противуположный цвѣтъ и, нечувствительно для самихъ себя, доводятъ этотъ цвѣтъ до рѣзкой крайности именно потому, что масса постоянно нытается заштукатурить подъ одну тѣнь съ собою. Если вы жизнью и словами съ особеннымъ воодушевленіемъ про-

тестуете противъ господствующаго въ обществѣ порока, то вы протестуете такъ горячо именно потому, что порокъ стоитъ передъ вашими глазами; причина протеста лежитъ не въ вашей природѣ, а въ томъ, что̀ васъ окружаетъ; для васъ самихъ протестъ дѣло безплодное и утомительное; вашъ крикъ сушитъ вамъ легкія и производитъ охриплость въ голосѣ; а между тѣмъ нельзя не кричать; вы кричите и этимъ самымъ платите дань тѣмъ идеямъ, которыя уродуютъ жизнь вашихъ соотечественниковъ. Если вы отмахиваетесь отъ комаровъ и не даете имъ укусить себя, то все-таки комары дѣйствуютъ на васъ тѣмъ, что заставляютъ васъ дѣлать утомительныя движенія. Подлость и глупость раздражаютъ ваши нервы, слѣдовательно производятъ въ васъ перемѣну, и можно сказать навѣрное, что, въ какомъ-бы направленіи ни совершилась эта перемѣна, она никогда не можетъ быть перемѣной къ лучшему. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство Тургеневъ упустилъ изъ виду, создавая характеръ Елены, и отъ этой ошибки произошла, мнѣ кажется, вся нескладица, поражающая читателя въ построеніи романа «Наканунѣ».

Елена раздражена мелкостью тѣхъ людей и интересовъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло каждый день. Она умнѣе своей матери, умнѣе и честнѣе отца, умнѣе и глубже всѣхъ гувернантокъ, занимавшихся ея воспитаніемъ, она раздражена и неудовлетворена тѣмъ, что даетъ ей жизнь; она съ сознаннымъ негодованіемъ отвертывается отъ дѣйствительности, но она слишкомъ молода и женственна, чтобы стать къ этой дѣйствительности въ трезвыя отрицательныя отношенія. Ея недовольство дѣйствительностью выражается въ томъ, что она ищетъ лучшаго и, не находя этого лучшаго, уходитъ въ міръ фантазіи, начинаетъ жить воображеніемъ. Это болѣзненное состояніе. Когда воображеніе забѣгаетъ впередъ, когда начинается сооруженіе идеала и потомъ бѣганіе за нимъ, тогда живыя силы уходятъ на безплодные поиски и попытки, и жизнь проходитъ въ какомъ-то тревожномъ, безпредметномъ, смутномъ ожиданіи. Елена все мечтаетъ *о чемъ-то*, все хочетъ *что-то* сдѣлать, все ищетъ *какого-то* героя; мечты ея не приходятъ и не могутъ придти въ ясность именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикуетъ нашей жизни, не всматривается въ ея недостатки, а просто отворачивается отъ нея и хочетъ выдумать себѣ жизнь. Такъ нельзя, Елена Николаевна! Что жизнь въ дурныхъ своихъ проявленіяхъ вамъ не нравится, это дѣлаетъ вамъ величайшую честь, это показываетъ, что вы умѣете мыслить и чувствовать; но жить и дѣйствовать вы рѣшительно не умѣете. Если не нравится жизнь, надо или исправить ее, или умереть, или уѣхать. Чтобы исправить жизнь *для себя* лично, надо вглядѣться въ ея недостатки и отдать себѣ самый ясный отчетъ въ томъ, что̀ именно особенно не нравится; чтобы умереть, надо обратиться къ оружію или къ яду; чтобы уѣхать куда-бы то ни было, надо взять паспортъ и запастись деньгами. Но не мечтать, ни въ какомъ случаѣ не мечтать! Это совсѣмъ не практично; это растравляетъ раны, вмѣсто того, чтобы залечивать ихъ; это губитъ силы, вмѣсто того, чтобы обновлять и укрѣплять человѣка. Мечты—принадлежность и утѣшеніе слабаго, больного, задавленнаго существа, а вамъ, Елена Николаевна, нечего Бога гнѣвить; можно и другимъ дѣломъ заняться. Вы пользуетесь нѣкоторой независимостью въ домѣ вашихъ родителей, васъ не бьютъ, не гнутъ въ дугу, не выдаютъ насильно замужъ; этихъ условій слишкомъ мало для того, чтобы наслаждаться, но ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы дѣйствовать и бороться; мечтать было позволительно въ былые годы вашей крѣпостной горничной, точно такъ-же, какъ ей позволительно было пить запоемъ, но теперь и ей это будетъ не къ лицу. Я не осуждаю Елену въ томъ, что она мечтаетъ; я-бы не осудилъ человѣка, схватившаго сильнѣйшій простудный кашель, я-бы сказалъ только, что онъ боленъ; точно также я говорю и доказываю самой Еленѣ, что она больна и что она ошибается, если считаетъ себя здоровой. Въ этомъ отношеніи ошибается вмѣстѣ съ нею самъ Тургеневъ; онъ глазами психически-больной Елены смотритъ на дѣйствующія лица своего романа; оттого онъ вмѣстѣ съ Еленой ищетъ героевъ; оттого онъ вмѣстѣ съ нею браку̀етъ Шубина и Берсенева; оттого онъ выписываетъ изъ Болгаріи невозможнаго и ни на что ненужнаго Инсарова. Елена и вмѣстѣ съ нею Тургеневъ не удовлетворяются обыкновенными, человѣческими размѣрами личностей; все это обыкновенно, все это по̀шло; давай имъ эффекта, колоссальности, геризма. «Жить скверно», говорятъ Тургеневъ и Елена.— Согласенъ. «Жить скверно потому, что люди скверны». — Несогласенъ! Отношенія между людьми ненормальны — это такъ, а люди ни въ чемъ не виноваты, потому что передѣлать отношенія, затвердѣвшія отъ десятивѣковой исторической жизни, и передѣлать ихъ тогда, когда еще очень немногіе начали сознавать ихъ неудобства—это, воля ваша, мудрено. Если несется шестерня бѣшеныхъ лошадей, то я никакъ не рѣшусь называть мелкими трусами всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться въ сторону и давать имъ дорогу. Инстинктъ самосохраненія и трусость—двѣ вещи разныя. Ставить самоотверженіе въ число необходимыхъ добродѣтелей, обязательныхъ для всякаго человѣка, можетъ только мечтательная дѣвушка Елена Николаевна Стахова, да замечтавшійся

до забвенія дѣйствительности художникъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Бракуя людей за то, что они не герои, раскидывая направо и налѣво окружающую его мелюзгу, Тургеневъ доходитъ наконецъ до созданія идеальнаго человѣка. Человѣкъ этотъ — болгаринъ. На какомъ основаніи? Неизвѣстно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослѣживать его развитіе и возсоздавать его личность критическимъ анализомъ я не берусь; выпишу только съ буквальной вѣрностью рядъ фактовъ, совершенныхъ этимъ героемъ, и рядъ свойствъ, приписанныхъ ему Тургеневымъ.

1) Инсаровъ—болгаръ; мать его убита турецкимъ агою; отецъ разстрѣлянъ безъ суда.

2) Въ 48-мъ году Инсаровъ былъ въ Болгаріи, исходилъ ее вдоль и поперекъ, провелъ въ ней два года и въ 50-мъ году вернулся въ Россію съ широкимъ рубцомъ на шеѣ и съ желаніемъ образоваться въ московскомъ университетѣ и сблизиться съ русскими.

3) Вотъ портретъ Инсарова: «это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, худощавый и жилистый, съ впалой грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови; когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ отчетливо очертанныхъ губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый доверху».

4) Когда Берсеневъ предлагалъ Инсарову переѣхать къ нему на дачу, Инсаровъ соглашается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заплатить Берсеневу по разсчету 20 руб. сер.

5) По уходѣ Берсенева Инсаровъ бережно снимаетъ сюртукъ.

6) Берсеневъ говоритъ объ Инсаровѣ, что онъ ни отъ кого не возьметъ денегъ взаймы.

7) Инсаровъ отказывается обѣдать съ Берсеневымъ, говоря ему съ спокойной улыбкой:

— «Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете!»

8) Инсаровъ никогда не мѣняетъ никакого своего рѣшенія и никогда не откладываетъ исполненія даннаго обѣщанія.

9) Инсаровъ учится русской исторіи, праву и политической экономіи, переводитъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собираетъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составляетъ русскую грамматику для болгаръ, болгарскую — для русскихъ.

10) Инсаровъ не любитъ распространяться о собственной своей поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говоритъ охотно со всякимъ.

11) Инсаровъ надѣваетъ на голову ушастый картузъ и на прогулкѣ выступаетъ не спѣша, глядитъ, дышетъ, говоритъ и улыбается спокойно.

12) Инсаровъ уходитъ куда-то на три дня съ тремя болгарами, которые предварительно съѣдаютъ у него «цѣлый огромный горшокъ каши».

13) Въ разговорѣ съ Еленой Инсаровъ откровенно разсказываетъ исторію своей отлучки, говоритъ, что онъ ѣздетъ за шестьдесятъ верстъ, чтобы помирить двухъ земляковъ, что его всѣ знаютъ, и что всѣ ему вѣрятъ. Елена спрашиваетъ у него: «вы очень любите свою родину?» Онъ на это отвѣчаетъ: «это еще неизвѣстно. Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ». Потомъ онъ говоритъ такъ: «Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что-же другое можно любить на землѣ? Что̀ одно неизмѣнно, что̀ выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога?» Эта, нелишенная риторики, рѣчь заканчивается удивительной антитезой: «Замѣтьте, послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я, мы желаемъ одного и того-же». Антитеза, ей-Богу, очень хороша. А Елена-то слушаетъ и только уши развѣшиваетъ.

14) Инсаровъ бросаетъ въ воду пьянаго нѣмца, обезпокоившаго дамъ на гуляніи.

15) Инсаровъ замѣчаетъ, что онъ полюбилъ Елену и хочетъ уѣхать. Онъ говоритъ: «Я—болгаръ, мнѣ русской любви не нужно».

16) Инсаровъ наканунѣ своего отъѣзда на просьбу Елены придти къ нимъ на другой день утромъ—ничего не отвѣчаетъ и не приходитъ. «Я васъ ждала съ утра», говоритъ Елена, встрѣтившись съ нимъ у часовни. Онъ отвѣчаетъ на это: «я вчера, вспомните, Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ».

17) Въ объясненіи съ Инсаровымъ Елена постоянно является активнымъ лицомъ и постоянно тащитъ его за собою; она первая говоритъ ему о любви.

18) По возвращеніи съ дачи въ Москву Инсаровъ опасно занемогаетъ и двѣ недѣли находится при смерти.

19) Елена приходитъ къ Инсарову послѣ его выздоровленія; Инсаровъ въ ея присутствіи чувствуетъ волненіе и проситъ ее уйдти, говоря, что онъ ни за что не отвѣчаетъ; Елена не уходитъ и отдается ему.

20) Тайно обвѣнчавшись съ Еленой, Инсаровъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею въ Венецію, чтобы оттуда пробраться въ Болгарію.

21) Инсаровъ въ Венеціи умираетъ отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

Ради Бога, господа читатели, изъ этого длиннаго списка дѣяній и свойствъ составьте себѣ какой-нибудь цѣлостный образъ; я этого не умѣю и не могу сдѣлать. Фигура Инсарова не возстаетъ передо мною; но зато съ ужасающей отчетливостью возстаетъ передо мною тотъ про-

цессъ механическаго построенія, которому Инсаровъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тургеневъ не могъ остановиться на чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ жизни; ему до смерти надоѣли пигмеи, а между тѣмъ отъ этого жизнь не измѣнилась и пигмеи не выросли ни на вершокъ. Ему захотѣлось колоссальности, героизма, и онъ задумался надъ тѣмъ, какія свойства надо придать герою; образъ не напрашивался въ его творческое сознаніе; надо было съ невѣроятными усиліями составлять этотъ образъ изъ разныхъ кусочковъ; во-первыхъ, надо было поставить героя въ необыкновенное положеніе; положеніе придумано: Инсаровъ—болгаръ и родители его погибли лютой смертью. Потомъ надо было устроить такъ, чтобы каждое слово и движеніе героя были проникнуты особенной многозначительностью, не сознаваемой самимъ героемъ; Тургеневъ достигъ этого, заставивъ Инсарова разглагольствовать о любви къ родинѣ почти такъ-же, какъ разглагольствуетъ чиновникъ Соллогуба, съ той только разницей, что послѣдній не дѣлаетъ блестящей антитезы (послѣдній мужикъ—и я). Чтобы оттѣнить то воодушевленіе, которое овладѣваетъ Инсаровымъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, Тургеневъ напираетъ даже на то, что въ Инсаровѣ не видно ничего необыкновеннаго, что въ немъ все очень просто, начиная отъ ушастаго картуза и кончая спокойной походкой. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургеневъ упоминаетъ о томъ, что Инсаровъ ни отъ кого не взялъ-бы денегъ взаймы и даже отъ Берсенева не принимаетъ даромъ комнаты, когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать одолженія отъ мало знакомаго человѣка или отъ такого, которому тяжело быть обязаннымъ, это понятно, но съ мелочной тщательностью отгораживать свои интересы отъ интересовъ товарища-студента или друга—это, воля ваша, безплодный трудъ. Моели перейдетъ къ нему, его-ли ко мнѣ, чортъ-ли въ этомъ? Я знаю, что самъ съ удовольствіемъ сдѣлаю ему одолженіе, и потому съ полной довѣрчивостью принимаю отъ него такое-же одолженіе. Чтобы показать, какъ земляки-болгары вѣрятъ Инсарову, Тургеневъ разсказываетъ о поѣздкѣ послѣдняго за шестьдесятъ верстъ; чтобы дать образчикъ той колоссальной энергіи, на которую способенъ герой, Тургеневъ изобрѣлъ бросаніе пьянаго нѣмца, и притомъ великана, въ воду. Чтобы дать понятіе о любви Инсарова къ родинѣ, Тургеневъ заставляетъ его бороться съ любовью къ Еленѣ; Инсаровъ готовъ на пользу Болгаріи пожертвовать любимой женщиной,—и это невольно переноситъ читателя въ лучшіе дни Римской республики. Но вотъ что любопытно. Инсаровъ—герой, сильный человѣкъ; отчего-же онъ постоянно предоставляетъ Еленѣ инициативу? Отчего Елена тащитъ его за собою и постоянно сама дѣлаетъ первый шагъ къ сближенію? Отчего Инсаровъ постоянно принимаетъ отъ нея разныя доказательства любви не иначе, какъ послѣ нѣкотораго упрашиванія съ ея стороны? Что это за церемоніи и умѣстны-ли онѣ между не-пигмеями? Инсаровъ видитъ, что дѣвушка вышла къ нему на встрѣчу и съ тоской спрашиваетъ у него: отчего-же вы не пришли сегодня утромъ? Въ этомъ вопросѣ сказывается любовь, недоумѣніе, страданіе, а Инсаровъ отвѣчаетъ на это: «я вамъ не обѣщалъ», и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяинъ торговаго дома отвѣчаетъ кредитору: «срокъ вашему векселю не сегодня!» Освободитъ-ли Инсаровъ Болгарію—не знаю; но Инсаровъ, какимъ онъ является въ отдѣльныхъ сценахъ романа «Наканунѣ», не представляетъ въ себѣ ничего цѣлостно-человѣческаго и рѣшительно ничего симпатичнаго. Что его полюбила болѣзненно-восторженная дѣвушка, Елена,—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; вѣдь и Титанія гладила съ любовью длинныя уши ослиной головы; но что истинный художникъ, Тургеневъ, соорудилъ ходульную фигуру, стоящую ниже Штольца,—это очень грустно; это показываетъ радикальное измѣненіе во всемъ міросозерцаніи, это начало увяданія. Кто въ Россіи сходилъ съ дороги чистаго отрицанія, тотъ падалъ. Чтобы освѣтить ту дорогу, по которой идетъ Тургеневъ, стоитъ назвать одно великое имя—Гоголя. Гоголь тоже затосковалъ по положительнымъ дѣятелямъ, да и свернулъ на переписку съ друзьями. Что-то будетъ съ Тургеневымъ? Кромѣ фальшиваго пониманія и уродливаго построенія, въ романѣ «Наканунѣ» есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность въ выраженіи главной идеи. Нѣтъ отвѣта на естественный вопросъ: нашла-ли Елена своего героя въ Инсаровѣ? Вопросъ этотъ важенъ, потому что ведетъ къ рѣшенію общаго психологическаго вопроса. Что такое мечтательность и исканіе героя? Болѣзнь-ли это, порожденная пустотой и пошлостью жизни, или это—естественное свойство личности, выходящей изъ обыкновенныхъ размѣровъ? Есть-ли это проявленіе силы или проявленіе слабости? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было создать для Елены самыя благопріятныя обстоятельства и тогда въ картинахъ и образахъ показать намъ: счастлива-ли она, или нѣтъ? А тутъ, что такое? Инсаровъ скоропостижно умираетъ: да развѣ это рѣшеніе вопроса? Къ чему эта смерть, обрывающая романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, замазывающая черной краской неоконченную картину и избавляющая художника отъ труда отвѣчать на поставленный вопросъ? Но можетъ-

быть Тургеневъ и не задавалъ себѣ этого вопроса? Можетъ-быть для него центромъ романа была не Елена, а былъ Инсаровъ? Тогда остается только пожалѣть, что въ плохомъ дидактическомъ романѣ, похожемъ на Обломова по идеѣ, встрѣчается такъ много такихъ великолѣпныхъ частностей, какъ напримѣръ личности Елены, Шубина и Берсеневa, дневникъ Елены, сцена ожиданія, сцены любви и наконецъ неподражаемый Уваръ Ивановичъ.

IX.

У Писемскаго я не буду брать отдѣльныхъ женскихъ характеровъ; постараюсь только показать общія отношенія его къ женщинѣ; отношенія эти въ высшей степени гуманны; всепрощеніе доведено въ нихъ до послѣднихъ предѣловъ. «Женщина,—говоритъ намъ Писемскій своими произведеніями,—никогда ни въ чемъ не виновата. Ее бьютъ, ее угнетаютъ, ее обижаютъ дѣломъ и словомъ, ея потребности остаются неудовлетворенными и непонятыми; она страдаетъ, и своими страданіями мучитъ мужчину; мужчина на нее сердится и не понимаетъ того, что онъ самъ причина ея страданій и своихъ мученій». Переберите всѣ романы Писемскаго и вы убѣдитесь въ вѣрности моихъ словъ. Писемскій не идеализируетъ женщинъ; у него есть дрянныя женщины, есть и хорошія; но и самая дрянная женщина освобождается отъ всякаго укора. Посмотрите на Юлію Владиміровну въ «Тюфякѣ», на Марію Антоновну въ «Бракѣ по страсти», на Катерину Александровну въ «Богатомъ Женихѣ». Некрасивы эти три барыни, куда некрасивы, но вы чувствуете и видите, что имъ не было никакого выхода изъ пошлости и грязи. Онѣ увязли и перемарались, потому что не было никакой возможности пробраться въ жизни сухими тропинками. И во всѣхъ трехъ случаяхъ мужчина постоянно является ближайшей, непосредственной причиной униженія женщины. На Юліи женится почти насильно тюфякъ-Бешметевъ; очень понятно, что Юлія пускается во всѣ тяжкія; на Маріи Антоновнѣ женится по разсчету хлыщъ Хозаровъ; она выходитъ за него замужъ по чистосердечной страсти; онъ оставляетъ ее въ забросѣ и начинаетъ ухаживать за другой женщиной; она отъ скуки начинаетъ цѣловаться съ офицеромъ Пирпиевскимъ. На Катеринѣ Александровнѣ женится фразеръ Шамиловъ, также по разсчету; потомъ этотъ господинъ начинаетъ показывать себя несчастнымъ, не имѣя на то законнаго повода; Катерина Александровна чувствуетъ себя оскорбленной, и съ своей стороны очень жестоко показываетъ своему неделикатному супругу его зависимое положеніе.—Вы видите такимъ образомъ, что эти три женщины находятъ себѣ оправданіе въ поведеніи своихъ мужей и въ томъ воспитаніи, которое было имъ дано въ родительскомъ домѣ.

Когда Писемскій симпатизируетъ выводимой женской личности, тогда все построеніе и изложеніе повѣсти или романа согрѣвается такимъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, какое на первый взглядъ трудно даже предположить въ этомъ безпощадномъ реалистѣ. Это чувство выражается не въ лирическихъ отступленіяхъ, не въ идеализаціи любимаго женскаго типа; оно, помимо воли и сознанія самого автора, просвѣчиваетъ въ постановкѣ фигуръ, въ группировкѣ событій; оно не нарушаетъ правдивости; оно само вытекаетъ изъ этой правдивости. Чтобы сочувствовать страданіямъ женщины, чтобы оправдать ее, не нужно подкупать себя въ ея пользу; надо только смотрѣть на вещи простыми, невооруженными и не предубѣжденными глазами.

Писемскій вполнѣ понялъ значеніе этой мысли, и съ свойственной ему неумолимой и притомъ безсознательной послѣдовательностью провелъ эту мысль во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

Прочтите, господа читатели, его разсказъ «Виновата-ли она?», помѣщенный во второмъ томѣ его сочиненій, и вы увидите, какъ просто и честно относится онъ къ вопросу о женщинѣ.

Хотѣлось бы мнѣ подольше остановиться на отношеніяхъ Писемскаго къ женщинѣ, но я потратилъ много времени на разборъ менѣе отрадныхъ явленій, и потому приходится кончить.

Библіографическія замѣтки.

I.

Берликъ. Осенняя сказка *Генриха Гейне.*

Гейне, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, ближайшій къ намъ по времени, по складу мысли и по образамъ, жилъ и умеръ вдали отъ своихъ соотечественниковъ, т. е. отъ людей, говорившихъ съ нимъ на одномъ языкѣ. Благонравные нѣмцы приходили въ ужасъ отъ его безпощаднаго смѣха и не понимали его ѣдкой грусти; все въ направленіи его таланта, все въ личныхъ особенностяхъ его пафоса и юмора приводило ихъ въ краску, въ негодованіе или въ ужасъ; когда поэтъ говорилъ имъ о наслажденіи, о полной чашѣ жизни, о связи человѣка съ природой,—они скромно опускали глазки и находили его безнравственнымъ; когда онъ разбивалъ своимъ сарказмомъ устарѣлыя идеи, обезсмысленныя формы, тяжелыя оковы разума—тогда противъ него поднимался сонмъ профессоровъ и протестантскихъ пістистовъ, и своимъ маленькимъ аршинчикомъ эти люди принимались мѣрить идеи генія; геній конечно далеко превышалъ ихъ масштабъ, и они называли его уродомъ. Когда наконецъ поэтъ становился трибуномъ вѣка, ораторомъ за права человѣческой личности,—ему зажимали ротъ, какъ вредному безмозглому крикуну. Поэтъ умеръ и картина перемѣнилась. Нѣмцы поняли наконецъ, что Гейне—безсмертный поэтъ, что онъ войдетъ въ исторію литературы помимо всякихъ узкихъ теорій, и что на немъ будетъ воспитываться молодое поколѣніе помимо всякихъ отчаянныхъ возгласовъ благонамѣренныхъ педагоговъ. Тѣ люди, которые знали Гейне, состарѣлись и успѣли выказать въ полномъ блескѣ свою умственную нищету; выдвинулось впередъ то поколѣніе, которое, читая Фохта, Молешота и Бюхнера, идетъ къ дѣлу помимо фразъ, и слѣдовательно способно понимать своего поэта и чувствомъ, и мыслью. Изданія сочиненій Гейне стали расходиться съ изумительной быстротой; въ 1860 году Кампе напечаталъ девятнадцатое изданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣмецкой публикѣ явилась надежда получить со временемъ собраніе посмертныхъ произведеній Гейне, и въ нынѣшнемъ году Штейнманъ, пользовавшійся личнымъ знакомствомъ поэта, напечаталъ два тома его неизданныхъ мелкихъ стихотвореній, три тома писемъ и осеннюю сказку «Берлинъ». Книжки Штейнмана взволновали нѣмецкую критику, и во многихъ періодическихъ изданіяхъ появились скептическіе отзывы о подлинности изданныхъ имъ произведеній. Скептическіе отзывы эти получили особенную силу, когда родной братъ поэта, Густавъ Гейне, печатно объявилъ, что стихотворенія и письма, изданныя Штейнманомъ, не могутъ принадлежать перу Генриха Гейне, что всѣ бумаги покойнаго находятся у него, Густава Гейне, и у вдовы поэта, и что слѣдовательно изданія Штейнмана не что иное, какъ поддѣлка, предпринятая изъ корыстныхъ видовъ. Штейнманъ однако не упалъ духомъ и, продолжая изданія посмертныхъ произведеній Гейне, отвѣчалъ рѣзкой брошюрой на нападки, направленныя противъ литературной честности издателя и противъ подлинности издаваемыхъ матеріаловъ. Въ этой брошюрѣ онъ доказываетъ, что Густавъ Гейне не присутствовалъ при кончинѣ своего брата, что Генрихъ Гейне не упоминаетъ о Густавѣ въ своемъ завѣщаніи и назначаетъ своимъ душеприказчикомъ не брата своего, а постороняго человѣка, доктора Христіани. Что-же касается до изданныхъ стихотвореній, то Штейнманъ ручается за ихъ подлинность и предлагаетъ каждому желающему явиться къ нему и убѣдиться въ томъ, что письма и стихи дѣйствительно писаны рукою Гейне. Такое печатное приглашеніе говоритъ конечно въ пользу Штейнмана, хотя и не можетъ устранить всякое сомнѣніе. Противники Штейнмана могутъ во всякое время завести съ нимъ формальный процессъ, и если они этого не сдѣлаютъ, то конечно дадутъ намъ право думать, что Штейнманъ правъ. Пока этотъ вопросъ еще не совсѣмъ рѣшенъ, обратимся къ самымъ сочиненіямъ Гейне, изданнымъ Штейнманомъ, и посмотримъ, есть-ли въ нихъ хоть блѣдное подобіе того, что́ мы привыкли встрѣчать въ вѣчно-свѣжихъ произведеніяхъ великаго лирика. Возьмемъ на первый разъ осеннюю сказку «Берлинъ». Въ предисловіи издатель объявляетъ, что эта сказка составлена изъ черновыхъ набросковъ и что для общей связи чужая рука должна была вставлять нѣкоторые строки и куплеты. Откровенное сознаніе Штейнмана свидѣтельствуетъ въ пользу его искренности и даетъ намъ право думать, что мы имѣемъ дѣло не съ обманщикомъ; но зато

это сознаніе такъ наивно, что трудно удержаться отъ улыбки. Кто сколько-нибудь знакомъ съ Гейне, тотъ очень хорошо понимаетъ, что подражать ему совершенно невозможно; его обороты и формы такъ эксцентричны и капризны, что только колоссальный талантъ нашего поэта спасаетъ ихъ отъ уродливости. Гейне непереводимъ; наши поэты, даровитые и бездарные, берутъ у Гейне идеи и образы, пишутъ свои стихотворенія на эту заимствованную тему, потомъ ставятъ въ заголовкѣ: «изъ Гейне», и воображаютъ себѣ, что они его перевели. Ихъ стихотворенія бываютъ хороши или дурны, смотря по тому, написаны-ли они М. Л. Михайловымъ, или какимъ-нибудь г. Семперверо, но во всякомъ случаѣ это не переводы; Гейне, остается самъ по себѣ; а стихотвореніе, навѣянное имъ, само по себѣ; теперь представьте-же себѣ, любезный читатель, каково должно быть—дополнять Гейне, работать подъ Гейне, какъ столяры работаютъ подъ орѣхъ. Попытка Штейнмана округлить черновые наброски великаго поэта напоминаетъ какъ нельзя больше распоряженія иныхъ богатыхъ вельможъ, приказывающихъ поновить какую-нибудь старую картину знаменитаго мастера; но что́ извинительно вельможѣ, то кажется страннымъ въ скромномъ издателѣ посмертныхъ сочиненій Гейне,—въ человѣкѣ, соприкасавшемся съ литературной дѣятельностью и имѣющемъ нѣкоторое понятіе о ея требованіяхъ. Еслибы Штейнманъ, какъ слѣдуетъ добросовѣстному издателю, далъ намъ въ руки то, что́ нашлось въ подлинныхъ бумагахъ, мы-бы по самой отрывочности могли судить о томъ, какъ въ головѣ Гейне зрѣли и слагались его обаятельныя, причудливыя созданія, для которыхъ и не прибережешь другого имени, какъ «сонъ въ лѣтнюю ночь» или «зимняя сказка»; тотъ процессъ творчества, который всякій поэтъ скрываетъ при своей жизни, являясь передъ публикой не иначе, какъ en grande tenue, или по крайней мѣрѣ въ изящномъ négligé,—этотъ процессъ творчества, повторяю я, хоть сколько-нибудь сдѣлался-бы для насъ понятнымъ; но теперь, благодаря наивной услужливости добраго Штейнмана, что̀ прикажете дѣлать съ его книгой? еслибы онъ сдѣлалъ свои вставки въ совершенно обработанное произведеніе Гейне, эти вставки бросились-бы въ глаза, какъ заплаты другого цвѣта; но бѣда въ томъ, что сказка «Берлинъ» находилась въ положеніи эскиза, а Гейне, какъ сообщаетъ тотъ-же Штейнманъ въ комментаріяхъ къ письмамъ, сильно шлифовалъ свои стихи, выпуская ихъ въ свѣтъ; слѣдовательно, намъ не остается никакого критеріума, чтобы строго отдѣлить гейневскіе стихи отъ негейневскихъ. На этомъ основаніи подѣлимся съ читателями только общимъ впечатлѣніемъ. «Берлинъ» во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ неизмѣримо ниже «Атта Тролля» и «Германіи». Разсказать сюжетъ этой осенней сказки совершенно невозможно, точно такъ же, какъ разсказать сюжетъ «Атта Тролля» или «Германіи»; фантазія поэта скачетъ отъ одного предмета къ другому, не заботясь ни объ общей связи, ни о соразмѣрности частей, ни о постепенности переходовъ. Но въ «Атта Троллѣ» и въ «Германіи» Гейне, перепрыгивая отъ одного предмета къ другому, рисуетъ рядъ отдѣльныхъ, блестящихъ, совершенно законченныхъ картинъ; онъ бросаетъ читателю совершенно неожиданно цѣлые букеты смѣлыхъ идей, которыя дѣйствуютъ на васъ особенно сильно нечаянностью своего появленія, своей парадоксальностью и неподражаемой оригинальностью формы. Ничего этого нѣтъ въ «Берлинѣ». Отдѣльныя картины не додѣланы; въ нихъ недостаетъ рельефности; идеи конечно достойны передового поэта нашего времени; но такъ какъ образы, въ которыхъ выражены эти идеи, не доведены поэтомъ до полной ясности и осязательности, то и самыя идеи не могутъ дѣйствовать такъ сильно и не производятъ того впечатлѣнія, которое мы привыкли выносить изъ Гейне. Кромѣ того, говоря о «Берлинѣ», Гейне вдается въ частности и мелочи, которыя могутъ быть вполнѣ интересны только тому, кто совершенно знакомъ съ закулисными тайнами берлинскаго литературнаго и театральнаго міра; эти мелочи встрѣчаются у Гейне вездѣ; полемическія выходки противъ Масмана, противъ Генгстенбера, противъ швабскихъ поэтовъ есть и въ «Атта Троллѣ», и въ «Германіи»; но тамъ эти выходки до того блестятъ остроуміемъ, что онѣ получаютъ общій интересъ; намъ нѣтъ дѣла до того, кого бранитъ Гейне; мы видимъ, какъ онъ бранитъ, отгадываемъ, за что́ онъ бранитъ, и совершенно удовлетворяемся этими свѣдѣніями. Въ недодѣланной сказкѣ «Берлинъ» напротивъ того эти выходки не отличаются игривостью и оставляютъ совершенно равнодушнымъ читателя-иностранца. Въ заключеніе укажу на тѣ главы, въ которыхъ наиболѣе проявляются юморъ и блескъ гейневской поэзіи. Всѣхъ главъ 27; особеннаго вниманія заслуживаютъ 15-я глава, въ которой Гейне говоритъ о судьбѣ своихъ первыхъ поэтическихъ опытовъ, 19-я, въ которой онъ, страстный поклонникъ Наполеона I, какъ геніальной личности, изображаетъ въ нѣсколькихъ штрихахъ исторію Европы въ началѣ XIX вѣка; и наконецъ эпилогъ къ «осенней сказкѣ», въ которомъ Гейне совѣтуетъ приготовить обѣдъ для людоѣдовъ изъ различныхъ представителей германской мысли и берлинской жизни, изъ различныхъ враждебныхъ нашему поэту элементовъ и направленій. Въ другихъ мѣстахъ поэмы есть разбросанныя картинки, много удачныхъ выраженій, но, повторяю, все вмѣстѣ не-

ясно и не производитъ цѣлостнаго впечатлѣнія. Постараюсь въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ поговорить о мелкихъ стихотвореніяхъ Гейне, изданныхъ Штейнманомъ, о его письмахъ и прозаическихъ статьяхъ.

II.

Посмертныя стихотворенія Гейне. Dichtungen von H. Heine.

По тѣмъ стихотвореніямъ Гейне, которыя издалъ въ нынѣшнемъ году Штейнманъ, нельзя составить себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго понятія о поэтической личности Гейне, о силѣ и разнообразіи его дарованія. Въ этомъ посмертномъ изданіи собраны стишки и пѣсенки, оставшіеся въ неотдѣланномъ видѣ, забытые самимъ поэтомъ, набросанные кое-какъ на клочкѣ бумаги, между дѣломъ, въ минуту дружескаго разговора, и сохранившіеся отъ совершеннаго уничтоженія и забвенія, благодаря заботливости друзей покойнаго поэта. Личность Гейне, его міросозерцаніе, его капризная и шаловливая муза знакомы и милы всѣмъ истинно развитымъ людямъ нашего времени. Этимъ людямъ будетъ пріятно видѣть проблески гейневскаго юмора, созданія его обаятельной фантазіи, выраженія его мимолетныхъ чувствъ, хотя-бы эти проблески были блѣдны, хотя-бы эти созданія находились въ видѣ эскизовъ, хотя-бы эти чувства выразились въ неотдѣланной и даже не совсѣмъ ясной формѣ. Намъ дорогъ Гейне весь, какъ онъ есть; мы интересуемся его человѣческими чувствами, слабостями и страданіями; мы видимъ въ немъ мученика нашего вѣка, не признаннаго своими соотечественниками, принужденнаго бѣжать изъ родного края отъ умственной робости и рутинныхъ понятій филистеровъ,—разбитаго болѣзнью и медленно умирающаго вдали отъ друзей, въ чужомъ городѣ, среди нерадостныхъ впечатлѣній. Намъ дороги страданія великаго поэта, какъ Марку Антонію была дорога окровавленная рубашка Цезаря; намъ дороги эти страданія, какъ укоръ нашему вѣку, гордящемуся терпимостью и свободой мысли, какъ приговоръ осужденія надъ идеями и бытовыми формами, измучившими своей уродливостью честнаго и геніальнаго человѣка. Въ посмертныхъ стихотвореніяхъ Гейне мы не будемъ искать тѣхъ великолѣпныхъ и широкихъ идей, тѣхъ обаятельно-оригинальныхъ образовъ, которые бросаются въ глаза на каждой страницѣ въ его «Buch der Lieder», въ «Romanzero», въ «Deutschland», въ «Atta Troll» и т. п. Надо принять въ соображеніе, что посмертныя стихотворенія не что иное, какъ крошки, упавшія со стола поэта и подобранныя почтительными друзьями.

Потому, говоря объ этихъ стихотвореніяхъ, достаточно будетъ отмѣтить нѣкоторыя отдѣльныя пьесы, отличающіяся отъ массы остальныхъ изящной формой или выражающія совершенно безъискусственно то настроеніе, которому онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ.

Многія изъ вновь изданныхъ стихотвореній навѣяны событіями, совершавшимися на политическомъ горизонтѣ. Вотъ напримѣръ баллада «Монтезума», написанная очевидно въ то время, когда страданія Испаніи обращали на себя вниманіе образованной и сочувствующей Европы:

«Монтезума», царь Мексики, жарился на медленномъ огнѣ; его принуждали сознаться, гдѣ его казна: отъ костра распространялся запахъ, непохожій на запахъ паштета или поджаривающейся колбасы. Въ это время благоуханіе костровъ можно было встрѣтить и въ Европѣ. Замашку жарить людей на медленномъ огнѣ терпѣли законы и обычаи.

«Вокругъ костра стояли испанскіе кавалеры, искатели приключеній изъ Ла-Манчи, монахи, вооруженные крестомъ,—всякая испанская сволочь, жадная къ деньгамъ.

«Кто проигралъ все до послѣдней рубашки въ азартной игрѣ и въ спекуляціяхъ, тотъ и присоединился къ этимъ экспедиціямъ.

«Въ Америку!»—кричатъ негодяи въ темныхъ трущобахъ Мадрида; и въ приморскихъ городахъ раздаются возгласы мошенниковъ и бездѣльниковъ.

«Подонки испанскаго населенія поступаютъ подъ начальство Кортеса и Пизарро; ихъ привлекаетъ блескъ мексиканскаго золота; имъ не надо лавровыхъ вѣнковъ.

«Ступивши ногою на американскій берегъ, они тотчасъ начинаютъ грабить и разбойничать; ихъ дерзкія руки крушатъ безъ разбора дѣтей и женщинъ.

«Опираясь на мечъ, на огонь и на пытки, опустошеніе разливается по несчастной странѣ; видимой цѣлью и предлогомъ должно служить обращеніе язычниковъ.

«И храмы, и кумиры падаютъ и разрушаются; пресвятая, пречистая Дѣва, тебѣ воздвигается алтарь.

«Держа въ рукахъ распятіе, прикрывая этимъ символомъ безвѣріе и злодѣяніе, монахи и попы идутъ впередъ и осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ во имя Бога.

«Мексиканскаго императора запираютъ въ келью, устроенную по пенсильванской системѣ; злодѣи издѣваются надъ нимъ, играя съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

«Его сокровища поглощаются корыстолюби-

выми звѣрями; мексиканскій народъ страдаетъ и гибнетъ; страна превращается въ печальную пустыню.

«Но за преступленіями послѣдовало воздаяніе, мщеніе неба: на твоей землѣ, Испанія, полилась рѣками кровь твоихъ гражданъ.

«Миѳическій ящикъ Пандоры, наполненный бѣдствіями, опрокинулся надъ тобою, пролился до послѣдней капли, и ты, Испанія, была жестоко поражена.

«Въ пестрой смѣнѣ міровыхъ событій ты дошла до послѣдней степени слабости и униженія.—Ты, могучая держава, въ которой не заходило солнце».

Недостатокъ отдѣлки въ этомъ стихотвореніи бросается въ глаза, но достоинство основной идеи говоритъ само за себя. Поэтъ видитъ явную связь между упадкомъ Испаніи и тѣми жестокостями, съ которыми было сопряжено завоеваніе отдѣльныхъ государствъ Америки. Онъ выражаетъ эту связь словами: «воздаяніе, мщеніе неба»; Гейне понимаетъ очень ясно и очень просто, что народъ, увлекающійся духомъ завоеваній и рѣшающійся угнетать чужую національность, развращается тѣми продѣлками, въ которыхъ онъ видитъ великіе и блестящіе подвиги, украшающіе собой страницы исторіи. Очень понятно, что испанецъ XVI вѣка, мечтая о томъ, какъ легко обогатиться за моремъ, какъ весело пожить подъ тропическимъ небомъ и дать просторъ звѣринымъ инстинктамъ въ чужой землѣ, гдѣ для побѣдителя не существуетъ уголовныхъ законовъ, очень понятно, повторяю я, что испанецъ мало думалъ о честныхъ и мирныхъ средствахъ зарабатывать себѣ деньги. Его манило въ Америку, въ страну чудесъ, въ родину золота и алмазовъ; его поощряло общественное мнѣніе, его благословляло католическое духовенство, съ нимъ вмѣстѣ шли монахи съ крестомъ въ рукѣ, и молодой мечтатель уѣзжалъ за море, а на родину возвращался бандитомъ, негоднымъ ни на какое дѣло, способнымъ только пьянствовать въ тавернахъ, играть въ кости, убивать людей по частнымъ заказамъ или поступать на службу къ тому, кто хорошо платитъ. Можно себѣ представить, какъ плохо шла промышленность и торговля. Еслибы Гейне захотѣлъ представить гибельное вліяніе угнетаемой Америки на мучительницу ея Испанію въ нѣсколькихъ яркихъ картинахъ, то конечно эта прекрасная мысль могла-бы послужить основой для великолѣпной поэмы. Но Гейне, кажется, былъ не изъ тѣхъ художниковъ, которые долго вынашиваютъ и медленно вырабатываютъ въ себѣ занимающую ихъ идею; мысль Гейне такъ быстро перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, что почти ни одна идея его не оказывается вполнѣ доработанной и совершенно обстановленной внѣшними подробностями. Онъ говоритъ намеками, рисуетъ широкими, бѣглыми штрихами и представляетъ обильное поле для дѣятельности комментатора и критика.

Изъ балладъ, напечатанныхъ въ собраніи Штейнмана, приведу еще довольно большое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Гренадеръ Рику».

1.

«Папа сидѣлъ подъ арестомъ въ Савонскомъ замкѣ и французскіе гренадеры караулили его, слѣдя за малѣйшимъ его движеніемъ.

«Каждый день, чтобы служить обѣдню, папа проходилъ въ маленькую капеллу черезъ галлереи рыцарскаго зала.

«Въ залѣ стояли на часахъ гренадеры; папа каждое утро давалъ свое благословеніе сѣдымъ усачамъ, которые, увидѣвъ святого отца, становились на колѣни.

«Вдругъ караульнымъ солдатамъ было отдано строжайшее приказаніе: не пропускать папу черезъ двери рыцарскаго зала.

«Передъ папскими покоями стоялъ на часахъ гренадеръ Рику, когда папа пошелъ въ капеллу въ первый разъ послѣ новаго приказанія.

«Сѣдой усачъ подошелъ къ папѣ и доложилъ ему о новомъ распоряженіи. Папская свита заговорила о смертномъ грѣхѣ и вѣчномъ осужденіи.

«И требовала, чтобы Рику пропустилъ святого отца для совершенія святого дѣла, но Рику отказалъ наотрѣзъ, несмотря на всѣ увѣщанія.

«Когда папа все-таки хотѣлъ пройти, Рику воскликнулъ: «именемъ императора!».

Сѣдой усачъ прогналъ папу назадъ, опустивъ штыкъ.

«Пусть меня Богъ проститъ!—сказалъ онъ.—Еслибы мнѣ приказалъ императоръ, я-бы штыкомъ распоролъ животъ самому Господу Богу!

«Я за императора шестнадцать разъ ходилъ въ огонь, въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ; за него я готовъ идти въ адъ, въ наказаніе за смертный грѣхъ.»

2.

«Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ не позволилъ святому отцу совершить святое дѣло. Сколько перемѣнъ, сколько новыхъ событій!

«Тронъ Бонапарта разбитъ въ-прахъ; престолъ Бурбоновъ разрушенъ; Людовикъ Филиппъ бѣжалъ изъ Парижа. «Vive la république!» кричитъ народъ.

«По улицамъ на берегахъ Сены, на башняхъ

Notre-Dame развѣвается трехцвѣтное знамя, а подъ нимъ завываютъ колокола.

«По тротуару идетъ живой скелетъ, опираясь слабой рукой на палку и придерживаясь бокомъ къ стѣнамъ домовъ.

«На немъ надѣтъ, словно футляръ, старый капотъ, изношенный и вытертый до послѣдней степени. Ноги его заплетаются одна о другую.

«Фуражка, потерявшая форму и цвѣтъ, покрываетъ лысую голову; на груди болтается, на полинялой ленточкѣ, крестъ Почетнаго Легіона.

«Нижняя часть лица покрыта серебристой бородой. Глаза, въ которыхъ прежде было такъ много огня, погасли и потускнѣли.

«На согнутой спинѣ лежитъ бремя восьмидесятилѣтней жизни. Кто этотъ бѣдный старикъ?— Это инвалидъ Рику.

«Каждый день онъ безъ отдыха таскаетъ по улицамъ свое бѣдное тѣло. Его, какъ вѣчнаго Жида, гонитъ и преслѣдуетъ какая-то сила.

«На немъ лежитъ проклятіе и осужденіе за то, что онъ не нарушилъ клятвы, данной императору.

«Теперь не у всѣхъ такая чуткая совѣсть, какъ у инвалида Рику. Теперь уже не то время.

«Утомившись до-смерти, онъ свалился на мостовую. «Не могу ни жить, ни умереть»,— простоналъ онъ, когда пришли къ нему на помощь.

«А между тѣмъ,— продолжалъ онъ,—умереть такъ легко и такъ удобно. Я, право, и самъ не знаю, живъ ли я, или умеръ.

«И какъ дешево! Стоитъ только взять въ аптекѣ нѣсколько капель хлороформа, чтобы отправиться на тотъ свѣтъ.

«Друзья, принесите мнѣ нѣсколько капель! Скажите аптекарю: у Рику нѣтъ ничего, нѣтъ денегъ, нѣтъ покоя. Нельзя ни жить, ни умирать.

«Сорвите у меня съ груди этотъ крестъ на полинялой лентѣ! Отнесите его къ аптекарю и скажите: «вотъ Рику посылаетъ ему за нѣсколько капель!»

«Какъ только онъ проговорилъ послѣднее слово, такъ голова его склонилась.

«Желанный покой достался ему на долю безъ хлороформа.

«На носилки положили тѣло стараго инвалида, который при жизни воздавалъ кесарево кесареви, и божія богови.»

По задушевности тона, по простотѣ изложенія и по яркости образовъ, это стихотвореніе не уступитъ лучшимъ балладамъ «Romanzero». Идея также вполнѣ достойна нашего поэта. Гренадеръ Рику, человѣкъ простой и честный, поставленъ въ жизни своей между двумя огнями; онъ—вѣрующій католикъ и въ то-же время ревностный солдатъ; религіозный деспотизмъ тащитъ его въ одну сторону, военный деспотизмъ—въ другую, но со стороны религіознаго деспотизма онъ имѣетъ передъ собою только отвлеченный догматъ; личныхъ отношеній къ папѣ и къ церковной власти у него нѣтъ; военный деспотизмъ, напротивъ того, представляется его воображенію въ обаятельномъ образѣ любимаго императора, по приказанію котораго онъ, не задумываясь, готовъ идти на смерть и на мученіе, въ огонь и въ воду. Поэтому, когда происходитъ столкновеніе между религіознымъ элементомъ и военнымъ, послѣдній одерживаетъ рѣшительную побѣду, и мы видимъ, какъ личныя симпатіи, индивидуальныя влеченія французскаго воина торжествуютъ надъ голосомъ отвлеченнаго долга. Но между тѣмъ время проходитъ, лѣта берутъ свое, и тотъ поступокъ, который онъ сдѣлалъ изъ любви къ императору, бывши молодцомъ гренадеромъ, начинаетъ серьезно пугать его воображеніе. Онъ воображаетъ себя проклятымъ, отверженнымъ существомъ, отъ котораго сторонится даже самая смерть. Наконецъ утомленіе жизнью доходитъ до такой степени, что даже любимый образъ Наполеона отодвигается на задній планъ: Рику готовъ продать крестъ Почетнаго Легіона за нѣсколько капель хлороформа. И вотъ приходитъ смерть. А зачѣмъ жилъ этотъ человѣкъ? За что онъ любилъ Наполеона? зачѣмъ, въ послѣдніе годы своей жизни, считалъ себя проклятымъ? Зачѣмъ, зачѣмъ?...

Въ настоящее время, когда вниманіе образованнаго міра обращено на послѣднюю борьбу между защитниками рабства и его врагами, когда въ самой демократической странѣ нашей планеты совершается послѣдняя попытка удержать за однимъ человѣкомъ право смотрѣть на другого человѣка какъ на вьючное животное,— слѣдующій стихотворный разсказъ Гейне окажется не лишеннымъ современнаго интереса:

«Колокола звонятъ къ обѣднѣ и призываютъ на молитву; толпа стремится въ церкви: прекрасное воскресное утро!

«Молодыя матери убаюкиваютъ на колѣняхъ своихъ новорожденныхъ дѣтей; дѣвушки и матроны сидятъ въ прохладной тѣни верандъ.

«А въ это время бѣдная невольница-негритянка, молодая, цвѣтущая красотой, лежитъ и стонетъ на жесткой соломѣ, одна, всѣми оставленная, въ тюрьмѣ.

«Законъ благочестиваго штата Луизіаны опредѣляетъ смертную казнь тому рабу, который подниметъ руку на своего господина.

«Дина,— такъ зовутъ эту дѣвушку, которая, по словамъ закона, принадлежитъ къ человѣческому скоту и отдается въ полное распоряженіе владѣльца,—

«Дина ударила свою госпожу, чтобы защитить

себя отъ побоевъ; она совершила дѣло дозволенной обороны.

«Но буква закона рѣшаетъ дѣло: ее тотчасъ же осудили на смерть, и поэтому она томится въ мрачной тюрьмѣ.

«День ея казни тогда былъ еще далекъ, потому что у нея была страшная надежда сдѣлаться матерью.

«Отецъ этого ребенка, котораго рожденія она ожидала, какъ приближенія своей смерти, былъ супругъ ея строгой госпожи.

«Дина сдѣлалась жертвой его похотливости, и черезъ два мѣсяца родила мальчика, безъ всякой помощи, въ стѣнахъ тюрьмы.

«Изъ ея рукъ вырвали ребенка; не помогли ни просьбы, ни слезы; напрасно бѣснуется львица, у которой отняли дѣтенышей.

«Вслѣдъ затѣмъ заскрипѣли запоры тюрьмы, ее ожидалъ эшафотъ; палачъ ведетъ ее подъ руку на послѣднюю прогулку.

«Вокругъ эшафота собирается любопытная толпа, желающая посмотрѣть на бѣдную преступницу и присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни.»

Впечатлѣніе, производимое на читателя этимъ стихотвореніемъ, приготовляется съ самаго начала его заглавіемъ. Оно называется: «Ein Stück Menschen-Vieh» («Штука человѣческаго скота»), и слѣдовательно самымъ этимъ названіемъ дастъ намъ возможность бросить взглядъ на отношенія между американскими плантаторами и ихъ рабами. По внѣшней формѣ это стихотвореніе совершенно необработано; видно, что поэтъ написалъ только канву, набросалъ основныя черты, изъ которыхъ могло возникнуть современемъ замѣчательное художественное произведеніе; положеніе взято очень характерное; въ короткомъ разсказѣ сгруппированы самые замѣчательные моменты въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ; мы видимъ во-первыхъ, что молодая негритянка ни въ чемъ не смѣетъ отказать своему владѣльцу; ни чувство женской стыдливости, ни желаніе сохранить въ полной неприкосновенности то, что́ женщины называютъ своей добродѣтелью, ни любовь къ другому человѣку,—словомъ, ни что не можетъ избавить молодую и красивую невольницу отъ преслѣдованій похотливаго плантатора; ему дозволены закономъ всѣ средства; побои, жестокія тѣлесныя наказанія, насиліе—все это такого рода домашнія распоряженія, на которыя некуда пожаловаться и въ которыхъ никто не станетъ требовать у хозяина отчета. Къ общественному мнѣнію обратиться невозможно; оно составляется голосами такихъ-же рабовладѣльцевъ, которые у себя дома распоряжаются такъ-же безцеремонно съ человѣческимъ скотомъ, составляющимъ неотъемлемую собственность. Молодая невольница, какъ безотвѣтная жертва, отдается своему господину, а между тѣмъ для нея готовится новое испытаніе; она возбуждаетъ ревность своей госпожи, и гнѣвъ обманываемой супруги обрушивается не на обманщика-мужа, а на его несчастную жертву, на беззащитную невольницу; бѣдной дѣвушкѣ ея несчастіе вмѣняется въ преступленіе; начинается глухое домашнее преслѣдованіе, мелкое тиранство, къ которому такъ способны страстныя и ревнивыя женщины. Между тѣмъ молодая невольница чувствуетъ себя беременной, и вслѣдствіе этого становится раздражительнѣе; ея характеръ измѣняется подъ вліяніемъ ея новаго положенія; госпожа преслѣдуетъ ее сильнѣе прежняго; въ людской на ея счетъ дѣлаются обидные намеки; надъ нею смѣются, ее оскорбляютъ невольницы, забывая то, что съ ними случалось или можетъ случиться то-же несчастіе, которое постигло бѣдную Дину. Наконецъ всякому терпѣнью есть-же предѣлы; когда вездѣ испытываешь оскорбленія, когда на спинѣ чувствуешь слѣды недавнихъ побоевъ, когда впереди видишь горе, безконечный трудъ и невыносимыя лишенія, тогда поневолѣ забудешь всякую осторожность и хоть разъ въ жизни попробуешь сорвать зло на своихъ утѣснителяхъ. Такъ случается съ нашей Диной. Госпожа подвертывается ей подъ руку съ бранью и побоями въ ту минуту, когда у нея накипѣло на душѣ много желчи и горечи; на побои она отвѣчаетъ побоями, и судьба ея рѣшена. Посмотрите на какую хотите породу животныхъ, вы увидите, что самецъ всегда станетъ защищать свою самку; но плантаторъ южныхъ штатовъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила: онъ смотритъ на свою бывшую любовницу, какъ на домашнее животное или какъ на мебель, которою онъ пользовался впродолженіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ; прошла потребность въ этой мебели, и ее можно сломать на дрова безъ малѣйшаго сожалѣнія; владѣлецъ Дины даже не пробуетъ защитить ее противъ гнѣва своей супруги; ему даже пріятно пожертвовать ей свою любовницу и этой ничтожной уступкой возстановить нарушенный миръ домашняго очага. Къ тому-же заступиться передъ судомъ за невольницу, ударившую свою госпожу, значило-бы поднять противъ себя все общественное мнѣніе штата; и вотъ Дину сажаютъ въ тюрьму, а впереди—публичная казнь; ей прочитываютъ смертный приговоръ; но казнить беременную женщину значитъ нанести хозяину денежный убытокъ; приплодъ по всѣмъ правамъ принадлежитъ хозяину, и законы Луизіаны не имѣютъ права посягать на частную собственность; казнь Дины отсрочивается до ея разрѣшенія отъ бремени; она въ тюрьмѣ рождаетъ своему хозяину сына; у нея отнимаютъ новорожденнаго ребенка, который конечно никогда

не будетъ знать родительской ласки и не найдетъ себѣ облегченія въ кровной связи своей съ плантаторомъ. Этого бѣднаго ребенка воспитаютъ въ рабствѣ; онъ останется на всю жизнь рабомъ и вѣроятно не разъ будетъ переносить побои отъ родного отца, отъ родныхъ братьевъ и въ особенности отъ мачихи. А мать этого ребенка, едва оправившаяся отъ родинъ, слабая, истомленная страданіями и душнымъ тюремнымъ воздухомъ, идетъ на эшафотъ и умираетъ отъ руки палача; вокругъ эшафота собирается толпа зѣвакъ, и въ этой толпѣ можно узнать тѣ-же лица, которыя вамъ встрѣтились прошлое воскресенье въ церкви и которыя, со слезами умиленія, слушали поучительныя проповѣди пастора. Въ судьбѣ молодой невольницы, изображенной въ стихотвореніи Гейне, заключается, какъ видите, цѣлая драма или, вѣрнѣе, цѣлая страшная трагедія съ кровавой развязкой. Идея до такой степени преобладаетъ надъ формой, что стихотвореніе это необходимо надо считать простымъ наброскомъ, легкимъ эскизомъ, хотя Гейне можетъ-быть и не имѣлъ въ виду когда-нибудь обстоятельнѣе разработать выраженную въ немъ идею.

Отъ души ненавидя физическое рабство со всѣми его ужасными послѣдствіями, Гейне точно также ненавидѣлъ умственное рабство. Въ собраніи его посмертныхъ стихотвореній отличается преобладаніемъ этого чувства пьеса подъ заглавіемъ: «Она все-таки движется!» («Und sie bewegt sich doch!»)

Вотъ это стихотвореніе, изображающее въ немногихъ штрихахъ отреченіе Галилея отъ своего астрономическаго ученія:

«Не угасай на небосклонѣ, солнце-яркое, свѣтило! Пусть узнаетъ весь міръ то несчастное сужденіе, которое возникло въ воспаленномъ мозгу!

«Галилео Галилеи, мужъ науки, чистый и безгрѣшный, какъ ангелъ, томится въ тюремномъ заключеніи.

«И отчего прогнѣвались на почтеннаго, добродушнаго старика? Оттого, что онъ училъ, будто земля вращается вокругъ солнца!

«Его потащили въ судилище «священной инквизиціи»; его обвинили въ такомъ преступленіи, за которое онъ, какъ сынъ церкви, былъ достоинъ смертной казни.

«Залъ наполненъ монахами; монахи сидятъ вокругъ судейскаго стола; они громко признали его ученіе ложнымъ и еретическимъ.

«Лучи солнца, свѣтите ярче! Шаръ земной, вращайся быстрѣе! Міръ, внемли преступному приговору, произнесенному верховнымъ судилищемъ!

«Взгляните! Покрытый серебристыми сѣдинами, почтенный, величавый старикъ встаетъ съ мѣста, чтобы отречься отъ своихъ изслѣдованій, отъ своего ученія и чтобы проклясть свои мысли.

«По приказанію судей, онъ становится на колѣни, протягиваетъ правую руку надъ евангеліемъ, отрекается отъ своихъ идей, но потомъ встаетъ и, ударивъ ногою объ полъ, говоритъ смѣло, потому что наука не покоряется никакому игу: «земля, ты все-таки движешься!»

Въ этомъ стихотвореніи Гейне выбралъ величественный моментъ. Галилей передъ судомъ инквизиціи воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ критики и изслѣдованія, который, послѣ долговременной и тяжелой борьбы, объявилъ человѣческій разумъ полноправнымъ и совершеннолѣтнимъ. Въ тотъ моментъ, который изображаетъ Гейне, физическая сила очевидно находится на сторонѣ гаспильниковъ; поддерживать свои идеи аргументами эти люди не могутъ и не хотятъ; но горе тому, кто вздумаетъ ихъ вызвать на диспутъ и кто посмѣетъ разойтись съ ними въ мнѣніяхъ; въ распоряженіи монаховъ, произносящихъ судъ надъ достоинствомъ спеціальныхъ научныхъ изслѣдованій, находятся страшныя средства, способныя привести въ ужасъ самаго рѣшительнаго подвижника истины; за монаховъ стоитъ слѣпо-вѣрующая толпа; по одному слову этихъ монаховъ смѣлый поборникъ истины отправляется въ тюрьму, въ инквизиціонный застѣнокъ, на разнообразныя, утонченныя пытки и наконецъ на костеръ; вокругъ костра собирается многочисленная толпа, и въ этой толпѣ нѣтъ ни одного человѣка, въ груди котораго шевельнулось-бы искреннее состраданіе,—ни одного человѣка, на лицѣ котораго отразилось-бы сознательное сочувствіе къ страданіямъ праведника; мужчины и женщины, старики и дѣти смотрятъ на возмутительную казнь, какъ на выраженіе воли Всевышняго, какъ на праведный судъ раздраженнаго Неба, какъ на справедливое воздаяніе за страшное, непростительное проявленіе человѣческой дерзости; они смотрятъ на несчастнаго мученика какъ на отверженное созданіе, обреченное на вѣчное истязаніе въ неугасимомъ пламени. И не понимаютъ эти люди, что мученикъ этотъ трудился для нихъ и для ихъ дѣтей, что онъ умираетъ на кострѣ не за убійство, не за воровство, а за то, что думаетъ о разныхъ предметахъ не совсѣмъ такъ или совсѣмъ не такъ, какъ думаетъ большая часть его современниковъ; не предвидятъ они того, что ихъ-же потомство, въ прямой нисходящей линіи, возвеличитъ и прославитъ проклятаго еретика, а на благочестивые подвиги отцовъ и предковъ посмотритъ съ укоризной, съ отвращеніемъ и съ ужасомъ; и, что всего удивительнѣе, та-же исторія повторяется постоянно; въ каждомъ вѣкѣ есть свои Галилеи, свои инквизиторы; въ каждомъ вѣкѣ есть такіе софизмы, которыми можно одурачить толпу и натравить ее

именно на того человѣка, который горячо любитъ ее и съ дон-кихотскимъ самоотверженіемъ отстаиваетъ ея права и интересы. Что толпа ловится на эти софизмы, это еще не слишкомъ удивительно; толпа долго еще останется слѣпой стихійной силой; средній уровень знаній и умственнаго развитія возвышается въ толпѣ такъ медленно, что, право, со временъ Галилея ума и терпимости въ ней прибавилось очень немного; но странно то, что до сихъ поръ находятся въ высшихъ слояхъ умственной аристократіи такія дон-кихотски честныя натуры, которыя за эту слѣпую и неподвижную толпу готовы идти на казнь или въ изгнаніе. Удивительно, какимъ это образомъ тѣ люди, которымъ знакомы факты историческаго прошедшаго, которымъ извѣстны имена и личности Сократа, Галилея, Гусса, Савонароллы, рѣшаются брать на свои плечи и пытаются повернуть къ лучшему участь своихъ младшихъ братьевъ, участь той толпы, которая привыкла побивать камнями своихъ пророковъ и потомъ ронять на ихъ могилы безполезныя слезы и бросать лавровые вѣнки. Если цѣлыя тысячелѣтія горькаго и постоянно повторяющагося историческаго опыта не могутъ вылечить человѣка отъ дурной привычки или отъ хронической болѣзни жертвовать собою для пользы другихъ, и притомъ такихъ другихъ, которые не поймутъ и не оцѣнятъ его жертвы, то надо предположить, что эта привычка или болѣзнь пустила глубокіе корни въ натурѣ человѣка.

Въ изданіи Штейнмана есть нѣсколько стихотвореній Гейне, обращенныхъ къ Германіи; здѣсь, какъ и вездѣ, Гейне относится къ политической и умственной дѣятельности Германіи съ самой ѣдкой ироніей; его возмущаетъ нерѣшительность и глубокомысліе нѣмцевъ, тратящихъ драгоцѣнное время на схоластическіе споры, неимѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ дѣйствительнымъ, практическимъ нуждамъ родины. Въ области умственной дѣятельности Германіи Гейне осмѣиваетъ академическую рутину, безплодную эрудицію, мертвенность мысли, скрывающуюся подъ обиліемъ выписокъ, ссылокъ и цитатъ. Ясный, конкретный умъ Гейне не терпитъ отвлеченностей и враждуетъ противъ всего туманнаго, неопредѣленнаго и мистическаго. Доктринерство въ области политической жизни, гегелевская діалектика въ области философіи, мертвенность въ области практической нравственности совершенно антипатичны нашему геніальному поэту. Всѣ эти качества, составляющія неотъемлемую принадлежность оффиціальныхъ представителей германской жизни и науки, жестоко осмѣяны какъ въ прежнихъ стихотвореніяхъ Гейне, такъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя теперь собраны и изданы Штейнманомъ. Нѣкоторые ученые и литераторы впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ служили мишенями для самыхъ злыхъ сарказмовъ со стороны Гейне. Эти господа не забыты и здѣсь; Масманъ, Венедей, Луиза Мюльбахъ, Менцель, Генгстенбергъ, всѣ критики-піэтисты, вся школа швабскихъ поэтовъ, постоянно воспѣвающихъ весну, луну и т. п., осмѣяны безъ всякаго состраданія; Гейне, какъ чрезвычайно умный и крайне раздражительный человѣкъ, не могъ ужиться среди той атмосферы тупоумія, скучной серьезности, бездарности и узкаго тщеславія, которая душила его въ Германіи; его ненавидѣли и боялись всѣ эти дюжинные писаки, и это конечно дѣлаетъ ему большую честь. Большая часть чисто-полемическихъ стихотвореній Гейне состоятъ изъ сплошныхъ намековъ на мелкія событія германской прессы и пересыпаны такими откровенными выраженіями, къ которымъ не привыкло ухо русскаго читателя. На этомъ основаніи я передамъ здѣсь въ переводѣ только тѣ стихотворенія Гейне о Германіи, въ которыхъ развивается какая-нибудь общая идея, удобопонятная для нашей публики. Вотъ напримѣръ стихотвореніе «Вы и я»:

«Вы поносите меня, когда во мнѣ закипаетъ молодость и когда я, человѣкъ съ горячей кровью, слѣдую ея внушеніямъ.

«Измѣна!», кричали вы, когда я окрестилъ Іудою того, кто за сребренники продалъ Бога, говорившаго его устами.

«Вы обвиняли меня въ наглой клеветѣ, когда я говорилъ правду и срывалъ зрѣлые плоды съ дерева знанія.

«Вы бранили меня за легкомысліе, когда я смѣялся и шутилъ; еслибы вы могли это сдѣлать, вы-бы вычеркнули мое имя.

«Вписанное огненными буквами въ книгу временъ, вы-бы охотно выскоблили его и вытравили его ядомъ.

«Но оно будетъ сіять, не померкая, до тѣхъ поръ, пока земной шаръ будетъ обращаться вокругъ солнца и пока стрѣлка компаса будетъ указывать на сѣверъ.

«Несмотря на вашу зависть и ваши преслѣдованія, ни одинъ Геростратъ не разрушитъ того памятника, который я построилъ себѣ собственной рукой.»

Первые четыре куплета приведеннаго стихотворенія представляютъ сжатую, но полную характеристику тѣхъ нападковъ, которымъ талантливый и честный человѣкъ подвергается со стороны завистливыхъ и подкупленныхъ рутиперовъ. Рутинеры, какъ извѣстно, ничего не любятъ, кромѣ того мѣстечка, которое обезпечиваетъ собою ихъ бренное существованіе; не любя ни того предмета, которымъ они занимаются, ни той сладенькой идеи, которую они проводятъ въ своей жизни или въ своихъ литературныхъ работахъ, эти господа очень любятъ облекать себя въ красивую драпировку полнаго

безпристрастія и обыкновенно смотрятъ на самые обыкновенные житейскіе вопросы съ такой высшей точки зрѣнія, съ которой вполнѣ познается суетность всего земного и ничтожество отдѣльнаго человѣка, его интересовъ, идей, горячихъ желаній и задушевныхъ стремленій. Не желая высказывать какую-нибудь идею, приложимую къ практической дѣйствительности, ученый рутинеръ обыкновенно останавливается на тщательной переборкѣ голыхъ фактовъ, сшиваетъ эти факты между собою чисто внѣшнимъ образомъ и издаетъ болѣе или менѣе увѣсистый томъ или даже жиденькую брошюру, которые немедленно расхваливаются рутинерами-критиками и съ уваженіемъ упоминаются *коллегами* или *коммилитонами* автора. «Рыбакъ рыбака видитъ издалека», «рука руку моетъ»; въ силу этихъ премудрыхъ пословицъ, рутинеры тщательно поддерживаютъ другъ друга; если послушать ихъ, то надо умилиться тому, сколько геніальныхъ ученыхъ и талантливыхъ литераторовъ развелось на бѣломъ свѣтѣ; рутинеры спорятъ иногда между собою, но такъ какъ споръ обыкновенно касается какого-нибудь мельчайшаго и ни на что ненужнаго факта, то спорящія стороны не роняютъ другъ друга въ общественномъ мнѣніи, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ довести своего противника *ad absurdum*; кромѣ того, какъ бы горячо ни спорили между собою два рутинера, они всегда готовы заключить между собою вѣчный миръ и совокупными силами разгромить того дерзкаго человѣка, который осмѣлится заявить въ своей головѣ присутствіе живой мысли и скептическаго отношенія къ ихъ антикварнымъ трудамъ; съ рутинерами можно спорить, но только надо принадлежать къ ихъ цеху, надо въ спорѣ кружиться въ извѣстномъ кругу понятій и доказательствъ, надо руководствоваться не простымъ здравымъ смысломъ, а здравымъ смысломъ, положеннымъ на извѣстныя ноты, подстриженнымъ по извѣстному образцу; если-же вы вздумаете заговорить какъ самостоятельно мыслящій человѣкъ, то рутинеры возстанутъ на васъ всѣмъ синклитомъ, раздерутъ ризы свои, посыпятъ пепломъ главу, поднимутъ крикъ и вой и объявятъ всему читающему міру о томъ, что появилась новая ересь, достойная, если не пытки и костра, то по крайней мѣрѣ исправительнаго полицейскаго наказанія. Рутинеры стоятъ обыкновенно къ предмету своихъ занятій въ отношеніяхъ чисто утилитарныхъ; они смотрятъ на науку какъ на дойную корову, по весьма справедливому замѣчанію Шиллера; тотъ запасъ идей и свѣдѣній, который они сообщаютъ своимъ слушателямъ или читателямъ съ высоты занимаемыхъ каѳедръ или на страницахъ своихъ журналовъ, составляетъ ихъ капиталъ; съ этого капитала они, смотря по степени своей практической ловкости, берутъ болѣе или менѣе обильные проценты; чтобы доходы рутиперовъ не уменьшались, публика должна считать ихъ идеи за непреложную истину; всякая попытка отнестись критически къ этимъ идеямъ есть посягательство на собственность рутинера; очень понятно, что онъ, рутинеръ, возстанетъ противъ скептика не такъ, какъ представитель противоположнаго мнѣнія, а просто, какъ страждущій собственникъ. Онъ закричитъ: «караулъ! грабежъ!», онъ готовъ будетъ обратиться къ полиціи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Представьте себѣ въ самомъ дѣлѣ положеніе какого-нибудь добродушнаго профессора второстепеннаго германскаго университета; лѣтъ 20 тому назадъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, подающимъ блестящія надежды, этотъ господинъ пріобрѣлъ себѣ довольно значительныя знанія, составилъ себѣ взглядъ на вещи и репутацію, добылъ себѣ каѳедру, отчасти черезъ протекцію, и конечно, какъ слѣдуетъ благоразумному нѣмцу, задремалъ на рано-пріобрѣтенныхъ лаврахъ; но домовитости и аккуратности, свойственной нѣмцу среднихъ лѣтъ, господинъ профессоръ обзавелся семействомъ, сообразивъ предварительно объемъ своего жалованья и убѣдившись въ томъ, что онъ можетъ себѣ позволить *эту роскошь*, т. е. женитьбу по взаимной наклонности и счастье семейнаго очага. Чтобы содержать семейство, надо получать жалованье; чтобы получать жалованье, надо имѣть слушателей; а чтобы имѣть слушателей, надо считаться хорошимъ профессоромъ, отворяющимъ дверь въ храмъ науки, а не въ какой-нибудь завалящій хлѣвъ; что-же прикажете дѣлать такому почтенному отцу семейства, если вдругъ какой-нибудь Гейне пуститъ въ свѣтъ такую ракету, къ которой съ невольнымъ сочувствіемъ обратятся любопытные взоры вѣтряной молодежи; вѣдь это убытокъ, вѣдь это разореніе. Вѣдь каждая новая идея кладетъ охулку на тотъ залежавшійся товаръ, который господинъ докторъ, профессоръ и членъ разныхъ ученыхъ обществъ старается сбыть за хорошую плату въ головы своихъ слушателей! Что-же тутъ дѣлать? Вѣдь не идти-же въ самомъ дѣлѣ по міру съ Frau Professorin и съ чадами! Надо дѣлать то, что дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ купцы, немогущіе выдержать конкуренціи съ заграничными товарами. Надо оплевать и очернить разомъ и тѣ идеи, которыя подрываютъ источники профессорскихъ доходовъ, и тѣхъ людей, которые высказываютъ эти идеи вслѣдствіе твердаго и честнаго убѣжденія. Всякая новая идея врывается въ міръ съ нѣкоторой страстностью, которая постепенно усиливается отъ встрѣчающихся препятствій; эту страстность рутинеры разсматриваютъ черезъ микроскопъ; изъ этой страстности они выкраиваютъ страшное пугало, чтобы выхлопотать противъ самой идеи что-нибудь вродѣ *lettre*

de cachet. Вотъ такіе-то люди такими-то продѣлками выгнали Гейне изъ Германіи; замолчать передъ этими людьми и отвѣтить презрѣніемъ на ихъ грязныя и корыстныя обвиненія значило-бы исполнить ихъ величайшее желаніе. Имъ только и нужно было, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, чтобы никто не обличалъ ихъ ограниченности и не смущалъ ихъ довѣрчивыхъ, юныхъ слушателей и читателей; но Гейне, какъ честный дѣятель, не положилъ оружія; онъ продолжалъ тревожить ихъ своими сарказмами, долетавшими до ихъ слуха съ береговъ Сены; больной, разбитый параличемъ, изнуренный борьбой жизни, поэтъ не умолкалъ и постоянно бросалъ имъ въ глаза свою возрастающую популярность и ихъ безсильную злобу. Въ вышеприведенномъ выше стихотвореніи поэтъ, какъ вы видите, упрекаетъ своихъ враговъ въ несправедливости и злонамѣренности ихъ нападковъ; враги Гейне, какъ онъ самъ говоритъ, нападали на него за горячность, за рѣзкость приговоровъ, за новизну идей и за насмѣшливость и легкость тона. Кто имѣлъ на своемъ вѣку дѣло съ рутинной критикой, тотъ знаетъ, что слова Гейне представляютъ собой полнѣйшее выраженіе истины. Рутинеры не терпятъ горячности, потому что сами они холодны и вялы; рутинеры не терпятъ рѣзкихъ выраженій, потому что сами чувствуютъ за собою грѣхи и боятся правдивой и безпощадной оцѣнки, нескрашенной даже мягкостью внѣшней формы; рутинеры не терпятъ новыхъ идей, потому что новая идея есть смертный приговоръ надъ рутиной и надъ тѣми, кто покоится и пасется подъ ея широколиственной тѣнью; и наконецъ рутинеры не терпятъ шутливаго тона, во-первыхъ потому, что имъ вездѣ чудится злая иронія, а во-вторыхъ потому, что, улыбаясь и шутя, можно легко и быстро объяснить міранамъ такія вещи, которыя люди рутины желаютъ удержать для себя, какъ жреческую символистику; шутливый тонъ связанъ съ популярностью изложенія, а популярность, по мнѣнію многихъ и многихъ ученыхъ идіотовъ, *унижаетъ достоинство науки;* мы-же съ своей точки зрѣнія переведемъ эту послѣднюю фразу такъ: популярное изложеніе разливаетъ элементарныя свѣдѣнія въ массу общества и вслѣдствіе этого опять-таки убавляетъ доходы рутинеровъ. Еслибы только два десятка профессоровъ могли объяснить удовлетворительно законы свободнаго паденія тѣлъ, то конечно эти двадцать свѣтилъ были-бы провозглашены великими мудрецами; на ихъ лекціи стекались-бы сотни слушателей и, соразмѣрно съ этимъ, возрастали-бы или по крайней мѣрѣ упрочивались-бы ихъ доходы. Когда-же наука выходитъ изъ университетовъ и академій и начинаетъ ходить по улицамъ, тогда надо быть дѣйствительно замѣчательнымъ дѣятелемъ, чтобы обратить на себя вниманіе, чтобы съ почетомъ удержаться на каѳедрѣ и чтобы впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ кормить жену и дѣтей результатами своихъ ученыхъ подвиговъ. Чѣмъ шире распространены грамотность и элементарное образованіе, тѣмъ сильнѣе становится конкуренція на мѣста преподавателей, всякое молодое, свѣжее или зрѣлое и крѣпкое дарованіе найдетъ себѣ поле дѣятельности, но зато рутина и посредственность будутъ сбиты съ пьедестала и затеряются въ толпѣ. Стало быть, популяризированіе знаній ни для кого не представляетъ такихъ серьезныхъ опасностей, какъ для тѣхъ людей, которые держатъ въ рукахъ монополію знаній и выдаютъ себя за ревностныхъ подвижниковъ просвѣщенія.—Разборъ двухъ стихотвореній Гейне далъ мнѣ такимъ образомъ поводъ поставить рядомъ два типа людей: одни, подобно Галилею, работаютъ по внутренней потребности, совершаютъ чудеса въ разрабатываемой ими области и въ награду за свои подвиги попадаютъ на костеръ или отправляются въ изгнаніе; другіе работаютъ по разсчету, перестаютъ трудиться, какъ только имъ удастся составить себѣ репутацію и жить рентами съ приобрѣтеннаго умственнаго капитала, морочатъ молодыхъ людей фразами, забиваютъ въ нихъ охоту мыслить сухостью своего изложенія и въ награду за свои подвиги попадаютъ на академическое кресло или отправляются еще куда-нибудь повыше. Какое общее заключеніе можно вывести изъ этой неутѣшительной параллели? А то заключеніе, что человѣкъ самъ по себѣ предоброе, премилое и преблагородное существо: въ немъ пропасть силъ, пропасть желанія примѣнить эти силы такъ, чтобы и себѣ, и другимъ было хорошо и удобно, пропасть мягкости, готовности уступить другому и въ свою очередь съ признательностью принять отъ другого радушно-предложенную уступку. Но попробуйте этого-же самаго милѣйшаго человѣка втолкнуть въ тѣсную комнату съ маленькимъ окошечкомъ, биткомъ набитую другими людьми и получающую со двора слабый притокъ свѣжаго воздуха,—нашъ милѣйшій человѣкъ задохнется или, что всего вѣрнѣе, начнетъ драться съ своими новыми сожителями, чтобы протѣсниться къ окошечку. Если у милѣйшаго здоровые локти и бока, онъ пробьется, начнетъ дышать свѣжимъ воздухомъ и навѣрное очень жестко будетъ отталкивать тѣхъ джентльмэновъ, которые въ свою очередь будутъ ловить глотокъ кислорода. Тутъ ужъ гуманность въ сторону, когда уступить—значитъ умереть и когда вся жизнь должна быть борьбой не съ обстоятельствами, какъ риторически выражаются писатели и простые смертные, а съ такими-же живыми людьми, которыхъ мы обязаны, видите-ли, любить какъ своихъ братьевъ и какъ самихъ себя. А почему-же, спроситъ любозна-

тельный читатель, жизнь должна быть такой ожесточенной борьбой?—Почему, да почему!—Ну, стало быть, такъ ужъ суждено; я, ей Богу, не знаю!

Да, жизнь была-бы совершенно невыносима, еслибы въ ней не было ничего, кромѣ драки за кусокъ хлѣба и за право жить въ свое удовольствіе. Къ счастью для человѣка, въ самой сѣрой трудовой и задорной жизни бываютъ свѣтлыя, теплыя, упоительныя минуты, минуты сіяющаго счастья, минуты тихаго благоухающаго довольства, минуты безмятежнаго спокойствія. Человѣкъ, измученный тычками и пиньками, получаемыми отъ разныхъ сосѣдей по жизни, человѣкъ, утомленный тѣмъ напряженіемъ нервовъ и мускуловъ, которое необходимо для того, чтобы возвращать эти тычки и пинки по принадлежности, человѣкъ этотъ отдыхаетъ и крѣпнетъ, когда ему удается въ теплый лѣтній вечеръ броситься въ пахучую траву, надышаться чистымъ воздухомъ, насмотрѣться на голубую даль, на тихую зыбь спокойнаго, свѣтлаго озера, на зеленую листву здоровой растительности. Мы любимъ природу, мы любимъ жизнь, когда она насъ гнететъ и не разрушаетъ; мы рады хоть на нѣсколько минутъ сложить оружіе, оставить задорную позу, забыть желѣзный вѣкъ и его реальныя, неотразимыя требованія; мы рады хоть нѣсколько минутъ пожить одной жизнью съ природой, смотрѣть, слушать, дышать, не резонерствуя, не умничая, не полемизируя. Такія минуты коротки: того и гляди, откуда нибудь заслышится тревога; но чѣмъ короче подобныя минуты, тѣмъ онѣ дороже. Кромѣ внѣшней природы, у человѣка есть еще другое убѣжище—любовь женщины. Гейне великолѣпно понимаетъ и то, и другое; онъ, ветеранъ мысли, стоявшій на брешѣ слишкомъ двадцать лѣтъ, оставилъ намъ нѣсколько сотъ мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ уловлены самые разнообразные и тонкіе оттѣнки человѣческихъ наслажденій; для Гейне жилъ своей жизнью каждый вновь распускавшійся цвѣтокъ; его радовало, какъ проявленіе жизни, щебетаніе каждаго жаворонка, суетливая дѣятельность ласточки, бойкое чириканье воробья. Онъ наслаждался легкими, глазами, ушами; онъ ловилъ своими пятью чувствами все, что въ окружающей насъ природѣ нѣжитъ, ласкаетъ, грѣетъ и освѣжаетъ человѣка; это обиліе наслажденій, непребовавшихъ никакихъ искусственныхъ приготовленій, одинаково доступныхъ богачу и пролетарію, было необходимо для Гейне; надо было много наслаждаться, всей грудью вдыхать въ себя свѣжія впечатлѣнія, чтобы такъ долго бороться съ ложью жизни и такъ ѣдко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ обаятельно смѣяться надъ людскими глупостями. Сарказмъ Гейне—не головной сарказмъ; онъ не выдуманъ, не подобранъ; онъ выливается такъ-же свободно, такъ-же образно, какъ самое свѣжее лирическое стихотвореніе; въ немъ такъ-же много души и чувства, какъ въ какомъ-нибудь страстномъ обращеніи поэта-юноши къ цвѣтущей природѣ или къ любимой женщинѣ. Чтобы владѣть такимъ сарказмомъ, надо до послѣдней минуты сохранить полную способность жить и наслаждаться, потому что только въ наслажденіи человѣкъ обновляетъ свои силы. Живучесть нашего поэта, его воспріимчивость къ звукамъ природы и къ наслажденію, въ какой-бы формѣ оно ни представилось, превышаетъ всякое вѣроятіе. Какъ ни мучили его люди, какъ ни уродовала его болѣзнь, онъ все-таки любилъ жизнь и все-таки находилъ себѣ отраду.

Въ изданіи Штейнмана есть нѣсколько обаятельно свѣжихъ произведеній Гейне, въ которыхъ поэтъ выражаетъ самыя теплыя, любовныя отношенія къ наслажденіямъ жизни. Къ числу такихъ стихотвореній относится напримѣръ «Первый поцѣлуй подъ солнцемъ».

Воодушевленіе поэта доходитъ до такихъ размѣровъ, что онъ даже отступаетъ отъ своего обыкновеннаго трезваго міросозерцанія: онъ представляетъ себѣ, что во всемъ мірѣ развита общая жизнь, что вся природа пропикнута одной идеей и что всѣ отдѣльные лучи свѣта, теплоты и жизни сосредоточиваются въ одномъ фокусѣ. Діаметрально противуположно по проведенному взгляду на вещи слѣдующее короткое стихотвореніе, также помѣщенное въ изданіи Штейнмана:

«Міръ, ты—молодая дѣвушка, міръ, ты—брокенская вѣдьма, смотря по тому, черезъ какія очки смотрѣть на тебя: черезъ выпуклыя, или черезъ вогнутыя.

«Но если смотрѣть на тебя астрономически, черезъ телескопъ,—то у тебя не найдется половыхъ частей, и ты окажешься гермафродитомъ.»

Насчетъ міросозерцанія Гейне я распространяться не буду. Поговорю лучше объ отношеніяхъ его къ женщинѣ. Гейне смотрѣлъ на женщину, какъ на источникъ величайшихъ наслажденій, но дальше этого взгляда онъ не шелъ; женщина удовлетворяла самымъ утонченнымъ требованіямъ его нервной системы, но она не шевелила его мозговыхъ нервовъ: онъ любилъ въ женщинѣ пластическую красоту, граціозное сочетаніе линій, контуровъ и красокъ, женственную мягкость и кокетливое остроуміе, но не становился съ женщиной въ равноправныя отношенія, не говорилъ съ нею серьезно, не сообщалъ ей задушевныхъ идей и убѣжденій, и самъ рѣшительно не заботился о томъ, какъ она смотритъ на міръ, на жизнь и на человѣка. Онъ шалилъ, игралъ съ женщиной, находилъ, что эти шалости составляютъ лучшее украшеніе жизни, но, кажется,

не считалъ возможнымъ стоять съ женщиной подъ однимъ знаменемъ и смотрѣть на нее какъ на честнаго и стойкаго союзника. Его эротическія стихотворенія всѣ до одного носятъ на себѣ печать этого воззрѣнія; никогда онъ не говоритъ съ женщиной или о женщинѣ безъ какой-то снисходительной улыбки, которая даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ не покидаетъ его губъ. Гейне не могъ возвыситься до тѣхъ серьезныхъ и глубокихъ отношеній, въ которыхъ, по собственному своему признанію, Джонъ Стюартъ Милль находился къ своей покойной женѣ. Люди, ратующіе теперь за полноправность женщины, имѣютъ полное право упрекнуть Гейне въ легкости его воззрѣній на женщину; этотъ упрекъ будетъ справедливъ, но жестокъ. Для человѣка, работавшаго и сражавшагося съ рутиной втеченіи всей своей жизни, для скитальца, изгнаннаго изъ родины, для поэта съ пылкими страстями и съ впечатлительными нервами необходимо было имѣть теплый уголокъ, отогрѣваться въ объятіяхъ женщины, отдыхать и обновляться ея страстными ласками. Послѣ труда необходимъ былъ полный отдыхъ, а перевоспитываніе любимой женщины — опять-таки дѣятельность,—дѣятельность обаятельная, но все-таки истощающая силы. Реформировать тѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался, у нашего поэта недоставало силъ; измученный борьбой жизни, онъ входилъ къ любимой женщинѣ единственно для того, чтобы подышать другимъ воздухомъ, чтобы пошутить, подурачиться, приласкаться. Можно-ли за это быть въ претензіи на Гейне? Можно-ли требовать отъ человѣка, поднимающаго на плечи десять пудовъ, чтобъ онъ поднялъ еще пять, да еще чтобы онъ не осмѣливался нигдѣ присѣсть и перевести духъ? Вѣдь это жестоко; вѣдь это значитъ прямо требовать, чтобы человѣкъ надорвался. А Гейне и безъ-того былъ надорванъ жизнью. Страданія взяли свое—и великій поэтъ умеръ отъ мучительной нервной болѣзни, превратившись задолго до своей смерти въ разлагающійся трупъ. Стоитъ прочесть въ изданіи Штейнмана отдѣлъ стихотвореній «Aus der Matratzengruft» («Изъ постельной могилы»), чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, что̀ вынесъ этотъ великій страдалецъ.

III.

Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ. Сатирическая бывальщина *Гермогена Трехзвѣздочкина*.

Когда мнѣ было лѣтъ семь или восемь, когда я учился французскому языку, мнѣ часто приходилось переводить анекдотъ слѣдующаго содержанія: «Одинъ драматическій писатель послалъ въ дирекцію театра комедію своего сочиненія. Къ этой комедіи было приложено письмо, въ которомъ авторъ извѣщалъ дирекцію, что онъ написалъ свою комедію въ двѣнадцать дней. Дирекція просмотрѣла комедію и возвратила ее съ помѣткой, что автору слѣдуетъ употребить двѣнадцать мѣсяцевъ для того, чтобы исправить свое произведеніе». Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я переводилъ этотъ анекдотъ съ французскаго языка на русскій, и обратно; съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось до нѣкоторой степени познакомиться съ міромъ литературныхъ дѣятелей и литературныхъ рабочихъ, и я тутъ припомнилъ давно забытый анекдотъ и вполнѣ убѣдился въ его справедливости. Самолюбіе литератора запосчиво и мелочно, щекотливо и необузданно; это самолюбіе постоянно встрѣчаетъ себѣ заслуженные щелчки и все-таки не унимается.

Плодомъ такого неудержимаго самолюбія явилась книга: «Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ». Эта книга снабжена введеніемъ, изъ котораго мы узнаемъ два любопытные факта о личности автора, скрывшаго свое подлинное имя подъ оригинальнымъ псевдонимомъ Гермогена Трехзвѣздочкина.

Первый фактъ тотъ, что вся книга написана въ четыре недѣли. «Это была,—говоритъ авторъ,—импровизація сердца, это были вопли души, убитой полнымъ равнодушіемъ и жестокимъ злорадствомъ нѣкоторыхъ». Второй фактъ тотъ, что авторъ импровизаціи впродолженіи тридцати лѣтъ питалъ постоянную дружбу къ Алексѣю Алексѣевичу Одинцову, которому и посвящается вся книга, написанная даже вслѣдствіе его совѣта.—То, что я назвалъ введеніемъ, представляетъ, собственно говоря, лирическое обращеніе автора къ своему испытанному другу; какъ лирическое обращеніе, оно въ полномъ своемъ составѣ для публики не попятно и не интересно. Мы, публика, имѣемъ право вывести изъ него слѣдующія заключенія: Трехзвѣздочкинъ уже не молодъ и притомъ одержимъ неистовой охотой писать. Если даже предположить, что онъ подружился съ Одинцовымъ, когда ему было лѣтъ десять, то теперь автору «сатирической бывальщины» окажется сорокъ, стало быть, пора юношескихъ порывовъ и бѣшенаго вдохновенія прошла безвозвратно и притомъ безслѣдно; Трехзвѣздочкинъ самъ признаетъ себя рекрутомъ въ фалангѣ писателей; но, воля ваша, чтобы въ мѣсяцъ написать цѣлую книгу въ 244 стр., надо обладать значительной бѣглостью пера, такой бѣглостью, которая, сколько мнѣ извѣстно, недоступна самымъ плодовитымъ изъ нашихъ журнальныхъ писателей. Несмотря на эту бѣглость, которая сама по себѣ составляетъ немаловаж-

ное достоинство, я осмѣлюсь выразить предположеніе, что Трехзвѣздочкинъ останется скромнымъ рекрутомъ, и что пріемъ, который сдѣлаетъ публика его «импровизаціи», больно растравитъ раны его оскорбленнаго самолюбія Повѣсть или романъ, который онъ разсказываетъ въ своей книгѣ, представляетъ одну изъ безчисленныхъ варіацій на давно избитую тему. Прожившійся дворянчикъ женится на купеческой дочкѣ, чтобы породниться съ богатымъ купцомъ и запустить руку въ его непочатой сундукъ. Въ первой части «сатирической бывальщины» все идетъ самымъ казеннымъ порядкомъ; тутъ есть и гостинница, въ которую промотавшійся герой, Валерьянъ Николаевичъ Шугаровъ, задолжалъ за нѣсколько мѣсяцевъ; тутъ есть и буфетчикъ, дающій тому-же герою деньги въ кредитъ, вѣроятно потому, что иначе Валерьяну Николаевичу невозможно будетъ исполнить приказаній своего автора; тутъ подвертывается очень кстати пріятель Шугарова съ рекрутской квитанціей, которая даетъ герою возможность познакомиться съ семействомъ богатаго купца Сермяжникова: тутъ, ну, однимъ словомъ—тутъ авторъ устраняетъ всѣ препятствія; Гермогенъ Трехзвѣздочкинъ разсуждаетъ вѣроятно такъ: я—авторъ, я выдумалъ этихъ людей, я создалъ это положеніе, ну, стало быть, я воленъ распоряжаться ими, какъ мнѣ угодно; а если какой-нибудь пахалъ-критикъ, по зависти къ моей изобрѣтательности, вздумаетъ доказывать мнѣ, что я вру на дѣйствительность, то я отвѣчу ему, что это не его дѣло, назову его злонамѣреннымъ и злорадымъ клеветникомъ, напишу чувствительное посланіе къ моему старому другу и въ двѣ недѣли выдумаю новую вереницу лицъ и положеній. Для Трехзвѣздочкина не существуетъ затрудненій; ему надо, чтобы его герой познакомился съ купеческой дочкой, — сейчасъ является на выручку рекрутская квитанція; надо, чтобы этотъ герой поправился своей будущей супругѣ,—это достигается двумя-тремя комплиментами; надо сдѣлать подарокъ горничной,—сейчасъ-же оказывается, что у Шугарова подъ руками платье, которое ему поручили передать его сестрѣ. Авторъ «сатирической бывальщины» не задумывается надъ средствами; онъ запутываетъ и распутываетъ интригу, не обращая никакого вниманія на законы логики и правдоподобія; дѣло кончается тѣмъ, что его герой, похожій, какъ блѣдная копія, на Хлестакова или Вихорева, женится на толстой дочери богатаго купца и сверхъ всякаго ожиданія становится образцовымъ мужемъ, хорошимъ хозяиномъ и во всѣхъ отношеніяхъ добродѣтельнымъ человѣкомъ.

Уже изъ одного этого обстоятельства мы можемъ заключить, что авторъ смотритъ на жизнь и на людей почти такъ-же наивно и добродушно, какъ покойный Карамзинъ, авторъ «Бѣдной Лизы» и «Исторіи государства Россійскаго». Оптимизмъ Трехзвѣздочкина выписовывается еще яснѣе во второй части его произведенія. Тутъ онъ рѣшаетъ такую задачу, передъ которой отступали величайшіе дѣятели нашей литературы: дѣятели эти къ сожалѣнію всѣ были болѣе или менѣе пессимистами и никакъ не умѣли возвыситься до той умилительной наивности воззрѣній, на которую съ перваго раза отважился Трехзвѣздочкинъ. Въ произведеніяхъ нашихъ дѣятелей случалось всегда такъ, что одолѣвали самодуры и что подъ ихъ тяжелыми стонами задыхалось и вымирало возникавшее движеніе жизни. У Трехзвѣздочкина выходитъ совсѣмъ наоборотъ, и даже вторая часть его бывальщины украшена заманчивымъ заглавіемъ: «Побѣда надъ первымъ самодуромъ». Я, признаюсь, приступилъ съ замираніемъ сердца къ чтенію этой второй части. Что, если, думалъ я, содержаніе этихъ 114 страницъ соотвѣтствуетъ заглавію? Что, если дѣйствительно Трехзвѣздочкинъ укажетъ намъ средство радикально излечивать людей, одержимыхъ бѣсомъ самодурства: вѣдь это будетъ рай земной, блаженство, а не жизнь. Всѣ наши страданія происходятъ отъ того, что мы сами дуримъ и что дурятъ окружающіе насъ люди; когда это повсемѣстное преобладаніе глупости будетъ опрокинуто, тогда буквально потекутъ рѣки молока и меда; и все это найти за 2 р. 50 к. въ книгѣ совершенно непзвѣстнаго писателя, согласитесь, что это такое счастье, отъ котораго можетъ закружиться голова. Человѣкъ всегда расположенъ надѣяться; надежда, кроткая посланница небесъ, даетъ намъ силы переносить дрязги нашей отвратительной жизни, дрязги отъ климата, дрязги отъ денежныхъ дефицитовъ, дрязги отъ глупостей и подлостей человѣческаго рода. Когда на дворѣ смертельный холодъ, мы надѣемся, что будетъ оттепель; когда на улицахъ стоятъ непроходимыя лужи, мы надѣемся, что ихъ какъ-нибудь разметутъ; когда мы завалены безплодной работой, мы надѣемся, что авось будетъ когда-нибудь полегче; не только человѣкъ, даже собака и та надѣется; когда хозяинъ начинаетъ ее бить, она визжитъ, а сама все-таки надѣется: ну, думаетъ себѣ, ударитъ, побьетъ, больно побьетъ, а все-же когда-нибудь да перестанетъ; и вѣдь, знаете-ли, собака не ошибается: дѣйствительно побьетъ и перестанетъ; она полижетъ руку и на будущее время будетъ надѣяться пуще прежняго. Но я, какъ рецензентъ, оказался гораздо несчастнѣе собаки: я прочиталъ 130 страницъ, нашелъ, что онѣ наполнены невообразимой чепухой, и думалъ на томъ покончить, но мнѣ бросилось въ глаза заманчивое до нельзя заглавіе второй части, я понадѣялся: не все-

же Трехзвѣздочкинъ будетъ говорить вздоръ,—началъ читать и жестоко разочаровался. Вторая часть вышла не въ примѣръ безобразнѣе первой, а средство побѣждать самодурство оказалось ужаснѣйшимъ пуфомъ, достойнымъ самаго отчаяннаго идеалиста. Дѣло вотъ въ чемъ: Шугаровъ женился на дочери Сермяжникова, и женился, какъ я уже говорилъ, потому, что прокутилъ свое наслѣдство, а жить и жуировать желалъ попрежнему. Съ женой онъ зажилъ какъ нельзя лучше; занялся ея образованіемъ, научилъ ее одѣваться, какъ слѣдуетъ, и даже ввертывать въ разговоръ французскія слова, и даже читать какія-то умныя книжки, которыхъ заглавія впрочемъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, не помѣчены въ «сатирической бывальщинѣ». Гуманизируя такимъ образомъ свою жену, Шугаровъ не забылъ и тестя, хотя конечно перевоспитать кряжистаго старовѣра-купца, да еще вдобавокъ милліонера, было совсѣмъ не такъ легко, какъ отполировать молодую женщину, страстно привязанную къ своему развивателю. Педагогическія упражненія свои надъ старымъ самодуромъ Шугаровъ началъ съ слѣдующей, весьма оригинальной продѣлки. У Сермяжникова была роща, купленная имъ на имя той самой дочери, которая вышла замужъ за Шугарова; М-me Шугарова дала своему мужу довѣренность, а мужъ этотъ, чтобы уплатить свои долги, пріобрѣтенные до свадьбы, взялъ да и заложилъ куда-то въ частныя руки тятенькину рощу. Вы не угадываете, читатель, какую связь эта продѣлка имѣетъ съ гуманизаціей стараго купца. О, вы недогадливы, почти такъ-же недогадливы, какъ я самъ; я тоже, читая бывальщину, не понималъ, къ чему клонится дѣло, а на повѣрку вышло, что эта штука не что иное, какъ первый урокъ. Педагоги твердятъ постоянно, что надо учить дѣтей шутя и играя, вотъ Шугаровъ и сыгралъ штуку, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія читателя и рецензента.

Узнавши о томъ, какимъ манеромъ зять начинаетъ его обтесывать, старый Сермяжниковъ разсвирѣпѣлъ; онъ тоже не понялъ, что все это дѣлается для его-же пользы; потребовалъ къ себѣ своего молодчика-зятя, накричалъ, пашумѣлъ, хотѣлъ даже поколотить его, но тутъ Шугаровъ, вспомнивъ святое назначеніе педагога, немедленно вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей и даетъ самодуру второй урокъ; онъ схватываетъ стулъ и замахивается имъ надъ самой головой тятеньки, а потомъ произноситъ краткое, но крѣпкое слово. Прошу васъ, господа читатели, обратить вниманіе на тотъ фактъ, что Шугаровъ только замахивается, а не разитъ; онъ, стало-быть, принадлежитъ къ новой школѣ педагоговъ; онъ наказываетъ непослушнаго воспитанника страхомъ палки, а не самой палкой,—разница, какъ видите, огромная; достоинство человѣка спасено и въ то-же время воспитаннику внушенъ спасительный страхъ. Самодуръ утихаетъ, потомъ отправляется къ какой-то княгинѣ; та его усовѣщиваетъ окончательно, исторгаетъ изъ его очей слезы раскаянія и умиленія, заставляетъ его на-вѣки отказаться отъ самодурства и убѣждаетъ его въ необходимости отдѣлить дочери и зятю по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ серебромъ. Самодуръ окончательно растаиваетъ отъ этихъ словъ; кланяется въ ноги матушкѣ-княгинѣ, благодаритъ ее за то, что она его, дурака, наставила на путь истины, и обѣщается свято исполнить ея совѣты. Пріѣхавъ домой, Псой Ваоусьевичъ мирится съ зятемъ, находитъ себя во всемъ виноватымъ, благодаритъ и его также за ученіе и потомъ отдѣляетъ ему съ женою такой кушъ, на который немедленно покупается имѣніе въ тысячу душъ. Вотъ тебѣ и разъ! Изъ этой замысловатой были можно вывести во-первыхъ нравоученіе, а во-вторыхъ—практическое заключеніе.

Нравоученіе. Если ты, о читатель, находишься въ затруднительномъ положеніи,ищи себѣ богатую невѣсту.

Если ты задолжалъ, плати долги деньгами супруги; если у нея нѣтъ денегъ, продавай и закладывай ея вещи; если у нея нѣтъ вещей, стащи что-нибудь у ея тятеньки и, продавъ священную вещь, откупись отъ долгового отдѣленія и спаси такимъ манеромъ свою дворянскую честь.

Если тятенька узнаетъ объ участи своей вещи, не робѣй; если онъ станетъ укорять тебя въ посягательствѣ на чужую собственность, воспрянь въ полномъ величіи оскорбленной гордости, смѣлой рукой схвати тяжелый стулъ, взмахни имъ надъ головой обидчика и опять-таки заговори взволнованнымъ голосомъ о долгѣ и чести дворянина.

Поступая такимъ образомъ, ты, о читатель, поправишь свои разстроенныя обстоятельства, составишь счастье той женщины, которая кинется въ твои объятія душой и тѣломъ, одержишь окончательную побѣду надъ закоренѣлымъ самодурствомъ ея отца и, въ заключеніе, сдѣлаешься обладателемъ великолѣпнаго имѣнія и отличнаго каменнаго дома. Ты сдѣлаешь такимъ образомъ великое добро себѣ и другимъ, исполнишь какъ слѣдуетъ назначеніе человѣка и умрешь въ мирѣ, съ спокойной совѣстью.

Практическое заключеніе. Любезный читатель, если васъ одолѣваютъ самодуры, то вы распорядитесь съ ними такъ: сначала половчѣе надуйте ихъ, потомъ шарахните ихъ по головѣ какимъ-нибудь тяжелымъ дрекольемъ; повторяйте оба эти маневра какъ можно чаще и будьте увѣрены, что вы скоро избавитесь отъ самодуровъ, и что они-же сами придутъ васъ благодарить за ваши заботы.

Любезный читатель, согласитесь, что все это ужасно нелѣпо и даже перестаетъ быть смѣшнымъ; я самъ это сознаю и пишу только потому, что я самъ—лицо подначальное; что̀ намъ велятъ писать, то мы пишемъ; чего не велятъ писать, того не пишемъ; бьемся, какъ рыба объ ледъ, пляшемъ, какъ карась на сковородѣ, смѣемся, когда кошки на сердцѣ скребутся... Эхъ, ужъ и не говорилъ-бы! Ну, ихъ совсѣмъ! Приведу вамъ лучше препотѣшное мѣсто изъ «сатирической бывальщины», именно самый эпилогъ:

«Итакъ, побѣда надъ однимъ изъ самодуровъ была полная, совершенная: оно пало, это самодурство, и уже болѣе никогда не поднималось. И такимъ образомъ въ одинъ и тотъ-же часъ, въ одной и той-же комнатѣ, въ одномъ и томъ-же лицѣ совершилось и возстаніе, и паденіе (sic!); возсталъ падшій ангелъ, пало возносившееся когда-то высоко самодурство. И чудо это совершилось отъ одного только легкаго дуновенія цивилизаціи... Что-же станется съ человѣчествомъ, когда подуетъ полный, попутный вѣтеръ прогресса и накренитъ впередъ всѣми парусами тотъ гигантскій левіаѳанъ цивилизаціи, на которомъ человѣчество плыветъ по безпредѣльному океану жизни... Но откуда, но куда, но зачѣмъ?.. И не разгадать того во вѣки уму человѣческому!.. Преклонимся-же передъ этой густой завѣсой будущаго: не въ мочь хилой человѣческой рукѣ приподнять эту тяжелую завѣсу; не выдержать его слабому, непривычному зрѣнію сіянія того солнца, которому суждено освѣщать отдаленную будущность нашей расы. Параличъ разобьетъ эту дерзкую руку, мгновенная слѣпота поразитъ это слабое зрѣніе и вящшій мракъ разольется окрестъ человѣчества, отъ его преждевременнаго и богопротивнаго домогательства. Предоставимъ-же рукѣ Божественнаго Промысла мало-по малу приподнимать эту завѣсу, такъ что постепенно окрѣпнетъ человѣческое зрѣніе и люди будутъ въ состояніи беззавѣтно и согрѣваться, и освѣщаться лучами солнца вездѣсущихъ разума, справедливости и человѣколюбія, и уже болѣе не бояться ослѣпнуть отъ лучезарнаго сіянія солнца Безусловной Правды.»

Я васъ спрашиваю, господа читатели, возвышался-ли самъ Гаврило Романычъ до такого паоса созерцанія?—Нѣтъ, не возвышался! Доходилъ-ли самъ Кифа Мокіевичъ до такихъ глубокихъ и всеобъемлющихъ выводовъ?—О, нѣтъ, не доходилъ!

Я-бы никогда не позволилъ себѣ во второй разъ утруждать читателей «Русскаго Слова» отчетомъ о литературныхъ трудахъ Гермогена Трехзвѣздочкина, еслибы этотъ господинъ не обвинилъ меня печатно въ пристрастіи, въ несправедливости, во лжи и пр. Всѣ эти обвиненія посыпались на меня за рецензію, помѣщенную мною въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала. Чтобы показать моимъ читателямъ, что отзывъ мой о книгѣ Трехзвѣдочкина былъ очень снисходителенъ, я въ этой статьѣ не буду говорить отъ себя почти ни одного слова. Представлю читателямъ букетъ выписокъ, и пусть они сами судятъ книгу и произносятъ надъ нею приговоръ.

Вотъ, напримѣръ, о воспитаніи: «Ну, и наградите его, да только не изюмцемъ и не яблочкомъ... А дайте ему въ соприкасалище, т. е. постегайте его маленько извѣстными и по извѣстной. Это будетъ для него не въ примѣръ «пользительнѣе» вашего изюмца и яблочка, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ».

Вотъ остроуміе: «Что-же касается до конторскаго кота Васьки, который имѣлъ чрезвычайно много и ума, и гонору, и ни капли мѣднаго лба, то, услышавъ рѣзкій о себѣ отзывъ Виссаріона I, рѣшился сильно и немедленно протестовать, и для этого собралъ на митингъ въ конторскомъ подвалѣ всѣхъ красноярскихъ котовъ и промяукалъ передъ ними блистательную рѣчь въ защиту своей чести. Вотъ образчикъ этого котовскаго краснорѣчія»:

И затѣмъ слѣдуетъ на десяти страницахъ сцена между кошками.

Вотъ изображеніе сильнаго чувства: «За малѣйшее оскорбленіе моего самолюбія буду мстить здѣсь, до гроба, и даже тамъ, за гробомъ. Если не успѣю выместить на самомъ обидчикѣ, буду мстить его женѣ, сестрѣ, брату, дѣтямъ, внучатамъ, правнучатамъ. А если никого изъ нихъ не окажется, и обидчикъ мой умретъ прежде, нежели я успѣю ему отмстить, тогда я проберусь ночью, какъ тать, на кладбище, самъ своими руками разрою его могилу, достану гробъ, выну кости моего обидчика и буду ругаться надъ ними, буду топтать, попирать ихъ моими ногами, стану плевать, харкать на нихъ и размечу ихъ на всѣ четыре стороны!»

Вотъ мнѣніе Трехзвѣдочкина о современной литературѣ: «Слѣпцы!... имъ нужны авторитеты, а не таланты... Какъ пѣтухи, которые копаются въ навозныхъ кучахъ и отыскиваютъ въ нихъ одни овсяныя или другія зерна, бросая съ презрѣніемъ попавшійся имъ случайно алмазъ или жемчужину, они роются въ навозной кучѣ земной жизни и отыскиваютъ въ ней не новые и свѣжіе таланты, а авторитеты, въ которые вѣруютъ слѣпо, безконтрольно, мѣряя ихъ на аршинъ мелочныхъ, но непосредственныхъ барышей. И вотъ попалось въ ихъ пѣтушиный клювъ зерно, то есть статейка, такъ себѣ, но за подписью авторитета и порой какого?... Отысканнаго кѣмъ-то въ закоулкахъ Апраксина или Щукина двора у какого-то букиниста и вымѣняннаго, какъ библіографическая рѣдкость, но только подозрительнаго достоинства...

И вотъ нашъ пѣтухъ, со статьей въ клювѣ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ и карабкается на заборъ. А другіе пѣтухи, его собраты по навозной кучѣ, глядя на него, кричатъ во все пѣтушиное горло: *кукуреку!* Смотрите, смотрите! у нашего собрата въ клювѣ геніальная статья, *перлъ созданія*, плодъ глубокой учености и высокаго таланта нашего Апраксинскаго авторитета! Кукуреку, ку-куреку!!.. Ну, а за этими пѣтухами и нѣкоторыя хохлатыя куры вторятъ своимъ мужьямъ и горланятъ во всю куричью глотку: кудахъ-тахъ-тахъ, кудахъ-тахъ-тахъ!»

Вотъ дѣяніе того героя, которому вполнѣ сочувствуетъ авторъ: «Громиловъ, весь погруженный въ разговоръ съ купчикомъ и словно пробужденный отъ сна, встрепенулся, поднялъ голову и, сказавъ: «Дерзкая маска!» со всего размаху послалъ ей въ накрахмаленныя юбки и пониже спины сильнѣйшаго шлепка, который, какъ пистолетный выстрѣлъ, раздался по всей залѣ».

А вотъ какъ извиняется тотъ же-герой въ своемъ эксцентричномъ поступкѣ: «Ахъ, это вы! Извините меня, мадамъ N N! Я полагалъ, что это кухарка моего пріятеля, извѣстная всему городу Каролинхенъ. Я видѣлъ вчера на ней точь-въ-точь такой-же костюмъ, какъ и на васъ, который принесли къ ней изъ магазина Семихвостовой и который она при мнѣ примѣривала. Еслибы я зналъ, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволилъ-бы себѣ того, что̀ я сейчасъ сдѣлалъ».

А вотъ еще поступокъ того-же сорта: «Громиловъ не выдержалъ: вырвалъ племянницу изъ рукъ полупьяной мегеры, отдалъ ребенка на руки одной изъ горничныхъ, сбѣжавшихся толпой въ залу на шумъ и на обморокъ барыни. Потомъ повернулъ нѣмку своей могучей рукой къ двери и принялся ее выталкивать. Мегера еще не хотѣла сознать себя побѣжденной, а обернулась, оцарапнула ногтями одну щеку у Громилова и намѣревалась сдѣлать то-же и съ другой; а въ заключеніе собралась укусить его за руку. Но это ей не удалось. Владиміръ снова повернулъ ее къ двери и на этотъ разъ такъ сильно придержалъ ее за плечо, что у нея отнята была малѣйшая возможность оборачиванья, царапанья и кусанья. Затѣмъ, раздраженный до-нельзя и обморокомъ сестры, и болѣзненнымъ крикомъ ребенка, и не совсѣмъ пріятнымъ ощущеніемъ царапины на собственной щекѣ, онъ отпустилъ ей по спинѣ нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ тоненькой камышевой тросточкой, находившейся у него въ рукѣ. Конецъ концовъ: нѣмка была вытолкана изъ дома, посажена на телѣгу, куда уже были снесены всѣ ея пожитки, разсчитана до послѣдней копѣйки и отправлена въ Одессу».

Вотъ еще выходка автора противъ литературы и критики, осмѣлившейся осудить оригинальные поступки его героя: «И этого мало: подцѣпятъ его ошибку разные бумагомаратели, пачкуны и кропатели, эти однодворцы ума и таланта, эти бездарные поденщики мысли, слова и пера, чернорабочіе повременныхъ изданій, панегиристы и кадильщики однихъ авторитетовъ. И примутся они бросать печатной грязью въ честное и свѣтлое имя того, кто виновенъ только въ томъ, что сознался въ одномъ своемъ проступкѣ, тогда какъ у многихъ изъ его хулителей и судей имѣется на совѣсти десятки проступковъ, несравненно предосудительнѣйшихъ, но тщательно ими скрываемыхъ. И попадетъ онъ, мученикъ своей добросовѣстности и правды, въ разные печатные листы и карикатуры, на одну доску съ опозоренными именами. И осудятъ его безъ суда и безъ апелляціи, и убьютъ въ немъ и талантъ, и жажду добра и полезной дѣятельности!...»

Вотъ будущій апосозъ героя, избивающаго барынь и нѣмокъ: «Проснется тогда нашъ Владиміръ отъ оцѣпенѣнія, т. е. отъ слѣдствій недовѣрія къ своимъ силамъ, неумолимой, безпощадной строгости къ своимъ произведеніямъ и тяжелаго, всеподавляющаго воспоминанія о своей колыбели, гдѣ его встрѣтила и повела на жизнь ненависть родной матери.... И запоетъ онъ тогда пѣснь громкую, дивную, сладкозвучную, соловьиную, но быть-можетъ свою пѣснь послѣднюю, лебединую; пропоетъ и улетитъ туда, къ источнику свѣта и тепла, премудрости и любви, бросивъ съ грустнымъ сожалѣніемъ о безплодности своего земного поприща, бросивъ свой умирающій взглядъ на своихъ бывшихъ судей и хулителей и сказавъ имъ:

«Прощайте, друзья и братія! Я былъ между вами—и вы меня не позвали. Оставайтесь-же вѣчными дѣтьми и слѣпцами, оставайтесь со своими позолоченными кумирами, увѣнчанными вами незаслуженными и поддѣльными лаврами. И никогда не перестанете вы поклоняться тѣмъ или другимъ кумирамъ; на вѣки останетесь слѣпцами и язычниками... А я полечу къ моему Отцу Небесному, и у подножія Его престола буду пѣть пѣсни сладкія, высокія, которыхъ вы не хотѣли слушать, потому что ихъ не понимали. *Не доросли до нихъ*!...»

А вотъ наконецъ образецъ реализма, до котораго конечно до Трехзвѣздочкина не доходилъ никто: «Подлецъ ты, мой затюшка, бывшій купецъ Софронъ Антроповъ сынъ Тропейниковъ, а нынѣшній мусье Софронье Антронье Тропенье! Подлецъ ты естественный! Подлецъ ты съ головы до пятокъ! Подлецъ ты и съ рожей, и съ кожей, и съ руками, и съ ногами! Подлецъ ты изъ подлецовъ! Подлецъ ты былъ, подлецъ ты есть, подлецъ будешь, подлецомъ издохнешь; и да будешь ты, анаѳема проклятъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ аминь! Вотъ тебѣ

мое родительское благословеніе!—И съ самымъ этимъ словомъ собралъ я, сватъ, полонъ ротъ слюны, нарочито для того откашлянулся и харкнулъ я въ его богомерзкую харищу. Увертливъ, окаянный! Прежде, чѣмъ я успѣлъ въ рожищу-то ему харкнуть, повернулся ко мнѣ спиной; ну, и шлепнулось ему о спину мое родительское благословеніе. Такую большущую, знашь, яичницу налѣпилъ на его кургузку, что одного полотенца куда мало, чтобы отереть ее».

Ну, довольно и этого. Судите сами, господа читатели, хороша-ли книга Трехзвѣздочкина, который въ статьѣ, направленной противъ меня, съ пѣной у рта требуетъ, чтобы критика относилась мягко къ *начинающимъ дарованіямъ*. Мое убѣжденіе насчетъ «сатирической бывальщины» таково; первая часть плоха и скучна. Вторая часть составляетъ уже просто патологическое явленіе. Трехзвѣздочкину нужна не критика, а медицинская помощь.

МЕТТЕРНИХЪ.

«Мои мемуары, — говоритъ князь Меттернихъ, — составили-бы исторію моего времени; мнѣ не нужно писать ихъ, они уже написаны и лежатъ въ архивахъ». Въ этихъ словахъ, насквозь пропитанныхъ наивнѣйшимъ самообожаніемъ, много правды. Съ 1809 года Меттернихъ становится главой австрійской дипломатіи, и до 1848 года ни одно обще-европейское событіе не обходится безъ его участія. Впродолженіи сорока лѣтъ Меттернихъ завязываетъ и распутываетъ дипломатическіе вопросы, сзываетъ конгрессы, обсуживаетъ важнѣйшіе интересы націй и правительствъ, умѣряетъ по-своему воодушевленіе народовъ, постоянно борется противъ требованій духа времени и наконецъ падаетъ отъ неудержимаго напора новыхъ идей и стремленій. Характеристика этой многосторонней дѣятельности можетъ подать поводъ къ плодотворнымъ размышленіямъ въ области новѣйшей исторіи и психологіи. Писать біографію Меттерниха значитъ обсуживать тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ своей дѣятельности, отдѣлять въ этихъ идеяхъ то, что̀ принадлежитъ самому Меттерниху, отъ того, что̀ приписано ему ошибочно, и, объясняя дѣйствія отдѣльной личности вліяніемъ времени и обстоятельствъ, произносить сужденіе надъ цѣлымъ типомъ политическихъ дѣятелей, надъ цѣлымъ направленіемъ, надъ цѣлой системой административныхъ учрежденій. Въ полномъ объемѣ разрѣшить такую огромную задачу въ предѣлахъ журнальной статьи—невозможно; поэтому необходимо изъ многолѣтней дѣятельности Меттерниха выбрать болѣе яркіе факты, замѣчательные моменты и, освѣтивъ ихъ какъ слѣдуетъ, показать читателямъ, что̀ за человѣкъ былъ князь Климентъ Венцеславъ Лотарій Непомукъ Меттернихъ и что̀ такое его знаменитая система, передъ которой многіе благоговѣли, которую многіе осуждали и которой изобрѣтеніе не совсѣмъ основательно приписывали австрійскому государственному канцлеру.

I.

Отецъ австрійскаго министра, графъ Францъ-Георгъ фонъ-Меттернихъ, принадлежалъ къ старинной нѣмецкой аристократіи: предки его владѣли обширными помѣстьями на Рейнѣ и отличались особенной приверженностью къ интересамъ католической церкви; имена многихъ Меттерниховъ встрѣчаются въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ, и Лотарь Меттернихъ въ началѣ XVII столѣтія является даже владѣтельнымъ курфюрстомъ Трирскимъ. Впрочемъ на этой высотѣ родъ Меттерниховъ не удержался, и графъ Францъ-Георгъ въ 1768 году является посланникомъ Трирскаго курфюста при вѣнскомъ дворѣ, а въ 1774 году переходитъ въ австрійскую службу. Состояніе графа по числу помѣстьевъ было блестящее, но онъ жилъ такъ роскошно, что доходовъ недоставало; долги росли ежегодно, и сыну графа, князю Клименту Меттерниху, пришлось удовлетворять старыхъ кредиторовъ своего отца тогда, когда онъ самъ уже находился на высшей степени своего могущества. Разоряя такимъ образомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, Францъ Меттернихъ умѣлъ хорошо поставить себя при вѣнскомъ дворѣ и, составивъ себѣ значительныя связи, далъ своему сыну возможность сразу выдти на блестящую дорогу, не тратя силъ на черную работу и не засиживаясь въ низшихъ инстанціяхъ. Воспитаніе молодого графа Климента было ввѣрено его матери, женщинѣ умной, серьезно смотрѣвшей на свои обязанности, но конечно, какъ и слѣдовало ожидать, не свободной отъ кастическихъ предразсудковъ.

Климентъ Меттернихъ родился въ 1773 году, въ концѣ XVIII столѣтія, въ то время, когда выростало поколѣніе первой французской революціи. Идеи, опрокинувшія старый престолъ Бурбоновъ, прокрались въ аристократическій графскій домъ; первымъ наставникомъ Климента былъ эльзасскій уроженецъ Симонъ, горячо сочувствовавшій мнѣніямъ и поступкамъ позднѣй-

шихъ якобинцевъ. Онъ говорилъ ребенку о силѣ и значеніи этихъ мнѣній, носившихся въ воздухѣ эпохи, онъ предсказывалъ ихъ торжество, и ребенокъ запоминалъ эти рѣчи; онъ не сдѣлался революціонеромъ, потому что обстоятельства повели его въ другую сторону; но, отстаивая всѣми силами абсолютизмъ, Меттерниху считалъ необходимымъ поддерживать его искусственными средствами. Это стремленіе къ поддержанію принципа, за который онъ боролся впродолженіи 40 лѣтъ, эта постоянная тревожная боязнь революціи происходила въ Меттернихѣ именно оттого, что онъ былъ близко знакомъ съ идеями либераловъ и въ молодости самъ испыталъ на себѣ силу этихъ идей. Пятнадцати лѣтъ отъ роду молодой графъ отправился въ Страсбургъ слушать лекціи въ тамошнемъ университетѣ. Онъ вынесъ оттуда свободное отношеніе къ вопросамъ религіи, усвоилъ способность послѣдовательно мыслить и привыкъ внимательно вглядываться въ окружающіе предметы; онъ развилъ формальную сторону ума, не обогативши его значительнымъ запасомъ фактическихъ свѣдѣній. Онъ учился шутя, не переставая быть диллетантомъ науки и обходя всѣ ея непривлекательныя и на первый взглядъ сухія стороны; оно и понятно; ему было 16 лѣтъ; онъ былъ уменъ и хорошъ собою; у него была возможность жить весело и роскошно; онъ пользовался жизнью и, когда приходила фантазія, обращался къ лекціямъ профессоровъ, какъ къ новому источнику пріятныхъ ощущеній; счастливыя способности давали ему средства воспользоваться всѣмъ, что онъ слышалъ мелькомъ, и легко пополнять тѣ пробѣлы, которые оставляли въ его умѣ эти отрывочныя занятія.— Товарищами его были молодые люди аристократическихъ семействъ и различныхъ національностей; со многими изъ нихъ ему пришлось встрѣтиться на дипломатическомъ поприщѣ; вмѣстѣ съ нимъ учились въ Страсбургѣ Разумовскій, Штакельбергъ, Толстой, Голицынъ, Аништетенъ, Нарбоннъ и другіе. Между тѣмъ разыгралась французская революція, и заботливая маменька вызвала Климента изъ Страсбурга, гдѣ онъ успѣлъ пробыть около двухъ лѣтъ; протекція отца доставила молодому Меттерниху возможность, въ качествѣ церемоній-мейстера, присутствовать при коронаціи императора Леопольда II; потомъ молодой человѣкъ еще четыре года слушалъ лекціи въ майнцскомъ университетѣ, потомъ отправился путешествовать, побывалъ въ Англіи и наконецъ 23 лѣтъ отъ роду, въ 1795 году, женился на княжнѣ Элеонорѣ Кауницъ, внучкѣ покойнаго министра Маріи-Терезіи. Легко и весело жилось счастливому юношѣ; его съ удовольствіемъ принимали въ высшемъ кругу; старый Кауницъ незадолго передъ своей смертью назвалъ его «образцовымъ кавалеромъ»; его любили и ласкали вѣнскія красавицы; узы брака, заключеннаго по разсчету, не стѣсняли его эротическихъ наклонностей; словомъ, свѣтскій блескъ и нѣга жизни наполняли всѣ минуты и владѣли повидимому всѣми помышленіями молодого графа. Между тѣмъ это время не пропадало даромъ; Меттернихъ всматривался въ людей и пріобрѣталъ то умѣніе держаться въ обществѣ и обращаться съ разнородными личностями, которое было причиной его позднѣйшихъ дипломатическихъ успѣховъ и главнымъ основаніемъ его карьеры и слѣдовательно исторической извѣстности.

У Меттерниха были всѣ условія, необходимыя въ то время для дипломата: знатное происхожденіе, значительное богатство, красивая наружность, непринужденное обращеніе, чего-же больше? онъ могъ вполнѣ успѣшно быть представителемъ своего кабинета при какомъ-нибудь иностранномъ дворѣ, и дѣйствительно въ 1801 году его назначили посланникомъ въ Дрезденъ. Важныхъ дѣлъ у него тамъ не было, тѣмъ болѣе, что политика саксонскаго правительства зависѣла тогда отъ Пруссіи, а въ Берлинѣ австрійскимъ посланникомъ былъ опытный дипломатъ Стадіонъ, указывавшій Меттерниху своимъ примѣромъ, какъ поступать въ томъ или въ другомъ случаѣ. Жизнь въ Дрезденѣ была такъ-же весела, какъ въ Вѣнѣ; изъ связей Меттерниха можно отмѣтить связи его съ княгиней Б - нь и герцогиней Саганъ, съ которой онъ поддерживалъ постоянныя сношенія до самаго вѣнскаго конгресса. Въ Дрезденѣ же онъ сблизился съ Фридрихомъ Генцомъ, который впослѣдствіи сдѣлался его помощникомъ и секретаремъ, безусловнымъ исполнителемъ его воли. Въ 1803 году Меттерниха перевели въ Берлинъ; дѣла сдѣлались серьезнѣе; Австрія въ это время нуждалась въ союзникахъ, и Стадіонъ былъ посланъ въ Петербургъ, а Меттерниху поручено было склонять къ войнѣ съ Наполеономъ прусское правительство, чтобы составить такимъ образомъ противъ французской имперіи тройственный союзъ между Австріей, Россіей и Пруссіей. Аустерлицкое сраженіе разстроило весь этотъ планъ, и Меттернихъ, собиравшій грозу противъ Наполеона, въ 1806 году самъ былъ отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Положеніе его было очень затруднительно; ладить съ Наполеономъ было мудрено; послѣ побѣды при Аустерлицѣ Наполеонъ не зналъ границъ своему высокомѣрію, распекалъ представителей иностранныхъ державъ, безъ церемоніи бранилъ при посланникахъ ихъ государей и особенно гнѣвался на австрійскаго императора, котораго онъ громко называлъ «мятежнымъ вассаломъ». Меттерниху надо было поддерживать достоинство своего двора, не раздражая гордаго побѣдителя; тутъ-то въ Парижѣ и пригодилось ему его поверхностное образованіе и обращеніе; онъ умѣлъ льстить, не

возбуждая къ себѣ презрѣнія, и это замѣчательное искусство понадобилось ему въ полномъ своемъ объемѣ. Сверхъ того, Меттерних и въ Парижѣ пустилъ въ ходъ еще одно искусство: пользоваться любовными связями для политическихъ цѣлей. Онъ завязалъ интригу съ сестрой Наполеона, Каролиной Мюратъ, и черезъ нее узналъ намѣренія императора и вкрадывался до извѣстной степени въ его политическіе планы. Наполеонъ зналъ о существованіи этой интриги, думалъ даже, что она можетъ быть ему полезна, и конечно жестоко ошибался въ своихъ ожиданіяхъ; Меттерних не проговаривался, и кромѣ того Каролина дѣйствительно любила его и для него охотно жертвовала интересами своего брата. На какомъ-то придворномъ собраніи Наполеонъ громко сказалъ своей сестрѣ: «Amusez ce niais là; nous en avons besoin à présent!» Первая часть этого приказанія исполнялась какъ нельзя лучше, но положительно извѣстно, что интересы французской имперіи оставались въ этомъ случаѣ въ сторонѣ, и французскіе дипломаты того времени находятъ даже, что было-бы гораздо лучше, еслибы сестра императора вовсе не забавляла австрійскаго посланника. «Ce niais» начиналъ быть нуженъ Наполеону потому, что въ это время, т. е. около 1808 года, война въ Испаніи приняла самые серьезные размѣры; отношенія Франціи къ Пруссіи и Россіи также были ненадежны; ссориться съ Австріей было, стало-быть, опасно, потому что война могла обнять всю Европу, а между тѣмъ австрійское правительство усиливало свое войско; всѣ дипломатическія сношенія Наполеона и его министровъ съ австрійскимъ дворомъ не могли остановить этихъ зловѣщихъ приготовленій. 15-го августа 1808 года, въ день своего рожденія, Наполеонъ, наканунѣ возвратившійся изъ Испаніи, принималъ посланниковъ всѣхъ европейскихъ державъ; онъ былъ раздраженъ неудачами своихъ армій на Пиренейскомъ полуостровѣ и рѣшился запугать Австрію угрозами и страшными взрывами своего диктаторскаго гнѣва. Въ самомъ началѣ аудіенціи онъ напалъ на неаполитанскую королеву, потомъ, отыскавъ Меттерниха, пошелъ прямо на него, взялъ его за грудь и спросилъ громовымъ голосомъ:

«— Чего хочетъ вашъ императоръ?

Меттерних не тронулся съ мѣста, не перемѣнился въ лицѣ и отвѣчалъ спокойно и твердо:

— Онъ хочетъ, чтобы вы уважали его посланника.»

Наполеонъ принялъ руку и остановился на минуту, но раздраженіе его было слишкомъ сильно, и онъ продолжалъ, громко и постепенно разгорячаясь, выговаривать австрійскому правительству неискренность его политики. Меттерних слушалъ спокойно, сохраняя почтительное выраженіе лица, не обнаруживая ни волненія, ни робости. Слѣдствіемъ этой геройски выдержанной аудіенціи было то, что молодой дипломатъ значительно повысился въ мнѣніи Наполеона; уже въ то время многіе при парижскомъ дворѣ замѣтили, что Меттерних отлично владѣетъ собой и во всякую данную минуту располагаетъ своими словами, тономъ голоса и мускулами лица. Маршалъ Ланнъ, первый герой наполеоновской арміи, бывшій на *ты* съ императоромъ, громко расхохотался однажды послѣ ухода Меттерниха и Талейрана, имѣвшихъ при немъ довольно оживленный разговоръ съ Наполеономъ.

«— Хорошъ вкусъ у Каролины,—сказалъ откровенный маршалъ:—каково смиреніе! Въ то время, какъ онъ (Меттерних) говорилъ съ тобой, я-бы могъ дать ему сзади пинька и ты-бы навѣрное не замѣтилъ на его сладкихъ губахъ ни малѣйшаго движенія.»

Доходило-ли *смиреніе* Меттерниха до такихъ баснословныхъ предѣловъ — не знаю; положительно извѣстно то, что онъ своей непроницаемостью выводилъ изъ терпѣнія пылкаго Наполеона; кончилось тѣмъ, что императоръ, видя, что отъ Меттерниха никогда нельзя добиться истины, махнулъ на него рукой и пересталъ разспрашивать его о намѣреніяхъ австрійскаго правительства. Роль Меттерниха была дѣйствительно тяжела и невыгодна; приходилось до послѣдней минуты, до окончательнаго разрыва хитрить съ Наполеономъ, зная, что никто этими хитростями не обманывается. Война 1809 года прекратила на время дипломатическую игру Меттерниха; но война эта, какъ извѣстно, продолжалась всего четыре мѣсяца, кончилась пораженіемъ австрійцевъ при Ваграмѣ и принудила Австрію исполнить всѣ требованія побѣдителя. Меттерниху поручено было вести переговоры, но никакое умѣніе владѣть собой, никакая діалектика, никакая дипломатическая изворотливость не могли доставить Австріи перевѣса. Сила была на сторонѣ побѣдителя и ваграмское дѣло было слишкомъ энергическимъ аргументомъ для австрійскихъ уполномоченныхъ. Условія мира были тяжелы и попытка Австріи отмстить за Аустерлицъ обрушилась на ея-же голову. Во всемъ этомъ дѣлѣ всѣхъ больше выигралъ Меттерних; дипломатическія дѣянія его были не блестящи; внѣшняя его представительность, какъ мы видѣли, не приносила Австріи существенной пользы; роль его въ Дрезденѣ была ничтожна, въ Берлинѣ — безплодна, въ Парижѣ — положительно вредна; дѣло въ томъ, что Меттерних ошибался самъ насчетъ положенія Наполеона; въ своихъ донесеніяхъ и посольскихъ депешахъ онъ представлялъ его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ; этими донесеніями онъ поддерживалъ воинственныя намѣренія своего правительства; война вышла неудачная; повидимому часть отвѣтственности должна была

пасть на заблуждавшагося посланника; мало того, этотъ самый посланникъ, уполномоченный вести переговоры, не успѣлъ ничего выторговать у побѣдителя, стало-быть, и тутъ оказался если не виноватымъ, то по крайней мѣрѣ несчастливымъ.

Начало карьеры было очевидно не блистательно, а между тѣмъ дѣло повернулось такъ, что, тотчасъ по заключеніи мира въ Наполеономъ, Меттернихъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ на мѣсто графа Стадіона, стоявшаго въ головѣ военной партіи. Почему такъ случилось—сказать трудно. Одни думаютъ, что назначеніе Меттерниха было сдѣлано въ угоду Наполеону, который, несмотря на парижскія размолвки съ бывшимъ посланникомъ, видѣлъ въ немъ больше сочувствія къ себѣ, чѣмъ въ Стадіонѣ; другіе объясняютъ это дѣло гораздо проще—придворными интригами враговъ Стадіона и доброжелателей Меттерниха.

Съ минуты своего назначенія въ министры иностранныхъ дѣлъ графъ Климентъ Меттернихъ весь принадлежитъ исторіи до самой эпохи своего паденія въ 1848 году; его частная нравственность, его личныя добродѣтели и недостатки отходятъ на задній планъ; онъ становится важенъ, какъ дѣятель, какъ проводникъ принципа, какъ поборникъ извѣстнаго направленія.

II.

Принимая портфель министра, Меттернихъ опирался на партію, противоположную чистонѣмецкой, патріотической партіи, желавшей войны съ Наполеономъ и находившейся подъ предводительствомъ Стадіона.—Первыя дѣйствія Меттерниха показали, что онъ находитъ безразсудной и невозможной дальнѣйшую борьбу съ Французской имперіей; въ покорности передъ Наполеономъ и въ союзѣ съ нимъ онъ видѣлъ единственный путь къ спасенію. Какія слѣдствія будетъ имѣть этотъ союзъ—этого нельзя было предвидѣть, да Меттернихъ и не смотрѣлъ вдаль; потребность настоящей минуты обращала на себя все его вниманіе, и онъ шелъ по извѣстному пути, если такъ было выгодно, а потомъ сворачивалъ въ другую сторону, если того требовали обстоятельства. Теперь сила была на сторонѣ Наполеона, ссориться съ нимъ было неудобно, стало быть, надо было съ нимъ сблизиться, вопреки всѣмъ преданіямъ австрійской политики, вопреки всѣмъ недавнимъ оскорбленіямъ, и даже несмотря на то, что всякій союзъ съ Наполеономъ непремѣнно долженъ былъ принять видъ вассальныхъ отношеній. Средствомъ къ сближенію было между прочимъ бракосочетаніе Наполеона съ дочерью императора Франца, эрцгерцогиней Маріей-Луизой. Переговоры объ этомъ бракѣ были завязаны по идеѣ Меттерниха, и самъ Меттернихъ, весною 1810 года, проводилъ въ Парижъ молодую французскую императрицу. Союзъ съ Франціей состоялся однако гораздо позднѣе, передъ самымъ началомъ похода 1812 года; Меттернихъ умѣлъ затянуть переговоры, такъ что Наполеону, торопившемуся разгромить Россію, пришлось купить союзъ съ Австріей цѣной такихъ уступокъ, о которыхъ онъ не думалъ прежде. Какъ только обозначились недружелюбныя отношенія между Россіей и Франціей, такъ Меттернихъ принялъ на себя роль хладнокровнаго зрителя, присутствующаго при горячемъ спорѣ двухъ противниковъ, несочувствующаго ни тому, ни другому и готоваго склониться на ту или другую сторону, смотря по тому, кто больше дастъ и кто сильнѣе. Такіе люди всегда должны выиграть въ большихъ и въ малыхъ дѣлахъ; они ничѣмъ не рискуютъ; внимательно слѣдя за ходомъ борьбы, они стараются только уловить ту минуту, въ которую одна изъ борящихся сторонъ начинаетъ одолѣвать, но еще не увѣрена въ своемъ торжествѣ; тогда они присоединяются къ этой торжествующей партіи, ускоряютъ пораженіе противуположной стороны и дѣлятъ добычу, не принимавши участія въ серьезныхъ опасностяхъ борьбы. Это называется по-русски: «въ мутной водѣ рыбу ловить», и эта формула дѣйствительно подходитъ какъ нельзя лучше къ той политикѣ Меттерниха, за которую его произвели чуть не въ геніи. Наполеонъ идетъ на Россію; Австрія присоединяетъ къ его арміи вспомогательный корпусъ; начинаются неудачи Наполеона, и австрійскій корпусъ, слѣдуя приказаніямъ своего правительства, начинаетъ дѣйствовать вяло и медленно; наконецъ Наполеонъ бѣжитъ изъ Россіи, и австрійскій генералъ Шварценбергъ, вмѣсто того чтобы прикрыть его отступленіе, выводитъ свои войска изъ Польши и безъ сопротивленія отдаетъ ее русской арміи. Благодаря этимъ маневрамъ, Австрія къ концу кампаніи 1812 года поставила себя въ совершенно нейтральное положеніе и дала понять воюющимъ сторонамъ, что она, смотря по обстоятельствамъ, можетъ повернуть свои пушки противъ французовъ или противъ русскихъ. Въ сношеніяхъ своихъ съ французскими дипломатами Меттернихъ далъ замѣтить, что война слишкомъ тяжела для Австріи, что Австрія желаетъ мира, и что австрійскому правительству было-бы пріятно знать требованія Наполеона, чтобы, сообразуясь съ ними, начать за себя и за Францію переговоры съ Россіей и Пруссіей. Между тѣмъ, не дожидаясь положительныхъ отвѣтовъ Наполеона, Меттернихъ послалъ Вессенберга въ Лондонъ, а Лебцелтерна въ русскую главную квартиру, чтобы на всякій случай завязать сношенія съ врагами Франціи.

Союзъ съ Наполеономъ оказался фактически разрушеннымъ, хотя на словахъ Меттернихъ и продолжалъ увѣрять его въ неизмѣнной дружбѣ

своего правительства.—Роль посредника между воюющими сторонами постепенно смѣнила собою роль союзника; Наполеонъ давно пересталъ вѣрить искренности Австріи, но онъ былъ поставленъ въ такое положеніе, что не могъ круто повернуть дѣло и поневолѣ долженъ былъ мириться съ двуличной политикой Меттерниха, чтобы не превратить ее въ открытую вражду. А между тѣмъ дошло дѣло и до вражды. Являясь примирительницей воюющихъ сторонъ, навязывая Наполеону свое непрошенное посредничество, Австрія стала склоняться на сторону Пруссіи и Россіи и поставила Наполеону такія условія мира, на которыя онъ не могъ согласиться; тогда Наполеонъ попробовалъ заключить отдѣльный миръ съ Россіей; еслибы эта попытка была удачна, то Австрія конечно потеряла-бы всѣ выгоды своего положенія и испытала-бы еще разъ слѣдствія наполеоновскаго гнѣва. Меттернихъ предвидѣлъ это и понималъ, что подобнаго соглашенія между Россіей и Франціей допускать ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ; онъ обѣщалъ союзникамъ, что Австрія объявитъ войну Наполеону, если онъ не согласится на предлагаемыя условія и не заключитъ общаго мира. Между воюющими сторонами было заключено перемиріе на шесть недѣль; Меттернихъ поѣхалъ къ союзникамъ въ главную квартиру, потомъ къ Наполеону въ Дрезденъ; заявилъ первымъ готовность Австріи поднять оружіе противъ французовъ и принудилъ второго принять посредничество Австріи и открыть въ Прагѣ конгрессъ, на которомъ должны были опредѣлиться условія мира. Конгрессъ состоялся, но не привелъ къ заключенію мира. Наполеонъ постоянно дѣлалъ уступки слишкомъ поздно и началъ соглашаться тогда, когда конгрессъ былъ уже закрытъ и перемиріе прекращено. Въ полночь 10-го августа 1813 года переговоры были прерваны и на другой день Австрія приступила къ коалиціи противъ Наполеона. Въ полгода произошелъ такимъ образомъ, безъ шума и скандала, совершенный поворотъ въ положеніи Австріи и въ ея политикѣ; отъ союза съ Наполеономъ она перешла къ открытой враждѣ; неудачи Наполеона не повредили Австріи; союзники слишкомъ дорожили ея содѣйствіемъ, чтобы ставить ей въ вину то обстоятельство, что она такъ недавно стояла на сторонѣ общаго врага; они мирились даже съ тѣмъ, что австрійское правительство, не желая окончательной гибели Наполеона, во многихъ случаяхъ умышленно ослабляло энергію военныхъ дѣйствій.

Вліяніе австрійской политики на дѣйствія союзниковъ выразилось прежде всего въ томъ, что война измѣнила свой колоритъ; интересы народовъ, выдвинутые впередъ въ прокламаціи короля прусскаго, отошли на задній планъ; Францъ I и Меттернихъ вовсе не хотѣли быть вождями народа, стремящагося къ самоосвобожденію; первый заботился о территоріальномъ приращеніи и о личномъ вліяніи на дѣла Европы; второй хотѣлъ быть первымъ министромъ своего государя, исполнителемъ его воли, ревностнымъ защитникомъ интересовъ своего правительства. Народъ, по мнѣнію того и другого, долженъ былъ играть роль послушнаго орудія. Патріотическое воодушевленіе было, по ихъ мнѣнію, ненужно и могло при случаѣ сдѣлаться вреднымъ и опаснымъ. Превратить войну противъ Наполеона въ дѣло народа—значило дать этому народу возможность почувствовать свою силу, значило внушить ему ошибочную идею о томъ, что инициатива принадлежитъ ему и что правительство нуждается въ его сочувствіи. Эта ошибочная идея могла повести къ цѣлому ряду заблужденій, и отъ этихъ-то заблужденій Францъ I и Меттернихъ старались предохранить Австрію.

Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ освобожденію въ Германіи проснулась идея о національномъ единствѣ. Эта идея также была не по вкусу австрійскаго правительства. Составленная изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, нѣмецкихъ, славянскихъ, мадьярскихъ, Австрія не могла сочувствовать никакимъ національнымъ стремленіямъ, потому что во всякомъ случаѣ эти стремленія должны были разорвать ее на составныя части и прекратить ея существованіе. Еслибы идея германскаго единства осуществилась, то въ положеніи Австріи произошло-бы во всякомъ случаѣ значительное измѣненіе. Императору Францу пришлось-бы отказаться или отъ нѣмецкихъ, или отъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣній; ему было-бы необходимо или сдѣлаться императоромъ германскимъ, или, отказавшись отъ германской имперіи, остаться владѣтелемъ восточныхъ своихъ земель и уступить нѣмецкому правительству своихъ нѣмцевъ. Сдѣлаться германскимъ императоромъ было конечно лестно; но кто-же могъ сказать навѣрное, что освободившаяся Германія пожелаетъ имѣть императоромъ именно Франца, а не кого-нибудь другого, напримѣръ не короля прусскаго? Еслибы случилось такъ, то австрійскій императоръ оказался-бы въ чистомъ убыткѣ; ему пришлось-бы пожертвовать значительной частью своихъ владѣній и кромѣ того допустить образованіе новаго, сильнаго и притомъ сопредѣльнаго государства. Ни Францъ I, ни Меттернихъ не могли слѣдовательно сочувствовать идеѣ соединенія Германіи; ни тотъ, ни другой не любили рискованныхъ мѣръ и значительныхъ переворотовъ; оба рѣшились по возможности поддержать существующее положеніе дѣлъ, образовать германскій союзъ и, пользуясь обстоятельствами, примежевать къ наслѣдственнымъ австрійскимъ владѣніямъ тѣ клочки земли, которые можно будетъ выторговать на конгрессахъ.

Первымъ дѣйствіемъ этой политики была тайная статья теплицкаго договора между союзниками, въ которой говорилось, что рейнскій союзъ, основанный Наполеономъ, будетъ разрушенъ и что отдѣльнымъ германскимъ государямъ, которыхъ владѣнія входили въ его составъ, будетъ предоставлена полная и безусловная независимость. Далѣе, привлекая Баварію къ коалиціи противъ Наполеона, Меттернихъ тайной статьей договора обѣщалъ королю баварскому полную самостоятельность; точно такъ-же поступилъ онъ въ отношеніи къ другимъ членамъ рейнскаго союза, такъ что его идеи нашли себѣ полное сочувствіе во всѣхъ второстепенныхъ государяхъ Германіи; приверженцамъ германскаго единства пришлось поневолѣ покориться, потому что въ противномъ случаѣ они могли возбудить въ союзномъ лагерѣ раздоры, которыми воспользовался-бы Наполеонъ. Безъ шума, совѣщаясь съ каждымъ правительствомъ отдѣльно, Меттернихъ навербовалъ такъ много приверженцевъ своихъ идей, что германское единство оказалось невозможнымъ и что его невозможность начали сознавать еще въ то время, когда война съ Наполеономъ была въ полномъ разгарѣ.

Въ отношеніи къ Наполеону Меттернихъ держалъ себя болѣе чѣмъ умѣренно; личное сочувствіе къ императору французовъ и отвращеніе къ крутымъ переворотамъ не позволяли ему желать низверженія Наполеона; ему казалось совершенно достаточнымъ оттѣснить Францію въ ея естественныя границы, т. е. за Рейнъ; уже въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ, послѣ рѣшительнаго пораженія Наполеона при Лейпцигѣ, Меттернихъ заговорилъ о мирѣ, и если миръ не состоялся, то въ этомъ виновато только безразсудное упорство Наполеона, который, разгорячившись, какъ азартный игрокъ, ставилъ на послѣднюю карту судьбу своей династіи и не умѣлъ забастовать во-время. Крестовый походъ освободившихся національностей на Парижъ возбуждалъ въ Меттернихѣ самое непріязненное чувство; онъ видѣлъ въ этомъ походѣ неминуемое усиленіе Россіи, которой онъ начиналъ бояться чуть-ли не сильнѣе, чѣмъ Наполеона; кромѣ того ему было совершенно непонятно яростное воодушевленіе пруссаковъ, и онъ нисколько не хотѣлъ придавать войнѣ противъ Наполеона того торжественнаго, священнаго и популярнаго характера, который сообщали ей прокламаціи Александра и Фридриха-Вильгельма. Сносясь постоянно съ княземъ Шварценбергомъ, главнокомандующимъ союзныхъ армій, переписываясь съ дипломатами Наполеона, Меттернихъ старался по возможности затянуть военныя дѣйствія, отсрочить рѣшительный ударъ, чтобы дать Наполеону время одуматься и согласиться на благоразумныя условія мира. Благодаря его маневрамъ, корпусъ Блюхера былъ почти уничтоженъ; по его стараніямъ открылся въ началѣ 1814 года конгрессъ въ Шатильонѣ, который, какъ извѣстно, не имѣлъ никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій. Наполеонъ хитрилъ съ союзниками, торговался, чтобы выиграть время, старался разссорить Австрію съ Пруссіей и Россіей и между тѣмъ собиралъ послѣднія усилія, чтобы продолжать войну; союзникамъ надоѣли всѣ эти продѣлки; партія войны восторжествовала окончательно; Меттернихъ принужденъ былъ замолчать, и военныя дѣйствія кончились только взятіемъ Парижа и отреченіемъ Наполеона.

Политика Меттерниха или, вѣрнѣе, его личный характеръ, какъ мы видѣли, обозначился въ его отношеніяхъ къ Наполеону.—Не плыть противъ теченія, не прать противъ рожна, выжидать удобную минуту, не давать хода чувствамъ и страстямъ націи, смотрѣть на политическія событія глазами придворнаго, жить со дня на день и принимать тѣ мѣры, которыхъ требуетъ данная минута, хотя-бы въ слѣдующую минуту пришлось прямо противорѣчить себѣ, не управлять обстоятельствами, а подчиняться имъ—вотъ формула той политики, которая впродолженіи сорока лѣтъ господствовала на материкѣ Европы и которой оракуломъ былъ князь Меттернихъ *). Эта политика была естественнымъ слѣдствіемъ личнаго характера австрійскаго министра. Мягкій и гибкій по природѣ, воспитанный въ идеяхъ политическаго скептицизма, пріученный съ молодыхъ лѣтъ къ ароматической атмосферѣ блестящихъ дворовъ и аристократическихъ салоновъ, Меттернихъ не могъ выработать себѣ общихъ началъ, крѣпкихъ убѣжденій и горячихъ политическихъ вѣрованій. Какъ исполнительный чиновникъ, онъ съ полнымъ усердіемъ повиновался импульсу, сообщаемому сверху, и, какъ чиновникъ, онъ не понималъ тѣхъ живыхъ силъ и живыхъ личностей, на которыя падали его распоряженія. Я приступаю теперь къ описанію роли Меттерниха на вѣнскомъ конгрессѣ, послѣ котораго начинается уже общеевропейское значеніе его личности и политики.

III.

Вѣнскому конгрессу нужно было, во-первыхъ, разобрать и привести въ ясность границы европейскихъ государствъ, перепутанныя войнами и самовластіемъ Наполеона; во вторыхъ, необходимо было обновить бытовыя формы, опрокинутыя движеніемъ французской революціи. Меттернихъ считалъ первое дѣло гораздо болѣе важнымъ и интереснымъ; онъ говорилъ, что вопросъ о внутреннемъ устройствѣ Германіи разрѣшится самъ собою, какъ только будутъ при-

*) Княжеское достоинство было дано Меттерниху послѣ сраженія при Лейпцигѣ.

ведены къ концу «важныя совѣщанія о внѣшнихъ дѣлахъ и территоріальныхъ отношеніяхъ».

Въ этомъ равнодушіи, въ этой легкости воззрѣній видно, какъ нельзя яснѣе, недостаточное знакомство съ дѣломъ. Меттерних еще не приходилъ въ соприкосновеніе съ законодательными и административными вопросами, не понималъ и не хотѣлъ понимать требованій народной жизни, и потому относился къ этимъ интересамъ съ небрежностью. Главное дѣло, по его мнѣнію, подѣлить на вѣнскомъ конгрессѣ 32,000,000 душъ, живущихъ въ тѣхъ земляхъ, которыя были вырваны у Наполеона и его союзниковъ; подѣлить ихъ надо было такъ, чтобы Австріи досталось какъ можно больше, а другимъ великимъ державамъ, которыхъ усиленіе могло быть опаснымъ для Австріи, какъ можно меньше. Всего непріятнѣе было для Меттерниха территоріальное увеличеніе Россіи и Пруссіи, и потому всѣ его усилія на конгрессѣ были направлены на то, чтобы не дать первой Польши, а второй—Саксоніи. Чтобы разстроить намѣренія этихъ двухъ державъ, онъ пустилъ въ ходъ самыя разнообразныя средства, не отличающіяся ни строгимъ нравственнымъ достоинствомъ, ни даже приличіемъ внѣшней формы. Желая поссорить русское правительство съ прусскимъ, онъ написалъ прусскому министру Гарденбергу ноту, въ которой приглашалъ его за-одно съ Австріей сопротивляться притязаніямъ Россіи, и за это обѣщалъ со стороны Австріи полную поддержку всѣмъ требованіямъ Пруссіи. Гарденбергъ, человѣкъ слабый и впечатлительный, отвѣчалъ на эту ноту, и въ своемъ отвѣтѣ выразился очень недоброжелательно на счетъ притязаній русскаго кабинета. Меттерних вздумалъ эту бумагу употребить какъ орудіе противъ Гарденберга; онъ пошелъ къ императору Александру и показалъ ему, какъ о немъ отзывается его союзникъ. Продѣлка эта однако не удалась. Императору Александру она показалась въ высшей степени грязной, и онъ объявилъ Францу I, что не хочетъ имѣть дѣла съ министромъ, подобнымъ Меттерниху. Когда Меттерниху не удалось поссорить Пруссію съ Россіей интригами, онъ рѣшился противодѣйствовать ихъ требованіямъ другими окольными путями. При содѣйствіи знаменитаго Талейрана, готоваго участвовать во всякой интригѣ изъ любви къ искусству, былъ заключенъ тайный союзъ между Австріей, Англіей и Франціей противъ Пруссіи и Россіи; до войны не дошло дѣло только потому, что обѣ спорящія стороны были утомлены и послѣ продолжительныхъ переговоровъ начали мириться на взаимныхъ уступкахъ.

Конгрессъ тянулся уже больше четырехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Наполеонъ скрылся съ острова Эльбы; вслѣдъ затѣмъ узнали о его высадкѣ на берега Франціи и о бѣгствѣ Людовика XVIII изъ Парижа; тутъ уже, передъ общей опасностью, некогда было разбирать частные вопросы и помнить мелкія непріятности, испытанныя на конгрессѣ. Александръ помирился съ Меттернихомъ, несмотря на то, что Наполеонъ прислалъ ему подлинный актъ тайнаго союза, найденный имъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ на столѣ Людовика XVIII. Работы вѣнскаго конгресса, тянувшіяся медленно и безплодно, пошли живѣе; вопросъ объ устройствѣ Германіи былъ выдвинутъ впередъ, и Меттерних сталъ употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать это устройство по возможности сложнымъ и неповоротливымъ, а связь между отдѣльными частями—по возможности слабой и неопредѣленной. Онъ остался вѣренъ роли австрійскаго министра и считалъ самое слово «Германія» простымъ географическимъ терминомъ. Предложенный имъ проектъ дѣлитъ всю Германію на семь округовъ; по два округа приходится на Австрію и на Пруссію и по одному на Баварію, Ганноверъ и Виртембергъ. Австрійскій императоръ и короли прусскій, баварскій, ганноверскій и виртембергскій должны составить совѣтъ, въ которомъ первымъ двумъ членамъ, какъ представителямъ двухъ округовъ, принадлежитъ по два голоса, а остальнымъ тремъ членамъ—по одному; этотъ совѣтъ долженъ завѣдывать иностранными дѣлами и рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ. Рядомъ съ этимъ совѣтомъ долженъ существовать другой совѣтъ съ законодательной властью, составленный изъ мелкихъ владѣтелей, изъ представителей вольныхъ городовъ и изъ членовъ перваго собранія. При такомъ устройствѣ Германіи, Австрія и Пруссія, рѣшившись дѣйствовать согласно, могли-бы вести за собой весь союзъ и распоряжаться войсками мелкихъ владѣтелей, какъ своими собственными. Изъ семи голосовъ четыре принадлежали Австріи и Пруссіи, стало-быть большинство было всегда на сторонѣ ихъ мнѣнія; мелкіе владѣтели испугались за свою самостоятельность, и проектъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ непреодолимую оппозицію. Дѣло осталось нерѣшеннымъ. Когда за него снова принялись въ 1815 г., въ концѣ мая, его окончили въ одиннадцать поспѣшныхъ засѣданій, и Германія получила свою теперешнюю физіономію. Усилія Меттерниха увѣнчались успѣхомъ; у Германіи отнято единство, отнята возможность энергическаго, дружнаго дѣйствія; ея политическое значеніе ничтожно, потому что раздробленность ея доходитъ до крайнихъ предѣловъ; она представляетъ собой не федеративное государство, а союзъ изъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ самихъ себѣ государствъ, безъ общаго правительства, безъ инициативы.

Всѣ благомыслящіе нѣмцы стремятся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы отдѣлаться отъ по-

дарка Меттерниха, но, какъ кажется, слишкомъ сорокалѣтняя давность имѣетъ свое значеніе и энергія націи надломлена тѣмъ неестественнымъ положеніемъ, въ которое ее поставили дипломаты вѣнскаго конгресса. Зато самому Меттерниху вѣнскій конгрессъ принесъ чрезвычайно много пользы. Благодаря посредственности прочихъ дѣятелей знаменитаго конгресса, австрійскій министръ сталъ во главѣ европейской дипломатіи, и притомъ въ такую рѣшительную минуту, которая навсегда должна была остаться въ памяти современниковъ и потомства. Передъ мудростью князя Меттерниха стали благоговѣть даже многіе изъ тѣхъ людей, которые не могли уважать его, какъ человѣка; на него посыпались знаки отличія, титулы, денежныя награжденія, пенсіоны и подарки землями и помѣстьями. Семейныя дѣла Меттерниховъ значительно поправились, и огромные долги отца и сына стали погашаться. Князю Меттерниху досталась доля изъ той контрибуціи, которую Австрія взыскала съ Франціи; неаполитанскій король, возстановленный послѣ изгнанія Мюрата, при содѣйствіи Меттерниха, пожаловалъ ему титулъ герцога Портелла, съ которымъ былъ связанъ ежегодный доходъ въ 60,000 франковъ; союзники подарили Меттерниху землю бывшаго бенедиктинскаго монастыря Іоганнисберга въ рейнскомъ округѣ; императоръ Александръ, возвращаясь въ Россію, просилъ Меттерниха поддерживать съ нимъ дружескую, неполитическую переписку и опредѣлилъ ему на издержки 50,000 червонцевъ ежегоднаго пенсіона.

Всѣ эти факты должны были служить для австрійскаго министра неопровержимыми доказательствами несомнѣннаго превосходства его личныхъ дарованій и политическихъ убѣжденій. Тонъ его послѣ вѣнскаго конгресса значительно измѣняется; онъ становится опекуномъ континентальной Европы, блюстителемъ народной нравственности и ментороиъ владѣтельныхъ особъ. Онъ начинаетъ говорить всѣмъ и каждому о своей системѣ, онъ угадываетъ будущее и своей предусмотрительностью предотвращаетъ такія бѣдствія, которыхъ никто кромѣ него не видитъ. Словомъ, овладѣвши довѣренностью императора Франца I, ловкій придворный чиновникъ дѣлается всемогущимъ министромъ, законодателемъ и администраторомъ Австріи; какъ это часто случается съ людьми, внезапно или по крайней мѣрѣ очень быстро дошедшими до «степеней извѣстныхъ», онъ начинаетъ приписывать своимъ собственнымъ заслугамъ то, что относится къ случайностямъ; вслѣдствіе этого является слѣпая вѣра въ самого себя, безпричинная самонадѣянность и непреодолимое стремленіе рисоваться передъ собою и передъ другими. Это случилось даже съ геніальнымъ человѣкомъ, съ Наполеономъ I; то-же самое въ меньшихъ размѣрахъ случилось и съ ловкимъ придворнымъ чиновникомъ Меттернихомъ. Не имѣя никакого понятія о соціальной наукѣ, не зная характера тѣхъ народовъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло, не справляясь даже съ статистическими данными, не имѣя даже общаго гуманно-философскаго развитія, князь Меттернихъ вообразилъ себя государственнымъ человѣкомъ, и, что всего удивительнѣе, Европа повѣрила ему на-слово, продолжала вѣрить втеченіи сорока лѣтъ и подъ рубрикой государственнаго человѣка зачислила его имя въ свои историческіе архивы. Съ высоты своего чиновническаго величія soi-disant государственный человѣкъ сталъ предписывать законы человѣческой природѣ и человѣческому разуму. «Германія,—говоритъ онъ,—географическій терминъ; Италія—географическій терминъ; требованія народовъ—якобинскія бредни».

Согласитесь, любезный читатель, что при помощи шести-семи готовыхъ названій, подобныхъ вышеприведеннымъ, не трудно будетъ управлять половиной вселенной и распутывать или, вѣрнѣе, разрубать самые сложные вопросы общественной и экономической жизни. Для этого нужно только имѣть въ рукахъ мечъ Александра Македонскаго, и тогда васъ не остановитъ никакой Гордіевъ узелъ. Впрочемъ нужно еще одно драгоцѣнное свойство: способность рубить направо и налѣво, зажмуривая глаза и не обращая вниманія на стоны и крики. Этой способностью обладалъ до извѣстной степени австрійскій министръ; не-то, чтобы онъ былъ особенно жестокъ, этого объ немъ нельзя сказать; онъ былъ только мало чувствителенъ, и потому былъ въ состояніи подписать безъ особеннаго волненія какой-нибудь суровый приговоръ или разорить цѣлую область налогами, или убить лучшія проявленія человѣческой мысли, хотя въ то-же время онъ ненавидѣлъ всякое кровопролитіе, всякое грубое насиліе и даже всякую рѣзкую мѣру. Въ немъ не было любви къ человѣку и не было уваженія къ человѣческому достоинству; поэтому всѣ его распоряженія клонятся къ тому, чтобы безопасно эксплуатировать живыя силы народа, не становясь къ этому народу ни въ какія задушевныя отношенія и нисколько не сочувствуя его развитію.

IV.

Какъ ни ссорились, какъ ни интриговали дипломаты вѣнскаго конгресса, а наконецъ генеральное размежеваніе Европы совершилось полюбовно; за Австріей была упрочена значительная часть сѣверной Италіи, именно все Ломбардо-Венеціанское королевство; кромѣ того австрійскій императорскій домъ находился въ родственныхъ связяхъ съ владѣтелями Тосканы, Модены и Пармы и вслѣдствіе этого могъ имѣть

сильное вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю политику этихъ второстепенныхъ государствъ. Такимъ образомъ можно было сказать заранѣе, что Австрія будетъ добиваться и дѣйствительно добьется преобладанія въ Италіи. Какъ только Бурбонская династія была возстановлена въ Неаполѣ, Меттернихъ заключилъ съ неаполитанскимъ королемъ тайный союзный договоръ и обязалъ его не давать Неаполю такихъ законовъ, которые въ какомъ бы-то ни было отношеніи будутъ отличаться отъ австрійскихъ законовъ, господствующихъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ то-же время былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ съ великимъ герцогомъ тосканскимъ, съ цѣлью обоюдной защиты, для поддержанія въ Италіи спокойствія и порядка; точно также поступилъ Меттернихъ въ отношеніи къ Моденѣ. Но Піемонтъ на подобный союзъ не согласился; папа также пожелалъ сохранить свою самостоятельность; планъ Меттерниха, старавшагося отгородить австрійскія владѣнія въ Италіи отъ всякаго доступа зловредныхъ якобинскихъ идей, разстроился, потому что ближайшій сосѣдъ Ломбардіи, сардинскій король, не захотѣлъ подчиниться австрійскому уставу. Еслибы вся Италія управлялась по одной нормѣ, тогда жителямъ Ломбардіи не представлялось-бы искушенія; на это разсчитывалъ Меттернихъ; когда этотъ разсчетъ лопнулъ, тогда онъ счелъ нужнымъ отрѣзать австрійскихъ подданныхъ отъ остальной Италіи и заставить ихъ забыть, что они—итальянцы. Меттернихъ самъ сказалъ маркизу Ст.-Марцано: «Императоръ, желая подавить духъ итальянскаго единства, не принялъ и не приметъ титула итальянскаго короля; поэтому онъ распустилъ итальянское войско и уничтожилъ всѣ тѣ учрежденія, которыя могутъ подготовить образованіе большого національнаго королевства. Онъ хочетъ убить духъ итальянскаго якобинства и обезпечить такимъ образомъ спокойствіе Италіи».

Соблюдая такую дипломатическую осторожность въ совѣщаніяхъ съ итальянскими патріотами, обращаясь такъ бережно на словахъ съ ихъ національнымъ чувствомъ, Меттернихъ такъ-же деликатно обращался на дѣлѣ съ лучшими вѣрованіями и стремленіями австрійскихъ итальянцевъ; онъ ввелъ ненавистную для нихъ конскрипцію, навязалъ имъ непривычные для нихъ австрійскіе законы, австрійское судопроизводство, австрійскую методу воспитанія. Въ короткое время эти мудрыя и своевременныя распоряженія сдѣлали то, что итальянцы, поступившіе подъ управленіе Австріи безъ особеннаго отвращенія, возненавидѣли ея господство той пламенной ненавистью, которая свойственна южнымъ народамъ романскаго племени. Интригамъ и насилію правительства народъ сталъ противупоставлять заговоры, тайныя общества и возмущенія; правительство еще тѣ̀же стало стягивать оковы; Меттернихъ опуталъ всю страну сѣтью полицейскихъ сыщиковъ и шпіоновъ; глухое раздраженіе итальянцевъ сдѣлалось еще болѣе серьезнымъ и замкнутымъ. Правительство и народъ не довѣряли другъ-другу, боялись другъ-друга, и это взаимное недовѣріе, вызывая съ одной стороны новыя полицейскія мѣры, съ другой — новыя попытки къ возстанію, должно было увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Рѣшившись идти по этому направленію, Меттернихъ уже не могъ ни остановиться, ни повернуть назадъ. Сдѣлать то или другое—значило поставить на карту Ломбардо-Венеціанское королевство, а рисковать имъ не желали ни Францъ I, ни его исполнительный чиновникъ Меттернихъ. Стремленія Меттерниха происходили въ этомъ случаѣ исключительно отъ его незнанія; онъ думалъ, что можно перевоспитать народъ въ два-три года, что можно пріучить его къ какимъ угодно учрежденіямъ, что стоитъ только подписать тотъ или другой законъ, и что онъ сейчасъ-же получитъ полную силу и произведетъ желанное дѣйствіе. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ оно пожалуй-что и такъ; если трактатъ подписанъ, значитъ представитель государства согласенъ,—и дѣло съ концомъ; остается только привести въ исполненіе, отмежевать уступленную землю, взыскать условленную контрибуцію, срыть означенное укрѣпленіе, и т. п. Привыкши къ такого рода дѣятельности, Меттернихъ вздумалъ съ живыми народными интересами обращаться такъ-же безцеремонно, какъ онъ обращался съ интересами различныхъ правительствъ. Такая безцеремонность сначала озадачила націю, а потомъ привела ее въ негодованіе. Распоряженія Меттерниха повели къ результату, діаметрально противоположному той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Онъ хотѣлъ германизировать Италію, и вмѣсто того итализировалъ ее, потому что чужеземный гнетъ пробудилъ въ народѣ чувство національной гордости и стремленіе къ политической самостоятельности. Онъ боялся революціи и всѣми силами старался отклонить или по крайней мѣрѣ отсрочить ее, и въ то-же время своими распоряженіями заготовилъ горючаго матеріала на цѣлые десятки революцій и вулканизировалъ всю почву новоприобрѣтенныхъ австрійскихъ владѣній. «Система налоговъ и полиція,—говоритъ Монтанелли,—составляли всю административную науку австрійскаго правительства».

Экономическое положеніе Ломбардіи было такъ-же тяжело, какъ общественное и нравственное; налоги были почти вдвое больше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи; цѣпь австрійскихъ таможенъ не пропускала въ Ломбардію англійскихъ и французскихъ продуктовъ

и принуждала жителей пробавляться произведеніями нѣмецкихъ фабрикъ, не отличавшимися ни дешевизной, ни хорошимъ достоинствомъ. Эти таможни точно также затрудняли вывозъ ломбардскихъ произведеній въ Піемонтъ, въ Швейцарію, во Францію, въ Англію. Устройство банковъ, экономическихъ обществъ, промышленныхъ ассоціацій встрѣчало со стороны австрійскаго правительства неопреодолимое сопротивленіе. Въ полицейскомъ отношеніи Ломбардія была отгорожена отъ образованнаго міра какой-то китайской стѣной, только отнюдь не фарфоровой. Въѣздъ въ Ломбардію и выѣздъ изъ нея затруднялся безчисленными формальностями; случалось часто, что человѣку, просившему паспортъ въ Лондонъ или въ Парижъ, предлагали паспортъ въ Вѣну. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей ни одно сословіе не могло быть довольно. Дворянство было оскорблено невниманіемъ вѣнскаго двора; духовенство было озлоблено индифферентизмомъ Меттерниха въ дѣлахъ церкви; простой народъ былъ приведенъ въ отчаяніе налогами и наборами; купцы жаловались на уродливыя таможенныя распоряженія; литераторы были выведены изъ терпѣнія гнетомъ цензуры; наконецъ вся нація въ одинаковой степени страдала отъ произвола въ судахъ, отъ неспособности администраторовъ, отъ всемогущества полиціи и отъ нахальства военнаго сословія.

Нашъ дипломатъ оказывается такимъ образомъ великимъ человѣкомъ на малыя дѣла; онъ умѣетъ подольщаться къ отдѣльнымъ личностямъ, но не умѣетъ пріобрѣтать довѣріе и любовь цѣлаго народа; онъ самъ говоритъ даже, что и не ищетъ популярности; эти слова показываютъ всю его недальновидность; онъ не понимаетъ того, что постоянно держать націю въ повиновеніи силой полиціи и войска—невозможно и кромѣ того невыгодно, потому что деньги, употребляемыя для содержанія лишняго войска, тратятся даромъ и не приносятъ ни пользы странѣ, ни удовольствія правительству. Впрочемъ нужно-ли еще опровергать политику Меттерниха? она уже осуждена исторіей, ея несостоятельность обнаружили итальянскія событія послѣднихъ годовъ.

V.

Политика Меттерниха въ Германіи нисколько не отличается отъ его политики въ Италіи; таже боязнь національныхъ стремленій, та-же ненависть ко всякому усовершенствованію существующихъ учрежденій, та-же обширная система шпіонства. Чувствуя полнѣйшее отвращеніе къ яркимъ и крутымъ мѣрамъ, Меттерних не рѣшился идти напроломъ противъ тѣхъ идей и тенденцій, которыя возбудила въ нѣмецкомъ народѣ война за освобожденіе Германіи. Дѣйствуя окольными путями противъ германскаго единства, онъ точно также хитро и осторожно повелъ интриги противъ конституціонныхъ идей, пользовавшихся сочувствіемъ націи и начинавшихъ укореняться въ умахъ владѣтельныхъ особъ и министровъ. Надъ проэктомъ прусской конституціи работали въ то время Гарденбергъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ, о конституціи говорили и писали въ Баваріи и Виртембергѣ, и всѣ эти толки, собранія, произносимыя рѣчи чрезвычайно не нравились Меттерниху; во-первыхъ, они нарушали то спокойствіе, которое онъ считалъ высшимъ благодѣяніемъ; во-вторыхъ, они увеличивали значеніе Пруссіи, на которую вся Германія начинала смотрѣть съ любовью и надеждой.

Какъ представительница чистаго абсолютизма и какъ соперница Пруссіи, Австрія должна была относиться враждебно къ конституціонному движенію и противодѣйствовать ему всѣми мѣрами своей изобрѣтательной дипломатіи. Меттернихъ разослалъ ко всѣмъ посланникамъ своего двора инструкціи и приказанія всячески противодѣйствовать осуществленію этихъ тенденцій; въ то-же самое время представитель Австріи на германскомъ сеймѣ, по инструкціи того-же Меттерниха, говорилъ языкомъ болѣе приличнымъ и не являлся отъявленнымъ противникомъ тѣхъ началъ, въ которыя горячо вѣровала вся живая Германія. Здѣсь, какъ и вездѣ, Меттернихъ велъ параллельно двѣ политики, оффиціальную и неоффиціальную, явную и тайную, которыя сближались или расходились между собою, смотря по обстоятельствамъ. Оффиціальный представитель Австріи говорилъ одно, а тайныя инструкціи, сообщаемыя посланникамъ, тайныя и конфиденціальныя письма къ государямъ и министрамъ говорили совершенно другое. Вступить въ открытый и честный бой съ опасными идеями вѣка Меттернихъ не рѣшался; онъ подкапывалъ ихъ потихоньку, и результаты его подземныхъ работъ не оставались безплодными; конфиденціальныя письма его тревожили впечатлительные умы тогдашнихъ государей и парализировали ихъ честныя намѣренія. Гарденбергъ, безхарактерный прусскій министръ, повѣрилъ внушеніямъ Меттерниха, оттолкнулъ отъ себя своего помощника Гумбольдта и отшатнулся отъ дѣла конституціи; окончательное рѣшеніе вопросовъ затянулось на неопредѣленное время.

Интригуя такимъ образомъ противъ того, что цѣлый германскій народъ считалъ своей потребностью, Меттернихъ конечно не могъ чувствовать особаго расположенія къ печатной гласности. Журналистика, обращавшая вниманіе общества на тѣ вымышленныя препятствія и пустыя отговорки, которыми затягивались совѣщанія о важныхъ вопросахъ, журналистика, напоминавшая обществу его нужды,—возбуждала въ Меттернихѣ самыя серьезныя опа-

сенія; въ ней видѣлъ онъ самое страшное орудіе агитаціи, и противъ нея началъ онъ принимать постепенно усиливающіяся мѣры. Сначала онъ выдвинулъ противъ органовъ либеральной партіи свои органы, проводившіе въ возможно-приличной формѣ идеи и симпатіи австрійскаго правительства. Главнымъ бойцомъ Меттерниховскаго лагеря былъ извѣстный публицистъ Генцъ, человѣкъ умный и ловкій.— Блестящія статьи этого политическаго писателя помѣщались въ «Австрійскомъ Наблюдателѣ», котораго оффиціальнымъ редакторомъ былъ Іосифъ Пилатъ, домашній секретарь князя Меттерниха; ожесточенная полемика этого журнала съ «Рейнскимъ Меркуріемъ», издававшимся подъ редакціей талантливаго и честнаго писателя Гёрреса, обратила на себя вниманіе всей читающей Германіи, и Меттернихъ увидалъ, что спорить съ либералами значитъ распространять и популяризировать ихъ идеи; онъ повелъ дѣло правительственнымъ путемъ и упросилъ Гарденберга запретить ненавистный журналъ; но Гёрресъ не унялся и началъ издавать брошюры и летучіе листки, которые покупались и читались нарасхватъ; тогда Меттернихъ задумалъ устроить въ обширныхъ размѣрахъ полицейское управленіе Германіи и по возможности всей континентальной Европы.

Опираясь на трактатъ священнаго союза, въ которомъ подписавшіеся государи обязывались совокупными силами поддерживать въ Европѣ общественное спокойствіе и наблюдать за народной нравственностью, Меттернихъ осенью 1818 года устроилъ въ Ахенѣ конгрессъ и членамъ этого конгресса представилъ самымъ убѣдительнымъ образомъ необходимость дружно дѣйствовать противъ общаго врага, т. е. противъ того духа якобинства, который, если дать ему волю, опрокинетъ весь соціальный порядокъ. Увѣщанія Меттерниха, указавшаго на грядущія бѣдствія съ воодушевленіемъ истиннаго пророка, подѣйствовали какъ нельзя лучше; члены конгресса воротились во-свояси съ сильнымъ предубѣжденіемъ противъ пагубныхъ идей вѣка и съ этой спасительной боязнью революціи, изъ которой не трудно было развить современемъ самыя крутыя мѣры реакціи. Меттернихъ сталъ ковать желѣзо, пока оно было горячо, и черезъ годъ послѣ ахенскаго конгресса пригласилъ нѣмецкихъ министровъ въ Карлсбадъ для совѣщаній «о тѣхъ мѣрахъ, которыя должно принять противъ демагогическихъ неурядицъ». Неурядицы эти, требовавшія обще-германскаго конгресса, состояли въ нѣсколькихъ рѣчахъ, произнесенныхъ на студенческихъ сходкахъ, да еще въ томъ, что молодой патріотъ Зандъ убилъ извѣстнаго писателя Коцебу, поддерживавшаго подозрительныя сношенія съ однимъ иностраннымъ правительствомъ. Подымать изъ-за этого тревогу было почти смѣшно, но правители Германіи на все смотрѣли глазами Меттерниха, а Меттернихъ старался преувеличивать опасность, чтобы показать необходимость систематическаго преслѣдованія извѣстныхъ идей и стремленій. Карлсбадскія конференціи состоялись и система Меттерниха восторжествовала. Двѣ статьи союзнаго акта, статья 13-я, обѣщавшая отдѣльнымъ государствамъ Германіи представительное правленіе, и 18-я, объявлявшая свободу печати, были истолкованы такъ ловко, что потеряли все свое значеніе. Черезъ мѣсяцъ послѣ карлсбадскихъ конференцій, союзный сеймъ объявилъ, что, желая уберечь Германію отъ бѣдствій анархіи, онъ самъ дастъ общую норму, по которой должны быть выработаны конституціи отдѣльныхъ государствъ; что сейму, какъ верховной правительственной и законодательной инстанціи, должно имѣть въ своемъ распоряженіи вооруженную силу для исполненія рѣшеній; что вредное направленіе университетскаго преподаванія требуетъ строгаго надзора за студентами и профессорами; что вредное направленіе литературы должно быть обуздано цензурой, и что въ Майнцѣ должно устроить центральную слѣдственную коммиссію для того, чтобы разузнавать и разрушать революціонные замыслы. — —

Князь Меттернихъ поступалъ такимъ образомъ по мелкому, трусливому чувству самосохраненія; его личная судьба была тѣсно связана съ участью Франца I, и потому онъ, во что-бы то ни стало, старался упрочить могущество Австріи и ея преобладаніе въ Германіи.— —

Геніальные люди не становятся въ оппозицію съ требованіями времени, потому что они въ состояніи всецѣло понять эти требованія и вынести ихъ на своихъ плечахъ. Меттернихъ сознательно принимается за преслѣдованіе прогрессивныхъ идей; это доказываетъ съ одной стороны, что онъ не въ состояніи быть проводникомъ этихъ идей, съ другой стороны, что честность не можетъ быть поставлена въ число его человѣческихъ добродѣтелей. Умъ его не выходитъ изъ размѣровъ мелкой изворотливости; честность остановливается на той степени, которая мѣшаетъ человѣку залѣзть въ чужой карманъ, но не доходитъ до искренности и стойкости убѣжденій. Меттернихъ сходенъ въ этихъ двухъ отношеніяхъ съ Талейраномъ, съ той только разницей, что Талейранъ еще болѣе Меттерниха пустъ и мелоченъ, и еще менѣе Меттерниха способенъ отъ отдѣльныхъ фактовъ возвышаться до общихъ идей.

VI.

Обезпечивъ себя со стороны Германіи, Меттернихъ поставилъ себѣ за правило рѣшительно сопротивляться всякому измѣненію существующаго порядка вещей во всей Европѣ; всякая

попытка націи улучшить свое положеніе считалась уголовнымъ преступленіемъ, которое должны были преслѣдовать всѣми мѣрами всѣ европейскія правительства. Когда въ Неаполѣ въ 1820 году вспыхнула революція, вынудившая конституцію у короля Фердинанда, Меттернихъ поставилъ австрійскую армію въ Италіи на военное положеніе и отправилъ къ итальянскимъ государямъ циркулярную ноту, въ которой объявлялось, что Австрія ручается за неприкосновенность ихъ владѣній и даже, въ случаѣ надобности, отправитъ свои войска для усмиренія мятежниковъ. Неаполитанское правительство отправило посланника къ вѣнскому двору; посланника этого не приняли и не признали въ его должности; послѣ частнаго разговора съ Меттернихомъ онъ получилъ приказаніе немедленно оставить австрійскія владѣнія.— —Этимъ конечно дѣло не кончилось; Меттернихъ, заботливый блюститель порядка, обратился къ своему любимому средству, къ конгрессу. Въ Тропавѣ, осенью 1820 года, собрались представители великихъ державъ и начались совѣщанія о томъ, какія мѣры пустить въ ходъ для вразумленія заблуждающихся грѣшниковъ. Меттернихъ собственноручно написалъ проэктъ новаго союза, въ которомъ принципъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія государствъ былъ развитъ до послѣднихъ предѣловъ.

«Тѣ-же идеи, говоритъ этотъ проэктъ, во имя которыхъ соединились великія державы, чтобы опрокинуть военный деспотизмъ человѣка, вышедшаго изъ революціи, должны быть примѣнены къ дѣлу въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ, частью—путемъ посредничества, частью—силой оружія». Къ этому вновь скрѣпленному союзу приступили Россія и Пруссія. Вооруженное вмѣшательство Австріи въ дѣла Неаполя было такимъ образомъ оправдано въ глазахъ Европы, и цѣль Меттерниха была достигнута. Протестъ Англіи не произвелъ на него сильнаго впечатлѣнія, потому что онъ не придавалъ особеннаго значенія ея вліянію на дѣла континента и не думалъ, чтобы протестъ этотъ выразился въ осязательной формѣ.

На тропавскомъ конгрессѣ было рѣшено пригласить неаполитанскаго короля въ Лайбахъ и тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, фундаментально обсудить положеніе его королевства. Король пріѣхалъ, съ радостью согласился, по приглашенію Меттерниха, взять назадъ ту конституцію, въ непарушимости которой онъ полгода тому назадъ клялся передъ лицомъ своего народа, и съ восторгомъ принялъ отъ Австріи 50,000-ное вспомогательное войско. Сопротивленіе неаполитанскаго парламента было задавлено безъ труда; конституція—уничтожена... Въ началѣ 1821 года произошло движеніе въ Піемонтѣ; австрійскій корпусъ задавилъ это движеніе, и торжественный циркуляръ, подписанный тремя великими державами, объявилъ всѣмъ правительствамъ о рѣшительной побѣдѣ священнаго союза надъ пагубными стремленіями злоумышленниковъ, якобинцевъ и карбонаріевъ. Но еще не успѣли закрыть лайбахскаго конгресса, какъ пришло извѣстіе о возстаніи грековъ; Меттернихъ хотѣлъ и въ этомъ случаѣ пустить въ ходъ принципъ вооруженнаго вмѣшательства, но на этотъ разъ онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе со стороны Франціи, Англіи и Россіи и согласился отложить разсмотрѣніе греческаго вопроса до будущаго года.

До сихъ поръ Меттернихъ послѣ вѣнскаго конгресса не встрѣчалъ серьезной оппозиціи на дипломатическомъ поприщѣ; система его находила себѣ всеобщее сочувствіе среди правителей и министровъ; Австрія пользовалась самымъ обширнымъ вліяніемъ на дѣла Европы; императоръ Францъ, видя ревность своего министра и оцѣнивая его заслуги, наградилъ его послѣ лайбахскаго конгресса званіемъ государственнаго канцлера Австрійской имперіи; послѣ этого Меттерниху нельзя было идти далѣе; онъ стоялъ на высшей ступени іерархической лѣстницы,— на той ступени, на которую послѣ Кауница не становился ни одинъ австрійскій подданный; онъ фактически былъ законодателемъ Европы; онъ управлялъ повидимому историческими событіями; кажется, ему больше ничего не оставалось желать, и дѣйствительно, вся его дѣятельность въ послѣднее десятилѣтіе, т. е. послѣ окончательнаго низложенія Наполеона, была, по его собственному выраженію, чисто консервативная; мы ее назовемъ узко-консервативной, потому что истинный консерватизмъ возможенъ только при благоразумныхъ уступкахъ требованіямъ времени; кто хочетъ поддержать всю машину въ состояніи общей годности, тотъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы не стирались и не ржавѣли отдѣльныя колеса, и заблаговременно замѣнять попорченныя части новыми, крѣпкими и свѣжими элементами; но для такой дѣятельности надо быть ученымъ или по крайней мѣрѣ практически опытнымъ механикомъ, надо знать назначеніе каждаго колеса, надо понимать общій строй машины, а ничто не даетъ намъ права думать, чтобы Меттернихъ былъ глубокимъ знатокомъ своего дѣла; продержать лѣтъ тридцать запретительную систему съумѣетъ всякій, если вы отдадите въ его распоряженіе полицію и войско; но гдѣ-же прочные результаты такой системы? да и возможны-ли тутъ прочные результаты? Развѣ Меттернихъ успѣлъ перевоспитать ту націю, которой онъ управлялъ? Развѣ онъ убѣдилъ ее въ законности своей системы? Развѣ онъ отклонилъ въ какую-нибудь другую

сторону тѣ силы и стремленія, которыхъ порывы были ему такъ ненавистны? Развѣ онъ создалъ для этихъ безпокойныхъ силъ какое-нибудь поприще дѣятельности?

Нѣтъ, такая задача была слишкомъ головоломна для нашего салоннаго дипломата. Онъ дрессировалъ націю, какъ плохія гувернантки дрессируютъ своихъ воспитанницъ, повторяя имъ на каждомъ шагу: не говорите громко, не гримасничайте, не трогайте этихъ вещей, не смотрите въ эту сторону. Такая дрессировка скоро надоѣдаетъ воспитаннику и скоро внушаетъ ему презрѣніе къ своему педагогу. Приложенная къ цѣлымъ народамъ, эта система политическаго воспитанія подѣйствовала точно такъ-же; раздраженіе націй выразилось довольно поздно, но зато взрывъ былъ очень силенъ и разстроилъ планы государственнаго канцлера раньше, чѣмъ онъ думалъ; старой консервативной системы достало на вѣкъ Генца, умершаго въ 1835 году, но на вѣкъ Меттерниха ея оказалось мало, и событія 1848 года явились наказаніемъ за грѣхи 20-хъ и 30-хъ годовъ.

Неудачи системы начались гораздо раньше, тотчасъ послѣ того торжественнаго циркуляра, который возвѣстилъ народамъ Европы побѣду священнаго союза надъ нарушителями общественнаго порядка. Греческій вопросъ былъ первымъ яблокомъ раздора между членами священнаго союза. Меттернихъ, какъ сухой дипломатъ, видѣлъ въ возмутившихся грекахъ такихъ-же мятежниковъ, каковы были неаполитанцы и піемонтцы; у императора Александра, напротивъ того, пылкое религіозное чувство говорило громче всѣхъ остальныхъ соображеній; онъ хотѣлъ помочь своимъ единовѣрцамъ; кромѣ того война съ Турціей могла усилить вліяніе Россіи на дѣла Востока, и потому императоръ Александръ показалъ самое серьезное расположеніе вступиться за грековъ вооруженной силой. Меттернихъ давно уже боялся Россіи, и потому, наскоро сговорившись съ англійскимъ министромъ лордомъ Кастльригомъ, для отвращенія угрожавшей войны предложилъ русскому правительству посредничество Австріи и Англіи. Посредничество это было принято и Порта очистила Молдавію и Валахію, которыя она, въ ожиданіи войны, уже успѣла занять своими войсками. Что-же касается до грековъ, то члены священнаго союза согласились въ отношеніи къ нимъ оставаться на время нейтральными; со стороны Меттерниха это уже была важная уступка; онъ соглашался смотрѣть на возмущеніе подданныхъ противъ своего законнаго государя, не посылая войска для усмиренія мятежниковъ. Это, какъ вы видите, составляетъ ужъ отступленіе отъ системы, провозглашенной въ Ахенѣ, въ Тропавѣ и въ Лайбахѣ. Въ этомъ отступленіи нѣтъ ничего удивительнаго; мы уже настолько знаемъ личный характеръ князя Меттерниха, чтобы понимать, какъ мало онъ былъ способенъ бороться съ серьезнымъ препятствіемъ во имя своей идеи; какъ встрѣчается такое препятствіе, такъ нашъ дипломатъ уклоняется въ сторону и только потомъ изъ личнаго тщеславія старается показать, что его уступка не что иное, какъ результатъ глубокихъ политическихъ соображеній, не что иное, какъ естественный и необходимый выводъ его знаменитой системы. Чѣмъ дальше отступаетъ онъ отъ этой системы въ жизни, тѣмъ упорнѣе держится за нее въ теоріи, чтобы посредствомъ запутанной діалектики замаскировать свои политическія неудачи и пораженія.

Чувствуя что-то неладное въ отношеніяхъ между главными членами священнаго союза, Меттернихъ считалъ необходимымъ скрѣпить этотъ союзъ новымъ конгрессомъ и на этомъ предполагаемомъ конгрессѣ еще разъ самымъ ревностнымъ образомъ втолковать присутствующимъ лицамъ тѣ догматы политической вѣры, безъ которыхъ нѣтъ ни спасенія, ни порядка. Благодаря его стараніямъ, состоялся конгрессъ въ Веронѣ. Въ четыре года—четыре европейскіе конгресса, и всегда составителемъ, разсылающимъ пригласительные билеты, является Меттернихъ. Въ этихъ постоянно повторяющихся совѣщаніяхъ объ одномъ и томъ-же, въ этомъ постоянно повторяющемся обращеніи къ союзникамъ, въ этихъ періодическихъ увѣреніяхъ во взаимной дружбѣ и взаимной помощи, видна тревожная боязливость, происходящая отъ тайнаго, инстинктивнаго, невысказаннаго чувства собственной безпомощности. Меттернихъ очевидно боялся остаться глазъ-на-глазъ съ своимъ народомъ; онъ очевидно боялся, что его захватитъ врасплохъ какое-нибудь энергическое движеніе массы; на этомъ основаніи при малѣйшемъ волненіи въ какомъ-нибудь уголкѣ Европы, послѣ малѣйшей размолвки съ кѣмъ-нибудь изъ союзниковъ, онъ тотчасъ разсылаетъ во всѣ концы Европы приглашенія собраться для совѣщаній; онъ съ тревожной заботливостью освѣдомляется о настроеніи разныхъ правительствъ и, собравши ихъ представителей, начинаетъ опять толковать съ ними объ общей опасности, о необходимости прочнаго союза, о неоцѣненныхъ достоинствахъ своей системы. Эта вѣчная тревога служитъ новымъ доказательствомъ того, какъ мало князь Меттернихъ былъ убѣжденъ въ прочности своихъ собственныхъ дѣйствій.

VII.

Каждый конгрессъ созывался Меттернихомъ съ той цѣлью, чтобы отнять у народовъ какія-нибудь права, чтобы въ чемъ нибудь стѣснить ихъ законную свободу, чтобы безнаказанно нарушить данныя имъ обѣщанія, чтобы напустить на нихъ войска священнаго союза. Верон-

скій конгрессъ въ своихъ результатахъ нисколько не отличается отъ трехъ предыдущихъ. Революція въ Испаніи обратила на себя все вниманіе австрійскаго канцлера; король испанскій, Фердинандъ VII былъ принужденъ дать своему народу конституцію, но потомъ, введя эту конституцію, онъ своей двуличной политикой въ отношеніи къ конституціоннымъ властямъ самъ поддерживалъ въ своемъ королевствѣ волненія и безпорядки. Противъ конституціоннаго порядка бунтовали низшіе слои народа. Они вооружались противъ конституціи и объявляли, что идутъ защищать религію и короля. Монашество, терявшее, по опредѣленію кортесовъ, значительную долю своихъ помѣстьевъ и доходовъ, было недовольно конституціоннымъ порядкомъ. На сторонѣ конституціи стояло все мыслящее населеніе Испаніи; Фердинандъ VII, насколько это было возможно, замедлялъ и парализировалъ дѣйствія кортесовъ противъ бунтовщиковъ. Могъ-ли Меттернихъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ испанскихъ событій? Всѣ усилія австрійскаго министра на веронскомъ конгрессѣ были направлены къ тому, чтобы убѣдить Францію въ необходимости пойти на помощь испанскимъ роялистамъ, осуществить желанія самой испанской націи, требующей возстановленія стараго порядка, и низложить ту партію мятежниковъ, которая овладѣла правленіемъ. Вслѣдствіе этого представители Франціи обязались, отъ имени своего правительства, представить мадридскому кабинету энергическую ноту и, если это не поможетъ, рѣшить дѣло французскими штыками, къ полному удовольствію Меттерниха, Фердинанда VII и испанскихъ роялистовъ.

Греческій вопросъ не могъ быть рѣшенъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Императоръ Александръ, при всей своей привязанности къ принципу священнаго союза, не могъ никакъ убѣдиться въ необходимости предпринимать крестовый походъ въ пользу турецкаго султана; онъ попрежнему сочувствовалъ возмутившимся грекамъ, и потому Меттернихъ, вывѣдавъ стороной о его настроеніи, заблагоразсудилъ не поднимать этого щекотливаго вопроса и употребилъ все свое искусство на то, чтобы на конгрессѣ обойти дѣло грековъ молчаніемъ. Самимъ грекамъ это казалось невыгоднымъ; они прислали отъ себя депутацію, чтобы просить помощи у великихъ державъ; Меттерниха это нисколько не затруднило; по его приказанію этихъ грековъ задержали въ Анконскомъ карантинѣ до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не разошелся. Австрійскій министръ, какъ видите, не долго задумывался въ выборѣ средствъ; цѣли его были такъ обширны, такъ возвышенно-благородны, что ими оправдывались и прикрывались непзящныя средства. Да и передъ кѣмъ было ихъ оправдывать? До мнѣнія народовъ Меттерниху не было дѣла, а правители и министры большей частью смотрѣли на вещи его глазами, и къ тому-же ихъ было такъ легко отуманить софизмами и запугать мрачными прозрѣніями.

Видя огромное вліяніе, которымъ несомнѣнно пользовался Меттернихъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, и зная тѣ дешевыя домашнія средства, которыми пріобрѣталось это вліяніе, историкъ останавливается въ недоумѣніи и ищетъ причины этому явленію. Неужели современники не понимали Меттерниха? Неужели они, зная его личность, могли слѣпо вѣрить его политическимъ теоріямъ? Неужели никто изъ тогдашнихъ дѣятелей не видѣлъ поверхностности, двуличности, безхарактерности и политической неразвитости австрійскаго государственнаго канцлера? Да кто-же изъ тогдашнихъ оффиціальныхъ дипломатовъ былъ лучше Меттерниха? Кто изъ нихъ не былъ ему сродни по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ? Сродство тогдашнихъ государственныхъ людей съ княземъ Меттернихомъ заключалось въ томъ, что большая часть изъ нихъ раздѣляла всѣ его недостатки, не обладая его мелкой изворотливостью и изобрѣтательностью. Никто изъ тогдашнихъ дипломатовъ не былъ спеціально приготовленъ къ своему дѣлу; всѣ они поступили на свои мѣста или по праву рожденія, или по придворнымъ заслугамъ; всѣ они держались на своихъ высокихъ мѣстахъ закулисными средствами, не имѣющими ничего общаго съ государственной мудростью; живя со дня на день, не зная и не предвидя того, что̀ принесетъ завтрашній день, они постоянно сомнѣвались и трусили, постоянно ненавидѣли все новое, потому что во всякомъ непривычномъ, необыденномъ предметѣ или движеніи думали прочесть осужденіе и неминуемую гибель; имѣя дѣло съ неизвѣстными имъ силами, которыхъ взрывы могли быть страшно разрушительны, эти доморощенные политики тоскливо оглядывались по сторонамъ, отыскивая себѣ союзниковъ. Меттернихъ душой и тѣломъ принадлежалъ къ ихъ лагерю, стоялъ съ ними подъ однимъ знаменемъ и обнаруживалъ притомъ такую проницательность, догадливость и усердную предусмотрительность, которой не могли не дорожить всѣ остальные дѣятели. О великихъ народныхъ и человѣческихъ интересахъ никто изъ нихъ не думалъ; поэтому всѣ они старались только отсрочить рѣшительную минуту; а придумывать разныя отговорки, пускать въ ходъ разныя полумѣры — Меттернихъ былъ великій мастеръ, собственно потому, что такое мастерство доступно всякому человѣку, стоящему въ положеніи австрійскаго министра. Давить движеніе мысли — не трудно, была-бы только сила да добрая воля, т. е. совершенная нечувствительность къ тому, что волнуетъ, не-

чалитъ или радуетъ другихъ людей. А въ этомъ отношеніи у Меттерниха были развязаны руки; онъ былъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ; справедливость, развитіе мысли, литература, наука, народность были для него пустыя слова, на которыя жадно бросается неопытная молодежь, но къ которымъ разсудительный человѣкъ относится съ снисходительной улыбкой. Улыбка эта оставалась на губахъ разсудительнаго человѣка до тѣхъ поръ, пока дѣло не выходило изъ предѣловъ шутки, препровожденія времени; какъ только неопытная молодежь, внимая злонамѣреннымъ толкамъ, ослѣпленная громкими словами, принимала дѣло серьезно, такъ князь Меттернихъ нахмуривалъ брови, входилъ въ роль заботливаго отца семейства, скликалъ европейскій педагогическій совѣтъ и представлялъ ему необходимость вразумлять увлекающееся юношество. И развитіе этого юношества дѣйствительно задерживалось распоряженіями педагогическаго совѣта; и почти два поколѣнія изжили свой вѣкъ и потеряли свои силы въ шпильбергскихъ карцерахъ, въ ссылкѣ, въ глухой, безплодной оппозиціи противъ австрійской государственной тактики.

Читая мартирологію итальянскихъ патріотовъ, каждый по-человѣчески чувствующій читатель можетъ-быть почувствовалъ-бы ненависть къ Меттерниху, душѣ австрійской политики, автору и проводнику всѣхъ жестокихъ мѣръ. Читатель этотъ поступитъ такимъ образомъ не совсѣмъ справедливо или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ логично. Въ личности Меттерниха нѣтъ того мрачнаго величія, которое можно замѣтить въ историческихъ фигурахъ Людовика XI французскаго, Филиппа II испанскаго, Генриха VIII англійскаго, нашего Ивана IV; у Меттерниха нѣтъ тѣхъ смѣлыхъ и обширныхъ идей, которыя проводилъ въ своей дѣятельности Людовикъ XI, централизаторъ феодальной Франціи; у него нѣтъ того дикаго фанатизма, который одушевлялъ собою тирана Испаніи; въ его оправданіе нельзя привести того болѣзненнаго разстройства, которымъ до нѣкоторой степени объясняются кровавыя эксцентричности Генриха и Ивана. Острый умъ Людовика XI, стоившаго для будущихъ поколѣній, не можетъ примирить насъ съ его жестокостями, но во всякомъ случаѣ выдвигаетъ его личность изъ ряда дюжинныхъ явленій; односторонняя дюжинность Филиппа II не можетъ вызвать къ себѣ нашего сочувствія, но во всякомъ случаѣ заставляетъ насъ смотрѣть на его громадныя преступленія, какъ на результатъ горячаго убѣжденія; болѣзненное состояніе Генриха VIII и Ивана IV не можетъ показаться намъ привлекательнымъ, но оно почти снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за пролитую кровь. Скажите на милость, можно-ли въ пользу Меттерниха привести хоть одно подобное оправданіе? Созидалъ-ли онъ прочное зданіе для будущихъ вѣковъ? Дѣйствовалъ-ли онъ подъ увлеченіемъ страсти? Страдалъ-ли онъ умопомѣшательствомъ?—Ничуть не бывало; все дѣлалось у него хладнокровно, прилично, чуть-чуть не кротко: онъ безъ малѣйшаго раздраженія и безъ малѣйшей надобности, исполняя чужую волю, принималъ на себя роль главнаго тюремщика австрійской имперіи; какъ услужливый исполнитель, онъ съ полнымъ усердіемъ принималъ на себя всякія должности: нужно быть первымъ министромъ—онъ готовъ; нужно распечатать и прочесть чужое письмо—извольте; нужно подослать шпіона—и это можно; нужно вывѣдать черезъ свою любовницу секретъ—будетъ исполнено; нужно присмотрѣть за арестантами — и тутъ князь Меттернихъ не ударитъ лицомъ въ грязь. Въ его характерѣ нѣтъ крупныхъ чертъ, и вслѣдствіе этого ничто въ немъ насъ не шевелитъ, ничто не приводитъ въ негодованіе. Смотря на судьбу и личность Меттерниха, только и можно подумать: бѣдный petit-maître! Рядъ случайныхъ обстоятельствъ поставилъ его такъ высоко, такъ высоко, что ему самому сдѣлалось и весело, и страшно; сойдти внизъ ему не хочется, а упасть онъ боится; его маленькая фигура исчезаетъ на необозримо-высокомъ пьедесталѣ, и новый столпникъ забываетъ, что онъ—человѣкъ; онъ не смотритъ на то, что дѣлается внизу; ему лишь-бы удержаться на своемъ пьедесталѣ; ему нѣтъ дѣла до тѣхъ ничтожныхъ людей, которые не могутъ слѣдовать за нимъ на высоту. Онъ жалокъ въ своемъ неестественномъ положеніи; смѣшныя стороны его мизерной фигурки видны со всѣхъ сторонъ всей толпѣ, стоящей вокругъ пьедестала... Что-же тутъ ненавидѣть? Онъ мелокъ, и оцѣнивать его личный характеръ значитъ только хладнокровно отмѣтить эти выдающіяся черты его физіономіи.

VIII.

Дряблость князя Меттерниха начинаетъ обозначаться въ тѣхъ неудачахъ, которыя въ половинѣ двадцатыхъ годовъ испытываетъ его система.

Случалось-ли вамъ, любезный читатель, встрѣчаться съ такими людьми, которые на словахъ готовы совершить чудеса геройской храбрости, а на дѣлѣ оказываются трусливѣе самаго обыкновеннаго смертнаго? Такіе господа при спорѣ говорятъ очень громко и постепенно возвышаютъ голосъ, но мѣрѣ того, какъ ихъ противникъ становится скромнѣе; если они могутъ запугать васъ, они начинаютъ самовольно распоряжаться вами; если-же, напротивъ того, вы крикните громче ихъ или выкажете сопротивленіе, они дѣлаются мягкими, уступ-

чивыми и понижаютъ тонъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ государственный канцлеръ Австрійской имперіи; пока онъ не встрѣчалъ себѣ оппозиціи, претензіи его росли не по днямъ а по часамъ; система съ каждымъ годомъ проводилась настойчивѣе; вмѣшательство Австріи въ дѣла другихъ государствъ становилось нахальнѣе; дипломатическія ноты писались рѣзче и внушительнѣе; вся Германія была взята въ опеку; вмѣстѣ съ правами націй нарушалась и самостоятельность правителей. Король виртембергскій и великій герцогъ баденскій сами были расположены къ конституціонной системѣ управленія и дорожили любовью своихъ подданныхъ; австрійское правительство не обратило вниманія на ихъ личныя мнѣнія и симпатіи и разными полунасильственными мѣрами заставило ихъ подчиниться политикѣ священнаго союза и ввести въ своихъ владѣніяхъ ту систему гнета, которую испытывала въ это время почти вся континентальная Европа.

Принципъ законности, провозглашенный Меттернихомъ послѣ вѣнскаго конгресса, превратился рѣшительно въ принципъ чистаго султанизма. Меттернихъ поддерживалъ только тѣхъ законныхъ государей, которые соглашались подчиниться его инструкціямъ; кто возставалъ противъ этихъ инструкцій, тотъ былъ врагомъ Австріи и ея министра, какъ-бы ни были законны его права на престолъ; еслибы произошло столкновеніе между законнымъ государемъ, поддерживающимъ конституціонныя идеи, и партіей, стремящейся водворить абсолютизмъ, Меттернихъ не задумался-бы протянуть руку партіи вопреки желанію правителя. Тяжело приходилось континентальной Европѣ подъ ферулой австрійской политики; пора было остановить зазнавшагося придворнаго чиновника и положить конецъ его диктаторскому самовластію, тяготѣвшему надъ націями такимъ-же страшнымъ гнетомъ, какимъ деспотизмъ Наполеона тяготѣлъ надъ государями. Англійскій министръ Каннингъ нанесъ первый рѣшительный ударъ австрійской гегемоніи.

Нанести этотъ ударъ было вовсе не трудно. Меттернихъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ слабъ и трусливъ. Встрѣчая серьезный отпоръ, онъ сначала пробовалъ запугать противника, но стоило только прикрикнуть, и нашъ дипломатъ, не рѣшаясь вступить въ борьбу, начиналъ заботиться только о томъ, чтобы приличнѣе устроить себѣ отступленіе и не признать себя разбитымъ въ глазахъ европейскихъ правительствъ. Споръ между Канningомъ и Меттернихомъ завязался по поводу вопроса объ испанскихъ колоніяхъ въ южной Америкѣ. Колоніи эти: Колумбія, Буэносъ-Айресъ и Чили, отложились отъ метрополіи, объявили себя независимыми и ввели у себя республиканское устройство. Меттернихъ на веронскомъ конгрессѣ объявилъ тономъ диктатора, что великія державы никогда не признаютъ существованія этихъ республикъ и, въ случаѣ надобности, пошлютъ свое войско въ Америку, чтобы возстановить нарушенные интересы монархическаго принципа. Внимая изреченіямъ своего оракула, европейскіе дипломаты благоговѣли, и мысль о крестовомъ походѣ въ Новый Свѣтъ серьезно занимала ихъ умы, возбуждала въ однихъ дѣятеляхъ тревожныя опасенія, въ другихъ—гордое чувство радости. Но явился невѣрующій скептикъ, и европейская пиоія была уличена въ грубомъ заблужденіи. Джоржъ Каннингъ объявилъ ясно и просто, что Англія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ вмѣшательства европейскихъ державъ въ дѣла американскихъ колоній. Меттернихъ попробовалъ устроить конгрессъ, надѣясь какимъ-нибудь образомъ уломать Каннинга; Каннингъ наотрѣзъ отказался участвовать въ конгрессѣ и еще разъ замѣтилъ, что въ отношеніи къ бывшимъ испанскимъ колоніямъ Англія будетъ поступать по собственному благоусмотрѣнію, не обращая вниманія ни на конгрессъ, ни на священный союзъ. Что̀ тутъ было дѣлать? Меттернихъ видѣлъ, что нашла коса на камень, и что придется отступить; онъ сталъ просить Каннинга не дѣлать по крайней мѣрѣ ничего такого, что̀ могло-бы уронить въ общественномъ мнѣніи Европы систему священнаго союза; Каннингъ и на это не согласился; онъ отвѣчалъ, что Англія признаетъ независимость возмутившихся колоній; всѣ доводы Меттерниха были истощены, всѣ его заискиванія разбились о непоколебимую волю англичанина, и къ довершенію скандала французскій кабинетъ, подчиняясь вліянію Англіи, также обнаруживалъ расположеніе признать самостоятельность южноамериканскихъ республикъ. Меттернихъ не былъ способенъ стоять за свою идею до послѣдней возможности; на гордую ноту англійскаго министра онъ отвѣтилъ очень скромно, что священный союзъ не будетъ сопротивляться тому, чтобы бывшія испанскія колоніи были объявлены независимыми, лишь-бы только монархическій принципъ оставался неприкосновеннымъ, лишь-бы только отложившіяся земли выбрали себѣ въ правители законныхъ государей. Каннингъ не сдѣлалъ никакой уступки и, рѣшительно отказавши Меттерниху во всѣхъ его требованіяхъ, вслѣдъ затѣмъ оффиціально, безъ всякихъ условій и ограниченій, призналъ независимость новыхъ республикъ. Меттернихъ, какъ и слѣдовало ожидать, покорился необходимости, и торжественныя обѣщанія его о крестовомъ походѣ великихъ державъ за море остались громкими фразами.

Еще чувствительнѣе было пораженіе, нанесенное политикѣ Меттерниха въ Португаліи; виновникомъ этого пораженія былъ тотъ-же Кан-

нингъ. Въ Португаліи королева Марія да-Глоріа, дочь бразильскаго императора Педро, ввела бразильскую конституцію, предоставлявшую націи значительныя льготы и политическія права; дядя королевы, Мигуэль, призванный сдѣлаться ея мужемъ и соправителемъ, сталъ во главѣ абсолютистовъ и пытался уничтожить конституцію и опрокинуть существующее правительство, чтобы сдѣлаться неограниченнымъ государемъ; всѣ законныя права были на сторонѣ королевы Маріи, но вѣнскій кабинетъ, сочувствуя стремленіямъ Мигуэля, ободрялъ его приверженцевъ и даже убѣждалъ французское и испанское правительства поддерживать своими войсками замышлявшуюся революцію абсолютистовъ. Меттернихъ, soi-disant легитимистъ и консерваторъ, становился нарушителемъ общественнаго спокойствія, изподтишка раздувалъ междоусобную войну и, по своему обыкновенію, поддерживалъ ту сторону, противъ которой говорили и божественное право, и голосъ націи, и здравый смыслъ, и нравственное чувство. Каннингъ замѣтилъ австрійскія интриги и въ дребезги разбилъ планы государственнаго канцлера. Онъ самъ поѣхалъ въ Парижъ и отклонилъ французское правительство отъ вмѣшательства въ португальскія дѣла; когда-же Мигуэль, опираясь на испанскія войска, произвелъ революцію, то подъ стѣнами Лиссабона показалось десять англійскихъ военныхъ кораблей, и партія Мигуэля оставила свои замыслы. На другой день послѣ отправленія этой эскадры Каннингъ произнесъ въ парламентѣ нѣсколько многозначительныхъ словъ, надъ которыми пришлось позадуматься Меттерниху. «Я не боюсь войны за хорошее дѣло,—сказалъ англійскій министръ.—Но я боюсь ее потому, что знаю, какимъ образомъ Великобританія можетъ довести борьбу до такихъ послѣдствій, о которыхъ страшно подумать. Можно возбудить войну, въ которой будутъ сражаться между собою не арміи, а идеи, и тогда подъ знамена Великобританіи станутъ всѣ граждане, недовольные современнымъ положеніемъ своихъ земель. Въ настоящее время существуетъ такая сила, которая, подъ руководствомъ Англіи, можетъ сдѣлаться страшнѣе всѣхъ силъ, когда-либо боровшихся во всемірной исторіи». Каннингъ былъ человѣкъ дѣла, а не фразы; онъ не отступилъ-бы отъ европейской войны, еслибы ему пришлось отстаивать свои политическія убѣжденія; но Меттернихъ боялся шума и скандала; узнавъ о появленіи англійскихъ кораблей подъ Лиссабономъ и о громовой рѣчи Каннинга въ парламентѣ, онъ отступился отъ Мигуэля и объявилъ, что никогда не сочувствовалъ его революціи.

Да, еслибы Каннингъ не умеръ въ 1827 году, многое на европейскомъ континентѣ могло-бы сложиться не такъ, какъ оно сложилось. Благодаря его энергіи, кредитъ Меттерниха началъ слабѣть, и его система стала постепенно терять своихъ поклонниковъ. Между тѣмъ и греческій вопросъ, котораго рѣшеніе государственный канцлеръ отсрочивалъ разными дипломатическими фокусами, неожиданно разыгрался въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. 6-го іюля 1827 года Россія, Англія и Франція заключили между собою въ Лондонѣ союзъ и обязались, въ случаѣ надобности, силой оружія принудить Порту къ освобожденію грековъ: союзъ этотъ былъ заключенъ безъ вѣдома Меттерниха; союзъ этотъ былъ заключенъ противъ одного изъ законныхъ государей Европы, и притомъ противъ одного изъ самыхъ самовластныхъ, слѣдовательно наиболѣе достойныхъ просвѣщеннаго сочувствія австрійскаго министра; союзъ этотъ усиливалъ значеніе Англіи и Россіи, и слѣдовательно парализировалъ вліяніе Австріи; какъ дипломатъ, какъ защитникъ абсолютизма и какъ тайный врагъ Англіи и Россіи, Меттернихъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ заключеніемъ этого союза. Онъ вмѣстѣ съ императоромъ Францомъ разразился въ ругательствахъ и проклятіяхъ противъ Каннинга. «Чортъ въ него поселился!»—кричалъ Францъ I, и министръ по обыкновенію былъ одного мнѣнія съ своимъ государемъ; но ругательства эти не перешли въ дѣло, не перешли конечно на бумагу дипломатическихъ нотъ, и только частная корреспонденція Меттерниха съ однимъ нѣмецкимъ государемъ сберегла для потомства свидѣтельства этого безсильнаго гнѣва; въ этихъ письмахъ австрійскій министръ отзывается о Каннингѣ, какъ «о безмозгломъ сумасбродѣ, корчащемъ либерала и понимающемъ понятія о политическихъ интересахъ Англіи». Въ этихъ отзывахъ выражается то комическое пзступленіе, которое невольно обнаруживаютъ люди, пережившіе свою славу и замѣчающіе, что жизнь идетъ мимо нихъ, далеко обгоняя ихъ и не обращая вниманія на ихъ безсильныя старанія пріостановить ея теченіе; по этимъ отзывамъ становится замѣтно, что Меттернихъ, постоявши лѣтъ 12 въ первыхъ рядахъ европейской дипломатіи, въ значительной степени потерялъ способность владѣть собой.

Время Ахена, Тропавы, Лайбаха и Вероны прошло невозвратно; выдвинулись новые дѣятели—и подавленные интересы націй понемногу поднимаютъ голову. Вскорѣ послѣ заключенія лондонскаго договора Каннингъ умеръ, но отъ этого Меттерниху легче не сдѣлалось. Преемникъ Каннинга, лордъ Веллингтонъ, гордый и упрямый, какъ истый англичанинъ, не склонялся ни на какія представленія австрійскаго правительства, держался въ союзѣ съ Россіей и защищалъ дѣло грековъ. Въ августѣ 1827 г. союзныя державы представили турецкому пра-

вительству свои требованія и, не получивши удовлетворенія, послали свои эскадры въ Архипелагъ; Меттернихъ рѣшился на отчаянную продѣлку—на дипломатическій подлогъ; желая во что-бы-то ни стало предупредить столкновеніе между Портой и союзными державами, боясь нарушенія всего политическаго равновѣсія, Меттернихъ написалъ отъ имени грековъ изъявленіе раскаянія и покорности; какіе-то подкупленные греки подписали эту бумагу, и 18-го сентября константинопольскій патріархъ торжественно передалъ этотъ подложный актъ турецкому правительству. Плоская и безчестная комедія эта упала; публика, передъ которой она разыгрывалась, ей не повѣрила; союзныя державы, которыхъ Меттернихъ этимъ страннымъ способомъ надѣялся принудить къ прекращенію военныхъ дѣйствій, не обратили на всю эту штуку никакого вниманія. Извѣстіе о наваринскомъ сраженіи, уничтожившемъ турецкій флотъ, убѣдило австрійскаго министра въ томъ, что, имѣя дѣло съ людьми рѣшительными, нельзя остановить ихъ дипломатической діалектикой и поддѣльными подписями. Меттернихъ узналъ о наваринскомъ дѣлѣ въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, чтобы ѣхать вѣнчаться; можно сказать положительно, что это извѣстіе испортило ему этотъ торжественный для него день; свадьба не была, правда, отложена, но женихъ оказался не въ блестящемъ расположеніи духа. Этотъ второй бракъ Меттерниха отличается отъ перваго тѣмъ, что на этотъ разъ нашъ герой женился по любви на дѣвушкѣ, отличавшейся замѣчательной красотой, но не представлявшей для него блестящей партіи. Противъ этого брака возставали всѣ его ближайшіе родственники, особенно гордая аристократка, старуха-мать его, которой въ то время было слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ и которая изъ прошлаго столѣтія принесла свои предразсудки и антипатіи. Впрочемъ если самъ Меттернихъ наперекоръ этимъ предразсудкамъ рѣшился на женитьбу, то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть проявленія истиннаго и глубокаго чувства. Когда государственный канцлеръ былъ еще юношей, онъ и тогда не отличался сердечной нѣжностью; на внучкѣ Кауница онъ женился по разсчету; связью съ Каролиной Мюратъ онъ пользовался для политическихъ цѣлей или, вѣрнѣе, для того, чтобы пробить себѣ дорогу къ почестямъ и повышенію; любовь всегда была для него развлеченіемъ, а иногда полезнымъ, хоть и неблагообразнымъ средствомъ; онъ былъ слишкомъ сухъ и холоденъ, слишкомъ тщеславенъ и мелокъ, чтобы выносить въ груди прочное чувство и хоть разъ въ жизни принести ему въ жертву какую-нибудь существенную выгоду, какую-нибудь частицу своего самолюбія. Онъ женился во второй разъ, когда ему было 54 года; въ этихъ лѣтахъ мужчины бываютъ особенно чувствительны къ красотѣ молодыхъ женщинъ; капризъ увядающей чувственности бываетъ такъ силенъ, что онъ можетъ показаться дѣйствительнымъ чувствомъ; такого рода капризъ рѣшилъ судьбу государственнаго канцлера; выгодъ ему искать нечего было; богатства у него было довольно; въ связяхъ онъ не нуждался; стало-быть, онъ женился на красавицѣ именно потому, что только красота и могла доставить ему наслажденіе; что чувство его къ своей избранной не было глубоко и прочно — это можно заключить по общему характеру разбираемой нами личности; кромѣ того княгиня Меттернихъ умерла черезъ два года послѣ своей свадьбы, а супругъ ея безъ всякой горести перенесъ свою утрату и вслѣдъ затѣмъ женился на третьей женѣ.

Я счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о семейной жизни Меттерниха для того, чтобы предостеречь читателя отъ ошибки; приписать этому человѣку способность глубоко чувствовать и сильно любить значило-бы совершенно не понять его характера; Меттернихъ былъ мелокъ въ своихъ человѣческихъ чувствахъ настолько-же, насколько онъ былъ мелокъ и близорукъ въ своихъ политическихъ идеяхъ и административныхъ соображеніяхъ. Оффиціальная, постоянно салонная жизнь, которой онъ прожилъ больше пятидесяти лѣтъ, удовлетворяла его потребностямъ, наполняла всѣ его минуты, составляла для него источникъ сильныхъ ощущеній, горя и радости, надеждъ и опасеній. У него не было внутренняго міра, и эта холодная оффиціальность, проникавшая насквозь всю его личность и таившаяся подъ простотой и изысканной непринужденностью внѣшняго обращенія,—отразилась конечно на его гражданской дѣятельности, отъ которой вѣетъ ледянымъ холодомъ и сухой безучастностью къ дѣйствительно живымъ сторонамъ дѣла.

Когда наваринское сраженіе подало сигналъ къ серьезной войнѣ между Россіей и Турціей, Меттернихъ, испытавшій такимъ образомъ совершенное дипломатическое пораженіе, сталъ опасаться за существованіе Оттоманской Порты и старался возстановить противъ Россіи французское правительство. Когда его убѣжденія не подѣйствовали, онъ взялся за угрозы. Сынъ Наполеона, воспитывавшійся при вѣнскомъ дворѣ въ качествѣ герцога Рейхштадтскаго, внука императора Франца, послужилъ темой этихъ угрозъ. Со стороны Меттерниха эти угрозы были довольно оригинальны и безтактны; ему, защитнику законности, было просто неприлично противъ династіи Бурбоновъ, признанной великими державами и посаженной на престолъ при его-же содѣйствіи,—выставлять претендентомъ на французскую корону сына корсиканскаго демократа, вышедшаго изъ рядовъ революціи и перевернувшаго по-своему поземельныя отно-

шенія Европы. Но Меттернихъ уже давно пересталъ заботиться о послѣдовательности своихъ поступковъ; для него дѣло шло о самосохраненіи Австріи, стало быть, тутъ уже поздно было толковать о проведеніи принципа; нашъ дипломатъ не подумалъ и о томъ, что его косвенныя угрозы окажутся мыльнымъ пузыремъ, если только французское правительство не испугается ихъ съ перваго разу. Дѣйствительно, у Меттерниха не было въ рукахъ никакихъ средствъ сдѣлать герцога Рейхштадтскаго опаснымъ для Франціи. Императоръ Францъ никогда не согласился-бы отпустить изъ Вѣны своего внука, и это было хорошо извѣстно государственному канцлеру. Французское правительство поняло ничтожество этихъ угрозъ, отвѣчало на нихъ очень рѣзко, и австрійскій министръ принужденъ былъ замолчать.

Когда русское правительство спросило у австрійскаго кабинета отчета въ его интригахъ противъ Россіи, Меттерниху пришлось отказываться отъ своихъ словъ и поступковъ, пришлось извиняться и льстить, а императоръ Францъ собственноручно написалъ къ императору Николаю дружеское письмо. Куда-же дѣвалось прежнее могущество Австріи, ея недавнее первенство на европейскихъ конгрессахъ? Рядъ дипломатическихъ неудачъ, испытанныхъ государственнымъ канцлеромъ, разрушилъ то фантастическое обаяніе, которое политика Австріи со времени низложенія Наполеона оказывала на умы европейскихъ дипломатовъ. Андріанопольскій миръ между Россіей и Турціей упрочилъ русское вліяніе на дѣла Порты и еще больнѣе далъ почувствовать Меттерниху его безсиліе; Греческое королевство возникло помимо желанія Австріи; при выборѣ греческаго короля Австрія оставалась безъ голоса, и дѣло было рѣшено Англіей и Россіей. Словомъ, съ легкой руки Каннинга, униженіе слѣдовали за униженіями, и бывшій законодатель Европы навсегда потерялъ свое громадное вліяніе; онъ пробовалъ завязать сношенія съ Россіей, снова втянуть ее въ священный союзъ, но дѣло не шло на ладъ; многое измѣнилось въ обстоятельствахъ и въ личностяхъ, много воды утекло, и воротить начало 20-хъ годовъ было невозможно; идеи, ненавистныя Меттерниху, окрѣпли во время гоненія и готовы были, при первомъ удобномъ случаѣ, вспыхнуть во всей своей яркости и освѣтить кропотливо выстроенное зданіе австрійской государственной мудрости.

IX.

Въ 1830 году настроеніе умовъ въ Парижѣ сильно тревожило князя Меттерниха. Оппозиціонная партія въ палатѣ депутатовъ вела упорную борьбу съ министерствомъ Полиньяка, и за успѣхами этой борьбы слѣдили съ тревожнымъ вниманіемъ люди всѣхъ партій во всѣхъ странахъ континентальной Европы; одни надѣялись, другіе боялись; къ числу послѣднихъ принадлежалъ конечно австрійскій министръ; онъ видѣлъ, что въ Парижѣ волнуются, постепенно сближаясь между собою, республиканцы и бонапартисты; онъ зналъ, что ихъ идеи и стремленія находятъ сочувствіе и въ Испаніи, и въ Италіи, и въ Германіи, и даже въ наслѣдственныхъ земляхъ Австрійской имперіи; онъ видѣлъ кромѣ того, что Карлъ X и министръ его Полиньякъ вполнѣ увѣрены въ силѣ своего правительства, и эта легкомысленная самоувѣренность, основанная на незнаніи настоящаго положенія дѣлъ, еще болѣе безпокоила князя Меттерниха; онъ боялся, чтобы какой-нибудь самовластный поступокъ французскаго правительства не повелъ къ страшной катастрофѣ; онъ постоянно упрашивалъ князя Полиньяка дѣйствовать осторожно и мало по малу стѣснять дѣятельность оппозиціонной партіи; Полиньякъ успокоивалъ его самыми положительными обѣщаніями, а между тѣмъ въ глубокой тайнѣ работалъ вмѣстѣ съ королемъ надъ составленіемъ новыхъ ордонансовъ, измѣняющихъ конституцію 1815 года. Въ концѣ іюля 1830 года князь Меттернихъ получилъ отъ своего посланника въ Парижѣ самыя успокоительныя извѣстія; ему писали, что ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думаютъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, и что оппозиціонная партія съ своей стороны не обнаруживаетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Но вслѣдъ за этими утѣшительными извѣстіями явились депеши совершенно другого свойства. Оказалось, что Карлъ X и Полиньякъ въ послѣднихъ числахъ іюля попытались ввести новые ордонансы и что въ Парижѣ тотчасъ-же вспыхнуло страшное возстаніе; Меттернихъ разразился проклятіями противъ безразсудныхъ посягательствъ французскаго правительства; когда-же онъ узналъ о томъ, что Бурбоновъ выгоняютъ изъ Франціи, онъ пришелъ въ совершенное уныніе. «Теперь все пропало,—говорилъ онъ,—теперь вездѣ загорится!»

Дѣйствительно, приверженцы либеральной партіи подняли голову; въ Бельгіи вспыхнула революція, окончившаяся распаденіемъ Нидерландскаго королевства; въ Германіи обнаружилось броженіе; въ Гессенѣ, въ Саксоніи и въ Брауншвейгѣ произошли отдѣльныя возстанія; при такомъ положеніи дѣлъ Меттерниху и думать нечего было о томъ, чтобы вести съ революціей наступательную войну и бороться съ ея результатами во Франціи; ему надо было употребить всѣ усилія, чтобы уцѣлѣть въ Вѣнѣ и сохранить спокойствіе въ разнородныхъ лоскуткахъ австрійской монархіи. Поэтому онъ показалъ себя готовымъ на всякаго рода уступки и началъ съ того, что первый призналъ Людовика-Филиппа, получившаго корону изъ рукъ

торжествующей революціи, законнымъ королемъ Франціи; точно также было признано существованіе отдѣльнаго Бельгійскаго королевства; точно также были фактически признаны результаты брауншвейгской революціи, низвергнувшей съ престола герцога Карла, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ князя Меттерниха.

Осторожно и уступчиво повелъ себя австрійскій министръ въ отношеніи къ оппозиціи, начинавшей возникать въ мадьярской націи. Вниманіе народа, по распоряженіямъ правительства, было отвлечено на блестящія празднества, сопровождавшія собою коронацію эрцгерцога Фердинанда, объявленнаго венгерскимъ королемъ при жизни отца своего, Франца I. Когда въ сеймѣ произошли пренія насчетъ рекрутскихъ наборовъ и взиманія податей, правительство на всѣхъ пунктахъ уступило настоятельнымъ требованіямъ оппозиціи. Эта неожиданная уступчивость смягчила воинственное настроеніе умовъ, и всеобщее воодушевленіе венгерской націи не пошло ей въ прокъ, благодаря уклончивой робости князя Меттерниха.

Уступая въ Венгріи, Меттернихъ не хотѣлъ уступать въ Италіи; это былъ послѣдній уголокъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ держалась его отжившая система; мелкіе итальянскіе владѣтели боялись своихъ собственныхъ подданныхъ и съ величайшей радостью принимали отъ Австріи вооруженныхъ блюстителей порядка: Италіи недоставало единодушія; смѣлыхъ патріотовъ было довольно, но они были разсѣяны и дѣйствовали врозь. То въ Моденѣ, то въ папской области, то въ Неаполѣ обнаруживались волненія, но приходили австрійскіе солдаты и тушили огонь, прежде чѣмъ онъ успѣвалъ разгорѣться. Европейскія державы обыкновенно не мѣшали этимъ упражненіямъ австрійскихъ отрядовъ и смотрѣли на вмѣшательство Австріи, какъ на дѣло очень естественное и вполнѣ законное. Но послѣ іюльской революціи новое французское правительство, чувствуя настоятельную потребность поддерживать свою популярность въ глазахъ тѣхъ людей, которымъ оно обязано было своимъ возвышеніемъ, — рѣшилось защищать національные интересы Италіи противъ посягательства Австріи.

Въ мартѣ 1831 года французскій кабинетъ объявилъ Меттерниху, что вступленіе австрійской арміи въ итальянскія земли можетъ подать поводъ къ войнѣ съ Франціей, что война эта возможна, если австрійцы займутъ Модену, правдоподобна, если они войдутъ въ папскую область, и неизбѣжна, если они перешагнутъ черезъ границу Піемонта. Когда Меттернихъ, не смотря на это объявленіе, двинулъ войска въ Болонью, въ которой обнаружилось возстаніе, то французское правительство отъ словъ перешло къ дѣлу: Людовикъ-Филиппъ послалъ сильную эскадру и захватилъ приморскую крѣпость Анкону, чтобы, въ случаѣ дальнѣйшихъ предпріятій со стороны Австріи, имѣть противъ нея точку опоры въ папской области. Въ это самое время французскій посланникъ при папскомъ дворѣ убѣждалъ Пія VIII уступить желанію недовольнаго народа и отнять такимъ образомъ у Австріи поводъ ко вмѣшательству. Требованія Франціи поддерживала Англія; на сторонѣ Австріи находилась Пруссія. Меттернихъ боялся войны, и потому съ своей обыкновенной технической ловкостью отступилъ, поддерживая только внѣшнее благообразіе; но самъ передъ собою, въ тиши своего рабочаго кабинета, австрійскій министръ не могъ не сознаться въ томъ, что даже въ Италіи, на которую постоянно было обращено его бдительное вниманіе, выражавшееся въ многочисленныхъ арестахъ и въ постоянномъ движеніи военныхъ отрядовъ, даже въ Италіи, повторяю я, преобладаніе австрійской политики колеблется и становится сомнительнымъ.

Тоскливо оглядываясь вокругъ себя, отыскивая испуганнымъ взоромъ друзей и единомышленниковъ, князь Меттернихъ попробовалъ пустить въ ходъ старое средство, приносившее такіе блестящіе результаты въ Ахенѣ, въ Троппавѣ, въ Лайбахѣ и въ Веронѣ; онъ попробовалъ освѣжить идею священнаго союза и пригласилъ короля прусскаго пріѣхать въ одинъ изъ городовъ Австріи для совѣщанія съ императоромъ Францомъ о дѣлахъ Европы. Свиданіе между вѣнценосцами произошло въ Мюнхенъ-Грецѣ, въ Богеміи, но не принесло тѣхъ послѣдствій, которыхъ такъ усердно добивался Меттернихъ. Тѣсный оборонительный и наступательный союзъ, котораго желалъ Меттернихъ, не состоялся, потому что Пруссія не обнаружила того консервативнаго рвенія, которымъ пылалъ австрійскій министръ. Не одобряя дѣйствій французскаго правительства въ папской области, Пруссія ограничилась однако тѣмъ, что выразила это неодобреніе очень миролюбивымъ тономъ, въ очень умѣренныхъ дипломатическихъ нотахъ. Нота австрійскаго правительства, напротивъ того, была написана рѣзко, она обвиняла французскій кабинетъ въ поощреніи безпорядковъ и объявляла торжественно, что Австрія, Пруссія и Россія готовы съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать спокойствіе въ тѣхъ странахъ, которыя Франція волнуетъ своимъ вліяніемъ. Ни Пруссія, ни Россія не уполномочивали Меттерниха пользоваться ими; грозя Франціи вооруженнымъ вмѣшательствомъ трехъ великихъ державъ, нашъ дипломатъ обѣщалъ больше, чѣмъ онъ могъ выполнить; французское правительство поняло это, и отвѣчало очень рѣшительно, что Франція никогда не потерпитъ ничьего вмѣшательства въ Бельгіи, въ Швейцаріи и въ Піемонтѣ. Въ Бельгіи и въ Швейцаріи—это еще ничего! Но *въ Піемонтѣ*, лежащемъ на границѣ Ломбардо-Венеціанскаго

королевства! Въ Піемонтѣ не имѣть права возстановлять порядокъ — это, по мнѣнію Меттерниха, значило отказаться отъ итальянскихъ владѣній, значило признать себя побѣжденнымъ до начала сраженія. А между тѣмъ, какъ ни страдало сердце государственнаго канцлера, пришлось покориться и этому тягостному ограниченію. Находясь въ крайне затруднительномъ положеніи, Меттернихъ попробовалъ пропустить мимо ушей то, что было сказано о Піемонтѣ; онъ отвѣчалъ французскому посланнику, что требованія Франціи касательно Бельгіи и Швейцаріи совершенно законны; французскій посланникъ замѣтилъ ему, что онъ забываетъ Піемонтъ; Меттернихъ выразилъ притворное удивленіе, потомъ благородное негодованіе, но французскій дипломатъ продолжалъ настаивать; Англія также поддержала это послѣднее требованіе, и Меттерниху пришлось уступить, потому что ни Пруссія, ни Россія не изъявляли желанія проливать кровь своихъ гражданъ за неприкосновенность австрійскихъ владѣній въ Италіи и за торжество меттерниховой системы въ континентальной Европѣ.

Тайная ненависть Меттерниха къ королю Людовику-Филиппу, возвысившемуся путемъ революціи, постепенно возрастала по мѣрѣ того, какъ политика новаго французскаго правительства парализировала его вліяніе на европейскія событія. Въ рукахъ Меттерниха находилось вѣрное средство надѣлать этому ненавистному правительству множество хлопотъ; при австрійскомъ дворѣ жилъ герцогъ Рейхштадтскій, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и этимъ именемъ можно было бы отъ времени до времени грозить Орлеанской династіи точно такъ-же, какъ до ея вступленія на престолъ грозили династіи Бурбоновъ. Но угрозы Меттерниха выполнялись такъ рѣдко, и въ этомъ случаѣ выполненіе ихъ было такъ ненадежно, что правительство Людовика-Филиппа выслушало ихъ съ полнымъ равнодушіемъ, зная какъ нельзя лучше, что императоръ Францъ I никогда не выпуститъ своего внука изъ Вѣны и не позволитъ ему отвѣдать заманчиво-тревожной жизни политическаго авантюриста. Герцогъ Рейхштадтскій хорошо понималъ свое положеніе и не могъ съ нимъ помириться. Ему пошелъ двадцать-второй годъ; онъ былъ уменъ и честолюбивъ; подвиги его отца рисовались ему какими-то баснословными дѣяніями сказочнаго героя; они раскаляли его молодое воображеніе; онъ чувствовалъ въ себѣ силы идти путемъ своего отца, онъ рвался къ шумной дѣятельности, онъ задыхался въ атмосферѣ вѣнскихъ салоновъ; его не пускали на волю, а между тѣмъ онъ зналъ, что многочисленная партія требуетъ его присутствія во Франціи; постоянная тревога, постоянно сдерживаемыя нравственныя страданія разбили его здоровье, онъ истомился, зачахъ и въ 1832 году умеръ въ той самой комнатѣ Шенбруннскаго замка, въ которой отецъ его въ былые годы диктовалъ Австріи условія унизительнаго мира.

Смерть герцога Рейхштадтскаго разстроила на время надежды бонапартистовъ во Франціи, но надежды эти сосредоточились скоро съ новой силой на одномъ изъ племянниковъ «великаго императора»,—на томъ самомъ, которому удалось совершить переворотъ 2-го декабря 1851 года.

Чисто германскія дѣла требовали со стороны Меттерниха самаго неуклоннаго вниманія; подъ вліяніемъ іюльскихъ событій 1830 года, въ германской націи просыпались тѣ опасныя стремленія къ національному единству и къ самоуправленію, которыя австрійскій министръ успѣлъ задушить послѣ войны съ Наполеономъ I. Симптомы болѣзни были тѣ-же; стало быть, надо было, по мнѣнію Меттерниха, пустить въ ходъ тѣ лекарства, которыхъ дѣйствіе уже было испытано въ прошедшемъ кризисѣ. Опять началась дѣятельная переписка вѣнскаго кабинета съ различными дворами Германіи; однихъ упрашивали, другихъ увѣщевали, третьихъ усовѣщивали; всѣмъ грозили ужасами революціи, отъ всѣхъ требовали энергическихъ мѣръ. Энергическія мѣры, которыхъ требовалъ Меттернихъ, состояли въ усиленіи полицейскаго надзора, проявляющагося въ самыхъ разнообразныхъ и замысловатыхъ формахъ; во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была учреждена центральная слѣдственная коммисія, что-то вродѣ комитета общественной безопасности; эта коммисія должна была преслѣдовать и отыскивать либерализмъ во всемъ... Прежде всего упала конечно гроза на литературу, на журналистику и на книжную торговлю; посыпались аресты, денежные штрафы и запрещенія; всякія политическія сходки и народные праздники были запрещены; политическія рѣчи считались преступленіемъ; кокарда на шляпѣ или цвѣтная лента въ костюмѣ считались нарушеніемъ общественнаго спокойствія.

Имя Меттерниха, которому совершенно основательно приписывалась инициатива реакціонныхъ мѣръ, сдѣлалось предметомъ ненависти... Сеймъ, служившій Меттерниху послушнымъ орудіемъ, потерялъ всякое значеніе въ глазахъ націи; его узаконенія и декреты, издававшіеся цѣлыми десятками по поводу самыхъ ничтожныхъ происшествій, надоѣли всѣмъ и возбуждали презрительный смѣхъ; слабость и робость центральнаго правительства, душой котораго былъ Меттернихъ, выражались самымъ наглядными образомъ въ этомъ ни на что ненужномъ обиліи указовъ и постановленій, постоянно повторявшихся и постоянно нарушавшихся. Между тѣмъ неудовольствіе народа прорывалось въ частныхъ демонстраціяхъ; старыя бытовыя

формы, подправленныя въ 1815 году, не удовлетворяли молодого поколѣнія, на глазахъ котораго совершились іюльскія событія. Меттернихъ все-таки не понялъ и не хотѣлъ понять того, что нація стремится къ новой политической жизни и что ни полумѣры, ни уступки не заставятъ ее помириться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ думалъ, что разогнать представительное собраніе значитъ уничтожить въ народѣ стремленіе къ самоуправленію; запретить книгу или газету значило, по его мнѣнію, искоренить тотъ вредный образъ мыслей, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Словомъ, вдавливая внутрь проявленіе какого-нибудь принципа, Меттернихъ думалъ уничтожить самый принципъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду радикальное успокоеніе Германіи, стремившейся, по его мнѣнію, къ губительной анархіи, Меттернихъ въ началѣ 1834 года собралъ въ Вѣнѣ посланниковъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ для того, чтобы по общему соглашенію совокупными силами раздавить революціонную партію въ Германіи. Изъ рѣчи, которую Меттернихъ произнесъ передъ началомъ перваго засѣданія, видно, какое огромное значеніе онъ придавалъ этой партіи:

«Волненія нашей эпохи, — говорилъ между прочимъ австрійскій министръ, — породили партію, которой смѣлость, поощряемая нашей уступчивостью, дошла до непозволительной дерзости. Враждуя съ властями и авторитетами, считая себя призванной къ господству, эта партія среди общаго политическаго мира поддерживаетъ внутреннюю войну, отравляетъ духъ и настроеніе народа, соблазняетъ юношество, отуманиваетъ даже людей зрѣлаго возраста, путаетъ и искажаетъ всѣ общественныя и частныя отношенія, сознательно подстрекаетъ подданныхъ къ систематическому недовѣрію противъ законныхъ государей и проповѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе всего существующаго. Эта партія успѣла вселиться въ представительныя собранія, учрежденныя въ германскихъ государствахъ. Дѣйствуя по строго обдуманному плану, она сначала довольствовалась тѣмъ, что въ палатахъ депутатовъ составила противувѣсъ вліянію правительствъ. На этомъ ея стремленія не остановились; она старалась усилить свое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ заключить правительственную власть въ возможно тѣсныя границы; наконецъ она пожелала, чтобы дѣйствительная власть изъ рукъ вѣнценосца была перенесена въ представительныя собранія... И должно сознаться, партія эта къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигаетъ своей цѣли; если высококатящіяся волны этого направленія не встрѣтятъ на пути своемъ крѣпкой плотины, если успѣхамъ этой партіи не будетъ положенъ конецъ, то въ скоромъ времени изъ рукъ многихъ правителей ускользнетъ послѣдняя тѣнь монархической власти.»

Открывшись рѣчью государственнаго канцлера, вѣнскія конференціи повели къ слѣдующимъ результатамъ: протоколъ 12-го іюня 1834 года отнялъ у представительныхъ собраній германскихъ государствъ все ихъ дѣйствительное значеніе; эти собранія лишились права отказывать правительствамъ въ податяхъ и налогахъ и обсуживать государственный бюджетъ. Университеты и вся система народнаго образованія были подчинены строгому полицейскому надзору; значеніе суда присяжныхъ въ дѣлѣ литературныхъ преступленій было стѣснено вмѣшательствомъ администраціи; представительныя собранія, школы и литература — словомъ, всѣ проявленія народной мысли были систематически сдавлены; большая часть статей этого протокола, по рѣшенію совѣщавшихся лицъ, была оставлена въ тайнѣ; примѣръ Карла X и его ордонансовъ былъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти Меттерниха; рѣшаясь подражать дѣйствіямъ неосторожнаго французскаго короля, Меттернихъ не рѣшался подражать его отважной откровенности. Должно замѣтить, что нѣкоторые изъ германскихъ государей съ неудовольствіемъ исполняли рѣшенія вѣнскихъ конференцій; они понимали, что подобныя распоряженія отнимаютъ у правительства всякую нравственную опору, подрываютъ и губятъ его популярность, ставятъ его въ открытую оппозицію съ разумными стремленіями націи. «Намъ, — пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ государей, — слѣдовало-бы огорчаться результатами вѣнскихъ конференцій; онѣ отняли у насъ любовь и довѣріе нашихъ подданныхъ; мы лишились ихъ по милости Меттерниха. Если мы когда-нибудь снова достигнемъ сочувствія нашего народа, то это будетъ съ нашей стороны великая заслуга; но, говоря откровенно, я не знаю, какимъ образомъ можно будетъ засыпать бездну, отдѣляющую теперь престолъ отъ хижинъ простыхъ гражданъ, государя — отъ народа.»

Государи, лично заинтересованные въ поддержаніи монархическаго принципа, были такимъ образомъ недовольны излишней услужливостью и безтолковымъ усердіемъ Меттерниха, громко величавшаго себя самой надежной опорой европейскихъ престоловъ. Государи упрекали его въ томъ, что онъ вредилъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ и компрометировалъ ихъ имена въ общественномъ мнѣніи. Меттернихъ не могъ не знать ихъ мнѣнія; онъ самъ разными дипломатическими маневрами, угрозами и притѣсненіями навязывалъ свою политику тѣмъ государямъ Германіи, которые не хотѣли отнимать назадъ предоставленныя права; такъ поступилъ онъ съ Баденскимъ великимъ герцогомъ, а поступая такимъ образомъ, онъ уже не

могъ говорить, что отстаиваетъ права монарховъ; и дѣйствительно, Меттернихъ не былъ чистосердечнымъ монархистомъ; онъ былъ бюрократомъ и, какъ бюрократъ, тѣснилъ, и преслѣдовалъ выборное начало.

X.

2-го марта 1835 года умеръ императоръ Францъ I, и политическій міръ Европы задалъ себѣ интересный вопросъ: какимъ образомъ и въ какомъ отношеніи измѣнится положеніе князя Меттерниха? Императоръ и его первый министръ, дѣйствовавшіе за-одно впродолженіи 25 лѣтъ, сжились между собою, коротко узнали другъ друга и не разстались-бы ни въ какомъ случаѣ, хотя-бы императоръ Францъ прожилъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Гибкость и уступчивость князя Меттерниха уже давно расположили въ его пользу Франца I, нетерпѣвшаго ни въ комъ изъ своихъ приближенныхъ присутствія собственной воли и самостоятельныхъ убѣжденій; между императоромъ и министромъ существовало различіе, но это различіе исчезало въ практической дѣятельности, благодаря драгоцѣнному свойству Меттерниха безъ малѣйшей боли отступать отъ идей и принциповъ. Францъ I былъ вѣрующій католикъ, Меттернихъ былъ скептикъ и индифферентистъ; Францъ I былъ злопамятенъ и мстителенъ; Меттернихъ легко забывалъ обиды и никогда никого не преслѣдовалъ своей ненавистью; Францъ въ своемъ отвращеніи къ нововведеніямъ доходилъ до слѣпого фанатизма; Меттернихъ былъ не прочь отъ мелкихъ улучшеній, лишь- бы только проэктъ подобныхъ улучшеній былъ выработанъ правительственнымъ лицомъ и облеченъ въ канцелярскія формы. Меттернихъ очень часто не сочувствовалъ распоряженіямъ своего государя, но всегда являлся его послушнымъ орудіемъ; Францъ I намѣчалъ общее направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести дѣло, а Меттернихъ, сохраняя про себя свое сочувствіе или несочувствіе, придумывалъ, какимъ образомъ провести это направленіе въ отдѣльныя отрасли администраціи. При жизни императора Франца Меттернихъ составилъ проэктъ амнистіи для политическихъ преступниковъ Ломбардіи; императоръ не утвердилъ этого проэкта, Меттернихъ немедленно отложилъ его въ сторону и съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ поддерживать тѣ мелкія притѣсненія, на которыя жалуются въ своихъ мемуарахъ Сильвіо Пеллико, Паллавичино и другіе шпильбергскіе арестанты. Францу I былъ нуженъ расторопный исполнитель, и Меттернихъ, изучившій своего государя, былъ незамѣнимъ для императора Франца, какъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Какъ посмотритъ на этого чиновника новый государь, и съумѣетъ-ли шестидесятилѣтній министръ съ надлежащей быстротой приноровиться къ новымъ требованіямъ,—вотъ какъ формулировался вопросъ, занимавшій умы европейскихъ дипломатовъ въ первое время послѣ смерти стараго императора. Новый государь, тридцатишестилѣтній Фердинандъ I, носившій титулъ короля венгерскаго со времени своей коронаціи въ Пресбургѣ въ сентябрѣ 1830 г., почти ни въ чемъ не былъ похожъ на своего отца; онъ былъ человѣкъ очень болѣзненный, съ трудомъ могъ сосредоточить свои мысли на обсужденіи серьезнаго предмета и не выдерживалъ двухчасового засѣданія въ государственномъ совѣтѣ; всѣ люди, знавшіе его въ то время, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, любили его за кроткій нравъ и отъ души жалѣли о томъ, что болѣзнь, ослабляющая умственныя способности, мѣшаетъ новому государю провести въ жизнь съ должной энергіей человѣколюбивыя стремленія. Первымъ дѣломъ Фердинанда по вступленіи на престолъ было облегченіе участи итальянцевъ, заключенныхъ въ Шпильбергѣ и въ Мункачѣ; узникамъ этимъ позволено было выселиться въ Америку. Фердинандъ могъ сдѣлать много частичнаго добра, но измѣнить господствующее направленіе политики онъ былъ не въ состояніи; съ благоговѣніемъ почтительнаго сына принялъ онъ изъ рукъ отца санъ императора, а вмѣстѣ съ этимъ саномъ получилъ инструкціи, въ непреложность которыхъ онъ безусловно вѣрилъ. Всѣ старые слуги Франца I были оставлены на прежнихъ мѣстахъ, и князь Меттернихъ, вскорѣ послѣ смерти стараго императора, получилъ отъ Фердинанда собственноручное ласковое письмо, въ которомъ новый государь благодарилъ министра за услуги, оказанныя имъ габсбургскому дому и Австрійской имперіи, и просилъ попрежнему отправлять обязанности государственнаго канцлера. Несмотря на это любезное обращеніе Фердинанда къ старому слугѣ покойнаго отца, положеніе Меттерниха при новомъ правительствѣ чувствительно измѣнялось. При Францѣ государственный канцлеръ былъ исполнителемъ монаршей воли и представителемъ высочайшей особы, и потому все безропотно и безпрекословно склонялось предъ его могуществомъ. При Фердинандѣ этого не могло быть, потому что, во-1-хъ, у императора не было опредѣленной воли и потому что, во-2-хъ, князь Меттернихъ вовсе не пользовался его исключительнымъ или даже преобладающимъ расположеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, природный чехъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, послѣ смерти Франца явился соперникомъ государственнаго канцлера, и несогласія между этими важнѣйшими правительственными лицами стали часто нарушать ходъ административныхъ распоряженій. Коловратъ, какъ государственный человѣкъ, былъ даровитѣе, смѣлѣе и популярнѣе Меттерниха, но главной причиной

размолвокъ между обоими министрами было не столько существенное различіе въ коренныхъ убѣжденіяхъ, сколько мелочное желаніе каждаго изъ нихъ поставить на своемъ и подчинить соперника своему вліянію.

Несогласія начались съ того, что Коловратъ составилъ проэктъ о новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, а Меттернихъ изъявилъ желаніе учредить конференціонный совѣтъ, какъ высшую административную инстанцію. Государственный совѣтъ въ то время фактически не существовалъ; онъ никогда не собирался въ полномъ своемъ составѣ и только отдѣльные департаменты его имѣли дѣйствительное значеніе; между тѣмъ Коловратъ пользовался титуломъ предсѣдателя государственнаго совѣта, и ему хотѣлось придать этому титулу фактическую силу; для этого надо было, по его мнѣнію, превратить государственный совѣтъ въ высшее государственное мѣсто, предоставить предсѣдателямъ его отдѣльныхъ департаментовъ право дѣлать словесные доклады самому императору и учредить общія собранія всѣхъ департаментовъ. Предсѣдателемъ этого общаго собранія государственнаго совѣта былъ-бы конечно графъ Коловратъ, и черезъ это его вліяніе могло-бы даже перевѣсить значеніе князя Меттерниха.

Но Меттернихъ также не оставался въ бездѣйствіи; его сторону держалъ эрцгерцогъ Людовикъ, братъ покойнаго Франца I, и оба совокупными силами противодѣйствовали проэкту Коловрата; они считали исполненіе этого проэкта опаснымъ, они боялись, чтобы государственный совѣтъ, соединившись въ одно административное цѣлое, не составилъ сильной оппозиціи намѣреніямъ и стремленіямъ самодержавнаго правителя; со стороны Меттерниха къ этимъ опасеніямъ примѣшивалось конечно въ значительной степени невысказанное, чисто личное и очень мелкое чувство зависти къ возрастающему вліянію Коловрата. Чтобы ни въ какомъ случаѣ не предоставить послѣднему рѣшительнаго перевѣса, Меттернихъ предложилъ оставить государственный совѣтъ въ покоѣ и дать новое устройство конференціонному совѣту, въ которомъ окончательно обсуживались и рѣшались важные государственные вопросы. Членами этого совѣта были только Меттернихъ и Коловратъ. Когда они не соглашались между собою, тогда не было никакой возможности рѣшить предложенный вопросъ, и государственная машина принуждена была остановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока не уступитъ кто-нибудь изъ обоихъ членовъ конференціи. Обыкновенно примирителемъ и посредникомъ являлся эрцгерцогъ Людовикъ. Чтобы положить конецъ этимъ неудобствамъ, Меттернихъ предложилъ принять эрцгерцоговъ Людовика и Франца въ число постоянныхъ членовъ конференціоннаго совѣта. Въ конференціи оказалось-бы такимъ образомъ четыре члена, и перевѣсъ голосовъ постоянно находился-бы на сторонѣ государственнаго канцлера, потому что оба эрцгерцога вѣрили въ непогрѣшимость его политическихъ мнѣній. Планъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ императорской фамиліи, а Коловратъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, удалился отъ государственныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ свои помѣстья. Безъ него не съумѣли управиться; эрцгерцоги старались помирить его съ Меттернихомъ, и кончилось тѣмъ, что Коловратъ возвратился въ Вѣну, принялъ на себя управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ, отказался отъ перестройки государственнаго совѣта и согласился вмѣстѣ съ Меттернихомъ и двумя эрцгерцогами засѣдать въ государственной конференціи. Государственныя дѣла пошли своимъ обычнымъ ходомъ, еще вялѣе, еще медленнѣе, чѣмъ они шли при Францѣ I; всѣ важные чиновники чувствовали необходимость перемѣны, но никто изъ нихъ не зналъ, какъ приступить къ дѣлу, что́ измѣнить, что̀ оставить по старому. Громадность задачи пугала ихъ тѣмъ болѣе, что ни на одномъ пунктѣ они не могли между собою согласиться. Всѣ они чего-то ожидали, чего-то боялись и не смѣли притронуться къ существующимъ учрежденіямъ.

Смерть Франца I лишила австрійское правительство того начала инициативы, которымъ оно отличалось въ первой четверти нынѣшняго столѣтія; Меттернихъ, являвшійся услужливымъ исполнителемъ предначертаній, не былъ способенъ дѣйствовать въ духѣ покойнаго императора съ той твердостью и послѣдовательностью, какой отличался Францъ I. При жизни Франца Меттернихъ могъ опереться на него и поставить себя подъ его защиту; онъ дѣйствовалъ по приказанію государя и зналъ, что его не дадутъ въ обиду; при Фердинандѣ надо было держать себя иначе: возбуждать неудовольствіе подданныхъ непопулярными мѣрами было опасно, потому что добродушный и слабохарактерный императоръ не рѣшился и не съумѣлъ-бы наперекоръ общественному мнѣнію защищать даже своего любимца, а Меттернихъ пользовался только оффиціальнымъ уваженіемъ государя и не внушалъ ему особенной симпатіи. Еслибы Меттернихъ деспотическими распоряженіями разбудилъ противъ себя въ австрійскихъ подданныхъ ту ненависть, которую уже давно чувствовали къ нему иностранцы, то онъ упалъ-бы съ своего высокаго мѣста; онъ это зналъ, и потому, угнетая нѣмцевъ и итальянцевъ сѣтью дипломатическихъ интригъ, держалъ себя очень осторожно въ отношеніи къ ближайшимъ подданнымъ своего государя. Онъ постоянно уступалъ требованіямъ венгерской оппозиціи, и уступалъ изъ личнаго чувства самосохраненія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, съ точки зрѣнія монархическаго принципа, слѣдовало пу-

стить въ ходъ энергическія мѣры. Въ 1836 году Кошутъ въ первый разъ обнародовалъ засѣданія венгерскаго сейма, распустивъ по всей Венгріи литографированные отчеты. Правительство сдѣлало попытку остановить обращеніе этихъ листовъ, но встрѣтило сильное сопротивленіе и, не смѣя раздражать энергическую націю, сдѣлало важную уступку: съ1839 г. въ венгерскихъ газетахъ стали печататься подробные отчеты о засѣданіяхъ сейма и нѣмецкій языкъ былъ вытѣсненъ изъ оффиціальныхъ актовъ.

Чувство національности, подавленное системой Франца I и его предшественниковъ, стало расправлять свои крылья и почти мгновенно выросло на глазахъ самого Меттерниха, который конечно не сочувствовалъ ея проявленіямъ и между тѣмъ не смѣлъ прикоснуться къ тому, за что̀ народъ готовъ былъ поднять оружіе. Уступки, которыя Меттернихъ дѣлалъ требованіямъ массъ, не возбуждали къ нему сочувствія и не оправдываютъ его личности въ глазахъ исторіи. Уступки эти были чисто вынужденныя; народности, обращавшія ихъ въ свою пользу, презирали министра за его слабость. Проявленіемъ слабости, слѣдствіемъ малодушнаго страха объяснялись и объясняются до сихъ поръ всѣ уклоненія Меттерниха отъ системы Франца I. Если Меттернихъ не сочувствовалъ мѣрамъ своего покойнаго государя, то, стало быть, онъ служилъ при немъ изъ-за жалованья и изъ-за внѣшняго почета; если онъ сочувствовалъ этимъ мѣрамъ, то, стало быть, онъ теперь отступилъ отъ нихъ вслѣдствіе мелкой трусости. Полиньякъ въ сравненіи съ Меттернихомъ является героемъ и мученикомъ. Чѣмъ ближе всматриваемся мы въ человѣческую личность Меттерниха, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что въ ней нельзя найти ни одной выкупающей черты. Все въ этомъ человѣкѣ мелко, посредственно. Ни дальновидности, ни великодушія, ни даже мужественной твердости. Неумѣніе обсуживать государственные вопросы и неспособность твердо держаться принятаго рѣшенія кладутъ на всю дѣятельность Меттерниха послѣ смерти Франца I печать жалкаго безсилія и совершенной безхарактерности. Онъ постоянно идетъ ощупью, постоянно боится споткнуться на какомъ-нибудь препятствіи; ему совѣстно стоять на одномъ мѣстѣ и страшно идти впередъ; народныя силы ему попрежнему неизвѣстны и попрежнему пугаютъ разными небывалыми признаками болѣзненно-настроенное воображеніе; ему вездѣ мерещится революція, и онъ не знаетъ, въ какую сторону бѣжать отъ нея. Пруссія предлагаетъ напримѣръ очень простой проэктъ: уничтожить заставы и таможни между германскими государствами и составить для всей Германіи общій таможенный уставъ; выгода очевидная: торговля оживится, потому что товары не будутъ задерживаться, общеніе между мелкими германскими государствами сдѣлается тѣснѣе и торговыя сношенія ихъ съ иностранцами будутъ удобнѣе; но Меттернихъ эту очевидную выгоду не принимаетъ въ соображеніе; онъ не понимаетъ того, что Австрія, взявши на себя устройство дѣла, выгоднаго для Германіи, можетъ усилить свое значеніе и увеличить политическое вліяніе. Проэктъ Пруссіи тотчасъ возбуждаетъ въ немъ недовѣріе; онъ дипломатическимъ путемъ начинаетъ противодѣйствовать осуществленію, потомъ понемногу мирится съ нимъ, потомъ наконецъ становится покровителемъ той самой идеи, противъ которой онъ интриговалъ; но эту идею онъ не въ силахъ привести въ исполненіе; ее осуществляетъ уже послѣ паденія Меттерниха баронъ фонъ-Брукъ, присоединившій Австрію къ германскому таможенному союзу въ 1853 году; между тѣмъ толки о возможности подобнаго торговаго договора между Австріей и Германіей происходили еще въ 1834 году; спрашивается, по чьей милости девятнадцать лѣтъ прошло въ пустыхъ переговорахъ? Положимъ даже, что Меттернихъ чистосердечно желалъ успѣха этой реформѣ, положимъ, онъ даже работалъ въ ея пользу, это нисколько не снимаетъ съ него вины и отвѣтственности. Возникаетъ вопросъ, на который не съумѣютъ отвѣтить самые ревностные защитники государственнаго канцлера: отчего этотъ человѣкъ, собиравшій конгрессы и конференціи, вродѣ карлсбадскихъ и вѣнскихъ, отчего этотъ самый человѣкъ былъ такъ слабъ, когда надо было и когда можно было принести управляемому народу существенную пользу? Въ этомъ вопросѣ заключается полное осужденіе Меттерниха.

XI.

Внѣшняя политика Меттерниха послѣ 1830 года и особенно послѣ смерти Франца I сдѣлалась совершенно робкой и нерѣшительной. Англія, Франція и даже Пруссія постоянно стремились къ расширенію своего политическаго вліянія, а между тѣмъ Австрія постоянно заботилась только о томъ, чтобы сохранить внѣшнюю представительность и удержать за собою блѣдную тѣнь того могущества, которымъ она пользовалась послѣ 1815 года. Князь Меттернихъ терпѣлъ постоянныя пораженія на дипломатическомъ поприщѣ и только крайней уступчивостью умѣлъ маскировать чувствительность этихъ неудачъ. Уступчивость эта, происходившая отъ безсилія и отъ робости, называлась благоразуміемъ и оправдывалась желаніемъ поддержать въ Европѣ миръ и спокойствіе. Греческое королевство, возникшее помимо воли и даже вопреки желанію Меттерниха, рѣшительно не подчинялось вліянію Австріи; Бельгійское королевство отложилось отъ Нидерландовъ и, благодаря содѣйствію Франціи и Англіи,

рѣшительно отстояло свою независимость, несмотря на пассивное сопротивленіе Австріи; Донъ Мигуэль, любимецъ Меттерниха и ревностный послѣдователь его политическихъ теорій, былъ изгнанъ изъ Португаліи, и Австрія не дѣлала въ его пользу ни малѣйшаго распоряженія; въ Испаніи вспыхнула революція, сбросившая съ престола Дона Карлоса, и Меттернихъ не рѣшился поддерживать изгнаннаго инфанта; всѣ политическіе вопросы рѣшались совершенно противно желанію австрійскаго министра, и онъ оставался безгласнымъ, иногда слабо возражалъ, иногда пускалъ въ ходъ мелкую интрижку, но никогда не заявлялъ рѣшительнаго протеста, боясь пораженія и не надѣясь на свои силы. Съ тѣхъ поръ, какъ Каннингъ разрушилъ вѣру въ непогрѣшимость Меттерниха, ни одно дипломатическое предпріятіе не кленлось въ рукахъ австрійскаго министра, всѣ его попытки создать что-нибудь подобное священному союзу не шли въ прокъ и вели только къ усиленію полицейскаго элемента въ управленіи Германіи или къ изобрѣтенію какой-нибудь новой стѣснительной мѣры въ отношеніи къ Италіи.

Въ 1832 году вся Европа обратила вниманіе на Турцію; египетскій паша Мегеметъ-Али, усилившійся въ своихъ владѣніяхъ, потребовалъ себѣ отъ султана сирійскій пашалыкъ. Султанъ отказалъ, и тогда сынъ Мегемета, Ибрагимъ, вступилъ въ Сирію съ сильной арміей, разбивъ турецкое войско, и черезъ Малую Азію грозилъ пройдти къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбой о помощи къ Россіи; русскій флотъ отправился изъ Чернаго моря къ берегамъ Сиріи, и сильная армія вступила въ турецкія владѣнія; Меттернихъ пришелъ въ сильное безпокойство; онъ особенно боялся усиленія ближайшихъ сосѣдей Австріи, онъ предвидѣлъ, что русская армія рано или поздно одержитъ побѣду надъ Ибрагимомъ и что тогда русское правительство, выручившее султана изъ крайне опаснаго положенія, пріобрѣтетъ вліяніе на Турцію. Требовать отъ Россіи, чтобы она не вмѣшивалась въ турецкія дѣла, значило вызвать съ ея стороны рѣзкій отвѣтъ, нарушить дружескія отношенія съ русскимъ кабинетомъ и поставить себя въ необходимость или молча перенести дерзость, или объявить войну Россіи. Войны Меттернихъ не желалъ ни въ какомъ случаѣ; перспектива дипломатическаго пораженія также не имѣла для него ничего привлекательнаго; поэтому онъ, не говоря ни слова русскому посланнику, рѣшился окольнымъ путемъ разстроить планы русскаго правительства. Чтобы сдѣлать вмѣшательство Россіи безполезнымъ и даже невозможнымъ, надо было помирить воюющія стороны. Мирить бунтующаго подданнаго съ законнымъ государемъ было конечно мудрено для такого усерднаго защитника легитимизма, какимъ любилъ себя выказывать передъ лицомъ Европы князь Меттернихъ. Съ точки зрѣнія системы, господствовавшей надъ континентальной Европой послѣ сверженія Наполеона I, съ точки зрѣнія той системы, которую Меттернихъ съ гордостью называлъ *своей*, слѣдовало конечно усмирить мятежника, возбудить въ немъ чистосердечное раскаяніе и потомъ, смотря по желанію властелина, простить дерзкаго нарушителя общественнаго спокойствія или накинуть ему на шею шелковую петлю. Но, что дѣлать, легче составлять политическія теоріи, чѣмъ примѣнять ихъ къ дѣлу. Въ настоящемъ случаѣ для Меттерниха было гораздо важнѣе устранить вмѣшательство Россіи, чѣмъ спасти достоинство законнаго государя Турецкой имперіи. Дерзкій мятежникъ Мегеметъ-Али не хотѣлъ идти съ повинной головой къ своему законному повелителю; считая себя побѣдителемъ, онъ очень настоятельно требовалъ себѣ Сирію, и Меттернихъ повидимому нашелъ его требованіе законнымъ; по крайней мѣрѣ австрійскій интернунцій при турецкомъ дворѣ поддерживалъ домогательства египетскаго паши и доказывалъ Портѣ необходимость уступить силѣ обстоятельствъ. Австрійская логика убѣдила султана и его совѣтниковъ; сирійскій пашалыкъ былъ отданъ Мегемету-Али и въ Кутаѣ былъ подписанъ договоръ, въ которомъ такимъ образомъ законный государь, по совѣту легитимиста Меттерниха, во всѣхъ отношеніяхъ исполнялъ требованія своего возмутившагося подданнаго.

Но въ то самое время, какъ Меттернихъ подавлялъ въ себѣ голосъ легитимизма для того, чтобы уничтожить вліяніе Россіи на Турцію, это вліяніе упрочивалось и облекалось въ законную форму. Въ мѣстечкѣУнкяръ-Скелесси былъ заключенъ въ это время оборонительный союзъ между Турціей и Россіей. Меттерниха сильно встревожило извѣстіе объ этомъ договорѣ, который, по его мнѣнію, могъ повести къ обще-европейской войнѣ; въ этой войнѣ Австріи пришлось-бы непремѣнно принять сторону того или другого лагеря; можетъ-быть оказалась бы необходимость рѣшиться тогда, когда результатъ борьбы будетъ еще неизвѣстенъ; война на границахъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣній Австріи могла надѣлать множество хлопотъ австрійскому правительству; усиленіе Россіи было конечно непріятно для патріотическаго сердца князя Меттерниха, но лучше было стерпѣть молча это усиленіе, чѣмъ изъ-за него подвергать себя опасностямъ великой войны. Поэтому Меттернихъ, пожертвовавшій принципомъ легитимизма ради политическаго разсчета, пожертвовалъ политическими разсчетами ради самосохраненія; онъ боролся съ преобладаніемъ Россіи въ Турціи, пока оно еще устанавливалось и пока можно было подорвать его дипломатическими интригами; какъ только оно явилось узаконеннымъ фактомъ, такъ Меттер-

нихъ тотчасъ-же покорился необходимости и сталъ убѣждать представителей Франціи и Англіи послѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, Франція и Англія успокоились, а Меттернихъ сблизился съ Россіей и заключилъ съ нею договоръ, въ силу котораго Австрія и Россія гарантировали неприкосновенность турецкихъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если вымретъ царствующая династія.

Конечно всѣ эти дѣйствія Меттерниха не разрѣшали и не могли разрѣшить восточнаго вопроса—они только отсрочивали смуты и раздоры на неопредѣленное время. Внутренняя слабость Оттоманской имперіи не позволяла ей существовать самостоятельно; великія европейскія державы постоянно сосредоточивали свое вниманіе на Константинополѣ, чтобы не допустить до рѣшительнаго преобладанія котораго нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей Турціи. Англія, Франція и Австрія постоянно упражнялись въ дипломатическихъ состязаніяхъ, и можно было предвидѣть, не будучи ни пророкомъ, ни великимъ политикомъ, что эти оберегатели Оттоманской Порты рано или поздно передерутся между собой, не сойдясь въ обсужденіи какого-нибудь спорнаго пункта. Зналъ или не зналъ Меттернихъ, что это такъ случится,—все равно. Во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ дѣйствуютъ люди, рѣшительно не заботящіеся о томъ, что̀ будетъ впереди, лѣтъ черезъ десять или черезъ пятнадцать. Надо было кое-какъ увернуться отъ войны, и если это удавалось, Меттернихъ оказывался совершенно довольнымъ, не замѣчая того, что количество горючаго матеріала постоянно увеличивалось и что, отсрочивая взрывъ, можно было увеличить его потрясающую силу.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Мегеметъ-Али опять обезпокоилъ султана; онъ потребовалъ, чтобы его пашалыкъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ его родѣ; когда ему отказали, онъ захватилъ въ плѣнъ весь турецкій флотъ и разбилъ армію султана при Низибѣ въ іюнѣ 1839 года; въ это самое время умеръ султанъ Махмудъ II, и весь дипломатическій міръ Европы пришелъ въ волненіе; всѣ государственные люди ожидали, что Россія, поручившаяся въ неприкосновенности турецкихъ владѣній, введетъ свои войска въ Турцію, чтобы охранять ее отъ притязаній египетскаго паши; еслибы это случилось, то столкновеніе между Россіей съ одной стороны и Англіей и Франціей съ другой было-бы неизбѣжно. Франція уже высказала свое сочувствіе Мегемету-Али; Англія держала сторону Порты и въ этомъ отношеніи сходилась съ Россіей; но еслибы Россія захотѣла взять въ опеку султана Абдулъ-Меджида и занять турецкія области своими войсками, тогда по всей вѣроятности Англія и Франція совокупными силами вступили-бы въ борьбу съ Россіей. Чтобы еще разъ отклонить предстоящую войну, Меттернихъ убѣдилъ Порту просить посредничества пяти великихъ державъ въ дѣлѣ съ Мегеметомъ-Али. Порта послѣдовала его совѣту и въ августѣ 1839 года обратилась къ представителямъ пяти державъ съ формальной просьбой усмирить бунтующаго пашу. Когда-бы такимъ образомъ всѣ великія державы принялись за это дѣло, тогда конечно вліяніе Россіи на турецкія дѣла оказалось-бы значительно ослабленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшій поводъ къ войнѣ былъ-бы устраненъ.

Россія не сопротивлялась плану Меттерниха; въ Лондонѣ шли даже переговоры между Россіей и Англіей о томъ, чтобы составить союзъ для защиты Турціи; но Франція, поддерживавшая пашу, рѣшительно не соглашалась принимать участія въ предлагаемомъ посредничествѣ и старалась найти себѣ союзника въ Австріи. Можно было сказать навѣрное, что эти старанія будутъ совершенно безуспѣшны; кто сколько-нибудь зналъ Меттерниха, тотъ могъ себѣ легко представить, какъ онъ посмотритъ на предложеніе Франціи; еслибы Австрія присоединилась къ Франціи, тогда оказалось-бы, что двѣ великія державы идутъ противъ двухъ другихъ великихъ державъ; обѣ враждующія партіи оказались-бы почти равносильными и слѣдовательно исходъ борьбы между кабинетами или между войсками былъ-бы крайне сомнителенъ; еслибы, напротивъ того, Австрія стала на сторону Россіи и Англіи, тогда пошли бы три державы противъ одной; въ первомъ случаѣ можно было предполагать, что дѣло дойдетъ до войны; во второмъ случаѣ трудно было себѣ представить, чтобы одна Франція, и притомъ Франція Людовика-Филиппа, рѣшилась за египетскаго пашу вызвать на бой почти всю Европу; миролюбивыя наклонности князя Меттерниха побуждали его сблизиться съ Россіей и Англіей, чтобы такимъ образомъ показать Франціи, что ея оппозиція будетъ безполезна; кромѣ того, примыкая къ Англіи и Россіи, Меттернихъ доставлялъ имъ рѣшительный перевѣсъ въ случаѣ войны. Тутъ не за чѣмъ было болѣе колебаться, и Меттернихъ, въ совѣщаніи съ французскимъ посланникомъ Сентъ-Олеромъ, посовѣтовалъ ему передать своему правительству, чтобы оно не сопротивлялось единодушному желанію европейскихъ державъ. «Я всѣмъ даю совѣты,—говорилъ государственный канцлеръ,—я выслушиваю, умѣряю страсти; но я не могу и не хочу сдѣлаться рѣшительнымъ приверженцемъ той или другой партіи. Я желаю сохраненія мира, согласія между державами; такъ какъ въ Лондонѣ происходятъ совѣщанія, то я не понимаю, почему Франція, по необъяснимой любви къ пашѣ, держится въ сторонѣ отъ обще-европейскаго дѣла. Если вы хотите знать мое мнѣніе, то, по моему, лучше всего согласиться съ тѣмъ, что̀ будетъ рѣшено сообща, потому что это рѣшеніе

вѣроятно будетъ основательно и дѣльно. Мы не хотимъ исключать Францію, но мы также вовсе не желаемъ, чтобы Франція взяла насъ на буксиръ».

Эти слова, произнесенныя Меттернихомъ осенью 1839 года, показывали ясно, что онъ рѣшился дѣйствовать за-одно съ Англіей и Россіей, предоставляя впрочемъ своимъ союзникамъ полное право драться за общее дѣло и безъ его содѣйствія проливать кровь и пожинать лавры. Впрочемъ дѣло тянулось еще болѣе полугода; только лѣтомъ 1840 года, 15 іюля, былъ подписанъ союзный договоръ между Россіей, Англіей, Пруссіей и Австріей; этимъ договоромъ четыре державы обязывались противодѣйствовать неумѣреннымъ требованіямъ Мегемета-Али и поставить его въ прежнія отношенія къ султану. Сообразно съ условіями дипломатической вѣжливости, подписавшіяся державы черезъ своихъ представителей предложили и Франціи приступить къ союзу, но Франція на это любезное предложеніе отвѣчала сухимъ отказомъ и даже встревожила князя Меттерниха, принявъ воинственную осанку; во главѣ французскаго министерства стоялъ въ то время историкъ Тьеръ, восторженный поклонникъ Наполеона I, человѣкъ честолюбивый, энергическій, мечтавшій о военной славѣ и вполнѣ способный затѣять обще-европейскую войну изъ тщеславія, изъ любви къ блеску и треску оружія. Конечно воинственные порывы Тьера умѣрялись холодной разсчетливостью короля Людовика-Филиппа, но тѣмъ не менѣе Франція стала вооружаться, и Меттернихъ съ безпокойствомъ обратился за объясненіями къ Сентъ-Олеру. «Къ чему эти поспѣшныя приготовленія,—говорилъ онъ.—Неужели вы хотите войны? Мы такъ миролюбивы, а вы намъ грозите. Неужели вамъ хочется, чтобы Германія поднялась такъ, какъ она поднималась въ 1813 году? Если это случится, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ и тогда ни за что нельзя поручиться.»

Это совершенно справедливо; еслибы Германія въ 1840 году поднялась съ тѣмъ энтузіазмомъ, который она обнаружила въ войнѣ съ Наполеономъ I, тогда конечно нельзя было-бы поручиться за неприкосновенность Австріи и за министерство Меттерниха. Государственный канцлеръ очень хорошо понималъ, что ему самому воодушевленіе Германіи можетъ повредить гораздо сильнѣе, чѣмъ Людовику-Филиппу и Франціи. Это обстоятельство было конечно одной изъ важнѣйшихъ причинъ его миролюбивой политики.

Подписавши союзный договоръ, Меттернихъ, несмотря на всю свою дипломатическую осторожность, рѣшился даже послать къ берегамъ Сиріи небольшую флотилію, которая вмѣстѣ съ англійской эскадрой Стопфорда взяла нѣсколько приморскихъ крѣпостей и такимъ образомъ значительно поколебала настойчивость египетскаго паши. Это распоряженіе Меттерниха объясняется тѣмъ, что, поступая такимъ образомъ, Австрія ничѣмъ не рисковала и между тѣмъ доказывала свою энергію, являясь въ числѣ самыхъ ревностныхъ исполнителей подписаннаго договора. Порта захотѣла выместить на Мегеметѣ-Али тотъ страхъ, который египетскій паша не разъ нагонялъ на нее своими побѣдами; она объявила его отставленнымъ отъ управленія Египтомъ; англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, сочувствовало этому распоряженію и желало продолжать военные подвиги противъ Сиріи и Египта. Франція значительно понизила свои требованія и желала только, чтобы Мегеметъ-Али остался наслѣдственнымъ правителемъ Египта; о Сиріи-же не было рѣчи, потому что она, благодаря дѣйствіямъ англо-австрійскаго флота, была предоставлена въ полное распоряженіе султана. Тьеръ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ нимъ исчезло воинственное настроеніе французскаго правительства. Меттернихъ былъ очень радъ помириться съ Франціей и съ удовольствіемъ согласился отстоять нашу отъ Порты и отъ Англіи; продолжать обстрѣливаніе сирійскихъ береговъ значило работать въ пользу Англіи и дать ей возможность захватить два-три приморскихъ пункта—этого Меттерниху конечно не хотѣлось; онъ отозвалъ австрійскую эскадру и говорилъ, что считаетъ египетское дѣло оконченнымъ; о воинственныхъ стремленіяхъ Англіи онъ сталъ отзываться съ неудовольствіемъ. «Это сумасшедшій,—говорилъ онъ о лордѣ Понсонби, англійскомъ посланникѣ въ Константинополѣ:—онъ способенъ заключить миръ или объявить войну, не обращая вниманія на положительныя приказанія своего двора; онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ прекрасный, но сумасшедшій. Впрочемъ теперь онъ можетъ дѣлать, что ему угодно; исторія эта кончена.»

Дѣйствительно, ни одна изъ великихъ державъ, кромѣ Англіи, не была заинтересована въ продолженіи войны, и потому всѣ согласились съ предложеніемъ Меттерниха оставить Мегемета-Али въ покоѣ, предоставляя ему владѣть Египтомъ и завѣщать его своему сыну. Мегеметъ-Али, рисковавшій потерять все, съ радостью согласился на предложенныя условія, и вопросъ оказался такимъ образомъ рѣшеннымъ, не смотря на усилія Пальмерстона запутать дѣло и затянуть войну. Австрія вышла съ честью изъ этого дѣла и вынесла изъ него много существенныхъ выгодъ; поддержавши въ рѣшительную минуту Мегемета-Али и остановившись во-время, она упрочила и скрѣпила дружескія отношенія съ Франціей. Впрочемъ весь этотъ вопросъ представлялъ такъ мало затрудненій, что изъ него вовсе немудрено было выдти съ достоинствомъ и съ прибылью, особенно для Австріи, которая, не имѣя въ этомъ дѣлѣ прямого, личнаго интереса, могла обсуживать его совершенно спокойно и хладно-

кровно и кромѣ того во всякую данную минуту могла отойдти въ сторону и, въ случаѣ надобности, ограничиться ролью безпристрастнаго зрителя. Кромѣ того Меттерниху благопріятствовало счастье; когда Франція возвысила голосъ и начала вооружаться, дѣло могло сильно запутаться; еслибы Франція объявила войну, еслибы французская армія вступила на германскую землю, тогда многіе разсчеты государственнаго канцлера могли-бы оказаться невѣрными; изъ домашняго дѣла турецкаго султана съ своимъ вассаломъ могла выдти обще-европейская коллизія, которая разыгралась-бы въ огромныхъ размѣрахъ и повела-бы къ неисчислимымъ послѣдствіямъ; французскія войска могли-бы вступить въ Италію, и въ 1840 году могло-бы случиться то, что́ произошло въ 1859 году. Паденіе министерства Тьера спасло Австрію и Меттерниха: причина этого кризиса заключалась въ самой Франціи; Меттернихъ нисколько не содѣйствовалъ паденію Тьера и даже не предвидѣлъ его; такъ *случилось*, и изъ этой случайности для Меттерниха вышли хорошія послѣдствія; еслибы случилось иначе, Меттерниху и Австріи пришлось-бы нехорошо. Стало быть, государственнаго канцлера выручила не дипломатическая опытность, не предусмотрительная мудрость, а просто счастливое стеченіе обстоятельствъ.

XII.

Въ сентябрѣ 1843 года въ Греціи произошла революція, и король Оттонъ былъ принужденъ даровать конституцію. Хотя преданія политики конгрессовъ и священнаго союза уже давно были сданы въ архивъ исторіи, но Меттернихъ не утерпѣлъ; въ немъ заговорило ретивое, и желаніе вспомнить подвиги молодости, когда, по его мановенію, полки ходили усмирять Піемонтъ, Неаполь и Испанію, шевельнулось въ душѣ ветерана-легитимиста, такъ часто измѣнявшаго принципу легитимизма. Въ настоящемъ случаѣ Меттернихъ осенью 1844 года обратился въ Парижъ съ дипломатическимъ вопросомъ: не будетъ-ли удобно, для поддержанія престола короля Оттона, пяти великимъ державамъ сообща принять участіе въ дѣлахъ Греціи? Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ тогдашнему министру Гизо, считавшему себя великимъ прогрессистомъ и ex officio чувствовавшему ко всякой конституціи величайшую нѣжность. Гизо отвѣчалъ Меттерниху, что ни Пруссія, ни Англія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла Греціи; отъ себя-же французскій министръ выразилъ то мнѣніе, что лучше всего предоставить Грецію ея собственнымъ силамъ и стремленіямъ, ограничиваясь только тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое можно оказывать на личности отдѣльныхъ дѣятелей посредствомъ письменныхъ и изустныхъ совѣтовъ. Изъ этого отвѣта князь Меттернихъ могъ заключить съ глубокой грустью, что времена перемѣнились. Онъ печально махнулъ рукой на Грецію, понялъ невозвратимость милаго прошедшаго и сталъ смотрѣть въ другую сторону.

Въ 1846 году онъ высмотрѣлъ и присоединилъ къ Австріи вольный городъ Краковъ. Не буду обсуживать нравственной стороны этого событія. Замѣчу только мимоходомъ, что въ 1815 году, на вѣнскомъ конгрессѣ, самъ князь Меттернихъ составилъ и подписалъ актъ, въ которомъ четыре статьи (отъ VI-ой до X-ой) освящали и обезпечивали на вѣчныя времена независимое существованіе вольнаго города Кракова; въ 1846 году тотъ-же самый князь Меттернихъ объявилъ, что Австрія считаетъ должнымъ, повинуясь политической необходимости, прекратить независимое существованіе города Кракова и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Есть обстоятельства, объясняющія до нѣкоторой степени оригинальный поступокъ Меттерниха и до нѣкоторой степени снимающія съ него отвѣтственность, но во всякомъ случаѣ онъ уничтожилъ то, что́ самъ создалъ; онъ разбилъ свое дѣло; онъ самъ затопталъ въ грязь преданія той политики, къ которой онъ питалъ такое нѣжное чувство.

Италія попрежнему была предметомъ неусыпныхъ заботъ австрійскаго министра и попрежнему показывала себя неблагодарной и недостойной его попеченій. Итальянцы попрежнему продолжали ненавидѣть австрійцевъ и начинали даже придумывать средство совсѣмъ выгнать ихъ изъ Италіи; уже Маццини и партія «Юной Италіи» начали свою агитаторскую дѣятельность; Піемонтъ сдѣлался центромъ итальянскаго движенія; мысль о свободѣ и единствѣ Италіи понемногу стала облекаться въ образы, способные возбудить энтузіазмъ народной массы. Сардинскій король, Карлъ-Альбертъ, отецъ итальянскаго короля Виктора-Эммануила, личный врагъ князя Меттерниха, сталъ опираться на патріотическую партію и въ рѣзкихъ нотахъ выражать австрійскому правительству свои враждебныя чувства и намѣренія. Въ это самое время, 1 іюня 1846 года, умеръ папа Григорій XVI, поддерживавшій политику Меттерниха въ Италіи, и черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти на папскій престолъ вступилъ Мастан-Ферретти подъ именемъ Пія IX. Первымъ дѣломъ новаго преемника Св. Петра была всеобщая амнистія. Этого было достаточно, чтобы привести въ восторгъ итальянцевъ и возбудить въ австрійскомъ правительствѣ самыя серьезныя опасенія. Пій IX съ первой минуты сдѣлался героемъ патріотическихъ надеждъ Италіи; первые поступки его были приняты взрывомъ національнаго энтузіазма, и ропотъ одобренія, способный съ минуты на минуту превратиться въ призывъ къ оружію противъ враговъ и угнетателей родины, пробѣжалъ по всему Аппенинскому полуострову. Меттернихъ

далъ замѣтить папѣ, что считаетъ амнистію несвоевременной, и просилъ Пія IX не выходить въ предполагаемыхъ реформахъ изъ тѣхъ границъ, которыя были установлены въ маѣ 1831 года. Амнистія тревожила Меттерниха потому, что, пользуясь ею, множество итальянскихъ патріотовъ или политическихъ преступниковъ со всѣхъ концовъ земли стеклись въ Церковную область, откуда имъ очень удобно было завязать сношенія съ недовольными гражданами Ломбардіи, Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы. Предчувствуя, что папа не обратитъ особеннаго вниманія на его совѣты, Меттернихъ принялъ серьезныя мѣры противъ ожидаемаго движенія въ Италіи вообще и въ Церковной области въ особенности. Онъ началъ съ того, что усилилъ въ Феррарѣ австрійскій гарнизонъ, занимавшій эту крѣпость со временъ вѣнскаго конгресса. Папское правительство, боясь, чтобы его не заподозрили въ тайномъ сообщничествѣ съ Австріей, протестовало противъ этой мѣры, и протестовало такъ громко, что въ это дѣло вмѣшались Франція и Англія.

Итальянскіе патріоты потребовали учрежденія національной гвардіи; раздраженіе противъ Австріи усилилось и приняло опредѣленную форму. Въ это самое время въ Римѣ произошли волненія, возбужденныя партіей реакціи, желавшей насильно обратить папу къ политикѣ прежняго правительства; общественное мнѣніе приписало эти волненія интригамъ австрійскаго правительства, и гласный протестъ Меттерниха противъ этого обвиненія нисколько не поколебалъ этого слуха. Когда Меттернихъ, желая энергическими мѣрами задавить возрастающее броженіе, предложилъ папскому правительству успокоить народъ австрійскими отрядами, ему отвѣчали на это предложеніе громкимъ и гордымъ отказомъ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что итальянцы сами умѣютъ защищать себя. Вслѣдъ затѣмъ папское правительство смѣлѣе прежняго стало поддерживать идею итальянскаго единства и завязало съ Сардиніей и Тосканой переговоры насчетъ устройства итальянскаго таможеннаго союза. Меттернихъ понялъ тогда, что Пій IX стоитъ на ложной дорогѣ, съ которой невозможно будетъ своротить его кроткими увѣщаніями; онъ понялъ также, что начинающееся итальянское движеніе можетъ повести за собою важныя послѣдствія; онъ назвалъ это движеніе революціей, объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ этого движенія и, по своему обыкновенію, сталъ собирать союзниковъ, сталъ совѣщаться чаще обыкновеннаго съ посланниками и переписываться съ министрами. «Я вѣрю,—писалъ онъ около этого времени къ Гизо,—въ торжество умѣренныхъ идей въ такихъ странахъ, которыя, подобно Франціи, пережили нѣсколько революцій. Тогда возможенъ компромиссъ, ведущій къ благодѣтельнымъ результатамъ. Но я не думаю, чтобы могъ водвориться порядокъ juste milieu въ той фазѣ, въ какой находятся итальянскія государства; тамъ революція не подходитъ къ концу, а только что начинается; если въ государствѣ власть переходитъ изъ рукъ существующихъ правительствъ въ руки другой, какой-бы то ни было, партіи, тогда можно сказать, что государство находится въ состояніи революціи. Меня несправедливо считаютъ приверженцемъ абсолютнаго сопротивленія; нѣтъ ничего абсолютнаго, кромѣ истины. Политика имѣетъ дѣло съ результатами и не знаетъ ничего абсолютнаго. Ни въ теоріи, ни въ практикѣ не было создаваемо ничего абсолютнаго. Мое сопротивленіе революціонному духу было иногда дѣятельное, какъ въ 1820 году, часто оборонительное, какъ въ 1831. Теперь я выжидаю. То, что происходитъ въ Италіи, скорѣе можно назвать мятежомъ (révolte), чѣмъ революціей (révolution). Мятежи осязательнѣе революціи; у нихъ есть тѣло, за которое можно ухватиться. Революціи похожи на призраки; чтобы разсчитать свои дѣйствія въ отношеніи къ нимъ, надо выждать, пока эти призраки не облекутся въ тѣла.»

Отрывокъ этотъ даетъ нѣкоторое понятіе о замѣчательномъ искусствѣ Меттерниха сообразоваться съ характеромъ и наклонностями того человѣка, съ которымъ онъ говоритъ. Онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ историкомъ, отыскивающимъ общіе законы, подводящимъ явленія жизни подъ разныя искусственныя построенія собственнаго мозга и распредѣляющимъ въ придуманныя рубрики неопредѣлившіяся и невыяснившіяся стремленія и движенія настоящаго; кромѣ того онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, любящимъ опираться на хартію, но чувствующимъ нѣкоторую, весьма естественную робость передъ толпой пролетаріевъ, шумящихъ на площади и требующихъ себѣ хлѣба и работы; кромѣ того онъ имѣетъ дѣло съ французомъ, постоянно выражавшимъ съ высоты профессорской каѳедры и министерской трибуны свое благоговѣніе и умиленіе передъ доблестями и геніальностью французской націи. Чтобы понравиться Гизо, какъ ученому, Меттернихъ пускается въ безплоднѣйшія діалектическія разысканія о различіи между revolte и révolution; чтобы польстить его псевдо-либерализму, онъ хвалитъ juste milieu и обнаруживаетъ добродѣтельное отвращеніе, какъ къ слѣпому пристрастію къ реакціи, такъ и къ рьяному демократизму; чтобы погладить по шерсти фразистый патріотизмъ французскаго министра, Меттернихъ самымъ утонченнымъ образомъ намекаетъ на превосходство французской цивилизаціи надъ зарождающейся итальянской гражданственностью. Меттернихъ, скептикъ, практикъ, неразборчивый въ средствахъ, начинаетъ толковать о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ компромисса, о разумности историческаго теченія событій! Что

можно подумать о подобномъ превращеніи? Да ничего. Это маска, очень искусно прилаженная къ лицу. Меттерних, сочиняя это письмо къ Гизо, въ душѣ навѣрное посылалъ ко всѣмъ чертямъ и доктрину, и juste milieu, и развитіе Франціи, и въ особенности папу, забравшаго себѣ въ голову неприличныя его лѣтамъ и званію патріотическія тенденціи. Ему надо было только отстоять плодородныя равнины Ломбардіи, а для этого было необходимо устранить вмѣшательство Франціи и Англіи въ итальянское движеніе. И вотъ Меттернихъ становится доктринеромъ съ доктринерами и напрягаетъ свои мыслительныя способности, чтобы поддѣлаться подъ складъ ихъ идей.

Дѣйствительно, циркулярная нота, посланная 2 августа 1847 года къ четыремъ великимъ державамъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ идеями, выраженными въ письмѣ Меттерниха къ Гизо. Эта нота отвергаетъ существованіе итальянскаго народа. «Италія,—пишетъ въ ней Меттернихъ,—географическій терминъ. Итальянскій полуостровъ составленъ изъ самостоятельныхъ и независящихъ другъ отъ друга государствъ. Существованіе и территоріальныя границы этихъ государствъ основаны на принципахъ всеобщаго международнаго права и скрѣплены ненарушимыми политическими трактатами. Императоръ съ своей стороны рѣшился уважать эти трактаты и всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать ихъ поддержанію.»

Цѣль этой ноты, въ которой уже не было рѣчи о juste-milieu и о компромиссахъ, состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе великихъ державъ объ итальянскомъ движеніи и о тѣхъ гарантіяхъ, которыми обезпечивалось независимое существованіе отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ. Россія и Пруссія обратили на эту ноту мало вниманія и не обнаружили желанія посылать въ Италію войска для охраненія австрійскихъ владѣній и итальянскихъ вѣнценосцевъ. Франція приняла двусмысленное положеніе: она стала ободрять итальянскихъ патріотовъ и въ то-же время продолжала увѣрять Австрію въ неизмѣнной прочности своего дружескаго расположенія; Меттернихъ нуждался въ политическихъ друзьяхъ и потому не имѣлъ возможности быть разборчивымъ и подвергать строгой критикѣ поступки своего мнимаго друга, который легко могъ превратиться въ дѣйствительнаго врага; онъ чувствовалъ себя одинокимъ и дружба Франціи связывала ему руки; какъ только онъ заводилъ рѣчь о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи, такъ начинался немедленно громъ французской прессы; общественное мнѣніе возмущалось противъ Австріи, и французское правительство, побуждаемое броженіемъ умовъ въ обществѣ, заявило свой оффиціальный протестъ противъ намѣреній князя Меттерниха. Въ это время Англія гораздо яснѣе высказывала Италіи свое сочувствіе; Пальмерстонъ послалъ въ Туринъ лорда Минто съ порученіемъ обѣщать Сардиніи содѣйствіе Англіи и поддерживать враждебное настроеніе итальянцевъ противъ австрійскаго правительства. Въ оффиціальныхъ своихъ депешахъ Пальмерстонъ объявилъ рѣшительно, что англійское правительство считаетъ реформы необходимыми для Италіи и намѣревается поддерживать и защищать своимъ вліяніемъ тѣ попытки, въ которыхъ выразится стремленіе измѣнить къ лучшему существующія въ этой націи бытовыя формы. Меттернихъ все еще надѣялся на то, что, когда вспыхнетъ рѣшительное возстаніе, великія державы позволятъ Австріи ввести свои войска въ Италію; имѣя въ виду эту надежду, онъ поспѣшилъ заключить съ отдѣльными государями Италіи договоры, въ силу которыхъ австрійскимъ войскамъ дано было-бы разрѣшеніе пройти черезъ ихъ владѣнія. Парма и Модена изъявили согласіе, но папа отказался отъ подобнаго договора, и тогда государственный канцлеръ, видя, что его благія идеи находятъ себѣ очень мало сочувствія, рѣшился предоставить Италію ея горькой участи, лишить ее покровительства Австріи и сосредоточить всю свою заботливость на сохраненіи спокойствія въ Ломбардіи.

Ломбардія начинала волноваться; въ Миланѣ происходили частые безпорядки; сосѣдство съ Піемонтомъ и надежда на содѣйствіе Англіи начинали оказывать свое ядовитое вліяніе; наконецъ все это страшно натянутое положеніе разразилось возстаніемъ и вступленіемъ сардинцевъ въ предѣлы Ломбардіи; сигналомъ къ этимъ роковымъ событіямъ послужила февральская революція, низвергнувшая престолъ Людовика-Филиппа и отозвавшаяся электрическимъ сотрясеніемъ во всѣхъ концахъ континентальной Европы. Эта революція вмѣстѣ съ престоломъ Людовика-Филиппа опрокинула и министерство Меттерниха; государственный канцлеръ принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны такъ поспѣшно, что не успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, сдать своимъ преемникамъ дѣла и бумаги. Но, не забѣгая впередъ событій, я теперь снова обращусь къ внутреннимъ распоряженіямъ князя Меттерниха. Обзоръ его иностранной политики я считаю оконченнымъ; онъ конечно неполонъ и отрывоченъ, но такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы представить систематическій перечень событій, а о томъ, чтобы охарактеризовать человѣческую личность министра, занимавшаго втеченіи сорока лѣтъ высшую государственную должность въ одной изъ великихъ державъ, то я полагаю, что достаточно будетъ и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые приведены и очерчены въ этихъ главахъ. Представлять въ сжатой формѣ выводы изъ тѣхъ фактовъ я считаю неудобнымъ и кромѣ того безполезнымъ; если изъ всего разсказа читатель не вы-

несъ никакого общаго, живого впечатлѣнія, то онъ не вынесетъ его изъ краткаго résumé. Если-же мнѣ удалось сгруппировать событія такъ, что читатель составилъ себѣ сколько-нибудь цѣлостное понятіе о личности и дѣятельности Меттерниха, тогда всего лучше предоставить самому-же читателю охарактеризовать эту личность и эту дѣятельность какимъ угодно хвалебнымъ словомъ или эпитетомъ.

XIII.

Уже со временъ возстанія Германіи противъ Наполеона въ отдѣльныхъ частяхъ Австрійской имперіи начали обозначаться такія стремленія, которыя до того времени были совершенно неизвѣстны. Почувствовалась потребность реформъ; потребность эта выразилась и въ однихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Италіи, была подавлена, въ другихъ, напримѣръ въ Венгріи, была потихоньку замята или усыплена частичными уступками. Французская революція 1830 года оживила надежды той партіи, которая сознавала необходимость и пользу фундаментальныхъ измѣненій; смерть императора Франца, заклятаго, упрямаго врага всякой новизны, дала новую пищу этимъ надеждамъ; примѣръ Пруссіи, работавшей надъ учрежденіемъ таможеннаго союза, былъ живымъ укоромъ для реакціонной партіи и постоянно побуждалъ умѣренныхъ друзей реформы къ дѣятельной борьбѣ съ тѣми людьми и обстоятельствами, которые хотѣли китайской стѣной отгородить Австрію отъ живого, развивающагося и мыслящаго міра.

Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Первые поступки и рѣчи этого короля вызвали сочувствіе лучшихъ гражданъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоили мнительнаго старца князя Меттерниха почти такъ-же сильно, какъ въ 1846 году его встревожилъ первый дебютъ папы Пія IX. Новый король объѣхалъ свои владѣнія, произнесъ нѣсколько рѣчей, изумившихъ современниковъ смѣлой честностью выраженныхъ стремленій, и потомъ, возвратясь въ столицу, началъ постепенно приводить въ дѣйствіе свои либеральные планы. Пруссія повеселѣла; литература и журналистика заговорили смѣлѣе; въ 1842 году былъ изданъ указъ короля объ учрежденіи сословныхъ собраній, изъ которыхъ современемъ должны были выработаться парламентскія учрежденія. Въ сентябрѣ того-же 1842 года Меттернихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на обозначавшіяся тенденціи новаго правительства, свидѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Кобленцѣ и пустилъ въ ходъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобы самыми яркими красками расписать заблуждающемуся монарху ту опасность, къ которой онъ своими распоряженіями ведетъ Пруссію. Краснорѣчіе государственнаго канцлера пропало даромъ; прусскій король выслушалъ его доводы, не повѣрилъ ни одному изъ нихъ и дѣльнѣе прежняго повелъ приготовительныя работы по конституціонному вопросу. Тогда Меттернихъ пришелъ въ крайнее замѣшательство; противъ Пруссіи невозможно было пустить въ ходъ знаменитое средство вооруженнаго вмѣшательства; король самъ становился въ ряды той партіи, которую Меттернихъ называлъ революціонной: не за кого было поднимать оружіе, а дипломатическіе пріемы, вродѣ личныхъ свиданій и словесныхъ уговариваній, не дѣйствовали на упрямаго пацієнта. Поневолѣ приходилось оставить Пруссію въ покоѣ, и князь Меттернихъ конечно съ величайшимъ удовольствіемъ согласился-бы на это условіе, но этого нельзя было сдѣлать. Пруссія не оставляла его въ покоѣ; видя начинающееся движеніе сосѣдей и единоплеменниковъ, читая книги, брошюры и журналы, появляющіеся въ Пруссіи, австрійскіе подданные чувствовали живѣе прежняго значеніе новаго порядка вещей, котораго они не сознавали еще во всѣхъ подробностяхъ. Высшіе и средніе классы общества, слѣдовавшіе въ жизни совѣтамъ Эпикура и долго остававшіеся равнодушными къ политическимъ событіямъ, стали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніемъ идей и за ходомъ реформы въ Пруссіи; люди, спеціально знакомые съ технической частью австрійской администраціи, стали за-границей печатать сочиненія, въ которыхъ существующія учрежденія подвергались самой строгой, безпристрастной и вслѣдствіе этого разрушительной критикѣ. Собранія сословій въ разныхъ областяхъ имперіи заговорили рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, и выдвинули впередъ такія требованія, которыя и въ голову не приходили князю Меттерниху. Венгерскій сеймъ съ 1843 на 1844 годъ обнаружилъ сильнѣйшую оппозицію противъ намѣреній и распоряженій австрійскаго правительства; ненависть къ нѣмецкому элементу въ языкѣ и въ учрежденіяхъ и желаніе оторвать Венгрію отъ Австрійской имперіи и дать ей самостоятельное политическое существованіе выразились съ такой силой, что государственная конференція въ Вѣнѣ пришла въ смятеніе. Нашлись люди, которые посовѣтовали произвести въ Венгріи государственный переворотъ и указомъ императора уничтожить всѣ представительныя учрежденія. Меттернихъ не могъ рѣшиться на такую крутую мѣру; для него это значило поставить на карту существованіе Австрійской имперіи и вмѣстѣ съ нею свое канцлерство; онъ зналъ, что подобный coup d'Etat поставитъ подъ оружіе всю Венгрію; вмѣстѣ съ Венгріей могли, опасаясь за свои права и учрежденія, подняться чехи и другіе славяне; пользуясь этой удобной минутой, вооружилась-бы Ломбардія, и такимъ образомъ Фердинанду II и Меттерниху пришлось-бы завоевывать всю Австрійскую имперію. Но государственному канцлеру

на старости лѣтъ не хотѣлось садиться на боевого коня, и потому онъ въ государственной конференціи выразилъ ту мысль, что правительство должно уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія и само начать необходимыя реформы. Идея Меттерниха получила перевѣсъ, и втеченіи 1846 года австрійское правительство приготовило цѣлый рядъ проэктовъ, которые въ 1847 году должны были разсматриваться и обсуживаться въ предстоящемъ венгерскомъ сеймѣ. Чешскіе чины не уступали венгерскимъ въ силѣ оппозиціи; національныя стремленія съ небывалой силой охватили Богемію и выразились въ наукѣ, въ литературѣ и политической жизни. Даже нижне-австрійскіе чины, засѣдавшіе въ Вѣнѣ и отличавшіеся въ былое время примѣрнымъ благонравіемъ, каждый годъ стали требовать отъ правительства уступокъ; и правительство постоянно уступало, потому что представительныя собранія были сильны сочувствіемъ своихъ избирателей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили слухи и печатныя извѣстія. Дѣло дошло до того, что нижне-австрійскіе чины потребовали обнародованія государственнаго бюджета, права обсуживать всѣ важныя дѣла, касающіяся ихъ области, учрежденія земскаго банка и радикальныхъ реформъ въ общинномъ устройствѣ.

Меттернихъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, и всѣ эти неожиданныя событія, валившіяся, какъ снѣгъ на голову, вызывали въ его умѣ печальныя размышленія; слишкомъ тридцатилѣтнія старанія оказывались разрушенными; если, не смотря на всѣ затворы и запоры, зараза вѣка проникла въ наслѣдственныя владѣнія австрійскаго императора и въ короткое время усилилась въ нихъ до такой степени, то чего-же можно ожидать впереди? На чемъ-же остановится эта язва? Что она пощадитъ? Дѣйствительно, язва ничего не пощадила, и князь Меттернихъ, несмотря на всю свою безпримѣрную уступчивость, не могъ удержаться во главѣ правительства. Но сначала я попрошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что уступчивость князя Меттерниха въ послѣдніе два года его правительственной дѣятельности доходитъ до невѣроятныхъ предѣловъ. Тотъ-же страхъ передъ революціей, который въ двадцатыхъ годахъ побуждалъ Меттерниха разрушать насильственнымъ образомъ малѣйшія проявленія національнаго чувства и невиннѣйшія стремленія человѣческой мысли, тотъ-же страхъ передъ революціей, повторяю я, заставлялъ Меттерниха въ концѣ сороковыхъ годовъ предлагать самыя разнородныя либеральныя мѣры и произносить такія рѣчи, которыя конечно очень странно было слышать отъ бывшаго министра и испытаннаго друга Франца I. Люди, неумѣренно пользующіеся силой тогда, когда сила находится въ ихъ рукахъ, обыкновенно являются очень трусливыми тогда, когда сила переходитъ въ руки ихъ противниковъ. Меттернихъ подходитъ подъ это общее правило. Въ мартѣ 1847 года онъ обратился къ Пруссіи съ предложеніемъ подать на союзномъ сеймѣ голосъ въ пользу свободы печати; въ этомъ-же году онъ выразилъ государственной конференціи ту идею, что пора создать для Австріи конституцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ два проэкта, имѣвшіе цѣлью расширить конституціонныя права отдѣльныхъ провинцій и потомъ составить обще-австрійское государственное представительное собраніе, которому предоставлялось право обсуживать и утверждать бюджетъ, разсматривать и рѣшать важнѣйшіе правительственные вопросы, словомъ—отъ лица всей націи принимать дѣятельное и постоянное участіе въ администраціи.

Но не всѣ члены правительства умѣли, подобно Меттериху, безъ сожалѣнія и безъ борьбы разставаться съ своими политическими идеями и стремленіями. Новые проэкты Меттерниха встрѣтили себѣ сопротивленіе при дворѣ: эрцгерцогъ Людовикъ не понималъ необходимости такихъ капитальныхъ уступокъ и во всякомъ случаѣ не хотѣлъ торопиться: съ недовѣріемъ, свойственнымъ старику, онъ хотѣлъ сначала всмотрѣться въ предлагаемыя реформы, попривыкнуть къ нимъ, протянуть нѣсколько лѣтъ пренія и совѣщанія о частностяхъ и подробностяхъ и потомъ уже вводить новые порядки понемногу, не спѣша, безъ шума и эффекта. Вліяніе эрцгерцога, находившаго себѣ единомышленниковъ въ старыхъ подвижникахъ своего покойнаго брата Франца, остановило проэкты Меттерниха; начались толки, разсужденія, назначенія коммисій для разсмотрѣнія разныхъ предметовъ и вопросовъ, и всѣ реформы остановились на одномъ разсмотрѣніи.

1 января 1848 года было учреждено высшее управленіе цензуры (Censur-Oberdirection), а 1 февраля еще кромѣ того появилось высшее цензурное судилище (Oberstes Censurgericht); оказалось впрочемъ, что реформы эти не подвинули дѣла впередъ. Тогда вѣнскіе книгопродавцы и вѣнскіе литераторы подали прошеніе, которое не принесло никакой существенной пользы.

2 февраля 1848 года была открыта вѣнская академія наукъ, но это торжество не произвело на общество того благодѣтельнаго впечатлѣнія, котораго ожидало правительство. Множество замѣчательныхъ ученыхъ и писателей получили званіе дѣйствительныхъ академиковъ; множество важныхъ лицъ были назначены почетными членами; въ числѣ послѣднихъ находился самъ князь Меттернихъ, вельможный покровитель просвѣщенія въ Германіи и въ Европѣ; словомъ, все было чинно, важно и оффиціально, а между тѣмъ многія характерныя подробности не укрылись отъ бдительнаго вниманія публики. Не укрылось напримѣръ то обстоятельство, что люди, подобные

Араго, Шлоссеру, Ранке, Гервинусу, не были приняты въ число академиковъ, потому что ихъ политическія мнѣнія не нравятся правительству. Не укрылось и то обстоятельство, что рѣчь Гаммера, произнесенная имъ при открытіи академіи, была помѣщена въ вѣнской газетѣ съ пропусками. Все это были конечно мелочи, на которыя не стоило обращать вниманія, но эти мелочи хватали за сердце и кипятили желчь.

Вечеромъ 28 февраля къ князю Меттерниху прискакалъ курьеръ съ первымъ извѣстіемъ о февральской революціи; государственный канцлеръ узналъ только, что Людовикъ-Филиппъ отказался отъ престола и что герцогиня Орлеанская приняла на себя регентство; это извѣстіе не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что вѣнскій кабинетъ никогда не питалъ особеннаго сочувствія къ личности и къ политикѣ короля, возведеннаго на престолъ революціей. Но на другой день утромъ пришло новое извѣстіе: Франція объявила себя республикой. Это извѣстіе сильно поразило Меттерниха: прочитавъ депешу, онъ нѣсколько минутъ съ смертной блѣдностью на лицѣ неподвижно проспдѣлъ въ креслѣ. Съ замираніемъ сердца сталъ онъ ожидать новыхъ извѣстій изъ Франціи; у него оставалась слабая надежда на то, что произойдетъ контръ-революція, которая положитъ конецъ существованію юной республики. Послѣдующія событія разбили эту надежду, и князь Меттернихъ съ нѣмымъ отчаяніемъ сталъ ожидать грядущихъ бѣдствій; съ именемъ французской республики ему казались неразлучными картины дикаго насилія и безотрадная перспектива нескончаемыхъ войнъ и повсемѣстныхъ волненій. Меттернихъ, всегда любившій вооруженное вмѣшательство, на этотъ разъ считалъ его примѣненіе рѣшительно невозможнымъ. Послѣдній ударъ, нанесенный политикѣ государственнаго канцлера переворотомъ во Франціи, былъ такъ силенъ и такъ внезапенъ, что Меттернихъ растерялся, пришелъ въ уныніе и потерялъ всякую вѣру въ дѣйствительность какого-бы то ни было средства. Онъ очевидно не могъ собраться съ мыслями и, на предложенія идти во Францію и разсѣять мятежниковъ, отвѣчалъ нерѣшительно: «надо подождать, надо высмотрѣть, какъ и куда станетъ распространяться революція». Какъ доводъ противъ наступательной войны съ Франціей, Меттернихъ приводитъ даже то обстоятельство, что подобная война можетъ возбудить противъ себя негодованіе націи. Меттернихъ началъ обращать вниманіе на то, что́ говоритъ, и даже на то, что́ думаетъ нація; по одному этому аргументу, приведенному государственнымъ канцлеромъ въ оффиціальныхъ дипломатическихъ нотахъ, можно составить себѣ довольно яркое понятіе о томъ, какъ неизмѣримо великъ былъ страхъ его передъ ожидаемымъ движеніемъ. Распоряженія по внутренней администраціи замерли въ такомъ положеніи, въ какомъ ихъ захватили роковыя извѣстія изъ Парижа. Проэкты реформъ не пошли въ дѣло; дворъ и конференція раздѣлились на двѣ партіи, неравныя по числу своихъ приверженцевъ; эрцгерцогъ Людовикъ и Меттернихъ стали доказывать, что производить реформы несвоевременно и опасно, что всякая уступка со стороны правительства покажется обществу и народу поблажкой, признакомъ слабости, поощреніемъ къ дальнѣйшимъ требованіямъ и, въ случаѣ крайности, къ возстанію. Всѣ остальные члены императорской фамиліи и государственной конференціи считали быстрыя реформы совершенно необходимыми; они хотѣли упрочивать за собою расположеніе народа; для Меттерниха любовь общества и націи была невозвратно потеряна; для Фердинанда, извѣстнаго своимъ кроткимъ характеромъ, и для тѣхъ членовъ его семейства, которые не принимали дѣятельнаго участія въ правительственныхъ распоряженіяхъ Франца I, было очень нетрудно сохранить или даже вновь пріобрѣсти популярность. Надо было только вычеркнуть изъ списка австрійскихъ чиновниковъ то громкое имя, съ которымъ связывалось такъ много роковыхъ воспоминаній,—то имя, которое впродолженіи сорока лѣтъ постоянно тяготѣло надъ правительственными распоряженіями. Имя Меттерниха уже успѣло пріобрѣсти себѣ такую печальную извѣстность, что его одного было достаточно, чтобы возбудить полное недовѣріе противъ правительства; члены правительства понимали это и конечно, не желая раздѣлять съ Меттернихомъ тѣхъ опасностей, которыя являлись для него, съ удовольствіемъ готовы были исключить его изъ списковъ, чтобы помириться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Во главѣ этой партіи, желавшей искренняго примиренія съ обществомъ, стояла эрцгерцогиня Софія, жена эрцгерцога Франца, брата императора, женщина умная, энергическая, постоянно слѣдившая за ходомъ событій и понимавшая довольно вѣрно ихъ истинный смыслъ; она ожидала сильныхъ волненій и совѣтовала болѣзненному Фердинанду отказаться отъ престола въ пользу ея сына, Франца-Іосифа; сверхъ того она считала необходимымъ, чтобы эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ совершенно устранили свое вліяніе на государственныя дѣла и чтобы Австрія, получивши общую конституцію, вступила въ новую эру исторической жизни. Софія считала подобныя мѣры рѣшительно необходимыми для спасенія австрійской династіи отъ той участи, которая два раза постигала Бурбоновъ и такъ недавно обрушилась на Орлеановъ. Эти мысли часто выражались эрцгерцогиней въ семейныхъ совѣщаніяхъ; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ иногда князь Меттернихъ и тутъ-то ему нерѣдко приходилось выслушивать горькія истины; эрцгерцогъ Іоаннъ, личный врагъ государственнаго канцлера, раз-

бивалъ по пунктамъ его политическія теоріи и прямо, не церемонясь, говорилъ при немъ, что его удаленіе отъ дѣлъ необходимо для блага государства и для спокойствія царствующей династіи. Меттернихъ на подобныя любезности отвѣчалъ холодно и почтительно, что онъ удалится отъ дѣлъ только въ такомъ случаѣ, когда самъ императоръ выразитъ ему такого рода желаніе. Государственный канцлеръ даже не останавливался на той идеѣ, что ему могутъ серьезно предложить отставку; онъ твердо вѣрилъ въ неразлучность своей судьбы съ судьбою Австрійской имперіи; онъ полагалъ, что можетъ пасть подъ развалинами всего государственнаго зданія, какъ послѣдній надежный защитникъ погибающаго принципа; подобная катастрофа представлялась ему чѣмъ-то возможнымъ, но далекимъ и неопредѣленнымъ; за этой катастрофой, по его убѣжденію, неминуемо должны были слѣдовать анархія, терроръ и хаосъ. Представить себѣ, чтобы ему, какъ всякому другому министру, дали отставку,—представить себѣ все это князь Меттернихъ былъ рѣшительно не въ силахъ. Между тѣмъ его противники не дремали; придворная партія, желавшая реформъ и перемѣны министерства, завела сношенія съ предводителями оппозиціи на нижне-австрійскомъ сеймѣ, котораго засѣданія должны были открыться 13 марта. Имъ дали понять что паденія государственнаго канцлера желаютъ многіе члены высшаго правительства, и что слѣдовательно прошеніе сейма объ удаленіи Меттерниха будетъ принято благосклонно и можетъ повести за собою плодотворныя послѣдствія.

6-го марта, въ присутствіи графа Коловрата и эрцгерцога Франца, общество промышленности (GewerbeVerein) составило и одобрило на имя императора адресъ, въ которомъ выражалось ясно то убѣжденіе, что взаимное довѣріе между управляющими и управляемыми можетъ быть возстановлено только послѣ удаленія Меттерниха. Этотъ адресъ былъ врученъ эрцгерцогу Францу, наслѣднику престола, и эрцгерцогъ поблагодарилъ подателей и составителей за честность ихъ стремленій. Это обстоятельство конечно ободрило публику и въ первый разъ показало народу, что даже императорская фамилія не довольна управленіемъ государственнаго канцлера.

..... Составили прошеніе объ отставкѣ Меттерниха, и два профессора, Гіе и Эндлихеръ, оффиціально подали это прошеніе эрцгерцогу Людовику. Эрцгерцогъ принялъ депутацію и прочиталъ прошеніе съ видимыми знаками неудовольствія; онъ не далъ депутатамъ положительнаго отвѣта, но въ тотъ-же день, въ два часа пополудни, созвалъ государственную конференцію и пригласилъ для совѣщаній нѣкоторыхъ членовъ императорской фамиліи. Въ этомъ собраніи Людовикъ разсказалъ исторію прошенія и рѣшилъ, что на основаніи такой причины невозможно удалить отъ должности человѣка, оказавшаго такія великія услуги государству и царствующей династіи. Государственный канцлеръ очень кротко и спокойно замѣтилъ, что онъ тотчасъ готовъ отказаться отъ своей должности, если таково будетъ желаніе императора, но что, не искавши никогда популярности, онъ не можетъ удалиться отъ исправленія своихъ обязанностей. Послѣ засѣданія конференціи, въ тотъ-же день, вечеромъ, могущественные недоброжелатели Меттерниха нашли средства провести въ комнату самого императора тѣхъ профессоровъ, которые утромъ подавали прошеніе эрцгерцогу Людовику. Императоръ принялъ ихъ съ обычной своей привѣтливостью и даже обѣщалъ обдумать представленное ему прошеніе; но никакихъ опредѣленныхъ надеждъ или обѣщаній онъ имъ не далъ.

Меттернихъ изъ конференціи поѣхалъ домой, грустный и озабоченный: онъ чувствовалъ, что ему придется или выйти въ отставку, или уступить той партіи, которая требовала реформъ и уступокъ общественному мнѣнію. Ему представлялась такая дилемма, хотя въ сущности ея не было: никакія реформы и уступки уже не могли спасти его отъ паденія; но онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ удалиться, но отъ него зависѣло допить или не допивать до дна чашу огорченій и оскорбленій; отъ него зависѣло сказать: «я выхожу въ отставку, потому что мой образъ мыслей не находитъ себѣ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ моихъ товарищахъ по управленію», или-же дожидаться, пока ему скажутъ: «ступайте, ваше вліяніе вредитъ государству и обществу». Нѣтъ сомнѣнія, что Меттернихъ, какъ человѣкъ практическаго ума и какъ «образцовый кавалеръ», дорожащій соблюденіемъ внѣшняго благообразія, выбралъ-бы первый исходъ, еслибы онъ зналъ, что изъ его положенія дѣйствительно только два выхода; но, къ несчастію для государственнаго канцлера, онъ былъ совершенно ослѣпленъ вѣрой въ самого себя; онъ все-таки считалъ свое положеніе непоколебимымъ и, главное, неразлучно связаннымъ съ судьбой Австріи. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло идетъ только объ уступкахъ, а уступить онъ былъ не прочь, потому что упорная борьба съ людьми, находящимися съ нимъ въ непосредственныхъ ежедневныхъ отношеніяхъ, вообще была ему не по силамъ и рѣшительно не соотвѣтствовала его мягкому и слабому характеру. Теперь-же въ особенности, думая уступками утвердиться въ своемъ положеніи и зажать ротъ своимъ врагамъ при дворѣ и въ обществѣ, Меттернихъ оказался въ высшей степени гибкимъ и сговорчивымъ; онъ постоянно говорилъ до того времени, что уступки несвоевременны, потому что онѣ покажутся вынужденными; теперь и эта послѣдняя отговорка была отложена въ сторону; разграниченіе между добровольными и вынужденными уступками исчезло. Вечеромъ въ тотъ-же день Меттернихъ пригласилъ къ себѣ предводителя дворянства

(Landesmarschall), графа Монтекукули, пользовавшагося популярностью и расположеніемъ нижне-австрійскихъ чиновъ; онъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о предполагаемыхъ уступкахъ и обѣщалъ ему, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ созваны депутаты отъ областныхъ представительныхъ собраній. Въ заключеніе бесѣды онъ попросилъ графа Монтекукули позаботиться о томъ, чтобы засѣданія сейма были по возможности спокойны и не увеличивали бы своими шумными преніями глухого раздраженія, проявлявшагося уже въ народѣ.

13-го марта члены конференціи съ ранняго утра собрались во дворецъ императора; недалеко отъ конференціонной залы, въ комнатѣ Фердинанда, находилась вся императорская фамилія; этотъ день былъ назначенъ для открытія сейма; въ ночь были получены очень неуспокоительныя извѣстія о положеніи города; улицы, прилегающія къ дому сейма, къ университету и даже къ императорскому дворцу, наполнялись людьми. Эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ приказали стянуть войска ко дворцу и разставить по улицамъ многочисленные патрули, чтобы разгонять народъ при малѣйшемъ шумѣ. Ни Людовикъ, ни Меттернихъ не думали, что дѣло можетъ дойти до свалки между войсками и народомъ. Между тѣмъ толпы народа запрудили улицы, громко произносимыя рѣчи принимались криками одобренія, съ этими криками смѣшивались возгласы: «долой Меттерниха!», и эти зловѣщіе возгласы подхватывались сотнями голосовъ. Въ это время во дворцѣ къ императору приступали съ двухъ сторонъ двѣ противоположныя партіи: эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ требовали немедленныхъ радикальныхъ уступокъ. Съ другой стороны Людовикъ и Меттернихъ совѣтовали пустить въ ходъ энергическія мѣры. Почему совѣтовалъ это сдѣлать Людовикъ—я не знаю, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Почему добивался этого Меттернихъ—понятно. Онъ слышалъ нелестные для себя крики и началъ понимать, что ему нельзя помириться съ этимъ народомъ, что надо побѣдить его или бѣжать безъ оглядки изъ Вѣны, изъ Австріи, быть-можетъ даже изъ континентальной Европы; кромѣ того онъ началъ понимать, что Фердинандъ, не рѣшившійся оттолкнуть его отъ себя, можетъ, въ минуту крайней опасности, оставить его, отшатнуться отъ него и такимъ образомъ поставить его въ самое затруднительное положеніе; поэтому, совѣтуя императору пустить въ ходъ самыя энергическія мѣры, Меттернихъ, сознательно или инстинктивно, дѣлалъ послѣднюю отчаянную попытку связать неразрывными узами судьбу своей личности съ участью Австріи.

Если бы императоръ Фердинандъ, слѣдуя совѣту Меттерниха, приказалъ подавить возстаніе силой, то правительству необходимо было-бы или побѣдить, или упасть; еслибы правительство побѣдило, то навѣрное вліяніе Меттерниха перевѣсило-бы значеніе всѣхъ противниковъ его личности и его политики. Еслибы правительство упало, то съ нимъ вмѣстѣ упалъ-бы Меттернихъ; но онъ началъ думать, что онъ можетъ упасть даже и въ томъ случаѣ, когда правительство удержится, и потому увлечь правительство вмѣстѣ съ собою ему не казалось особенно страшнымъ. Ухватываясь всѣми силами за императорскую мантію Фердинанда, прячась за эту мантію отъ ярости народа, Меттернихъ увеличивалъ для себя шансы спасенія. Еслибы ему удалось склонить Фердинанда сломить возстаніе военной силой, то можетъ-быть Меттерниху удалось-бы до самой смерти своей остаться государственнымъ канцлеромъ. Но Фердинандъ не рѣшился на крайнія мѣры. Онъ находился въ недоумѣніи, а между тѣмъ каждую минуту приходили съ улицы новыя вѣсти: уступки правительства не приняты... домъ сейма занятъ толпой народа... патруль далъ залпъ по толпѣ... нѣсколько человѣкъ убито... народъ остервенился; «долой Меттерниха!», кричатъ въ одинъ голосъ всѣ недовольные.... Въ это время пришла во дворецъ депутація, состоящая изъ членовъ сейма. Эрцгерцогъ Людовикъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ разсказъ объ уличныхъ событіяхъ, разспросилъ о желаніяхъ народа и отвѣчалъ имъ твердо и спокойно, что «комитетъ разберетъ эти желанія и тогда императоръ рѣшитъ дѣло, какъ слѣдуетъ».

Меттернихъ въ это время прошелъ къ себѣ домой; вѣроятно его не замѣтилъ или не узналъ толпящійся народъ, иначе жизнь его могла-бы подвергнуться самой серьезной опасности; подойдя къ окну своего кабинета, онъ слышалъ, какъ одинъ ораторъ разбиралъ его систему передъ народомъ, и какъ народъ, увлеченный живыми доводами оратора, кричалъ съ возрастающей яростью: «Прочь, прочь Меттерниха!» Эти крики не производили на Меттерниха особеннаго впечатлѣнія; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что терпѣніе Фердинанда лопнетъ, что полиція и войско разметутъ улицы и площади, что ораторъ наспдится гдѣ-нибудь въ острогѣ и что тѣмъ дѣло покончится. А между тѣмъ онъ уже сдѣлалъ еще одну вынужденную уступку; передъ уходомъ своимъ изъ дворца онъ, сообразно съ требованіемъ депутаціи, убѣдилъ императора немедленно назначить комитетъ для составленія конституціи и для произведенія другихъ реформъ, не терпящихъ дальнѣйшаго отлагательства. Но когда Меттернихъ снова отправился во дворецъ, тогда онъ началъ убѣждаться въ томъ, что полиція и войско не задавятъ движенія.

Когда появился государственный канцлеръ, неблаговолившіе къ нему члены императорской фамиліи окружили его со всѣхъ сторонъ и стали просить его подать въ отставку и такимъ образомъ положить конецъ уличнымъ волненіямъ, разразившимся уже сценами насилія и крово-

пролитія; одни указывали ему на жертвы возстанія, другіе говорили, что изъ за одного человѣка нельзя подвергать опасности цѣлую династію.

Меттернихъ обвелъ глазами вокругъ себя. Всѣ окружающіе молчали послѣ того, какъ прошелъ первый приступъ увѣщаній, направленный на Меттерниха его врагами; ни одного слова сочувствія не послышалось ни откуда, ни одного ободрительнаго взгляда не встрѣтилъ вопрошающій взоръ Меттерниха. Даже императоръ, даже эрцгерцогъ Людовикъ не говорили ни слова; Меттернихъ почувствовалъ себя очень одинокимъ; легкая краска пробѣжала по его лицу; онъ едва совладѣлъ съ внутреннимъ волненіемъ, внезапно разыгравшимся въ его груди, и быстрыми шагами прошелъ въ комнату государственной конференціи.

Между тѣмъ депутація приходитъ за депутаціей; въ предмѣстьяхъ Вѣны свирѣпствуетъ разгулявшаяся чернь; депутаты настоятельно требуютъ, чтобы ихъ выслушали, и говорятъ, что они не ручаются ни за что, если до наступленія ночи не будетъ возстановлено спокойствіе.

Эрцгерцогъ Людовикъ призываетъ къ себѣ депутатовъ и узнаетъ отъ нихъ, что народъ попрежнему требуетъ отставки Меттерниха и отступленія солдатъ, пустившихся въ рукопашный бой безъ особеннаго приказанія изъ дворца. Выслушавъ эти требованія, Людовикъ отвѣчалъ сухо, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, и отправившись въ комнату конференціи, предложилъ Меттерниху выдти «къ этимъ людямъ» и сдѣлать имъ тѣ уступки, которыя онъ признаетъ удобными.

Меттернихъ вышелъ къ депутатамъ отъ вѣнской милиціи; за нимъ послѣдовали почти всѣ члены императорской фамиліи; всѣ интересовались знать, что̀ скажетъ и на что̀ согласится государственный канцлеръ. Меттернихъ подошелъ къ одному изъ офицеровъ, положилъ ему руку на плечо и произнесъ слѣдующія слова:

«— Вы—гражданинъ; вѣнскіе граждане отличались всегда и во всѣхъ случаяхъ; имъ было-бы стыдно, еслибы они, въ соединеніи съ войскомъ, не были въ состояніи разогнать уличныхъ буяновъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ офицеръ,—тутъ дѣло не въ буянахъ, въ городѣ происходитъ революція, въ которой принимаютъ участіе всѣ сословія.

— Это неправда, перебилъ Меттернихъ поспѣшно, — итальянцы, поляки и швейцарцы возмущаютъ народъ.

— Ваша свѣтлость, представленныя прошенія подписаны тысячами именъ; вы встрѣтите тутъ и важнаго государственнаго чиновника, и простого ремесленника; еслибы вашей свѣтлости угодно было взглянуть на улицу, то вы убѣдились-бы въ правдивости моихъ словъ.»

Меттернихъ больше не сказалъ ни слова; аудіенція окончилась, но депутацію задержали, боясь, чтобъ она не увеличила раздраженія народа разсказомъ о происходившемъ свиданіи съ властями. Между тѣмъ крики уличной толпы съ каждой минутой становились явственнѣе и громче; и все то-же самое слышалось въ этихъ крикахъ, и все также часто Меттернихъ слышалъ свое имя, и все также мало лестнаго и утѣшительнаго заключалось въ этихъ безпрерывныхъ поминаніяхъ; у бѣднаго старика начинала кружиться голова и звенѣть въ ушахъ; не зная, что̀ дѣлать, онъ объявилъ наконецъ свою готовность уступить всѣмъ требованіямъ народа. Національная гвардія, свобода печати, конституція, все было отдано разомъ; но между тѣмъ и тутъ, уступая во всемъ, уступая безславно передъ открытой силой, Меттернихъ захотѣлъ сохранить внѣшнее благообразіе; исполняя всѣ требованія волнующагося народа, онъ придумалъ другія названія требуемымъ предметамъ, чтобы хоть этимъ заявить инициативу и самостоятельность своего правительства. Вмѣсто «національной гвардіи» онъ далъ «гражданскую милицію» (Bürgerwehr); вмѣсто свободы печати—уничтоженіе цензуры; наконецъ вмѣсто «Constitution»—«Constituirung des Vaterlandes». Меттернихъ отправился въ свой рабочій кабинетъ писать объ этихъ предметахъ указы, которые немедленно должны были быть представлены на подпись императору; дѣлая всѣ эти уступки, онъ забывалъ объ четвертомъ требованіи народа, онъ пропускалъ умышленно мимо ушей тотъ крикъ, который повторялся громче и чаще всѣхъ остальныхъ: «Меттерниха, Меттерниха!» Въ то время, какъ падающій министръ сидѣлъ за столомъ, служебная участь его окончательно рѣшалась въ кабинетѣ императора. Эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ доказывали Фердинанду, что если Меттернихъ останется первенствующимъ министромъ, то всѣ уступки, сдѣланныя правительствомъ, окажутся безполезными и даже не укротятъ народнаго волненія. Императоръ былъ утомленъ шумомъ и сильными ощущеніями, пережитыми имъ съ утра этого дня; ему хотѣлось спокойствія и мира; его ужасали и огорчали до глубины души кровавыя сцены, разыгрывавшіяся на улицахъ его столицы; онъ уступилъ доводамъ своихъ родственниковъ, и удаленіе князя Меттерниха отъ должности государственнаго канцлера почислилось дѣломъ рѣшеннымъ. Пользуясь позволеніемъ императора, эрцгерцогъ Іоаннъ тотчасъ отправился въ кабинетъ Меттерниха и передалъ ему просьбу Фердинанда отказаться отъ занимаемаго мѣста для успокоенія націи и для устраненія тѣхъ опасностей, которымъ подвергается царствующая династія. Меттернихъ получилъ такимъ образомъ фактическое доказательство того, что его дѣятельность положительно вредна. Слова эрцгерцога были произнесены сухо, рѣзко и не допускали возраженій. Государственный канцлеръ выслушалъ ихъ молча. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенно серьезенъ и глубоко опечаленъ. Внутреннія страданія его выразились въ пронической улыбкѣ, которая какъ-то неестественно искривила его блѣдныя губы. Онъ

вышелъ въ комнату аудіенціи, въ которой депутаціи просили свиданія съ императоромъ, чтобы лично просить его объ увольненіи канцлера. Спокойнымъ, ровнымъ, медленно-торжественнымъ шагомъ вышелъ сѣдой министръ на середину залы и сказалъ предводителямъ депутаціи:

«— Милостивые государи, если вы полагаете, что, отказываясь отъ моей должности, я могу принести пользу государству, то я съ радостью соглашаюсь на это.»

Всѣ эти слова были сказаны для благообразія. Меттернихъ не могъ придавать никакого значенія приговору тѣхъ людей, которыхъ онъ за полчаса предъ тѣмъ называлъ уличными буянами. Меттернихъ не могъ съ радостью согласиться на такую жертву, для избѣжанія которой онъ за пять минутъ передъ тѣмъ за своимъ письменнымъ столомъ собирался отречься отъ политическихъ тенденцій, составлявшихъ сущность всей его долголѣтней дѣятельности. Умирающему гладіатору необходимо было принять граціозную позу, и онъ умиралъ, насильственно придавая всей своей фигурѣ выраженіе величаваго и неестественнаго спокойствія.

Предводитель депутаціи отвѣчалъ на слова Меттерниха:

«— Ваша свѣтлость мы не имѣемъ ничего противъ вашей личности, но все — противъ вашей системы, и поэтому мы должны принять съ радостью извѣстіе о вашемъ выходѣ въ отставку.

— Задачею всей моей жизни, заговорилъ снова старый канцлеръ, — было дѣйствовать для блага Австріи всѣми силами, находившимися въ моемъ распоряженіи; если думаютъ, что дальнѣйшее пребываніе мое на этомъ мѣстѣ подвергаетъ это благо какимъ-бы то ни было опасностямъ, то для меня не можетъ быть жертвой сойдти съ этого мѣста. Я слагаю въ руки императора отправленіе моихъ обязанностей. Поздравляю васъ съ новымъ правительствомъ. Желаю Австріи счастья.»

Всѣ эти слова пропадали даромъ: депутатамъ не было никакого дѣла до такой задачи, которую Меттернихъ поставилъ себѣ въ жизни; имъ не было дѣла и до того, съ какими чувствами удалялся государственный канцлеръ съ арены правительственной дѣятельности; ихъ интересовалъ только фактъ удаленія, и они, не заявивъ ему своего сочувствія ни однимъ словомъ, отвѣчали на фразы Меттерниха громкимъ крикомъ торжествующей радости и возгласами: «да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!»

Меттернихъ не рѣшился уйти, не заявивъ еще разъ своего присутствія передъ толпой, собравшейся въ залѣ. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ окружающимъ его людей спокойнымъ, испытующимъ взоромъ и опять заговорилъ:

«— Я предвижу, что распространится ложное убѣжденіе, будто я унесъ съ собою монархію. Противъ подобнаго убѣжденія я торжественно заявляю свой протестъ. Ни у меня, ни у кого другого нѣтъ такихъ широкихъ плечей, на которыхъ можно было-бы унести государство. Если державы исчезаютъ, то это происходитъ только тогда, когда онѣ сами отрекаются отъ себя.»

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ Меттернихомъ въ санѣ первенствующаго министра, сказалось то самообожаніе, которое подъ конецъ политической карьеры составляло его преобладающій недостатокъ; онъ воображалъ себѣ, что всѣ смотрятъ на него такими же глазами, какими онъ самъ смотрѣлъ на себя; онъ воображалъ себѣ, что всѣ видятъ въ немъ воплощеніе монархическаго принципа и думаютъ, что съ его удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ исчезнетъ та идея, которую онъ олицетворялъ въ своей особѣ.

Вѣнская революція не возставала противъ монархическаго принципа; она просто требовала, чтобы правительство посвѣжѣло, обновилось и дѣятельно принялось за пересмотръ и переборку старой административной машины. Она выбросила Меттерниха не какъ представителя принципа, а просто какъ безполезнаго, одряхлѣвшаго старика. Но принять свое паденіе такъ просто было не по силамъ государственному канцлеру: онъ сталъ на ходули, накинулъ на себя драпировку и сошелъ со сцены, какъ герой какой-нибудь ложно-классической трагедіи Расина или Корнеля; а дѣйствительно вѣнская революція едва не кончилась для него трагически. Народъ, узнавшій объ его удаленіи, на другой день утромъ, въ ночь съ 13-го на 14-е марта, разорилъ его загородную виллу и искалъ его съ твердымъ намѣреніемъ убить. Бывшему министру пришлось бѣжать изъ Вѣны въ наемной каретѣ, въ чужомъ платьѣ, почти безъ денегъ; пришлось бѣжать изъ австрійскихъ владѣній, черезъ всю Германію, въ Англію, въ которой онъ нашелъ себѣ безопасное убѣжище вмѣстѣ съ Людовикомъ-Филиппомъ.

О послѣдующихъ годахъ жизни Меттерниха говорить не стоитъ. Къ политической дѣятельности онъ не возвращался, а человѣческая его личность не настолько интересна, чтобы занимать насъ въ психологическомъ или въ какомъ-бы-то ни было другомъ отношеніи. Какъ и что онъ читалъ, какъ принималъ гостей и посѣтителей, какъ смотрѣлъ онъ самъ на политическія событія, совершавшіяся безъ его содѣйствія, какъ онъ можетъ-быть дивился тому, что міръ не сдѣлался жертвой анархіи послѣ его выхода въ отставку,—намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Князь Меттернихъ умеръ въ 1859 году, 11-го іюня, въ тотъ день, когда французы и сардинцы входили въ Миланъ и когда дѣло Меттерниха въ Италіи окончательно разрушилось. Его похоронили послѣ торжественной процессіи 15-го іюня. Впереди его гроба несли на четырехъ черныхъ бархатныхъ подушкахъ его ордена, принадлежавшіе всѣмъ европейскимъ государствамъ, кромѣ Англіи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде.

фія, и что было-бы желательно напечатать въ ней эту статейку. Въ другое время Писаревъ можетъ-быть и отклонилъ-бы подобное предложеніе мало знакомаго человѣка, но, какъ мы говорили, онъ былъ въ такомъ настроеніи духа, въ которомъ человѣкъ не дорожитъ собою и бываетъ даже радъ всякому сильному нервному потрясенію. И вотъ онъ обѣщался Баллоду написать другой разборъ брошюры Шедоферотти, болѣе соотвѣтственный подпольной печати, что онъ и исполнилъ. Разборъ былъ напечатанъ; но вскорѣ затѣмъ Баллодъ былъ арестованъ вмѣстѣ со своей типографіей, а 3-го іюля былъ арестованъ и Писаревъ. Отсидѣвъ по приговору суда въ крѣпости 4 года, Писаревъ по освобожденіи былъ оставленъ въ Петербургѣ, какъ человѣкъ въ политическомъ отношеніи совершенно безвредный, и дѣйствительно, онъ по прежнему углубился въ свою литературную работу и остатокъ своей недолгой жизни провелъ въ мирномъ трудѣ, не только чуждаясь какихъ-либо конспиративныхъ революціонныхъ кружковъ, но и категорически отрицая въ бесѣдахъ съ друзьями всякую пользу дѣятельности этихъ кружковъ.

Если мы обратимся къ его сочиненіямъ и взглянемъ на нихъ безпристрастными глазами, то еще болѣе убѣдимся въ томъ, что, непричастный къ революціонному движенію, Писаревъ и въ сочиненіяхъ своихъ не только не возбуждалъ молодежь въ этомъ направленіи и не толкалъ ее на какой-либо гибельный путь, а напротивъ того отклонялъ ее отъ всякихъ революціонныхъ стремленій и поэтому, еще разъ повторяемъ, возбуждалъ въ людяхъ, пропитанныхъ революціоннымъ духомъ, негодованіе.

Сочиненія Писарева раздѣляются на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ носятъ характеръ естественно-научныхъ компиляцій, вродѣ напримѣръ изложенія философской системы Огюста Конта или же научнаго спора французскихъ ученыхъ по поводу теоріи самозарожденія. Въ такихъ очеркахъ, не имѣющихъ въ виду ничего другого, кромѣ распространенія полезныхъ знаній въ обществѣ, смѣшно и предполагать какія-бы то ни было вредныя идеи, могущія поколебать общественныя основы.

Къ другой категоріи относятся критическія статьи. Вліяніе критика обусловливается, конечно, тѣми идеалами, которые онъ проводитъ въ своихъ статьяхъ. Посмотримте-же, какіе идеалы проводилъ Писаревъ.

Когда вышла повѣсть Помяловскаго «Мѣщанское счастье», радикальная критика не могла иначе взглянуть на героя этой повѣсти Молотова, какъ на узкаго эгоиста, заботящагося только о личной наживѣ и въ своемъ преслѣдованіи буржуазнаго счастья чуждаго всякихъ высшихъ общественныхъ стремленій; одинъ только Писаревъ взялъ Молотова подъ свою защиту, и вотъ какъ онъ къ нему отнесся:

«Никакіе массовые дѣятели будущаго времени, никакіе титаны въ мірѣ не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣніемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность передѣлать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Если-бы Штольцъ былъ возможенъ, то онъ былъ-бы смѣшонъ и гадокъ. Ему надо было-бы дать щелчокъ въ носъ, чтобы онъ слетѣлъ съ пьедестала, на который его суконное рыло не даетъ ему ни малѣйшаго права. Молотовъ, напротивъ того, совершенно возможенъ и очень симпатиченъ своею свѣтлою и тихою грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его безполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что при другихъ условіяхъ, онъ могъ-бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ состояніи. Для этого нужно, чтобы общество, глубоко проникнутое инстинктивнымъ стремленіемъ къ новой жизни, воплотило эти стремленія въ геніальной личности, чтобы эта личность своею дѣятельностью сгруппировала и осмыслила разрозненныя силы многихъ честныхъ и не глупыхъ людей, подобныхъ Молотову, чтобы эти соединенныя силы дружно взялись за работу и превратили инстинктивное стремленіе общества въ разумный планъ и въ живое дѣло. Тогда Молотовъ былъ-бы веселъ и счастливъ. Онъ, быть можетъ, все-таки остался-бы чернорабочимъ; но какое счастье быть чернорабочимъ въ томъ дѣлѣ, которое любишь, уважаешь и понимаешь во всѣхъ его подробностяхъ и послѣдствіяхъ!»

Точно также и позже, когда вышли «Отцы и дѣти» Тургенева, и когда радикальные критики взглянули на Базарова, какъ на каррикатуру на молодое поколѣніе, опять-таки одинъ Писаревъ взялъ Базарова подъ свою защиту и возвелъ его въ олицетвореніе идеала новыхъ людей.—Въ чемъ-же заключается этотъ идеалъ и какими полагаетъ онъ людей, которыхъ считаетъ «новыми»?..

Просматривая рядъ критическихъ статей, въ томъ числѣ и характеристику Базарова, мы видимъ, что эти «новые люди» подъ перомъ Писарева вовсе не являются какими-нибудь революціонерами, мечтающими о какихъ-либо общественныхъ переворотахъ, а напротивъ того, они ни о чемъ не заботятся, какъ лишь о личномъ самосовершенствованіи въ духѣ реализма и распространеніи въ обществѣ полезныхъ, естественно научныхъ знаній.—Болѣе всего уважаетъ Писаревъ Базарова за то, что тотъ живетъ совершенно независимо, весь уходитъ въ свои научные интересы, и ставитъ ему даже въ заслугу, что онъ не только не мечтаетъ объ увеличеніи благосостоянія народа, а напротивъ того смѣется надъ Аркадіемъ за подобныя мечты, и прямо объявляетъ ему, что онъ ненавидитъ всѣхъ этихъ Филипповъ и Сидоровъ, для которыхъ онъ долженъ изъ кожи лѣзть и которые ему даже спасибо не скажутъ.

Передовому человѣку, по мнѣнію Писарева, вовсе не для чего на стѣну лѣзть, заботясь о какихъ-бы то ни было реформахъ и переворотахъ.

«Умная и развитая личность, говоритъ онъ, *сама того не замѣчая*, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость, все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ любить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ-быть начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности»...

Такимъ образомъ Писаревъ является вполнѣ моралистомъ-индивидуалистомъ, раздѣляя со всѣми моралистами свойственную имъ характеристическую черту: именно, ставя на первый планъ самосовершенствованіе личности, они затѣмъ и общественный прогрессъ выводятъ прямо изъ этого личнаго самосовершенствованія, такъ что общественный прогрессъ сводится у нихъ къ простому количественному размноженію носителей ихъ идеала. Подобно тому, какъ Гоголь полагалъ, что крѣпостное право само собою парализуется, когда всѣ помѣщики проникнутся духомъ благочестія, такъ и Писаревъ былъ убѣжденъ, что на землѣ не замедлитъ наступить рай, какъ только все человѣчество обратится въ трезвыхъ реалистовъ базаровскаго типа.

«Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, говоритъ онъ въ заключеніи статьи «Цвѣты невиннаго юмора», если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей... Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно не осуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ... Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣтлая струя живой мысли, которую вноситъ къ намъ зарождающееся естествознаніе».

Однимъ словомъ въ распространеніи естественно-научныхъ знаній Писаревъ видѣлъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и бѣдствій и все сводилъ къ этой панацеѣ. Такъ напримѣръ, главнымъ образомъ ставятъ ему въ вину отрицаніе искуства и значенія Пушкина въ нашей литературѣ. Но не говоря уже о томъ, что весьма сомнительно, чтобы теперь кого-бы то ни было могли смутить эти юношескія увлеченія Писарева, платившаго ими дань своему давно минувшему времени, особенно въ наши дни, когда сочиненія Пушкина распространились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, обратите вниманіе, во имя чего отрицалъ Писаревъ искусство и Пушкина.

Вы скажете—съ тою цѣлью, чтобы молодежь вмѣсто того, чтобы увлекаться изящнымъ, занималась революціей? Ни чуть не бывало: на мѣсто отрицаемаго искусства Писаревъ ставилъ все то-же свое излюбленное естествознаніе, требуя, чтобы беллетристы и поэты, въ томъ числѣ и Салтыковъ, бросили-бы всѣ свои пѣснопѣнія и занялись-бы писаніемъ популярныхъ статей по естествознанію. Подобные совѣты врядъ-ли кого нибудь способны увлечь на какой-бы то ни было «гибельный» путь.

В. И. Писарева.

P. S. Съ 1868 года, послѣ распродажи 1-го изданія «Сочиненій Писарева», они оставались какъ бы погребенными втеченіи цѣлой четверти вѣка и Писаревъ фактически самъ-собою какъ бы вычеркивался изъ исторіи русской литературы. Мнѣніе публики, что переизданію сочиненію Писарева препятствуютъ цензурныя условія нашего времени, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ 10 томовъ этихъ сочиненій никогда не стояли въ спискѣ книгъ, «запрещенныхъ къ обращенію и перепечаткѣ». Тоже самое доказываетъ и безпрепятственное обращеніе вышедшихъ за послѣднее время многихъ изданій, гдѣ собраны лучшія и характернѣйшія статьи наиболѣе выдающихся представителей журналистики 60-хъ годовъ, не только писавшихъ въ одномъ духѣ съ Писаревымъ, но по отношенію къ которымъ Писаревъ можетъ считаться не болѣе, какъ ихъ талантливѣйшимъ *ученикомъ*.

Допускать, при такихъ обстоятельствахъ, что новое изданіе сочиненій Писарева не появлялось у насъ до сихъ поръ вслѣдствіе цензурныхъ препятствій, значило бы предположить возможность со стороны цензурнаго вѣдомства явной неослѣдовательности и чисто личнаго, субъективнаго отношенія къ даровитѣйшему изъ критиковъ давно пережитой нами эпохи. Но такъ могутъ думать только люди, получающіе свои свѣдѣнія о петербургской цензурѣ «отъ вѣрнаго человѣка въ корридорѣ». Настоящія причины 25 лѣтней подспудности сочиненій Писарева имѣютъ вполнѣ *частный* характеръ и не представляютъ собой никакого общественнаго интереса. Въ прошломъ году они были устранены, и сестра знаменитаго критика тотчасъ вошла со мной въ соглашеніе относительно новаго изданія «Сочиненій Писарева», причемъ мы оба находимся въ полной увѣренности, что съ выходомъ этого изданія всѣ нелѣпые толки о «независящихъ отъ насъ» препятствіяхъ къ появленію Сочиненій Писарева черезъ $^1/_4$ вѣка послѣ его смерти разомъ прекратятся.

Ф. Павленковъ.